This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 7. ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

PSlav 4°15.63 (1894)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное**, изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина;* 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова*; 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма,** *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Думасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1** р. **25** к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*; *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

Цѣна **50** к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ,** историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*, и 5) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже распроданы.

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

(Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ).

XXXI.

Въ волнахъ Куры.

Подъ вечеръ того дня, когда Аббасъ-Мирза потерпѣлъ пораженіе подъ Елисаветполемъ, въ Тифлисѣ, въ небольшомъ саду при домѣ князя Чавчавадзе, подъ гранатовымъ деревомъ сидѣли Нина Чавчавадзе и ея пріятельница Магуль, которую теперь уже звали христіанскимъ именемъ—Ольга. Проповѣдь княгини Чавчавадзе, матери Нины, о томъ, что христіане на томъ свѣтѣ, въ загробной жизни, соединяются съ тѣми, кого они любили на землѣ, не могла не подѣйствовать на пылкое воображеніе черкешенки, у которой въ сердцѣ все еще не заглохла первая любовь—любовь къ тому, кто погибъ такъ трагически и, притомъ, отчасти по ея винѣ—и которая, кромѣ того, такъ страстно желала свидѣться съ отцомъ за гробомъ:—она приняла христіанство. Воспріемникомъ ея при крещеніи былъ Грибоѣдовъ, а крестною матерью—княгиня Чавчавадзе. Но перемѣна религіи не принесла ей желаемаго утѣшенія. Сначала новая обстановка, въ которую она попала послѣ своего уединеннаго горнаго аула, кипучая жизнь среди большаго города, новые люди, относившіеся къ ней съ любовью и нескрываемымъ восхищеніемъ, лестное отличіе, которымъ почтили ее не только высшія власти въ Тифлисѣ, но и самъ невѣдомый для нея таинственный «бѣлый падишахъ»,—все это сначала ошеломило юную дикарку, и все, что̀ съ нею совершалось, казалось ей чуднымъ сномъ, одною изъ тѣхъ восточныхъ сказокъ, которыя когда-то съ пламеннымъ краснорѣчіемъ горца разсказывалъ ей отецъ. Ее носили на рукахъ; кормили ее такими яствами, о

которыхъ она въ горахъ и понятія не имѣла; Ниночка привязалась къ ней страстно; съ ней ласково и любовно говорилъ самъ Ермоловъ; ее баловалъ Грибоѣдовъ, котораго она называла: «папа», а онъ ее—«моя дочка Оля». Ей казалась, что она попала въ какую-то очарованную страну.

Но потомъ, мало по малу, очарованіе начало исчезать, яркія краски, въ которыя окрашивалось все,—тускнѣть. Начала ли посѣщать ее тоска по роднымъ горамъ, по этимъ бѣднымъ, сѣрымъ саклямъ роднаго аула, гдѣ она беззаботно провела свое дѣтство среди подругъ-дикарокъ, среди знакомыхъ и дорогихъ душѣ мелодій; тосковала ли она о томъ, кто далъ ей первые восторги любви и безвременно погибъ съ ея послѣднимъ поцѣлуемъ на устахъ,—этого никто не зналъ. Или, быть можетъ, она почувствовала раздвоеніе въ душѣ, послѣ того какъ отреклась отъ вѣры своихъ отцовъ и отдала себя новой вѣрѣ, сущности которой она не могла постигнуть. Всего скорѣе, что эта не сознаваемая ею, а только чувствуемая оторванность отъ чего-то, это перенесеніе свѣжаго горнаго деревца въ новую почву, эта тоска молодаго орленка по своимъ горамъ, по своемъ гнѣздѣ,—все это, безъ сомнѣнія, точило ея душу. Она чаще и чаще стала о чемъ-то задумываться. По цѣлымъ часамъ сидѣла она иногда, грустно глядя на синѣвшіяся верхушки далекихъ горъ, за которыми лежалъ гдѣ-то ея родной аулъ. Нина стала замѣчать, что съ ея любимицей происходитъ что-то непонятное, что личико ея все болѣе и болѣе худѣетъ; но на вопросы—что съ тобою, милая Оля?.. Магуль или ничего не отвѣчала, или грустно улыбалась, говоря:—«Ничего, милая Ниночка». Правда, она нѣсколько оживлялась, галопируя на своемъ конѣ въ окрестностяхъ Тифлиса вмѣстѣ съ Ниною и нукеромъ-джигитомъ, а иногда и въ сопровожденіи Грибоѣдова, который былъ отличнымъ наѣзникомъ; но все же что-то было въ ея поведеніи непонятнымъ. Сегодня она казалась особенно грустною. Нина молча наблюдала за нею, чертя зонтикомъ по песку.

— Нѣтъ, милая Оля, что ни говори, а ты о чемъ-то тоскуешь,—сказала она, взявъ ее за руку. Хотя Нинѣ едва ли исполнилось 14 лѣтъ, но она относилась къ Магуль тономъ старшей сестры къ младшей.

— Можетъ быть, о своихъ родныхъ горахъ?—продолжала Нина, нѣжно гладя руку пріятельницы.—Но вѣдь и кругомъ

насъ все горы. А какъ хорошо шумитъ Кура! Слышишь? А какая тамъ у васъ рѣка, гдѣ ты родилась?

— У насъ Чирахъ-чай,—отвѣчала Магуль, и глаза ея какъ будто нѣсколько оживились.

— А большая? больше Куры?

— Нѣтъ, меньше,—только не такая мутная.

— Такъ ты о своемъ аулѣ скучаешь?—продолжала допрашивать Нина.—Или, можетъ быть, ты все тоскуешь по немъ?—таинственно прибавила она.—Бѣдная Оля! я бы, кажется, умерла съ горя, еслибъ тотъ, кого я люблю, погибъ такъ, какъ твой...

— А ты развѣ любишь кого нибудь?—съ живостью и тревогой спросила черкешенка.

— Люблю,—почти шопотомъ отвѣчала Нина.

— Кого, милая Ниночка?

Но въ это время въ саду послышался голосъ Грибоѣдова. Обѣ дѣвушки встрепенулись.

— Ты что это, Давидъ, пѣлъ сегодня утромъ?—спрашивалъ кого-то Грибоѣдовъ.

— Армянскую пѣсню пѣлъ, барынъ,—отвѣчалъ голосъ съ армянскимъ акцентомъ.

— И хорошая пѣсня, Давидъ?

— У! какая хорошая, барынъ! Такой у васъ и въ Рассыи нэтъ.

— Ой ли? А какъ ея слова?

— Славà, барынъ? И славà очень хорòши—объ одной красавица—у!—какая красавицъ! Слюшай, барынъ:—по русски слова не такъ хороши, какъ по армянски... Вотъ слюшай:

Въ саду роза—на што мэнэ?
Лючче тэбэ—на што мэнэ?
Вихады, сонца,—слюшай мэнэ—
Лючче тэбэ—на што мэнэ!
Губи точно сàхрумъ слядкумъ,
Талья—точно чинарисъ-кхе!
Кускòмъ-кускòмъ òбляки думъ!
Съ писмомъ иду запечатаномъ—
Отъ лубовницамъ...

— Харашо, барынъ?

— Очень хорошо, Давидъ,—просто прелесть! А что жь это значитъ: «кускòмъ-кускòмъ облаки думъ»?

— А эта, барынъ, значитъ:—онъ, лубовникъ, всо думалъ

о своя лубовница: такимъ кускòмъ-кускòмъ думи въ галава лубовника, какъ òблаки—много думи на головѣ!

— Понимаю, Давидъ:—это очень поэтическое сравненіе. А зачѣмъ же онъ идетъ отъ любовницы съ запечатаннымъ письмомъ? Зачѣмъ она дала ему запечатанное письмо?

— А какъ же, барынъ!—штобъ нихто не читалъ писмо—сама лубовница запечатала.

— И сама отдала ему въ руки? Зачѣмъ же печатать?

Давидъ видимо былъ озадаченъ.—«Не знаю, барынъ... такой пѣсня»...

Давидъ былъ добродушный и простоватый малый изъ кутаисскихъ армянъ, и служилъ конюхомъ у Чавчавадзе. Лошадей онъ очень любилъ и ухаживалъ за ними самымъ добросовѣстнымъ образомъ, держалъ ихъ необыкновенно чисто, разговаривалъ съ ними, какъ съ существами, равными съ нимъ по развитію, и вообще холилъ ихъ. За его добросовѣстность и честность, къ нему всѣ относились ласково, и наивная простоватость его была предметомъ всеобщаго надъ нимъ подшучиванья. Но онъ не обижался этимъ, полагая, что когда съ нимъ шутятъ, значитъ—оказываютъ ему вниманіе. Особенно Грибоѣдова забавляла его простоватость, и Давидъ всѣмъ говорилъ, что «барынъ въ очкàхъ его очень лубитъ».

— Такъ «кускòмъ-кускòмъ облаки думъ»?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ снова:—такъ и клубятся любовныя думы?

— Клубяцца, барынъ,—такой пѣсня.

Грибоѣдовъ замѣтилъ дѣвушекъ, которыя шли къ нему навстрѣчу.

— А я къ вамъ,—сказалъ онъ, здороваясь.—Сегодня такой пріятный вечеръ—не жаркій,—что отлично можно было бы покататься за городомъ. Я и Давиду говорилъ объ этомъ, и онъ одобряетъ мое рѣшеніе... Я не зналъ, что онъ не только отличный конюхъ, но и поэтъ. Сейчасъ продекламировалъ мнѣ великолѣпный романсъ въ вольномъ переводѣ.

— Мы слышали,—улыбнулась Нина:—поэтично: талья—точно чинара, а губы—сладкій сахаръ.

— А «облака думъ»?.. кускòмъ-кускòмъ—это очень образно,—шутилъ Александръ Сергѣевичъ.—А что моя дочка?—обратился онъ къ Магуль.—Она что-то блѣдненькая.

Черкешенка, дѣйствительно, была блѣднѣе обыкновеннаго.

Она замѣтила, какъ при появленіи Грибоѣдова лицо Нины выразило что-то такое, чего она прежде не замѣчала на немъ,—потому, быть можетъ, что не наблюдала. А теперь она что-то уловила на лицѣ своей подруги. Уловила она что-то и въ глазахъ своего крестнаго отца, въ близорукомъ взорѣ, брошенномъ имъ на Нину. Она поняла это своимъ женскимъ чутьемъ, и сердце ея мучительно сжалось. Она вспомнила, что такимъ взоромъ смотрѣлъ на нее когда-то тотъ, кто погибъ подъ развалинами минарета въ Чирахѣ... «Къ нему бы, къ нему бы скорѣй»,—болѣзненно шевельнулось у нея въ душѣ,—и она до боли сжала свои руки.

— Да, наша Оля что-то скучаетъ,—сказала Нина.—Или она тоскуетъ по своимъ горамъ, или—ужь я не знаю что...

И Грибоѣдовъ подумалъ, что едва ли не напрасно этотъ нѣжный цвѣтокъ вырвали изъ родной почвы. Но какъ поправить разъ сдѣланную ошибку? Ему необыкновенно жаль стало этого милаго существа.

— Бѣдная моя дочка,—нѣжно сказалъ онъ, глядя на нее,—грустишь по горамъ?

— Нѣтъ... не знаю, папа,—тихо отвѣчала она.

— Такъ поѣдемъ кататься—это тебя развлечетъ,—ты же такъ любишь верховую ѣзду,—проговорилъ Грибоѣдовъ, взявъ дѣвушку за руку; но въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что все это безполезно, потому что давно сталъ замѣчать, какъ непонятная душевная болѣзнь подтачивала это бѣдное, нѣжное созданіе.

Можетъ быть, еслибъ она сама могла анализировать свои душевныя муки или хоть бы съумѣла выразить ихъ словами, ей было бы легче; но родныя горы не научили ее разбираться въ своихъ чувствахъ—они непосредственно ложились ей на душу, и она, какъ въ бреду горячки, могла только метаться, какъ мечется больной ребенокъ.

Если даже развитые люди чувствуютъ иногда надъ собою такой гнетъ тоски, что не знаютъ, какъ спастись отъ самихъ себя, отъ своихъ думъ, то насколько тяжеле должно чувствовать себя безпомощное дитя природы, оторванное отъ своей почвы, отъ своей религіи, и притомъ съ такими требованіями сердца, которыхъ она и не смѣла обнаружить, и не съумѣла бы выразить словами?

Грибоѣдовъ понималъ только часть того, что чувствовала

дѣвушка—оторванность отъ почвы; но объ остальномъ онъ не могъ и догадываться.

— Такъ ѣдемъ кататься, милая дочка? — повторилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Ѣдемъ,—тихо отвѣчала Магуль.

Черезъ полчаса всѣ трое были уже за городомъ, галопируя по берегу бурной и мутной Куры. Вечерѣло. Солнце уже опускалось къ горамъ, и тѣни всадниковъ, бросаемыя на кремнистую дорогу, все болѣе и болѣе удлинялись.

— Мнѣ бы слѣдовало не здѣсь быть теперь, — заговорилъ Грибоѣдовъ,—а я вотъ съ дѣвочками катаюсь.

— А гдѣ же?—спросила Нина.

— При войскѣ, у стремени своего воинственнаго родственника Паскевича:—можетъ быть, онъ теперь мѣряется силами съ Аббасъ-Мирзою, а я вотъ тутъ разыгрываю изъ себя дамскаго кавалера.

— Но вѣдь вы не могли ѣхать съ Паскевичемъ; вы были больны,—возразила Нина.

— Да, но теперь я здоровъ... Впрочемъ, развѣ мало убилъ я времени, когда безобразничалъ въ Литвѣ!

— Вы безобразничали?—удивилась Нина.

— Да еще какъ! Когда васъ и не было на свѣтѣ, а нашъ полкъ стоялъ въ Литвѣ, чего я не продѣлалъ отъ скуки, молодечества, изъ озорства! Вспомнить стыдно. Я не говорю ужь о тѣхъ пакостяхъ, которыя мы, молодые офицеры, творили съ евреями—и въ бочки съ дегтемъ окунали ихъ, а потомъ валяли въ пуху и перьяхъ, и къ вербамъ подвѣшивали, говоря, что это «на вербахъ груши». Мы безобразничали и съ поляками. Прослышимъ, бывало, что у такого-то пана балъ, мы и являемся верхомъ среди танцующихъ, иногда на лошадяхъ въѣзжали во второй этажъ... А что я дѣлалъ въ костелѣ! Вы знаете, что я порядочно играю на фортепіано. Вотъ, бывало, и стану играть на органѣ, во время мессы, вмѣсто органиста; всѣ усердно молятся, — месса такая торжественная, органъ подъ моими пальцами дышетъ молитвенно, величаво; молящіеся плачутъ, ударяютъ себя въ грудь... И вдругъ въ самую торжественную минуту я начинаю играть «Комаринскую»! Вообще я глупо и безобразно провелъ молодость. Потомъ эта глупая дуэль...

— А вы и на дуэли дрались?—заинтересовалась Нина.—Съ кѣмъ?

— Съ Якубовичемъ,—вотъ и слѣды дуэли.

И Грибоѣдовъ показалъ руку съ однимъ сведеннымъ пальцемъ.

— Такъ что,—продолжалъ онъ,—не выпроводи меня родные сюда, на Кавказъ, я, быть можетъ, продолжалъ бы и до сихъ поръ вести безобразную жизнь.

— А страшно на дуэли?—спросила Нина.

— Конечно, страшно, — хоть фанфаронство и заставляетъ показывать видъ, что ничего не боишься. Впрочемъ, отъ страха, отъ трусости можно себя отчасти отучить, и до нѣкоторой степени на Кавказѣ отъучилъ себя.

— Какъ же это, Александръ Сергѣевичъ, — поинтересовалась Нина.—Я бы тоже хотѣла отучить себя отъ трусости. А то я летучихъ мышей боюсь.

— Напрасно: онѣ такія хорошенькія, — улыбнулся Грибоѣдовъ.—А къ пулямъ и ядрамъ я таки пріучилъ себя. Признаюсь, мнѣ стыдно было дрожать передъ ядрами, то есть передъ возможностью смерти; я въ первой же битвѣ сталъ въ то мѣсто, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мною число выстрѣловъ, потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Послѣ этого я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я сначала чувству страха—оно бы усилилось утвердилось во мнѣ:—тогда я былъ бы мученикомъ своего собственнаго воображенія.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они совсѣмъ забыли о Магуль. Бѣдная дѣвушка видѣла это, какъ видѣла тоже и прежде.—«Я чужая всѣмъ, чужая, никому не нужна... А тотъ, кто любилъ меня,—ушелъ навѣки». Она вспомнила послѣднюю лунную ночь, когда онъ приходилъ къ ней на свиданье.—Что это была за ночь!—какія были ласки, какое блаженство!.. И ей мучительно захотѣлось его видѣть... «На томъ свѣтѣ... Гдѣ же этотъ другой свѣтъ»?.. И что же онъ самъ ни разу не пришелъ къ ней?—Только во снѣ онъ иногда и ласкалъ ее; а теперь и во снѣ давно не приходитъ. «На томъ свѣтѣ»... Но какъ перейти на тотъ свѣтъ?—Ждать смерти?—Но ждать такъ тяжело, такъ долго... Вонъ они разговариваютъ, имъ весело, и они не думаютъ о ней... Зачѣмъ ждать?—Развѣ нельзя сразу

перейти на тотъ свѣтъ?.. «Тамъ такъ свѣтло, такъ радостно»,—говоритъ Саломэ Ивановна, ея крестная мать.—Только страшно, страшно!—А ждать еще страшнѣй...

Топотъ коней отдается такъ гулко въ вечернемъ воздухѣ. На горы и на бурную Куру тѣни ложатся все гуще и гуще. Магуль посмотрѣла на горы, задернутыя дымкою сумерекъ. Тамъ ея родной аулъ. Она, кажется, видитъ эти сѣрыя сакли, плоскія кровли и себя на одной изъ кровель. Рядомъ съ редутомъ возвышается мечеть и минаретъ. Теперь отъ минарета остались только груды камней. Но тогда минаретъ былъ цѣлъ и его такъ ярко освѣщала луна... А это послѣднее свиданіе... Зачѣмъ послѣднее, когда она можетъ увидѣть *его* сейчасъ—вотъ только прыжокъ въ бурную Куру и—она съ *нимъ*!

— Да, это тогда, когда я остригла себѣ рѣсницы?—послышался ей голосъ Нины.

— Да,—отвѣчалъ голосъ Грибоѣдова.

— Такъ зачѣмъ же меня дразнилъ Ермоловъ?

— Онъ не дразнилъ, а только шутилъ съ вами, какъ съ ребенкомъ... Онъ любовался вашими рѣсницами—вѣдь онѣ у васъ восхитительны...

Магуль вздрогнула, и сильнымъ ударомъ хлыста подняла на дыбы свою лошадь. Непривычное къ ударамъ животное, закусивъ удила, бѣшено бросилось впередъ. Магуль не удерживала. Хотѣла ли она забыться въ безумной скачкѣ, задушивши въ себѣ волновавшія ее чувства, или ею руководило какое либо иное побужденіе, но только она не видѣла или не хотѣла видѣть, какъ бѣшеное животное неслось прямо къ обрыву, подъ которымъ бурлили мутныя волны Куры...

— Магуль! Магуль! — донесся до нея испуганный голосъ Грибоѣдова.

Но было уже поздно. Обезумѣвшее животное ринулось прямо въ Куру съ высоты нѣсколькихъ сажень. И лошадь, и дѣвушка исчезли подъ водой.

XXXII.

Увольненіе Ермолова.

Побѣда, одержанная Паскевичемъ подъ Елисаветполемъ, и одержанная притомъ противъ его воли, единственно лишь вслѣд-

ствіе настояній Мадатова и Вельяминова, эта неожиданная для петербургскаго генерала побѣда имѣла такія послѣдствія, какихъ никто не ожидалъ. Она погубила Ермолова—и погубила навсегда.

— Удалось кошкѣ спрыгнуть съ печки, и она вообразила себя львомъ,—говорилъ Мадатовъ при первомъ свиданіи съ Ермоловымъ.

— Да,—улыбнулся Ермоловъ:—но безъ твоей помощи эта хитрая кошка и съ печки не съумѣла бы спрыгнуть.

— Я что!—скромно возразилъ Мадатовъ:—тутъ все сдѣлали наши несравненные солдатики—эти «дяди Назарычи» да «гаврилычи».

Между тѣмъ, кошка уже «блудила» въ Петербургѣ при помощи своихъ ядовитыхъ доносовъ и при содѣйствіи прибывшихъ изъ Петербурга матушкиныхъ сынковъ и разныхъ «братцевъ», лакомыхъ до готовыхъ лавровъ.

Съ конфиденціальнымъ письмомъ такого «братца» явился однажды утромъ въ главный штабъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ и прямо прошелъ въ кабинетъ начальника этого штаба, Ивана Ивановича Дибича. Поздоровались.

— Что новенькаго?—спросилъ Дибичъ.

— Да вотъ пріѣхалъ поблагодарить васъ за брата, котораго вы столь любезно рекомендовали Ермолову, — отвѣчалъ Бенкендорфъ, лукаво улыбаясь.

Дибичъ зналъ эту улыбку.—А что?—спросилъ онъ.

— Да то, почтенный Иванъ Ивановичъ, что нашъ «великій человѣкъ» надѣлаетъ Россіи великихъ хлопотъ, — отвѣчалъ Бенкендорфъ, разумѣя Ермолова подъ ироническою кличкой «великаго человѣка», и вынулъ изъ своего портфельчика пакетъ.—Это братъ мнѣ пишетъ,—и я, прежде чѣмъ доложу обо всемъ выше, счелъ долгомъ поставить объ этомъ въ извѣстность васъ, какъ начальника главнаго штаба. Вамъ извѣстно, что Паскевичъ, послѣ пораженія Аббасъ-Мирзы подъ Елисаветполемъ, намѣревался двинуться въ глубь Персіи, но Ермоловъ не пустилъ его далѣе, изъ опасенія увидѣть побѣдные лавры не на своей прекрасной юпитеровской головѣ, и отложилъ походъ до весны или до лѣта. Но—пишетъ братъ — «мысль открыть кампанію лѣтомъ обезкураживаетъ всѣхъ, и упадокъ духа начинаетъ уже смѣнять ту пылкость, которая одушевляла пре-

красныя войска, горѣвшія нетерпѣніемъ оправдать надежды государя. Самые усердные приверженцы Ермолова въ недоумѣніи; порядочные офицеры громко ропщутъ на него, тѣмъ болѣе, что не видятъ конца непріятностямъ, въ которыя ставитъ ихъ несогласіе между двумя начальниками; солдаты жалуются на недостатокъ во всемъ, между тѣмъ они могли бы идти впередъ. О, мой милый братъ!—пишетъ онъ дальше:—такъ дѣло не можетъ идти и не пойдетъ,—я вамъ это предсказываю. Съ императоромъ здѣсь дурно поступили, и меня всякій день выводитъ изъ себя это сплетеніе глупости и особенно хитрости, похищающихъ у государя одну изъ прекрасныхъ страницъ, которая могла бы украсить исторію подвиговъ государства. Всему этому нѣтъ имени и обо всемъ получаешь настоящее, истинное понятіе, только видя собственными глазами, что здѣсь дѣлается. Прежде всего—находящіеся здѣсь не имѣютъ понятія о веденіи войны, что они и доказали, а Ермоловъ боится, чтобы кто нибудь не прославился помимо его иниціативы. Все, что здѣсь происходитъ, дѣлаетъ меня больнымъ, такъ какъ я вижу, что здѣсь все устроено такъ, чтобы ничего не дѣлать и обманывать императора насколько то возможно. Усердіе истинно-преданныхъ государю людей будетъ, наконецъ, парализовано; всѣ прибыли сюда одушевленные самымъ воинственнымъ духомъ, но всякій видитъ теперь, что, будучи далеко нежеланнымъ, дѣлается предметомъ зависти и наговоровъ тому, который долженъ всѣми управлять».

— «Это фигляръ — jongleur—продолжалъ читать Бенкендорфъ, видя угрюмое молчаніе Дибича:—фигляръ, распустившій всю административную машину и допустившій множество злоупотребленій исключительно вслѣдствіе своего характера. Ермолову нужны только свои созданія, слѣпые поклонники воображаемаго имъ въ себѣ таланта и распространители его славы. Такая фальшь продолжалась до той рѣшительной минуты, пока не наступило время осуществленія идей, и тогда этотъ «великій человѣкъ», который жаждалъ только поклонниковъ, очутился въ глазахъ свѣта въ состояніи человѣка, близкаго къ могилѣ»...

— Но онъ далеко не смотритъ въ могилу,—какъ бы про себя замѣтилъ Дибичъ.—Извините—я слушаю.

— «Ce grand homme—продолжалъ Бенкендорфъ—ne quit-

tera la partie que quand on le mettra décidément à la porte— пока его не вышвырнутъ за дверь, какъ онъ того заслуживаетъ. Это, какъ кажется, человѣкъ безъ всякаго чувства, жаждущій одной власти, какою бы цѣною она ни досталась, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ все, чтобы потерять ее, какъ въ административномъ, такъ и въ военно-политическомъ отношеніяхъ, ибо никогда тегеранскій дворъ не согласится имѣть съ нимъ дѣло. Ермоловъ убилъ во всѣхъ патріотическій порывъ, и я васъ прошу подумать и принять къ свѣдѣнію, что мы не совершимъ ничего выдающагося, пока здѣсь Ермоловъ, пока ему будетъ предоставлено все дѣло или пока его не свяжутъ по рукамъ. Я говорю вамъ не отъ себя только одного, но высказываю чувства всѣхъ, кто только преданъ императору, желаетъ ему блага и хочетъ служить ему. Тѣ, которые набили себѣ карманъ, думаютъ только о томъ, чтобы имъ сохранили Ермолова, сдѣлавшагося для нихъ государемъ и отечествомъ. Погода стоитъ здѣсь превосходная, на персидскихъ горахъ нѣтъ ни капли снѣга, а еслибъ даже онъ и былъ, развѣ не нашлось бы русскихъ рукъ, чтобъ его расчистить,—это просто скандалъ, и время начинать бой».

— Что вы на это скажете, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ?—спросилъ Бенкендорфъ, кончивъ читать.

Дибичъ молча пододвинулъ къ себѣ пачку бумагъ и вынулъ изъ нея одинъ исписанный листъ.

— А вотъ что мнѣ пишетъ о Ермоловѣ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ,—сказалъ онъ, слегка щелкая пальцемъ по бумагѣ:—«Ce qui fait jusqu'à présent marcher cette administration, c'est la confiance que l'on porte à la parole et à la justice du général Ermoloff, et la crainte que l'on en a; malgré cela on pourrait le taxer quelquefois de faiblesse plutôt que de trop grande sévérité. Je crois que dans cette occasion il fallait plus d'exemples de punitions qu'il n'en a donnés».

— Какъ согласить эти разнорѣчія и какъ доложить государю одну оцѣнку Ермолова, не доложивъ другой?—говорилъ Дибичъ, кончивъ читать и глядя на своего собесѣдника. — А государь долженъ знать истину.

— Конечно,—согласился Бенкендорфъ.

— Мало того,—добавилъ Дибичъ,—есть основаніе подозрѣвать, что Ермолова дразнятъ, какъ быка краснымъ флагомъ

торреадора, доброжелатели Паскевича, и этотъ послѣдній думаетъ совсѣмъ убрать съ арены свирѣпаго быка.

— Очень можетъ быть; но вспомните, что̀ пишетъ мой братъ,—возразилъ Бенкендорфъ.

— Согласенъ; но, по словамъ князя Долгорукова, свирѣпый быкъ оказывается менѣе свирѣпымъ, чѣмъ нападающій на него торреадоръ. Князь Долгоруковъ пишетъ, между прочимъ:—«генералъ Ермоловъ, которымъ я былъ вначалѣ дурно принятъ (понятно — не соглядатай ли?)' но который постепенно перемѣнилъ свое мнѣніе, далъ мнѣ довольно щекотливое порученіе, доказывающее, однако жь, его довѣріе ко мнѣ... Оно заключалось въ томъ, чтобы я отправился къ генералу Паскевичу и постарался водворить между ними согласіе, которое казалось совершенно потерянным. Я выступилъ съ полкомъ казаковъ полковника Шамшева и двумя орудіями, которыя должны были усилить отрядъ Паскевича. Я провелъ тамъ три недѣли, въ продолженіе которыхъ всѣ мои старанія были употреблены на то, чтобы возстановить дружескія отношенія между двумя генералами, но довѣріе было уже потеряно, и всѣ мои попытки и заботы были почти что безплодны».

— Да,—сказалъ Бенкендорфъ, выслушавъ эту часть письма:—Ермоловъ и Паскевичъ скорѣе напоминаютъ собою двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ.

— И вы полагаете, что ихъ обоихъ слѣдуетъ оттуда рогатиной?—спросилъ быстро Дибичъ.

Хитрый шефъ жандармовъ сразу «проникъ» въ душу начальника главнаго штаба.—«А, голубчикъ!—ты самъ хочешь быть этой рогатиной»,—сразу сообразилъ онъ.

Кончилось тѣмъ, что Бенкендорфъ перехитрилъ Дибича:—послѣдняго отправили въ Тифлисъ не въ качествѣ рогатины, а въ замаскированной роли главнаго «ока свыше». Будучи уже въ Тифлисѣ, Дибичъ получилъ письмо императора, въ которомъ говорилось: «признаюсь вамъ, что я очень радъ de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues. Я надѣюсь, что вы не допустите закрыть себѣ глаза этому человѣку, для котораго ложь есть добродѣтель, когда она ему полезна, и который дурачитъ помощниковъ, коихъ ему даютъ... Приказомъ завтрашняго числа я назначаю Паскевича на мѣсто Ермолова со всѣми его правами.

Да благословитъ Господь этотъ важный шагъ и да дастъ намъ всѣмъ силы и разумъ. По полученіи этого письма, вы сообщите мнѣ всѣ возможныя подробности о томъ, какъ все обойдется; только безъ шума, скандала и насилія. Я положительно запрещаю всякое оскорбленіе и дѣлаю васъ въ этомъ отвѣтственнымъ; пусть все совершится avec dignité et dans la stricte règle du service».

Ермоловъ былъ уволенъ. Наканунѣ отъѣзда изъ Тифлиса, онъ зашелъ къ Чавчавадзе проститься съ Саломэ Ивановной и съ Ниночкой. Изъ передней онъ услышалъ звуки знакомой мелодіи. Нина и Грибоѣдовъ играли въ четыре руки любимую Ермоловымъ пьесу Огинскаго.

Алексѣй Петровичъ былъ спокоенъ, но грустенъ.

— Вамъ много повредилъ Пушкинъ,—сказалъ, между прочимъ, Грибоѣдовъ.

— Чѣмъ?—удивился Ермоловъ.

— А тѣмъ, что вашу славную дѣятельность воспѣлъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»... Этого никогда не простятъ вамъ ни Дибичи, ни Паскевичи, ни Бенкендорфы,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— Я сейчасъ только декламировала это мѣсто Александру Сергѣевичу, — замѣтила Нина.—Какъ это восхитительно!—И она съ чувствомъ прочла наизустъ:

Но се—Востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ...
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы...

У Ермолова на глазахъ блестѣли слезы... «Нюся! милое, доброе дитя!—дайте поцѣловать ваши глазки и чудныя рѣсницы, которыя вы когда-то безбожно остригли»...—И Ермоловъ поцѣловалъ свою любимицу.

XXXIII.

Плетневъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь—на Стрѣлкѣ.

На балконѣ дачи Петра Александровича Плетнева на Крестовскомъ островѣ, яснымъ вечеромъ, сидѣли въ качалкахъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ. Балконъ выходилъ на Невку, по которой то тамъ, то здѣсь скользили ялики съ катающимися или спѣшившими на Елагинъ, на аристократическую и дипломатическую тогда Стрѣлку, на point'е. По Крестовскому мосту также гремѣли экипажи аристократіи, стучали копыта лошадей подъ всадниками и амазонками. Это было въ концѣ мая 1828 года.

Передъ Плетневымъ лежала раскрытая тетрадь, которую онъ читалъ вслухъ. Пушкинъ нервно теребилъ правую бакенбарду, а авторъ «Горя отъ ума» угрюмо молчалъ.

— Но я нахожу это очень слабымъ,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ, оставляя въ покоѣ бакенбарду.

— Только не бездарнымъ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, милѣйшій Плетневъ, ты даже въ Булгаринѣ находишь поэзію,—улыбнулся Пушкинъ.

— И Булгаринъ не бездаренъ, — мягко возражалъ Плетневъ:—только муза его...

— Не Аполлону сродни, а Бенкендорфу!—засмѣялся авторъ «Онѣгина».

Грибоѣдовъ всталъ съ качалки, подошелъ къ столу, на которомъ лежала тетрадь, взялъ ее и сталъ перелистывать.

— Но Гоголь былъ, не забудьте, мальчишкой, когда онъ это писалъ, — пояснилъ Плетневъ, принимая тетрадь, молча поданную ему Грибоѣдовымъ.—Этотъ юноша положительно даровитъ, — продолжалъ онъ: — какая богатая фантазія, какія краски! Ну, вотъ хоть бы это мѣсто—послушайте.

И Плетневъ сталъ читать медленно, нѣвуче:

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля!
Аѳины, къ вамъ въ жару чудесныхъ трепетаній
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхина, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллига...
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ...

— Это что такое?—оборвалъ чтеца Пушкинъ:—«Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ»!—Да это безграмотно, нелѣпо! Можетъ быть, по хохлацки это и хорошо—«переселять въ немъ рѣзцомъ»—да зачѣмъ же русскую грамматику оскорблять! Она все же дама.

— Положимъ, это неловкая строфа, — согласился Плетневъ,—но вотъ дальше, тутъ много поэзіи.—И Плетневъ продолжалъ:

И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса;
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дальнемъ мірѣ слово,
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройный шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ...

— Валитъ,—покачалъ головою Пушкинъ:—«весна̀ катѝтъ зимȕ валѝтъ»... Ну—ну, продолжай.

Плетневъ продолжалъ:

Стихи Софокловы порывисто звучатъ,
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія... Не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ...
Какъ жарки тѣ уста, какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри, какъ нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь...

— Помилуй!—вскочилъ Пушкинъ: — «какъ нибудь волнуясь»... Да отъ эдакой поэзіи можно «какъ нибудь» и съ ума спятить... Что̀ это за поэма? Да и самое названіе ея дико звучитъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ»—чуть-чуть не Кюхельбекеръ. И

со стихомъ онъ не умѣетъ справиться, да еще разводить эту старинную патоку—идиллію... Ей-богу, не время. Еслибъ жива была «Бѣдная Лиза», то и у нея теперь коса была бы сѣдою.

— Да, — согласился и Грибоѣдовъ:—вся эта поэма отзывается заднимъ числомъ, если можно такъ выразиться,—слащавымъ романтизмомъ.

— Кислятиной съ патокой, — подтвердилъ Пушкинъ.—А вѣдь у самого этого хохлика, у этого Гоголя—прорва юмору: онъ такъ и брызжетъ этими своими хохлацкими жартами. Онъ, кажется, боготворитъ тебя,—обратился Пушкинъ къ Плетневу:—скажи ему, чтобъ онъ бросилъ поэзію—она не пристала къ его длинному носу, и пусть онъ покажетъ намъ своихъ хохловъ, хоть бы вотъ тѣхъ пріятелей, что поссорились изъ-за «гусака».

— Это Иванъ Иванычъ и Иванъ Никифоровичъ?—улыбнулся Плетневъ.—Но я боюсь давать ему совѣты: онъ ужасно самолюбивъ и, вдобавокъ, скрытенъ.

— Ну, а объ его «Ганцѣ Кюхельгартенѣ» я одно могу сказать,—засмѣялся Пушкинъ:

И Кюхельгартенно, и тошно.

Засмѣялся и Плетневъ. Рѣчь шла о первомъ литературномъ произведеніи будущаго автора «Мертвыхъ душъ» — о «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». Эта поэма написана Гоголемъ въ 1827 году, когда автору не было еще 19-ти лѣтъ. Въ 1829 году она была напечатана подъ псевдонимомъ В. Алова. Извѣстно, что вскорѣ по отпечатаніи этой книги Гоголь вполнѣ убѣдился въ томъ, какъ неудачно выступилъ онъ на литературное поприще, и потому поспѣшилъ собрать по возможности всѣ экземпляры несчастной идилліи, и самъ ее сжегъ. Книга эта уже сорокъ лѣтъ назадъ считалась библіографической рѣдкостью, и потому пишущій эти строки, не имѣя возможности пріобрѣсти такое рѣдкое произведеніе геніальнаго друга Пушкина, списалъ его съ экземпляра, хранившагося въ библіотекѣ Крашенинникова, бывшей Смирдина.

— А вотъ и самъ онъ легокъ на поминѣ,—тихо сказалъ Пушкинъ, указывая на молодаго человѣка, медленно приближавшагося къ дачѣ Плетнева.

Петръ Александровичъ поспѣшилъ спрятать въ столъ объемистую рукопись «Ганца Кюхельгартена».

— Только ужь ты, пожалуйста, не обижай моего хохлика,— сказалъ онъ Пушкину: — вѣдь ты словомъ можешь зарѣзать человѣка.

— Да я что? я его даже очень люблю; онъ мастеръ разсказывать про глупости потомковъ Мазепы,—отвѣчалъ Пушкинъ.

На балконѣ скоро показался Гоголь. Это былъ еще совсѣмъ юноша. Ему только что минуло двадцать лѣтъ. Наружность его была самая ординарная, а необыкновенно длинный носъ совсѣмъ, повидимому, не гармонировалъ съ выраженіемъ умныхъ, какъ бы плутоватыхъ глазъ, ни со щеголеватою внѣшностью. Плетневъ подошелъ къ нему и ласково протянулъ руку. Пришедшій поздоровался съ Пушкинымъ и съ Грибоѣдовымъ—съ послѣднимъ болѣе церемонно.

— Ну, что̀ подѣлываетъ вашъ пасѣчникъ, Рудой Панько̀?— весело спросилъ Пушкинъ.

— Да теперь, вѣроятно, рои новые ловитъ; теперь пчелѣ самая пора роиться,—отвѣчалъ пришедшій.

— А онъ грамотный у васъ?

— Немножко грамотный, писать умѣетъ.

— Вотъ бы вы, Николай Васильевичъ, посовѣтовали ему записать свои разсказы.

— Попробую,—нехотя отвѣчалъ Гоголь.—А знаете, Петръ Александровичъ, кого я встрѣтилъ?—обратился онъ къ Плетневу.

— А кого?

— Булгарина; онъ шелъ съ какимъ-то важнымъ генераломъ и такъ ласково заглядывалъ ему въ глаза, что сейчасъ напомнилъ мнѣ нашего цыгана.

— Какого цыгана?—спросилъ Пушкинъ, догадываясь, что у Гоголя на умѣ какая нибудь жа̀рта.

— Цыгана спросили: «цыгане, якой ты виры»?—А якой вамъ треба?

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ всѣхъ.

— А читали, ка̀къ онъ меня отдѣлалъ въ «Сѣверной Пчелѣ»?—спросилъ Пушкинъ.

— Читалъ... Такъ отдѣлалъ, какъ тотъ литвинъ москаля,— коварно улыбнулся Гоголь.

— Какой литвинъ?—удивился Пушкинъ.

— Да литвинъ разсказывалъ, какъ онъ отдѣлалъ москаля: подрались они: «ёнъ—говоритъ литвинъ—меня обухомъ, а я яво лàпцёмъ, лàпцёмъ!.. Та що жь бы вы думали? Мене повезли, якъ пана, а ёнъ побѣжавъ, якъ собака»...

Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на комическій разсказъ юнаго хохла; а между тѣмъ самъ разсказчикъ хоть бы улыбнулся; лицо его выражало какую-то затаенную, невысказанную мысль.

— Удивляюсь, какъ онъ не задохнется въ этой атмосферѣ лжи и доноса,—сказалъ, помолчавъ, Пушкинъ.

— Это Булгаринъ?—спросилъ Плетневъ.

— Да... Неужели его самого не тошнитъ отъ собственной мерзости?

— Втянулся, какъ тотъ «дѝдько» въ «смòлу»,—въ деготь,— какъ бы про себя замѣтилъ Гоголь.

— Какой «дѝдько»?—спросилъ Пушкинъ.

— Да тотъ, что̀ слушалъ проповѣдь у ксендза:—не упивайтеся—говоритъ ксендзъ—виномъ, а то на томъ свѣтѣ будете пить смòлу (деготь). А одинъ дядько слушалъ, слушалъ, да прямо изъ костела въ дегтярню:—а дайте—говоритъ—мнѣ каврàтку смолы.—Дали ему. Выпилъ одну!—Погано—говоритъ—але жь не дуже.—Выпилъ другую, разсмаковалъ, и говоритъ:—що гиркò, то гиркò; що погано, то погано, а все жь немà чого журитися: якъ втягнеться человѣкъ, то й те буде пити.— Вотъ такъ и Булгаринъ.

— Втянулся, значитъ? — засмѣялся Пушкинъ: — именно втянулся.

Онъ глянулъ на Гоголя, а у того хоть бы мускулъ на лицѣ дрогнулъ.

«Странный человѣкъ»,—подумалъ онъ:—«что-то въ немъ сидитъ, а что̀ именно—не пойму»...

— А я думалъ, что пойдете на Стрѣлку любоваться закатомъ солнца въ море, — сказалъ Гоголь, обращаясь къ Плетневу.

— То есть въ лужу, вы хотите сказать?—улыбнулся Пушкинъ, сверкнувъ своими арапскими глазами.

— Для насъ, не видавшихъ настоящаго моря, и лужа — море,—отвѣчалъ Гоголь.—Я говорю собственно о себѣ. А вы

его видѣли, и съ какою поэтическою грустью прощались съ нимъ...

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Все лицо Гоголя преобразилось, когда онъ декламировалъ это; голосъ его слегка дрожалъ.

— А въ самомъ дѣлѣ пойдемте, — торопливо заговорилъ Пушкинъ.—Да, я не забуду этого моря, хоть и бродилъ по берегамъ его изгнанникомъ...

— Какъ Овидій,—прибавилъ Плетневъ и тоже продекламировалъ съ паѳосомъ:

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ...

— А какой это былъ «завѣтный умыселъ»?—спросилъ онъ, глядя въ глаза поэту.

Пушкинъ отвернулся и взялъ шляпу.

— Идемъ!—отрывисто сказалъ онъ.

Всѣ вышли и направились къ Елагинскому мосту. Грибоѣдовъ упорно молчалъ.

— Ты что такой пасмурный, Александръ Сергѣевичъ? — обратился къ нему Пушкинъ.—Точно сожалѣешь, что тебя назначили посланникомъ въ Персію.

— Я не сожалѣю, но не могу и не думать о томъ, что̀ ждетъ меня тамъ,—тихо отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— Что̀ же можетъ ждать тебя тамъ?—спросилъ Пушкинъ.

— Vous ne connaissez pas ces gens là, — отвѣчалъ Грибоѣдовъ по французски (они проходили въ это время мимо коннаго жандарма, стоявшаго при входѣ на мостъ).

— Et bien! pourquoi?—спросилъ Пушкинъ.

— Oh! vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux [1]).

— Съ русскими?

— Сначала сами съ собой, а потомъ и съ русскими.

— Но почему же? для развлеченія—ради восточныхъ игръ?

— Нѣтъ:—теперешній шахъ, Фетхъ-Али, старъ и, вѣроятно, скоро умретъ, а его именемъ теперь заправляетъ Персіею его

[1]) Подлинныя слова Грибоѣдова (см. Пушкина: «Путешествіе въ Эрзерумъ»).

любимый сынъ, Аббасъ-Мирза, котораго ненавидятъ другіе братья; а ихъ у него восемьдесятъ...

— Восемьдесятъ?—да принцессъ-сестрицъ, вѣроятно, столько же!—засмѣялся Пушкинъ: — вотъ благословенная семейка — полтораста штукъ. Понятно, что братцы начнутъ рѣзать милыхъ сестрицъ, а сестрицы и ихъ мужья — любезныхъ братцевъ. Но причемъ же тутъ русскіе и ихъ посланникъ?

— Какъ причемъ? Теперь я отправляюсь аккредитованнымъ лицомъ къ Фетхъ-Али-шаху; а умри шахъ — чью сторону я долженъ буду держать?

— Сторону наслѣдника.

— Но наслѣдника нѣтъ.

— А Аббасъ-Мирза?

— Онъ не наслѣдникъ: его права оспариваетъ другой братъ, у котораго сильная партія.

— Да, положеніе посланника затруднительно, — замѣтилъ Плетневъ.

— А я бы послалъ туда Булгарина, — какъ бы про себя проговорилъ Гоголь.

— Булгарина!—засмѣялся Пушкинъ.—Для чего же это?

— Да онъ бы всѣхъ тамъ предалъ, а самъ изъ воды сухъ вышелъ и всѣмъ бы угодилъ.

— Правда,—согласился Пушкинъ:—онъ бы всѣхъ предалъ. А все таки я бы съ удовольствіемъ поѣхалъ въ Персію: нѣтъ ничего волшебнѣе востока.

Солнце уже почти касалось горизонта, когда наши собесѣдники достигли Стрѣлки. Море было такое тихое и гладкое. Вдали, на горизонтѣ, неясно вырисовывались силуэты кораблей. Съ глухой, гнетущей душу, болью глядѣлъ Грибоѣдовъ на заходящее солнце. Точно онъ предчувствовалъ, что ему никогда уже больше не придется стоять на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ теперь созерцалъ давно знакомую картину...

XXXIV.

«Чертовкинъ хвостъ».

Хотя Грибоѣдовъ отчасти и вѣрилъ въ предчувствія, отдавая дань своему вѣку, но были и реальныя причины, вслѣдствіе которыхъ онъ смотрѣлъ на предстоявшую ему серьезную

дипломатическую миссію, какъ на задачу весьма трудную, а въ худшемъ случаѣ — и рискованную. Находясь, въ теченіе почти десяти лѣтъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ персіянами въ качествѣ агента по дипломатическимъ дѣламъ и подолгу проживая въ Тавризѣ, онъ хорошо изучилъ этихъ выродившихся потомковъ Кировъ и Камбизовъ, для которыхъ предательство было добродѣтелью, а мстительность—нравственнымъ закономъ. Притомъ, съ недавняго времени, у него въ Персіи явились и личные враги, очень могущественные.

Послѣ удаленія съ Кавказа Ермолова—этого новаго Цинцинната—и послѣ передачи отъ него власти въ руки Паскевича, Грибоѣдовъ, какъ родственникъ послѣдняго, не удалился вмѣстѣ съ Ермоловымъ отъ дѣлъ, а остался при новомъ начальникѣ края. Грибоѣдовъ догадывался, что многіе изъ бывшихъ сослуживцевъ Ермолова, а въ томъ числѣ знаменитый партизанъ 12-го года, поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, видѣли въ этомъ поступкѣ автора «Горя отъ ума» по меньшей мѣрѣ—поступокъ перебѣжчика, и это не могло не грызть его душу. Его коробили также и презрительные отзывы о Булгаринѣ Пушкина и Гоголя, которымъ невполнѣ было извѣстно, что Грибоѣдовъ давно находился со знаменитымъ Ѳаддеемъ если не въ дружескихъ, то вполнѣ пріятельскихъ отношеніяхъ. Оттого на злые сарказмы Гоголя и Пушкина насчетъ его пріятеля онъ долженъ былъ отвѣчать угрюмымъ молчаніемъ. Но все это, впрочемъ, было не такъ важно, какъ то, что̀ будетъ сейчасъ объяснено.

Оставшись при Паскевичѣ и затѣмъ простившись съ Тифлисомъ и своей тайной страстью—княжной Ниной—Грибоѣдовъ весь отдался военному дѣлу, въ качествѣ опытнаго совѣтника при своемъ новомъ начальникѣ и родственникѣ: — вмѣстѣ съ Паскевичемъ онъ совершилъ всю персидскую кампанію, и, какъ лицо, хорошо изучившее персидскій языкъ, лично знавшее почти всѣхъ сановниковъ шаха и пользовавшееся расположеніемъ Аббасъ-Мирзы, —Грибоѣдовъ помогъ Паскевичу заключить съ Персіею выгодный миръ при Туркманчаѣ. Этимъ-то миромъ онъ и нажилъ себѣ смертельныхъ враговъ при дворѣ шаха, въ особенности въ лицѣ его перваго министра и зятя—Аллахъ-Яръ-хана. Ханъ не могъ простить, что Грибоѣдовъ его «перехитрилъ», какъ ему казалось, а въ сущности — авторъ

«Горя отъ ума» побѣдилъ, во время переговоровъ о мирѣ, азіатскаго дипломата своей неотразимой діалектикой.

— Аллахъ-Яръ-ханъ уменъ, какъ ворона, а Грибоѣдовъ, какъ лисица,—этого обиднаго отзыва Аббасъ-Мирзы никогда не могъ простить Аллахъ-Яръ-ханъ ни Аббасъ-Мирзѣ, ни тѣмъ менѣе Грибоѣдову.

Цѣня заслуги послѣдняго въ дѣлѣ заключенія съ Персіей туркманчайскаго договора, Паскевичъ отправилъ Александра Сергѣевича въ Петербургъ для поднесенія этого договора государю, который очень ласково принялъ искуснаго дипломата, перехитрившаго «ворону» Аллахъ-Яръ-хана, пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, медаль и Анну, а въ карманъ — 4 тысячи червонцевъ, въ которыхъ авторъ «Горя отъ ума» особенно нуждался, занимая у Булгарина рублей по сту и по двѣсти.

— Да, тамъ моя могила,—какъ бы про себя проговорилъ онъ, глядя, какъ солнце опускалось за Лахтой, бросая послѣдніе лучи на посѣтителей point'a.

— Вздоръ! — весело проговорилъ Пушкинъ:—посмотри, я еще пріѣду туда къ тебѣ въ гости, чтобъ по дорогѣ взглянуть на моихъ старыхъ пріятельницъ.

— На какихъ пріятельницъ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— На Нюсю Чавчавадзе и на черкесскую Іоанну Даркъ.

— Да развѣ ты зналъ ихъ?—удивился Грибоѣдовъ, и близорукіе глаза его какъ-то особенно блеснули изъ-за очковъ.

— Какъ же! еще въ 20-мъ году я съ ними дурачился въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ, и ѣлъ съ ними уху изъ «пеструшекъ» недалеко отъ Нарзана. Воображаю, какъ выросла и похорошѣла Нюся:—теперь за нею можно будетъ и пріударить.

Послѣднія слова Пушкина покоробили Грибоѣдова; но Пушкинъ этого не замѣтилъ.

— Да, она выросла,—нехотя сказалъ Грибоѣдовъ.

— А хорошенькая черкешенка съ медалью за храбрость?

— Магуль? Она, бѣдненькая, утонула въ Курѣ.

— Какъ? при какихъ обстоятельствахъ?

— При очень странныхъ обстоятельствахъ:—я подозрѣваю, что она утопилась отъ тоски по своимъ горамъ.

— Бѣдненькая, хорошенькая дикарка!—съ искреннимъ сожалѣніемъ произнесъ Пушкинъ.

— Это какая черкешенка? о комъ вы говорите? — спросилъ Плетневъ, разговаривавшій съ Гоголемъ.

— О, это очень грустный романъ—цѣлая исторія, болѣе, пожалуй, трогательная, чѣмъ исторія Геро и Леандра,—сказалъ Грибоѣдовъ.—Лѣтъ восемь назадъ объ этомъ писано было и въ газетахъ. Дѣло въ томъ, что на небольшой нашъ военный постъ въ Дагестанѣ, на редутъ Чирахъ, напали горцы подъ предводительствомъ Сурхай-хана казикумухскаго. Скопище горцовъ было громадное. На несчастье, въ самую ночь нападенія одинъ молодой русскій офицеръ, по фамиліи Щербина, вышелъ изъ редута на свиданіе съ юной черкешенкой изъ тамошняго аула. Черкешенка эта и была Магуль, о которой сейчасъ спрашивалъ меня Александръ Сергѣевичъ, видѣвшій ее въ Пятигорскѣ. Когда сдѣлалась тревога, Щербина не успѣлъ попасть въ редутъ, осажденный горцами, а съ нѣсколькими солдатами засѣлъ на минаретѣ, стоявшемъ, вмѣстѣ съ мечетью, внѣ редута. Въ ночь горцы успѣли вырѣзать часть гарнизона, помѣщавшагося въ казармѣ, а равно изрубили и тѣхъ, которые защищались въ мечети, но минарета не могли взять. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, Магуль, видѣвшая съ кровли своей сакли, что ея возлюбленный неизбѣжно погибнетъ, если ему не будетъ подана помощь, тайно пробралась до сосѣдняго поста, пѣшкомъ, по горамъ и страшнымъ дебрямъ, верстъ за сорокъ,—а дѣвочкѣ было всего четырнадцать лѣтъ!.. Тамъ она сказала русскому командиру о безнадежномъ положеніи поста Чирахъ. Русскіе, захвативъ съ собою эту дѣвочку-вѣстовщика, поскакали на выручку товарищей; но было уже поздно—собственно для Щербины и его пятерыхъ товарищей, засѣвшихъ на минаретѣ:—горцы подкопали его, и онъ рухнулъ, задавивъ Щербину съ товарищами. Редутъ же успѣли спасти, благодаря отчаянной храбрости капитана Овечкина. Хотя потомъ юную героиню и наградили по царски и переселили съ матерью въ Тифлисъ, гдѣ она и крестилась; но ея возлюбленнаго уже не могли возвратить ей. Въ новой обстановкѣ она начала тосковать,—и это привело ее къ трагическому концу:—бурная Кура поглотила ее на моихъ глазахъ.

— Какъ!—воскликнулъ Пушкинъ:—и ты не спасъ ея?

Грибоѣдовъ горько улыбнулся.—Я думаю, ее никто не могъ спасти,—сказалъ онъ.—Мы втроемъ—я, княжна Нина и Ма-

туль,—катались вечеромъ около Тифлиса, недалеко отъ Куры. Вдругъ Магуль бѣшено понеслась на своемъ скакунѣ прямо къ рѣкѣ, и не успѣлъ я крикнуть, какъ лошадь и ея всадница стремглавъ полетѣли съ высокой кручи въ рѣку, гдѣ и разбились до смерти... Это былъ ужасный вечеръ! И уже на другой день нашли обезображенное тѣло бѣдной дѣвушки далеко ниже по теченію Куры. На что ужь Ермоловъ не особенно чувствителенъ и видалъ на своемъ вѣку тысячи смертей, но и онъ заплакалъ, когда несчастную жертву нашихъ ошибокъ привезли въ Тифлисъ.

— Какихъ ошибокъ?—спросилъ Пушкинъ.

— Да развѣ не ошибка, что мы оторвали ее отъ родныхъ горъ?.. А, впрочемъ, кто ее знаетъ? Мнѣ княжна Нина говорила, что несчастная дѣвушка надѣялась на томъ свѣтѣ соединиться съ отцомъ и своимъ возлюбленнымъ.

— Да, это могло совмѣститься въ пылкомъ воображеніи дикарки,—замѣтилъ Плетневъ.

Солнце уже давно спряталось гдѣ-то тамъ за Лахтою, пославъ на безоблачное небо свою палевую окраску. Ласточки и стрижи продолжали рѣять въ воздухѣ, и стукъ экипажей по шоссе и по Крестовскому мосту дѣлался все глуше и глуше. Праздная публика спѣшила въ городъ и на сосѣднія дачи, и Стрѣлка все болѣе и болѣе пустѣла.

— И вотъ такъ-то каждый день!—досадливо проговорилъ Пушкинъ.

— Что такое?—спросилъ Плетневъ.

— Да скучища смертная! За границу не пускаютъ, точно я тамъ всю Европу взбунтую противъ Россіи; а Петербургъ, особенно весной, противнѣе самой послѣдней Чухломы! Чудакъ ты, Александръ Сергѣевичъ,—обратился авторъ «Руслана и Людмилы» къ Грибоѣдову:—не хочешь ѣхать въ Персію; да я бы хоть на Чукотскій носъ или на Бабъ-эль-Мандебскій берегъ съ радостью поѣхалъ... Какъ бы то ни было, я не посмотрю на своего гувернера, пріѣду къ тебѣ въ Тегеранъ.

— Какой гувернеръ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Да Бенкендорфъ... За мной такъ въ лицеѣ не смотрѣли гувернеры, какъ этотъ дядька... Да ну его!—уѣду безъ спросу—и вся недолга. Подумайте только!—съ 20-го года никуда носу не показывалъ, Кавказа еще не видѣлъ.

— А въ Пятигорскѣ? — спросилъ Гоголь:—вѣдь вы тамъ были.

— Да развѣ Пятигорскъ—Кавказъ? развѣ вотъ эта чухонская лужа (Пушкинъ показалъ на заливъ) море? Вотъ въ Крыму—такъ море.

Гоголь засмѣялся.

— Вы что, Николай Васильевичъ? — спросилъ его Пушкинъ.

— Да чумака вспомнилъ и море.

— А что?

— Да привезъ чумакъ въ Одессу пшеницу продавать и погналъ воловъ къ морю, чтобъ напоить. Смотритъ,—волы не пьютъ. Что съ ними сталось?.. думаетъ: — дай-ка я самъ напьюсь.—Вошелъ въ море по колѣни, чоботы предварительно скинулъ, нагнулся, перекрестился и воду перекрестилъ, чтобъ съ водою нечистый не вскочилъ въ ротъ, —да какъ глотнулъ, послѣ соленой тарани, глотокъ во весь ротъ, и остолбенѣлъ...—Эге!—говоритъ—бисове море: онъ чому у тебе воды богато—тебе и волы не пьютъ.

— Мудрое заключеніе,—улыбнулся Пушкинъ:—а еслибы волы пили изъ моря, то и воды въ немъ стало бы меньше. Этотъ мудрый чумакъ разсуждаетъ совершенно какъ мой дядька. Совершенно та же логика:—оттого Пушкинъ и не взбунтовалъ Европы, что его туда не пускаютъ.

Вставъ со скамьи, наши собесѣдники оставили Стрѣлку и направились къ мосту, гдѣ Грибоѣдова и Пушкина ожидалъ городской яликъ. У моста они повстрѣчали какого-то незнакомца въ восточномъ одѣяніи. Грибоѣдовъ, по своей близорукости, не обратилъ на него вниманія.

— Александръ Сергѣевичъ!—окликнулъ его незнакомецъ:—вы не узнаёте меня?

Грибоѣдовъ остановился.—«Ба! князь Ростомъ!—съ удивленіемъ воскликнулъ онъ.—Какъ? какими судьбами? откуда»?

— Изъ Тавриза, Александръ Сергѣевичъ, изъ Тегерана, изъ Тифлиса,—отвѣчалъ тотъ, показывая бѣлые зубы.—Поклонъ вамъ отъ всего Кавказа, отъ Тифлиса, отъ княгини Чавчавадзе, отъ княжны Нины и даже отъ самого Давида и его лошадей. Всѣ поздравляютъ васъ съ монаршими милостями и съ высокимъ назначеніемъ.

— Но какъ вы сюда попали?—удивился Грибоѣдовъ.

— Посломъ и полномочнымъ министромъ,—продолжалъ показывать бѣлые зубы восточный человѣкъ.

— Отъ кого посломъ?

— Отъ вашихъ друзей и доброжелателей: отъ княгини Саломе Ивановны Чавчавадзе, отъ генеральши Прасковьи Николаевны Хвердовой и отъ княжны Нины Александровны съ письмомъ, — бойко отвѣчалъ князь Ростомъ, собственно—Ростомъ-бокъ.

Онъ такъ произнесъ «съ *писмомъ*» (безъ мягкаго знака), что Грибоѣдовъ невольно улыбнулся. Ему вспомнился конюхъ Сашка, который пѣлъ: «Въ саду роза на што мэнэ?—съ *писмомъ* иду запечатаномъ отъ лубовницамъ».

— Но какъ же вы меня нашли здѣсь?—спросилъ онъ.

— Я зашелъ къ вамъ, и вашъ Александръ сказалъ мнѣ, гдѣ искать васъ. Я вотъ и нашелъ.

Они подошли къ ялику. Грибоѣдовъ и Пушкинъ стали прощаться съ Плетневымъ и Гоголемъ.

— А не хотите ли ко мнѣ, покушать простокваши?—проговорилъ Плетневъ.—Не простокваша, а нектаръ.

— Нѣтъ ужь, благодарю, мнѣ некогда,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

— А вы, служитель Аполлона? — обратился Плетневъ къ Пушкину.

— Такой вечеръ—и простокваша служителю Аполлона!—отшутился поэтъ.—Мнѣ хочется на яликѣ покататься, а простоквашу я найду и въ деревнѣ.

Они простились. Садясь въ яликъ, Грибоѣдовъ пригласилъ и Ростомъ-бока.

— Дорогой разскажите мнѣ все, — прибавилъ онъ.—Изъ Тегерана да прямо на Стрѣлку—чудеса!

— А со Стрѣлки да въ Тегеранъ, развѣ это не чудеса?—улыбнулся Пушкинъ.

Грибоѣдовъ согласился. Яликъ отчалилъ, и друзья замахали въ воздухѣ платками. Грибоѣдовъ представилъ Пушкину Ростомъ-бока.

— Вы говорите, князь, что у васъ письмо есть ко мнѣ?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Вотъ письмо,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ, вынимая изъ-за пазухи своего бешмета пакетъ и подавая его.

— Извини, братъ Александръ Сергѣевичъ,—сказалъ Грибоѣдовъ и вскрылъ пакетъ.—Это отъ княгини и отъ княжны.

По мѣрѣ чтенія, лицо его выражало то удивленіе, то недовѣріе, выражавшееся пожатіемъ плечъ. Ростомъ-бекъ украдкой наблюдалъ за нимъ, показывая видъ, что любуется островами и причудливыми дачами по берегамъ Невки.

— Я отчасти знаю содержаніе письма,—сказалъ онъ, когда Грибоѣдовъ, повидимому, кончилъ чтеніе. — Княгиня Саломэ Ивановна мнѣ все разсказала.

— Она меня предостерегаетъ отъ англичанъ, отъ ихъ миссіи въ Тавризѣ, — сказалъ Грибоѣдовъ, складывая письмо.— Я самъ могъ этого ожидать:—они не могутъ простить мнѣ выгодъ туркманчайскаго трактата. Но что они мнѣ могутъ сдѣлать? подставлять ножку? Но я буду двигаться осторожно и обходить ихъ ножку.

Ростомъ-бекъ засмѣялся. — Зачѣмъ ножку, когда у нихъ есть хвостъ? Вы слыхали разсказъ про бѣднаго грузина и про чортову жену?—спросилъ онъ.—Не слыхали?

— Какой разсказъ?—взглянулъ на него Грибоѣдовъ, повидимому, думая о чемъ-то другомъ.

— А вотъ какой. Однажды чортова жена со своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ— спряталась, значитъ. И вдругъ они увидѣли идущаго по направленію къ нимъ бѣднаго грузина, съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли спрятавшіеся въ кустахъ черти, грузинъ споткнулся объ лежавшій на большой дорогѣ камень и упалъ; а когда приподнялся, то съ сердцемъ произнесъ: «будь ты, чортъ, проклятъ»! Слова эти были услышаны чертенкомъ, что сидѣлъ въ кустахъ съ матерью, и онъ, обратясь къ чертовкѣ, сказалъ: «какъ люди несправедливы!— они бранятъ насъ тамъ, гдѣ и нѣтъ насъ; мы такъ далеко отъ камня, а все же виноваты».—«Тсъ!—молчи!—тихо отвѣчала чертовка-мать:—хоть мы и далеко, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ».

— Чисто восточное остроуміе,—улыбнулся Пушкинъ,—а только хохлацкія жарты, которыя разсказываетъ носатый Гоголь, гораздо пикантнѣе:—въ нихъ больше соли.

Грибоѣдовъ согласился.—Что жь, любезный князь, вы надѣетесь ловить за хвостъ англійскихъ чертей?—спросилъ онъ Ростомъ-бека.

— Да,—оттого я и прошу васъ позволить мнѣ состоять при вашемъ посольствѣ,—отвѣчалъ послѣдній.—Я долго терся около ихъ миссій и въ Тавризѣ, и въ Тегеранѣ, и они мнѣ довѣряютъ.

— Объ этомъ мнѣ пишетъ и княгиня Саломэ Ивановна,—сказалъ Грибоѣдовъ.

— Какъ же вы ихъ будете ловить за хвостъ?—спросилъ Пушкинъ.

— Я буду заранѣе узнавать объ ихъ проискахъ; меня же въ Персіи, при дворѣ Фетхъ-Али-шаха и Аббасъ-Мирзы, всѣ знаютъ: мой дядя Манучехръ-ханъ—правитель Испагани.

— Такъ вы затѣмъ и пріѣхали сюда, чтобъ поступить ко мнѣ въ свиту?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Да,—за этимъ и послала меня къ вамъ княжна Нина Александровна.

— Какъ? неужели княжна? — удивился и обрадовался авторъ «Горя отъ ума».

— Именно она:—княжна поторопила меня къ вамъ, чтобъ вы не заручились здѣсь другими служащими. Она сказала мнѣ:—поѣзжайте съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Персію; вы, князь Ростомъ—говоритъ—вѣрный человѣкъ, и побережете его тамъ; а онъ—говоритъ—такой разсѣянный и довѣрчивый.

Эти слова упали прямо на сердце Грибоѣдову.—«Значитъ, моя Нюсенька думаетъ обо мнѣ, жалѣетъ меня, боится за меня»?—съ радостной тревогой думалъ онъ.—«А еслибъ и ее съ собой захватить въ Персію—мою маленькую посланницу?—Только любитъ ли она меня?—умѣетъ ли любить не по дѣтски?—Вѣдь ей только пятнадцать лѣтъ—совсѣмъ ребенокъ»... И въ сердцѣ у него, казалось, расцвѣтали розы.

Яликъ быстро скользилъ по зеркальной поверхности Большой Невки, въ которой отражались зеленые берега и опрокинутыя въ воду веселыя дачи. Палевая сѣверная ночь окрашивала окружающіе предметы какими-то нѣжными полутѣнями. Грибоѣдову припомнились темныя южныя ночи—ночи въ Тифлисѣ, Тавризѣ—особенно въ Тифлисѣ, когда на темномъ небѣ такъ ярко горѣли звѣзды, а онъ чувствовалъ около себя при-

сутствіе милыхъ дѣвушекъ—ихъ робкій шопотъ... «Бѣдная Магуль»!.. Гдѣ-то на Каменномъ островѣ защелкалъ соловей.

Ростомъ-бекъ продолжалъ украдкой наблюдать за Грибоѣдовымъ. Пушкинъ замѣтилъ это, и ему показался подозрительнымъ этотъ восточный человѣкъ.

«Впрочемъ, всѣ они такіе»,—подумалъ онъ.—«Рабство пріучило ихъ смотрѣть въ глаза господину, какъ смотритъ собака—все наблюдаетъ».

Грибоѣдовъ и Ростомъ-бекъ молчали подъ обаяніемъ чаръ палевой ночи. Молчалъ и Пушкинъ.

«Все же онъ проситъ, чтобъ его взяли въ предатели»,—думалъ онъ, наблюдая восточный профиль Ростома.—«Англичане ему довѣряютъ, а онъ ихъ будетъ предавать... Подлая эта должность посланника»!

— Такъ за хвостъ будемъ ловить англичанъ?—какъ бы очнулся Грибоѣдовъ.

— За хвостъ, Александръ Сергѣевичъ,—отвѣчалъ Ростомъ-бекъ.—Мы и Аллахъ-Яръ-хана поймаемъ. А знаете, гдѣ теперь тѣ женскіе локоны, которые солдаты капитана Овечкина перехватили вмѣстѣ съ Бейбулатомъ подъ Чирахомъ и за которые Сурхай-ханъ чуть не разгромилъ Чирахъ, и разгромилъ бы, еслибъ бѣдная Магуль не спасла русскихъ?

— А—это тѣ локоны, о которыхъ мнѣ Овечкинъ разсказывалъ въ Пятигорскѣ?—спросилъ Пушкинъ.

— Да,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ.—Но вѣдь они вмѣстѣ со шкатулкой и коробочками хранятся въ канцеляріи главнокомандующаго, и Паскевичъ хотѣлъ прислать ихъ сюда въ Эрмитажъ или въ Румянцевскій музей, какъ историческіе раритеты.

— Поздно! — махнулъ рукой Ростомъ-бекъ.—Прелестные локоны хранятся теперь въ гаремѣ Аббасъ-Мирзы.

— Какъ!—изумился Грибоѣдовъ.—Зачѣмъ они очутились тамъ?

— Ихъ кто-то выкралъ изъ канцеляріи Паскевича и продалъ Аббасъ-Мирзѣ.

— Но зачѣмъ они ему? не понимаю! — удивлялся Грибоѣдовъ.

— А я понимаю,—многозначительно замѣтилъ Ростомъ-бекъ.—Локоны жонъ для Аббасъ-Мирзы важнѣе вашего турк-

манчайскаго трактата. Писаная бумага, по мусульманскимъ вѣрованіямъ,—пустяки:—ею можно закурить наргиле; а локоны жонъ бывшихъ владѣтелей Казикумуха, Акуши и Кубы—это документъ на владѣніе всѣмъ Дагестаномъ. Могилевскій теперь самъ на себѣ локоны рветъ, что у него изъ подъ носу украли такое сокровище, а персіяне ликуютъ:—«вотъ имъ и Туркманчай!»—говорятъ они, да еще прибавляютъ:—«а ихъ «слѣпой»—«слѣпымъ» они называютъ васъ за близорукость—и въ четыре глаза не усмотрѣлъ»...

— Ахъ, дурьё!—невольно вырвалось у Пушкина.

— Нѣтъ, не дурьё,—возразилъ Ростомъ-бекъ.—Съ этими локонами Аббасъ-Мирза посылаетъ въ Дагестанъ своего «векиля» съ зеленымъ знаменемъ, и еще неизвѣстно, усидитъ ли Асланъ-ханъ на престолѣ, когда акушинцы и казикумухцы увидятъ зеленое знамя и локоны жонъ. Они боялись только Ермолова и Мадатова, а теперь говорятъ: «сардаръ-Ермулу нѣтъ, а новый сардаръ песку наѣстся». Когда, вотъ теперь, я уѣзжалъ изъ Тавриза въ Тифлисъ, мнѣ знакомый евнухъ Аббасъ-Мирзы говорилъ, что жоны ихъ гарема наготовили цѣлыя сотни женскихъ шальваръ и чадръ для посылки въ Дагестанъ и въ Абхазію.

— Зачѣмъ туда понадобились женскія панталонцы?—засмѣялся Пушкинъ.

— А!—это жестокая обида для тѣхъ, которые въ Дагестанѣ и въ Абхазіи покорились русскимъ:—значитъ, они бабы, и имъ въ подарокъ посылаются чадры и панталонцы женскія:—они этого не снесутъ.

— Курьезныя воззванія къ патріотизму посредствомъ женскихъ панталонъ!—замѣтилъ Пушкинъ.

— Да, но эти воззванія сильно дѣйствуютъ на фанатизмъ восточнаго человѣка,—задумчиво проговорилъ Грибоѣдовъ:—съ ними придется считаться.

Скоро яликъ присталъ къ сходцамъ недалеко отъ дворцовой набережной.

— До свиданья въ Персіи!—крикнулъ Пушкинъ, садясь на извощика.—Завтра утромъ ѣду въ Михайловское.

— До свиданья, — отвѣчалъ Грибоѣдовъ, и въ сопровожденіи Ростомъ-бека тихо пошелъ вдоль набережной. Думы его были не здѣсь, а тамъ, гдѣ не бываетъ палевыхъ ночей.

XXXV.

Грибоѣдовъ и Нина.

Не раньше іюля Грибоѣдовъ могъ очутиться, гдѣ не бываетъ палевыхъ ночей.

Радостно—одни искренно, а другіе съ затаенной завистью—встрѣтили его въ Тифлисѣ. Поздравленіямъ и пожеланіямъ не было конца. Всѣ наперерывъ старались угощать его обѣдами, раутами, вечерами. Слово — «полномочный министръ» окружало его скромную фигуру ореоломъ.

Но самый искренній, самый сердечный пріемъ онъ нашелъ въ семействѣ Чавчавадзе и Ахвердовой, у которой, какъ у «второй мамы», воспитывалась княжна Нина. Маленькая Нюся за послѣдніе мѣсяцы, что ея не видѣлъ Грибоѣдовъ, казалось, еще выросла; но прелестные глаза ея, отѣненные чудными «историческими рѣсницами», какъ ихъ назвалъ еще Ермоловъ, смотрѣли какъ будто съ затаенной грустью. Грибоѣдовъ замѣтилъ это, и не зналъ, чему приписать. Съ самаго ранняго дѣтства онъ зналъ эту милую дѣвочку. Пятилѣтнимъ и шестилѣтнимъ ребенкомъ она прыгала у него на колѣняхъ. Первыми своими знаніями въ ариѳметикѣ, географіи и грамматикѣ она хвасталась передъ нимъ. Съ нимъ она разучивала первыя ноты на фортепіано; съ нимъ училась и верхомъ ѣздить. Къ нему она была довѣрчива, какъ ни къ кому. Когда, выведенная изъ терпѣнія шутками Ермолова, она остригла свои прелестныя рѣсницы и когда Грибоѣдовъ выразилъ сожалѣніе, что она испортила лучшее украшеніе своего личика,—она дала ему слово—«никогда, никогда не дѣлать такой глупости». Подростая и развиваясь физически и умственно, Нина еще больше сдружалась съ своей «старой гувернанткой», какъ она иногда въ шутку называла Грибоѣдова. Даже горячая дружба съ Магуль не уменьшила ея привязанности къ «старой гувернанткѣ».

И вдругъ—эта грустная задумчивость. Чему приписать ее? Этотъ вопросъ мучилъ Грибоѣдова. Не имѣя никакого права ревновать къ кому либо своего маленькаго друга,—онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ что-то въ родѣ ревности. Но къ кому? къ чему?—онъ терялся въ догадкахъ. За время его отсутствія она могла полюбить кого нибудь,—и этотъ новый періодъ въ

ея жизни отражался въ ея задумчивомъ взорѣ. Но какое ему дѣло, если она и полюбила кого нибудь? Не можетъ же онъ, съ его тридцатью четырьмя годами, онъ, полномочный министръ и посолъ своего императора, претендовать на любовь пятнадцатилѣтней дѣвочки? Пусть любитъ того, кто ей подъ пару... Но отчего же при этомъ мудромъ рѣшеніи сердце его сжимается болью и самая жизнь его какъ-то тускнѣетъ?

Они теперь сидѣли вдвоемъ въ саду. Нина задумчиво молчала.

— Ну, что Давидъ?—спросилъ Александръ Сергѣевичъ, зная, что добродушный конюхъ всегда смѣшилъ ее.

— Онъ на меня все дуется,—улыбнулась Нина.

— За что?

— За то, что я не ѣзжу кататься:—говоритъ—лошади отъ этого становятся «дурами».

— «Дурами»! Отчего жь вы, въ самомъ дѣлѣ, не катаетесь?—спросилъ Грибоѣдовъ.

— Скучно.

— Отчего же вы, Нина Александровна, прежде не скучали?—Голосъ Грибоѣдова немножко дрогнулъ.

— Тогда Магуль была—съ ней... съ вами... А теперь не съ кѣмъ...

— Да развѣ у васъ нѣтъ кавалеровъ?

— Есть... много... да я ихъ не люблю. Они... — Дѣвушка остановилась.—Они... глупые такіе...

— Но есть, напротивъ, и умные... я знаю...

— Нѣтъ... они все смотрятъ на меня какими-то глупыми глазами...

Грибоѣдовъ радостно разсмѣялся. Онъ понялъ, какіе это у кавалеровъ «глупые глаза»... — «Милая дѣвочка!» — заколотилось у него въ сердцѣ.

— Такъ господа кавалеры смотрятъ на васъ «глупыми глазами»?—весело заговорилъ онъ.

— Да... Они думаютъ вѣрно, что я все еще глупая дѣвочка,—говорила Нина недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ, этого они не думаютъ...

— Такъ зачѣмъ же они говорятъ все о глупостяхъ? Думаютъ, что со мной ни о чемъ нельзя серьезно говорить... точно я все еще обрѣзываю себѣ рѣсницы.

И дѣвушка весело разсмѣялась. Ея примѣру послѣдовалъ и Грибоѣдовъ. На душѣ у него стало вдругъ свѣтло.

— Какими же «глупыми глазами» смотрятъ на васъ господа кавалеры? — спросилъ онъ, съ улыбкой глядя на свою юную собесѣдницу.

— А вотъ какими! — И Нина до того ребячески-комично изобразила на своемъ лицѣ, какъ господа кавалеры дѣлаютъ ей глазки, что Грибоѣдовъ не могъ удержаться отъ самаго искренняго смѣха.

— Браво, браво, m-lle Нина!—продолжалъ онъ смѣяться.— Такъ изъ-за этихъ «глупыхъ глазъ» вы и не катались ни съ кѣмъ?

— Да... Скучно съ ними.

— И этимъ вы возстановили противъ себя милѣйшаго Давида? Такъ вотъ-что,—сказалъ, все болѣе и болѣе оживляясь, Грибоѣдовъ:—чтобъ утѣшить Давида и чтобъ лошади не были «дурами» — не вспомнить ли намъ старину и не поѣхать ли сейчасъ кататься? Вечеръ отличный...

— Съ удовольствіемъ... Съ вами я всегда рада,—согласилась Нина.

Она вскочила и весело побѣжала къ конюшнѣ, гдѣ Давидъ чуть ли не въ десятый разъ чистилъ и гладилъ своихъ любимцевъ-коней, серьезно разговаривая съ ними и журя за шалости.

— Вотъ я тебѣ завтра овесъ не дамъ, — бранилъ онъ за что-то коня Нины.

— Давидъ, Давидъ!—услышалъ онъ веселый голосъ своей госпожи.

— Что, баришна? — сурово отвѣчалъ Давидъ, продолжая дуться на Нину.

— Сѣдлай лошадей, — мы сейчасъ поѣдемъ съ Александромъ Сергѣевичемъ кататься.

— Давно би пора, баришна,—обрадовался Давидъ:—а то я думалъ, что ты въ манастиръ собрался уходить.

— Нѣтъ, нѣтъ! сѣдлай скорѣй.

— Чичасъ, чичасъ, баришна... Я живымъ рукамъ.

Нина побѣжала надѣть амазонку, напѣвая вполголоса: «губи точна сàхрумъ слàдкумъ, талья тòчна чинарисъ-хе... Кускòмъ-кускòмъ òбляки думъ»... И она весело разсмѣялась.

Черезъ полчаса Грибоѣдовъ и Нина были уже за городомъ. Дѣвушка казалась теперь необыкновенно оживленною. Глядя на цѣпь горъ, громады которыхъ, особенно величественныя при закатѣ солнца, грозно высились вдоль всего сѣвернаго горизонта, она заговорила:

— И какъ намъ, грузинамъ и всѣмъ горцамъ, не любить нашихъ родныхъ горъ? Посмотрите, что за прелесть! — говорила она, указывая хлыстомъ на вершины горнаго кряжа.— Какъ я понимаю то чувство, съ которымъ шли на смерть защитники этихъ дикихъ, но прекрасныхъ горъ! И какъ умѣли вы превосходно выразить это чувство ихъ въ стихотвореніи— «Хищники на Чегемѣ»...

Въ дѣвушкѣ, разгоряченной ѣздою и, быть можетъ, инымъ, невполнѣ сознаннымъ ею чувствомъ, заговорила кровь грузинки, и она восторженно стала декламировать:

Мракъ за насъ ночей безумныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ:
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ—
Нашъ залегъ отважный полкъ...

— Не правда ли?.. Сколько поэзіи въ этой суровой жизни, въ этой дикости!—говорила Нина прерывающимся голосомъ.

Она была прекрасна въ своемъ увлеченіи. Какъ она выросла въ глазахъ Грибоѣдова! Онъ не узналъ въ ней своей маленькой Нюси и, какъ очарованный, глядѣлъ на нее, боясь, что и его глаза въ эту минуту — «глупые»... А Нина продолжала:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева,
Тѣ же льдистыя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита.

— Развѣ они, которыхъ вы такъ жестоко преслѣдовали въ этихъ горахъ, не правы, говоря вашими же словами:

Наши камни, наши кручи!
Русь!—зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? Вонъ подъ тучей

Двухвершинный и могучій
Рѣжется изъ облаковъ—
Надъ главой твоихъ полковъ...

— Это Эльборусъ двухвершинный—онъ ихъ, а теперь онъ нашъ — нашимъ и останется... Такъ-то, мой «старый гувернеръ»!

Грибоѣдовъ онѣмѣлъ отъ изумленія и восторга. Его собственные стихи, которымъ онъ не придавалъ большаго значенія,— стихи, вылившіеся у него изъ души во время его первой военной экспедиціи въ Кабарду, въ устахъ Нины получали глубокопоэтическій смыслъ. Онъ самъ *такъ* думалъ, *такъ* чувствовалъ тогда, въ душѣ протестуя противъ насилій и обвиняя Ермолова за его неизмѣнный, жестокій девизъ: «желѣзомъ и кровью»...

— Въ вашихъ устахъ, Нина Александровна, я не узнаю своего стихотворенія, — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Что жь—я дурно читаю? съ акцентомъ?—спросила дѣвушка не менѣе взволнованно.

— О нѣтъ!—чудо какъ хорошо, восхитительно!

— Да вѣдь вы же научили меня на Пушкинѣ читать такъ, мой строгій гувернеръ,—улыбнулась Нина.—А гдѣ-то онъ, мой любимый поэтъ?

— Мы послѣдній разъ видѣлись съ нимъ на дачѣ у Плетнева и потомъ гуляли на Елагиномъ острову вмѣстѣ съ Гоголемъ.

— А кто этотъ Гоголь?—спросила Нина.

— Начинающій поэтъ, но не изъ блестящихъ; зато онъ безподобно разсказываетъ хохлацкія жàрты—большой комикъ. Впрочемъ, Пушкина вы, быть можетъ, увидите скоро.

— Какъ! неужели?—обрадовалась Нина.

— Да, онъ обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ въ Персію.

— А я его помню,—задумчиво сказала дѣвушка,—хоть я въ Пятигорскѣ была совсѣмъ маленькая, но его помню—такой веселый.

— И онъ объ васъ спрашивалъ — помнитъ васъ — и объ Магуль спрашивалъ.

— Бѣдная Магуль!.. А вонъ и то мѣсто, гдѣ она погибла.

Впереди ихъ высилась отвѣсная круча, съ которой ринулась въ Куру несчастная спасительница Чираха. Трагическая смерть ея такъ и осталась для всѣхъ загадкой; но каждый

годъ, 13-го сентября, въ день ея смерти и въ день побѣды русскихъ надъ Аббасъ-Мирзою подъ Елисаветполемъ, въ Тифлисѣ служили панихиду по рабѣ божіей Ольгѣ, какъ назвали Магуль при крещеніи, а въ Чирахѣ въ этотъ день офицеры редута всегда возлагали вѣнокъ на могилу Щербины отъ имени той же Магуль.

— Недавно, 11-го іюля, въ день ея именинъ, я посѣщала ея могилу,—грустно сказала Нина.—Маленькій кипарисъ, который мы съ мамой посадили надъ ней, такъ хорошо растетъ.

Расположеніе духа дѣвушки быстро измѣнилось. Она опять стала молчалива. Грибоѣдовъ замѣтилъ это, потому что хорошо изучилъ свою любимицу.

— Что съ вами, милая дѣвочка?—спросилъ онъ, стараясь при сгущающихся сумеркахъ разглядѣть выраженіе ея лица.—Вы вспомнили объ Магуль?

— Да... нѣтъ... такъ вообще грустно...

— Отчего же, добрая дѣвочка?

— Ахъ, какая я дѣвочка!—съ видимымъ раздраженіемъ въ голосѣ произнесла она.—Развѣ я вѣкъ останусь для васъ дѣвочкой?

— Извините, m-lle Нина,—съ удивленіемъ сказалъ Грибоѣдовъ:—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вы были для меня дѣвочкой: — вспомните, вамъ только пятнадцать лѣтъ, а мнѣ ужь тридцать четвертый; я бы могъ быть вашимъ отцомъ.

— Не въ годахъ дѣло,—съ прежнимъ недовольствомъ отвѣчала дѣвушка:—человѣку тяжело можетъ быть и въ пятнадцать, и въ пятьдесятъ лѣтъ.

— Правда... И вамъ тяжело?—простите...

— Мнѣ грустно,—тихо отвѣчала Нина.

— О чемъ же, мой дружокъ?

— Вотъ я вспомнила Магуль:—ея давно ужь нѣтъ; а скоро и васъ не будетъ,—какъ бы про себя прошептала дѣвушка.

Сердце дрогнуло у ея спутника... «Что это?—ребенокъ говоритъ или пробуждающаяся женщина»?

— Но вѣдь въ Персіи я останусь вашимъ другомъ, а вы—самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ моей жизни,—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Мы будемъ переписываться съ вами; по крайней мѣрѣ, я часто буду писать вамъ. Согласны? Я буду счастливъ получать отъ васъ иногда вѣсточку—

какъ вы живете, что интересуетъ васъ, вспоминаете ли иногда обо мнѣ?

Нина молчала. Сумерки, между тѣмъ, такъ сгустились, что Грибоѣдовъ не могъ видѣть ея лица.

— Что вы мнѣ на это скажете, мой маленькій другъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.—Не хотите со мной переписываться?

— Не хочу!—тономъ капризнаго ребенка отвѣчала Нина.—Вы сами хорошо знаете, что хотите утѣшить меня куклой. Но я не ребенокъ, чтобы играть въ куклы. Что вамъ за охота переписываться съ глупой дѣвочкой,—вамъ, полномочному министру и послу? На васъ лежатъ государственныя обязанности... Что вамъ до моихъ писемъ? Да и о чемъ я буду вамъ писать? о моихъ школьныхъ занятіяхъ, о Давидѣ?

— А вашъ внутренній міръ? Развѣ вы не захотите посвятить меня въ то, что будетъ вамъ дорого, чѣмъ будетъ интересоваться ваша мысль, питаться ваше воображеніе?

— Мой внутренній міръ?—въ немъ пусто, какъ въ головѣ Давида,—съ горькой ироніей проговорила дѣвушка.

— Не клевещите на себя, мой другъ,—ласково остановилъ ее Грибоѣдовъ.—Развѣ вы замѣтили, чтобъ я скучалъ когда либо съ вами, тяготился вашей бесѣдой, вашимъ обществомъ?

— Да, вы всегда были добры ко мнѣ, даже тогда, когда я играла еще въ куклы и обрѣзывала себѣ рѣсницы... Я и теперь осталась для васъ та же — Нюся, глупая дѣвочка. А между тѣмъ я... вы ничего не понимаете!.. я...

Она не договорила и, поднявъ въ карьеръ свою лошадь, полетѣла, какъ стрѣла. Тщетно Грибоѣдовъ старался догнать ее.

— Нина Александровна! Нина! écoutez! j'ai quelque chose...

— Вотъ мы и дома!.. Здравствуй, Давидъ! Видишь, моя лошадь вовсе не «дура»,—донеслись до него слова Нины.

— Вотъ онѣ, женщины... А вѣдь еще совсѣмъ ребенокъ,—пробормоталъ онъ про себя.—Поди—посчитайся съ ней:—самаго опытнаго дипломата оставитъ въ дуракахъ... Ну!

XXXVI.

«Кускомъ-кускомъ облаки думъ»...

Ночь послѣ этого катанья, ночь на 17-ое іюля 1828 года, Грибоѣдовъ провелъ въ мучительной борьбѣ.

«To be or not to be»?—невольно задавалъ онъ себѣ вопросъ «Гамлета», котораго не далѣе какъ сегодня читалъ утромъ. Онъ теперь окончательно убѣдился, что безъ этой «маленькой дѣвочки»,—какъ онъ въ душѣ продолжалъ называть Нину,—жизнь для него и весь міръ будетъ пустыней. Что ему почести и слава! И какъ безъ нея пуститься ему въ этотъ океанъ новой жизни? Какъ оставить ее? — какъ жить вдали отъ нея?.. Ясно, что въ ней уже заговорили инстинкты женщины; въ пятнадцать лѣтъ она — южное разстеніе — созрѣла для любви... Ребенокъ и женщина—съ пламеннымъ темпераментомъ востока... Что если эти проснувшіеся въ ней инстинкты женщины бросятъ ее въ объятія кавалера съ «глупыми глазами»?.. А это будетъ, непремѣнно будетъ:—природа сильнѣе разсудка.... Вонъ его Софья бросилась же въ объятія Молчалина, лакейскіе глаза котораго глупѣе глазъ всѣхъ кавказскихъ кавалеровъ... А если она на его признаніе засмѣется ему въ глаза—скажетъ:—«какой вы смѣшной, мой старенькій гувернеръ»!..

Голова его горѣла. Сафьянная подушка, на которой онъ привыкъ спать въ знойномъ Тавризѣ, казалась раскаленною. Онъ слышалъ, какъ часы періодически отбивали пройденное стрѣлками пространство, какъ пропѣли первые и вторые пѣтухи, какъ у крыльца его дома смѣнялись часовые; а сонъ все не шелъ къ нему. А если она его любитъ, привыкла къ нему съ дѣтства? Да, она любитъ безспорно—привязана къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо другому... Она скучаетъ съ молодыми людьми, удаляется отъ нихъ. А если она удаляется отъ нихъ по женскому инстинкту, чувствуя, что не застрахована отъ увлеченія? Вѣдь тутъ до увлеченія, до любви—одинъ шагъ: простой случай, какое нибудь неловкое, невольное соприкосновеніе въ танцахъ... Вѣдь чувство — огонь: достаточно одной искры... А отъ него она не удаляется, какъ не удаляется отъ бабушки, отъ Давида:—съ нимъ она безопасна отъ этой искры, отъ пожара... Не ѣздила же она безъ него кататься съ офицерами, которые дѣлаютъ ей «глупые глаза». Значитъ, боится, не довѣряетъ ни себѣ, ни имъ—боится невольнаго увлеченія. А его — не боится: онъ не кавалеръ, онъ старикъ, «старый гувернеръ».

А если въ самомъ дѣлѣ она его любитъ, его именно, потому только, что ни съ кѣмъ другимъ не столкнула ея судьба?

Если она поэтому готова теперь раздѣлить съ нимъ жизнь?— Но что онъ можетъ предоставить ей, особенно тамъ, въ дикомъ царствѣ льва и солнца? Какое общество онъ найдетъ тамъ для нея, для молоденькой дѣвочки, безъ удовольствій, безъ развлеченій молодости? Если она тамъ, наскучивъ его обществомъ, пожалѣетъ о кавалерахъ съ «глупыми глазами», о танцахъ, объ увеселеніяхъ большаго города? Жизнь вдвоемъ, жизнь съ глазу на глазъ пріѣстся, а молодость и горячая кровь будутъ предъявлять свои права, требовать разнообразія, новыхъ ощущеній.

Она сказала, что будетъ скучать безъ него. Правда — будетъ скучать:—она привыкла къ нему. Но вѣдь и *та*, которую онъ превратилъ въ «Софью Павловну Фамусову», скучала по немъ, по «Чацкомъ», а потомъ скоро утѣшилась съ «Молчалинымъ» — отъ скуки, потому только, что «Молчалинъ» былъ близко подъ рукой, въ ихъ же домѣ...

— А я забытъ,—невольно проговорилъ онъ вслухъ:—забытъ для «Молчалина»...

Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнёмъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

— Такъ, можетъ, и тутъ будетъ.

Мысли его приняли другой оборотъ. Онъ перенесся въ далекое прошлое. Вспомнилъ о своемъ первомъ горячемъ чувствѣ, о той, которую онъ теперь такъ безпощадно казнилъ въ «Горѣ отъ ума» — въ лицѣ Софьи Павловны Фамусовой. Потомъ воспоминаніе перенесло его къ знакомству съ Ермоловымъ, къ эпизоду дуэли съ Якубовичемъ, къ его походамъ противъ горцевъ, и ему слышался милый голосъ съ мелодіею его собственныхъ стиховъ:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева,
Тѣ же льдистыя громады...

Подъ эту мелодію милаго голоса онъ заснулъ. Проснувшись довольно поздно, Грибоѣдовъ вспомнилъ, что обѣщалъ обѣдать сегодня у Прасковьи Николаевны Ахвердовой—«второй мамы» Нины. И Нина тоже обѣдаетъ тамъ. Вспомнивъ

вчерашнюю вечернюю прогулку съ любимой дѣвушкой, а потомъ свои ночныя тревоги и грезы,—теперь, при блескѣ яркаго солнца, онъ сразу отрезвился, понявъ, что то были несбыточныя иллюзіи—мечты, вызванныя распущенностью воображенія. Что онъ за юноша въ тридцать-четыре года? Какой онъ женихъ для пятнадцатилѣтней дѣвочки! Мало ему одного урока—московскаго? Недаромъ, въ заключеніе своей выстраданной пьесы, онъ кровью своего сердца написалъ:

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Здѣсь, среди горъ, въ глубинѣ Персіи, гдѣ никто его не видѣлъ, онъ нашелъ уголокъ для оскорбленнаго чувства—нашелъ могилу для обманутаго сердца... И вдругъ!—оно опять распустилось, чтобъ принять въ себя новое оскорбленіе... Нѣтъ и нѣтъ!—надо въ руки взять и сердце, и воображеніе. Развѣ онъ—не онъ былъ, когда еще недавно писалъ: «Прости, отечество»!

Не наслажденье—жизни цѣль,
Не утѣшенье—наша жизнь,—
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не верить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь...

А онъ вчера вдругъ повѣрилъ. Глупецъ! Неси ярмо чужихъ законовъ—въ Тегеранѣ испытаешь, каково это ярмо... Въ могилу и сердце, и воображеніе; и свободу—въ могилу Отвагу, дружбу, честь, любовь и собственную вѣру—все въ могилу!.. Онъ растаялъ отъ мелодіи женскаго голоса, потерялъ голову, взглянувъ въ хорошенькіе дѣтскіе глазки. А еще «мужъ ума и совѣта»—лицо, поставленное на высокій отвѣтственный постъ!—и не устоялъ передъ личикомъ миловидной дѣвочки, которая еще сто разъ полюбитъ за «глупые глаза» и сто разъ разлюбитъ... Но какъ тяжело отказаться отъ всего этого... какъ больно разбивать собственныя иллюзіи! А надо, надо... Хуже будетъ... За обѣдомъ всѣ замѣтили мрачное расположеніе его духа—и хозяйка, Ахвердова, и Саломэ Ивановна, и Нина; въ особенности Нина.

И она сидѣла, какъ убитая. Подъ роскошными рѣсницами ея блестѣло что-то въ родѣ слезъ.

— Вы чѣмъ-то разстроены, Александръ Сергѣевичъ,—замѣтила Прасковья Николаевна.—Дѣла озабочиваютъ?

— Да, Прасковья Николаевна, пора собираться въ дорогу—въ далекую, далекую дорогу,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ, ни на кого не глядя.

— Но вамъ эта дорога такъ знакома: сколько разъ вы по ней ѣздили!—заговорила мать Нины.

— Нѣтъ, добрѣйшая Саломэ Ивановна, я говорю не о дорогѣ въ Тегеранъ, а о другой...

— О какой же еще?

— О той, по которой мы проходимъ только разъ въ жизни, но уже не возвращаемся по ней.

— Что̀ вы, что̀ вы? Богъ съ вами! вы еще молодой человѣкъ, и что̀ задумали!

— Молодой человѣкъ! — съ горькой ироніей проговорилъ Грибоѣдовъ.

— А какъ же! мужчина и въ сорокъ лѣтъ все еще молодой человѣкъ, — горячо заговорила Прасковья Николаевна.— Мужчина никогда не старъ—былъ бы здоровъ. Вонъ Алексѣю Петровичу Ермолову было за̀ пятьдесятъ, а какой орелъ, какая красота! Да за него любая пятнадцатилѣтняя дѣвушка пошла бы съ радостью.

— Можетъ быть... но эти... я чувствую, что не воротиться мнѣ оттуда...

Нечаянно онъ взглянулъ на Нину, которая сидѣла противъ него. Глаза ея были полны слезъ, а розовыя губки сжались, какъ у ребенка, готоваго разрыдаться. У него какъ будто оборвалось сердце: ему стало невыразимо жаль этого добраго, прелестнаго ребенка! Это объ немъ ея слезы, это онъ напугалъ бѣдное дитя...

— Что вы? какія мрачныя мысли! Господь въ вами! выкиньте все это изъ головы, — говорила, между тѣмъ, мать Нины.

Но Грибоѣдовъ уже не могъ оторвать глазъ отъ милаго личика.

— Право, добрая Саломэ Ивановна, я самъ не знаю,— оправдывался онъ:—предчувствіе, можетъ быть.

— Полно, полно! съ чего это предчувствіе? Дурно спали—говорите—вотъ и все.

Нѣтъ, неужели онъ ошибается? Въ глазахъ Нины такое глубокое чувство, столько мольбы, обращенной къ нему, что сердце его разомъ порвало всѣ путы сомнѣнія, все благоразуміе, всю боязнь за будущее.. Она любитъ его; въ этотъ моментъ—она вся его, вся!.. А будущее?.. да будь что̀ будетъ!.. Хоть часъ блаженства, хоть минуту забвенія... А тамъ—и Стиксъ, и Флегетонъ, и челнъ Харона—пускай... все равно! Нина замѣтила особое выраженіе его глазъ и... поняла. Она потупилась. Щоки дѣвушки покрылись румянцемъ... Встали изъ-за стола. Саломэ Ивановна и хозяйка на минуту вышли чѣмъ-то распорядиться. Нина стояла у окна и глядѣла на далекія горы. Грибоѣдовъ подошелъ къ ней и тихо взялъ ее за руку.

— Nina, venez avec moi,—также тихо сказалъ онъ:—j'ai quelque chose à vous dire.

Дѣвушка повиновалась; только сердце ея такъ билось, что она не могла выговорить ни слова, и молча послѣдовало за нимъ. Она ждала, она предчувствовала что-то... Руки ея похолодѣли. Они перешли черезъ дворъ, не говоря ни слова: молча вошли во дворъ дома Чавчавадзе, молча прошли мимо Давида, который стоялъ у крыльца, и вошли въ домъ.

— Нина, простите,—заговорилъ онъ прерывающимъ голосомъ.—Я... я виноватъ.

— Чѣмъ?—чуть слышно спросила дѣвушка, не поднимая глазъ.

— Я... я сегодня за обѣдомъ смотрѣлъ на васъ... «глупыми глазами»...

Нина вспыхнула и еще болѣе потупилась. Онъ чувствовалъ, какъ рука ея, холодная, какъ мраморъ, дрожала.

— Нина... простите, я люблю васъ... давно люблю. Я не могу жить безъ васъ, — говорилъ онъ, задыхаясь.—Ниночка! Нюся!

Нина вдругъ заплакала.

— Боже, я обидѣлъ васъ? простите! Господи, что̀ я надѣлалъ?—шепталъ онъ растерянно.—Что же это? Господи!

— И я... я люблю васъ... давно,—прошептала дѣвушка, и еще больше расплакалась.

— Ниночка, Нюсенька! божество мое!—неужели это прав-

да!—безумно лепеталъ «мужъ ума и совѣта» и безумно цѣловалъ холодныя ручки дѣвушки.—Любишь? ты любишь меня! повтори, о, повтори!

— Люблю, люблю давно,—шептала Нина.

Она плакала и смѣялась—смѣялась отъ стыда, отъ счастья... Онъ нагнулся къ ней и ихъ губы слились...

Дальше ни шагу, господинъ романистъ! Дальше—священная тайна двоихъ, видѣть которую третьему—святотатство. Пусть тотъ, кто совершилъ это священное таинство, самъ и посвятитъ въ него, насколько возможно, того, кого самъ признаетъ достойнымъ ввести во святая святыхъ своего *я*. Грибоѣдовъ—увы!—призналъ такимъ «достойнымъ» знаменитаго Ѳаддея Венедиктовича Булгарина—родоначальника многихъ позднѣйшихъ *Ѳаддеевъ*.

«17-го іюля—писалъ онъ ему—я обѣдалъ у моей старой пріятельницы Ахвердовой. За обѣдомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе, все на нее глядѣлъ; задумался, сердце забилось. Не знаю, безпокойства ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что̀ другое придало мнѣ рѣшительность необычайную. Выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепіано. Вышло не то. Домъ ея матери возлѣ; мы туда и уклонились, вошли въ комнату, щоки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось; я не помню, что̀ я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее... Потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, Прасковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой. Насъ благословили... Я повисъ у нея на губахъ во всю ночь и весь день... Отправили курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ»... [1]).

— Ну, что ваше предчувствіе, Александръ Сергѣевичъ?—съ улыбкой освѣдомилась на другой день Ахвердова, увидѣвъ «дѣвчонку» на колѣняхъ у «мужа ума и совѣта».

— Какъ видите, — улыбнулся Грибоѣдовъ, весь сіяющій, возбужденный: — какъ рукой сняла все это маленькая чародѣйка!

---

[1]) «Русская Старина», 1883, кн. VI, 660.

— Вижу,—и вы возвратились къ 1817-му году, — лукаво замѣтила «вторая мама».

— Какъ къ 1817-му году!—удивился Грибоѣдовъ.

— Да когда она еще пятилѣтней куклой не слазила съ вашихъ колѣнъ.

— Ахъ, да!—правда.—И всѣ разсмѣялись.

Доложили о приходѣ капитана Овечкина — съ депешами изъ дѣйствующей арміи, отъ Паскевича.

Входитъ.

— А!—герой Чираха и Елисаветполя!—привѣтствуетъ его Грибоѣдовъ.—Очень радъ видѣть.

— Съ царской милостью, Александръ Сергѣевичъ!—поздравляетъ его Овечкинъ.

— О! лучше поздравьте меня съ высшею милостью,—милостью неба, — радостно проговорилъ Грибоѣдовъ:—небо послало мнѣ великую радость въ лицѣ моей невѣсты. — И онъ указалъ на зардѣвшуюся Нину, стоявшую уже рядомъ со своей «второй мамой».

— Отъ души поздравляю! — И Овечкинъ поклонился дамамъ.—Я не забуду, какъ вы были добры къ моей спасительницѣ—бѣдной Магуль.

Давидъ, увидавъ на дворѣ свою барышню и Грибоѣдова, тоже поздравилъ ихъ.

— Только ти, баришна, тэпэръ вазми мэнэ съ собой,— сказалъ онъ.

— Хорошо, Давидъ, возьмемъ,—улыбнулась Нина.

— А у меня теперь, Давидъ, «кускѡмъ—кускѡмъ ѡблаки думъ—съ писмомъ иду, распечатанномъ отъ нэвэста»,—весело разсмѣялся Александръ Сергѣевичъ.

Давидъ только рукой махнулъ.

Д. Мордовцевъ.

(*До слѣд. №*).

Въ мигъ смерти.

Когда почуешь ты, что смерть твоя близка,
Что скоро предъ тобой раскроется могила,—
Какъ хорошо тогда, чтобъ милая рука
Съ любовью и тоской глаза твои закрыла.

Спокойнѣй умирать, спокойнѣй перейти
Въ міръ темной вѣчности отъ жизни и движенья,
Когда услышишь ты послѣднее прости
Изъ милыхъ устъ того, кто жизни далъ значенье.

Кто за тебя въ душѣ томился и страдалъ,
Кто былъ всегда съ тобой во дни житейской битвы;
Кто къ небу за тебя съ любовью возсылалъ
Усталою душой горячія молитвы;

Кто полюбилъ тебя и въ жизни никогда
Не измѣнялъ тебѣ, а жилъ однимъ тобою,
И, со слезой въ очахъ, закроетъ навсегда
Твой взоръ измученный дрожащею рукою!

Леонидъ Афанасьевъ.

БЫЛИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

I.

Въ XVII столѣтіи, въ томъ краѣ, который по волѣ Петра Великаго составилъ въ 1719 году шацкую провинцію, мало еще было русскихъ людей. Большинство его обитателей состояло изъ мордвы, татаръ и мещеры. Шацкая провинція, причисленная къ воронежской губерніи, образована была изъ слѣдующихъ уѣздовъ: темниковскаго, кадомскаго, касимовскаго, керенскаго, наровчатскаго, елатомскаго, краснослободскаго и троицкаго.

До конца XVII столѣтія, шацкая сторона была русскою украйною, и потому правительство заботилось преимущественно объ укрѣпленіи ея противъ татаръ и ногайцевъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго указа царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича отъ 25 іюня 1680 года: «въ которыхъ шацкихъ засѣкахъ на проѣзжихъ дорогахъ городки и острожки, и башни и всякія засѣчныя крѣпости погнили и обвалились, и рвы засыпаны, и тѣ всякія крѣпости сдѣлать противъ прежняго». Царскій указъ воеводы начали исполнять *по наряду окрестными обывателями*, но работа шла такъ вяло, что окончилась только въ 1726 году, при Екатеринѣ I-ой [1]).

Въ XVII же столѣтіи, въ шацкихъ мордовскихъ и мещерскихъ лѣсахъ *работные русскіе люди* гнали поташъ и смолу, и было имъ за это—*денежное и хлѣбное жалованье*. Дѣвственные хвойные и черные лѣса истреблялись безо всякой жалости, точно конца-краю не было имъ, и шло это истребленіе народнаго богатства до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ его великій печальникъ русской земли, Петръ I-й. Въ концѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія, лѣсоистребленіе въ мордовскихъ и мещерскихъ дебряхъ было прекращено. Для устройства быта майданниковъ и бутниковъ, дотолѣ занимавшихся гонкою смолы и поташа, а также и для сохраненія казеннаго интереса, царь Петръ Алексѣевичъ послалъ въ Шацкъ думнаго дворянина Степана Астафьевича Власова, который составилъ чертежи и описи мордовскихъ и мещерскихъ земель и лѣсовъ, учредилъ лѣсную стражу, завелъ пашни, основалъ села и деревни, и такимъ образомъ положилъ начало гражданственности въ полудикомъ краѣ. Съ тѣхъ поръ по рѣкамъ Ваду, Вышѣ и Парцѣ устроились зна-

[1]) Арх. шацк. провин. канц. № 16,022.

менитые бортныя ухожья, послужившія впослѣдствіи мотивомъ для составленія тамбовскаго губернскаго герба, и повелось правильное сельское хозяйство, руководителемъ котораго въ мордовско-мещерской глуши, въ концѣ XVII столѣтія, былъ бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ, основатель села: Салтыковыхъ бутъ [2]).

Въ началѣ прошлаго столѣтія, шацкій край славился плодородіемъ почвы. Вслѣдствіе этого и *ради скудости и недороду хлѣба* тянулись въ него многочисленные переселенцы изъ другихъ русскихъ областей. Этнографическій составъ этихъ переселенцевъ былъ самый разнообразный. Тутъ были башкиры, калмыки, малороссы, бѣлоруссы, поляки и *люди жидовской націи*. Если мы прибавимъ къ нимъ шацкихъ аборигеновъ—мордву и мещеру—съ пришлымъ татарскимъ и великорусскимъ населеніемъ, то получится дѣйствительно замѣчательное этнографическое разнообразіе. Но всѣ названные нами искатели счастія обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, потому что въ началѣ прошлаго столѣтія шацкій край переживалъ еще докультурную свою эпоху и представлялъ обширное поле для всевозможныхъ аномалій общественной жизни. И была въ томъ краѣ, не смотря на плодородіе его почвы, великая бѣдность, такъ что на всемъ обширномъ пространствѣ не было ни одного поселенія, имѣвшаго городской характеръ. Самый Шацкъ отличался чрезвычайною убогостью, что видно изъ донесенія провинціальной канцеляріи «высокому сенату», отъ 10 января 1729 года: «хотя воеводскій и канцелярскій дворы въ провинціи и имѣются, и тѣ весьма ветхи и сгнили, и безъ починки во оныхъ дворѣхъ намъ приказнымъ людемъ для отправленія дѣлъ сидѣть невозможно». Нищета этого провинціальнаго города доходила до того, что его присутственныя мѣста не имѣли дровъ, свѣчей, чернилъ, бумаги и сургуча. «*Сего* — кратко говоритъ донесеніе—намъ не отпускалось». О «тюремной избѣ», переполненной арестантами, шацкая провинціальная канцелярія доносила сенату: «въ Шацкѣ, въ городовой крѣпости имѣется тюремный дворъ, который весьма сталъ быть ветхъ и стѣны вывалились, отчего колодниковъ стало содержать невозможно и имѣется немалое опасеніе, чтобъ колодники не учинили утечки, понеже довольнаго числа солдатъ опредѣлить некого. А опредѣлено въ шацкую провинцію солдатъ штатныхъ самое малое число и тѣ всегда въ посылкахъ».

Сенатъ взглянулъ на заявленіе провинціальной канцеляріи снисходительно и поручилъ шацкому воеводѣ П. Г. Карташову, для возобновленія казенныхъ построекъ, рубить около Шацка дубовую засѣку. Кромѣ того, въ распоряженіе канцеляріи отдано было 300 рублей изъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ, вся сумма которыхъ въ шацкой казнѣ не превышала въ то время 1,725 рублей. Вслѣдствіе этого распоряженія, шацкая дубовая засѣка исчезла навѣки, 300 казенныхъ рублей было истрачено, но уже на слѣдующій годъ шацкія присутственныя мѣста снова нуждались въ серьезномъ ремонтѣ [3]). Замѣчательно, что въ 1729 году шацкіе

[2]) Арх. шацк. провин. канц. № 7,090.

[3]) Арх. шацк. провин. канц. № 333.

приказные чины не получали жалованія и «питались отъ приказныхъ трудовъ». Тщетно писали они въ воронежскую губернскую канцелярію, что «отъ неусыпнаго письменнаго затрудненія претерпѣваютъ они немалую нужду и помираютъ, и домишки ихъ развалились». Губернскія власти не обращали на нихъ никакого вниманія и по неволѣ шацкіе приказные дѣльцы изощрялись въ разныхъ своеобразныхъ способахъ добыванія насущнаго хлѣба [4]). Въ такой разстроенной и этнографически разрозненной провинціи, какъ шацкая, общественная жизнь, конечно, не могла имѣть правильнаго теченія и, напротивъ, поражала многочисленными безобразіями. Не легко жилось въ этой провинціи обывателямъ, поэтому многіе изъ нихъ часто и массами уходили въ бѣга и производили самые дерзкіе разбои. А неспособные администраторы и слабыя военныя команды, наѣзжая въ опустѣвшія и разоренныя села и деревни, только еще болѣе стѣсняли народъ и усложняли своимъ опекунствомъ тяготу народную.

Можно сказать, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ шацкой провинціи вполнѣ господствовало кулачное право и вся тяжесть этого порядка вещей обрушивалась преимущественно на массу народонаселенія, т. е. на крестьянство. Въ числѣ обидчиковъ шацкаго крестьянства не послѣднее мѣсто занимаютъ монастыри и приходское духовенство. Въ 1753 году крестьяне починковской волости Сармійскаго Майдана принесли въ шацкую провинціальную канцелярію такую жалобу: «Саровской пустыни строитель Ефремъ съ братіею завладѣлъ нашею мельницею на рѣкѣ Сармѣ. И травятъ тѣ саровскіе монахи собаками овецъ нашихъ, гусей и утокъ, отняли у насъ рыбную ловлю въ устьѣ Сатиса, завладѣли нашими сѣнными покосами, а межевую нашу выпись, взявши для прочтенія, удержали; и еще владѣютъ наглостно дачами нашими по рѣкѣ Пущѣ, и лубки и мочала наши свезли» [5]).

Въ томъ же году, шацкой пригородной слободы крестьянинъ Поповъ жаловался на своего приходскаго священника въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «города Шацка, церкви живоначальныя Троицы попъ Аѳанасій Алексѣевъ наглымъ озорничествомъ поселился на моей землѣ и разломалъ у меня тыновую городьбу, которая и употреблена была имъ на отопленіе собственнаго дома. Да еще тотъ же попъ, за разломаніемъ дворовой и огородной городьбы, немалое число земли моей въ пустошь запустошилъ и я остался безъ огороднаго овоща, и то попъ творитъ, надѣясь на свое богатство, и бранитъ меня, яко дѣйствительную скотину, свиньею» [6]).

Если даже духовныя особы,—по самому призванію своему друзья народа,—поступали такъ безцеремонно съ крестьянами, то помѣщики и вовсе не церемонились съ «подлыми людьми», какъ они называли въ прошломъ столѣтіи все крестьянство. Такъ, князь А. А. Черкасскій въ описываемое нами время навелъ ужасъ на

---

[4]) Арх. № 207.

[5]) Ibid. № 68.

[6]) Арх. шацк. провин. канц., связка безъ №. Есть только общее заглавіе: «Явочныя прошенія».

весь темниковскій уѣздъ, потому что отнималъ у многихъ крестьянъ земли «наглымъ своимъ насильствомъ и нарядным дѣломъ». При такомъ безправіи, сами крестьяне ожесточались и рѣшали свои поземельные споры ручною расправою. Цѣлыми толпами, человѣкъ въ 300 и болѣе, выѣзжали они на рубку чужаго лѣса или на сосѣдскія поля и сѣнные покосы, и послѣ ожесточенныхъ схватокъ овладѣвали чужимъ добромъ, или же, пораженные, въ безпорядкѣ бѣжали домой, спасаясь отъ разсвирѣпѣвшихъ сосѣдей. Во время этихъ самосудныхъ схватокъ бывали и убитые. Напримѣръ, въ битвѣ между жителями селъ Ачадова и Богдановки оказалось 11 человѣкъ убитыхъ. Особеннымъ самоуправствомъ отличались крестьяне богатаго шацкаго села—Сасова. «Собираясь многолюдствомъ, они запахивали чужія поля и тѣхъ чужанъ били смертнымъ боемъ».

Къ народнымъ тяготамъ первой половины прошлаго вѣка относятся также и многочисленныя непосильныя натуральныя повинности. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ шацкой провинціи собирали съ 18 душъ по одному работнику съ подводами и всѣмъ провіантомъ въ судовую донскую экспедицію для постройки и доставки судовъ и лѣсу въ крѣпость св. Анны къ Азову. Эта повинность исполнялась «подъ страхомъ жесточайшаго истязанія и въ самокрайней скорости». Въ работу брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ; провожали ихъ до мѣста военныя команды и часто изнуряли голодомъ и побоями. Работниковъ высылали «денно и нощно съ великимъ поспѣшеніемъ», партіями человѣкъ въ тысячу, и шли съ ними суровые начальники: комисары, счетчики и подъячіе.

Въ это же царствованіе, шацкая провинція раздѣлила со всею русскою землею ту великую бѣду, которую измыслилъ извѣстный Биронъ. Въ шацкой провинціи собирались недоимки, накопившіяся съ 1718 года, собирались «съ крайнимъ радѣніемъ и неусыпнымъ попеченіемъ, безъ всякаго послабленія». Неплательщиковъ содержали подъ карауломъ *безъ выпуску, и нещадно били*, но бѣдный шацкій край все таки былъ въ постоянныхъ недоимкахъ. «По многимъ посылкамъ—писали сборщики податей—обыватели не платятъ и дома ихъ описаны и чаемо будетъ уплата». Неплательщиковъ били и еще били, а въ концѣ концовъ все таки получался слѣдующій результатъ: «оная недоимка ко взысканію ненадежна». «Тоё недоимки—отписывались обыватели — мы не заплатили за совершенною скудостью, а по неимѣнію у себя двора едва имѣемъ дневное пропитаніе и отъ тюремнаго сидѣнія претерпѣваемъ немалыя болѣзни». То было время, по истинѣ невыносимое для шацкаго народонаселенія: многія крестьянскія поля стояли впустѣ и заростали бурьяномъ; городскія и сельскія избы были безъ крышъ и стеколъ, и цѣлыя села представлялись совершенною пустошью. Тогда сборщики податей по неволѣ оставляли разоренныхъ крестьянъ въ покоѣ и писали про нихъ въ провинціальную канцелярію: *«за пустотою взыскать въ тѣхъ деревняхъ подати не съ кого»*. Писались подобные отзывы не про однихъ крестьянъ. Въ спискахъ дворянскихъ имѣній намъ нерѣдко попадались такія отмѣтки: «владѣлецъ, за укрывательствомъ, податей не платитъ». Одновременно съ этими недоимками собиралась и натуральная рекрутская повинность съ

1711 года. Общественная тягота, такимъ образомъ, существенно увеличивалась.

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, по шацкой провинціи вдоль и поперекъ расхаживали военныя команды, предназначенныя для поимки воровъ и разбойниковъ, для сбора податей и недоимокъ, и для собиранія провіанта и фуража «ландмилицкаго» корпуса. Военные начальники предписывали имъ, чтобы они *не чинили слабыхъ поступковъ*, и потому команды позволяли себѣ самое дерзкое самоуправство по отношенію къ шацкимъ обывателямъ. Въ 1737 году, черезъ шацкую провинцію проходили команды поручиковъ Штрейта и Мочалина. Квартировать пришлось имъ въ вотчинахъ знатнаго сенатора Нарышкина, и все таки они «чинили обывателямъ многія обиды и разоренія, фуражъ безденежно брали, а жонъ и дочерей обывательскихъ насиловали» [7]). Спустя нѣсколько лѣтъ, въ темниковскій и спасскій уѣзды, для разсѣянія воровскихъ шаекъ, прибылъ донской полкъ Ребрикова и «тѣ донскіе казаки дѣлали озорничества» знобили народъ на морозѣ и забивали многихъ плетьми и саблями до смерти. При этомъ истязуемые были привязываемы къ столбамъ и висѣли такъ по цѣлымъ днямъ [8]).

Шацкій край въ первой половинѣ прошлаго столѣтія населялся,—какъ мы сказали уже,—пришлыми людьми. Въ особенности сильна была малороссійская колонизація. Поэтому край нуждался въ условіяхъ мирнаго развитія общественной жизни и съ большимъ неудовольствіемъ переносилъ «рекрутчину», которая была тѣмъ тяжелѣе, что новобранцевъ обыкновенно заковывали въ кандалы и за крѣпкимъ карауломъ представляли въ воеводскія канцеляріи.

Избѣгая тяжелой солдатской неволи, многіе крестьяне уродовали себя въ виду отдатчиковъ или же запирали передъ ними ворота и отчаянно защищались. Такъ, въ кадомской деревнѣ Дурновкѣ заперся въ своей избѣ, назначенный сельскимъ сходомъ въ рекруты, крестьянинъ Борисъ Кириловъ, и когда сельскія власти вломились къ нему, то онъ рогатиной закололъ до смерти старосту Макара Еникѣева. Другой подобный случай былъ въ вотчинѣ Л. А. Нарышкина, въ селѣ Земетчинѣ. На сходѣ порѣшили взять въ рекруты крестьянина Василія Христофорова и ночью, передъ свѣтомъ, 7 человѣкъ пошли въ его избу взять его и сковать. Во главѣ деревенской команды находился староста Рвачевъ.

— Пойдемъ на сходъ,—сказалъ староста давно неспавшему и ожидавшему непрошенныхъ гостей Христофорову.

— Куда мнѣ идти?—отвѣчалъ онъ упавшимъ голосомъ,—я и тутъ, если приказъ какой есть, слушать буду.

Въ это время Христофоровъ плелъ лапти и въ рукахъ у него былъ ножъ.

— Бери его, — скомандовалъ Рвачевъ своимъ подчиненнымъ, причемъ ударилъ Христофорова палкой по головѣ и навалился на него всѣмъ тѣломъ. Началась отчаянная борьба. Христофоровъ бро-

---

[7]) Арх. № 2644.

[8]) Арх. № 7.

силъ лапти и ударилъ Рвачева ножомъ въ спину. Тутъ же въ избѣ староста и умеръ. А до того времени убійца былъ человѣкъ смирный, степенный, и только страхъ предъ ненавистною «рекрутчиною» помутилъ всѣ его мысли и натолкнулъ на невольное преступленіе... Это было въ ноябрѣ 1748 года. Судили Христофорова быстро. Уже 5 января 1749 года на шацкой площади его били плетьми, клеймили и вырѣзывали ему ноздри. Случалось, впрочемъ, и такъ, что нѣкоторые крестьяне отбивались отъ рекрутчины, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1751 году, въ селѣ Ушенкѣ, керенскаго уѣзда, набирали рекрутъ, въ число которыхъ попали братья Ѳома и Петръ Анисины. Мірскіе выборные пошли арестовать ихъ, но Анисины встрѣтили ихъ съ ножами и рогатинами, двухъ изъ нихъ убили, а сами немедленно скрылись въ керенскихъ дремучихъ лѣсахъ [9]). Рекрутская повинность до того озабочивала сельскія общества, что многія изъ нихъ постоянно занимались кражею дѣтей въ отдаленныхъ селахъ. Чужихъ подростковъ сажали подъ караулъ, воспитывали и затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдавали въ солдаты. На этомъ поприщѣ, въ 1760 году, въ особенности отличались сельскіе старосты: Герасимъ Трофимовъ и Евстифей Ѳедоровъ. Впрочемъ, отъ подобныхъ старостъ не отставали и помѣщики: и они ловили иногда чужихъ крестьянъ для отдачи въ рекруты [10]).

Не легки были для шацкаго народонаселенія и старинные петербургскіе порядки. Мѣстныя власти, желая выслужиться передъ столичными вельможами, цѣплялись за всякія мелочи, сочиняли по поводу ихъ обширныя слѣдственныя дѣла и такимъ образомъ увеличивали и безъ того значительную массу подсудимыхъ. Иныхъ брали въ канцеляріи *за неприличныя слова*; другихъ за то, что они случайно имѣли у себя *рубли съ изображеніемъ извѣстной персоны*; наконецъ, третьихъ тянули на судъ за какую нибудь непозволительную описку въ офиціальной бумагѣ.

Въ 1726 году шацкій попъ Василій Пихтелевъ, въ одной промеморіи, сдѣлалъ такую погрѣшность. Вмѣсто того чтобы написать: «по указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской», онъ написалъ просто—«по указу ея императорскаго величества». Объ этомъ донесъ преображенскому приказу поповскій староста шацкаго Проломскаго монастыря Иванъ Кириловъ—и неосторожнаго священника потребовали въ провинціальную канцелярію. Пихтелевъ убѣжалъ въ лѣсъ и скрывался тамъ нѣсколько дней, пока не былъ изловленъ сыщиками. Привели его къ воеводѣ Аѳанасію Дубасову и тотъ объявилъ ему рѣшеніе И. Ѳ. Ромодановскаго: «понеже учинилъ оный попъ ту погрѣшность спроста и безъ умыслу, того ради наказать его на торгу плетьми». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и радъ былъ Пихтелевъ, что такъ дешево отдѣлался отъ грозившей ему опасности и считалъ произведенную надъ нимъ «торговую казнь» за величайшую для себя милость [11]).

---

[9]) Арх. № 2168.

[10]) Арх. № 6721.

[11]) Арх. № 167.

Бывали, однако же, у насъ и неудачные доносчики, которымъ доставался такъ называемый «первый кнутъ». Въ 1737 году пономарь села Зарубкина И. Пономаревъ сказалъ въ Керенскѣ «государево слово и дѣло» за попомъ того же села Василіемъ. Доносчика и отвѣтчика допрашивали въ Шацкѣ. И оказалось, что государева дѣла тутъ не было, а было неисполненіе указа московской «духовной дикастеріи». Тогда послѣдовала слѣдующая резолюція провинціальной канцеляріи: «какъ пономарь въ доносѣ своемъ сталъ виновенъ и того ради учинить ему наказаніе и бить его кнутомъ нещадно». Зарубкинскій попъ Василій, повидимому, былъ оправданъ, но и его отправили въ московскую дикастерію, гдѣ духовные отцы, конечно, не поцеремонились съ нимъ [12]).

Большую бѣду терпѣло шацкое народонаселеніе и отъ воеводскаго управленія. Чувствительнѣе всего для народа было то разореніе его имущества, которое было неизмѣннымъ слѣдствіемъ воеводскаго опекунства. Хищничествомъ своимъ въ описываемое нами время особенно прославились: шацкій «воеводскій товарищъ», князь Мещерскій, и темниковскій воевода Великопольскій,—въ особенности послѣдній. Князь Мещерскій прибылъ однажды въ село Салазгарь съ военною командою для сбора податей и вымучилъ у бѣдныхъ ясачныхъ крестьянъ 365 рублей, но всю эту сумму взялъ себѣ, а за крестьянами осталась недоимка. Что касается Великопольскаго, то крестьянскія общества многихъ темниковскихъ деревень жаловались на него высшему правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «по ненасытному своему лакомству, нашъ воевода безвинно моритъ насъ въ тюрьмѣ и рядится рядою со многими по дѣламъ, а съ нѣкоторыми и безъ всякаго дѣла; и мы, не стерпя его въ тюрьмахъ держанія, принуждены давать дачи деньгами и пожитками. Да ему жь, воеводѣ, работаютъ крестьяне въ полѣ даромъ и на своемъ хлѣбѣ».

Къ крестьянскому прошенію приложенъ реэстръ воеводскимъ взяткамъ. «Воевода взялъ съ насъ 731 рубль, жена его—38 рублей, людямъ его выдано 64 рубля, прогонныхъ и кормовыхъ денегъ воеводою взято 73 рубля, меду 8 пудовъ, пшеницы—35 четвертей, ржи—80 четвертей, овса—58 четвертей, рыбы свѣжепросольной—10 пудовъ, икры—2 пуда; да увели на воеводскій дворъ лошадь—мерина гнѣдаго». Все это собрано было въ 1753 году, по воеводскому приказанію, военною командою съ 3 деревень. Тогда же съ темниковской новокрещенной мордвы Великопольскій собралъ 589 рублей деньгами, пять волковъ, четыре лисицы, шесть медвѣдей и одну куницу. «И отъ тѣхъ поборовъ—жаловались ограбленные новокрещенцы—жительства стали у насъ весьма убогія, и пожитковъ мало, и лошадей нѣтъ» [13]).

Надобно замѣтить, что положеніе шацкихъ новокрещенцевъ было самое плачевное. Въ 30 и 40 годахъ прошлаго столѣтія шло усиленное обращеніе татаръ и мордвы въ православіе, за что, по указу императрицы Анны Іоанновны, они освобождались на 3 года отъ

[12]) Арх. № 3632.

[13]) Арх. № 5619.

всѣхъ податей и повинностей. Но на самомъ дѣлѣ подати и съ нихъ собирались. Къ тому же прежніе единовѣрцы ненавидѣли ихъ и обижали, а начальство не обращало на это никакого вниманія. Даже духовныя лица обижали новокрещенцевъ, наприм., зарубкинскій попъ Василій, который чинилъ имъ великія обиды и разоренія, и похвалялся неоднократно разорить ихъ въ конецъ.

Въ описываемую нами эпоху, тяготу народную вмѣстѣ съ крестьянствомъ несло и бѣлое духовенство. Въ особенности трудно было жить такъ называемымъ церковнымъ бобылямъ, людямъ безъ опредѣленной осѣдлости и безъ опредѣленныхъ занятій. Въ шацкой провинціи церковныхъ бобылей было немало. Въ одномъ богоявленскомъ погостѣ ихъ проживало 69 человѣкъ, да въ Темниковѣ соборныхъ бобылей было 27. Всѣ они пользовались изъ милости церковною землею и назывались по церквямъ: успенскими бобылями, троицкими, и т. д. Если къ нимъ прибавить «церковниковъ», т. е. священно-церковно-служительскихъ дѣтей, не пристроенныхъ къ приходскимъ мѣстамъ, то получалась, дѣйствительно, масса праздныхъ людей. Ихъ-то и стремилось правительство утилизировать посредствомъ такъ называемыхъ «разборовъ», вслѣдствіе которыхъ одни церковники поступали въ подушное и даже крѣпостное состояніе, а другіе шли въ военную службу. Церковническіе «разборы» совершались съ замѣчательною энергіею и суровостью, и ложились тяжелымъ бременемъ на наше духовенство. Въ 1768 году велѣно было доставить въ шацкую провинціальную канцелярію всѣхъ церковниковъ вмѣстѣ съ ихъ родителями. Многіе изъ нихъ, конечно, укрывались отъ такой бѣды. Тогда провинціальныя власти пошли на нихъ облавою и, въ сопровожденіи воинскихъ командъ, въ половодье повезли ихъ въ Шацкъ. Между тѣмъ, наступили страстная недѣля и пасха, и многія церкви «отъ той великой бѣды опустѣли и не было въ нихъ божественной службы». Тяжесть положенія духовнаго сословія въ то время увеличивалась отъ того, что въ провинціальную канцелярію вызывали также и почетныхъ духовныхъ лицъ: протоіереевъ и священниковъ со всѣми ихъ дѣтьми, даже младенцами. Отговорокъ никакихъ не принимали. Тянули въ Шацкъ больныхъ и разслабленныхъ. И многія духовныя лица бѣжали тогда изъ Шацка отъ грабежа и побоевъ. Особенный ужасъ наводилъ на шацкое духовенство воеводскій товарищъ Кудашевъ, который разъѣзжалъ по селамъ, хваталъ церковниковъ, дьячковъ и пономарей, заковывалъ ихъ въ желѣза и колодки, и отдавалъ подъ караулъ въ рекрутское присутствіе. Не спасались отъ него и дѣти, которыхъ онъ тщательно переписывалъ, произвольно прибавляя имъ лѣта.

Чаще всего наборы съ церковниковъ происходили въ царствованіе Екатерины II-й, далеко не отличавшейся симпатіями къ представителямъ русской религіозно-народной жизни, и результатомъ этого была въ духовенствѣ всеобщая паника. Высшія духовныя власти не сочувствовали, разумѣется, церковническимъ «разборамъ», но не смѣли этого высказать и покорно исполняли приказанія губернскихъ и провинціальныхъ начальниковъ. Только тамбовскій епископъ Ѳеодосій сталъ было пристраивать церковниковъ въ усилен-

номъ комплектѣ къ разнымъ приходамъ, но за это попалъ подъ судъ и два года маялся въ воронежской губернской канцеляріи. Въ солдаты попадали преимущественно тѣ церковники, противъ именъ которыхъ въ епархіальныхъ спискахъ стояли такія отмѣтки: «Читаетъ тупо, а писать не умѣетъ; читать и писать не умѣетъ; слабо обучался азбукѣ». Но бывало и такъ, что семинаристы, пріѣзжавшіе домой на каникулы изъ переяславской семинаріи, ближайшей къ шацкой провинціи, нежданно-негаданно попадали въ казармы. Въ этомъ случаѣ виноваты были уже шацкіе администраторы, дѣятельность которыхъ слишкомъ рѣдко обращала на себя вниманіе высшаго начальства и обезличенныхъ архипастырей.

II.

Такова была жизнь шацкаго провинціальнаго захолустья. Большинство его населенія терпѣливо выносило свою судьбу, но многіе не мирились съ своей обстановкой и бѣжали, босые и голодные, покидая навѣкъ свои дома и семьи, или же оставляли родныя мѣста цѣлыми семьями, забирая съ собой старыхъ и малыхъ. Бѣжали старики и дѣти, забывая свои немощи; бѣжали священнослужители, разставаясь съ церквями и укрываясь въ раскольничьихъ скитахъ; бѣжали даже дворяне-недоросли, спасаясь отъ службы и школьнаго ученія. Иные бѣглые поступали въ монахи и даже въ священники (села Архангельскаго попъ Иванъ Демьяновъ); другіе переходили русскую границу и перемѣняли свои имена. Пропадали они большею частію безслѣдно, и гдѣ горе свое мыкали,—полиція большею частью не узнавала. А мыкали они горе свое по степямъ и дебрямъ россійскимъ, укрываясь отъ самаго свѣту божьяго, терпѣли голодъ и холодъ, и кормились чѣмъ Богъ послалъ... Между бѣглыми попадались и такіе, какъ дворовая женщина помѣщика Перепечина, Аксинья Акимова, которой было уже 80 лѣтъ, когда она задумала бѣжать.

Наибольшій контингентъ бѣглыхъ доставляли барскія вотчины. За одинъ 1734 годъ и въ одной связкѣ мы нашли болѣе 200 явочныхъ прошеній о вотчинныхъ бѣглыхъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, конечно, о былой тяжести крѣпостнаго быта, у котораго нашлось нынѣ, заднимъ числомъ, столько хвалителей. И замѣчательно: большинство бѣглыхъ приходится на долю самыхъ богатыхъ шацкихъ помѣстій, напримѣръ: царевны имеретинской Дарьи Арчиловны, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, князя Ѳ. В. Сибирскаго, князя С. А. Голицына, Е. И. Пашкова, стольника Я. Г. Порошина, князя М. М. Волконскаго и вотчины Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, села Успенскаго.

Бѣглые въ прошломъ столѣтіи назывались у насъ *утеклецами*. Въ числѣ ихъ, какъ мы сказали уже, было немало дворянскихъ недорослей, которые укрывались, конечно, не отъ горя-злосчастья, а отъ службы и ученія. Одинъ изъ нихъ, кадомскій недоросль Разгильдѣевъ, спасаясь отъ правительственныхъ агентовъ, поселился въ болотѣ, куда вотчинный староста тайкомъ приносилъ ему пищу.

Недоросль Разгильдѣевъ былъ далеко не единственнымъ экземпляромъ въ своемъ родѣ. Еще въ 1726 году, снаряжена была въ шацкую провинцію особая экспедиція для поимки недорослей, укрывавшихся отъ службы. Въ то время, въ шацкихъ дебряхъ изловлено было ихъ немало. Всѣ они были люди уже немолодые, отъ 35 до 50 лѣтъ, и какъ на подборъ неграмотные. Грамотѣ пришлось имъ учиться уже въ семеновскомъ полку, куда всѣхъ ихъ опредѣлили въ солдаты. Крѣпостные крестьяне бѣжали у насъ *съ голоду и отъ несноснихъ побоевъ*, и часто въ чужой дальней сторонѣ притворялись юродивыми и жили Христовымъ именемъ. Были случаи, когда бѣжали они массами, поголовно. Такъ, въ 1705 году, изъ вотчинъ Черніева монастыря бѣжали почти всѣ крестьяне, такъ что въ монастырскихъ вотчинахъ *возымѣлась великая пустота*.

Иные крестьяне, собираясь уходить отъ своихъ господъ, предварительно чѣмъ нибудь мстили имъ: или *уносомъ пожитковъ*, или *огненнымъ спаленіемъ хоромъ*, или же буйствомъ. Такъ, дворовая шацкой помѣщицы Свинцовой, Катерина Клеменова, пришла однажды къ своей барынѣ и стала ее бранить. За барыню вступился одинъ дворовый, но неудачно; Катерина вцѣпилась ему въ виски и учинила *великое волосяное тасканіе*. Покончивши съ оторопѣвшимъ дворовымъ, воинственная баба такой же точно участи подвергла барыню и послѣ того скрылась невѣдомо куда [14]). Такое озлобленіе крѣпостныхъ крестьянъ происходило, между прочимъ, отъ того, что владѣльцы продавали ихъ въ розницу, разлучая дѣтей съ родителями, и притомъ иногда по самой дешевой цѣнѣ. Въ 1758 году, Рогожинъ продалъ Евсюковой семейство въ 6 душъ съ хоромнымъ строеніемъ и пожитками, со скотомъ и хлѣбомъ *за 15 рублей* [15]).

Особенно тяжелы были для всего шацкаго народонаселенія вышесказанные сборы недоимокъ, причемъ подвергалось описи рѣшительно все обывательское имущество. У одного крестьянина продали, напримѣръ, *гуся съ 3 гусынями, петуха съ 5 курами и шапку*. У другого—*избу съ чуланомъ, огороженную тыномъ съ воротами*. Все это въ публичной продажѣ пошло *за 1 р. 30 копѣекъ*. При такихъ условіяхъ, обездоленные крестьяне безъ всякой жалости покидали свою родину и уходили куда глаза глядятъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ мы сказали уже, въ шацкой провинціи набирали «работныхъ людей къ судовому строенію». Всѣ они должны были явиться на мѣсто (на рѣку Донъ) на добрыхъ коняхъ и съ своими припасами. Разумѣется, для шацкаго края это была слишкомъ тяжелая повинность и потому появилась масса бѣглыхъ рабочихъ. Однажды шла на работы партія въ 200 человѣкъ съ комисаромъ Алехинымъ во главѣ и вся разбѣжалась. Ихъ, этихъ бѣглыхъ, стали разыскивать, а между тѣмъ въ провинціальной канцеляріи получено было извѣстіе, что съ разныхъ трактовъ «работные люди» еще ушли въ количествѣ 5,380 человѣкъ.

О количествѣ бѣглыхъ, укрывавшихся въ одной шацкой про-

---

[14]) Арх. № 266.

[15]) Ibid. № 228.

винціи, можно судить потому, что съ нѣкоторыхъ шацкихъ селъ ежегодно брали правежныхъ штрафныхъ денегъ, за держаніе бѣглыхъ, по нѣсколько сотъ рублей. Напримѣръ, въ селѣ Кажлоткѣ въ 1767 году взяли съ міру за бѣглыхъ 400 рублей. Такимъ образомъ, штрафныя деньги составляли въ нашей провинціи одну изъ важнѣйшихъ статей государственнаго дохода.

Положеніе нашихъ бѣглыхъ было самое плачевное: ютились они въ саратовскихъ и донскихъ степяхъ, прятались на мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ, а то укрывались въ лѣсахъ и оврагахъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ принимали грѣхи на душу и занимались *разбойнымъ дѣломъ* [16]). Тогда они формировали свои пристани и шайки, и представлялись уже обществу, какъ организованное зло. До какой степени распространились разбои въ шацкой провинціи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, видно изъ того, что для ихъ искорененія составлены были особыя воинскія команды и особая слѣдственная комисія подъ начальствомъ главныхъ сыщиковъ: Татищева и Ададурова. Разбойники собирались партіями человѣкъ во 100 и болѣе, и на лодкахъ разъѣзжали по рѣкамъ Цнѣ, Мокшѣ, Окѣ и Вышѣ, «учиняя многія грабительства и смертныя убійства». 13 апрѣля 1735 года одна разбойническая шайка подплыла къ селу Фроловскому. Мѣстный священникъ Василій Васильевъ служилъ въ это время заутреню, но разбойники вывели его изъ церкви и привели къ своему атаману.

— Какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ пустыми руками? — закричалъ атаманъ на оробѣвшаго священника.—Ступай сейчасъ же домой и поскорѣй неси дорогимъ гостямъ хлѣба, соли и яицъ.

Все это принесено было немедленно. Между тѣмъ фроловскіе крестьяне стояли на берегу и отсчитывали атаманскую денежную дань. Тогда атаманъ раздобрился, пожертвовалъ на церковное евангеліе пригоршню серебряныхъ денегъ и въ церковь же отдалъ шолковую женскую юбку на эпитрахиль, а денежки и полушки велѣлъ бросать въ народъ. Въ полдень разбойники поплыли далѣе. Прощаясь съ крестьянами, атаманъ вручилъ имъ слѣдующее письмо на имя шацкаго воеводы Любовникова: «Что не ловишь меня? А со мной 80 человѣкъ, и сіе письмо писалъ я, атаманъ, для оправданія крестьянамъ, дабы имъ не разориться. А были мы у села Фроловскаго съ полдня: только пообѣдали». Та же партія вскорѣ послѣ того посѣтила села: Сасово и Агламазово, и Черніевъ монастырь. Въ Сасовѣ разбойники разграбили таможню, кабаки разбили и все *пойло* вылили на землю, кабачиковъ убили. «И былъ то дневной грабежъ», жаловались потомъ сасовскіе крестьяне. Въ селѣ Агламазовѣ атаманъ заставилъ священника кропить свои лодки святою водою, причемъ всѣ разбойники подходили къ кресту и клали за это на тарелку по копѣйкѣ. Черніевъ монастырь ограбленъ былъ слегка: разбойники взломали только монастырскую кружку и взяли изъ нея деньги, монаховъ же не тронули. Послѣ небольшаго отдыха, ата-

[16]) Въ 40—50 годахъ прошлаго столѣтія, укрывательствомъ бѣглыхъ занимались и такія официальныя лица, какъ саратовскій воеводскій товарищъ Родіоновъ. Бѣглые жили у него лѣтъ по 20, работая на него изъ хлѣба.

манъ повелъ свою шайку на усадьбу помѣщика Тюменева, который со всѣмъ семействомъ и дворовыми успѣлъ укрыться въ лѣсу, между тѣмъ какъ домъ его былъ совершенно ограбленъ и сожженъ. Тутъ только настигла разбойниковъ воинская команда и вступила съ ними въ бой, результатомъ котораго былъ плѣнъ *воровскаго есаула* Шустова, крѣпостнаго человѣка помѣщика Нарышкина. Въ Шацкѣ Шустова подвергли розыску и съ того розыску «разбойникъ во всемъ повинился». Однако шайка не унывала. Скоро она ограбила Вышенскую пристань и тамошній постоялый домъ съ кружечнымъ дворомъ. Разбойники пріѣзжали на Вышу «съ огненнымъ оружіемъ, палашами, кистенями, бердышами и, прежде чѣмъ сжечь постоялый дворъ, тщательно осмотрѣли всѣ печи и захватили въ нихъ все съѣстное».

Особенно много проживало разбойниковъ въ окрестностяхъ Моршанска, Кадома, Пичаева и въ шацкомъ залѣсскомъ стану. Отсюда они выѣзжали иногда на добычу, подводахъ на 70. Лѣсные обитатели копали себѣ въ своихъ трущобахъ обширныя пещеры и строили земляные городки. Тамъ они отдыхали отъ своей темной работы и «дѣлили полонъ», и тамъ же въ крайности отчаянно боролись съ военными командами. Нѣкоторые городки и пещеры и теперь еще сохраняются въ предѣлахъ бывшей шацкой провинціи и поддерживаютъ въ народѣ массу легендарныхъ сказаній о былой жизни отщепенцевъ русскаго народа.

Главный контингентъ для разбойничьихъ шаекъ представляли, конечно, крестьяне, особенно крѣпостные, бѣглые солдаты, драгуны и матросы. Но нерѣдко *разбойнымъ дѣломъ* занимались также дворяне и духовные. Однажды, въ 1763 году, въ шацкіе лѣса отправлена была значительная воинская команда для поимки разбойниковъ. Командѣ посчастливилось: она захватила въ плѣнъ цѣлую шайку, въ которой атаманомъ былъ попъ Андрей Андреевъ, а есауломъ—сынъ его Василій. Атаманъ Андреевъ, повидимому, баловалъ своихъ подчиненныхъ, потому что въ подвалѣ у разбойниковъ найдены были бочки съ водкой и разные съѣстные припасы [17]). Въ тѣхъ же лѣсахъ укрывался дьячокъ Ѳедоръ Поповъ съ братьями: попомъ Степаномъ и дьякономъ Иваномъ, да съ ними же были церковники Гаврило и Василій, и «всѣ тѣ люди съ рогатинами ходили по селамъ и чинили разбой, и огнемъ людей жгли, и было отъ нихъ огненное хоромное запаленіе».

Подобные же подвиги, въ 1753 году, въ шацкой провинціи совершалъ прапорщикъ Кареевъ, имѣвшій свою штабъ-квартиру въ селѣ Алексѣевскомъ. Часто ходили смирять его командами, но онъ «чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностью была въ поимкѣ воровъ крайняя остановка». Шайка Кареева въ одно лѣто разгромила усадьбы троихъ помѣщиковъ: Волкова, Бунина и Вышеславцева. При этихъ набѣгахъ, были убитые и плѣнные, напримѣръ, майоръ Короваевъ, схваченный разбойниками во время преслѣдованія ихъ командою и впослѣдствіи умерщвленный въ селѣ Алексѣевскомъ. Въ 1773 году, по Окѣ разбойничалъ по-

[17]) Арх. шацкой провинц. канц. № 7079.

мѣщикъ Самсоновъ. Онъ грабилъ торговыя и казенныя суда, а солдатъ и цѣловальниковъ билъ плетьми и палками, предварительно отнявши у нихъ денежную кассу.

Иногда и вотчинныя власти занимались разбоями. Такъ напримѣръ, лѣтомъ 1763 года, приказчикъ князя Долгорукаго Григорій Николаевъ, «собравшись съ множествомъ крестьянъ», напалъ на елатомскія дворцовыя рыбныя ловли, прогналъ со струговъ рыболововъ, захватилъ сѣтки и тѣмъ разбоемъ учинилъ грабежъ на 200 рублей [18]).

Сильные разбои въ шацкой провинціи, конечно, вызывали со стороны правительства болѣе или менѣе энергическія мѣры къ ихъ подавленію. Въ каждый уѣздъ были опредѣлены уѣздные воинскіе начальники, въ распоряженіе которыхъ поступали военныя команды. Сельскимъ властямъ, старостамъ и сотскимъ, вмѣнено было въ обязанность слѣдить за безопасностью волостей и обо всѣхъ случаяхъ нарушенія этой безопасности немедленно доносить воеводскимъ канцеляріямъ. Всѣмъ обывателямъ приказано было покрѣпче запираться на ночь и имѣть при себѣ на всякій случай хоть какое нибудь оружіе. Съ особенною энергіею разбои искоренялись въ шацкой провинціи во вторую половину царствованія Петра I-го, который среди разнообразныхъ и громадныхъ занятій своихъ все таки находилъ время внимательно заниматься дѣлами и нашей глухой провинціи, и въ этихъ видахъ нерѣдко переписывался собственноручно съ шацкими воеводами, напримѣръ, со стольникомъ Ф. Г. Ляпуновымъ, кадомскимъ воеводою Каикаровымъ и темниковскимъ—Крюковымъ.

Въ апрѣлѣ 1714 года, въ шацкую провинцію командированъ былъ для истребленія разбойниковъ поручикъ Шишковъ съ драгунами и дѣтьми боярскими. Въ одномъ лѣсу, послѣ долгихъ поисковъ, онъ настигъ разбойниковъ и вступилъ съ ними въ бой, окончившійся пораженіемъ и бѣгствомъ шайки. Трофеями побѣдителей были раненые плѣнные (10 человѣкъ), 6 телѣгъ съ разными пожитками и 11 лошадей. Спасаясь бѣгствомъ, разбойники оставили на мѣстѣ сраженія 6 труповъ. Продолжая свой путь далѣе, поручикъ Шишковъ изловилъ въ селѣ Пятаковѣ поповъ Ивана и Никиту. Оба они «по разбойному дѣлу сысканы были въ шацкую воеводскую избу и допрашиваны, и на томъ допросѣ чинили запирательство».

Розыскъ татей, разбойниковъ, становщиковъ, бѣглыхъ крестьянъ и пр., и пр., усиленно производился въ шацкой провинціи также и въ 1725 году, когда воинскія команды «имали воровскихъ людей немалое число въ селѣ Кусморѣ».

Посылались команды на шацкихъ разбойниковъ и по смерти Петра I-го, въ слѣдующія царствованія, но дѣйствовали онѣ вяло и никакъ не могли сладить съ многочисленными шайками, «а прохожимъ и проѣзжающимъ чинили, между тѣмъ, немалую остановку и разореніе», какъ это видно изъ переписки помощника главнаго сыщика Ададурова. Иногда, впрочемъ, команды ловили разбойниковъ, привозили ихъ, связанныхъ и скованныхъ, въ Шацкъ къ до-

[18]) Арх. № 78.

просу, и тогда праздные люди собирались на городскую площадь и смотрѣли, какъ вырѣзывали ворамъ ноздри и клеймили имъ лбы, и какъ заплечные мастера полосовали ихъ плетьми и батогами [19]).

Удачною ловлею «воровскихъ людей», въ 50 годахъ прошлаго столѣтія, славился староста села Карамышъ—Степановъ. Набиралъ онъ крестьянъ-односельцевъ и съ ними надолго углублялся въ лѣса и почти каждый разъ приводилъ оттуда *невѣдомыхъ людей*, которыхъ сдавалъ въ шацкую провинціальную канцелярію, гдѣ и дѣлали имъ разборъ: бѣглыхъ крѣпостныхъ возвращали помѣщикамъ, рекрутъ и солдатъ отсылали въ полки; воровъ и разбойниковъ, по наказаніи на торгу, препровождали въ Сибирь. Храбро расправлялся съ разбойниками также и темниковскій татаринъ Позняковъ, извѣстный въ свое время силачъ. Однажды два разбойника ворвались къ нему ночью. Позняковъ сталъ отъ нихъ отмахиваться и такъ удачно, что обоихъ убилъ наповалъ.

Таковы были бытовыя условія шацкаго края въ первой половинѣ прошлаго вѣка и наканунѣ приведенія въ дѣйствіе извѣстнаго екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ. Отживая свой вѣкъ, догубернскій режимъ ознаменовался еще въ шацкой провинціи громадными лѣсными пожарами, эпидеміею 1771 года, хлѣбными недородами, усиленіемъ крѣпостнаго права и, наконецъ, пугачовщиною...

И. Дубасовъ.

---

[19]) Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, въ Шацкѣ проживалъ *знаменитый* заплечный мастеръ Молоствовъ. Это былъ человѣкъ феноменально жестокій, исполнявшій свои обязанности съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ убилъ своего сына-младенца и питался молокомъ своей жены. Молоко это онъ сосалъ до крови, которую съ наслажденіемъ пилъ. (Арх. шац. провинц. канц. № 6700).

ЛУРДЪ.

Романъ **Эмиля Золя.**

Первый день.

I.

На ходу поѣзда, когда богомольцы и больные, тѣснившіеся на скамейкахъ вагона третьяго класса, оканчивали гимнъ Ave Maria stella, который они запѣли при выѣздѣ съ орлеанскаго вокзала,—Мари, приподнявшись со своего страдальческаго ложа, увидала бастіоны.

— Ахъ, укрѣпленія!—воскликнула она радостнымъ тономъ, не смотря на свои страданія.—Наконецъ-то мы выѣхали изъ Парижа и пустились въ путь.

Герсенъ, ея отецъ, сидѣвшій напротивъ, улыбнулся при видѣ радости дочери, тогда какъ аббатъ Пьеръ Фроманъ, смотрѣвшій на молодую дѣвушку съ братской нѣжностью, забывшись, замѣтилъ вслухъ въ приливѣ тревожной жалости:

— Да, и намъ придется ѣхать до завтрашняго утра; мы прибудемъ въ Лурдъ только въ три часа сорокъ минутъ. Болѣе двадцати двухъ часовъ ѣзды.

Было половина шестаго; солнце только что взошло, сіяя въ чистомъ воздухѣ восхитительнаго утра. То была пятница 19-го августа. Однако густыя облачка на горизонтѣ предвѣщали уже томительно знойный день съ грозою. Косые солнечные лучи пронизывали отдѣленія вагона, наполняя ихъ крутящейся золотистой пылью. Мари, снова впавшая въ тоску, проговорила про себя:

— Да, двадцать два часа. Боже мой, какъ еще долго!

Отецъ помогъ ей опять улечься въ узкій ящикъ, въ родѣ жолоба, служившій ей жилищемъ вотъ уже семь лѣтъ. Въ видѣ

особаго снисхожденія, на поѣздъ были приняты двѣ пары колесъ, которыя снимались и прилаживались къ этой койкѣ, чтобы катать въ ней больную. Стиснутая между досками своего подвижнаго гроба, молодая дѣвушка занимала три мѣста на скамейкѣ. Она оставалась съ минуту, закрывъ вѣки, со своимъ исхудалымъ землисто-блѣднымъ лицомъ, похожая на хилаго ребенка, не смотря на свои двадцать три года, но тѣмъ не менѣе прелестная въ рамкѣ великолѣпныхъ, истинно царственныхъ бѣлокурыхъ волосъ, пощаженныхъ болѣзнью. Одѣтая крайне просто въ черное платье изъ дешевенькой шерстяной матеріи, Мари повѣсила себѣ на шею свой билетъ, дававшій право на безплатный проѣздъ, съ ея именемъ и нумеромъ. Она сама потребовала этого униженія, не желая вводить въ расходы родныхъ, мало по малу впавшихъ въ нужду. Вотъ почему бѣдняжка находилась тутъ, въ третьемъ классѣ «бѣлаго» поѣзда съ особенно трудными больными, въ самомъ страдальческомъ изъ четырнадцати отправлявшихся сегодня въ Лурдъ поѣздовъ, вмѣщавшемъ, кромѣ пятисотъ здоровыхъ богомольцевъ, около трехсотъ несчастныхъ, изнуренныхъ слабостью, скорченныхъ болѣзнью, которыхъ мчали на всѣхъ парахъ съ одного конца Франціи до другаго.

Досадуя на себя, что опечалилъ Мари, Пьеръ продолжалъ смотрѣть на нее съ видомъ растроганнаго старшаго брата. Ему только что минуло тридцать лѣтъ; онъ былъ блѣденъ, худощавъ, съ широкимъ лбомъ. Распорядившись всѣмъ, что̀ требовалось для путешествія, до самыхъ мелочей, молодой аббатъ непремѣнно захотѣлъ сопровождать больную и съ этой цѣлью записался вспомогательнымъ членомъ въ «попечительство о страждущихъ во имя Божіей Матери-Спасительницы». На его сутанѣ виднѣлся красный крестъ съ оранжевой каемкой—отличительный знакъ братьевъ милосердія. Что же касается до Герсена, то онъ прикололъ къ своему жакету изъ сѣраго сукна только маленькій алый крестикъ паломника. Путешествіе, повидимому, восхищало его; онъ выглядывалъ изъ окна и безпрестанно вертѣлъ своей головою, похожей на голову ласковой, разсѣянной птицы и очень моложавой съ виду, хотя ему перевали́ло уже за пятьдесятъ.

Но вотъ въ сосѣднемъ отдѣленіи, не смотря на жестокую тряску, вырывавшую тяжелые вздохи у Мари, сестра Гіацинта

поднялась съ мѣста. Она замѣтила, что солнце такъ и печетъ молодую дѣвушку.

— Спустите-ка штору, г-нъ аббатъ. Пора намъ хорошенько устроиться и приняться за свое маленькое хозяйство.

Въ своемъ черномъ платьѣ монахини ордена Успенія,— причемъ эта одежда оживлялась бѣлымъ чепчикомъ, бѣлымъ апостольникомъ и длиннымъ бѣлымъ передникомъ, — сестра Гіацинта улыбалась, обнаруживая неутомимую дѣятельность. Ея молодость сказывалась въ румяныхъ губахъ маленькаго рта, въ глубинѣ прекрасныхъ синихъ глазъ, выражавшихъ постоянную нѣжность. Она была не просто хорошенькой, но восхитительной,—тоненькая, стройная, съ грудью мальчика подъ нагрудникомъ фартука, славнаго мальчика съ бѣлоснѣжнымъ лицомъ, отъ котораго такъ и вѣяло здоровьемъ, весельемъ, невинностью.

— Однако солнышко припекаетъ насъ ужь очень порядочно! Будьте такъ добры, сударыня, спустите и вашу штору.

Сидѣвшая въ углу рядомъ съ монахиней, госпожа де-Жонкьеръ держала на колѣняхъ небольшой саквояжъ. Она медленно спустила штору. Полная брюнетка, эта женщина была еще красива, хотя имѣла уже двадцатичетырехлѣтнюю дочь, Реймонду, которую, ради приличія, посадила въ вагонъ перваго класса вмѣстѣ съ двумя дамами-попечительницами: г-жею Дезаньо и г-жею Вольмаръ. Сама же она, состоя директрисой одной изъ палатъ госпиталя Скорбящей Божьей Матери въ Лурдѣ, не покидала своихъ больныхъ; на дверяхъ отдѣленія снаружи качалась карта съ росписаніемъ, гдѣ подъ именемъ г-жи де-Жонкьеръ были выставлены имена двухъ сопровождавшихъ ее сестеръ общины Успенія. Оставшись вдовою послѣ смерти разорившагося мужа и живя очень скромно съ дочерью на какихъ нибудь четыре-пять тысячъ франковъ годоваго дохода, въ глубинѣ двора въ улицѣ Вано, она отличалась неистощимой благотворительностью, посвящая все свое время дѣятельности попечительства Божіей Матери-Спасительницы. На ея платьѣ изъ темнаго поплина, цвѣта «кармелитъ», также былъ нашитъ красный крестъ попечительства о страждущихъ, гдѣ она трудилась съ неутомимымъ усердіемъ. Нѣсколько гордая по натурѣ, любившая, чтобъ ей угождали и окружали ее вниманіемъ, г-жа де-Жонкьеръ съ особеннымъ удовольствіемъ совершала это ежегодное путешествіе, доставлявшее пищу ея сердцу и страсти къ благотворительности.

— Вы правы, сестра, намъ надо устроиться. Не знаю, зачѣмъ я вожусь вотъ хоть бы съ этимъ мѣшкомъ.

И она подсунула его рядомъ съ собою подъ скамейку.

— Постойте,—сказала сестра Гіацинта,—у васъ подъ ногами жбанъ съ водою. Онъ вамъ мѣшаетъ.

— Нѣтъ, увѣряю васъ. Оставьте его. Надо же ему гдѣ нибудь стоять.

Тутъ обѣ женщины,—какъ онѣ выражались,—«занялись своимъ хозяйствомъ», чтобы провести здѣсь поудобнѣе почти цѣлыя сутки со своими больными. Имъ было досадно, что онѣ не могли взять въ свое отдѣленіе Мари, которая непремѣнно захотѣла ѣхать вмѣстѣ съ отцомъ и Пьеромъ; но черезъ низкую перегородку можно было свободно видѣть другъ друга и переговариваться. Да и вообще весь вагонъ изъ пяти отдѣленій, по десяти мѣстъ каждое, представлялъ какъ бы одну комнату,—общую подвижную залу, которую можно окинуть однимъ взглядомъ. И среди необитаго ничѣмъ желтаго дерева стѣнъ и перегородокъ, подъ выбѣленной обшивкой потолка, здѣсь была настоящая больничная палата съ безпорядкомъ и разбродомъ походнаго лазарета, устроеннаго на скорую руку. На половину спрятанныя подъ скамейкой, выглядывали оттуда разныя принадлежности, необходимыя для трудныхъ больныхъ: тазы, губки, половыя щетки. Кромѣ того, такъ какъ на поѣздъ не принимали багажа, то пожитки путешественниковъ громоздились понемногу вездѣ; тутъ были и чемоданы, и деревянные некрашеные ящики, и картонки со шляпами, и саки,—жалкая груда старыхъ потертыхъ вещей, скрѣпленныхъ кое-какъ бичевками. То же самое продолжалось и выше: одежда, свертки, корзины, подвѣшенныя на мѣдныхъ крюкахъ, безостановочно болтались въ воздухѣ. И посреди всего этого хлама трудные больные на своихъ узкихъ матрацахъ, занимавшіе по нѣскольку мѣстъ, тряслись, уносимые грохочущими толчками колесъ, между тѣмъ какъ другіе страдальцы, бывшіе въ состояніи сидѣть, прислонялись спиною къ перегородкамъ, къ подушкамъ, съ мертвенно-блѣдными лицами. По правиламъ, въ каждомъ отдѣленіи должна была находиться особая надзирательница изъ дамъ, добровольно взявшихъ на себя уходъ за страждущими. На другомъ концѣ вагона помѣщалась еще монахиня общины Успенія, по имени Клэръ-дезъ-Анжъ. Богомольцы изъ числа здоровыхъ

[illegible] мѣстъ, пили и ѣли. Въ срединѣ было [illegible] помѣстились однѣ женщины,—десять па[illegible] рядкомъ, молодыхъ и старыхъ, всѣ оди[illegible] жалкія и печальныя. Оконныхъ стеколъ не [illegible] спускать ради чахоточныхъ больныхъ; въ вагонѣ на[illegible] жара и распространялся невыносимый запахъ, кото[illegible] будто постепенно развивались отъ тряски быстраго хода на всѣхъ парахъ.

Въ Кювизи прочитали молитвы по четкамъ. Пробило шесть часовъ, поѣздъ мчался, какъ буря, мимо станціи Бретиньи, когда сестра Гіацинта поднялась съ мѣста. Она руководила молитвенными упражненіями, программа которыхъ выполнялась большинствомъ паломниковъ по маленькой книжечкѣ въ синей обложкѣ.

— Теперь приступимъ къ Angelus, дѣти мои,—сказала монахиня, улыбаясь съ материнскимъ видомъ, придававшимъ ей столько кроткаго очарованія при ея крайней молодости.

Снова было повторено нѣсколько разъ ангельское привѣтствіе Богородицѣ. Когда богомольцы кончили, Пьеръ съ Мари заинтересовались двумя женщинами, сидѣвшими въ двухъ другихъ углахъ ихъ отдѣленія. Одна, помѣщавшаяся въ ногахъ молодой дѣвушки, была худощавая блондинка, очевидно изъ буржуазіи, лѣтъ за тридцать, поблекшая раньше времени. Она стушевывалась, не обращая ничѣмъ на себя вниманія, въ своемъ темномъ платьѣ, съ выцвѣтшими волосами и осунувшимся страдальческимъ лицомъ, выражавшимъ безграничную покорность судьбѣ и глубокую печаль. Противъ нея, на скамейкѣ Пьера, сидѣла ремесленница тѣхъ же лѣтъ, въ черномъ чепчикѣ, съ чертами, изможденными нуждой и тревогой. Она держала на колѣняхъ семилѣтнюю дѣвочку, страшно блѣдную и до того исхудавшую, что ей едва можно было дать года четыре. Съ заострившимся носомъ, закрытыми и посинѣвшими вѣками на восковомъ личикѣ, малютка лежала неподвижно и не могла ничего говорить. Она только жалобно стонала, и эти чуть слышные стоны каждый разъ надрывали сердце матери, склонявшейся надъ нею.

— Не хочетъ ли она винограду?—застѣнчиво предложила дама, не сказавшая до тѣхъ поръ ни слова.—У меня есть виноградъ въ корзинкѣ.

— Благодарю васъ, сударыня,—отвѣчала работница.—Моя дочь не ѣстъ ничего, кромѣ молока... А я захватила съ собой про запасъ цѣлую бутылку.

И, уступая потребности несчастныхъ дѣлиться съ людьми своимъ горемъ, женщина расказала свою исторію. Звали ее г-жею Венсанъ; мужъ ея, позолотчикъ по ремеслу, умеръ отъ чахотки. Оставшись одна съ маленькой Розой, которую она страстно любила, вдова неутомимо трудилась, чтобъ воспитать ее, добывая себѣ пропитаніе швейной работой. Но тутъ ребенокъ сталъ хворать; вотъ уже годъ и два мѣсяца, какъ онъ не сходилъ съ рукъ матери и, страдая все больше и больше, весь истаялъ у нея на глазахъ. Однажды она, никогда не ходившая къ обѣднѣ, случайно зашла въ церковь въ приливѣ отчаянія, умоляя объ исцѣленіи своей малютки. Вдругъ ей послышался голосъ, повелѣвавшій отвезти дѣвочку въ Лурдъ, гдѣ пресвятая Дѣва сжалится надъ нею. Не имѣя никого знакомыхъ, не зная даже, какъ устраиваются паломничества, г-жа Венсанъ задалась одною мыслью: заработать и скопить денегъ на поѣздку; послѣ того она прямо взяла билетъ и отправилась въ дорогу съ оставшимися у нея тридцатью су, захвативъ съ собою только бутылку молока и не позаботившись даже купить для себя хлѣба.

— Какая же собственно болѣзнь у этой милой крошки?— снова спросила дама.

— О, сударыня, это, должно быть, дѣтская сухотка. Но у докторовъ свои названія... Сначала у нея просто побаливалъ животикъ. Потомъ онъ распухъ и она такъ страшно мучилась, что на нее нельзя было смотрѣть безъ слезъ. Теперь опухоль опала, но и сама она вся истаяла, какъ воскъ; ноги перестали носить ее,—до того бѣдняжка исхудала, а теперь ее обезсиливаетъ въ конецъ постоянный потъ...

Роза опять запищала, открывая вѣки, и перепуганная мать наклонилась надъ ней, поблѣднѣвъ отъ страха.

— Золотая моя, сокровище мое, что съ тобою?.. хочешь напиться?

Но дѣвочка, показавъ свои мутные голубые глаза съ неопредѣленнымъ взглядомъ, уже закрыла ихъ и даже ничего не отвѣчала, снова впавъ въ забытье, вся бѣленькая, въ бѣломъ платьицѣ—кокетство матери, которая захотѣла сдѣлать эту не-

нужную трату въ надеждѣ, что пресвятая Дѣва будетъ милостивѣе къ больной малюткѣ, разодѣтой во все бѣлое.

Немного помолчавъ, г-жа Венсанъ продолжала:

— Ну, а вы, сударыня, ѣдете въ Лурдъ сами для себя? Сейчасъ видно, что вы нездоровы.

Однако молодая дама точно испугалась, съежилась и опять забилась въ свой уголокъ, пробормотавъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не больна... Хорошо, еслибъ это было такъ! Тогда я страдала бы менѣе.

Ее звали г-жею Мазъ и на сердцѣ у нея было неисцѣлимое горе. Выдя замужъ по любви за здороваго весельчака съ цвѣтущими губами, она увидѣла себя покинутой черезъ годъ супружества, промчавшійся, какъ сплошной медовый мѣсяцъ. Постоянно въ разъѣздахъ, торгуя драгоцѣнными вещами, ея мужъ, добывавшій много денегъ, пропадалъ по полугоду и обманывалъ бѣдную жену отъ одной границы Франціи до другой; онъ не стѣснялся даже возить съ собой продажныхъ женщинъ. А жена между тѣмъ обожала его, она такъ жестоко мучилась невѣрностью мужа, что ударилась въ набожность, и наконецъ рѣшила отправиться въ Лурдъ, чтобы умолять пресвятую Дѣву обратить измѣнника на путь истины и заставить его вернуться къ ней.

Г-жа Венсанъ, не понимая хорошенько, инстинктивно почувствовала здѣсь глубокое нравственное страданіе, и обѣ онѣ продолжали смотрѣть одна на другую: покинутая жена, изнывавшая отъ любви, и мать, смертельно томившаяся при видѣ умирающей дочери.

Пьеръ, какъ и Мари, слышали ихъ разговоръ. Аббатъ вмѣшался въ бесѣду этихъ двухъ женщинъ, выражая удивленіе, почему швея не обратилась за помощью къ попечительству, которое охотно приняло бы на себя заботу о маленькой больной. «Попечительство Божіей Матери-Спасительницы» было основано августинскими монахами общины Успенія послѣ войны, съ цѣлью способствовать спасенію Франціи и защитѣ церкви посредствомъ общей молитвы и дѣлъ милосердія. Тѣ же монахи, вызвавъ движеніе крупныхъ паломничествъ, исключительно создали и безпрестанно расширяли въ продолженіе двадцати лѣтъ ежегодное національное паломничество въ Лурдъ въ концѣ августа. Такимъ образомъ, мало по малу возникла цѣ-

лая организація поѣздокъ на богомолье, обставленная чрезвычайно умѣло и усовершенствованная практикой. Значительныя пожертвованія стекались со всего свѣта; больные записывались въ каждомъ приходѣ; съ желѣзнодорожными компаніями входили въ соглашенія, не говоря уже о необыкновенно дѣятельномъ участіи монахинь общины Успенія и объ устройствѣ попечительства во имя Божьей Матери-Спасительницы. Послѣднее представляло обширное поле для христіанскаго самоотверженія во всѣхъ видахъ, и здѣсь мужчины и дамы,—преимущественно представители большаго свѣта,—подъ руководствомъ распорядителя паломничествъ ухаживали дорогой за больными, завѣдывали ихъ перевозкой и наблюдали за порядкомъ. Больные были обязаны представить письменное прошеніе, если желали быть принятыми въ число богомольцевъ, послѣ чего они уже избавлялись отъ всякихъ расходовъ на путешествіе и пребываніе на мѣстѣ богомолья. За ними пріѣзжали на квартиру и доставляли ихъ потомъ обратно домой, такъ что имъ оставалось только запастись на дорогу кое-чѣмъ съѣстнымъ. Правда, бо́льшая часть недужныхъ попадала сюда по рекомендаціи священника и членовъ попечительства, которые завѣдывали исполненіемъ различныхъ формальностей: наводили справки, добывали требуемыя офиціальныя удостовѣренія и медицинскія свидѣтельства. Вслѣдъ затѣмъ, больнымъ не приходилось уже заботиться о себѣ и они становились, такъ сказать, живымъ печальнымъ грузомъ, страждущимъ и ожидающимъ чуда, на братскихъ рукахъ милосердныхъ попечителей и попечительницъ.

— Ну, сударыня, — принялся объяснять по этому поводу Пьеръ,—вамъ стоило лишь обратиться къ священнику своего прихода. Вашъ ребенокъ заслуживалъ полнаго участія и его приняли бы немедленно.

— Я ничего не знала, г-нъ аббатъ.

— Такъ какъ же вы устроились?

— Я пошла хлопотать о билетѣ въ одно мѣсто, указанное мнѣ сосѣдкой, которая читаетъ газеты.

И женщина стала говорить о билетахъ, раздаваемыхъ по значительно уменьшенной цѣнѣ паломникамъ, которые могутъ платить. Слушая ее, Мари почувствовала глубокую жалость и нѣкоторый стыдъ. Она, все таки имѣвшая кое-какія средства,

поѣхала на счетъ попечительства, благодаря хлопатамъ Пьера, тогда какъ эта мать со своимъ жалкимъ ребенкомъ, истративъ всѣ свои скудныя сбереженія, осталась безъ гроша.

Но тутъ болѣе сильный толчокъ вагона заставилъ ее вскрикнуть.

— Прошу тебя, отецъ, помоги мнѣ крошечку приподняться. Я не могу больше лежать на спинѣ.

И когда де-Герсенъ посадилъ дочь, она тяжело вздохнула. Путешественники едва успѣли миновать Этампъ, въ полутора часахъ ѣзды отъ Парижа, какъ усталость уже начала сказываться, благодаря возраставшему солнечному зною, пыли и шуму. Г-жа де-Жонкьеръ поднялась, ободряя словами молодую дѣвушку черезъ перегородку. Сестра Гіацинта тоже встала и весело хлопнула въ ладоши, чтобы заставить себя слушаться отъ одного конца вагона до другаго. — Ну, ну, господа! Оставимъ думать о томъ, что у насъ болитъ. Станемъ лучше молиться, пѣть, и пресвятая Дѣва будетъ съ нами.

Она сама затянула по четкамъ канонъ лурдской Богоматери, причемъ всѣ больные и прочіе богомольцы присоединились къ ней. Это была первая серія молитвъ, гдѣ упоминалось о пяти радостныхъ таинствахъ: благовѣщеніи, посѣщеніи, рождествѣ, очищеніи и находкѣ отрока Іисуса родителями. Затѣмъ всѣ запѣли гимнъ: «Станемъ созерцать небеснаго архангела»... Голоса покрывались грохотомъ колесъ, слышался только глухой гулъ этого стада, задыхавшагося въ глубинѣ запертаго вагона, который безъ конца катился впередъ.

Де-Герсенъ хотя и исполнялъ религіозные обряды, но никогда не могъ пропѣть всего гимна цѣликомъ. Онъ то вставалъ, то опять садился, и кончилъ тѣмъ, что, облокотившись на перегородку, заговорилъ вполголоса съ больнымъ, сидѣвшимъ къ нему спиной въ сосѣднемъ отдѣленіи. Сабатье былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, коренастый, съ большой головою добряка, совершенно плѣшивый. Пятнадцать лѣтъ разбитый параличемъ, онъ страдалъ только приступами, но его парализованныя ноги совершенно отнялись; жена, сопровождавшая больнаго, передвигала ихъ ему, когда онѣ слишкомъ тяжелѣли, точно налитыя свинцомъ.

— Да, сударь, вотъ до чего я дошелъ! А когда-то я служилъ преподавателемъ въ пятомъ классѣ лицея Карла Вели-

каго. Сначала моя болѣзнь казалась мнѣ простой ломотой. Но потомъ у меня начались летучія боли, знаете, въ родѣ того, какъ будто вамъ пронзаютъ мускулы раскаленнымъ острымъ оружіемъ. Лѣтъ десять недугъ постепенно развивался; я совѣтовался со всѣми врачами, ѣздилъ на всевозможныя воды и теперь страдаю меньше, но уже не владѣю ногами... И вотъ меня, прожившаго свой вѣкъ въ безвѣріи, возвратила къ Богу мысль, что я слишкомъ жалокъ и что лурдская Богоматерь непремѣнно умилосердится со временемъ надо мною.

Заинтересованный Пьеръ также облокотился на перегородку и слушалъ.

— Не правда ли, господинъ аббатъ, вѣдь болѣзнь лучше всего служитъ къ пробужденію душъ? Вотъ уже седьмой годъ, какъ я странствую въ Лурдъ, не отчаиваясь въ своемъ исцѣленіи. На этотъ разъ я убѣжденъ, что пресвятая Дѣва исцѣлитъ меня. Да, я еще надѣюсь ходить на своихъ ногахъ и живу только этой надеждой.

Сабатье прервалъ свою рѣчь, прося жену, чтобы она передвинула ему ноги подальше влѣво. Пьеръ смотрѣлъ на него, дивясь такому упрямству вѣры въ человѣкѣ умственнаго труда, въ одномъ изъ ученыхъ, которые обыкновенно заражены духомъ безвѣрія. Какимъ образомъ вѣра въ чудо могла зародиться и крѣпко засѣсть у него въ мозгу? Значитъ, какъ онъ самъ говорилъ, только одни сильныя страданія объясняли эту потребность иллюзіи, этотъ расцвѣтъ вѣчной утѣшительницы.

— И вотъ вы видите, что этотъ годъ мы съ женою нарочно одѣлись бѣдно, потому что я пожелалъ быть простымъ бѣднякомъ и записался въ попечительствѣ изъ смиренія, чтобы Матерь божія смѣшала меня съ несчастными, со своими чадами... Впрочемъ, не желая отнимать мѣста у истинно бѣднаго, я внесъ въ комитетъ пятьдесятъ франковъ, что, какъ вамъ небезъизвѣстно, даетъ право провезти на свой счетъ одного больнаго паломника... Я даже видѣлъ своего больнаго. Мнѣ сейчасъ представили его, на вокзалѣ. Кажется, онъ боленъ легочной чахоткой и, на мои глаза, очень плохъ, очень плохъ...

Наступила минута молчанія.

— Хоть бы пресвятая Дѣва спасла и его; для нея все возможно. Я отъ души желаю этого и буду тогда счастливъ вполнѣ.

Трое мужчинъ продолжали разговаривать между собою особнякомъ отъ прочихъ, толкуя сначала о медицинѣ, потомъ перейдя къ романской архитектурѣ по поводу колокольни, показавшейся на холмѣ, при видѣ которой всѣ паломники перекрестились. Среди этого несчастнаго страждущаго люда, этихъ нищихъ духомъ, отупѣвшихъ въ нуждѣ, молодой священникъ со своими двумя спутниками позабылись, вернувшись къ привычкамъ людей мыслящихъ и образованныхъ. Прошелъ часъ, было пропѣто еще два новыхъ гимна; поѣздъ миновалъ станціи Тури и Обрэ, когда въ Божанси они прекратили наконецъ свою бесѣду, слыша, какъ сестра Гіацинта, захлопавъ въ ладоши, затянула сама своимъ звонкимъ, свѣжимъ голосомъ:

— Parce, Domine, parce populo tuo...

Пѣніе монахини было подхвачено другими и голоса слились въ одну безпрестанно возрождающуюся волну молитвъ; она убаюкивала боль, окрыляла надежду, постепенно захватывала все существо, возбужденное настойчивою мыслью о божественной благодати и чудесныхъ исцѣленіяхъ, за которыми пускаются въ такое далекое странствіе.

Но когда Пьеръ усаживался на мѣсто, онъ увидалъ, что Мари была ужасно блѣдна и лежала съ закрытыми глазами. Тѣмъ не менѣе, по ея болѣзненно-искаженному лицу онъ понялъ, что она не спитъ.

— Развѣ вамъ хуже?

— О, да, я ужасно страдаю. Ни за что мнѣ не доѣхать до мѣста. Эти постоянные толчки...

Она застонала и снова открыла глаза, оставаясь въ сидячемъ положеніи, близкая къ обмороку, обводя взглядомъ прочихъ больныхъ. Какъ разъ въ сосѣднемъ отдѣленіи напротивъ Сабатье, одна женщина, по имени Гривоттъ, лежавшая до сихъ поръ еле дыша, точно мертвая, вдругъ зашевелилась и приподнялась. То была высокая дѣвушка за тридцать лѣтъ, исхудавшая и странная, которая казалась почти красавицей со своими курчавыми волосами и блестящимъ огненнымъ взглядомъ. Она страдала чахоткой въ послѣднемъ градусѣ.

— Не правда ли, барышня, — обратилась эта дѣвушка къ Мари своимъ хриплымъ, еле внятнымъ голосомъ, — какъ хорошо было бы вздремнуть немного? Но рѣшительно нѣтъ никакой

возможности. Всѣ эти колеса какъ будто вертятся у васъ въ головѣ.

И, не смотря на утомленіе, причиняемое ей разговоромъ, она упрямо принялась болтать, распространяясь о самой себѣ. Гривоттъ была матрасница; многіе годы перебивала она матрасы съ одною изъ своихъ тетокъ, переходя со двора на дворъ въ Берси. И бѣдняжка приписывала свою болѣзнь зараженной шерсти, которую ей пришлось расчесывать въ молодости. Въ продолженіе пяти лѣтъ она побывала во всѣхъ госпиталяхъ Парижа. Эта больная знала близко каждую медицинскую знаменитость. Сестры общины Ларибуазьеръ, видя ея усердіе къ религіознымъ церемоніямъ, окончательно обратили дѣвушку и убѣдили, что Богоматерь ожидаетъ ее въ Лурдѣ для исцѣленія.

— Конечно, я нуждаюсь въ немъ; доктора толкуютъ, что одно легкое у меня совсѣмъ пропало, да и другое не лучше. Въ нихъ, знаете, каверны... Сначала у меня была только боль между плечами, я отхаркивала мокроту и похудѣла такъ, что просто жалость было смотрѣть. А теперь вотъ я постоянно вся въ испаринѣ, надрываюсь отъ кашля, а ужь откашляться не могу: до того мокрота сдѣлалась густою... И, видите ли, даже ноги меня не держатъ и я ничего не ѣмъ...

Съ ней сдѣлался приступъ удушья; она помертвѣла.

— Впрочемъ, это ничего, — продолжала Гривоттъ,—мнѣ еще не такъ худо, какъ вонъ тому монаху, который занимаетъ другое отдѣленіе позади васъ. У него та же болѣзнь, что и у меня, только въ большей степени.

Она ошибалась. За спиной Мари дѣйствительно помѣщался молодой миссіонеръ, братъ Изидоръ, лежавшій на матрасѣ. Его совсѣмъ не было видно, потому что онъ не могъ пошевелить и пальцемъ. Однако монахъ не страдалъ чахоткой, а умиралъ отъ воспаленія печени, схваченнаго въ Сенегалѣ. Длинный, страшно худой, онъ наводилъ страхъ своимъ желтымъ, изсохшимъ и мертвеннымъ лицомъ, напоминавшимъ пергаментъ. Нарывъ, образовавшійся въ печени, вскрылся подъ конецъ наружу и гнойное истеченіе изнуряло его при безпрерывномъ потрясающемъ ознобѣ, приступахъ рвоты и горячечнаго бреда. Только глаза этого мученика еще жили и въ нихъ свѣтилась неугасаемая любовь, пламя которой освѣщало его лицо, напоминав-

шее ликъ распятаго Христа, хотя молодой миссіонеръ обладалъ самой заурядной наружностью крестьянина; но пламенная вѣра, одушевлявшая его, придавала порою этимъ чертамъ истинное величіе. Онъ былъ бретонецъ родомъ, послѣдній хилый ребенокъ въ слишкомъ многочисленной семьѣ, оставившій на родинѣ клочокъ земли въ пользу старшихъ братьевъ. Его сопровождала одна изъ сестеръ, по имени Марта, двумя годами моложе Изидора; она пріѣхала въ Парижъ, чтобъ поступить въ услуженіе, и, не смотря на свою умственную ограниченность чернорабочей прислуги, съ такимъ самоотверженіемъ заботилась о больномъ братѣ, что бросила мѣсто и проживала свои крошечныя сбереженія.

— Я лежала на полу, на платформѣ вокзала,—снова заговорила Гривоттъ,—когда его втаскивали въ вагонъ. Было четыре человѣка носильщиковъ...

Но она не могла продолжать. Жестокій припадокъ кашля потрясъ ее всю и заставилъ опрокинуться на скамейку. Дѣвушка задыхалась. Рѣзкій румянецъ, выступившій пятнами у нея на щекахъ, принялъ синеватый оттѣнокъ. Подоспѣвшая сестра Гіацинта тотчасъ приподняла голову чахоточной и обтерла ей губы полотенцемъ, на которомъ показалась кровь. Госпожа де-Жонкьеръ въ то же время ухаживала за другой больной, сидѣвшей противъ нея. Послѣднюю звали г-жею Ветю; она была женою мелкаго часовщика въ кварталѣ Муфтаръ и мужъ не могъ закрыть лавочку, чтобы сопровождать ее въ Лурдъ. Потому г-жа Ветю обратилась въ попечительство, желая обезпечить за собою необходимый уходъ. Страхъ смерти заставилъ ее вернуться къ церкви, куда она не заглядывала со дня своей конфирмаціи. Бѣдняжка знала, что ей не поправиться, такъ какъ страдала ракомъ въ желудкѣ. У нея и лицо приняло уже одичалое выраженіе и оранжевую окраску одержимыхъ этой болѣзнью, а рвота была черна, какъ сажа. Во всю дорогу г-жа Ветю не произнесла ни слова, крѣпко стиснувъ губы и невыносимо страдая. Потомъ ее стало рвать, послѣ чего она лишилась чувствъ. Стоило ей открыть ротъ, чтобы оттуда понесло страшнымъ зловоніемъ, настоящей заразой, отъ которой мутило окружающихъ.

— Такъ совсѣмъ не выдержишь,—прошептала г-жа де-Жонкьеръ, чувствуя, что ей дурно.—Нужно освѣжить немного воздухъ.

Сестра Гіацинта тѣмъ временемъ укладывала Гривоттъ на подушки.

— Разумѣется, мы отворимъ окна на нѣсколько минутъ. Только не съ этой стороны. Я боюсь, что моя больная снова раскашляется... Отворите съ вашей стороны.

Жара все усиливалась, пассажиры задыхались въ тяжелой, зловонной атмосферѣ и съ облегченіемъ вздохнули, когда въ вагонъ ворвалась струя свѣжаго воздуха. Съ минуту пришлось заняться кое-чѣмъ другимъ, произвести необходимую чистку. Монахиня опоражнивала посуду, тазы, выплескивая за окно ихъ содержимое, тогда какъ дама-попечительница подтирала губкой загрязненный полъ, ходившій ходуномъ отъ тряски. Надо было все прибрать. А тутъ подоспѣла новая забота: четвертая больная, лежавшая до тѣхъ поръ неподвижно, худощавая дѣвушка съ лицомъ, закутаннымъ черной косынкой, объявила, что ей хочется ѣсть.

Г-жа де-Жонкьеръ поторопилась услужить ей со своимъ спокойнымъ самоотверженіемъ

— Не безпокойтесь, сестра. Я нарѣжу ей хлѣбъ маленькими кусочками.

Мари, чувствуя потребность разсѣяться, заинтересовалась этой неподвижной фигурой, скрывавшей свои черты подъ чернымъ покрываломъ. Она догадывалась, что у этой женщины была на лицѣ какая нибудь язва. Молодой дѣвушкѣ сказали только про нее, что больная жила прежде по найму одной прислугой. Эта несчастная, родомъ изъ Пикардіи, по имени Элиза Рукэ, была принуждена теперь оставить мѣсто и пріютилась изъ милости въ Парижѣ у сестры, которая обращалась съ нею грубо. Въ госпитали ее не принимали за неимѣніемъ другой болѣзни. Крайне набожная, она пламенно желала побывать въ Лурдѣ. И Мари, глядя на нее, съ затаеннымъ страхомъ ждала, когда Элиза сниметъ свою косынку.

— Довольно ли мелко я нарѣзала?—съ материнскимъ участіемъ спросила г-жа де-Жонкьеръ.—Можете ли вы просунуть эти кусочки себѣ въ ротъ?

Хриплый голосъ прогнусавилъ изъ подъ черной косынки какія-то невнятныя слова:

— Да, да, сударыня.

Наконецъ косынка упала; Мари содрогнулась отъ ужаса.

Больная была поражена волчанкой, захватившей носъ и ротъ и мало по малу разросшейся на нихъ. Медленное нагноеніе постоянно образовывалось подъ корою болячекъ, разъѣдая тѣло. Выдавшаяся нижняя часть лица, на подобіе собачьей морды, большіе круглые глаза и жосткіе волосы страшно безобразили Элизу Рукэ. Носовые хрящи у нея почти уже разрушились, ротъ скривился, вздернутый влѣво опухолью на верхней губѣ, и представлялъ собою гнойную и безформенную косую щель. Гнойная сукровица сочилась изъ громадной зіяющей раны съ мертвенно-блѣдными краями.

— О, взгляните, Пьеръ,—вся дрожа, прошептала Мари.

Священника также коробило, когда онъ смотрѣлъ, какъ Элиза Рукэ осторожно просовывала маленькіе кусочки хлѣба въ кровоточивое отверстіе, служившее ей ртомъ. Всѣ пассажиры въ вагонѣ поблѣднѣли при такомъ отвратительномъ зрѣлищѣ. И одна и та же мысль шевельнулась у каждаго въ душѣ, воспламененной надеждой:—О, пресвятая, всемогущая Дѣва, какое великое чудо совершишь ты, исцѣливъ такой недугъ!

— Дѣти мои, перестанемъ думать о себѣ, если хотимъ быть здоровыми,—повторила опять сестра Гіацинта со своей ободряющей улыбкой.

И она заставила прочитать новую молитву по четкамъ, гдѣ упоминалось пять скорбныхъ таинствъ: Іисусъ въ саду Масличномъ, Іисусъ бичуемый, Іисусъ, увѣнчанный терніями, Іисусъ, несущій крестъ, Іисусъ, умирающій на крестѣ. Затѣмъ послѣдовалъ гимнъ: «Упованіе мое возлагаю на помощь твою, пресвятая Дѣва».

Поѣздъ миновалъ Блуа; онъ катился уже въ продолженіе трехъ часовъ слишкомъ. Мари, отведя глаза отъ Элизы Рукэ, остановила ихъ теперь на человѣкѣ, занимавшемъ уголокъ въ другомъ отдѣленіи вправо отъ нея, тамъ, гдѣ лежалъ братъ Изидоръ. Она уже давно посматривала на этого очень бѣдно одѣтаго мужчину въ старенькомъ черномъ сюртукѣ, еще молодаго, съ рѣдкой и уже сѣдѣющей бородою. Повидимому, онъ сильно страдалъ, такой маленькій, тщедушный, съ лицомъ, едва обтянутымъ кожей и покрытымъ испариной. Однако больной сидѣлъ смирно, забившись въ самый уголъ, и не заговаривалъ ни съ кѣмъ. Неподвижный взглядъ его широко раскрытыхъ глазъ былъ устремленъ въ пространство. И вдругъ Мари замѣтила, что онъ опустилъ вѣки и лишился чувствъ.

Тогда она позвала сестру Гіацинту.

— Взгляните, сестра; кажется, этому господину дурно.

— Гдѣ, мое милое дитя?

— Тамъ... вонъ тотъ, который закинулъ голову.

Всѣ взволновались; болѣе здоровые паломники встали, чтобы видѣть происходившее. Г-жа де-Жонкьеръ вздумала крикнуть Мартѣ, сестрѣ брата Изидора, чтобы та похлопала по ладонямъ человѣка, впавшаго въ обморокъ.

— Растормошите его; спросите, что у него болитъ.

Марта подошла, тряхнула больнаго и стала задавать ему вопросы, но тотъ не отвѣчалъ и хрипѣлъ, по прежнему съ закрытыми глазами. Раздался чей-то испуганный голосъ:

— Да онъ умираетъ!

Страхъ увеличивался, говорившіе перебивали другъ друга, совѣты давались съ одного конца вагона до другаго. Никто не зналъ этого пассажира. Онъ очевидно не былъ принятъ попечительствомъ, потому что не имѣлъ на шеѣ бѣлаго билета, цвѣта поѣзда. Кто-то разсказалъ, что онъ видѣлъ, какъ этотъ больной всего за три минуты до отхода еле дотащился на вокзалъ и бросился въ уголъ вагона, гдѣ едва могъ отдышаться, чуть живой отъ изнеможенія. Затѣмъ онъ всю дорогу молчалъ. Его билетъ нашли за лентой старой высокой шляпы, висѣвшей рядомъ съ нимъ.

— Ахъ, вотъ онъ вздохнулъ,—воскликнула сестра Гіацинта.—Спросите, какъ его зовутъ.

Однако пассажиръ, спрошенный опять Мартою, только чуть внятно простоналъ:

— Ахъ, какъ я страдаю...

И съ тѣхъ поръ отъ него не слышали ничего инаго. На все, о чемъ его спрашивали: кто онъ, откуда, чѣмъ боленъ и нельзя ли чѣмъ нибудь ему помочь, онъ отвѣчалъ только неизмѣнной жалобой:

— Ахъ, я страдаю! я страдаю!

Сестра Гіацинта рвалась отъ нетерпѣнія. Еслибы она, по крайней мѣрѣ, была въ одномъ съ нимъ отдѣленіи! Но монахиня собиралась пересѣсть на ближайшей станціи, гдѣ будетъ остановка. Къ несчастью, этого приходилось ожидать очень долго. Положеніе становилось ужаснымъ, тѣмъ болѣе что больной опять закинулъ голову.

— Онъ кончается, онъ кончается,—повторилъ голосъ.

Боже мой! Что дѣлать? Сестра знала, что монахъ общины Успенія, отецъ Массіасъ, былъ на поѣздѣ со священнымъ елеемъ для соборованія и напутствія умирающихъ, потому что каждый годъ бывали смертные случаи въ дорогѣ. Однако молодая монахиня не смѣла подать сигналъ тревоги. Былъ также и санитарный фургонъ въ распоряженіи сестры Сенъ-Франсуа, гдѣ ѣхалъ докторъ съ маленькой аптечкой. Если больной дотянетъ до получасовой остановки въ Пуатье, ему окажутъ самую тщательную медицинскую помощь. Ужаснѣе всего было то, что онъ могъ умереть внезапно. Тѣмъ не менѣе пассажиры успокоились немного. Больной, не выходя изъ обморочнаго состоянія, сталъ дышать ровнѣе и какъ будто спалъ.

— Умереть, не доѣхавъ туда,—съ содроганіемъ прошептала Мари,—умереть въ виду обѣтованной земли...

Но когда отецъ принялся успокоивать ее, она продолжала:

— Я страдаю, я также страшно страдаю!

— Мужайтесь,—сказалъ Пьеръ,—святая Дѣва бодрствуетъ надъ вами.

Мари не могла больше сидѣть; пришлось опять положить бѣдняжку въ ея тѣсный гробъ. Отецъ и священникъ должны были дѣлать это съ безконечными предосторожностями, такъ какъ малѣйшій толчокъ вырывалъ у нея стоны. И она лежала послѣ того, еле дыша, точно мертвая, со своимъ страдальческимъ лицомъ въ ореолѣ пышныхъ, царственно-прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Почти въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ часовъ поѣздъ катился впередъ. Вагонъ невыносимо трясло, раскачивая вправо и влѣво, оттого что онъ былъ прицѣпленъ въ хвостѣ: желѣзныя прицѣпы скрипѣли, колеса оглушительно грохотали. Въ окна, которыя пришлось оставить полуоткрытыми, проникала ѣдкая, жгучая пыль, но въ особенности жара становилась невыносимой; то былъ палящій зной передъ грозою; небо приняло желтовато-бурый оттѣнокъ и мало по малу заволакивалось тучами. Накалившіяся отдѣленія вагона могли поспорить своей температурой съ доменной печью,—эти клѣтки на колесахъ, гдѣ люди пили, ѣли, гдѣ больные удовлетворяли всѣмъ своимъ нуждамъ въ зараженномъ воздухѣ, въ ошеломляющемъ гамѣ стоновъ, молитвъ и гимновъ.

Не одна Мари чувствовала себя хуже; другіе также стра-

дали сильно во время путешествія. На колѣняхъ матери, потерявшей всякую надежду и смотрѣвшей на нее своими большими глазами, въ которыхъ стояли слезы, маленькая Роза лежала неподвижно, до того блѣдная, что г-жа Мазъ дважды наклонялась надъ нею, щупая руки малютки и боясь, что онѣ похолодѣли. Каждую минуту г-жа Сабатье должна была передвигать ноги мужа; по его словамъ, онѣ такъ отяжелѣли, что невыносимо оттягивали ему бедра. Братъ Изидоръ принялся кричать, не выходя изъ забытья, и сестра могла облегчить больнаго только приподнявъ его и держа въ своихъ объятіяхъ. Гривоттъ какъ будто спала, подергиваясь икотой, и тонкая струйка крови текла у нея изо рта. У г-жи Ветю снова хлынула волна черныхъ зловонныхъ изверженій. Элиза Рукэ не думала больше скрывать ужасной язвы на своемъ лицѣ. А человѣкъ тамъ въ углу продолжалъ хрипѣть, тяжело дыша, точно ежеминутно былъ готовъ скончаться. Напрасно г-жа де-Жонкьеръ и сестра Гіацинта выбивались изъ силъ; имъ удавалось только развѣ на время заглушить такую бездну страданія. Какимъ-то кошмаромъ казался порою этотъ вагонъ, переполненный человѣческими бѣдствіями и скорбью, уносимый на всѣхъ парахъ, потрясаемый боковою качкой, отъ которой мотался во всѣ стороны багажъ пассажировъ,—старый хламъ, подвѣшенный на крюкахъ, поломанныя корзинки, перевязанныя бичевками,—тогда какъ въ среднемъ отдѣленіи десять богомолокъ, молодыхъ и старыхъ, одинаково жалкихъ и невзрачныхъ съ виду, безостановочно пѣли визгливыми, плачевными голосами, немилосердно фальшивя.

Тутъ Пьеръ мысленно перенесся въ другіе вагоны «бѣлаго» поѣзда, обыновенно перевозившаго трудныхъ больныхъ; всѣ они катились среди такой же муки со своимъ грузомъ трехсотъ недужныхъ и пятисотъ паломниковъ. Потомъ онъ вспомнилъ о другихъ поѣздахъ, вышедшихъ въ тотъ день изъ Парижа: о сѣромъ и голубомъ, пустившихся въ дорогу раньше «бѣлаго», о зеленомъ, желтомъ, розовомъ и оранжевомъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Съ одного конца линіи до другаго, поѣзда отходили каждый часъ. И онъ подумалъ о томъ, что еще новые поѣзда отбыли сегодня изъ Орлеана, Манса, Пуатье, Бордо, Марселя и Каркассона. Землю Франціи одновременно бороздили во всѣхъ направленіяхъ длинныя вереницы вагоновъ, стремившихся къ

одному мѣсту, къ святой пещерѣ, и увозившіе тридцать тысячъ больныхъ и богомольцевъ къ стопамъ святой Дѣвы. И священнику пришло въ голову, что сегодняшній человѣческій приливъ устремлялся туда и въ прочіе дни года, что не проходило недѣли безъ стеченія въ Лурдъ богомольцевъ, что наконецъ не одна Франція, но вся Европа, весь свѣтъ поднимались на поклоненіе святынѣ, а въ иные годы особаго подъема религіознаго духа наплывъ богомольцевъ и больныхъ достигалъ цифры трехсотъ тысячъ и даже полумилліона. Пьеру чудилось, будто бы онъ слышитъ грохотъ этихъ поѣздовъ на полномъ ходу, вышедшихъ отовсюду и направляющихся вмѣстѣ къ тому же углубленію въ скалѣ, гдѣ теплятся восковыя свѣчи. Всѣ они грохотали подъ крики боли и отрывки пѣснопѣній, разносимыхъ по вѣтру. То были катящіеся госпитали неизлѣчимыхъ недуговъ, отчаянный порывъ человѣческаго страданія къ надеждѣ исцѣленія, ожесточенная потребность облегченія, которая не отступаетъ ни передъ обостряющимися приступами болѣзни, ни передъ опасностью ускорить смерть въ этой ужасающей сумятицѣ. Поѣзда катились, катились безпрерывно, безконечно, влача бѣдствія этого міра къ божественной иллюзіи—здоровью страждущихъ и утѣшительницѣ скорбящихъ. И глубокая жалость переполнила сердце Пьера. Горько умирать! И пламенное милосердіе загорѣлось въ душѣ молодаго священника,—этотъ неугасимый огонь братской любви ко всему живому и существующему.

Въ половинѣ одиннадцатаго, при выѣздѣ со станціи Сенъ-Пьеръ де-Коръ, сестра Гіацинта подала сигналъ къ третьей молитвѣ по четкамъ, гдѣ прославлялось пять свѣтлыхъ таинствъ: воскресеніе Христово, вознесеніе, сошествіе св. Духа, успеніе пресвятой Богородицы и соборъ Богоматери. Затѣмъ пропѣли гимнъ Бернадетты, безконечный душевный вопль изъ семидесяти двухъ стиховъ, гдѣ ангельское привѣтствіе постоянно повторяется въ видѣ припѣва, медленно убаюкивая слухъ, неотступное въ своемъ однообразіи, которое захватываетъ, наконецъ, все существо человѣка, заставляя его забыться въ блаженномъ экстазѣ, въ сладостномъ предвкушеніи чуда.

II.

Передъ глазами путешественниковъ развертывались теперь зеленѣющія равнины Пуату, и аббатъ Пьеръ Фроманъ слѣдилъ изъ окна за убѣгающими деревьями, которыя глазъ переставалъ наконецъ различать. Вотъ появилась и опять исчезла колокольня; богомольцы перекрестились. Въ Пуатье предстояло прибыть не раньше тридцати пяти минутъ перваго; поѣздъ продолжалъ катиться среди возрастающаго томленія душнаго дня, предвѣщавшаго грозу. И молодой священникъ, погруженный въ глубокую задумчивость, не различалъ больше отдѣльныхъ словъ гимна, который доносился до него, какъ медленный, убаюкивающій напѣвъ морскаго прибоя.

То было забвеніе настоящаго и пробужденіе прошлаго, захватившее все его существо. Пьеръ медленно перенесся къ самымъ отдаленнымъ воспоминаніямъ дѣтства. Онъ увидалъ передъ собою домъ въ Нейльи, гдѣ родился и жилъ до сихъ поръ,—этотъ пріютъ мирнаго труда, съ садомъ, который украшало нѣсколько великолѣпныхъ деревьевъ и который отдѣлялся только живою изгородью и деревянной оградой отъ сада сосѣдняго дома, совершенно такого же, какъ и домъ Фромановъ. Пьеру было года три-четыре, когда однажды вся его семья сидѣла за столомъ подъ сѣнью развѣсистаго каштана и завтракала; тутъ были и отецъ, и мать, и старшій братъ Гильомъ. На этой картинѣ, такъ живо представившейся ему, онъ различалъ неясно лицо своего отца, Мишеля Фромана; передъ нимъ какъ-то стушевывались черты этого человѣка, имѣвшаго репутацію знаменитаго химика и званіе члена академіи, замкнувшагося въ своей лабораторіи, которую онъ устроилъ въ глуши пустыннаго квартала. Зато Пьеръ видѣлъ отчетливо своего брата Гильома, тогда четырнадцатилѣтняго мальчика, свободнаго въ то утро отъ занятій въ лицеѣ, по случаю какого-то праздника; но въ особенности живо представлялась аббату покойная мать, такая кроткая, тихая женщина съ глазами, выражавшими дѣятельную доброту. Позднѣе онъ узналъ скорбь этой набожной души, этой вѣрующей, которая пожертвовала собою, изъ уваженія и благодарности рѣшившись выйти замужъ за атеиста, на пятнадцать лѣтъ старше себя, изъ-за

того, что онъ оказалъ большія услуги ея семьѣ. Пьеръ, поздній плодъ ихъ союза, явившійся на свѣтѣ, когда его отцу было подъ пятьдесятъ, зналъ свою мать уже смирившейся и неизмѣнно почтительной къ мужу, котораго она пламенно полюбила, въ то же время жестоко терзаясь мыслью, что онъ обреченъ на гибель. Но вдругъ Пьера кольнуло въ сердце новое воспоминаніе о томъ ужасномъ днѣ, когда умеръ его отецъ, по несчастной случайности убитый взрывомъ реторты. Въ то время младшему сыну было пять лѣтъ и онъ помнилъ малѣйшія подробности катастрофы: вопль матери, когда та нашла изуродованный трупъ среди осколковъ, потомъ ея ужасъ, [redacted] данія и молитвы, при мысли, что Господь поразилъ нечестив[redacted] не давъ ему покаяться. Не смѣя сжечь бумагъ и книгъ [redacted] койнаго, она удовольствовалась тѣмъ, что наглухо запе[redacted] кабинетъ, куда съ тѣхъ поръ не входилъ никто. Съ [redacted] минуты, преслѣдуемая видѣніемъ ада, она сосредоточилась [redacted] одной мысли: безусловно подчинить своему вліянію младш[redacted] сына, еще такого крошку, и, воспитавъ ребенка въ стр[redacted] религіозномъ духѣ, искупить его праведностью нечестіе от[redacted]. Старшій, Гильомъ, не принадлежалъ ей больше; онъ выр[redacted] въ школѣ и заразился духомъ вѣка, тогда какъ маленький Пьеръ не покинетъ родительскаго дома и будетъ воспитанъ подъ руководствомъ священника. Завѣтной мечтой этой женщины и ея пламенной надеждой было увидѣть со временемъ его самого въ священническомъ санѣ, служащимъ свою первую обѣдню и облегчающимъ души, снѣдаемыя жаждой в[redacted]ности.

И вотъ другое яркое видѣніе встало передъ нимъ межъ зеленыхъ вѣтвей, пронизанныхъ солнечными лучами. Пьеръ внезапно увидѣлъ Мари де-Герсенъ такою, какою она представилась ему въ одно утро, сквозь отверстіе въ заборѣ, раздѣлявшемъ два сосѣдніе участка земли. Де-Герсенъ, происходившій изъ мелкаго нормандскаго дворянства, былъ архитекторъ, зараженный страстью къ изобрѣтеніямъ, и занимался въ то время устройствомъ рабочихъ колоній съ церковью и школой: крупное предпріятіе, довольно поверхностно изученное имъ, въ которомъ онъ рисковалъ своимъ состояніемъ въ триста тысячъ франковъ съ обычной ему горячностью и неосмотрительностью неудавшагося художника. Одинаковая набожность сбли-

зила между собой г-жу де-Герсенъ и г-жу Фроманъ, но у первой, положительной и твердой, былъ сильный характеръ и желѣзная рука, которая одна спасала домъ отъ неминуемаго разоренія; она воспитала обѣихъ дочерей, Бланшъ и Мари, въ узкомъ благочестіи, въ особенности старшую, которая была уже серьезной, какъ мать; но младшая, также очень набожная, любила однако игры и жизнь кипѣла въ ней ключемъ, заставляя ее заливаться гармоническимъ, звонкимъ смѣхомъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, Пьеръ и Мари играли вмѣстѣ; заборъ не служилъ имъ преградой и оба семейства жили очень дружно между собою. Въ то ясное солнечное утро, которое вспомнилось теперь молодому священнику, Мари, стоявшая передъ нимъ, раздвигая зеленыя вѣтки, была уже десятилѣтней дѣвочкой. Самъ онъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ, поступилъ въ слѣдующій вторникъ въ семинарію. Никогда дѣвочка не казалась ему такой прелестной. Ея волосы чистаго золота были до того длинны, что, когда она распускала ихъ, они покрывали ее всю. Пьеръ видѣлъ передъ собою лицо тогдашней Мари съ поразительной отчетливостью: ея пухлыя щочки, голубые глаза, пунцовый ротикъ и въ особенности яркую бѣлизну кожи. Она была весела и блестяща, какъ солнце,—прямо таки ослѣпительна,—а на рѣсницахъ у нея дрожали слезы, потому что дѣвочка знала о его предстоящемъ отъѣздѣ. Оба они усѣлись въ тѣни изгороди въ глубинѣ сада. Ихъ пальцы переплетались, а сердца ныли. Однако, играя, они никогда не обмѣнивались клятвами: до того велика была ихъ невинность. Но наканунѣ разлуки взаимная привязанность просилась наружу; они безсознательно заговорили о ней, клялись постоянно думать другъ о другѣ и встрѣтиться со временемъ, какъ встрѣчаются на небѣ, чтобы наслаждаться блаженствомъ. Затѣмъ, незамѣтно для самихъ себя, дѣти крѣпко обнялись и стали цѣловаться, заливаясь слезами. То было очаровательное воспоминаніе, никогда не покидавшее Пьера, и онъ сознавалъ, что оно еще живетъ въ немъ, не смотря на протекшіе годы и столько горькихъ отреченій.

Рѣзкій толчокъ заставилъ аббата очнуться отъ своей задумчивости. Отвернувшись отъ окна, онъ осмотрѣлся въ вагонѣ, скользя разсѣяннымъ взглядомъ по лицамъ страдальцевъ. Передъ нимъ мелькнула г-жа Мазъ, неподвижная, убитая горемъ;

маленькая Роза, тихо стонавшая на колѣняхъ матери; Гриветтъ со своимъ хриплымъ кашлемъ. На минуту веселое личико сестры Гіацинты заслонило ихъ всѣхъ, въ яркой бѣлизнѣ высокаго монашескаго чепца. Тягостное путешествіе продолжалось, съ лучемъ божественной надежды тамъ, вдали. И, мало по малу, все опять смѣшалось передъ молодымъ священникомъ подъ нахлынувшей волной воспоминаній изъ далекаго прошлаго; дѣйствительность напоминалъ только убаюкивающій гимнъ, неясные голоса, выходящіе точно во снѣ изъ сферы невидимаго.

Послѣ того Пьеръ жилъ въ семинаріи. Передъ нимъ отчетливо рисовались классы, дворъ, усаженный деревьями. Но вдругъ все стушевалось, кромѣ одного образа, видимаго, какъ въ зеркалѣ,—фигуры молодаго человѣка, какимъ онъ былъ тогда; и Пьеръ разсматривалъ ее подробно, точно фигуру незнакомца. Большаго роста и тоненькій, онъ имѣлъ длинное лицо съ очень развитымъ лбомъ, высокимъ и прямымъ, точно башня, тогда какъ челюсти съуживались къ низу, заканчиваясь очень тонкимъ подбородкомъ. Казалось, онъ весь ушелъ въ одинъ мозгъ; лишь нѣсколько крупный ротъ оставался нѣжнымъ. Когда серьезное лицо нѣсколько прояснялось, ротъ и глаза принимали выраженіе безконечной нѣжности, смутной жажды любить, отдаваться душою и жить. Впрочемъ, страсть къ мышленію тотчасъ брала перевѣсъ надо всѣмъ остальнымъ,—эта неугомонная дѣятельность ума, которая постоянно заставляла его доискиваться сути вещей,—и Пьеръ съ большимъ удивленіемъ вспоминалъ теперь годы, проведенные въ семинаріи. Какимъ образомъ могъ онъ такъ долго переносить суровую дисциплину слѣпой вѣры, послушно вѣрить всему, не разбирая? Отъ него потребовали совершеннаго отреченія отъ разума и онъ подчинился этому, заглушивъ въ себѣ мучительную жажду истины. Конечно, его трогали слезы матери и онъ только желалъ доставить ей великое счастье, о которомъ она мечтала. Теперь, однако, ему вспоминалось, что иногда въ немъ закипалъ глухой протестъ; въ его памяти воскресали безсонныя ночи, проведенныя въ безпричинныхъ слезахъ, когда передъ нимъ роились неясные образы, проносилась свободная жизнь, кипѣвшая за стѣнами школы, представлялась дѣятельность возмужалаго человѣка и при этомъ безпрестанно мель-

кала фигура Мари, какою онъ видѣлъ ее въ памятное утро, ослѣпительно прекрасной, въ слезахъ, горячо цѣлующей его. И только одно это до сихъ поръ уцѣлѣло въ памяти; годы религіознаго обученія, съ ихъ монотонными уроками, однообразіемъ церковныхъ обрядовъ и церемоній, потонули въ туманѣ, въ тусклой полумглѣ, надъ которой царила мертвенная тишина.

Затѣмъ, когда поѣздъ съ грохотомъ и трескомъ промчался на всѣхъ парахъ мимо станціи, смутные образы осадили Пьера. Онъ замѣтилъ по дорогѣ большую огороженную пустошь и вдругъ ему представилось, что онъ видитъ тамъ самого себя въ двадцать лѣтъ. Его мечты блуждали. Довольно продолжительное нездоровье, во время котораго онъ сильно отсталъ въ ученьѣ, заставило послать его въ деревню. Онъ долго не видалъ Мари: два раза на каникулахъ, проведенныхъ въ Нельи, Пьеръ не могъ съ ней встрѣтиться, потому что она постоянно путешествовала. Онъ зналъ, что его подруга серьезно больна вслѣдствіе паденія съ лошади, случившагося съ нею въ тринадцать лѣтъ, какъ разъ въ ту эпоху, когда дѣвочка формировалась въ женщину. Ея мать, доведенная до отчаянія, сбитая съ толку противорѣчивыми совѣтами докторовъ, каждый годъ возила ее на какія нибудь новыя цѣлебныя воды. Затѣмъ онъ узналъ о страшномъ ударѣ, постигшемъ семью Герсенъ: о неожиданной смерти этой матери,—женщины строгой, но полезной для своихъ,—да еще при трагическихъ условіяхъ; воспаленіе легкихъ унесло ее въ пять дней, вслѣдствіе простуды, схваченной вечеромъ на прогулкѣ въ Бурбулѣ, когда она сняла съ себя накидку, чтобы надѣть ее на плечи Мари, привезенной туда лѣчиться. Отцу пришлось поѣхать, чтобы привезти обезумѣвшую отъ горя дочь и тѣло своей покойной жены. Хуже всего было то, что со смертью матери дѣла семьи пошатнулись и запутывались все больше и больше въ рукахъ архитектора, бросавшаго, не считая, свое состояніе въ бездну различныхъ предпріятій. Мари не вставала больше съ кушетки и хозяйничать въ домѣ приходилось только одной Бланшъ, которая сама была по горло занята своми выпускными экзаменами: молодая дѣвушка непремѣнно хотѣла добиться дипломовъ, предвидя заранѣе, что ей предстоитъ зарабатывать свой хлѣбъ.

И вотъ изъ массы этихъ смутныхъ, на половину забытыхъ фактовъ, передъ молодымъ аббатомъ внезапно возникла ясная картина. Это происходило во время отпуска, взятаго имъ опять по причинѣ разстроеннаго здоровья. Ему только что минуло двадцать четыре года и онъ сильно отсталъ отъ товарищей, получивъ только четыре низшихъ духовныхъ чина; но по возвращеніи въ семинарію ему предстояло посвященіе въ субъ-діаконы, причемъ онъ долженъ былъ связать себя навсегда ненарушимыми обѣтами. И эта сцена воскресла въ его памяти со всѣми подробностями въ маленькомъ саду въ Нельи, принадлежавшемъ Герсену, куда онъ такъ часто приходилъ играть въ былое время.

Подъ большія деревья, въ глубинѣ сада, возлѣ ограды, раздѣлявшей владѣнія сосѣдей, прикатили кушетку Мари и молодые люди остались одни посреди печальнаго затишья осенняго дня; дѣвушка въ глубокомъ траурѣ по матери полу-лежала въ подушкахъ съ омертвѣлыми ногами; тогда какъ самъ онъ, также одѣтый въ черное, уже въ сутанѣ, сидѣлъ на желѣзномъ стулѣ около больной. Цѣлыхъ пять лѣтъ она хворала, ей было теперь восемнадцать; поблѣднѣвшая и исхудалая Мари все таки оставалась восхитительной со своими роскошными волосами, пощаженными болѣзнью. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что она никогда не поправится, никогда не разовьется въ женщину, такъ какъ болѣзнь поразила самый ея полъ. Врачи, расходившіеся во мнѣніяхъ, отступились отъ нея. Вѣроятно, въ ту сумрачную послѣполуденную пору, когда пожелтѣвшіе листья сыпались на нихъ дождемъ, она разсказывала ему объ этомъ. Однако Пьеръ не помнилъ ея словъ, у него осталась въ памяти только блѣдная улыбка дѣвушки и молодое лицо, еще такое прелестное, но съ печатью горькаго сожалѣнія объ уходившей жизни. Потомъ онъ понялъ, что Мари вспоминаетъ ихъ давнишнее прощанье на томъ же самомъ мѣстѣ, за оградой, пронизанной солнечными лучами. И все дорогое прошлое какъ будто уже умерло: ихъ слезы, ихъ объятія, ихъ обѣтъ встрѣтиться потомъ съ увѣренностью насладиться счастьемъ. Они встрѣтились, но къ чему служило это при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда она была живымъ мертвецомъ, а онъ готовился умереть для жизни въ здѣшнемъ мірѣ? Съ той минуты, когда врачи признали Мари неизлѣчимой, говоря, что она никогда не будетъ женщиной,

женой и матерью, онъ также могъ отказаться отъ перспективы стать мужчиной, могъ уничтожиться въ Богѣ, которому его посвятила мать. И Пьеръ чувствовалъ горькую отраду этого послѣдняго свиданія. Мари улыбалась страдальческой улыбкою надъ ихъ ребячествами, толкуя о счастіи, которое онъ, конечно, вкуситъ на служеніи Богу; она была до того взволнована этой мыслью, что взяла съ него обѣщаніе пригласить ее на свою первую обѣдню.

У станціи Сентъ-Моръ поднялся такой громкій говоръ, что вниманіе аббата было на минуту отвлечено происходившимъ въ вагонѣ. Онъ подумалъ, что кому нибудь изъ больныхъ сдѣлалось хуже, или кто нибудь снова упалъ въ обморокъ. Но скорбныя лица, встрѣченныя имъ, оставались такими же, хранили то же сосредоточенное выраженіе; на нихъ было написано тревожное ожиданіе божественной помощи, которая такъ медлила явиться. Напрасно Сабатье старался удобнѣе помѣстить свои ноги, а братъ Изидоръ стоналъ тоненькимъ голосомъ, точно умирающій ребенокъ, тогда какъ госпожа Ветю, въ жестокомъ приступѣ болей, сверлившихъ ей желудокъ, даже не дышала, стиснувъ губы, съ искаженнымъ, почернѣвшимъ, свирѣпымъ лицомъ. Госпожа де-Жонкьеръ, ополаскивая посуду, уронила цинковый жбанъ; больные тотчасъ разсмѣялись, не смотря на свои мученія, потому что болѣзнь дѣлала ихъ ребячески глупыми. Сестра Гіацинта, которая совершенно вѣрно называла ихъ дѣтьми, заставляя повиноваться одному своему слову, тотчасъ велѣла имъ взяться за четки въ ожиданіи Angelus, который слѣдовало по установленной программѣ прочитать въ Шательро. Всѣ принялись повторять нѣсколько разъ подъ рядъ «Богородицу» и въ вагонѣ поднялись гулъ и бормотаніе, заглушаемые лязгомъ желѣза и грохотомъ колесъ.

Пьеру было двадцать шесть лѣтъ и онъ сдѣлался священникомъ. За нѣсколько дней до посвященія, имъ овладѣли поздніе сомнѣнія, смутное сознаніе, что онъ принимаетъ духовный санъ, не испытавъ себя хорошенько. Впрочемъ, онъ даже избѣгалъ разбирать свои чувства и жилъ, отуманенный своимъ рѣшеніемъ, думая, что ему удалось однимъ ударомъ пресѣчь въ себѣ все человѣческое. Его плоть дѣйствительно умерла вмѣстѣ съ невиннымъ романомъ дѣтства, героиней котораго была эта блѣдная дѣвочка съ золотистыми волосами, которую

онъ видѣлъ теперь уже лежащей на одрѣ болѣзни съ умершей плотью, какъ и у него. И онъ добровольно пожертвовалъ своимъ разумомъ; вначалѣ это казалось ему легче, когда Пьеръ надѣялся, что достаточно захотѣть, чтобы убить работу мысли. Притомъ же было слишкомъ поздно; онъ не могъ отступить въ послѣднюю минуту, и если въ часъ произнесенія торжественнаго роковаго обѣта почувствовалъ тайный ужасъ, смутное, тягостное сожалѣніе, то позабылъ все это, вознагражденный за свои усилія въ тотъ день, когда могъ доставить матери такъ долго ожидаемую величайшую радость—дать ей послушать свою первую обѣдню. Онъ видитъ еще и теперь свою бѣдную мать, въ маленькой церкви Нёльи, которую она выбрала сама и гдѣ происходило отпѣваніе его отца; онъ видитъ ее передъ собою, какъ живую, въ то холодное ноябрьское утро, почти одну въ темной маленькой капеллѣ, колѣнопреклоненную, закрывшую лицо руками и плачущую долго, долго, пока онъ возноситъ святые дары. Здѣсь она въ послѣдній разъ насладилась счастьемъ, потому что ея жизнь протекала одиноко и печально. Старшій сынъ совершенно разошелся съ нею, отдавшись инымъ идеямъ, съ тѣхъ поръ какъ его братъ рѣшилъ поступить въ духовное званіе. Говорили, что Гильомъ,—необычайно талантливый химикъ, какъ и отецъ, но сбившійся съ пути и ударившійся въ революціонныя бредни,—проживалъ въ домишкѣ на окраинѣ Парижа, гдѣ предавался опасному изученію взрывчатыхъ веществъ; ко всему этому прибавляли, что онъ открыто живетъ съ какой-то женщиной темнаго происхожденія, и это окончательно отдалило отъ него мать, такую благочестивую и безупречную. Вотъ уже три года, какъ Пьеръ не видалъ Гильома, весельчака и добраго малаго, котораго въ дѣтствѣ онъ боготворилъ, какъ старшаго брата, питавшаго къ нему отеческія чувства.

Но вотъ его сердце мучительно сжалось: онъ увидалъ свою мать умершей. Эта смерть опять таки обрушилась на него, какъ громовой ударъ; болѣзнь продолжалась какихъ нибудь три дня,—быстрое исчезновеніе со сцены жизни, какъ и у г-жи де-Герсенъ. Однажды вечеромъ, когда Пьеръ метался, какъ сумашедшій, отыскивая доктора, по возвращеніи домой онъ нашелъ свою мать бездыханной; она умерла въ его отсутствіе и теперь лежала недвижимая и страшно блѣдная; его губы на-

всегда сохранили ледяное ощущеніе послѣдняго поцѣлуя. Прочаго онъ не помнилъ: ни молитвъ у гроба, ни приготовленій, ни похоронной церемоніи. Все это затерялось во мракѣ овладѣвшаго имъ тупаго отчаянія, жестокой муки, отъ которой онъ чуть не умеръ. Вернувшись съ кладбища, Пьеръ почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ; у него открылась горячка и три недѣли держала несчастнаго въ бреду между жизнью и смертью. Тутъ явился братъ, чтобы ухаживать за нимъ; потомъ было приступлено къ денежнымъ вопросамъ, и они подѣлили между собою маленькое состояніе. Гильомъ оставилъ ему домъ и скромную ренту, получивъ свою часть деньгами; убѣдившись, что младшій братъ внѣ опасности, онъ опять удалился, вернувшись къ своей таинственной дѣятельности. А какъ медленно поправлялся Пьеръ, оставшись одинокимъ въ опустѣломъ домѣ! Онъ не сдѣлалъ никакой попытки удержать Гильома, понимая, что ихъ раздѣляетъ бездна. Сначала ему было жутко въ одиночествѣ. Но потомъ уединеніе получило для него необыкновенную прелесть въ невозмутимой тишинѣ пустыхъ комнатъ, недоступныхъ уличному шуму, подъ скромной тѣнью тѣснаго садика, гдѣ молодой аббатъ могъ проводить цѣлые дни, не видя ни души. Его любимымъ убѣжищемъ сдѣлалась бывшая лабораторія, кабинетъ отца, который въ продолженіе двадцати лѣтъ покойная мать держала взаперти, какъ будто желая замуровать тамъ прошедшее съ его безвѣріемъ и проклятіемъ небесъ. Пожалуй, не смотря на свою кротость и былую почтительную покорность передъ мужемъ, она кончила бы тѣмъ, что уничтожила его бумаги и книги, еслибъ смерть не похитила ея внезапно. Пьеръ распорядился провѣтрить комнату, стереть пыль съ письменнаго стола и книжнаго шкафа, усѣлся въ большое кожаное кресло и съ восторгомъ проводилъ здѣсь цѣлые часы, какъ будто, возрожденный болѣзнью, онъ вернулся къ своей молодости, испытывая необыкновенное умственное наслажденіе за книгами, которыя попались ему подъ руку.

Цѣлыхъ два мѣсяца, пока его здоровье медленно поправлялось, онъ, помнится, не принималъ никого, кромѣ доктора Шассеня. Это былъ старинный другъ его отца, чрезвычайно свѣдущій врачъ, который ограничивался скромной ролью практика, сосредоточивъ все свое честолюбіе на томъ, чтобы удачно вылѣчивать больныхъ. Ему не удалось спасти г-жи Фро-

манъ, но зато онъ хвалился, что вырвалъ ея сына изъ когтей смерти. Отъ времени до времени онъ навѣщалъ и теперь своего паціента, развлекая его разговорами, разсказывая ему о покойномъ отцѣ, замѣчательномъ химикѣ. Докторъ былъ неистощимъ на интересные анекдоты о своемъ другѣ и, говоря о немъ, съ живымъ увлеченіемъ пускался въ подробности, отъ которыхъ такъ и вѣяло пламенной дружбой. Сынъ прислушивался къ этимъ разсказамъ, отдаваясь сладкой истомѣ выздоровленія, и мало по малу передъ нимъ возникалъ образъ существа восхитительной доброты, любящаго и благодушнаго. Пьеръ узналъ отца такимъ, каковъ тотъ былъ на самомъ дѣлѣ, тогда какъ со словъ матери онъ составилъ о немъ совершенно превратное понятіе, какъ объ ученомъ съ зачерствѣлой душою. Положимъ, она внушала ему одно уваженіе къ дорогой памяти усопшаго, но не былъ ли онъ невѣрующимъ, человѣкомъ отрицанія, заставлявшимъ плакать ангеловъ, орудіемъ нечестія, возставшимъ противъ Бога? Такимъ образомъ, Мишель Фроманъ оставался для сына видѣніемъ тьмы, мрачнымъ призракомъ осужденнаго грѣшника, бродившимъ по всему дому, тогда какъ теперь онъ превратился въ ясный, бодрящій свѣтъ родимаго жилища, въ труженика, упорно искавшаго истины, который не желалъ для ближнихъ ничего, кромѣ братской любви и счастія. Шассень, родившійся въ Пиренеяхъ, въ деревушкѣ, гдѣ вѣрили въ вѣдьмъ, скорѣе могъ быть склоненъ къ набожности, однако онъ не заглядывалъ ни разу въ церковь въ теченіе сорока лѣтъ своей жизни въ Парижѣ. Тѣмъ не менѣе докторъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что если существуетъ гдѣ нибудь небесный рай, то Мишель Фроманъ возсѣдаетъ тамъ одесную милосерднаго Бога.

И молодой аббатъ мысленно пережилъ въ нѣсколько минутъ жестокій нравственный переломъ, измѣнившій его тогда въ два мѣсяца. Не то, чтобъ ему попались въ библіотекѣ книги антирелигіознаго содержанія, или чтобъ его отецъ, бумаги котораго онъ разбиралъ, когда нибудь выходилъ изъ сферы научныхъ техническихъ изслѣдованій. Но мало по малу, помимо воли Пьера, ясная логика научныхъ доводовъ, совокупность доказанныхъ феноменовъ сокрушили въ его глазахъ неоспоримые догматы католичества, разбили въ прахъ тѣ факты, въ которые онъ былъ обязанъ вѣровать. Болѣзнь, казалось, обно-

вила его, и онъ совершенно съизнова началъ жить, учиться, при сладостномъ физическомъ ощущеніи выздоравливающаго, къ которому постепенно возвращаются силы, въ отрадной истомѣ, придававшей необыкновенную ясность мышленію. Въ семинаріи, по совѣту учителей, онъ всегда обуздывалъ въ себѣ духъ пытливости, потребность знанія. То, что̀ ему преподавали, конечно, удивляло его, но юноша жертвовалъ своимъ разумомъ, что̀ требовалось отъ его благочестія. И вдругъ, въ критическій моментъ, все старательно воздвигнутое зданіе догматовъ было снесено мятежнымъ порывомъ этого властительнаго разума, который настойчиво заявлялъ свои права, причемъ Пьеръ уже не могъ заставить его молчать. Истина кипѣла, рвалась черезъ край такою неудержимою волною, что аббатъ понялъ всю невозможность возстановить былое заблужденіе въ своемъ мозгу. То было полное и безвозвратное крушеніе вѣры. Если ему удалось убить въ себѣ плоть, поставивъ крестъ надъ романомъ своей юности, если онъ настолько укротилъ въ себѣ чувственность, что пересталъ быть мужчиной, то теперь онъ понялъ тщету своихъ усилій — поступиться и разумомъ. И онъ не ошибся, сознавая, что въ тайникахъ его существа возрождался покойный отецъ, который и восторжествовалъ окончательно въ этой наслѣдственной двойственности, гдѣ столько лѣтъ преобладало вліяніе матери. Верхняя часть лица Пьера, прямой лобъ въ формѣ башни, какъ будто сталъ еще выше, тогда какъ нижняя часть, тонкій подбородокъ и нѣжный ротъ, стушевались. Между тѣмъ онъ страдалъ, онъ убивался объ утратѣ вѣры, томился желаніемъ вѣровать по прежнему, когда порою, съ наступленіемъ сумерекъ, въ немъ пробуждались природная доброта и потребность любви. Надо было, чтобы въ комнату внесли лампу, и тогда къ нему возвращались энергія и спокойствіе разума, сила мученика и готовность на всѣ жертвы ради душевнаго мира.

Тутъ наступилъ роковой кризисъ. Будучи священникомъ, Пьеръ Фроманъ пересталъ вѣровать. Какъ будто почва внезапно ушла у него изъ-подъ ногъ и передъ нимъ разверзлась зіяющая бездна. То былъ конецъ его жизни, гибель всего. Что онъ станетъ дѣлать? Не повелѣваетъ ли ему простая честность сбросить сутану и снова стать человѣкомъ, какъ всѣ? Но онъ видалъ священниковъ, оставившихъ духовное званіе, и прези-

ралъ ихъ. Одинъ изъ такихъ, его личный знакомый, вступившій въ бракъ, внушалъ ему положительное отвращеніе. Конечно, то былъ остатокъ долгаго религіознаго воспитанія: въ немъ жила еще идея о нерушимости обѣтовъ священства, убѣжденіе, что, отдавшись Богу, нельзя вернуться назадъ. Можетъ быть также, онъ чувствовалъ себя уже слишкомъ обособленнымъ, отличнымъ отъ прочихъ людей, и опасался показаться страннымъ между ними, не подходящимъ къ свѣтской средѣ. Если его обрекли на безбрачіе, то онъ хотѣлъ оставаться особнякомъ, въ своей гордости страдальца. И вотъ послѣ многихъ мучительныхъ дней, послѣ долгой, безпрестанно возобновлявшейся, борьбы съ самимъ собою, когда въ немъ громко говорили потребность счастья и возстановленное здоровье, Пьеръ Фроманъ принялъ геройское рѣшеніе оставаться священникомъ и притомъ священникомъ честнымъ. У него хватитъ силы на такое самоотреченіе. Если онъ не могъ смирить своего разума, зато смирилъ грѣшную плоть и былъ увѣренъ, что не нарушитъ обѣта цѣломудрія. Что осталось въ немъ непоколебимымъ, такъ это надежда вести до гроба чистую безупречную жизнь. До остальнаго ему не было дѣла, такъ какъ онъ былъ обреченъ страдать одинъ и никто въ мірѣ не подозрѣвалъ мукъ его сердца, утраты вѣры и той ужасающей лжи, которою онъ долженъ томиться до конца дней. Твердой опорой для него послужитъ честность: онъ будетъ добросовѣстно заниматься своимъ ремесломъ священника, не нарушая ни одного изъ принятыхъ имъ обѣтовъ, исполняя по уставу свои обязанности пастыря, проповѣдуя Бога, служа ему предъ алтаремъ, раздавая вѣрующимъ тѣло и кровь Христовы подъ видомъ хлѣба и вина. Кто же осмѣлится вмѣнить ему въ преступленіе потерю вѣры, еслибъ когда нибудь это великое несчастіе и стало извѣстнымъ? И чего могутъ отъ него требовать еще, если онъ посвятилъ всю свою жизнь ненарушимой клятвѣ, если уважаетъ свой санъ, творитъ дѣла милосердія во всѣхъ его видахъ, безъ малѣйшей надежды на воздаяніе въ загробной жизни? Такими доводами Пьеру удалось, наконецъ, успокоить себя и стать на твердую почву, держа высоко голову въ одинокомъ величіи священника, не вѣрующаго ни во что, но продолжающаго бодрствовать надъ вѣрою другихъ. И, конечно, не ему одному выпала такая участь; онъ чувствовалъ, что онъ не одинъ, что

у него есть собратья, другіе священники, впавшіе въ сомнѣніе, которые тѣмъ не менѣе оставались у подножія алтаря, какъ солдаты безъ отечества, и, не смотря ни на что, имѣли мужество проливать свѣтъ божественной иллюзіи надъ колѣнопреклоненными толпами.

Какъ только Пьеръ окончательно поправился, онъ опять сталъ совершать богослуженіе въ маленькой церкви Нѣльи. Каждое утро молодой аббатъ служилъ тамъ обѣдню, но рѣшилъ отказываться отъ всякаго штатнаго мѣста, отъ всякаго повышенія. Протекли мѣсяцы и годы; онъ стоялъ на своемъ, оставаясь викарнымъ священникомъ, самымъ безъизвѣстнымъ, самымъ смиреннымъ изъ тѣхъ служителей божіихъ, которыхъ терпятъ въ приходѣ, которые появляются и исчезаютъ, исполнивъ свою обязанность. Всякое повышеніе въ чинѣ, принятое имъ, онъ счелъ бы усиленіемъ своего обмана, посягательствомъ на право болѣе достойныхъ. И ему приходилось отклонять частыя предложенія, такъ какъ его достоинства не могли остаться незамѣченными: епархіальное начальство дивилось такому настойчивому смиренію и было не прочь утилизировать силу, которую угадывало въ немъ. Только иногда у него являлось горькое сожалѣніе о томъ, что онъ не приноситъ пользы, не работаетъ для какого нибудь крупнаго дѣла, для умиротворенія земли, для спасенія и счастія народовъ, какъ подсказывала ему пламенная, мучительная потребность души. Къ счастью, Пьеръ былъ свободенъ по цѣлымъ днямъ, и онъ утѣшалъ себя, работая съ ожесточеніемъ, пожирая томъ за томомъ изъ библіотеки отца, перечитывая и обсуждая то, чему учился прежде; въ особенности увлекала его исторія націй, желаніе проникнуть въ суть соціальнаго и клерикальнаго зла, чтобы дознаться, точно ли оно неискоренимо.

Однажды поутру, роясь въ большихъ выдвижныхъ ящикахъ внизу книжнаго шкафа, Пьеръ наткнулся на цѣлое разслѣдованіе чудесныхъ явленій въ Лурдѣ. Тутъ были весьма полные документы, копіи съ допросовъ Бернадетты, административные протоколы, донесенія полиціи, показанія врачей, не считая частныхъ конфиденціальныхъ писемъ, представлявшихъ величайшій интересъ. Онъ удивился такой находкѣ и сталъ разспрашивать доктора Шассеня, который припомнилъ, что его другъ, Мишель Фроманъ, со страстью принялся однажды изу-

чать дѣло Бернадетты; самому доктору, который былъ родомъ изъ деревни, сосѣдней съ Лурдомъ, пришлось оказать химику содѣйствіе, по доставкѣ нѣкоторыхъ документовъ. Тогда Пьеръ въ свою очередь также увлекся интереснымъ случаемъ и занимался имъ цѣлый мѣсяцъ; его удивительно плѣняла правдивая и чистая личность визіонерки, но онъ возмущался всѣмъ, что̀ выросло впослѣдствіи на почвѣ совершившихся чудесъ: варварскимъ фетишизмомъ, печальными суевѣріями, торжествующей симоніей. Среди душевнаго разлада, который онъ переживалъ, эта исторія подвернулась какъ будто нарочно, чтобъ ускорить кризисъ и окончательно разбить въ немъ вѣру. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она подстрекнула его любопытство; Пьеръ охотно разслѣдовалъ бы это дѣло, чтобъ установить неоспоримую научную истину, оказать услугу чистому христіанству, избавивъ его отъ этой накипи, отъ этой волшебной сказки, такой ребяческой и трогательной. Потомъ онъ былъ принужденъ бросить свою затѣю, отступивъ передъ необходимостью путешествія и сознавая, какъ трудно получить недостающія свѣдѣнія; и въ немъ осталось только нѣжное чувство къ Бернадеттѣ, которая очаровывала его и внушала ему глубокую жалость.

Дни проходили, Пьеръ становился все болѣе и болѣе одинокимъ. Докторъ Шассень уѣхалъ въ Пиренеи въ смертельномъ безпокойствѣ: онъ бросилъ своихъ паціентовъ и увезъ въ Котерэ больную жену, которая угасала съ каждымъ днемъ на глазахъ мужа и дочери, восхитительной взрослой дѣвушки. Съ тѣхъ поръ маленькій домикъ въ Нёльи совсѣмъ опустѣлъ и погрузился въ могильную тишину. У Пьера осталось одно развлеченіе—навѣщать отъ времени до времени Герсеновъ; они уже давно выѣхали изъ сосѣдняго дома и онъ нашелъ ихъ въ глубинѣ жалкой улицы, въ тѣсной квартиркѣ. Воспоминаніе о первомъ визитѣ туда было такъ живо, что у него встрепенулось сердце; онъ еще не забылъ своего тогдашняго волненія при видѣ Мари.

Пьеръ очнулся, посмотрѣлъ вокругъ и увидалъ подругу, распростертою на скамейкѣ. Такою онъ нашелъ ее тогда, лежащей уже въ своемъ жолобѣ, прикованной къ этому гробу; къ нему прилаживали колеса, чтобы возить больную. И она, въ которой прежде ключемъ кипѣла жизнь, вѣчно подвижная и

смѣющаяся, умирала тамъ отъ бездѣйствія и неподвижности. У нея сохранились только волосы, которые покрывали ее, какъ золотистымъ плащемъ. Больная до того исхудала, что сдѣлалась какъ будто меньше ростомъ, точно маленькая дѣвочка, но что особенно хватало за сердце при взглядѣ на ея лицо, такъ это устремленные вдаль, неподвижные взоры дѣвушки; они ничего не видѣли передъ собою, тая упорную мысль, полные безучастія къ окружающему: такъ сильно была она поглощена своей болѣзнью. Однако Мари замѣтила, что Пьеръ смотритъ на нее, и захотѣла ему улыбнуться, но у нея вырвались стоны, и какъ жалка вышла эта улыбка бѣднаго, убитаго созданія, убѣжденнаго, что ему придется умереть, не дождавшись чуда. Молодой аббатъ былъ потрясенъ; теперь онъ видѣлъ и слышалъ только ее посреди другихъ скорбей, наполнявшихъ вагонъ, какъ будто онѣ сосредоточились въ ней всѣ, въ продолжительной агоніи ея красоты, веселости и молодости.

И мало по малу, не сводя глазъ съ Мари, аббатъ вернулся къ прошедшимъ днямъ; ему пришли на память часы, полные горькой и грустной прелести, которые онъ переживалъ возлѣ нея, когда приходилъ въ гости въ ихъ маленькую квартирку. Де-Герсенъ окончательно разорился, мечтая поднять производство образовъ и картинъ религіознаго содержанія, потому что несовершенство этой отрасли промышленности раздражало его. И послѣднія крохи неудачника были поглощены банкротствомъ одной хромолитографіи; разсѣянный, непредусмотрительный, онъ полагался на Бога, убаюкиваемый вѣчной иллюзіей своей ребяческой души; этотъ человѣкъ не замѣчалъ возраставшей нужды въ его домѣ и занялся теперь отысканіемъ способа управлять воздушными шарами, даже не видя того, что старшей дочери, Бланшъ, приходилось совершать чудеса расторопности, чтобъ ухитриться добыть хлѣба для семьи, для своихъ двухъ дѣтей, какъ она называла отца и сестру. Та же самая Бланшъ, давая уроки французскаго языка и фортепіанной игры, бѣгая съ утра до вечера по всему Парижу въ пыль и грязь, находила еще деньги, нужныя для поддержанія здоровья Мари. Послѣдняя часто заливалась слезами, горько обвиняя себя въ томъ, что была первой причиной бѣдности отца. Сколько истрачено денегъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ, когда приходилось платить докторамъ и возить больную на всевозможныя воды:

въ Бурбуль, Э, Ламалу, Амели ле-Бенъ. Теперь врачи отступились отъ нея, послѣ десяти лѣтъ діагноза и лѣченія по различнымъ способамъ: одни приписывали ея болѣзнь разрыву большихъ связокъ, другіе—присутствію опухоли, третьи параличу, происходящему отъ пораженія спиннаго мозга, и такъ какъ Мари въ своей дѣвической стыдливости не допускала никакого тщательнаго изслѣдованія, а доктора даже стѣснялись разспрашивать ее подробно, то каждый оставался при своемъ мнѣніи, объявляя больную неизлѣчимой. Впрочемъ, она не разсчитывала больше ни на что, кромѣ помощи божіей, и впала въ узкое благочестіе, съ тѣхъ поръ какъ начала хворать, находя облегченіе только въ своей пламенной вѣрѣ. Болѣе всего ее огорчала невозможность бывать въ церкви, но она каждое утро читала обѣдню. Ея неподвижныя ноги казались мертвыми и по временамъ Мари была такъ слаба, что сестрѣ приходилось кормить ее изъ своихъ рукъ.

Пьеръ въ эту минуту припомнилъ одинъ эпизодъ. Дѣло происходило опять таки вечеромъ, прежде чѣмъ зажгли лампу. Онъ сидѣлъ возлѣ Мари въ темнотѣ сгущавшихся сумерекъ и вдругъ она сказала ему, что хочетъ ѣхать въ Лурдъ, увѣренная получить тамъ исцѣленіе. Непріятно удивленный, онъ забылся и сталъ громко доказывать, что съ ея стороны было безумiемъ вѣрить различнымъ ребяческимъ бреднямъ. Онъ никогда не говорилъ съ Мари о религіи, отказавшись не только исповѣдывать ее, но даже разрѣшить кое-какія сомнѣнія набожной дѣвушки. Молодой священникъ дѣйствовалъ такъ изъ стыдливости и благочестія; ему было бы слишкомъ больно лгать передъ нею, а съ другой стороны онъ считалъ преступленіемъ хоть сколько нибудь смутить великую, чистую вѣру, которая дѣлала больную сильной въ борьбѣ съ страданіемъ. И вотъ недовольный тѣмъ, что не могъ сдержать себя, онъ растерялся, когда почувствовалъ холодную руку Мари въ своей рукѣ; потихоньку, ободряемая темнотой, она заговорила своимъ разбитымъ голосомъ и дала понять аббату, что ей извѣстна его тайна, его несчастіе, жестокое бѣдствіе для священника—потеря вѣры. Во время ихъ бесѣдъ, онъ, самъ того не замѣчая, открылъ ей все и она проникла въ глубь его совѣсти съ деликатной чуткостью страждущей подруги. Дѣвушка страшно безпокоилась за Пьера и даже стала жалѣть его болѣе самой себя,

какъ человѣка, пораженнаго смертельнымъ нравственнымъ недугомъ. Потомъ, когда въ своемъ смущеніи онъ не находилъ отвѣта, обличая себя уже однимъ молчаніемъ, она опять заговорила про Лурдъ и прибавила чуть слышно, что хочетъ поручить также и своего друга милосердію пресвятой Дѣвы, что станетъ умолять ее возвратить ему угасшую вѣру. Съ этого вечера Мари твердила, что исцѣлилась бы непремѣнно, еслибъ поѣхала въ Лурдъ. Но препятствіемъ къ поѣздкѣ служилъ денежный вопросъ, о которомъ она не смѣетъ даже заикнуться передъ сестрою. Прошло два мѣсяца; больная слабѣла со дня на день, изнуряемая своими грезами наяву, постоянно устремляя глаза въ пространство къ лучезарной чудодѣйственной пещерѣ.

Пьеру приходилось выносить тяжелую борьбу. Сначала онъ наотрѣзъ отказался сопровождать молодую дѣвушку. Потомъ его твердость поколебалась при мысли, что если онъ рѣшится на поѣздку, то можетъ извлечь изъ нея пользу, продолжая свое разслѣдованіе о Бернадеттѣ, плѣнительный образъ которой оставался у него въ сердцѣ. Наконецъ, онъ почувствовалъ какую-то нежданную отраду, у него явилась тайная надежда, которую онъ скрывалъ отъ самого себя; ему приходило въ голову, что Мари, пожалуй, права, и пресвятая Дѣва, можетъ быть, сжалится и надъ нимъ, возвративъ ему слѣпую вѣру, вѣру младенца, который любитъ, не разсуждая. О, вѣровать всей душою, отдаться всѣмъ существомъ своимъ вѣрованіямъ! Большаго счастія, конечно, нѣтъ на свѣтѣ. Онъ жаждалъ вѣры со всей горячностью молодости, со всѣмъ пыломъ любви, которую нѣкогда питалъ къ своей матери, и терзался жгучимъ желаніемъ уйти отъ пытки: понимать и знать; желаніемъ забыться навсегда въ глубинѣ божественнаго невѣдѣнія. Трусость и блаженство таились въ этой надеждѣ отрѣшиться отъ личнаго существованія, сдѣлаться вещью въ рукахъ божіихъ. И такимъ образомъ Пьеръ пришелъ къ рѣшимости испытать предложенное ему крайнее средство.

Недѣлю спустя, поѣздка въ Лурдъ была рѣшена. Однако священникъ настоялъ на томъ, чтобы въ послѣдній разъ посовѣтоваться съ докторами; надо было узнать, можетъ ли Мари перенести путешествіе; и тутъ опять ему представилась одна сцена, причемъ нѣкоторыя подробности ея выступали передъ

нимъ особенно ярко, тогда какъ другія уже стушевались. Изъ двоихъ докторовъ, лѣчившихъ дѣвушку въ прежнее время, одинъ предполагалъ у нея разрывъ большихъ связокъ, тогда какъ другой находилъ параличъ, обусловленный поврежденіемъ спиннаго мозга; наконецъ оба они остановились на послѣднемъ опредѣленіи болѣзни, не отрицая, впрочемъ, и неправильностей со стороны большихъ связокъ; по крайней мѣрѣ, всѣ симптомы указывали на это; болѣзнь казалась имъ до того очевидной, что они, не колеблясь, дали, каждый отъ себя, почти одинаковыя медицинскія свидѣтельства въ совершенно положительной формѣ. Что же касается путешествія, то врачи считали его возможнымъ, хотя и крайне мучительнымъ для больной. Это избавило Пьера ото всякихъ колебаній, такъ какъ въ лицѣ приглашенныхъ докторовъ онъ встрѣтилъ людей чрезвычайно осторожныхъ и добросовѣстныхъ; но у него оставалось смутное воспоминаніе о третьемъ врачѣ, Боклерѣ, его дальнемъ родственникѣ, молодомъ человѣкѣ живаго ума, но еще мало извѣстномъ и слывшемъ за чудака. Боклеръ долго всматривался въ черты больной, а потомъ сталъ освѣдомляться о ея предкахъ и былъ чрезвычайно заинтересованъ тѣмъ, что ему сообщили объ отцѣ Мари, де-Герсенъ, этомъ архитекторѣ на подкладкѣ изобрѣтателя, съ недалекимъ, разбрасывающимся умомъ, склоннымъ ко всякимъ затѣямъ. Потомъ докторъ захотѣлъ осмотрѣть больную и убѣдился осторожнымъ прощупываніемъ, что боль окончательно локализировалась въ лѣвомъ яичникѣ, а при давленіи на него, къ горлу больной какъ будто подступалъ клубокъ, который душилъ ее. Боклеръ, казалось, не придавалъ никакого значенія параличу ногъ, и послѣ осмотра, при первомъ прямомъ вопросѣ, воскликнулъ, что паціентку слѣдуетъ везти въ Лурдъ, гдѣ она непремѣнно исцѣлится, если у нея есть увѣренность въ этомъ. Онъ говорилъ съ улыбкой, что одной вѣры совершенно достаточно, что двѣ изъ его паціентокъ,— очень набожныя особы, отправленныя имъ въ прошломъ году въ Лурдъ,—вернулись оттуда сіяющія здоровьемъ. Докторъ даже объяснялъ, какъ совершится чудо, говоря, что это произойдетъ моментально, какъ бы путемъ пробужденія, сильнѣйшей экзальтаціей всего существа, причемъ болѣзнь, этотъ дьявольскій гнетъ, душившій молодую дѣвушку, въ послѣдній разъ подступитъ къ горлу и какъ будто выкатится у нея клубкомъ изо

рта. Однако Боклеръ наотрѣзъ отказался дать свидѣтельство. Онъ не согласился со своими коллегами, которые отнеслись къ нему холодно, какъ къ юношѣ съ незрѣлымъ умомъ, который пускается въ слишкомъ рискованныя предположенія. У Пьера смутно остались въ памяти обрывки спора, возобновившагося въ его присутствіи, кое-какія фразы Боклера, объяснявшаго болѣзнь: искривленіе внутреннихъ органовъ съ легкими разрывами связокъ вслѣдствіе паденія съ лошади, потомъ медленное заживленіе, причемъ все пришло на свое мѣсто. Между тѣмъ ходъ недуга естественно осложнился нервнымъ разстройствомъ, такъ что больная находилась теперь только во власти прежняго страха и все ея вниманіе было ненормально сосредоточено на пунктѣ поврежденія; оно какъ будто замерло здѣсь и усиливало боли, сдѣлавшись неспособнымъ къ воспріятію новыхъ впечатлѣній; однако эта познавательная способность можетъ возвратиться къ больной подъ вліяніемъ сильнаго нравственнаго толчка. Впрочемъ, Боклеръ допускалъ также разстройство питанія,—область, пока еще темная въ медицинѣ,—и даже не рѣшался высказаться опредѣленно относительно хода и важности этого болѣзненнаго процесса. Только это мнѣніе, будто бы Мари страдала воображаемымъ недугомъ, будто бы жестокія боли, терзавшія ее, происходили отъ поврежденія, зажившаго давно, показалось до того дикимъ самому Пьеру, когда онъ смотрѣлъ на эту живую покойницу съ омертвѣлыми ногами на ея скорбномъ одрѣ, что онъ даже не остановился на такой мысли, счастливый въ ту минуту уже тѣмъ, что всѣ три доктора были согласны относительно одного пункта: разрѣшали поѣздку въ Лурдъ. Для Пьера было достаточно знать, что Мари излѣчима, и теперь онъ былъ готовъ пуститься съ нею хотя на край свѣта.

Ахъ, эти послѣдніе дни въ Парижѣ—въ какой суматохѣ протекли они! Національное паломничество должно было вскорѣ состояться и Пьеру, во избѣжаніе крупныхъ расходовъ, вздумалось записать Мари въ попечительство во имя Божіей Матери-Спасительницы. Затѣмъ ему пришлось хлопотать, чтобы его самого приняли туда въ составъ санитарнаго персонала. Де-Герсенъ былъ въ восторгѣ, потому что любилъ природу и горѣлъ желаніемъ побывать въ Пиренеяхъ: онъ не заботился рѣшительно ни о чемъ и спокойно согласился на предложеніе молодаго священника заплатить за его проѣздъ и пребываніе

въ гостинницѣ на мѣстѣ богомолья, точно самъ онъ былъ малымъ ребенкомъ. Къ довершенію всего, дочь его Бланшъ на прощанье сунула ему въ карманъ монету въ двадцать франковъ и де-Герсенъ считалъ себя теперь богачемъ. Эта бѣдная Бланшъ, настоящая героиня, ухитрилась скопить пятьдесятъ франковъ, которые волей-неволей пришлось отъ нея принять, потому что она сердилась, желая хоть чѣмъ нибудь способствовать выздоровленію сестры, если сама не могла ѣхать съ нею за невозможностью бросить уроки въ Парижѣ. Ей приходилось по прежнему гранить мостовую, пока ея родные станутъ молиться тамъ, вдали, преклоняя колѣни среди очарованій священной пещеры. И вотъ они отправились и продолжали катиться безъ конца.

У станціи Шательро, внезапно поднявшійся громкій говоръ въ вагонѣ заставилъ Пьера вздрогнуть и очнуться отъ своего забытья. Что такое случилось? Неужели поѣздъ пришелъ въ Пуатье? Однако, было всего двѣнадцать часовъ и сестра Гіацинта велѣла читать Angelus, три богородичныхъ пѣсни, повторяемыхъ троекратно. Голоса перебивали другъ друга. Раздался новый гимнъ, перешедшій въ продолжительное заунывное пѣніе. Еще добрыхъ двадцать пять минутъ до Пуатье, гдѣ получасовая остановка какъ будто обѣщала облегчить всѣ страданія! Пассажиры измучились и тряска была ужасно сильна въ этомъ вагонѣ съ зараженной, накалившейся атмосферой. Больные совсѣмъ изнемогали; крупныя слезы текли по щекамъ г-жи Венсанъ, глухое проклятіе вырвалось у Сабатье, обыкновенно такого терпѣливаго, тогда какъ братъ Изидоръ, Гривоттъ и г-жа Ветю, казалось, перестали существовать; они лежали замертво, походя на обломки, швыряемые во всѣ стороны волнами. Мари лежала молча и не хотѣла отвѣчать, не хотѣла раскрыть глазъ, преслѣдуемая ужасающимъ видѣніемъ Элизы Рукэ, этой головы съ зіяющими отверстіями, которая служила для нея эмблемой смерти. И пока поѣздъ ускорялъ свой ходъ, таща этотъ грузъ человѣческаго отчаянія, подъ раскаленнымъ небомъ, среди пышащихъ зноемъ равнинъ, произошелъ новый переполохъ: неизвѣстный пассажиръ въ углу не подавалъ больше признаковъ жизни и чей-то голосъ крикнулъ, что онъ кончается.

(Продолженіе будетъ).

На разсвѣтѣ.

Солнце медлитъ за горою.
Надъ суровою зимою
Утро брезжитъ, но слегка.
Ѣдемъ чащею лѣсною;
Между елью и сосною
Сумракъ держится едва.
Но вдали—пригорокъ снѣжный...
Тамъ на склонахъ—посмотри—
Ужь разлитъ румянецъ нѣжный,
Отблескъ утренней зари.
И невольное сравненье
Въ душу просится: пока
Человѣкъ въ своемъ стремленьѣ
Мелокъ, низменъ—жизнь горька!
Онъ смущается, трепещетъ,
Всюду мракъ, исхода нѣтъ...
Но взгляни, питомецъ бѣдъ,
Дальше, выше—и заблещетъ
Упованія разсвѣтъ!

Ѳ. Ромеръ.

ЗОЛОЧЕНАЯ БОГЕМА.

Романъ.

I.

Стояла поздняя осень. Хмурое, унылое небо разстилалось надъ грязными намокшими улицами. Лохматыя, какъ бы оборванныя, тучи низко ползли по сѣрому небу, а съ мостовыхъ поднимался густой, осклизлый туманъ. Солнце давно уже не освѣщало столицы: угрюмые жители почти забыли объ его существованіи и довольствовались бѣлесоватыми разсвѣтными сумерками, начинавшимися поздно и смѣнявшимися короткимъ, блѣднымъ днемъ. Огни тушились поздно утромъ, а фонари зажигались чуть не съ трехъ часовъ дня. Дорога была отчаянная: липкій, густой снѣгъ покрывалъ улицы и, подмерзая къ утру, образовывалъ гололедицу, превращавшуюся днемъ въ черную грязь, которая увеличивалась отъ смѣнявшаго снѣгъ дождя; ночью все это опять подмерзало, чтобы снова распуститься послѣ полудня. Ни сани, скользившія полозьями по камнямъ, ни дрожки, съ утопающими въ жидкой грязи колесами, не годились и слѣдовало бы придумать особый, третій типъ экипажей для ѣзды по этой ингерманландской болотистой почвѣ.

— Направо, ко второму подъѣзду!—скомандовалъ господинъ, сидѣвшій въ шикарной пролеткѣ. Экипажъ завернулъ за уголъ, разбрасывая резиновыми шинами жидкую грязь и обдавая ею прохожихъ. Съ изумительной, почти эквилибристической ловкостью, какая-то дама переходила улицу, по которой проѣхала пролетка, и была окачена грязью съ ногъ до головы.

— Негодяй!—крикнула она, выведенная изъ себя въ догонку экипажу, неизвѣстно къ кому обращаясь: къ владѣльцу

ли его, или къ кучеру. Оба обернулись. Хозяинъ пролетки быстро взглянулъ на нее, по привычкѣ оглядывать всѣхъ маломальски прилично одѣтыхъ женщинъ. Она уже стояла у фонаря, который бросалъ достаточно свѣта, чтобы можно было хорошо разглядѣть ее. Это была высокая, стройная и красивая блондинка. Ея черная фетровая шляпа съ двумя торчащими крылышками, вуаль съ бѣлой каемкой внизу, плюшевая жакетка, боа изъ пѣтушьихъ перьевъ, темнозеленая юбка, отороченная красивымъ марабу, элегантный зонтикъ и черныя перчатки—все было забрызгано и облѣплено грязью. Дѣйствительно, видъ ея былъ жалокъ. Она высоко подняла юбку и отряхивала ее, не переставая браниться.

— Это безобразіе!—говорила она.—Проклятыя шины...

Господинъ, виновникъ ея непріятнаго положенія, соскочилъ съ дрожекъ и подошелъ къ дамѣ, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Онъ слегка приподнялъ свою шляпу, всю осыпанную густымъ, мокрымъ снѣгомъ, который насѣлъ и на воротникѣ его пальто, и на коротко остриженной бородкѣ, и проговорилъ:

— Ради бога, простите меня... Сколько разъ приказывалъ я кучеру ѣхать шагомъ въ виду проходящихъ. Но вы вышли изъ-за угла... мы не могли предвидѣть...

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—еще недовольнымъ тономъ отвѣтила блондинка, продолжая отряхивать юбку.

Онъ взглянулъ на нее. Мелко завитые и взбитые, въ видѣ морской пѣны, волосы превосходнаго, ровнаго золотистаго цвѣта слегка развились отъ сырости осенней непогоды, не смотря на то, что были защищены вуалью; темныя брови были сдвинуты и придавали сердитый, дѣтски-обиженный видъ очаровательному личику; свѣтлосѣрые глаза смотрѣли строго, а полныя, красныя, почти чувственныя губы были полуоткрыты и за ними виднѣлось два ряда ровныхъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

— Если вы желаете,—началъ господинъ, смущенно стоя передъ ней: — мой кучеръ довезетъ васъ по адресу... Никаноръ!—крикнулъ онъ кучеру.

— Не безпокойтесь, благодарю васъ,—сухо сказала дама, продолжая отряхивать юбку.

Виновникъ ея несчастья инстинктивно опустилъ глаза. Ея нога, красивая и полная, была обута въ черный чулокъ и вы-

сокую щегольскую ботинку на пуговицахъ и безъ каблуковъ; калошъ на ней не было.

— Невозможно идти въ такомъ видѣ,—продолжалъ настойчиво ея собесѣдникъ:—прошу васъ, возьмите мой экипажъ.

Блондинка кончила возню съ юбкой и, вынувъ носовой платокъ изъ висѣвшей на шолковой лентѣ муфты, стала имъ отряхивать плюшевую жакетку.

— Прошу васъ, не безпокойтесь обо мнѣ,—еще суше отвѣтила она и сдѣлала движеніе удалиться.

Чувствуя, что онъ мѣшаетъ ей приводить въ порядокъ ея туалетъ, онъ, еще разъ поклонившись, удалился съ извиненіями. Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда и пошелъ пѣшкомъ. Уже входя въ двери, онъ еще разъ обернулся. Она все еще стояла подъ фонаремъ и стряхивала грязь съ своего боа. Кучеръ Никаноръ осторожно, шагомъ, подъѣзжалъ къ подъѣзду.

— Долго пробудете?—крикнулъ онъ вслѣдъ своему барину.

— Часа черезъ полтора заѣзжай,—отвѣчалъ тотъ, обрадовавшись возможности задержаться у дверей и надѣясь, что невольно обиженная имъ дама пройдетъ мимо него. Но она пошла въ другую сторону. Тогда онъ, наконецъ, рѣшился войти.

— Une jolie figure!—пробормоталъ онъ, снимая пальто и вытирая мокрые усы и бороду надушеннымъ платкомъ.

Снимавшій съ него пальто швейцаръ и лакей, встрѣтившій его на верхней площадкѣ лѣстницы, по электрическому звонку швейцара, относились къ нему съ фамильярной почтительностью, какъ встрѣчаютъ всегда habitués или друзей дома. Онъ подымался по красному бархатному ковру отлогой лѣстницы, придерживаясь за изящныя бронзовыя перила, обтянутыя тримъ. На площадкѣ, окруженное декоративной зеленью домашнихъ пальмъ въ кадкахъ, стояло огромное зеркало въ изящной рамѣ. Онъ, по привычкѣ, которую давно уже усвоилъ, машинально взглянулъ въ это зеркало, въ которомъ отразилась его фигура въ короткомъ, почти кургузомъ смокингѣ, широкихъ брюкахъ «съ лентой» и лакированныхъ ботинкахъ; скользнувъ взглядомъ по бѣлой статуѣ какой-то обнаженной богини, красиво рисовавшейся на зеленомъ фонѣ остролиственныхъ пальмъ, поправилъ рукой волосы, онъ сдѣлалъ «контрольное» движеніе по

усамъ, чтобы провѣрить, не растрепались ли они, и, наконецъ, быстро вошелъ въ дверь.

II.

Въ столовой было много народу. Кончали обѣдать. Въ комнатѣ стоялъ сизый дымъ отъ курившихся папиросъ. На столѣ былъ обычный послѣобѣденный безпорядокъ: брошенныя небрежно салфетки, недопитыя рюмки, корки отъ очищенныхъ фруктовъ, окурки папиросъ, тарелки съ остатками пирожнаго, которыя еще не успѣли прибрать. Въ то время, когда входилъ новый гость, всѣ задвигали стульями: вставали изъ-за стола.

— Вы никогда не можете пріѣхать вò-время,—сказала хозяйка дома, маленькая худенькая брюнетка, подавая руку гостю.—Мы уже пообѣдали. Если вы хотите, Jean подастъ вамъ...

Почтительно цѣлуя ея руку, онъ отвѣчалъ:

— Но я и не разсчитывалъ обѣдать, Лидія Викторовна. Я и заѣхалъ-то на минутку,—столько дѣла, столько дѣла!..

— Воображаю,—презрительно сказала та.

— Это у Воеводскаго дѣла?—спросилъ проходившій мимо брюнетъ и засмѣялся.—Давно ли ты сталъ дѣловымъ человѣкомъ? Если ты считаешь свои романическія похожденія за дѣла...

«Дуракъ»!—мысленно выбранилъ его Воеводскій и заискивающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Лидію Викторовну. Онъ замѣтилъ, какъ ея красивыя брови чуть-чуть сдвинулись, что всегда было вѣрнымъ признакомъ ея раздраженія, и ему стало досадно, что глупая фраза «этого наглаго адвокатишки» способна испортить его отношенія къ хорошенькой женщинѣ.

— Если вы также обдуманно произносите свои защитительныя рѣчи, — сказалъ Воеводскій наружно-спокойнымъ тономъ,—воображаю, сколькихъ субъектовъ вы послали въ мѣста не столь отдаленныя...

— Юпитеръ, ты сердишься, ergo...—отвѣчалъ тотъ, проходя въ гостинную.

— Дуракъ!—повторилъ Воеводскій, но уже довольно громко и съ намѣреніемъ, чтобы его услыхала хозяйка.

— Дыму безъ огня не бываетъ, — сказала Лидія Викторовна.

— Бываетъ,—отвѣтилъ ей въ тонъ Воеводскій и указалъ на сизые клубы, носившіеся по столовой, изъ которой всѣ гости давно уже вышли.

Она только что собиралась ему отвѣтить, какъ къ ней подошелъ Jean и вполголоса проговорилъ:

— Лиза проситъ васъ на минуту выйти къ ней.

— Что ей нужно? — досадливо поводя плечомъ, спросила она.

— Не могу знать.

— Позовите ее сюда.

Вошла хорошенькая горничная въ бѣломъ фартукѣ и туго накрахмаленномъ чепчикѣ. Она немного смутилась, увидя рядомъ съ барыней Воеводскаго, которому поклонилась.

— Ничего, говорите, — сказала Лидія Викторовна. — При немъ можно...

Лиза однако колебалась; но она вдругъ рѣшилась.

— Тамъ пришелъ мальчикъ отъ Сары Рафаиловны.

— Кто это Сара Рафаиловна?—морщась отъ стараній припомнить, спросила хозяйка дома.

— Портниха, барыня.

— Ахъ, да, да! Что ему? За деньгами, да?

— Да, онъ принесъ счетъ...—Лиза быстро подала ей счетъ, неизвѣстно откуда появившійся у нея въ рукахъ, такъ какъ при входѣ въ столовую у нея таковаго не было.

— Сколько тамъ?—раздраженно спросила барыня, не принимая отъ нея бумажки и не глядя на нее.

— Немного, около сорока рублей.

— Я у васъ не спрашиваю, много это или мало... И находятъ они время приходить во время обѣда! Сколько разъ я говорила, чтобы являлись утромъ.

— Онъ говоритъ, что Сара Рафаиловна очень больна... опасно больна... нужно посылать за лѣкарствомъ,—быстро говорила Лиза, и въ тонѣ ея голоса звучала нотка сочувствія къ бѣдной портнихѣ, состоявшей «на передѣлкахъ и починкахъ» у Лидіи Викторовны.—Ей придется лечь въ больницу...

— Но у меня нѣтъ денегъ,—смущенно проговорила Лидія Викторовна, вынимая портмонэ. Въ немъ сиротливо зеленѣла

единственная смятая трехрублевая бумажка. По первому побужденію, Лидія Викторовна хотѣла вынуть эту бумажку и отдать ее Лизѣ, но потомъ раздумала и весьма основательно замѣтила:—Не могу же я остаться безъ гроша... Послушайте, Василій Ивановичъ,—сказала она, обращаясь къ Воеводскому:—нѣтъ ли у васъ сорока рублей? Я пошлю завтра заложить бриллианты... Jean вамъ принесетъ.

Воеводскій сдѣлалъ нервное движеніе по направленію къ боковому карману смокинга, гдѣ у него хранился въ высшей степени изящный бумажникъ maroquin, давно уже лишенный содержимаго.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... pardon, я оставилъ бумажникъ въ сюртукѣ...—торопливо сказалъ онъ, отлично чувствуя на себѣ присутствіе бумажника, который давилъ его теперь своей пустотой.

— Какъ это досадно!—промолвила она и повернулась къ Лизѣ.

— Скажите, чтобы пришелъ завтра,—и, не давая ей возразить, прибавила:—ступайте.

Но горничная не шла и переминалась съ ноги на ногу.

— Что еще?—спросила Лидія Викторовна.

— Онъ просилъ хоть немного. Ежели, говоритъ, барыня не можетъ всего, хоть рупь пущай дадутъ... очень нужно...

Тогда, съ геройскою рѣшимостью, Лидія Викторовна отдала ей зеленую бумажку.

— Надоѣли!—сказала она и вывернула передъ горничной портмонэ, въ которомъ ничего не было.—Вы видите—пустой!—прибавила она съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ.

Воеводскій отошелъ въ сторону и вытиралъ лобъ платкомъ. Его бросило въ жаръ и на лбу выступилъ потъ. Затѣмъ онъ принялся весьма внимательно и сосредоточенно разглядывать листы какого-то деревца, стараясь сдѣлать видъ, что не слышитъ послѣдней фразы хорошенькой брюнетки.

«Это чортъ знаетъ что»!—думалъ онъ:—«ни копѣйки! A la lettre, pas un sou!.. Свинство»!..

Они перешли въ гостинную, какъ только горничная скрылась.

III.

Въ гостинной, развалясь въ креслѣ, ораторствовалъ адвокатъ.

— Наше законодательство имѣетъ много пробѣловъ... Это, конечно, весьма извинительно и совершенно понятно. Жизнь идетъ впередъ; люди мѣняются, отношенія усложняются, новый соціальный строй вызываетъ къ жизни множество еще незатронутыхъ и неразработанныхъ наукою вопросовъ...

— Это совершенно вѣрно, Александръ Александровичъ,— робко, даже нѣсколько подобострастно прервалъ его юный помощникъ присяжнаго повѣреннаго:—но я все таки не понимаю...

— Еслибы вы меня не прерывали и выслушали до конца, быть можетъ, вы и поняли бы,—холодно, скосивъ на него глаза, сказалъ адвокатъ.

Помощникъ присяжнаго «прелюбодѣя» сконфузился и посмотрѣлъ въ полъ. Хотя онъ состоялъ помощникомъ у другаго адвоката, но его неудержимо влекло къ Александру Александровичу, о которомъ начинали поговаривать и звѣзда котораго начинала восходить на горизонтѣ столичной адвокатуры, тогда какъ звѣзда его настоящаго патрона уже клонилась къ закату. Молодой человѣкъ, не смотря на свою молодость, былъ «изъ раннихъ» и принадлежалъ къ числу тѣхъ современныхъ юношей, которые со школьной скамьи усвоили себѣ заманчивый девизъ: «впередъ безъ страха и сомнѣнья»... къ обезпеченному существованію и къ благамъ жизни.

Между тѣмъ адвокатъ продолжалъ:

— Такъ я и говорю: если въ странѣ не существуетъ печати, то ясно, что въ законодательствѣ не можетъ существовать и закона о диффамаціи путемъ прессы. Если въ странѣ существуетъ лишь мѣновая торговля при отсутствіи денежныхъ знаковъ, то ясно, что въ законодательствѣ такой первобытной страны не можетъ быть и закона, карающаго поддѣлку денежныхъ знаковъ и т. п. Я взялъ крайніе примѣры, только потому, что истина рельефнѣе всего познаётся въ крайностяхъ. Само собою разумѣется, что въ наше время такихъ странъ—безъ печати и денежныхъ знаковъ—не существуетъ, а если онѣ и значатся на географической картѣ, то это страны, находящіяся въ первобытномъ состояніи, дикія, некультурныя, у ко-

торыхъ отсутствуетъ правильное законодательство, а есть только такъ называемое «обычное право». Но люди науки, принадлежащіе къ странѣ, именующей себя цивилизованной, европейской и культурной, люди науки, поставленные на стражѣ развитія правоваго порядка и юридическаго закона, должны пристально слѣдить за всѣми функціональными измѣненіями культурной жизни и немедленно вводить въ законодательство своей страны новые законы, вызываемые къ жизни самой жизнью... Теперь вы понимаете...

Молодой человѣкъ ничего не понималъ. «Къ чему онъ клонитъ»? мучительно думалъ онъ, напрягши всѣ силы своего ума и воображенія, чтобы проникнуть въ сокровенный смыслъ адвокатскаго краснорѣчія. Онъ краснѣлъ и потѣлъ, и готовъ былъ ежеминутно прервать тягучую адвокатскую рѣчь подобострастнымъ восклицаніемъ: «понялъ»! и тѣмъ подслужиться; но такъ какъ онъ рѣшительно ничего не понималъ, то ограничивался сочувственнымъ мычаньемъ при каждой паузѣ, которую дѣлалъ адвокатъ, и радостными кивками головы въ тѣ рѣдкіе моменты, когда ему удавалось попадать въ кругъ зрѣнія оратора, какъ нарочно игнорировавшаго юношу и говорившаго свою рѣчь для болѣе вліятельныхъ и почетныхъ гостей.

— Я говорю pro domo suo,—продолжалъ Вѣнценосцевъ.— Я говорю о томъ, что въ нашихъ законахъ о печати нѣтъ соотвѣтствующей статьи, по которой можно было бы притянуть къ суду редактора юмористическаго журнала за помѣщеніе въ ономъ карикатуры на современныхъ дѣятелей общества...

Онъ поспѣшно полѣзъ въ боковой карманъ щегольскаго фрака и досталъ оттуда нумеръ юмористическаго журнала: «*Дребезги*». На первой страницѣ красовалась карикатура на самого Вѣнценосцева, который былъ изображенъ съ большой головой на маленькомъ туловищѣ и съ надписью: «Одинъ изъ современныхъ Цицероновъ».

— Какая наглость! — негодующе прошепталъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго и подумалъ: «когда-то я попаду на эту страницу и попаду ли?»

Воеводскому захотѣлось отомстить:

— Скажи, Вѣнценосцевъ, сколько ты заплатилъ за помѣщеніе этого портрета?—спросилъ онъ громко.

— Навѣрное больше, чѣмъ ты въ состояніи заплатить своей кафе-шантанной пѣвицѣ, — отвѣтилъ адвокатъ очень спокойно, но внутренно дрожа отъ ярости: во всякомъ случаѣ, Воеводскій испортилъ ему весь эффектъ рѣчи.

Не смотря на то, что отвѣтъ адвоката былъ сказанъ вполголоса, Лидія Викторовна услышала его, потому что онъ именно на это и былъ разсчитанъ.

Воеводскій очень смутился и взглянулъ на Лидію Викторовну: брови ея были сдвинуты.

— Обвинитель очевидно настаиваетъ на своемъ обвиненіи,— замѣтила она Воеводскому, криво усмѣхаясь.—Nous en reparlerons.

Она пошла въ глубь комнаты. Онъ хотѣлъ послѣдовать за ней, но по дорогѣ его остановилъ генералъ.

— Послушайте, Воеводскій... Отчего вы не служите? Вчера вашъ отецъ опять писалъ мнѣ. Я обѣщался поговорить съ вами.

Воеводскій досадливо повелъ плечомъ.

— Не чувствую призванія, ваше превосходительство. Я бы могъ многое сказать по этому поводу... но, право, мнѣ кажется, здѣсь это несовсѣмъ удобно...

— Такъ заѣзжайте ко мнѣ. До часу...

— Слушаю-съ.

Онъ устремился къ хозяйкѣ дома. Но та, замѣтивъ его маневръ, быстро подошла къ гостямъ.

— Отчего вы не пьете?—спросила она.—Monsieur Горемыкинъ,—обратилась она къ помощнику присяжнаго повѣреннаго:—позвоните и велите Jean подать намъ ликеры. Постойте, я не пью ликеровъ... пусть мнѣ дадутъ портвейну.

Принесли вина и ликеры. Адвокатъ разговаривалъ съ Горемыкинымъ, до котораго онъ наконецъ снизошелъ; генералъ опять поймалъ Воеводскаго; Лидія Викторовна пила, какъ корнетъ, и хохотала, сидя на маленькомъ диванчикѣ и слушая безшабашное вранье трехъ молодыхъ людей. Горемыкинъ «ѣлъ глазами» свѣтила адвокатуры; Воеводскій почти не слушалъ генерала, бросая оживленные взоры на молодыхъ людей и на Лидію Викторовну. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Вѣнценосцева. Его фракъ, бѣлоснѣжная сорочка, золотая цѣпь и массивное золотое pince-nez бросились ему въ глаза и онъ невольно пе-

ревелъ ихъ на свой чуть-чуть потертый смокингъ и на монокль въ роговой оправѣ. Онъ тяжко вздохнулъ.

— Jean, приготовьте столикъ для макао,—сказала хозяйка дома проходившему лакею.

Горемыкинъ поспѣшно сорвался съ мѣста, боясь, чтобы его не усадили играть, и сталъ прощаться. За нимъ послѣдовалъ Воеводскій.

— Не забудьте,—сказала ему Лидія Викторовна,—черезъ два дня я праздную свое рожденье. Вы вѣдь способны забыть... гдѣ же *всѣхъ* помнить?..

— Это клевета, увѣряю васъ...

— Nous en reparlerons,—повторила она.

IV.

У подъѣзда давно уже стоялъ Никаноръ. Воеводскій сѣлъ въ экипажъ.

— Куда прикажете?—спросилъ кучеръ своимъ обыкновеннымъ ровнымъ голосомъ, который показался, однако, сѣдоку угрожающимъ. Воеводскій уже годъ ѣздилъ съ Никаноромъ и изучилъ его характеръ до мелочей. Никаноръ былъ очень умный и очень воспитанный кучеръ. Онъ былъ всегда вѣжливъ, «корректенъ», смиренъ, даже ласковъ. И Воеводскій очень любилъ его за это и весьма дорожилъ имъ; но въ особенности онъ цѣнилъ его за долготерпѣніе въ смыслѣ денегъ. Однако Никаноръ иногда вдругъ «обострялся»; долготерпѣніе его исчезало, корректность пропадала, благовоспитанность превращалась въ наглость и кучеръ съ чисто «хамскою» непослѣдовательностью начиналъ требовать денегъ. Требовалъ онъ ихъ всегда дерзко, грубо, нахально; выраженій не выбиралъ и въ нихъ не стѣснялся.

— Домой,—отвѣтилъ Воеводскій и прищурился, глядя въ широкую спину Никанора. Кучеръ тряхнулъ головой, повелъ еле замѣтно плечомъ и прикрикнулъ на лошадей. И въ положеніи головы, и по движенію спины, и по угрожающимъ ноткамъ въ голосѣ, Воеводскій замѣтилъ, что съ его Никаноромъ творится что-то неладное.

«Обостряется»—подумалъ онъ и весь съежился.—«У подъѣзда начнетъ требовать денегъ! Одно за однимъ. Какъ посыплятся несчастья—такъ ужь имъ и удержу нѣтъ... свинство!»...

Во время дороги онъ раздумывалъ. Невозможно такъ жить! Онъ не могъ сегодня дать сорока рублей Лидіи Викторовнѣ. Нахалъ Вѣнценосцевъ начинаетъ замѣчать его денежную несостоятельность, судя по его намеку; смокингъ его порядочно таки потертъ и скоро нужно заказывать новое платье. А тутъ еще въ пятницу день рожденія Лидіи, какъ онъ про себя называлъ ее; нужно что нибудь поднести — если нельзя подарка, то, во всякомъ случаѣ, цвѣты, конфекты... Никаноръ станетъ требовать сейчасъ денегъ—это очевидно, судя по его озлобленнымъ окрикамъ на лошадей и прохожихъ. По мѣрѣ приближенія къ дому, кучеръ «обострялся» все болѣе и болѣе. Подкативъ къ подъѣзду, онъ осадилъ лошадей и остановился. Воеводскій со стремительной быстротой соскочилъ съ пролетки и юркнулъ въ подъѣздъ. Онъ уже подумалъ, что все обошлось благополучно, какъ вдругъ услыхалъ за собой грубый голосъ Никанора:

— Василій Николаевичъ!

— Что тебѣ, Никаноръ?—мягко спросилъ Воеводскій, останавливаясь.

— Разсчетъ пожалуйте. Мы болѣе несогласны. Нешто возможно? Почитай пять мѣсяцевъ ни гроша. Чай, и мнѣ ѣсть надоть. Не краденое жру. Да и конямъ... Овсы дороги.

— Потерпи Никаноръ, теперь у меня нѣту.

— Только и слышишь: нѣту да нѣту! Когда у васъ есть-то?—иронически спросилъ онъ. — Завтраками все кормите. Съ вашихъ завтраковъ-то сытъ не будешь; животы подведетъ,—вотъ что! А мнѣ пожалуйте разсчетъ... мы ждать несогласны...

— Ну—ну, ты не очень...

— Чего не очень! Деньги пожалуйте... а то вѣдь и къ мировому.

— Да ты съ ума сошелъ! Пьянъ, что ли?

— Не съ вашихъ ли денегъ? Не больно напьешься...

Воеводскій чувствовалъ, что ему не справиться нынче съ обострившимся мужикомъ. Онъ юркнулъ въ подъѣздъ,—малодушно, какъ страусъ, прячущій голову отъ преслѣдованій.

Но Никаноръ совсѣмъ разбушевался.

— Щелкоперъ... шантрапа!—довольно громко изрекалъ онъ, такъ что его ругательства доносились до Воеводскаго.—А еще баринъ. На брюхѣ-то шолкъ, а въ брюхѣ щелкъ!..

Дома Казиміръ, лакей Воеводскаго, подалъ ему пачку писемъ, полученныхъ въ его отсутствіе. Воеводскій снялъ смокингъ, еще разъ ревниво оглядѣлъ его, стараясь прозрѣть умственнымъ окомъ количество времени, которое можно будетъ еще съ честью поносить его, и, вздохнувъ, усѣлся въ кресло. Онъ распечаталъ первое, попавшееся въ руку, письмо:

«Милостивый государь, господинъ Воеводскій! Я пишу вамъ въ послѣдній разъ. До моего прошлаго вамъ нѣтъ никакого дѣла и денегъ я просила не для себя; наконецъ, вы не такой господинъ, который былъ бы способенъ нести отвѣтственность за другихъ, разъ вы не можете нести ее за себя. Ваши намеки пошлы, подлы и глупы. Вы не задумаетесь свалить на другихъ всѣ свои неоспоримыя обязанности, если не ко мнѣ, то по отношенію къ *вашему* ребенку, который теперь боленъ. У такихъ господъ, какъ вы, не просятъ, а требуютъ денегъ. И я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы причинить вамъ крупную непріятность и наградить по заслугамъ. Вы пишете, что у васъ нѣтъ ни гроша. Это сказки... Какъ же вы въ такомъ случаѣ можете посѣщать общество, ухаживать за Лидіей Викторовной Словенской, ужинать съ m-lle Пантеонъ, посѣщать театры, балы, маскарады и скачки? Впрочемъ, до всего этого мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла. Ребенокъ вашъ боленъ: его надо лѣчить. И я въ послѣдній разъ *требую* денегъ на ребенка, безспорно вашего, хотя вы, вѣроятно, способны отъ него отказаться. Буду ждать отвѣта. Мать вашего ребенка, Анна Шимкевичъ».

— Свинство! — неопредѣленно воскликнулъ Воеводскій, морщась отъ боли, которую ему причинило чтеніе этого посланія, и принялся за другое, «открытое», письмо.

«Милостивый государь. Не получивъ до сего времени отвѣта на наши два увѣдомленія объ уплатѣ состоящаго за вами долга за пріобрѣтенное у насъ колье изъ бирюзы, мы вынуждены сдѣлать вамъ послѣднее напоминаніе, послѣ котораго обратимся въ судъ. Съ почтеніемъ...»

— Эдакіе хамы!—съ раздраженіемъ сказалъ Воеводскій, от-

швырнувъ письмо. «Открытымъ» пишутъ... чтобы всѣ лакеи и швейцары читали!..

Онъ схватилъ третій листокъ, который оказался не письмомъ, а повѣсткой отъ мироваго судьи.

Онъ сталъ читать:

«Повѣстка отвѣтчику по гражданскому дѣлу... мировой судья... участка... вызываетъ дворянина, не имѣющаго чина Василія Ивановича Воеводскаго... жительствующаго... сего мѣсяца... дня... по иску портныхъ дѣлъ мастера Капеллана... двѣсти двадцать пять рублей... Камера помѣщается»...

Воеводскій развелъ руками:

— Все сразу... Обрушилось!—пробормоталъ онъ безнадежно унылымъ голосомъ.

Въ послѣднемъ письмѣ онъ прочелъ:

«Вася, завтра выѣзжаю къ тебѣ. Нужно поговорить по поводу твоего идіотскаго письма. Спѣшу, а потому кончаю. Твой отецъ Иванъ Воеводскій».

— Ну... не было печали! — обозленный до дрожи въ голосѣ, проговорилъ Василій Ивановичъ и стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что перо вылетѣло изъ стаканчика и стеклышки на подсвѣчникахъ задребезжали.—Нѣтъ, это ужь походитъ на феерію. По истинѣ, это ужь embarras de richesse! Послѣ завтра пріѣзжаетъ родитель... Долги, платежи, рожденіе Лидіи, шантажныя письма, повѣстки, угрозы, Никаноръ... животное... Свинство!.. Казиміръ,—крикнулъ онъ:—чаю!..

Казиміръ ничего не отвѣтилъ; онъ только показался на зовъ въ дверяхъ и молча пошелъ исполнять приказаніе. И въ лицѣ Казиміра, этого выдержаннаго поляка-лакея, мелькало теперь что-то наглое. Вотъ-вотъ и онъ потребуетъ денегъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Воеводскому.

V.

На улицѣ было совсѣмъ темно и снѣгъ валилъ густыми хлопьями. Воеводскій прошелъ изъ кабинета въ столовую. Въ кабинетѣ были спущены шторы и онъ забылъ о непогодѣ. Войдя въ столовую, при свѣтѣ мелькавшаго за окномъ уличнаго фонаря, онъ увидѣлъ эту безконечную, падающую съ

неба въ видѣ бѣлаго занавѣса, снѣжную пелену. Онъ чувствовалъ себя отвратительно; этотъ тускло мелькающій фонарный огонь, эта сѣтка мокраго снѣга, этотъ Казиміръ съ проблематическимъ лицомъ и всѣ эти неудачи и невзгоды дня раздражали его. И въ желудкѣ, и въ головѣ было пусто: въ желудкѣ оттого, что онъ сегодня не обѣдалъ—дома стола не держалъ, въ ресторанѣ пообѣдать не было денегъ, а къ обѣду Словенской опоздалъ;— въ головѣ оттого, что онъ давно уже привыкъ изгонять оттуда не только самую мысль, но и малѣйшій намекъ на нее. Еще сердце порой говорило въ немъ; онъ не утратилъ способности «влюбляться», иногда въ трехъ разомъ; но все это скоро проходило и чувствованьица его были такъ мелки, такъ ничтожны, что онъ и самъ не придавалъ имъ никакого значенія.

Усѣвшись за чай и съ апетитомъ разламывая теплый калачъ, онъ попробовалъ сосредоточиться и разобраться въ надвигавшихся на него, со всѣхъ сторонъ, угрожающихъ симптомахъ. Это было очень трудно, потому что мысли его бродили и перескакивали съ предмета на предметъ: то передъ нимъ являлась Лидія Викторовна, съ которой онъ познакомился весной, года полтора тому назадъ, и для которой порвалъ связь съ Анной Шимкевичъ; то вдругъ Лидію Викторовну смѣняла m-lle Пантеонъ, пѣвичка изъ Chateau Pudique, что на Фонтанкѣ, съ которой онъ завелъ интрижку отъ скуки въ часы свободные отъ ухаживанья за Словенской; то вдругъ онъ видѣлъ передъ собой блондинку, которую два часа тому назадъ обрызгалъ шинами своего наемнаго неоплаченнаго экипажа.

«Cette grande blonde!»—думалъ онъ по французски:—«хорошенькій кусочекъ... получше Пантеонши. Кто она и что она?.. Какъ теперь узнаешь?»..

Передъ нимъ появился Казиміръ.

— Послушай, Казиміръ, мнѣ до зарѣзу деньги нужны... нельзя ли сто рублей... до перваго?—робко сказалъ онъ, рѣшительно не зная, почему ему подвернулось на языкъ первое число.

— Баринъ и безъ того мнѣ долженъ, — отвѣтилъ лакей, стараясь поймать взглядъ Воеводскаго, который упорно скрывалъ его отъ Казиміра. — Гдѣ мнѣ взять? Я самъ въ лѣтнемъ пальто бѣгаю... выкупить не на что... сапогъ нѣтъ, срамъ! Я хотѣлъ просить у барина...

— Не могу, не могу... вздоръ какой! Что вы сговорились всѣ сегодня? Нашли время!.. Потерпи... будутъ — отдамъ съ процентами.

— Не нужно мнѣ вашихъ процентовъ! Хоть бы свое получить!—вдругъ неожиданно-грубо сказалъ Казиміръ и ушелъ въ кухню, хлопнувъ дверью.

«Плохо!» подумалъ Воеводскій: «и этотъ обострился!»

И онъ сталъ усиленно думать. Ну, Шимкевичъ—это вздоръ; погрозитъ, погрозитъ да и броситъ; да, наконецъ, будутъ деньги, онъ вышлетъ. Ребенокъ его, это несомнѣнно, и онъ все же не такой негодяй, какимъ его хочетъ выставить въ письмѣ Анна. Они разошлись, но изъ этого ничего не слѣдуетъ; правда, послѣ одного ея письма, онъ вышелъ изъ себя, и написалъ ей много нехорошаго, упрекалъ ее связью, которая была *до него*, и вообще намеки его были грязны. Онъ это сознавалъ и желалъ бы имѣть массу денегъ, чтобы сразу выслать ей порядочный кушъ. Онъ взялъ газету, вынулъ карандашъ и сдѣлалъ на широкихъ газетныхъ поляхъ вычисленіе: Никанору, размышлялъ онъ, записывая цифры долга, заплатить скотинѣ и торжественно отказать... Аннѣ... послать при холодномъ, строгомъ письмѣ. Казиміру отказать нельзя: человѣкъ полезный... и чортъ его знаетъ, гдѣ этотъ хитрый полякъ умѣетъ раздобыться деньгами; должно быть, свои даетъ... накралъ гдѣ нибудь, а теперь дѣлаетъ видъ, что беретъ у другихъ, чтобы драть лихвенные проценты. Ювелиру за колье... Дернуло его поднести такое колье Пантеоншѣ... послѣднія деньги ухлопалъ и еще долгъ навязалъ себѣ на шею. Но поступить иначе было нельзя: бенефисъ! Никто, какъ онъ, не умѣлъ показать себя богачемъ передъ завсегдатаями Chateau-Pudique и самой Пантеоншей; нужно же было поддержать престижъ. Портному... вотъ вопіющій долгъ. Ему почти не въ чемъ показаться въ хорошемъ обществѣ. Заплати онъ портному, и можно снова заказывать платья въ кредитъ... вышли новые покрои, а онъ все щеголяетъ въ потертомъ смокингѣ. Скоро зима, нужно выкупить шубу. Подарокъ Лидіи Викторовнѣ въ день рожденья... за квартиру... за то, за другое, за третье; по двумъ «простымъ» векселямъ, по одному «вопіющему»... карточный долгъ... на жизнь... Столбецъ цифръ росъ и принималъ внушительные размѣры. Онъ

быстро подчеркнулъ этотъ столбецъ и подсчиталъ: *одиннадцать тысячъ*! Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Чортъ знаетъ что!—прошепталъ онъ и, нервно двинувъ стуломъ, прошелся по комнатѣ.

Дребезжащій электрическій звонокъ раздался въ передней. Казиміръ пробѣжалъ въ столовую.

— Если кредиторъ, гони въ шею... меня нѣтъ! — успѣлъ онъ сказать ему въ догонку.

Въ комнату, какъ ураганъ, ворвалась «Пантеонша». Это была очень эффектная брюнетка, высокая, стройная, со жгучими, большими глазами. Одѣта она была блистательно. На ней была темнозеленая плюшевая ротонда съ чуднымъ воротникомъ изъ дорогаго мѣха, бархатная черная шляпа, отдѣланная зеленымъ бархатомъ и черными крыльями, торчавшими въ разныя стороны. Въ ушахъ сверкали бриллианты величиною съ каленый орѣхъ. Волна тяжелаго запаха peau d'Espagne пахнула на Воеводскаго. Онъ быстро нагнулся и приписалъ къ длинному столбцу цифръ еще одну. «Забылъ!» подумалъ онъ: «за ротонду еще сто рублей остался долженъ»...

— Милій, я заѣхаль за тобой...—ломанымъ русскимъ языкомъ заговорила m-lle Пантеонъ. — Allons donc! tu boude?— воскликнула она, вглядѣвшись въ его унылую физіономію.—Qu'y a t-il? Une mésaventure, quoi?

Она пригласила его проводить ее до театра. Она занята въ концѣ перваго отдѣленія; потомъ они поѣдутъ ужинать къ Gourmand.

— Un souper intime,—трещала она,—en partie carrée: Air faux et prince Serge y compris... Tu ne connais pas Air faux?... la rousse? Non?..

— Я въ отчаяньѣ: не могу съ тобой ѣхать... возьми кого нибудь другаго... я занятъ, у меня дѣла...

Она начала хохотать.

— Ah ça! C'est drôle ce que tu me chante là! Des affaires!.. Basile—un homme d'affaires! Enfin, si c'est sérieux... bon soir... mille amitiés. Très жаль, très жаль!.. Je suis en retard...

Она скрылась, пославъ ему воздушный поцѣлуй. Онъ погрузился въ раздумье.

VI.

У молодаго Воеводскаго были странныя отношенія съ отцомъ. Отецъ его, администраторъ въ отставкѣ, человѣкъ общества и свѣта, все еще настолько молодой, чтобы нравиться женщинамъ, тонкій жуиръ, рано овдовѣвшій и на свободѣ пустившійся въ галантныя приключенія, быстро запутался въ долгахъ и долженъ былъ выйти въ отставку, чтобы поселиться въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, заложенномъ и перезаложенномъ въ дворянскомъ банкѣ. Доходы были скудны и почти всѣ уходили на погашеніе процентовъ по займамъ, долговымъ обязательствамъ и закладнымъ. Впрочемъ, старикъ и не торопился платить процентовъ въ тщетной надеждѣ, что казна, внимая совѣтамъ «Гражданина», наконецъ возьметъ да и «проститъ» ихъ неисправнымъ плательщикамъ. Воеводскій плохо зналъ хозяйство, еще плоше—счетъ деньгамъ, но все таки съ его водвореніемъ въ имѣніи, вдали отъ соблазновъ столичной жизни, получилась возможность существованія. Жуиръ «jusqu'au bout des ongles», живя въ деревнѣ, онъ изображалъ изъ себя жертву, и позировалъ передъ своими старыми коллегами по кутежамъ, въ рѣдкіе наѣзды въ столицу, въ качествѣ человѣка, «спасающаго остатки состоянія» для безпутнаго сына, которому все еще находилъ возможность посылать до двухсотъ рублей въ мѣсяцъ. Иногда—это обыкновенно случалось каждые два-три года—ему надоѣдало жить въ угрюмой берлогѣ, и онъ рѣшался продать какую нибудь часть имѣнія: то кусочекъ лѣсу, то сотню-другую десятинъ пахотной земли, то фруктовый садъ, то хорошенькій лужокъ. Покупатель принималъ на себя долгъ, лежавшій на этихъ кусочкахъ по ихъ залогу, а остальную причитавшуюся сумму,—очень небольшую, конечно,—выдавалъ на руки Воеводскому. Изъ этой суммы, тыщонки двѣ отецъ отправлялъ сыну и считалъ, что онъ образцово выполняетъ всѣ функціи, которыя положено выполнять природой и нравственными законами по отношенію къ сыну. Съ остатками денегъ отецъ снаряжался за границу, гдѣ весело проводилъ лѣто, посѣщая модные курорты, парижскіе кабаки, игорные притоны, въ которыхъ никогда ничего не выигрывалъ, а нерѣдко слалъ приказы управляющему объ экстренной продажѣ лишняго кусочка

или еще болѣе экстренномъ займѣ. Женившись на дѣвушкѣ безъ средствъ, которая принесла ему въ приданое только хорошія связи, но ни копѣйки денегъ, онъ прожилъ съ нею ни дурно, ни хорошо, но зато отлично постигъ, что̀ значитъ жениться, не взявъ приданаго. Имѣнье принадлежало лично ему и онъ считалъ, что никому не обязанъ отчетомъ, такъ какъ «по мѣрѣ силъ и возможности» помогалъ своему единственному сыну, котораго считалъ за шалопая и бездѣльника. Отцовской власти и авторитета онъ не признавалъ, а относился къ сыну, какъ къ равному, но младшему товарищу: посвящалъ его въ свои любовныя исторіи, училъ уму-разуму, преподавая практическія, но не этическія правила жизни; не любилъ, когда сынъ называлъ его при дамахъ отцомъ, находя, что это его «стàритъ». Настаивалъ, чтобы сынъ служилъ и добывалъ чины и ордена, или, по крайней мѣрѣ, женился на дѣвушкѣ изъ общества съ хорошимъ приданымъ. «Помни», — говорилъ онъ ему:—«я самъ женился, не взявъ ничего; но у меня было имѣніе, и ты его получишь, когда я умру... Только оно разорено; чтобы получать съ него доходы, нужно отказаться отъ свѣтской жизни, поселиться въ деревнѣ и самому трудиться. Ты — шалопай и, повидимому, на это не способенъ, что̀ же ты будешь дѣлать? Я радъ бы тебѣ помочь, но чѣмъ?.. Я самъ еще не старъ и не могу сѣсть на хлѣбъ и на воду ради твоего благополучія. Ты молодъ и самъ долженъ о себѣ заботиться. И долженъ, и можешь. Другіе, въ твои лѣта, содержатъ родителей, а не кафе-шантанныхъ пѣвичекъ, и собственно не ты, а я имѣю право требовать отъ тебя помощи»... Онъ говорилъ все это *просто такъ*, потому что вообще требуется, чтобы отецъ отъ времени до времени читалъ сыну нотаціи, но самъ плохо вѣрилъ въ свои слова и въ ихъ спасительное дѣйствіе, и очень радовался, когда, исполнивъ эту не особенно пріятную родительскую функцію, могъ отдаться веселой болтовнѣ съ сыномъ и отправиться съ нимъ на какую нибудь авантюру или въ шато-кабачокъ, какъ съ своимъ младшимъ товарищемъ.

Сынъ относился къ отцу нѣсколько пренебрежительно: подымалъ его на смѣхъ, дразнилъ, иронизировалъ надъ нимъ; обращался съ нимъ фамильярно, какъ съ своимъ однокашникомъ, у котораго, однако, гораздо меньше шансовъ на успѣхъ у женщинъ,

чѣмъ у него. Отца онъ упрекалъ въ мотовствѣ, въ томъ, что тотъ заѣдаетъ его вѣкъ, мало удѣляя ему средствъ къ жизни, и постоянно осаждалъ его требованіями денегъ. Сынокъ не прочь былъ бы служить, но ему не хотѣлось начинать ab ovo. Иногда отцу удавалось распалить въ немъ жажду почестей и тогда служба представлялась сыну въ видѣ какого нибудь выдающагося административнаго поста. Придетъ курьеръ съ пакетомъ изъ министерства и скажетъ: «Василій Ивановичъ, пожалуйте управлять департаментомъ». Но начать службу со степеней мало извѣстныхъ и добраться своими трудами до департамента—этого онъ никакъ не могъ себѣ представить. Онъ не прочь былъ бы занять мѣсто attaché при посольствѣ или даже самого посла гдѣ нибудь на югѣ Европы, подъ «плѣнительнымъ небомъ» Италіи, Испаніи или Франціи... И онъ твердо вѣрилъ, что отецъ, благодаря своей родовитой фамиліи и связямъ, пріобрѣтеннымъ женитьбой, могъ бы оказать ему такого рода протекцію. Но, съ удаленіемъ изъ столицы, отецъ быстро растерялъ свои связи, поддерживать которыя у него не хватало средствъ, да и было мало желанія, потому что его всегда влекло не въ сферы высшаго общества, а въ сферы двусмысленныхъ удовольствій и веселыхъ женщинъ. Онъ до сихъ поръ еще высоко цѣнилъ престижъ своего родовитаго имени, осуждалъ все чаще и чаще встрѣчающіеся въ обществѣ mésalliance'ы, и очень сожалѣлъ о своихъ растерянныхъ связяхъ. Но все это были теперь платоническія оцѣнки, осужденія и сожалѣнія. Единственно на что онъ разсчитывалъ и что неоднократно высказывалъ сыну—это, что Василій хорошо женится и пріобрѣтетъ то положеніе, которое въ силу дурно сложившихся обстоятельствъ утрачено имъ самимъ. Онъ разсчитывалъ, что сынъ, пріобрѣтя женитьбой положеніе въ обществѣ, и его пріобщитъ къ этому положенію; онъ все еще надѣялся, что звѣзда его заблеститъ вновь на великосвѣтскомъ горизонтѣ. И онъ все простилъ бы сыну, все, за исключеніемъ неравнаго или невыгоднаго брака.

Сынъ это зналъ. Это дало ему поводъ держать отца въ струнѣ. Еще задолго до угрожающихъ симптомовъ въ родѣ сегодняшнихъ писемъ, повѣстокъ и требованія денегъ, онъ уже предвидѣлъ наступленіе того времени, когда ему не останется ничего больше, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ или приду-

мать средство выжать изъ «папашеньки» уйму денегъ для покрытія долговъ. Но онъ по опыту зналъ, что это почти невозможно, если не употребить какого нибудь героическаго средства. На выборъ средствъ для добычи денегъ онъ былъ неразборчивъ, находя, что всѣ средства хороши, когда ведутъ къ цѣли и когда въ перспективѣ можетъ оказаться «кушъ». Пошевеливъ своими мозгами, онъ придумалъ сильное, остроумное средство. Онъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ отцу серьезное (что съ нимъ рѣдко бывало) и почти отчаянное письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ запутался въ долгахъ, что у него нѣтъ другаго средства выйти изъ этого каторжнаго положенія, какъ жениться на m-lle Пантеонъ, кафе-шантанной пѣвицѣ, у которой есть на югѣ Франціи замокъ, подаренный ей бывшимъ поклонникомъ, амстердамскимъ банкиромъ; при замкѣ есть земли и виноградники, а у самой пѣвички брилліанты и деньги; и если она разъѣзжаетъ по европейскимъ притонамъ и кафе-кабачкамъ, то это отнюдь не изъ нужды, а по внутренней потребности и привычкѣ; она, Пантеонъ, не прочь измѣнить свое странное имя, достаточно потрепанное на подмосткахъ, на родовитое имя русскихъ аристократовъ Воеводскихъ и уплатить его долги. Само собою, что она броситъ сцену и удалится съ нимъ подъ «сѣнь струй», въ свой благопріобрѣтенный замокъ, потому что начинаетъ уже чувствовать переутомленіе отъ своей цыганской жизни.

Василій Ивановичъ вполнѣ разсчитывалъ на хорошій эффектъ этого письма. Подписывая его, онъ хохоталъ.

— Нѣтъ, каково я придумалъ! Каково? Поднесу я родителю пилюлю. И стиль эдакій... серьезный, архаическій. И «сѣнь струй», и все... Что это значитъ: «сѣнь струй»? Чортъ его знаетъ что!.. Навѣрно папахенъ примчится выручать меня съ кучей денегъ. Ничего! Я познакомлю его съ Пантеоншей и мы весело проведемъ время. А это все, что требуется отъ жизни par le temps qui court...

Перечитавъ еще разъ письмо, онъ самъ себя одобрилъ. Воображеніе его работало и онъ сталъ мечтать. А что, если осуществить въ самомъ дѣлѣ этотъ проэктъ? Въ письмѣ собственно ничего не было выдумано. Пантеонша говорила ему дѣйствительно о своемъ замкѣ, хотя онъ смѣялся и называлъ его chateau en Espagne. Она злилась и, хлопая его вѣеромъ

по щекѣ, называла blageur'омъ и обѣщала принести документы на владѣніе. Тогда онъ шутливо сдѣлалъ ей предложеніе руки и сердца, и она его кокетливо приняла, сказавъ, что не прочь сдѣлаться женой d'un boyard russe, главнымъ образомъ потому, что утретъ этимъ носъ своимъ подругамъ, которыя ей всегда завидовали и на нее злословили. У владѣтельницы замка и у молодаго отпрыска старой русской фамиліи играло воображеніе... они часто возвращались къ этому вопросу и въ концѣ концовъ имъ стало казаться, что мечта эта не такъ ужь дика и не такъ неосуществима, какъ казалось съ перваго раза.

И вотъ, наконецъ, письмо отъ отца! Въ первую минуту сынъ обозлился. Хотя онъ могъ предполагать, что отецъ пріѣдетъ, но все еще надѣялся, что папахенъ просто выругаетъ его въ письмѣ и затѣмъ сдѣлаетъ переводъ по телеграфу необходимой суммы. Этого не случилось и сынъ предвидѣлъ нѣкоторыя затрудненія. Однако пріѣздъ отца все таки сулилъ ему что нибудь.

Но какъ быть теперь? Откуда взять денегъ? На какія средства купить подарокъ Лидіи Викторовнѣ?.. Онъ вынулъ бумажникъ. Въ немъ сиротливо желтѣла рублевая бумажка въ непріятной компаніи бѣлоснѣжныхъ векселей и расписокъ.

— «Какъ одинокая гробница вниманье путника зоветъ»,— продекламировалъ Воеводскій и расхохотался.

VII.

Снѣгъ пересталъ; начинало подмораживать. Туманъ исчезалъ и небо стало яснѣть. Воеводскій подошелъ къ окну и взглянулъ на улицу: на темномъ небѣ сіяли блѣдныя сѣверныя звѣзды. По улицѣ катили экипажи, лошади спотыкались и падали, скользя по обледенѣлой мостовой; на тротуарѣ, подъ тусклымъ свѣтомъ фонарей, сновали пѣшеходы; шумъ улицы не доходилъ до ушей Воеводскаго и ему казалось, что тамъ внизу, за стѣнами его дома, бродили тѣни; въ комнатѣ было жарко, душно. Ему захотѣлось на воздухъ; онъ жаждалъ вдохнуть въ себя эту холодную, рѣзкую струю осенняго вечера; онъ жаждалъ освѣжить свою распаленную голову живительнымъ вѣтромъ. Быстро надѣвъ пальто, онъ вышелъ. Было

поздно и движеніе на улицѣ становилось менѣе оживленнымъ. Не выбирая направленія, онъ бродилъ по улицамъ, куда глаза глядятъ. Онъ шелъ, низко понуря голову и инстинктивно ища чего-то. Сумбурныя мысли не давали ему покоя; воображеніе разыгрывалось: то онъ надѣялся встрѣтить кого нибудь изъ добрыхъ и очень богатыхъ знакомыхъ и попросить у него въ долгъ тыщонку-другую; то ему грезился подвигъ, выдающійся, блестящій, за который ему дадутъ награду или спросятъ: чего бы онъ хотѣлъ? И, думая о томъ, что̀ ему отвѣтить на такое любезное предложеніе—онъ терялся въ мысляхъ: спросить ли ему кучу денегъ, которыя могли бы спасти его отъ безвыходнаго положенія, или потребовать виднаго мѣста, въ родѣ посланника или полномочнаго министра; то онъ вглядывался въ комки грязной брошенной бумаги и ему представлялось, что въ ней завернуты, кѣмъ нибудь оброненныя, деньги. Онъ даже ткнулъ ногой во что-то подвернувшееся ему на дорогѣ... Огромный городъ, съ его пустынными улицами и высокими, угрюмыми домами, казалось, дразнилъ его. Каждый день, каждую ночь терялось что нибудь на улицахъ этого города; онъ, по крайней мѣрѣ, не разъ читалъ подобныя объявленія въ газетахъ. Отчего бы ему не найти какого нибудь пакета, оброненнаго артельщикомъ при перевозкѣ денегъ изъ одного учрежденія въ другое? Представилъ ли бы онъ эти деньги, какъ это слѣдуетъ по закону, и удовольствовался ли бы узаконенной третью? А вдругъ эти деньги оказались бы казенными? Тогда онъ ничего бы не получилъ. Нѣтъ, лучше онъ скрылъ бы ихъ и взялъ всѣ себѣ. И онъ начиналъ фантазировать. Вотъ онъ нашелъ бы сто тысячъ; по закону онъ получилъ бы тридцать три. Что̀ бы онъ на нихъ сдѣлалъ? И ему представились модные рестораны, отдѣльные кабинеты, чудныя женщины, благоухающія тонкими ароматами модныхъ духовъ; Никаноръ съ его элегантнымъ экипажемъ на резиновыхъ шинахъ; портной, приносящій ему новое щегольское платье; поѣздка за границу, въ обществѣ Лидіи Викторовны... Но нѣтъ! такихъ жалкихъ денегъ мало на все это. Пусть онъ найдетъ двѣсти, нѣтъ... триста тысячъ и всѣ ихъ возьметъ себѣ... Фантазія его разыгрывалась. Ему становилось жутко. Онъ доходилъ до галюцинаціи. Еслибы представилась возможность совершить преступленіе, въ результатѣ котораго оказался бы кушъ денегъ,

онъ не задумался бы совершить его... Вдали мелькнуло ему окно цвѣточнаго магазина. Онъ различилъ изящную бѣлую арфу, всю составленную изъ бѣлыхъ нарцисовъ; золоченыя струны были перевиты бѣлымъ газомъ, а по угламъ ея красовались пучки бѣлыхъ розъ, перевитые бѣлыми лентами. Рядомъ съ нею стояла корзина, наполненная желтыми чайными розами, въ перемежку съ темно-фіолетовыми ирисами, перевитая свѣтло-сиреневой лентой... Что могутъ стоить эти изящныя вещи? Рублей сто, полтораста? Онъ вспомнилъ о днѣ рожденія Лидіи Викторовны. Онъ поднесъ бы ей такую корзину или такую арфу. Она любитъ цвѣты. Но она еще больше любитъ брилліанты и прочіе драгоцѣнные камни,—главнымъ образомъ потому, что ихъ можно въ трудную минуту заложить. И онъ подошелъ къ окну ювелирнаго магазина. Ему мелькнули въ глаза на бѣлыхъ бархатныхъ подушкахъ роскошные парюры complet. Особенно приглянулся ему одинъ парюръ—изумруды cabochon темнаго цвѣта, окруженные брилліантами. Колье, кольцо, браслетъ, серьги и брошка—все это было составлено изъ строго подобранныхъ изумрудовъ, осыпанныхъ крупными брилліантами; вкусъ, стиль, рисунокъ такъ и били въ глаза. Онъ заглянулъ на билетикъ и у него захватило дыханіе. Отвернувшись отъ витрины, онъ уныло побрелъ домой, все еще не оставивъ своей сумасбродной мысли, все высматривая на тротуарѣ какую нибудь находку. Въ окнахъ магазиновъ огни меркли одинъ за другимъ; спускались съ шумомъ деревянныя ставни. На улицахъ стало еще темнѣе, еще печальнѣе, еще унылѣе.

Въ его пустой душѣ и отуманенной головѣ царилъ полный хаосъ. Махнувъ безнадежно рукой, онъ направился къ дому.

VIII.

Утро было ясное, морозное. Солнце весело заглядывало въ спальню Воеводскаго. Онъ проснулся, взглянулъ въ окно, сквозь шторы котораго пробивалось солнце, и ему стало весело. Бодро вскочивъ съ кровати, онъ принялся за свой туалетъ. Это у него занимало часа два; потомъ онъ напился чаю и только около двѣнадцати часовъ вышелъ на подъѣздъ. Онъ готовъ уже

былъ крикнуть по привычкѣ: «подавай»! Но, оглянувшись, увидѣлъ, что Никанора не было.

«Эге»! подумалъ онъ: «придется понтировать пѣшкомъ. Никаноръ обозлился не на шутку».

По мѣрѣ того какъ онъ шелъ, бодрое, жизнерадостное настроеніе покидало его, прежнее уныніе и безнадежность подымались, какъ липкій осенній туманъ, и вступали въ его голову. Мучительная жажда денегъ колотила его. Во что бы то ни стало, нужно раздобыться. Такъ ли, сякъ ли, нужно ихъ достать. Не можетъ же онъ жить съ рублемъ въ карманѣ! Ему нужно пить, ѣсть, однимъ словомъ—*жить*. Родитель ничего не дастъ, потому что Василій Ивановичъ забралъ у него чуть не за полгода впередъ. Заложить онъ ничего не можетъ, все давно уже заложено. «Нужны деньги, нужны деньги»! ожесточенно твердилъ онъ, проходя опять мимо вчерашнихъ витринъ ювелира и садовника, и упорно отъ нихъ отворачиваясь, чтобы не раздражать себя.

Солнце начинало растапливать обледенѣлую кору мостовой. Вчерашній снѣгъ таялъ и быстро превращался въ грязь. Комки талаго, грязнаго снѣга и брызги воды летѣли въ прохожихъ отъ резиновыхъ шинъ. Мимо Воеводскаго промчался на рысакѣ Вѣнценосцевъ и, обдавъ его грязью, любезно приподнялъ цилиндръ и съ улыбкой крикнулъ ему, перевернувшись на сидѣньѣ:

— Pardon!

— Скотина...—проворчалъ Воеводскій, оглядывая свое забрызганное пальто и недоумѣвая, что̀ дѣлать. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, какъ Вѣнценосцевъ все еще смотрѣлъ на него и, не смотря на даль разстоянія, Воеводскому показалось, что адвокатъ улыбается. «Животное»! выругался Воеводскій и пошелъ дальше. Ему стало стыдно, что онъ идетъ пѣшкомъ, тогда какъ наглый адвокатишка разъѣзжаетъ на резинѣ. И въ преувеличенно-любезномъ поклонѣ, и въ двусмысленной улыбкѣ, и въ окрикѣ адвоката онъ опять почувствовалъ насмѣшку и догадку о невеселомъ матеріальномъ положеніи Воеводскаго.

«Непремѣнно разскажетъ подлецъ Лидіи Викторовнѣ», подумалъ онъ: «и постарается все это передать въ самомъ комическомъ стилѣ».

Однако, въ такомъ видѣ продолжать прогулку было невоз-

можно и онъ зашелъ въ магазинъ, гдѣ попросилъ его почистить. Мелочи у него не было въ карманѣ и онъ съ видомъ знатнаго и богатаго барина вынулъ свой бумажникъ, тщательно скрывая отъ швейцара его содержимое, порылся въ немъ, какъ бы выбирая изъ пачки кредитныхъ бумажекъ наименьшую, и вручилъ ее жадно слѣдившему за нимъ швейцару. Но кассирша, стоявшая у конторки, строго посмотрѣла на швейцара и тотъ, вѣжливо раскланиваясь, отказался отъ вознагражденія. Воеводскій облегченно вздохнулъ: «есть еще порядочные люди»! подумалъ онъ и, поблагодаривъ, вышелъ изъ магазина, зажавъ въ рукѣ желтенькую бумажку. На тротуарѣ онъ водворилъ ее опять въ бумажникъ, въ пріятную компанію векселей.

И вдругъ ему вспомнилась вчерашняя блондинка, которую онъ поставилъ въ такое же неудобное положеніе, въ какое сегодня поставилъ его Вѣнценосцевъ своими глупыми шинами. Онъ улыбнулся. «Кто она?—подумалъ Воеводскій:—судя по костюму, по лицу, по манерѣ держать себя—вполнѣ порядочная женщина... Но она его выругала крѣпкимъ словцомъ... По неволѣ выругаешься», сказалъ онъ самъ себѣ, и ему представилась самодовольная и отвратительная физіономія адвоката.

— Здравствуйте!—окликнулъ его кто-то.—Вы куда? Если не помѣшаю, я пройдусь съ вами. Я только что отъ Александра Александровича... онъ меня пригласилъ зайти сегодня. Но я его не засталъ.

Это былъ Горемыкинъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, млѣвшій передъ славой Вѣнценосцева. Воеводскій поморщился, но пошелъ рядомъ съ юношей, разсчитывая, что тотъ своей болтовней заглушитъ его мрачныя думы. Горемыкинъ пустился въ откровенности.

— Знаете, мнѣ очень бы хотѣлось бросить моего патрона. Онъ устарѣлъ. Ему не поручаютъ хорошихъ дѣлъ. Чувствуя, какъ звѣзда его меркнетъ, онъ сталъ кидаться на дѣла и за каждое хватается до неприличія. Онъ жаденъ, онъ ничего не даетъ зарабатывать своимъ помощникамъ... все самъ, все самъ. Намъ уступаетъ дѣла совсѣмъ безнадежныя. Такъ жить нельзя. Мнѣ просто ѣсть нечего. Я бы никому не сказалъ этого... но вы меня поймете.

— Почему же именно *я* васъ пойму?—обидчиво спросилъ Воеводскій, радуясь, что и этотъ также нуждается, какъ онъ,

и обижаясь, что его стѣсненное положеніе становится очевиднымъ для всѣхъ.

— То есть я хотѣлъ сказать... вы меня не поняли...—выпутывался юноша:—мнѣ казалось, что вы одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, не зная нужды, все таки въ состояніи понять...

— А!—успокоительно отозвался Воеводскій.

— И вы другъ съ Александромъ Александровичемъ. Вы бы могли... замолвить ему словечко. Я уже вчера говорилъ съ нимъ, но онъ любитъ, чтобы его просили... и притомъ не непосредственно, а черезъ кого нибудь. Это имѣетъ видъ протекціи. Что дѣлать, у всѣхъ великихъ людей есть свои слабости,— наивно заключилъ юноша, повидимому, нисколько не сомнѣваясь въ величіи Вѣнценосцева.

Воеводскій расхохотался.

— Вѣнценосцевъ—великій человѣкъ... excusez du peu!— воскликнулъ онъ.—Вотъ вы меня насмѣшили.

Горемыкинъ сконфузился.

— Я бы все таки хотѣлъ имѣть его своимъ патрономъ. И еслибы вы, Василій Ивановичъ... вы его другъ...

— Откуда вы это взяли? Я съ нимъ вовсе не въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. И откровенность за откровенность: мы другъ друга терпѣть не можемъ, не смотря на то, что наружно находимся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но вѣдь это его манера со всѣми фамильярничать и говорить всѣмъ *ты*...

— Правда?—уныло спросилъ Горемыкинъ.

— Моя протекція можетъ вамъ только повредить,—внутренно надъ нимъ насмѣхаясь, продолжалъ Воеводскій.

— Неужели?—еще унылѣе повторилъ юноша и торопливо началъ прощаться, разсѣянно глядя по сторонамъ и холодно пожавъ руку своему спутнику.

«Идіотъ»! мысленно пустилъ ему въ догонку Воеводскій и пошелъ дальше. На углу двухъ пересѣкающихся улицъ состоялась новая встрѣча. Онъ столкнулся носомъ къ носу съ своимъ давнишнимъ знакомымъ и пріятелемъ, художникомъ Замойскимъ.

— Какъ давно мы не видались!—воскликнулъ художникъ, взявъ его подъ руку.—Какъ ты поживаешь? Куда ползешь? Я

иду домой, зайди ко мнѣ? Покажу тебѣ лѣтніе этюды. Хорошо, согласенъ?

Воеводскаго шокировалъ видъ Замойскаго. Онъ былъ въ какомъ-то необыкновеннаго вида пальто, съ пелериной, и къ тому же изъ слишкомъ свѣтлой и слишкомъ легкой для петербургской осени матеріи. Шляпа brigand изъ сѣраго, сильно затасканнаго, дешеваго фетра сидѣла на его длинныхъ волосахъ лихо, почти дерзко. Въ рукахъ его, лишенныхъ перчатокъ, была суковатая палка.

— Куда хочешь,—отвѣтилъ Воеводскій, не смотря на свое слегка потертое пальто, чувствовавшій себя, рядомъ съ художникомъ, блестяще одѣтымъ франтомъ.—Только свернемъ отсюда, я не люблю модныхъ улицъ... здѣсь толкотня.

Они переходили теперь площадь. Здѣсь, въ виду рѣдкихъ прохожихъ, Воеводскій почувствовалъ себя хорошо и еще разъ оглядѣлъ художника. Они разговорились. Это были два полюса нашей странной, перепутанной столичной жизни. Между ними ничего не было общаго. Одинъ, всегда изысканно одѣтый, разъѣзжающій на резиновыхъ шинахъ, посѣщающій лучшее общество или дорогіе, модные кабачки, знающій женщинъ свѣта и блестящихъ куртизанокъ, съѣдающій по шести-восьми блюдъ за обѣдомъ; другой—шлепающій во всякую погоду въ продырявленныхъ сапогахъ, ютящійся чуть не на чердакахъ, обѣдающій въ греческой кухмистерской, а иногда и вовсе не обѣдающій, плюющій на деньги и боготворящій искусство... Какъ они могли понимать другъ друга? Что могло привлекать ихъ другъ къ другу? Что могло быть общаго между обитателемъ, хотя и не оплаченнаго, но все таки бельэтажа и жильцомъ одного изъ чердаковъ Васильевскаго острова? И все таки ихъ тянуло другъ къ другу, и если Воеводскій былъ способенъ вообще любить кого нибудь, то онъ именно любилъ Замойскаго, хотя всегда передъ нимъ рисовался и старался показать себя не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Быть можетъ, именно эта возможность порисоваться, поблистать, похвастаться передъ «абсолютнымъ» бѣднякомъ и влекла его безсознательно къ художнику. Но Замойскій вскорѣ отлично разгадалъ своего пріятеля и проникъ во всѣ его тайны, хотя дѣлалъ видъ, что вѣритъ его розсказнямъ и баснямъ. И, вѣроятно, его влекло къ Воеводскому смутное сознаніе, что его пріятель въ сущности

такой же «богемецъ», какъ онъ самъ, но безконечно ниже его, потому что у Замойскаго было хотя любимое и дорогое ему дѣло, ради котораго онъ до поры до времени голодалъ, тогда какъ у Воеводскаго ничего не было за душой...

IX.

Они познакомились лѣтомъ, два года тому назадъ, въ Крыму. Воеводскій жилъ тогда въ Ялтѣ съ Анной Шимкевичъ и часто гулялъ съ ней вдвоемъ по берегу моря, иногда удаляясь отъ города на значительное разстояніе; здѣсь, на прибрежныхъ скалахъ, они застали однажды Замойскаго, который ожесточенно писалъ этюдъ съ яростныхъ волнъ, набѣгавшихъ съ моря и разбивавшихся о камни, вздымаясь высокой пѣной съ сѣдыми гребнями. Они подошли къ его походному мольберту и попросили разрѣшенія слѣдить за его работой. Онъ разрѣшилъ имъ это, не поворачиваясь, даже не глядя на нихъ. Художникъ злился и выходилъ изъ себя. Мало по малу они разговорились.

— Вотъ что значитъ проклятая привычка работать въ мастерскихъ. Тамъ все условно: свѣтъ слѣва и сверху, тѣни справа, чортъ знаетъ что!.. Освѣщеніе сѣрое, тусклое, мрачное... И потомъ кричатъ: у русскихъ художниковъ нѣтъ колорита. А откуда ему взяться? Изъ пальца высосать, что ли? Вотъ попадешь подъ открытое небо, въ «плэнъ-эръ» этотъ самый; обдастъ тебя со всѣхъ сторонъ солнце—и условность вся къ чорту! Свѣтъ со всѣхъ сторонъ, краски горятъ и блестятъ... такихъ и на палитрѣ не найдешь... тѣни прозрачныя—голубыя, синія, фіолетовыя... а мы-то? какъ тѣнь—и ну мазать асфальтомъ, да муміей... чортъ знаетъ что. А рефлексы? Со всѣхъ сторонъ—шутка! Да, вотъ тутъ и справься. А море? И зеленые, и синіе, и красные, и желтые переливы—улови ихъ!

Онъ взялъ свой шпахтель и соскоблилъ чуть не полъ-этюда.

— Что вы дѣлаете?—съ сожалѣніемъ вскрикнула Анна.

Тогда онъ обернулся. Увидя элегантнаго молодаго человѣка въ сопровожденіи красивой женщины, художникъ сконфузился и примолкъ. Потомъ они всѣ вмѣстѣ вернулись въ городъ.

Шимкевичъ его очаровала. Бойкая и веселая женщина, бросившая сцену ради Воеводскаго, она чувствовала потреб-

ность въ обществѣ, въ разговорѣ безъ условныхъ приличій и натянутости. Ей было немножко скучно съ Воеводскимъ, у котораго на душѣ ничего не было, кромѣ пустоты и жажды денегъ, да еще тщеславія—обладать хорошенькой женщиной, на которую всѣ заглядывались. Въ Замойскомъ она почувствовала артистическую натуру, родственную ея натурѣ, и съумѣла съ нимъ разговориться. Второй разъ они встрѣтились съ нимъ въ Гурзуфѣ и ужинали въ губонинскомъ ресторанѣ. Анна, видимо, очень нравилась Замойскому и онъ не скрывалъ этого. Онъ глядѣлъ на нее глазами художника и мысленно отыскивалъ линіи ея тѣла, скрытыя платьемъ. Онъ задумывалъ въ то время картину для предстоящей выставки: «Венера, выходящая изъ морской пѣны». Эта тема была несовсѣмъ въ свойствахъ его художественнаго дарованія, но его соблазнили: Черное море, давшее массу матеріала, который онъ не зналъ, какъ утилизировать, и возможность щегольнуть на выставкѣ картиной, написанной прямо подъ солнцемъ. Анна казалась ему весьма подходящею для задуманнаго имъ типа Венеры. Это была полная, но замѣчательно-пропорціонально сложенная женщина, со здоровымъ цвѣтомъ лица, съ роскошными темнорусыми волосами съ золотымъ отливомъ. Онъ очень бы хотѣлъ написать съ нея «натуру» на своей картинѣ, но, конечно, не смѣлъ просить объ этомъ.

Воеводскій пріѣхалъ въ Крымъ съ деньгами. Онъ только что ловко ограбилъ отца на довольно «приличную» сумму. Поэтому онъ разыгрывалъ изъ себя большаго барина и мецената, и заказалъ художнику портретъ Анны, за что тотъ ухватился съ радостью. Онъ бросилъ свою картину и занялся Анной, которую изобразилъ во весь ростъ, въ крымскомъ саду, окруженною кустами розъ, магноліи, среди кипарисовъ и лавровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ и для себя нѣсколько этюдовъ ея головки. Эти сеансы сблизили «модель» и художника. Анна съ наслажденіемъ позировала, сознавая силу своей красоты и изъ потребности выставлять эту красоту передъ людьми. Эта потребность выставки была въ ней развита сценой; теперь же Анна лишилась возможности позировать на подмосткахъ передъ публикой, а это составляетъ весьма существенный пробѣлъ въ общей экономіи жизни артистки. Внѣ сеансовъ, она тоже не прочь была отъ общества Замойскаго, тѣмъ

болѣе, что Воеводскаго отвлекали отъ нея многочисленные свѣтскіе знакомые, съ которыми она не имѣла общенія, и въ особенности кружокъ Лидіи Словенской съ ея многочисленными поклонниками. Воеводскій только что познакомился съ этой пожившей красавицей и присоединился къ ея кортежу, гдѣ онъ чувствовалъ себя chez soi, въ своей сферѣ,—и въ сферѣ мелкихъ интересовъ петербургскаго жуирующаго общества. Поэтому онъ оставлялъ ихъ подолгу однихъ и былъ даже очень благодаренъ художнику за то, что тотъ замѣнялъ до нѣкоторой степени его самого. Воеводскій выработалъ себѣ съ юныхъ лѣтъ особый взглядъ на всевозможныхъ дѣятелей искусствъ,—на такъ называемыхъ артистовъ и художниковъ. Считая себя по происхожденію, по положенію въ обществѣ, по связямъ и воспитанію выше ихъ, онъ полагалъ, что ихъ нужно закармливать ужинами и запаивать шампанскимъ, держаться съ ними вольно, съ той особой простотой большихъ баръ, которая граничитъ съ пренебрежительнымъ амикошонствомъ и фамильярностью. Ихъ можно угощать, но никогда не должно соглашаться на реваншъ — отвѣтный ужинъ и отвѣтную бутылку вина. Ихъ деньги трудовыя, заработанныя, добытыя потомъ и кровью; его деньги—свалившіяся съ неба, занятыя, случайныя, богъ знаетъ откуда явившіяся. Люди личнаго труда знаютъ исторію каждаго рубля, находящагося въ ихъ бумажникѣ, и ведутъ точный счетъ имъ; люди его закала часто не знаютъ даже происхожденія своихъ денегъ или совершенно забываютъ объ этомъ, занимая направо и налѣво. Этотъ взглядъ, однако, нисколько не мѣшаетъ имъ занимать и у тружениковъ, если представится удобный случай. Въ одинъ изъ такихъ меценатскихъ кутежей онъ выпилъ съ Замойскимъ на *ты*. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь въ Петербургѣ, они постоянно выдерживали тотъ дружескій тонъ, который былъ выработанъ ими на ужинахъ въ Гурзуфѣ: продолжали говорить другъ другу «ты», хотя встрѣчались рѣдко; иногда откровенничали, иногда фамильярничали между собою, хотя оба добродушно и слегка презирали другъ друга. Воеводскій рисовался передъ художникомъ своими связями, происхожденіемъ, иногда туго-набитымъ бумажникомъ, и называлъ его «богемой». Замойскій величалъ его «прожигателемъ жизни» и «декадентомъ». Но они все таки радостно встрѣчались другъ съ другомъ, какъ старые пріятели, и въ тяжелыя ми-

нуты жизни, т. е. когда бумажникъ становился тощимъ, какъ одна изъ библейскихъ коровъ, Воеводскій радъ былъ излить свою душу передъ неунывающимъ Замойскимъ. Своимъ ламентаціямъ и причитаньямъ онъ придавалъ нѣкоторую пессимистическую окраску, говоря о неудовлетворенности жизнью, пересыпая свою рѣчь эффектными словечками въ родѣ taedium vitae, «нпострація» и т. п., и думая этимъ скрыть отъ проницательнаго художника пострацію своего кармана. Но тотъ быстро постигалъ суть этихъ жалобъ и еще быстрѣе выводилъ на свѣжую воду, «ан-плэнъ-эръ», зарапортовавшагося эксъ-мецената.

Теперь Воеводскій былъ очень радъ этой встрѣчѣ. По крайней мѣрѣ, онъ «убьетъ день», немножко забудется, а, быть можетъ, что нибудь и «перехватитъ»...

X.

Они шли нѣкоторое время молча.

Первымъ заговорилъ Замойскій.

— Скажи... ты вѣдь разошелся съ Анной Яковлевной?

Воеводскій вспомнилъ о письмѣ, полученномъ имъ наканунѣ, и его передернуло.

— Разошелся,—коротко произнесъ онъ и замолчалъ.

Замойскаго подмывало разузнать подробности, и онъ не могъ побороть своего любопытства.

— Конечно, это не деликатно съ моей стороны, — началъ онъ, запнувшись,—но, если это не секретъ, скажи мнѣ по какимъ мотивамъ?..

— По какимъ мотивамъ? — досадливо морщась, переспросилъ его Воеводскій.—Очень просто. Ей захотѣлось опять на сцену... Согласись,—вдругъ горячо заговорилъ онъ, почувствовавъ желаніе оправдаться,—не могъ же я слѣдовать за нею изъ Керчи въ Вологду и изъ Вологды въ Керчь?..

— Ты обнаруживаешь нѣкоторыя познанія въ географіи,— насмѣшливо произнесъ художникъ.

— Ты забываешь, что я побывалъ въ университетѣ. Я не могъ удержать ее,—продолжалъ онъ,—и, конечно, сталъ остывать. Мы разошлись.

— Не раньше ли ты сталъ остывать, прежде чѣмъ она захотѣла на сцену?

— Ахъ, да не все ли равно? — не понялъ вопроса Воеводскій.

— Большая разница. Въ первомъ случаѣ ты виновенъ, но заслуживаешь снисхожденія, во второмъ...

— Отстань...

Они замолчали.

— Что ты теперь пишешь? Кончилъ ли свою Венеру, что писалъ въ Ялтѣ?

Теперь настала очередь художника запнуться. Онъ нервно дернулъ головой, повелъ плечами и сказалъ:

— Эта картина—несчастье моей жизни. Она засѣла во мнѣ и овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Она мнѣ не дается, какъ кладъ. Я ея не кончилъ.

— Отчего?—спросилъ безучастно Воеводскій.

— Не могу найти натурщицы для Венеры. Русскіе художники поставлены въ этомъ отношеніи въ особыя условія... У насъ нѣтъ профессіональныхъ натурщицъ: это считается зазорнымъ ремесломъ. Я уже печаталъ объявленія, но никто не идетъ... Сегодня, когда мы встрѣтились, я возвращался изъ конторы газеты:—сдалъ второе объявленіе... дорого содрали, канальи... Кстати, ты мнѣ не сказалъ, гдѣ она?—совершенно некстати спросилъ онъ вдругъ.

— Кто?

— Анна Яковлевна.

— Вотъ далась тебѣ она? Что ты влюбленъ въ нее, что ли?.. Я не знаю, гдѣ она теперь.

Замойскій остановился и рѣзко поглядѣлъ на него.

— Врешь,—спокойно сказалъ онъ.—По глазамъ вижу, что врешь.

Тогда Воеводскій обозлился.

— Удивительная у тебя манера залѣзать въ чужія дѣла. Ну, да, я знаю, гдѣ она. Въ Царскомъ.

— Она тебѣ писала?

— Ну, да. Денегъ просила.—Онъ сказалъ это такимъ тономъ, который долженъ былъ бы дать понять Замойскому о непорядочности Шимкевичъ и во всякомъ случаѣ бросить на нее тѣнь.

Художникъ укоризненно покачалъ головой.

— И ты отказалъ?—смущенно спросилъ онъ.

— Отказалъ, отказалъ! — передразнилъ его Воеводскій.— Если у меня нѣтъ денегъ? У меня не экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

— Но вѣдь ты получаешь отъ отца?

— Гроши! Да и забралъ впередъ за полгода.

— Какъ ты шагаешь! Гроши—двѣсти рублей въ мѣсяцъ?! И ужь всѣ прожилъ?

— Всѣ, да плюсъ еще долгъ.

Снова водворилось молчаніе. Теперь они подымались по крутой лѣстницѣ въ квартиру художника. Замойскій жилъ въ одной изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова. Воеводскій, непривычный къ продолжительной ходьбѣ, усталъ и мысленно ругался; колѣни его тряслись, дыханіе спирало отъ этого взлѣзанія на четвертый этажъ. Онъ запыхался.

Наконецъ они вошли. Художникъ занималъ огромную комнату, которая ему служила и спальней, и столовой, и мастерской. Она была очень бѣдно обставлена самой необходимой мебелью. По стѣнамъ висѣли картины и этюды въ самодѣльныхъ, грубо сколоченныхъ рамахъ, неумѣло позолоченныхъ; стулья и табуреты стояли въ перемежку съ мольбертами. Двѣ-три картины стояли перевернутыми къ стѣнѣ. Въ нѣсколько болѣе темномъ углу, за ширмами у стѣны ютилась узкая и жосткая кровать художника рядомъ съ умывальникомъ и развѣшаннымъ на гвоздяхъ скуднымъ гардеробомъ. Стѣны были безъ обоевъ, но хорошо выкрашены сѣроватой краской, и вообще въ комнатѣ было много свѣта, благодаря тому, что вокругъ не было высокихъ домовъ, мѣшающихъ свѣту проникать въ широкія окна мастерской.

Воеводскій окидывалъ глазами стѣны, переходя отъ одного этюда къ другому. Онъ ничего не понималъ въ живописи, хотя дѣлалъ видъ, что кое-что смыслитъ и интересуетея. Замойскій слѣдилъ за нимъ съ нескрываемой насмѣшкой. Его другъ оживлялся только тогда, когда видѣлъ на холстѣ голое тѣло. Тогда взоръ его искрился и онъ начиналъ критиковать «натуру» съ видомъ знатока.

— Гдѣ ты нашелъ эту рыженькую? А еще говоришь, злодѣй, у насъ нѣтъ натурщицъ? Посмотри: бедра! А эти класси-

ческія линіи икръ? Или ты все это идеализировалъ и привелъ въ порядокъ! А?.. И шатёнка ничего себѣ,—продолжалъ онъ, переворачивая лицомъ къ себѣ другой этюдъ, стоявшій у стѣны.—Немножко жидковата...

— Уродъ!—воскликнулъ Замойскій.—Ни уха, ни рыла не понимаешь...—и поставилъ картину на мѣсто.

— А это что у тебя? — спросилъ Воеводскій, подходя къ большому мольберту, на которомъ стояла картина, прикрытая зеленымъ холстомъ.

— Это секретъ,—пробормоталъ, конфузясь и краснѣя, художникъ.—Оставь, оставь!—крикнулъ онъ, желая остановить своего пріятеля, уже приготовившагося отдернуть занавѣску.

— А, вотъ гдѣ таится секретъ художника! — смѣясь, сказалъ Воеводскій.—Нѣтъ, правда, что это? Ты меня заинтриговалъ. Ну, покажи?

Замойскій подумалъ.

— А впрочемъ, что жь! Можно... я вѣдь ничего предосудительнаго не сдѣлалъ. Смотри...

Онъ отдернулъ холстъ и глазамъ Воеводскаго представилась Венера, выходящая изъ пѣны морской. Небо и море, вспѣненное прозрачными голубыми волнами, дальнія прибрежныя скалы, покрытыя фіолетово-нѣжной дымкой, свѣтлорозовыя облака удивительно прозрачныя, какъ будто сквозь нихъ прорывались золотистые лучи восходящаго солца,—все это было написано роскошно, сочно и колоритно. Въ картинѣ было много свѣта и воздуха, она вся была наполнена солнцемъ, которое почти слѣпило глаза. Написана она была смѣло, свободно, широкими мазками. Только на ней не было Венеры. Одинъ контуръ ея соблазнительнаго тѣла былъ намѣченъ углемъ и затѣмъ фиксированъ terre de Sienn'ой, и края этого контура были замазаны кое-гдѣ красками неба и моря. Видимо, художникъ дѣлалъ рисунокъ фигуры неувѣренной рукой, колебался, отклонялся, возвращался вновь къ задуманнымъ линіямъ и вновь отступалъ отъ нихъ. Сѣро-желтый, не замазанный краской, холстъ рѣзалъ глаза своимъ непріятно холоднымъ тономъ среди этой гармоніи неба и моря. Кое-гдѣ художникъ пробовалъ колоритъ тѣла, и весь абрисъ будущей Венеры пестрѣлъ этими безпорядочными, блестящими и потухшими мазками. Зато голова Венеры была выписана изумительно и превосходно «дѣ-

лилась» на розовато-бѣлыхъ облакахъ. Каштановая волна во лосъ, разметавшихся по воздуху, какъ будто таяла и исчезал въ облакахъ; темныя брови были приподняты и придавали радостно-безпечный видъ богинѣ; большіе темные глаза съ поволокой задумчиво глядѣли прямо передъ собой, и куда бы ни отошелъ зритель, они какъ будто слѣдовали за нимъ. Нѣсколько полный и чувственный ротъ, чуть улыбавшійся веселой улыбкой, ясно характеризовалъ культъ, представителемъ котораго была эта богиня. Рядъ зубовъ, бѣлыхъ, «какъ снѣгъ Ливана», виднѣлся изъ полуоткрытыхъ губъ этой чудной головки. Шея, изящная, граціозная, въ строгихъ классическихъ линіяхъ, доведенная до зарожденія груди, была тоже окончательно написана. И только самого тѣла не было.

— Да вѣдь это Анна!—воскликнулъ въ восторгѣ Воеводскій, любуясь картиной.

— Да, это она,—все еще конфузясь, проговорилъ Замойскій и, торопясь оправдаться, быстро заговорилъ:—ты теперь понимаешь... Я задумалъ эту картину въ Ялтѣ. Южная природа дала мнѣ богатый матеріалъ для фона, для рамки, и я воспользовался имъ дурно ли, хорошо ли—не знаю...

— Превосходно! — авторитетно заявилъ Воеводскій, переводя свой взоръ на вспѣненныя волны и серебристыя облака.

— Но гдѣ было взять Венеру? Гдѣ было достать натурщицу, мало-мальски удовлетворяющую мой идеалъ... Я уже отчаивался, какъ вдругъ встрѣтился съ тобой и Анной Яковлевной. Ты, помнишь, попросилъ меня написать ея портретъ. Во время этого писанія, мнѣ пришла мысль, что она и есть моя Венера... Я снялъ нѣсколько этюдовъ съ ея головки. Одинъ изъ нихъ, съ распущенными волосами, я разработалъ здѣсь. Но ты понимаешь... я не могъ просить ее позировать для тѣла... Она сидѣла передо мной въ легкомъ пеньюарѣ, по домашнему, и я угадывалъ только линіи ея фигуры, рисовавшіяся черезъ складки ея капота... Дома я дѣлалъ этюды по памяти и по соображеніямъ. Но это было все не то. Здѣсь я не могъ подобрать ни одной натурщицы. Смотри,—продолжалъ онъ и вынулъ изъ огромной папки нѣсколько этюдовъ.— И ни одно тѣло не казалось мнѣ подходящимъ къ этой головѣ. Ни по линіямъ, ни по формамъ, ни по колориту. Я пробовалъ приставлять *ея* голову къ чужимъ плечамъ — выходило

юртъ знаетъ что... изъ другой оперы. Пеньюаръ у нея былъ открытый, обнажавшій ея дивную шею... ты помнишь?

Воеводскій махнулъ головой.

— И эту шею я написалъ. Но она никакъ не гармонировала ни съ однимъ тѣломъ... Да, наконецъ, найди я тѣло — все равно не могъ бы выставить картину съ *ея* головой. Это было бы пасквилемъ... А между тѣмъ, представь себѣ: Венера, именно съ ея лицомъ и торсомъ, такъ и засѣла у меня въ мозгу и другой я не могу себѣ представить. Она овладѣла всѣмъ моимъ существомъ, всѣми мыслями, всѣмъ воображеніемъ... Товарищи пробовали наставить меня на путь истины: они убѣждали, что Венера должна быть бѣлокурой. Вздоръ! Венера можетъ быть какой угодно... но *моя* Венера не можетъ быть иной, какъ Анна... Эта картина—мой крестъ. Я ни о чемъ не могу больше думать, ни за что приняться. Стоитъ она у меня и днемъ, и ночью передъ глазами. Иногда она грезится мнѣ на разсвѣтѣ. Тогда я вскакиваю, подбѣгаю къ картинѣ, исправляю контуръ, пробую колоритъ, но все это не то, не то,—и я безсильно опускаю руки. Что прикажешь дѣлать, когда нѣтъ ни общаго представленія о тонѣ ея тѣла, ни твердо установленнаго рисунка?.. И я нищенствую, бѣдствую, пишу съ ненавистью и отвращеніемъ портреты съ толстопузыхъ купцовъ, увѣшанныхъ золотыми медалями «за трудолюбіе и искусство», и съ краснорожихъ купчихъ, плавающихъ въ жиру. Купцы требуютъ особенно тщательной выписки регалій, даже въ ущербъ «физіономіи личности»; купчихи—требуютъ выписки «драдедамовыхъ и трепрашельчатыхъ шалей съ пукетами», а я ихъ готовъ изувѣчить и швырнуть имъ въ лоснящіяся рожи эти сторублевыя бумажки, которыя еще поддерживаютъ мое жалкое существованіе и которыя я добываю потомъ и кровью ненавистнаго труда. А я знаю, что эта картина—онъ указалъ на Венеру—переломъ моей жизни. Въ ней слава, деньги, извѣстность и—что главнѣе всего—художественное самоудовлетвореніе... Но нужно отказаться отъ всего этого... и навсегда.

Онъ перевелъ дыханіе и тяжко вздохнулъ. Воеводскій не понялъ его.

— Просто ты влюбленъ въ Анну,—съ усмѣшечкой заявилъ онъ.

— Глупъ ты. Какъ художникъ... да!.. Но тебѣ этого не понять во вѣки вѣковъ.

— Гдѣ ужь!

— Вотъ толкуй съ эдакимъ...

— Не стѣсняйся.

— Ему выкладываешь всю душу, всѣ наболѣвшія горести, а онъ, какъ дятелъ, твердитъ одно: влюбленъ, влюбленъ... Эхъ!..

Оба замолчали и погрузились въ созерцаніе картины.

XI.

Водворившееся безмолвіе вдругъ было прервано звонкомъ.

— Кто бы это могъ быть?—заволновался Замойскій и пошелъ отворять. Онъ вскорѣ вернулся, пропустивъ впереди себя маленькую, не очень полную женщину и сдѣлалъ знакъ Воеводскому, чтобы тотъ задернулъ картину. Вошедшая была миловидна и молода. Увидя въ мастерской художника постороннее лицо, очевидно не принадлежавшее къ сословію живописцевъ, судя по костюму, она нѣсколько оробѣла и сконфузилась.

— Ничего,—ободрилъ ее художникъ,—не смущайтесь—это пріятель; что вамъ угодно?

— Я пришла по объявленію. Вы искали натурщицу.

— А-а! Я, я... мнѣ очень нужно,—заторопился онъ, сомнительно на нее поглядывая и стараясь уловить очертанія ея тѣла. Воеводскій насторожилъ уши. Онъ въ первый разъ видѣлъ натурщицу и это его интриговало.

— Меня зовутъ Натальей Осиповной; я уже служила моделью... можетъ быть, вы знаете?.. Съ меня писалъ Лабутинъ.

— Какъ же, какъ же... Лабутинъ... знаю,—сказалъ Замойскій.

— Хотите посмотрѣть?—спросила она бойко, но вдругъ смутилась подъ внимательными взглядами художника. — Вы не сомнѣвайтесь... у меня кости тонкія... я худощава на видъ... но тѣла у меня довольно.

Она ушла за ширму. Пріятели молчали. Слышно было ея учащенное дыханіе и шуршанье снимаемаго платья; можно было догадаться, какъ она разстегивала крючки лифа, снимала

корсетъ... Воеводскому пришло желаніе взглянуть, и онъ подкрался къ ширмѣ. Замойскій крѣпко схватилъ его за руку и строгимъ голосомъ прошепталъ:

— Будь же порядочнымъ... Это—профессія, требующая деликатнаго отношенія.

Тотъ пожалъ плечами и сѣлъ.

— Я готова...—робко раздалось за ширмой.

Воеводскій взглянулъ на пріятеля. Лицо Замойскаго приняло строгое, внушительное выраженіе; на немъ не было ни тѣни пошлости, любопытства, предвкушенія.

Онъ опять пожалъ плечами, какъ бы говоря: «вотъ дуракъ»! и закурилъ папиросу. Художникъ вошелъ за ширму. Онъ взглянулъ на Наталью Осиповну. Она была недурно сложена, хотя совершенно не подходила для его Венеры ни ростомъ, ни, въ особенности, колоритомъ. Кожа ея была изжелта-сѣрая, впадающая въ непріятный коричневатый цвѣтъ, и ноги были нѣсколько худы. Замойскій отодвинулъ немного ширму, прилегавшую къ окну, и впустилъ побольше свѣта. Онъ еще больше убѣдился въ непригодности субъекта.

— Вы хорошо сложены,—услыхалъ Воеводскій, не двигавшійся съ мѣста, — но для меня вы не годитесь. Мнѣ нужно натуру выше ростомъ и полнѣе... дебелѣе... вы понимаете? Когда я буду писать что нибудь другое... не миѳологическое, а современное, я воспользуюсь вашими услугами. Вы прекрасно сложены,—утѣшалъ онъ ее.

Она одѣлась гораздо быстрѣе, чѣмъ раздѣвалась. Выдя изъ-за ширмы, она кивнула головой и просто сказала:

— Простите, что побезпокоила.

Замойскій записалъ ея адресъ и проводилъ до двери.

— Тяжелый хлѣбъ!—проговорилъ онъ, возвратясь и ища сочувствія у друга; но тотъ промолчалъ, нѣсколько будируя противъ него за то, что онъ лишилъ его возможности посмотрѣть на интересное зрѣлище.—Она годится для скульптора,—говорилъ Замойскій. — Съ нея можно формовать тѣло... но для живописца—нѣтъ! У нея отвратительный колоритъ...

Воеводскій не зналъ, что ему дѣлать. Онъ уже соскучился у Замойскаго и его не переставала глодать мысль, гдѣ бы достать денегъ. Онъ хотѣлъ уходить, но любопытство еще разъ разобрало его и онъ подошелъ къ мольберту, отдернувъ за-

крывавшій его холстъ. Задумчивые глаза Анны глянули на него съ полотна.

Между тѣмъ Замойскій заговорилъ:

— Такъ Анна Яковлевна писала тебѣ и просила денегъ?

Тотъ молча кивнулъ головой.

— И ты отказалъ, по неимѣнію ихъ?

— Ну, да, я уже сказалъ тебѣ,—недовольный этимъ возобновившимся разговоромъ процѣдилъ Воеводскій.

— И у тебя, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни гроша?

— Нѣтъ, я вру. У меня мильоны.

Художникъ замолчалъ. Видимо, онъ что-то обдумывалъ и соображалъ. Потомъ рѣшился.

— Слушай. Я дамъ тебѣ денегъ... Я знаю, что̀ значитъ когда нужна экстренная помощь: я самъ бывалъ въ безвыходномъ положеніи; да и теперь... Если женщина рѣшается просить у покинувшаго ее человѣка денегъ, не щадя своего самолюбія,—значитъ нужда схватила ее за горло. Она не служитъ?

— Должно быть, нѣтъ...

— Съ ней что нибудь случилось? Какое нибудь несчастье?.. Да?.. Говори же?..

Воеводскій хотѣлъ солгать. Но что-то шевельнулось въ его душѣ и онъ, неожиданно для самого себя, вдругъ произнесъ:

— У нея ребенокъ.—Голосъ его дрогнулъ. Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ; чувствовалъ, какъ кровь приливала къ лицу и какъ стыдъ, котораго онъ давно не ощущалъ, парализуетъ его голосъ. Должно быть, подсудимые чувствуютъ себя такъ подъ пристальными взглядами прокурора и судей.

Замойскій тихо, почти шопотомъ, спросилъ:

— Отъ тебя?

Воеводскій опять хотѣлъ солгать и отдѣлаться какой нибудь предательской фразой въ родѣ: «а я почемъ знаю»!.. но, повинуясь все тому же властному чувству, почти насильно, съ озлобленіемъ сознался:

— Ну, да...

Художникъ уловилъ его взглядъ. Онъ зорко и проникновенно посмотрѣлъ ему въ самые глаза. Воеводскій не вынесъ этого взора и потупился. Въ немъ онъ прочелъ ясно написанный приговоръ: «негодяй»! Никогда и никто еще не смотрѣлъ

на него такимъ недвусмысленнымъ взглядомъ, не допускавшимъ двухъ толкованій.

Замойскій отошелъ въ уголъ комнаты, гдѣ стоялъ комодъ, и, порывшись въ немъ, скоро вернулся. Въ его рукахъ была радужная бумажка.

— Возьми,—просто сказалъ онъ, протягивая руку пріятелю.—И пошли сегодня же.

— Но какъ же ты?—смутился тотъ.

— Ничего. Это все, что у меня есть, да еще десять рублей на прожитіе. Я ихъ оставилъ. Богъ знаетъ, сколько времени придется жить на нихъ... Но Богъ не безъ милости; пошлетъ какую нибудь купеческую «физіономію личности»... заработаю. Нельзя думать о своемъ комфортѣ, когда рядомъ гибнутъ люди...

Ощутивъ въ своихъ рукахъ деньги, Воеводскій вмѣстѣ съ ними ощутилъ и давно покинувшую его бодрость духа.

— Спасибо, дружище, выручилъ!—необдуманно произнесъ онъ, проявляя слишкомъ большую радость.

Тотъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него. У Замойскаго мелькнула нехорошая мысль. Воеводскій быстро собрался уходить, напѣвая какую-то шансонетку. Онъ простился съ пріятелемъ, крѣпко пожавъ ему руку, и направился къ выходу, по дорогѣ укладывая сторублевку въ бумажникъ. Въ дверяхъ его догналъ Замойскій.

— Ты пошлешь? — спросилъ онъ его вдругъ, рѣзко и властно.

Воеводскій пожалъ плечами и сдѣлалъ обиженное лицо.

— Прости...—смущенно заговорилъ художникъ. — Прости меня. Я знаю... ты свинья, но не такая же...

«Хамъ!»—подумалъ Воеводскій, спускаясь съ лѣстницы.—«Испугался! Капиталъ!!.»—насмѣшливо пробормоталъ онъ:—«Какъ будто я ему не отдамъ!..».

На встрѣчу ему поднималась дама, лицо которой было скрыто вуалью. Что-то знакомое въ ея фигурѣ мелькнуло ему. Но на лѣстницѣ было уже темно, и онъ не могъ разглядѣть ее хорошенько. Весело перескакивая со ступеньки на ступеньку, онъ спускался, все еще не переставая напѣвать навязавшійся ему мотивъ шансонетки, которую такъ часто слышалъ изъ устъ неподражаемо исполнявшей ее «Пантеонши».

— Должно быть, еще натурщица,—подумалъ онъ, при видѣ поднимавшейся на лѣстницу дамы, и вышелъ на улицу.

XII.

Около цвѣточнаго магазина Воеводскій остановился. Онъ взглянулъ въ окно. Бѣлая арфа и корзина чайныхъ розъ, перемѣшанныхъ съ ирисомъ, снова овладѣли его вниманіемъ. Чѣмъ больше онъ всматривался въ нихъ, тѣмъ болѣе онѣ его гипнотизировали. Мало по малу онѣ вытѣснили изъ его головы всѣ остальныя мысли и воцарились въ ней нераздѣльно. Повинуясь неудержимому желанію, онъ взялся за ручку двери. Но вдругъ ему захотѣлось удостовѣриться, что у него есть деньги. Долгое отсутствіе ихъ сдѣлало его недовѣрчивымъ: а вдругъ онъ положилъ ихъ мимо? а вдругъ онъ ихъ потерялъ? Онъ отошелъ отъ магазина и, съ трудомъ доставъ бумажникъ, успокоился. Тогда ему снова захотѣлось купить что нибудь для Лидіи Викторовны. Однако мысль о томъ, что деньги принадлежатъ не ему, что ихъ нужно отослать къ Аннѣ, мелькнула все таки въ его загипнотизированномъ мозгу. Но онъ сталъ себя утѣшать, придумывая компромиссы. Анна проситъ въ своемъ письмѣ только пятьдесятъ рублей; онъ ихъ и пошлетъ, а на остальныя купитъ цвѣтовъ; не все ли равно, послать сегодня или завтра? Одинъ день ничего не значитъ; сегодня же поздно, денегъ не примутъ, и не все ли равно, будутъ ли онѣ въ теченіе ночи лежать въ приготовленномъ къ отсылкѣ конвертѣ, или находиться въ его распоряженіи... Завтра пріѣдетъ отецъ. Дастъ ли онъ ему хоть что нибудь... всегда онъ пріѣзжаетъ изъ деревни съ деньгами. Такимъ образомъ, если онъ сегодня истратитъ пятьдесятъ рублей, то это будетъ лишь «внутренній безпроцентный и краткосрочный заемъ». Бѣлая арфа изъ нарцисовъ снова поглотила его вниманіе и онъ почти безсознательно снова схватился за ручку двери; онъ даже не понялъ, какъ она очутилась въ его рукахъ; какъ будто что-то толкало его сзади. Дверь мягко подалась и втянула его за собой.

Онъ вошелъ въ магазинъ и сразу пріобрѣлъ тотъ нѣсколько фатоватый тонъ, который былъ ему присущъ, когда онъ чувствовалъ въ карманѣ деньги.

— Мнѣ нужны цвѣты,—сказалъ онъ.—Что стоитъ эта арфа?

— Семьдесятъ пять рублей,—отвѣтилъ прикащикъ.

— Что такъ дорого?

— Помилуйте-съ, это не дорого... Однѣ ленты чего стоятъ... бронзовая подставка, струны. Очень изящная вещица.

— Да, да, хорошо. Мнѣ нужно это завтра. Но какъ же... цвѣты вѣдь завянутъ?

— Не безпокойтесь, мы сдѣлаемъ новую. Куда прикажете доставить?

Онъ записалъ адресъ и приложилъ свою карточку, чтобы ее присоединили къ подношенію. Вынимая деньги, онъ уже забылъ о Замойскомъ, объ Аннѣ, о происхожденіи сторублевки и обо всемъ остальномъ, думая только о томъ, что цвѣты доставятъ большое удовольствіе Лидіи Викторовнѣ и что онъ исполнилъ долгъ порядочнаго человѣка по отношенію къ любимой женщинѣ. У него осталось двадцать пять рублей, и онъ съ легкимъ сердцемъ отправился обѣдать въ модный ресторанъ. Онъ могъ бы отправиться обѣдать къ Словенской, но ему захотѣлось «кутнуть по холостому». Онъ вошелъ въ общую залу и выбралъ себѣ укромный столикъ подъ сѣнью пальмы. Къ нему подлетѣлъ человѣкъ.

— Здравія желаю, Василій Иванычъ... давно не изволили бывать у насъ. Ужь мы думали: не захворали ли?

— Занятъ былъ. Дай-ка мнѣ карточку.

Онъ долго рылся въ ней, потомъ, обращаясь къ склонившемуся предъ нимъ въ почтительной позѣ лакею, началъ диктовать ему menu. Подошелъ поваръ-французъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, и тоже дружески-фамильярно съ нимъ поздоровался и сталъ записывать на бумажку заказъ.

— Дайте мнѣ вермутъ и закуски... crême bisque, натурально пирожки... я люблю съ мозгами, ну и разстегайчики тоже... стерлядку паровую... колечкомъ, картофелю не надо; дадите хрѣну... Потомъ пулярку, свѣжепросольные огурцы, салатъ... Ну, еще, пожалуй, спаржу, только, пожалуйста, не съ сладкимъ соусомъ... и не съ сухарями: дайте мнѣ просто бѣлый соусъ... Затѣмъ пуншъ-гласэ, кофе, сыръ, ликеръ... фрукты, comme de raison...

— Monsieur prend de la chartreuse? — спросилъ поваръ, быстро записывая и кивая въ тактъ его рѣчи головой.

— Juste. Вино? Какое бы вино?—задумался онъ, вопросительно глядя на повара.

— Prenez donc la Goutte d'or... Un vin exquis! —подсказалъ французъ.

— Bon. Agissez.

— V—là!

Поваръ скрылся также внезапно, какъ появился передъ столикомъ. Лакей накрывалъ на столъ. Воеводскій съ наслажденіемъ предвкушалъ вкусный обѣдъ и съ благодарностью думалъ о Замойскомъ. Спасибо ему, выручилъ! Онъ добрый малый, хотя черезчуръ добродѣтеленъ и наивенъ для нашего fin de siècl'я, когда... «homo hominі lupus», — вспомнилъ онъ ходячую латинскую пословицу и улыбнулся своей учености. Электричество ярко сіяло, бросая ровный, пріятный свѣтъ на столы, накрытые бѣлоснѣжными скатертями, па хрусталь, серебро, на апетитно убранный закусками и уставленный винами буфетъ. Нѣсколько поодаль отъ него, сидѣли офицеры и угощали двухъ веселыхъ дамъ, которыя болтали по французски и весело хохотали, отпуская смѣлыя bon-mots. Рядомъ съ нимъ расположились двое «штатскихъ» и разговаривали о пензенскихъ городскихъ дѣлахъ и о направленіи новой желѣзнодорожной линіи. Офицеры были представители веселящагося Петербурга, штатскіе — представители дѣловитой провинціи, пріѣхавшіе въ Петербургъ хлопотать по городскимъ дѣламъ и теперь очевидно отдыхающіе въ модномъ ресторанѣ отъ засѣданія въ комисіи или комитетѣ,—какіе нибудь городскіе головы захолустныхъ палестинъ, собирающіеся нагрѣть себѣ лапы у желѣзнодорожнаго очага.

Воеводскому становилось скучно. Онъ не привыкъ къ одиночеству. Ему хотѣлось общества, хотѣлось вознаградить себя за эти три-четыре дня, когда онъ мотался безъ денегъ и чувствовалъ себя отвратительно.

Ему подали уже рыбу, когда въ ресторанъ вошелъ Вѣнценосцевъ и, оглядѣвъ залу, замѣтилъ Воеводскаго. Онъ быстро подошелъ къ нему.

— А—а! дружище,—громко заговорилъ онъ, обращая на себя общее вниманіе, причемъ одна изъ француженокъ довольно громко сказала:

— Tiens! En voilà un type!..

— Я тебя сегодня здорово отдѣлалъ! — продолжалъ адвокатъ, ничѣмъ не смущаясь и кланяясь француженкѣ, съ которой былъ знакомъ.—Прости... я далъ нагоняй своему кучеру. Ты одинъ? Я къ тебѣ подсяду... Garçon! карточку...

— Что у тебя за манера орать, точно ты на судоговореніи!—морщась, замѣтилъ ему Воеводскій, но былъ очень радъ, что у него оказался компаньонъ: все таки веселѣе. Хоть онъ и не любилъ Вѣнценосцева, но предпочиталъ обѣдать вдвоемъ съ нимъ, чѣмъ въ одиночку и, притомъ, «въ молчанку».

Городскіе головы подозвали лакея и спросили у него вполголоса, кто этотъ кричащій господинъ? Лакей, наклонившись къ самому уху вопрошавшаго, довольно громко объяснилъ, что это извѣстный адвокатъ Вѣнценосцевъ и провинціалы стали съ любопытствомъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ его оглядывать. Адвокатъ слышалъ и ихъ вопросъ, и отвѣтъ лакея, и видѣлъ радостное изумленіе, отразившееся на ихъ лицахъ при его имени. Все это льстило его самолюбію, и онъ сталъ еще больше ломаться и позировать.

«Какой хамъ!» думалъ Воеводскій, глядя на него: «сейчасъ происхожденіе сказывается; такъ на немъ и лежитъ печать кутейника. Никакая профессія, никакое образованіе, никакое воспитаніе его не передѣлаетъ. Даже деньги не помогаютъ, кутнуть не умѣетъ, все это выходитъ у него плоско, пошло, грубо»... Онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на своего компаньона. Ему всегда доставляло наслажденіе подмѣчать его недостатки, завидуя ему, издѣваться надъ нимъ въ душѣ и насмѣхаться надъ его тономъ, рѣчами, выходками; наблюдать какъ онъ, выдравшись изъ темной среды, корчитъ изъ себя большаго барина.

XIII.

Вѣнценосцевъ, происходя изъ духовнаго званія, бросилъ семинарію и пошелъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ, онъ пустился въ адвокатуру. Это былъ очень ловкій малый, обладавшій закаленною выдержкой, практическимъ умомъ и желѣзной волей. Онъ шелъ на проломъ, поставивъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало добиться славы и денегъ. Съ высшими себя онъ былъ

угодливъ и льстивъ, съ равными держался непринужденно и корчилъ «славнаго малаго» и bon-enfant, съ низшими обходился надменно и чванливо. Онъ не щадилъ ни своего самолюбія, ни денегъ, ни труда, ни времени тамъ, гдѣ это могло принести ему извѣстную пользу. Онъ готовъ былъ на все, лишь бы изъ даннаго лица или обстоятельства извлечь нѣкоторый «профитъ»; но онъ пальцемъ не пошевелилъ бы тамъ, гдѣ этотъ профитъ предполагался проблематичнымъ. Пройдя въ дѣтствѣ суровую школу лишеній и невзгодъ, будучи сыномъ деревенскаго попа, онъ рано постигъ цѣну деньгамъ и понялъ, что онѣ—тотъ рычагъ, которымъ Архимедъ могъ бы перевернуть міръ. Поэтому онъ ничего и никого не любилъ, кромѣ денегъ. Съ первыхъ шаговъ ему повезло. Онъ поступилъ помощникомъ къ патрону, уже сходившему со сцены, и ловко съумѣлъ подольститься къ нему, служа ему помощникомъ въ дѣлахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ юриспруденціей: отыскивалъ ему деньги и дѣла, ухаживалъ съ преданностью комнатной собачки за дамой его сердца, вездѣ кричалъ о геніальныхъ способностяхъ своего патрона, создавая ему широкую популярность. Когда патронъ окончательно сошелъ со сцены, то въ благодарность передалъ Вѣнценосцеву всѣхъ своихъ кліентовъ. У того сразу оказалась обширная практика. Почувствовавъ подъ собой почву, онъ уже больше не колебался и сталъ теперь создавать популярность самому себѣ. Тонко усвоивъ духъ времени, онъ понялъ, что имя въ этой полу-жидовской, полу-чухонской столицѣ можно составить себѣ безконечнымъ, назойливымъ напоминаніемъ о своей персонѣ карточками, выставляемыми въ витринахъ г. Шапиро, карикатурами, печатаемыми въ юмористическихъ журналахъ, отчетами въ большой прессѣ, нападками и издѣвательствами въ малой прессѣ, обширнымъ кругомъ знакомства какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сферахъ, представительной наружностью, эксцентрическимъ костюмомъ, намозоливаньемъ глазъ публики постояннымъ появленіемъ въ театрахъ, на концертахъ, благотворительныхъ балахъ, лекціяхъ и т. п. Онъ все это продѣлывалъ: снимался во всѣхъ фотографіяхъ, платилъ рецензентамъ и хроникерамъ, кормилъ-поилъ ихъ и состоялъ съ ними на дружеской ногѣ; искалъ связей и знакомствъ всюду, вездѣ стараясь быть очаровательнымъ и обворожительнымъ; обладалъ обширнымъ гардеробомъ

и переодѣвался три раза въ день, рабски подражая модным картинкамъ, за отсутствіемъ собственнаго вкуса. Но всего этого ему казалось мало. Ему хотѣлось всесторонней популярности и онъ сталъ писать въ журналахъ стихи. При отсутствіи дарованія, стихи выходили безвкусными, деревянными; у него не было даже настолько музыкальнаго слуха, чтобы уловить размѣръ и ритмъ. Тогда онъ взялъ себѣ въ помощники маленькаго юмористическаго поэтика, который хорошо владѣлъ стихомъ и за щедрую плату исправлялъ плоды его адвокатскаго вдохновенія. Когда этихъ «плодовъ» набралось достаточно, онъ издалъ ихъ отдѣльнымъ томикомъ, на розовой бумагѣ, съ соблазнительными виньетками, съ бьющей въ носъ обложкой, изображавшей голую женщину, сидящую на лунѣ, съ претенціознымъ заглавіемъ: «Ропотъ Эоловой арфы». Книгу расхвалили, потому что онъ былъ друженъ съ рецензентами; но успѣха она не имѣла и мирно покоилась подъ слоемъ пыли на полкахъ книжныхъ магазиновъ, откуда онъ самъ покупалъ ихъ для подношенія, съ авторскою надписью, дамамъ. Онъ предпочелъ бы, чтобы критика его разругала и подняла на смѣхъ: тогда книжка навѣрно пошла бы и разнесла его популярность. Не довольствуясь поэзіей, онъ сталъ писать чувствительные музыкальные романсы... при благосклонномъ, но тайномъ участіи одного капельмейстера гвардейскаго полка. Романсы, какъ и стихи, были бездарны и успѣха не имѣли; но зато онъ умѣлъ посвящать ихъ высокопоставленнымъ лицамъ и высокоталантливымъ композиторамъ. И на обложкахъ романсовъ, всегда изящно изданныхъ, онъ помѣщалъ тѣхъ же соблазнительныхъ женщинъ, парящихъ въ облакахъ, и своимъ музыкальнымъ произведеніямъ давалъ туманно-декадентскія, эфирно-загадочныя названія. Тутъ были и «Звуки морскаго прибоя», и «Траурная любовь», и «Сонъ розы въ лунную лѣтнюю ночь», и «Баркаролла подъ окномъ венеціанки», и еще богъ знаетъ что... Онъ ѣздилъ за границу главнымъ образомъ для того, чтобы, на другой день отъѣзда, въ хроникѣ газетъ появилось извѣщеніе: «вчера съ курьерскимъ поѣздомъ выѣхалъ за границу нашъ извѣстный адвокатъ А. А. Вѣнценосцевъ».

Мало по малу всѣ эти фокусы оказали таки свое воздѣйствіе. Онъ дѣйствительно намозолилъ публикѣ глаза своими портретами, книгами и романсами, и протрубилъ уши своимъ

именемъ. Иногда надъ нимъ подсмѣивались, но всѣ его знали и имя его у всѣхъ вертѣлось на языкѣ. Къ нему привыкли; его заваливали практикой. Онъ достигъ того, чего всю жизнь искалъ и къ чему стремился съ упрямствомъ семинариста, съ выдержкой разночинца. Онъ хотѣлъ «завоевать столицу»—и завоевалъ ее! На войнѣ всѣ средства хороши, и онъ ихъ не выбиралъ: въ этомъ и была тайна его успѣха. Его немножко смущала фамилія, выдававшая его далеко не вѣнценосное происхожденіе, но такъ какъ измѣнить ее было трудно — то онъ по необходимости примирился съ этимъ. Когда онъ получилъ, наконецъ, блестящее мѣсто юрисконсульта при желѣзнодорожномъ обществѣ съ десятитысячнымъ окладомъ жалованья и наградными деньгами, онъ почувствовалъ, что достигъ апогея своей славы, и сталъ заноситься. Теперь онъ никого не боялся, ему не у кого было заискивать; напротивъ, у него должны были заискивать, а онъ могъ если не всѣхъ, то равныхъ и низшихъ третировать и игнорировать. Онъ такъ и поступалъ.

Одинъ вопросъ изъ его широко намѣченной и ловко выполненной программы очень смущалъ его. Это—женщины. Мелочно-честолюбивый, онъ болѣзненно жаждалъ успѣха у женщинъ. Это была sancta sanctorum его души. Всю жизнь онъ посвятилъ тяжелому культу пріобрѣтенія земныхъ благъ, въ видѣ извѣстности, положенія и денегъ; онъ поклонялся этому культу, не щадя своего самолюбія; безропотно переносилъ щелчки и униженія; не зналъ покоя и работалъ, какъ каторжникъ. Туповатый и бездарный, онъ потому и шелъ окольными путями къ славѣ, что чувствовалъ невозможность завоевать ее умомъ и талантомъ: — ихъ-то и не было въ его грубой бурсацкой натурѣ. Онъ одинъ зналъ весь трагизмъ этой отчаянной борьбы; зналъ, что слава, добытая не талантомъ—тяжелая слава, висящая на волоскѣ и могущая рухнуть подъ тяжестью одолѣвавшей его бездарности. Такая слава требуетъ мелочно-педантичнаго ухода за собой, вѣчнаго наблюденія, безконечныхъ опасеній за малѣйшій промахъ. Она походила на недоношеннаго младенца, родившагося преждевременно и завернутаго въ вату при высокой температурѣ комнаты; малѣйшая оплошность—и младенецъ погибнетъ. Въ этомъ заключался трагизмъ его положенія, которое съ внѣшней стороны, повидимому, не оставляло желать ничего лучшаго. Порой на него на-

ходило отчаяніе: ему казалось, что за одну искреннюю, не купленную и не выпрошенную, ласку женщины онъ готовъ пожертвовать и своимъ положеніемъ, и славой, и деньгами,— всѣмъ тѣмъ, что̀ съ такимъ каторжнымъ трудомъ добывалось имъ отъ жизни... Онъ былъ молодъ, недуренъ собой, имѣлъ громкое имя и деньги, пріобрѣлъ извѣстный апломбъ; казалось, всѣ внѣшнія данныя были на лицо, чтобы имѣть успѣхъ у женщинъ, по крайней мѣрѣ, свѣтскихъ, не особенно падкихъ до внутреннихъ достоинствъ; но успѣхъ въ этихъ дѣлахъ упорно убѣгалъ отъ него и не давался ему, какъ кладъ. Онъ сознавалъ могущество женщинъ; онъ чувствовалъ, что онѣ могли бы сыграть самую существенную роль въ его карьерѣ и черезъ нихъ онъ могъ бы перешагнуть ту ступень борьбы, ведущей къ успѣху, которую ему пришлось проходить. Но роковымъ образомъ ни одна женщина не сыграла въ его карьерѣ этой важной роли. Онъ зналъ только денежный и дѣловой успѣхъ у женщинъ и испыталъ только покупную любовь. Въ длинномъ и тяжеломъ шествіи къ славѣ, въ борьбѣ за существованіе, онъ растерялъ всѣ тѣ качества мужской души, которыя нравятся женщинамъ. Въ немъ все переработалось въ эгоизмъ; онъ ни на минуту не могъ забыть ни себя, ни своей выгоды; женская же натура, сама по себѣ эгоистичная, не переноситъ эгоизма мужскаго: она предпочитаетъ видѣть въ мужчинѣ самозабвеніе, способность жертвы ради любимаго существа, словомъ, весь тотъ альтруизмъ, который, рядомъ съ эгоизмомъ женщины, составляетъ аккордъ, гармонію, и дополняетъ въ ея жизни то, чего у нея самой не хватаетъ... Въ погонѣ за благами жизни, онъ утратилъ даже и ту микроскопическую дозу увлеченія, которая отпущена современному человѣку; а женщина любитъ, когда ее идеализируютъ, ставятъ на пьедесталъ; въ этомъ идеализированьѣ она видитъ поэзію, отъ которой у нея слегка кружится голова. Наконецъ, весь поглощенный созданіемъ своей карьеры, онъ не имѣлъ времени присмотрѣться и понять женскую душу, а этого ни одна женщина никогда не проститъ. Не смотря на свои частыя увлеченія, Вѣнценосцевъ всегда и вездѣ видѣлъ, прежде всего, себя самого; онъ проходилъ *мимо* женщинъ, никогда не давая себѣ труда вникнуть въ тайники ихъ души. И онѣ ему мстили. Женщина похожа на искусство. Оно жестоко мститъ за себя, когда къ нему относятся по дил-

летантски. Нужно всѣми силами души любить свое искусство, преданно служить ему, поклоняться и боготворить, посвятить ему всю свою жизнь, всѣ мысли и чувства. Тогда—оно удовлетворяетъ, награждаетъ своего служителя высокими радостями. Таковы были, повидимому, мотивы неуспѣха Вѣнценосцева у женщинъ. И это составляло отраву его жизни. Извѣрившись въ возможность «завоевать женщину», какъ онъ завоевалъ себѣ общественное положеніе; испробовавъ всѣ пути къ женскому сердцу, онъ понялъ, что методы, примѣненные имъ къ завоеванію карьеры, всѣ тѣ ухищренія, фокусы и обманы—въ данномъ случаѣ совершенно не примѣнимы. Женщины обладаютъ чуткимъ сердцемъ и весьма тонкимъ умомъ. И то, и другее помогаетъ имъ разоблачать хорошо прикрытую ложь и анализировать малѣйшую фальшь въ отношеніяхъ мужчины, ищущаго у нихъ успѣха. Тогда онъ въ безсиліи опустилъ руки и въ отчаяньѣ долженъ былъ покориться. Спасая свою репутацію, желая устроить себѣ почетное отступленіе, онъ прикрылся флагомъ презрительнаго отношенія къ женщинамъ, которыхъ тайно не переставалъ обожать и желать. Онъ сталъ въ позу человѣка совершенно равнодушнаго къ успѣхамъ у прекрасной половины рода человѣческаго, почти игнорирующаго женщинъ, и въ лучшемъ случаѣ лишь снисходящаго до нихъ. Чтобы быть лучше вооруженнымъ, онъ сталъ усердно читать Шопенгауэра и другихъ лицемѣрныхъ ненавистниковъ женщинъ; выудилъ оттуда много афоризмовъ и сентенцій, свидѣтельствующихъ съ некрасивой стороны о женщинахъ, и въ пріятельскихъ разговорахъ и въ салонныхъ causeries старался примѣнять ихъ къ дѣлу, всѣми силами стремясь позировать въ качествѣ врага и преслѣдователя «якобы слабаго пола». Онъ питалъ надежду, что объекты его преслѣдованій, въ концѣ концовъ, заинтересуются такимъ оригиналомъ, который ихъ не признаётъ, и втайнѣ мечталъ съ этой стороны подойти къ нимъ и покорить ихъ неприступность. Но и это не удалось, потому что подъ его неискренностью и заимствованными сарказмами чувствовалась плохо скрываемая жажда женщины. Всѣми силами души онъ ненавидѣлъ своихъ счастливыхъ соперниковъ. Онъ чувствовалъ себя на верху блаженства, когда могъ разсказать въ дамскомъ обществѣ что нибудь очень гадкое, но несомнѣнно достовѣрное про мужчину, «имѣющаго успѣхъ».

Вотъ почему онъ ненавидѣлъ и Воеводскаго. Воеводскій, при всей его недалекости, легковѣсности и пустотѣ, славился въ кружкахъ молодежи успѣхомъ у женщинъ. У какихъ женщинъ и какого качества преуспѣвалъ онъ—это было все равно для Вѣнценосцева: ему было довольно, что Воеводскій въ этомъ отношеніи счастливѣе его. И онъ давно уже искалъ случая подставить ему ножку. Это было всего удобнѣе сдѣлать подъ маской дружбы. Къ тому же онъ почему-то вообразилъ, что Воеводскій сталъ ему на дорогѣ и помѣшалъ его роману съ Словенской. Этотъ романъ, правда, существовалъ только въ воображеніи Вѣнценосцева, но и этого было достаточно, чтобы онъ возненавидѣлъ счастливаго quasi-соперника.

XIV.

Вѣнценосцевъ ѣлъ съ апетитомъ человѣка здороваго и сильнаго, сознающаго, что онъ много поработалъ и заслужилъ право на хорошій обѣдъ. Здѣсь, когда ему не передъ кѣмъ было рисоваться, онъ переставалъ слѣдить за собой, распускался и ѣлъ грубо, некрасиво, съ жадностью. Онъ отправлялъ въ ротъ громадные куски и проглатывалъ ихъ, почти не жуя. Торопливо накидывался онъ на подаваемыя блюда, обильно запивалъ виномъ, давясь и захлебываясь.

Воеводскій слѣдилъ за нимъ съ ненавистью. «Вотъ когда онъ является наконецъ тѣмъ, что̀ есть на самомъ дѣлѣ»—думалъ Воеводскій, наблюдая его.—«Настоящій семинаристъ! навѣрно въ своей бурсѣ онъ съ такимъ же апетитомъ поглощалъ щи и кашу, какъ теперь эти тонкія блюда»... Вѣнценосцевъ раскраснѣлся, лицо его лоснилось, потъ выступилъ на лбу, глаза налились кровью, волосы взъерошились, галстукъ съѣхалъ на сторону. Отъ усиленной ѣды и обильнаго возліянія онъ пришелъ въ возбужденное состояніе. Слѣдя за его ѣдой, Воеводскій вдругъ страннымъ образомъ постигъ, что̀ за человѣкъ былъ этотъ «знаменитый» адвокатъ.

Въ антрактахъ, между двумя перемѣнами блюдъ, Вѣнценосцевъ пускался въ разглагольствованія. Онъ сѣлъ на своего любимаго конька—на тему о женщинахъ—и подъ вліяніемъ хорошаго обѣда принялся откровенничать, излагая передъ Воеводскимъ свои теоріи по этому вопросу.

— Я не понимаю тебя,—говорилъ онъ, обращаясь къ другу:—что ты нашелъ въ женщинахъ? Ты весь вѣкъ гоняешься за ними.

— А ты нѣтъ?—спросилъ его Воеводскій.

— Я ихъ презираю. Это все одно и то же. Довольно узнать одну, чтобы знать ихъ всѣхъ. Что въ нихъ интереснаго? Теренцій отлично опредѣлилъ ихъ характеръ: «пожелай чего нибудь—она будетъ противорѣчить; откажись отъ чего нибудь—она этого пожелаетъ». Катуллъ еще лучше опредѣлилъ ихъ нравственную сущность: «клятвы женщины—это дуновеніе вѣтра, запечатлѣнное на измѣнчивыхъ волнахъ». Но полнѣе и рѣшительнѣе всѣхъ опредѣлилъ ее Эразмъ, при всей краткости его афоризма: «женщина—сказалъ онъ—глупое и отвратительное животное». Новѣйшіе мыслители тоже о ней не лучше отзываются—вотъ тебѣ афоризмъ Максима дю-Кана: «дороги—что женщины: нужно много денегъ, чтобы ихъ содержать»... «Женщина бочка, а мы—Данаиды». Изъ этого ты видишь...—продолжалъ адвокатъ, впадая въ дидактическій тонъ и собираясь прочесть цѣлую лекцію.

Но Воеводскій его остановилъ.

— Скажи, у тебя нѣтъ *своего* мнѣнія о женщинахъ?—спросилъ онъ.—Ты все говоришь чужими словами, скажи-ка что нибудь свое.

— Но если я согласенъ съ этими чужими словами, какъ ты говоришь?..

— Значитъ, ты мало оригиналенъ и никогда не будешь имѣть успѣха у женщинъ.

Воеводскій попалъ въ больное мѣсто адвоката.

— Я и не ищу этого успѣха. Нужно быть очень пустымъ человѣкомъ, чтобы гоняться за этими призраками,—уязвилъ онъ его—а у меня слишкомъ много серьезнаго дѣла...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты проводишь время въ женскомъ обществѣ? Зачѣмъ ухаживаешь... ну, напримѣръ, хотя бы за Лидіей Викторовной?..

Чтобы дать себѣ время приготовиться къ отвѣту на вопросъ, такъ прямо поставленный, Вѣнценосцевъ медленно налилъ себѣ въ стаканъ вина и выпилъ его. Потомъ онъ сказалъ:

— Откуда ты взялъ? Я—ухаживаю за Словенской?!. Это смѣшно! Вотъ, что называется съ больной головы на здоровую...

Нѣтъ, мой другъ, ты ошибаешься, я никогда не покушаюсь на чужую собственность.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—глядя на него въ упоръ, вымолвилъ Воеводскій.

— Пожалуйста, не ломайся. Ты отлично понимаешь...—Нагнувшись къ самому лицу собесѣдника, адвокатъ, терзаемый ревнивымъ любопытствомъ, тихо спросилъ его:

— Вѣдь ты живешь съ ней?

Воеводскій рѣзко отодвинулся и вспыхнулъ.

— Послушай,—сказалъ онъ съ негодованіемъ:—я зналъ, что ты не стѣсняешься, но такой безтактности не ожидалъ даже отъ тебя.

— Уклончивое показаніе обвиняемаго никогда не служитъ ему въ пользу,—захохоталъ Вѣнценосцевъ, пропуская мимо ушей фразу о безтактности.—Я удивляюсь тебѣ,—вдругъ серьезно заговорилъ онъ.—Что ты нашелъ въ ней? Une vraie femme de Balzac...—прибавилъ онъ, очень дурно выговаривая по французски.—Ей вѣдь подъ сорокъ. Положимъ, она еще недурна, глаза въ особенности... эдакіе дьявольскіе глаза,—говорилъ онъ и его собственные глаза приняли масляное выраженіе.—И потомъ... она стройна... у нея серпантинный складъ... При средствахъ, за ней можно было бы пріударить.

— Что ты говоришь?—остановилъ его Воеводскій.—Она порядочная женщина...

— Чѣмъ порядочнѣе женщина, тѣмъ она дороже стоитъ,—невозмутимо сказалъ онъ.

Его трудно было остановить. Онъ плотно пообѣдалъ и хорошо выпилъ. Рѣчь его становилась возбужденной. Ему давно хотѣлось высказаться.

— Ты не мѣшай мнѣ,—продолжалъ онъ.—Вѣдь ты никуда не торопишься? Нѣтъ? И я тоже. Я сегодня выигралъ дѣло и уже получилъ гонораръ... хорошій гонораръ. Поболтаемъ. Хочешь шампанскаго?—неожиданно прибавилъ онъ, зорко глядя на Воеводскаго, чтобы уловить на его лицѣ смущеніе и опредѣлить, есть ли у него деньги на отвѣтную бутылку.

Воеводскій не смутился. Онъ быстро, въ мгновеніе ока, разсчиталъ: «обѣдъ—десять рублей, вино—три, четыре... фрукты, ликеры, шампанское—девять; двадцать три всего, да два на чай»...

— Отчего же, пожалуй!—невозмутимо отвѣтилъ онъ.

— И прекрасно. Вотъ мы и побесѣдуемъ entre fromage et poire. Чэ-къ! Шампанскаго!—крикнулъ Вѣнценосцевъ.—George Goulet!

— Sec?—спросилъ лакей.

— Само собой...

Наливая бокалъ Воеводскому, адвокатъ продолжалъ:

— Итакъ, revenons à nos moutons... Словенская—пикантная брюнетка, хотя уже для нея наступила «осень женщины»... Ты читалъ романъ Превò? Нѣтъ? Совѣтую. Это тебѣ полезно. Но Словенская привыкла къ роскоши. Она получаетъ отъ мужа двѣнадцать тысячъ. И ей этого мало. Ты видишь: квартира—дворецъ, обстановка музея; лошади, экипажи—восторгъ; костюмы—фуроръ. Она вся въ долгу. Мнѣ кое-что извѣстно... вѣдь я адвокатъ. Entre amis, я тебѣ скажу, что ко мнѣ обращались уже... ее хотѣли объявить несостоятельной... злостной. Ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ? Нѣтъ? Напрасно; вамъ всѣмъ, жуирамъ и прожигателямъ жизни, не мѣшаетъ поштудировать наши законы. Вы плохо ихъ знаете. Ей предстоитъ въ скоромъ времени крахъ... Я, положимъ, не взялся за это дѣло... Но я знаю, что мужъ съ ней разошелся; онъ не дастъ ни копѣйки сверхъ опредѣленныхъ тысячъ... Гдѣ онъ теперь?

— За границей. Онъ всегда тамъ живетъ. Они разошлись давно. Онъ милліонеръ...

— Знаю.

— Врядъ ли онъ откажетъ въ помощи, если съ ней дѣйствительно случится что нибудь серьезное.

— Будь увѣренъ. Онъ твердъ, какъ скала, и жестокъ, какъ ростовщикъ. Онъ женился на ней за ея молодость, красоту, связи и богатство. Но молодость ушла, красота уходитъ, серьезныя связи она потеряла въ своихъ похожденіяхъ и авантюрахъ... нельзя же считать ея связь съ тобой за серьезную,—острилъ онъ, все больше и больше пьянѣя отъ шампанскаго.

— Послушай, наконецъ...

— Ладно, молчу... Ну, а что̀ касается приданаго, оно все растаяло въ первые же три года ихъ супружества. Она нищая, получающая двѣнадцать тысячъ. У нея долговъ свыше ста. Говорю тебѣ—она нищая. Ее могъ бы спасти богатый поклонникъ. Но... не ты. Я тебя очень люблю, mon cher, но entre

nous... я твоихъ средствъ не знаю... вѣдь у тебя нѣтъ ста тысячъ? Послушай,—наклонился онъ къ нему и посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ:—если тебѣ нужны деньги...—И онъ полѣзъ въ карманъ.

Страстное желаніе занять овладѣло Воеводскимъ, но онъ сдержался и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Благодарю тебя, я не нуждаюсь.

— А! тѣмъ лучше... О чемъ мы говорили? Да! Ты думаешь, я бы не могъ овладѣть ею? Напрасно... Придетъ время, и нужда броситъ ее въ мои объятія...—проврался онъ неожиданно для себя и тутъ же спохватился.—Ты понимаешь, я говорю иносказательно... я не говорю про себя; я хотѣлъ только сказать, что эту фразу могъ бы произнести каждый человѣкъ, имѣющій на нее виды и готовый спасти ее отъ позора и разоренія. Не такъ ли? Ну, а мнѣ она не нужна... Я слишкомъ занятой человѣкъ... И не имѣю желанія тратить деньги на... на женщинъ.

— Знаешь что?—сказалъ Воеводскій, слушавшій его съ интересомъ и чувствовавшій неодолимое желаніе ударить его по физіономіи:—еслибы я былъ братомъ Лидіи Викторовны... или ея родственникомъ, или вообще имѣлъ бы право защищать ее, не произведя скандала своей защитой въ обществѣ...

— Да... такъ что же?

— Я бы вышвырнулъ тебя отсюда за всѣ твои пакостныя рѣчи.

Адвокатъ отпрянулъ отъ него и принужденно засмѣялся.

— Blageur!.. Полно тебѣ.

Они рòспили еще бутылку, потребованную Воеводскимъ. Вѣнценосцевъ окончательно опьянѣлъ и пріобрѣлъ жалкій видъ. Заплетающимся языкомъ онъ мололъ все свое:

— Женщина, mon cher, похожа на горный ручей, мѣняющій часто свое ложе... Нѣтъ лакея и кучера, которому бы не была должна Лидія... Не раздавить ли намъ крюшончикъ, э?..

— Я не могу больше пить.

— Ну, значитъ къ разсчету. Стройся!

Они расплатились. Вѣнценосцевъ, совсѣмъ посоловѣвшій, пытался заглянуть въ бумажникъ Воеводскаго, чтобы убѣдиться въ его затруднительномъ положеніи, но тотъ очень ловкимъ маневромъ скрылъ отъ него содержимое бумажника и, взгля-

[illegible]комъ на счетъ, бросилъ на столъ двадцатипятирублевую бумажку и сказалъ:

Сдачи не надо.

Вѣнценосцевъ, напротивъ, пересчиталъ сдачу, акуратно сложилъ бумажки и оставилъ на тарелочкѣ мелочь; но потомъ, раздумавъ, взялъ оттуда двугривенный, пробормотавъ въ оправданіе передъ изумленнымъ Воеводскимъ:

— Это швейцару. Не мѣнять же рубль...

Они вышли. Адвокатъ сильно пошатывался. Онъ все еще не переставалъ бормотать отрывочныя рѣчи, уцѣпившись за руку пріятеля.

— Женщина—чудище обло, стозѣвно и лаяй... широкобедрое, узкоплечее, низколобое... Ей капутъ... наканунѣ краха... мнѣ плевать... а ты—не больше какъ покуситель съ негодными средствами. Dixi...

— А, ну тебя!—сказалъ Воеводскій, выдергивая свою руку, отчего тотъ пошатнулся и придержался за перила лѣстницы.— Хоть бы выдумалъ что нибудь столь же скверное, да свое...

Выдя на улицу, адвокатъ постоялъ, пошевелилъ пальцами, потомъ, грузно усѣвшись въ пролетку, все еще продолжалъ разговаривать. Воеводскій вдругъ вспомнилъ о Горемыкинѣ.

— Послушай лучше, чѣмъ болтать вздоръ. Не возьмешь ли ты въ помощники Горемыкина?

— Кто это? Я не знаю.

Воеводскій ему напомнилъ.

— А, да!.. Ничего... онъ почтительный молодой человѣкъ. Ничего, можно...

— Зайти ему къ тебѣ?

Но адвокатъ вдругъ расхохотался.

— Быть бычку на веревочкѣ! Не уйдешь, братъ...—заплетающимся языкомъ проговорилъ онъ, нагло подмигивая Воеводскому.

— Совсѣмъ пьянъ, скотина,—проворчалъ онъ и пошелъ домой пѣшкомъ. У него не было ни гроша; даже рубль, болтавшійся у него съ утра въ карманѣ, куда-то исчезъ.

Его обогналъ Вѣнценосцевъ.

— Подвезти тебя?—крикнулъ онъ ему.

— Отстань.

XV.

Возвратясь домой, Воеводскій засталъ въ своемъ кабинетѣ ожидавшую его Словенскую.

— Какъ вы здѣсь?—спросилъ онъ, цѣлуя ея руку, и лицо его приняло радостно-почтительное выраженіе.

Но брови ея были нахмурены и она отрывисто спросила его:

— Гдѣ вы носитесь? Я жду болѣе часу. Отчего вы не были у меня? Вѣроятно, ваши феи... о которыхъ намекалъ прошлый разъ этотъ... какъ его?.. адвокатъ...

Онъ счелъ долгомъ возмутиться.

— Это клевета, Лидія Викторовна. Неужели вы придаете значеніе этимъ...

Она его прервала.

— Ахъ, это все равно... Право, мнѣ не до того. И я пріѣхала вовсе не затѣмъ, чтобы упрекать васъ или дѣлать сцены ревности...—Она презрительно пожала плечами.

Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, соображая, для чего же она въ такомъ случаѣ пріѣхала?

— Мои дѣла въ отчаянномъ положеніи... Я больше не въ состояніи. Отовсюду преслѣдованія, грозятъ описать имущество, продать; я не знаю... вообще готовится скандалъ. Что дѣлать? Я цѣлыми днями разъѣзжаю по городу, чтобы не показываться дома. Когда ни вернешься, передняя полна кредиторовъ... Сцены, угрозы. Если всѣ мужья таковы, какъ мой, право, лучше не выходить замужъ, а сдѣлаться кокоткой.

— Но, Lydie,—сказалъ онъ, взявъ ея руку:—вы бы обратились къ мужу. Вы вѣдь ему написали? Можетъ быть, онъ...

— Ничего не можетъ быть. Онъ живетъ себѣ въ Ниццѣ и знать ничего не хочетъ... Вы не знаете этого человѣка: это—скала и ходячая математика. Онъ назначилъ мнѣ двѣнадцать тысячъ и написалъ письмо, что не дастъ больше лишняго двугривеннаго. Онъ разсчетливъ и скупъ, какъ Гарпагонъ... Я не могу съ нимъ жить.. Это сухарь. Я и то сократилась. У меня лишь самое необходимое. Лишнюю прислугу я распустила, званые вечера и обѣды отмѣнила; экипажъ держу одинъ. Не могу же

я не одѣваться?.. Но всѣ эти économies du bout de chandelle... разстраиваютъ нервы...

Она опустилась въ кресло; маленькое тѣльце ея сдѣлалось еще меньше, губы судорожно сжались, около вѣкъ появилась сѣть мелкихъ морщинъ. Она заплакала. Ей ужасно не шли слезы и лицо ея сразу пріобрѣтало старый видъ. Именно эти минуты выдавали ея лѣта, которыя она такъ тщательно и искусно скрывала.

Она не позволяла Воеводскому называть ее сокращеннымъ именемъ и говорить ей «ты», даже тогда, когда они оставались вдвоемъ. Она находила это непоэтичнымъ. Но въ рѣдкія минуты, когда находило на нее безутѣшное настроеніе, когда она нуждалась въ ласкѣ и участьѣ, онъ называлъ ее такъ, и она допускала это.

Теперь онъ нагнулся къ ней и, цѣлуя руку, сказалъ:

— Voyons, Lydie... à quoi bon?.. не плачь...

Но онъ самъ не зналъ, чѣмъ бы утѣшить ее и что сказать ей.

— Сколько же у васъ долгу?

— Почемъ я знаю? Я никогда не считала...—наивно отвѣтила она.—Но векселя, расписки и какъ ихъ тамъ еще называютъ?.. все это выростаетъ, какъ грибы. Сегодня требуютъ по какой-то сохранной распискѣ... Ѣдучи къ вамъ, я встрѣтила молодаго адвокатика, который былъ у меня третьяго дня... какъ его? Я вѣчно забываю фамилью...

— Горемыкинъ?

— Да, онъ... Я спросила его, что значитъ сохранная расписка. Онъ сказалъ, что это очень скверно.

— Да, это нехорошая штука...

— Онъ еще сказалъ, что по ней отвѣчаютъ, какъ за растрату, и что давности для нея не существуетъ... Но я не понимаю этихъ юридическихъ тонкостей... Вы понимаете?

Онъ понималъ отлично то, что касалось сохранныхъ расписокъ, потому что у него имѣлся такого рода долгъ, но не хотѣлъ ее запугивать и спросилъ:

— Но зачѣмъ же вы выдаете такіе опасные документы?

— Почемъ я знаю? Когда мнѣ нужны деньги... мнѣ даютъ что-то подписывать. Я не понимаю этихъ тонкостей... Потомъ, помню, по этой распискѣ я переплатила уже массу денегъ. Это требуютъ уже второй разъ.

— Но отчего же вы не взяли назадъ документа?..

Она ничего не отвѣтила и продолжала тихо плакать.

Онъ молча глядѣлъ на нее. «Une vraie femme de Balzac», вспомнились ему слова Вѣнценосцева. Она удивительно постарѣла въ эти минуты. Углы губъ опускались, около вѣкъ появлялись густыя лапки, лицо ея становилось землистымъ, неинтереснымъ. Видя ее въ этомъ отчаянномъ положеніи, онъ вспомнилъ слова адвоката о крахѣ, ожидающемъ ее въ близкомъ будущемъ. «Какъ скоро сбываются слова этого каркающаго ворона!» подумалъ онъ. И ему самому стало вдругъ жутко. Вѣдь и онъ не въ лучшемъ положеніи... Положимъ, у него долговъ меньше, но когда ихъ нечѣмъ платить, то не все ли равно: сто тысячъ ли долгу, или десять! Въ первый разъ у него сознательно мелькнула мысль, что недурно бы выгодно жениться, по совѣту отца. Но ему вспомнился цѣлый рядъ женскихъ головокъ: Лидіи, Пантеонши, Анны и многихъ другихъ, и ему жаль стало утратить свою свободу, женившись на какомъ нибудь денежномъ мѣшкѣ съ уродливой «физіей». Ему опять вспомнилась Анна и такъ легкомысленно истраченныя сегодня деньги. Что-то похожее на угрызенія совѣсти зашевелилось въ немъ.

Между тѣмъ она перестала плакать и, подойдя къ зеркалу, посмотрѣлась въ него, улыбнулась и сказала:

— Мнѣ нейдетъ плакать... Я становлюсь стара.

Она сразу преобразилась и сдѣлалась, какъ всегда, веселой и молодой. Она заговорила о завтрашнемъ днѣ. У нея будетъ полонъ домъ гостей. Ей не о чемъ хлопотать. Jean взялся все устроить и досталъ денегъ; съ этой стороны она обезпечена. Онъ ее не подведетъ, тѣмъ болѣе, что она обѣщала при первой получкѣ денегъ отъ мужа вернуть ему триста рублей. Но бѣда въ томъ, что завтра у нея рулетка. Она не можетъ не играть. Это выше ея силъ. И она любитъ рулетку à perdre la raison. У нея есть еще сто рублей... pour tout potage. Сто рублей! Но что ей съ ними дѣлать? Нужно непремѣнно тысячу...

— Вотъ глупая!—вскрикнула она вдругъ.—Une idée! Управляющій мужа привозитъ мнѣ всегда въ этотъ день, по его порученію, какой нибудь подарокъ. C'est dans les traditions de famille... Брильянты, парюръ... что нибудь... Я это заложу. Къ

вечеру у меня будутъ деньги!—радостно говорила она, хлопая въ ладоши.

«Къ вечеру у меня будутъ тоже деньги»... подумалъ Воеводскій, вспомнивъ про отца. А если старикъ пріѣдетъ поздно? Онъ обвелъ озабоченнымъ взглядомъ комнату, ища, что бы заложить въ такомъ крайнемъ случаѣ... Но такъ какъ ничего не оказывалось, то онъ впалъ въ уныніе. Вдругъ и ему блеснула счастливая мысль... Часы! За нихъ ему давали триста... И какъ это ему раньше не пришло въ голову? «А, впрочемъ, оно и лучше... я бы ихъ прожилъ и завтра не на что было бы играть».

Оба развеселились. Эти взрослыя дѣти, эти богатые нищіе только и могли чувствовать себя хорошо, когда въ перспективѣ предвидѣлись деньги. Деньги для нихъ—все равно, что вода для рыбы. Вытащенная на берегъ, рыба задыхается, и они, лишенные денегъ, чувствуютъ полную безпомощность и отчаянье, не зная способовъ зарабатывать ихъ трудомъ и умѣя получать ихъ или по наслѣдству, или путемъ «перехватыванія» направо и налѣво.

Между Словенской и Воеводскимъ никогда не было разговоровъ о любви и постоянно шли разговоры о деньгахъ. Это была странная связь. Они не знали даже: любили ли они другъ друга, для чего сошлись, чего искали другъ въ другѣ? Никакихъ такихъ вопросовъ они не задавали себѣ и сошлись просто потому, что каждому изъ нихъ нравилось общество другаго. Эта связь тянулась уже полтора года и пребывала все въ томъ же положеніи, потому что они другъ отъ друга не зависѣли, другъ друга не стѣсняли и каждому изъ нихъ оставалось много свободнаго времени, которое они наполняли по личному усмотрѣнію, онъ—любовными интригами, она—игрою въ карты, обѣдами, ужинами и вечерами. До сихъ поръ она относилась очень терпимо къ его «похожденіямъ». Но въ послѣднее время слухи объ ухаживаньяхъ Воеводскаго стали все чаще и чаще проникать въ ея салонъ и циркулировать по всему городу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, ежедневно справляясь съ зеркаломъ, вдругъ стала сознавать, что начинаетъ замѣтно стариться. Это было страшнымъ ударомъ. Смотря на пожилыхъ и старыхъ женщинъ, она никакъ не могла понять, что и она пріобрѣтетъ такой же неинтересный видъ: это не уклады-

валось въ ея головѣ. Ей часто приходило въ голову, что лучше смерть, чѣмъ старость. Страннымъ образомъ, въ самое послѣднее время она стала наконецъ чувствовать, какъ молодость незамѣтными на посторонній глазъ частицами уходитъ отъ нея съ непоколебимою послѣдовательностью, съ неумолимою настойчивостью. До старости, казалось, еще очень далеко, однако она сознавала, что призракъ ея хотя еще и скрывается гдѣ-то, но все же какъ будто придвинулся... Каждое утро, сидя передъ туалетомъ, она замѣчала новую морщинку, тонкую, еще не намѣченную, какъ слѣдуетъ, но все же несомнѣнную, которую нельзя будетъ ничѣмъ удалить или остановить въ ея разрушительномъ шествіи впередъ. Въ густой волнѣ темныхъ волосъ ей попадались иногда серебряныя нити, которыя, конечно, не были замѣтны въ общей массѣ, благодаря тонкости самаго волоса и обилію не посѣдѣвшихъ волосъ. Кое-гдѣ, около глазъ и на вискахъ, появлялись желтоватыя пятна... Да, глухая пора жизни надвигалась все еще медленнымъ, еле замѣтнымъ ходомъ, но несомнѣнно надвигалась... Еще тонкій, искусно наведенный, слой изумительно прилегающей пудры, ей одной знакомой и выписываемой изъ-за границы, отлично маскировалъ всѣ эти дефекты, и—въ особенности при вечернемъ освѣщеніи—ничего еще не было замѣтно: она все еще казалась обворожительной и молодой, все еще слыхала восторженные и искренніе возгласы: «какая она хорошенькая!» Но червь сомнѣнія въ продолжительности этой молодости уже точилъ ее и отравлялъ существованіе. Страхъ старости мало по малу закрадывался въ ея душу и овладѣвалъ ею. И въ такія минуты она не могла равнодушно слушать объ измѣнахъ Воеводскаго, не потому, что она любила его, а главнымъ образомъ потому, что эти измѣны были лишнимъ признакомъ, однимъ изъ доказательствъ, что обаяніе ея идетъ на убыль. И вотъ она начинала дѣлать ему сцены. Во время этихъ сценъ она становилась некрасивой, неизящной, чуть не теряла сознанія и произносила такія пошлости и такія словечки, которыя сдѣлали бы честь самой неблаговоспитанной женщинѣ.

Его ужасали эти сцены. Онъ ихъ понималъ совсѣмъ иначе. Ему казалось, что она все больше пріобрѣтаетъ власти надъ нимъ и связь, казавшаяся ему мимолетной, какъ будто закрѣплялась. А онъ ничего не боялся такъ, какъ прочной связи съ

женщиной. Это ему всегда казалось тяжелымъ ярмомъ, потому что, кромѣ правъ, пріобрѣтаемыхъ связью, она же накладываетъ и извѣстныя обязанности, извѣстный долгъ по отношенію къ любимой женщинѣ. Пуще всего на свѣтѣ онъ боялся именно того, что̀ квалифицируется словами: «обязанность» и «долгъ». Эти два слова онъ понималъ своеобразно: первое—какъ обязательство жить и веселиться, поддерживая мишурный блескъ своей аристократической фамиліи деньгами и кутежами; второе—только какъ денежное обязательство. Никакихъ другихъ долговъ онъ не признавалъ. И очень радъ былъ, что на сей разъ, счастливымъ случаемъ, она не сдѣлала ему сцены ревности...

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе будетъ).

ДВѢ СИСТЕМЫ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

I.

Предложимъ, прежде всего, самый насущный для образованія юношества вопросъ. Что необходимѣе для этого: изученіе ли природы, которой мы составляемъ неотъемлемую частицу, или же изученіе языковъ, на которыхъ мы даже не говоримъ? По нашему мнѣнію, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: конечно, самое необходимое для живущаго въ природѣ человѣка—изученіе ея законовъ. Все наше существованіе, въ каждый моментъ жизни, неразрывно связано съ природою; съ рожденія и до послѣдняго вздоха мы подвергаемся вліянію и дѣйствію природы, ни одинъ моментъ нашей жизни нельзя представить себѣ безъ этого вліянія, а потому вполнѣ естественно, что главною задачею образованія нужно поставить изученіе природы и ея главныхъ, основныхъ законовъ. Такъ говорятъ «реалисты». Но «классики» держатся другаго мнѣнія. Кто же правъ? Разберемся.

Чему учатъ въ гимназіяхъ? «Мы не учимся ничему»!—воскликалъ недавно бывшій министръ просвѣщенія въ Германіи, фонъ-Госслеръ, 6 марта 1889 г.,—«но до нѣкоторой степени научаемся всему». Вполнѣ соглашаясь съ первою частью этого мнѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться со второю. «Изъ ничего не выдетъ ничего», — сказалъ еще великій Шекспиръ, устами короля Лира.

«Намъ важно не пріобрѣтеніе знанія, а механизмъ усвоенія»—восклицаетъ гр. Каннистъ въ своей извѣстной статьѣ:—«Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія». Итакъ, классики сознаются, что они не придаютъ никакой цѣны знанію, они ничему не учатъ юношество. И въ самомъ дѣлѣ—это вполнѣ вѣрно. Прослѣдимъ курсъ гимназіи. Гимназистъ проходитъ въ гимназіи 8 классовъ, т. е. проводитъ тамъ не менѣе 8 лѣтъ. На что же онъ эти 8 лѣтъ употребляетъ? Возьмемъ недѣльное распредѣленіе научныхъ уроковъ въ гимназіи. Число всѣхъ уроковъ въ гим-

назіяхъ 215, въ шесть дней недѣли; изъ этихъ 215 уроковъ на языки латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, церковно-славянскій и русскій приходится громадное число—142 урока въ недѣлю. Слѣдовательно, гимназистъ двѣ трети всего своего учебнаго времени посвящаетъ на изученіе только *языковъ*,—изъ нихъ на одни древніе 75 уроковъ,—и изъ всѣхъ 215 часовъ только 7 удѣляетъ на физику и ни одного—на естественныя науки.

Спрашивается, можно ли назвать такое распредѣленіе занятій разумнымъ? Какъ назвать тѣхъ педагоговъ, которые двѣ трети всего 8—10 лѣтняго юношескаго учебнаго времени употребляютъ только на изученіе языковъ, оставляя учащихся до 18—20-лѣтняго возраста почти совершенно невѣждами въ знаніи природы, въ естественныхъ наукахъ, т. е. такихъ предметахъ, знаніе которыхъ необходимо для каждаго, кто хочетъ быть вполнѣ человѣкомъ? Пользоваться дарами природы и не понимать ея хоть главныхъ, основныхъ законовъ—не есть ли полное уподобленіе животному. Чѣмъ же классики оправдываютъ такое распредѣленіе занятій въ гимназіяхъ? Для уясненія этого, обратимся къ защитникамъ классицизма — по преимуществу, къ послѣднему изъ нихъ, гр. Капнисту, который въ статьѣ «Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія» силится установить общіе принципы классической системы образованія. Коснемся главныхъ основаній его защиты и посмотримъ, насколько они правильны съ современной точки зрѣнія.

Въ первомъ пунктѣ своей защиты гр. Капнистъ говоритъ: «Мы признаёмъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы—ясное и твердое опредѣленіе сущности той системы, на которой она должна быть основана». Дѣйствительно, прежде чѣмъ приступать къ такому серьезному и крайне важному по своимъ послѣдствіямъ дѣлу, какъ воспитаніе цѣлыхъ поколѣній юношества, нужно ясное, твердое и—прибавимъ отъ себя — разумное опредѣленіе не только системы, но—главное—той задачи, которую предстоитъ разрѣшить, т. е. задачи воспитанія юношества; а потомъ, уже рѣшивъ эту задачу, можно пріискивать и соотвѣтствующую «систему» воспитанія.

Воспитать человѣка—значитъ развить природныя его способности, развить сознательное, разумное отношеніе его ко всему окружающему, ко всей вселенной, сдѣлать его полезнымъ, достойнымъ гражданиномъ міра. «Цѣль воспитанія, — такъ опредѣлилъ Джонъ Стюартъ Милль,—полагается въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка, насколько возможно, орудіемъ счастія, прежде всего личнаго, а потомъ счастія другихъ людей». «*Какъ жить*»?—говоритъ другой англій-

скій мыслитель, Спенсеръ, — «вотъ самый существенный вопросъ для человѣка въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Общая задача состоитъ въ томъ, чтобы *человѣкъ умѣлъ руководить своими поступками во всѣхъ сферахъ дѣятельности* и при всевозможныхъ обстоятельствахъ: чтобы онъ зналъ, какъ обращаться съ своимъ тѣломъ, какъ развивать свой умъ, какъ вести дѣла, какъ быть хорошимъ гражданиномъ, какъ пользоваться тѣми благами, которыми надѣлила насъ природа, какъ употреблять наши способности, чтобы доставить наибольшую пользу себѣ и другимъ людямъ,—словомъ, *жить полною жизнью*». Эти вопросы въ высшей степени важны и потому изученіе ихъ должно составлять главную цѣль воспитанія. Сдѣлать человѣка способнымъ «жить полною жизнью»—вотъ обязанность каждаго воспитателя. «Воспитаніе юношества —говоритъ Бенеке—есть преднамѣренное дѣйствіе со стороны взрослыхъ людей на юношество, съ цѣлью возвести его на ту высшую степень развитія, на которой взрослые сами находятся. Воспитаніе, какъ жрецъ во святилищѣ человѣческой культуры, вводитъ подростающее поколѣніе въ таинство послѣдней, съ тою цѣлью, чтобы не только не утратилось завоеванное уже въ области опыта, науки и искусства, нравственной чистоты и силы, и религіозной истины,—однимъ словомъ, во всей области достигнутаго человѣческаго совершенства,—но и сохранилось для постояннаго плодотворнаго обогащенія и дальнѣйшаго развитія». Какую же «систему» для достиженія невыясненной ими цѣли воспитанія приняли классики? «Мы полагаемъ,—говоритъ гр. Капнистъ во 2-омъ пунктѣ своихъ основъ,—что въ школѣ нельзя учить не только всему, но даже учить многому въ ней невозможно и не слѣдуетъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы въ школѣ учили немногимъ предметамъ, но основательно, и что серьезный трудъ, имѣющій научный характеръ, примѣнимъ въ молодые годы только къ очень небольшому числу предметовъ, тѣмъ болѣе, что всякая серьезная работа поглощаетъ много времени, а потому мы считаемъ концентрацію преподаванія на двухъ-трехъ предметахъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы, а классической въ особенности, какъ школы, имѣющей преимущественно научный характеръ».

Итакъ, вотъ одна изъ основъ системы нашихъ классиковъ,—концентрація, сосредоточеніе юношескаго развитія только на двухъ-трехъ предметахъ. Для осуществленія этой основы, они избрали только языки и двѣ трети 8—10 лѣтняго юношескаго развитія сосредоточили на изученіи этихъ языковъ, выкинувъ вовсе естествознаніе, т. е. они, набирая съ 10 лѣтъ дѣтей, прямо назначаютъ ихъ быть филологами и ничѣмъ болѣе, воображая такимъ способомъ вос-

питать человѣка. Предлагаю самые простые вопросы: естественно ли такое воспитаніе? сообразно ли оно съ природою дитяти и юноши? Не покажется ли такое воспитаніе всякому обыкновенному смертному неразумнымъ и педантическимъ?

Еще въ первой половинѣ этого столѣтія, при устройствѣ у насъ гимназій, кн. Безбородко, — какъ повѣствуетъ Н. В. Кукольникъ («Истор. Вѣст., 1891 г., № 7)—говорилъ, что тогдашніе педагоги справедливо сознавали непригодность спеціальныхъ заведеній съ низшими классами. Страннымъ казалось предуказать ребенку тотъ или другой путь, насилуя его способности и характеръ? Рѣшительная наклонность къ той или другой отрасли наукъ или искусствъ обнаруживается весьма поздно. Если ребенокъ любитъ стучать въ дѣтскій барабанъ или играть деревянною саблею,—это еще не ручательство за его наклонность къ военной профессіи. Назначить впередъ одному быть воиномъ, другому врачемъ или юристомъ, похоже на способъ устройства нашихъ полковыхъ оркестровъ, гдѣ, сортируя рекрутъ, назначаютъ: «ты будешь фаготъ», «ты кларнетъ», «а ты—флейта». Такой же произволъ видимъ мы и въ образованіи спеціальномъ, если оно начинается съ низшихъ классовъ, и неужели юристъ долженъ знать другой катехизисъ, другую ариѳметику, другую географію и т. д., чѣмъ офицеръ, негоціантъ и люди прочихъ сословій? Науки спеціальныя могутъ преподаваться съ успѣхомъ только слушателямъ, приготовленнымъ энциклопедически, и то въ такомъ лишь случаѣ, когда охота и стремленіе къ извѣстной спеціальности положительно обнаружились въ возрастѣ сознательномъ.

Вотъ какъ разумно смотрѣли на воспитаніе юношества педагоги первой половины этого столѣтія. Теперь наступаетъ уже конецъ столѣтія: казалось бы, что взгляды современныхъ педагоговъ должны еще болѣе усовершенствоваться. А между тѣмъ, что же мы слышимъ въ настоящее время? Гр. Капнистъ такъ наивно разъясняетъ намъ, отцамъ, сущность различія классическаго воспитанія отъ реальнаго: для перваго будто бы требуется углубленіе во внутрь науки, а реалистъ долженъ держаться на ея поверхности и т. п. Но такъ ли устроены ребенокъ и юноша, чтобы имъ 8—10 лѣтъ сидѣть только на изученіи древнихъ языковъ?

Лишь только ребенокъ начинаетъ сознательно относиться къ окружающей его средѣ, въ головѣ его возникаетъ постоянно масса вопросовъ. Онъ все хочетъ узнать: почему происходитъ это? отъ чего — то? Онъ наблюдаетъ, прислушивается, замѣчаетъ и различаетъ видъ, цвѣтъ, свойства видимыхъ имъ предметовъ; онъ хочетъ и силится понять всѣ явленія, происходящія на его глазахъ, допытывается до

ихъ причины, связи; изучаетъ даже выраженія лицъ, его окружающихъ.

«Тотъ, кто внимательно наблюдалъ за взглядами широко открытыхъ глазъ малютки (говоритъ Спенсеръ), когда онъ разсматриваетъ окружающіе его предметы, конечно, согласится, что воспитаніе уже *начинается* съ этой поры, совершенно независимо отъ воли родителей; что способность хватать и брать въ ротъ каждую вещь, какая попадается подъ руку, прислушиваться съ раскрытымъ ротикомъ къ каждому звуку—составляютъ первую ступень способностей, проявляющихся впослѣдствіи въ открытіи невидимыхъ планетъ, въ изобрѣтеніи машинъ, въ созданіи художественныхъ произведеній въ живописи, въ сочиненіи симфоній и оперъ. Такъ какъ дѣятельность всѣхъ этихъ способностей вначалѣ самопроизвольна и неизбѣжна, то вопросъ въ томъ: не должны ли мы доставлять въ надлежащемъ разнообразіи матеріалы, на которыхъ могли бы упражняться эти способности сами собою. На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, нельзя иначе отвѣтить, какъ утвердительно. Замѣтьте,—продолжаетъ Спенсеръ,—какъ ребенокъ, сидя у васъ на колѣняхъ, суетъ вамъ прямо въ лицо игрушку, чтобы вы обратили на нее вниманіе, какъ онъ оглядывается и смотритъ на васъ, проводя по столу своимъ мокрымъ пальчикомъ и производя скрипъ; проведетъ и оглянется, точно хочетъ сказать: «Слышите, какъ скрипитъ»? Взгляните теперь на дѣтей постарше; они толпою ворвались въ комнату и кричатъ: «Мама, погляди, какая странная штука! мама, посмотри на то, посмотри на это». Они никогда не кончили бы, еслибы безтолковая мать не запретила имъ безпокоить ее. Наблюдайте далѣе: дѣтей отпустили гулять съ няней; каждый изъ нихъ бѣжитъ показать ей найденный цвѣтокъ, восхищается его красотой и требуетъ, чтобы она также сказала, что онъ хорошенькій. Послушайте, съ какимъ увлеченіемъ и какъ бойко иной мальчуганъ описываетъ что нибудь видѣнное имъ въ первый разъ, особенно если встрѣтитъ внимательнаго слушателя. Не есть ли это прямой результатъ индукціи»?

Итакъ, дитя, переходя постепенно отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ предметамъ, т. е. отъ однородныхъ къ разнороднымъ, развиваетъ свой умъ постепенно, нормально, правильно, и въ раннемъ возрастѣ умъ ребенка, обладая еще очень немногими дѣятельными способностями, постепенно съ возрастомъ начинаетъ выказывать свою дѣятельность новыми, позднѣе пробудившимися, способностями; наконецъ проявляется одновременно и дѣятельность ихъ вмѣстѣ. Отъ шестимѣсячнаго до 3-лѣтняго возраста, ребенокъ усвоиваетъ себѣ почти одну треть знаній, которыми довольствуется большинство людей.

Еще до 6-лѣтняго возраста, — говоритъ Арндъ,—дитя узнаётъ отъ своей матери, своихъ товарищей, гораздо больше, чѣмъ студентъ отъ профессоровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ начинаетъ различать впечатлѣнія, онъ начинаетъ и обогащаться представленіями и понятіями. Внѣшняя его обстановка, окружающія его лица съ ихъ дѣйствіями, его игры и обыденныя занятія,—все это служитъ къ обогащенію его новыми свѣдѣніями, къ расширенію его умственнаго кругозора.

Впечатлѣнія молодости сохраняются глубже, чѣмъ впечатлѣнія, получаемыя въ старости. Въ первыя 7—8 лѣтъ нашей жизни память наша усвоиваетъ столько, сколько не усвоиваетъ во всю остальную жизнь—утверждаетъ К. Д. Ушинскій. Въ это именно время мы пріобрѣтаемъ бо̀льшую часть той громадной массы свѣдѣній, которая обща всѣмъ людямъ и которая, по замѣчанію Руссо, гораздо болѣе массы свѣдѣній, принадлежащихъ только ученымъ. На эту пытливость, воспріимчивость ума ребенка и юноши, и на безчисленные ихъ вопросы нужны разумные, ясные, правдивые отвѣты родителей и учителей; нужно содѣйствовать процессу саморазвитія дѣтей, стараться, чтобы они дѣлали собственныя изслѣдованія и выводили бы свои собственныя заключенія, и какъ можно болѣе побуждать ихъ самихъ дѣлать наблюденія и открытія.

Достаточно разъ взглянуть на ежедневную жизнь ребенка, чтобы убѣдиться, что всѣ понятія о вещахъ пріобрѣтаются имъ прежде, чѣмъ онъ научился говорить, пріобрѣтаются сами собою; что твердость и вѣсъ извѣстныхъ предметовъ, особыя формы и примѣты близкихъ ему людей, извѣстнаго рода звуки, издаваемые животными,—всѣ эти явленія подмѣчаются самимъ ребенкомъ. Точно также и въ зрѣломъ возрастѣ, когда уже нѣтъ болѣе подъ рукою учителей, наблюденія и выводы ежечасно необходимы для нашего руководства и должны дѣлаться безъ посторонней помощи. Возможно ли, чтобы въ періодъ развитія человѣка, между дѣтствомъ и возмужалостью, происходилъ *процессъ совершенно противоположный процессу, происходящему въ развитіи всего человѣчества вообще?* Не очевидно ли, что и тамъ, и здѣсь слѣдуетъ держаться одного и того же метода? Не сама ли природа постоянно, такъ сказать, навязываетъ намъ этотъ методъ? Уроки не должны ограничиваться внутренностью жилища: въ ихъ рамку должны входить и поля, и луга, и каменоломни, и морской рѣчной берегъ. Ихъ не слѣдуетъ прекращать въ первые годы дѣтства, но продолжать и въ годы юности, чтобы незамѣтно довести ученика до степени любознательности натуралиста или ученаго.

Здѣсь опять таки мы должны идти по пути, указанному приро-

дой. Нельзя себѣ представить ничего выше восторга дѣтей, когда имъ попадается новый цвѣтокъ или новое насѣкомое, неизвѣстный камешекъ, или незнакомая раковинка! Вы сейчасъ увидите, что, выказавъ сочувствіе этимъ восторгамъ, вы поощряете дѣтей къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ свойствъ и строенія названныхъ предметовъ. Каждый ботаникъ, котораго дѣти сопровождали по полямъ и лугамъ, вѣроятно, замѣтилъ, съ какимъ увлеченіемъ они раздѣляли его труды, какъ старательно отыскивали для него растенія, какъ внимательно наблюдали за нимъ, пока онъ ихъ разсматривалъ, какимъ множествомъ вопросовъ осыпали его. Рано или поздно будетъ признано всѣми, что знаніе законовъ жизни несравненно важнѣе всякаго другаго знанія; что на законахъ жизни основаны не только всѣ физическіе и умственные процессы, но, косвеннымъ путемъ, даже все, что ни происходитъ въ человѣческихъ жилищахъ и внѣ ихъ — всѣ торговыя сдѣлки, политическіе переговоры, нравственные перевороты; и что, слѣдовательно, безъ пониманія этихъ законовъ нѣтъ возможности регулировать ни личный, ни общественный образъ дѣйствій.

Со временемъ люди также поймутъ, что законы жизни въ сущности одни и тѣ же для всего органическаго міра, а затѣмъ, что они не могутъ быть поняты, какъ слѣдуетъ, въ ихъ сложныхъ проявленіяхъ, пока мы не изучимъ ихъ въ простыхъ. Когда люди убѣдятся въ этомъ, то увидятъ также, что, помогая ребенку пріобрѣтать внѣшнія свѣдѣнія, къ которымъ онъ выказываетъ такое горячее стремленіе, и поощряя увеличеніе этихъ свѣдѣній въ пору его юности, мы просто побуждаемъ его къ накопленію сыраго матеріала, который онъ впослѣдствіи приведетъ въ порядокъ, къ накопленію фактовъ, съ помощью которыхъ онъ дойдетъ со временемъ до великихъ обобщеній науки, могущихъ правильно руководить его дѣйствіями.

II.

Вотъ какимъ естественнымъ, разумнымъ путемъ должно идти воспитаніе дитяти и юноши, а защитники устарѣлой системы образованія накидываютъ на эту жажду познаній, на эту пытливость и воспріимчивость ума, свою грамматико-лексическую узду. «Нѣтъ,—говорятъ они юношѣ—тебѣ еще рано знать, отъ чего и почему совершается все въ природѣ; вотъ не угодно ли тебѣ сначала «сосредоточиться» на немногихъ предметахъ, а что ты видишь, слышишь, ощущаешь въ природѣ и жизни,—до того тебѣ нѣтъ пока никакого дѣла. Ты вотъ съ 10-лѣтняго возраста, въ теченіе 8 — 10 лѣтъ,

«сосредоточься» на изученіи только языковъ, да еще древнихъ, посиди 8—10 лѣтъ надъ ихъ грамматиками, сравнивай различныя красоты ихъ формъ, замѣчай тонкости, изящество каждаго логическаго предложенія, наслаждайся тѣмъ, какъ изъ отдѣльныхъ словъ выходятъ фразы. Но главнѣе всего: ты сиди, сиди и зубри. Хотя ты въ эти 8 — 10 лѣтъ не изучишь толкомъ даже ни одного изъ этихъ языковъ (что доказано многолѣтнимъ опытомъ нашихъ гимназій), но намъ ничего этого и не надо:—намъ важно не пріобрѣтеніе тобою знанія, не всестороннее развитіе твоего ума, а *самый процессъ твоего ученія* (какъ для гоголевскаго читателя былъ важенъ только процессъ чтенія); намъ нужна *гимнастика* памяти». Вотъ какимъ разсужденіемъ угощаютъ наши классики юношу. Юность—это самая впечатлительная пора жизни; всѣ силы юноши постепенно, но быстро развиваются и крѣпнутъ. Изучая въ это впечатлительное время живую природу, а не мертвые языки, юноша быстро развивается умственно, и всѣ познанія, пріобрѣтенныя въ это время, крѣпко запѣчатлѣваются на всю остальную жизнь. Этимъ-то драгоцѣннымъ временемъ, когда хочется все знать, все понять, все изслѣдовать, обнять всю вселенную,—разумной педагогіи и нужно воспользоваться, чтобы помочь юношѣ обогатиться живыми знаніями, чтобы сдѣлать изъ него сознательнаго человѣка, знатока природы, заставить его жить полною жизнью и дать ему такимъ образомъ то счастіе, о которомъ говорилъ Д. С. Милль. Однимъ словомъ, воспитаніе въ это важное время должно быть *всесторонним* и только тогда, когда юноша изучитъ главные, основные законы природы и жизни, т. е. около 17—18 лѣтъ, когда уже онъ самъ начнетъ сознавать, что наука міра безконечно велика и, чтобы усвоить ее всю, нужно прожить вѣкъ Маѳусаила, и когда въ самомъ юношѣ начнутъ слагаться способности и любовь къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ знаніямъ, — тогда и *только тогда* надо сосредоточиваться на избранныхъ отдѣлахъ знанія, на такъ называемыхъ спеціальностяхъ.

Классики же поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Когда юноша жаждетъ знанія, хочетъ изучить весь міръ,—ему предлагаютъ концентрацію языковъ, заставляютъ его каждодневно, въ теченіе 8—10 лѣтъ, зубрить всевозможныя правила грамматикъ шести языковъ,— по два, по четыре языка каждый день!—безъ отдыха, безъ освѣженія чѣмъ нибудь живымъ, и затѣмъ, когда изнасилуютъ такимъ образомъ всѣ мыслительныя способности юноши, выпускаютъ его въ міръ и самодовольно говорятъ: такой юноша, прошедшій нашу тяжелую для развитія школу, въ результатѣ не научился даже тѣмъ языкамъ, надъ грамматиками которыхъ изнывалъ въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ, но намъ этого не нужно. Главное то, что, пріученный къ усидчивости въ трудѣ, онъ будетъ сидѣть усидчиво и за другими занятіями, которыя представятся ему послѣ. Понятно само собою, что выдресированный по этому шаблону юноша, перейдя въ университетъ,—гдѣ требуется не одна только «усидчивость», а всестороннее развитіе ума, станетъ втупикъ съ перваго же раза. Онъ ни о чемъ живомъ не имѣетъ понятія, ни одно явленіе и дѣйствіе природы, также какъ и законы, которымъ эти дѣйствія подчиняются, ему совершенно неизвѣстны, ибо въ теченіе самаго воспріимчиваго и впечатлительнаго времени своей жизни онъ лишенъ былъ возможности ихъ наблюдать и изучать, былъ, такъ сказать, оторванъ отъ живаго міра. Однимъ словомъ, его наблюдательность, пытливость и прочія качества ума оставались въ младенческомъ состоянія, а онъ бился только надъ механизмомъ словъ въ нашихъ—по счастливому выраженію Ѳ. П. Еленева—«греко-латинскихъ грамматическихъ школахъ»; смаковалъ красоты не природы, а разныхъ словесныхъ выраженій, зачастую не понимая ихъ смысла. И тысячу разъ правъ знаменитый Рудольфъ Вирховъ, восклицая про нѣмецкихъ гимназистовъ съ аттестатами зрѣлости: «*они не умѣютъ слышать, осязать, обонять*, однимъ словомъ они *не умѣютъ пользоваться тѣми естественными вспомогательными средствами, которыми долженъ располагать всякій человѣкъ*. Нынѣшніе школьные порядки притупляютъ способность наблюдать, присущую всякому человѣку въ нормальныхъ условіяхъ». Въ свою очередь, право и «академическое общество» въ Германіи, говоря, что «въ гимназіяхъ все давленіе направлено на упражненіе памяти, на механическое заучиваніе и формальное образованіе».

Не менѣе правъ профессоръ Эрисманъ, утверждавшій: «я нахожу, что лишь самое малое число гимназистовъ, поступающихъ въ университетъ, способно быстро и правильно оцѣнивать самыя естественныя явленія и излагать ихъ,—точно будто разсудокъ ихъ извращенъ и потерялъ свою свѣжесть, занимаясь постоянно мелочами грамматическихъ правилъ». Правъ также боннскій университетъ, еще въ 1869 году заявившій о полномъ невѣжествѣ гимназистовъ въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, *не дающемъ даже возможности слушать спеціальные курсы*. Правъ Дюбуа-Реймонъ, въ своемъ приговорѣ, что «современное гимназическое образованіе не въ состояніи подготовить слушателей къ изученію медицины; особенно недостаточны у гимназистовъ математическія познанія и естественно-историческая подготовка». «Грустно смотрѣть—говоритъ Жюль Симонъ—на молодыхъ людей, окончившихъ гимназію и не имѣющихъ понятія о естественныхъ наукахъ». «Ка-

кая громадная разница—замѣчаетъ Спенсеръ—между существующимъ методомъ преподаванія и тѣмъ, который долженъ былъ бы существовать: многіе ли изъ наставниковъ знакомы съ психологіей? Принятая система обученія дѣтей крайне ошибочна и по своему содержанію, и по пріемамъ; *полезный разрядъ знаній устраненъ, а безполезный навязывается насильно*, и притомъ ошибочнымъ путемъ и ошибочнымъ порядкомъ. Наставники стараются занять мысли учениковъ предметами, непонятными для нихъ и даже противными имъ. Замѣтьте еще, что *формальное обученіе, слишкомъ рано начатое, ведется почти безъ всякаго соотношенія съ законами умственнаго развитія.* Путь интеллектуалинаго процесса необходимо долженъ начинаться съ конкретныхъ (опредѣленныхъ) наукъ и заканчиваться абстрактными (отвлеченными), а между тѣмъ такому отвлеченному предмету, какъ грамматика, которую слѣдовало бы преподавать гораздо позднѣе, учатъ дѣтей съ раннихъ лѣтъ. Почти всѣ преподаваемые предметы распредѣлены въ неестественномъ порядкѣ: прежде всего хотятъ дать понятіе о значеніи словъ, о различныхъ правилахъ, принципахъ, вмѣсто того чтобы пріучить юношей самихъ дѣлать выводы изъ разнообразныхъ явленій, какъ мы это видимъ въ порядкѣ природы. Но хуже всего,—это вредная, рутинная система заучиванія наизустъ, система, посредствомъ которой разумъ приносится въ жертву мертвой буквѣ. Посмотрите на результаты: оттого ли, что понятія дѣтей неестественно притупляются вслѣдствіе долгаго сидѣнія за книгами, отъ неправильнаго ли мышленія, вызваннаго изученіемъ предметовъ прежде, чѣмъ юноша можетъ ихъ понять, и представленіемъ обобщеній прежде фактовъ, изъ которыхъ они возникаютъ; оттого ли, что учениковъ заставляютъ пассивно воспринимать чужія мысли, нисколько не пріучая ихъ къ любознательности и самодѣятельности; оттого ли, наконецъ, что способности дѣтей чрезмѣрно напрягаются,—только по выходѣ изъ учебныхъ заведеній немногіе изъ воспитанниковъ обладаютъ той силою ума, которой можно было бы ожидать отъ нихъ. По окончаніи экзаменовъ, книги кладутся въ сторону; бо́льшая часть пріобрѣтенныхъ свѣдѣній быстро вылетаетъ изъ памяти, благодаря безпорядочности, съ которой они усвоивались; то, что́ еще осталось—мертвый капиталъ, потому что *искусство примѣнять знаніе къ практикѣ не преподавалось въ школѣ, а личная способность точнаго наблюденія и независимаго мышленія крайне мало развита.* Прибавимъ ко всему этому, что бо́льшая часть свѣдѣній, получаемыхъ въ школѣ, имѣетъ, относительно, очень мало цѣны, тогда какъ огромная масса ихъ, несравненно болѣе цѣнная по своему значенію, оставляется безъ всякаго вниманія».

«Грустно видѣть,—говоритъ далѣе Спенсеръ,—какими пустяками занимаются люди, оставаясь совершенно равнодушными къ великимъ явленіямъ природы: имъ и дѣла нѣтъ до архитектуры неба, а въ то же время ихъ увлекаютъ чьи-то жалкія распри по поводу интригъ Маріи, королевы шотландской! Они критически-научнымъ образомъ разбираютъ греческую оду и проходятъ мимо великой эпопеи, начертанной перстомъ божіимъ на пластахъ земли, даже не взглянувъ на нее». Вотъ какъ классики искажаютъ попавшаго къ нимъ юношу, вотъ какъ они развиваютъ навыворотъ природныя способности юноши и еще рѣшаются защищать такую неестественную, никакими разумными доводами не справдываемую, систему образованія.

III.

Но замѣчательнѣе всего, что наши педагоги, пересаживая къ намъ нѣмецкую классическую школу и отстаивая ее съ пѣною у рта, сами не могли научно, логично разъяснить необходимость для насъ этого рода образованія. Оставимъ на время гр. Капниста и коснемся этого вопроса, такъ сказать, *исторически*,—пересмотримъ нѣкоторые взгляды на воспитаніе и науку вообще основателей нашего классицизма, г.г. Каткова и Леонтьева. Просмотрѣть эту мудрость тѣмъ болѣе удобно, что всѣ перлы ея собраны и увѣковѣчены въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1869 года, № 6, въ статьѣ: «Наша учебная реформа». Что, по ихъ мнѣнію, представляется самымъ важнымъ въ классической системѣ образованія? Это—говорятъ они—концентрація. Послушаемъ, какъ объясняютъ они эту пресловутую «концентрацію», рабски повторяемую и гр. Капнистомъ.

«Умственное воспитаніе требуетъ, — пишетъ Катковъ-Леонтьевъ,—чтобы надо всѣми предметами, которые входятъ въ составъ школьнаго ученія, непремѣнно господствовалъ одинъ предметъ, къ которому ученики возвращались бы ежедневно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, и если этого не будетъ, то будетъ *не воспитаніе, а порча*».

Это утвержденіе столько же категорично, сколько и неосновательно. Да почему же—спросятъ недоумѣвающіе родители—господство одного какого нибудь предмета будетъ воспитаніемъ, а изученіе нѣсколькихъ необходимыхъ предметовъ будетъ порчей? Вѣдь отъ постояннаго сосредоточенія, въ теченіе 8—10 лѣтъ, исключительно на одномъ предметѣ юноша долженъ отупѣть, а не развиться, и самое воспитаніе такого рода будетъ не воспитаніемъ, а механическою дресировкою. Но что дѣлать? Magister dixit. Будемъ слушать дальше его разъясненія: «На какомъ предметѣ могли бы мы

сосредоточить учебныя занятія въ той степени и силѣ, въ какой это оказывается необходимымъ въ интересѣ надлежащаго умственнаго воспитанія. Можемъ ли мы признать для этой цѣли, напримѣръ, математику? Математика есть безспорно необходимый элементъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія; математикѣ безспорно должно принадлежать почетное мѣсто въ программѣ школы. Математика не есть сумма свѣдѣній, она есть способность, органъ, сила; безъ надлежащаго развитія этой способности,—воспитаніе не достигаетъ своей цѣли. Математика есть необходимый предметъ, но она не соотвѣтствуетъ всей умственной организаціи человѣка. Сосредоточивая преимущественно на ней учебныя занатія, мы оставимъ въ пренебреженіи самыя существенныя силы, нарушимъ психическое равновѣсіе и сообщимъ развитію молодыхъ умовъ одностороннее, уродливое, неестественное направленіе. Мы обезсилимъ и изнуримъ нашихъ воспитанниковъ и въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сдѣлаемъ ихъ неспособными къ самой математикѣ.»

Итакъ, математика—эта наиболѣе развивающая умъ наука, самая практическая изъ всѣхъ наукъ, примѣненіе которой встрѣчается на каждомъ шагу въ жизни,—не годится для концентраціи. Затѣмъ педагоги «Московскихъ Вѣдомостей» перебираютъ съ такимъ же пренебреженіемъ другія науки—естественную исторію, новѣйшіе языки и, наконецъ, свой родной языкъ, о которомъ говорятъ: «Дѣти могутъ учиться своему природному языку *только для того, чтобы регулировать его практическое употребленіе* (??) но никогда не удастся возвести его, для ихъ разумѣнія, въ предметъ плодотворнаго теоретическаго изученія (!!). Можно ли выкинуть изъ устъ дѣтей живое слово, непосредственно понятное имъ и неразрывно связанное съ ихъ жизнью и представить имъ оное, какъ нѣчто для нихъ внѣшнее, чужое, требующее постояннаго ежедневнаго ученія? Что вынесутъ они отъ такого труда? Умѣнье правильно и хорошо писать на своемъ языкѣ. Но они могутъ достигнуть этого результата и *безъ всякаго труда.* (Вотъ какъ! Но вѣдь даже Пушкинъ, въ зрѣломъ возрастѣ, *трудился* надъ отдѣлкою каждаго своего стиха). Своему языку *учиться имъ нечего* (!) они всосали его съ молокомъ матери. Въ школѣ учитель можетъ занимать ихъ практическими упражненіями и чтеніемъ образцовыхъ писателей въ самое ограниченное время. На какую же сторону повернетъ школа отечественный языкъ, дабы сосредоточить на немъ умственный трудъ своихъ воспитанниковъ? Будетъ ли она на формахъ отечественнаго языка раскрывать законы человѣческаго разума (а почему бы и не такъ?) на сколько они запечатлѣлись въ строеніи языка? Будетъ ли она водить дѣтскіе умы по лабиринту сравнительнаго язы-

кознанія? (этотъ лабиринтъ все таки удобопроходимъ болѣе грамматическаго лабиринта древнихъ языковъ). Всякій излишекъ времени для преподаванія своего языка ведетъ только къ самому губительному празднословію (?). Еслибы знали, какой безсмысленный хаосъ творится излишними уроками словесности и исторіи въ головѣ учащихся, которые кончаютъ тѣмъ, что не умѣютъ десяти словъ связать правильно (а теперешніе гимназисты умѣютъ это сдѣлать?) то ужаснулись бы и поняли, что лучше ничему не учить, нежели учить вздору».

Бѣдный русскій языкъ! въ грязь втоптали его московскіе педагоги и учиться ему не велятъ...

Итакъ, перебравъ всѣ главныя науки для юношества, педагоги «Московскихъ Вѣдомостей» сами воочію убѣдились, что ни одна изъ нихъ не можетъ пригодиться для концентраціи ученія, что каждая изъ нихъ, изучаемая преимущественно, оставитъ въ пренебреженіи «самыя существенныя силы», нарушитъ «психическое равновѣсіе» и сообщитъ развитію молодыхъ умовъ одностороннее, уродливое, неестественное направленіе; обезсилитъ и изнуритъ воспитанниковъ, и въ концѣ концовъ сдѣлаетъ ихъ неспособными къ этой самой концентрированной наукѣ. Казалось бы, сами концентраторы произнесли строгій, но справедливый приговоръ излюбленной ими концентраціи—и конецъ дѣлу; значитъ, она не можетъ и не должна входить въ основу воспитанія, и надо искать для него другой разумной почвы. Если ни одна изъ наукъ не годится для концентраціи, если и свой родной языкъ не можетъ служить для этой цѣли, то, кажется, ясно по аналогіи, если не по здравому смыслу, что и древніе языки не могутъ, безъ вреда для развитія учениковъ, служить опорой концентраціи. Но московскіе педагоги аналогіи не признаютъ, здраваго смысла—тоже. Въ Европѣ концентрація основана на древнихъ языкахъ, слѣдовательно, тутъ и разсуждать нечего:—ставь прямо древніе языки краеугольнымъ камнемъ «воспитанія» нашего юношества. Классическіе языки, видите ли, только одни имѣютъ волшебную силу, только они одни, концентрированные, могутъ развить, а не нарушить психическое равновѣсіе юноши. Но какъ волшебство разуму не поддается, то что тутъ думать, соображать? переворачивай весь строй русскаго образованія и ставь его на эти волшебныя начала—дѣло выгоритъ. Между тѣмъ, дѣло-то и не выгорѣло: прошло уже 25 лѣтъ со времени насажденія у насъ всѣхъ крайностей классицизма, а это образованіе мало подвинулось, если не отошло назадъ. Да не только у насъ, а и во всей Европѣ почувствовали, что довольно уже выѣзжали на древнихъ языкахъ, что отъ нихъ получено все, что только возможно было

получить полезнаго, и жизнь требуетъ другихъ выѣздныхъ коньковъ, которые кстати уже и вырощены,—это естественныя науки въ ихъ громадномъ современномъ развитіи. Что московскіе классики, пересаживая древо классицизма на нашу русскую почву, дѣйствительно, не вдумались, не изучили глубоко того, что они хотѣли дѣлать,—лучшимъ доказательствомъ служитъ ихъ собственное сознаніе въ невѣжествѣ. «По поводу вопроса о преобразованіи нашихъ гимназій въ смыслѣ классической системы, мы—такъ признавались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — получили письмо, въ которомъ насъ просятъ разъяснить по возможности, въ силу чего изученіе древнихъ языковъ можетъ имѣть такое важное, приписываемое ему, дѣйствіе на развитіе и образованіе ума». Просьба о разъясненіи такого важнаго вопроса, обращенная притомъ къ газетѣ, которая такъ неистово ратовала за введеніе у насъ исключительнаго классицизма, вполнѣ естественна. Кто же и могъ разъяснить самую суть, самую глубину вліянія древнихъ языковъ на воспитаніе нашего юношества, какъ не ихъ проповѣдники? Казалось бы, что непризнанные педагоги «Московскихъ Вѣдомостей», прежде чѣмъ ратовать за это нововведеніе, должны были сами основательно дойти до корня этого вліянія, и на предложенный выше вопросъ дать научный, вразумительный и вполнѣ ясный отвѣтъ. Но что же мы читаемъ? «Вопросы педагогическіе принадлежатъ къ области высшаго уразумѣнія—отвѣчаетъ газета—и *даются не легко*. Никто не можетъ требовать ни отъ себя, ни отъ другихъ вполнѣ удовлетворительныхъ, совершенно опредѣленныхъ и ясныхъ спеціальныхъ понятій обо всѣхъ предметахъ, входящихъ въ кругозоръ всякаго образованнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ многихъ вещей люди довольствуются общими соображеніями и руководствуются просвѣщеннымъ тактомъ, сметливостью и прозорливостью (*sic*) уловляя различные признаки, хотя и не характеризующіе дѣла въ его внутренней сущности, но болѣе или менѣе наводящіе на его истинный слѣдъ». Такъ вотъ чѣмъ руководствовалась та газета, которая такъ безапелляціонно, съ такимъ педагогическимъ авторитетомъ, громила прежнюю систему воспитанія и съ такимъ азартомъ требовала исключительнаго классицизма! А когда ей предложили самый обыкновенный вопросъ: разъяснить вліяніе древнихъ языковъ на развитіе юношей,—она наивно созналась, что отъ нея нельзя и требовать этого. Редакторы не изучили предмета всесторонне, глубоко,—это, видите ли, удѣлъ немногихъ, это принадлежитъ къ области высшаго умозрѣнія и дается не легко. Они довольствовались общими соображеніями, сметливостью, прозорливостью, «уловляя признаки, хотя бы и не характеризующіе дѣла съ его внутренней стороны»...

Но вѣдь это не языкъ дѣйствительно свѣдущихъ людей, а пустословіе невѣждъ или диллетантовъ воспитанія. Мудрено ли, что и насажденное этими людьми педагогическое древо оказалось худосочнымъ и не принесло не только плодовъ, но даже и свѣжихъ листьевъ?

«Примѣръ цѣлыхъ странъ и авторитетъ умовъ, посвятившихъ себя спеціальному изученію дѣла и извѣдавшихъ всѣ глубины его,—это немаловажно!»—восклицаютъ далѣе «Московскія Вѣдомости». Да, примѣръ—великое дѣло, но брать его можно только осмысленно; нужно было прежде всего подумать: пригоденъ ли онъ къ жизни русскаго народа, такъ ли сложились наши историческія судьбы, пользуемся ли мы всею полнотою тѣхъ условій, благопріятствующихъ воспитанію умственныхъ способностей народа, безъ которыхъ невозможно живое, плодотворное, самостоятельное развитіе науки; можемъ ли мы, наконецъ, свободно черпать мудрость изъ источниковъ древности и ввести ее въ жизнь русскаго народа: вѣдь тамъ царила полная умственная свобода и разумъ признавался за единственнаго проводника къ истинѣ и единственнаго судью человѣческаго поведенія...

«Мы говоримъ,—продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», — что классическая школа не препятствуетъ наивысшему развитію математическихъ и естественныхъ знаній, т. е. классическая школа совмѣстима съ онымъ. Затѣмъ мы считаемъ себя вправѣ (?) сдѣлать заключеніе въ той же силѣ, какъ дѣлается заключеніе натуралистами (вотъ комическіе натуралисты!). Весьма вѣроятно, скажемъ мы, что *классическая школа и есть именно причина того высокаго развитія наукъ вообще, а математическихъ и естественныхъ въ особенности* (?!) которое мы усматриваемъ тамъ, гдѣ эта школа господствуетъ. Заключеніе это получаетъ наивысшую степень вѣроятности, если сообразимъ, что именно въ этихъ странахъ означенныя науки процвѣтаютъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, гдѣ такой школы не имѣется, или гдѣ она организована слабѣе, науки эти или вовсе не разрабатываются, или стоятъ на низкомъ и ученическомъ уровнѣ». Не знаю, чѣмъ именно руководствовались наши комическіе натуралисты, выражая вышеприведенныя мысли,—«сметливостью», прозорливостью, или просвѣщеннымъ тактомъ; но только компетентный англійскій мыслитель Спенсеръ имѣетъ о томъ же предметѣ совсѣмъ другое мнѣніе.

«*Если бы въ Англіи*—говоритъ онъ—*не было другаго рода обученія, кромѣ того, которое преподается въ школахъ, страна эта оставалась бы и теперь такою же, какою она была въ феодальныя времена.* То быстро возрастающее ознакомленіе съ законами явленій,

которое, въ теченіе многихъ вѣковъ, научило насъ подчинять природу нашимъ потребностямъ и, въ настоящее время, дало простому рабочему возможность пользоваться комфортомъ, лѣтъ триста тому назадъ недоступнымъ самимъ королямъ,—*едва ли можетъ считаться результатомъ установленнаго въ школахъ метода обученія юношества.* Наука жизни, благодаря которой англійская нація сдѣлалась тѣмъ, что она есть теперь, и которая служитъ основаніемъ нашему существованію, эта наука усвоивается человѣкомъ въ углахъ и закоулкахъ, тогда какъ въ установленныхъ обществомъ учрежденіяхъ для обученія юношества большею частію пережевываются только мертвыя формулы».

Интересно также сопоставить взглядъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ сообщеніями изъ перваго источника, напечатанными въ «Вѣстникѣ Европы» (1873 г. № 10) въ статьѣ: «Реальныя школы въ Германіи».

«*Чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ классическая школа въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ*? Исключительными предметами обученія были три древнихъ языка: латинскій, греческій и еврейскій. Родной языкъ былъ въ полномъ пренебреженіи; о немъ говорили, что ему всякій научается самъ собою (то, что говорилъ сто лѣтъ спустя г. Катковъ) и потому нѣтъ надобности тратить на изученіе его особое время. Еще Гёте разсказывалъ, что въ его время студенты лейпцигскаго университета до того были безграмотны въ родномъ языкѣ, что *профессора вынуждались практически учить ихъ родному языку* (это повторяется у насъ и теперь). Объ обученіи въ гимназіяхъ иностраннымъ языкамъ нельзя было и заикнуться въ присутствіи классическаго педагога прошлаго столѣтія. *Положеніе наукъ въ гимназіяхъ XVIII вѣка было еще хуже, чѣмъ положеніе новѣйшихъ языковъ.* Исторія ограничивалась разсказами болѣе анекдотическаго свойства. Географія соотвѣтствовала этому историческому курсу и главнымъ образомъ была направлена для облегченія чтенія классиковъ. Относительно же естественныхъ наукъ не было и помину, тѣмъ болѣе, что ихъ изученіе не могло быть полезнымъ для чтенія классиковъ». Вотъ чѣмъ была въ Германіи, болѣе ста лѣтъ назадъ, классическая школа, рекомендованная намъ въ прежнемъ своемъ видѣ г. Катковымъ, и вотъ изъ какой школы вытекло, по его мнѣнію, все современное развитіе естественныхъ наукъ.

Вопросъ объ отношеніи классицизма къ развитію естественныхъ наукъ разсматривается и знаменитымъ англійскимъ ученымъ Гёкели: «Я твердо придерживаюсь двухъ убѣжденій, — говоритъ онъ:—что *ни методъ, ни предметъ классическаго образованія не представляетъ такой прямой цѣнности для изучающаго естественныя*

науки, чтобы оправдать затрачиваніе на нихъ драгоцѣннаго времени; во 2-хъ, что *для достиженія настоящаго развитія исключительно научное образованіе, по крайней мѣрѣ, столь же дѣйствительно, какъ и исключительно словесное.* Послѣ изученія всего, что̀ думала и говорила греческая, римская и восточная древность, и всего, что̀ можетъ сказать намъ современная литература, все таки не очевидно, что мы получили достаточно широкое и глубокое основаніе для критики жизни, которая составляетъ образованіе. Разсматривая прогрессъ только въ интеллектуальной и духовной сферѣ, я чувствую себя положительно неспособнымъ допустить, что нація или отдѣльные индивидумы будутъ дѣйствительно прогрессировать, если ихъ «общее вооруженіе» не будетъ пользоваться ничѣмъ изъ запасовъ естествовѣдѣнія. По моему мнѣнію, армія, безъ всякихъ метко бьющихъ орудій и безъ всякой хорошо выбранной базы для операцій, могла бы открыть кампанію на Рейнѣ съ бо̀льшими надеждами, чѣмъ могъ бы рискнуть на завоеваніе жизни человѣкъ лишенный знанія того, что̀ сдѣлали естественныя науки въ послѣднее столѣтіе».

Любопытны и теперь почти уже невѣроятны тѣ пріемы, съ помощью которыхъ г. Катковъ старался увѣрить насъ, что водвореніе всѣхъ крайностей классицизма есть для насъ—дѣло научнаго прогресса, и что государство обязано прійти ему на помощь всѣми своими могущественными средствами.

«Въ прежнее время,—лицемѣрно восклицаютъ «Московскія Вѣдомости,—*мы боялись ума и видѣли въ наукѣ опасность, мы считали нужнымъ не возвышать, а понижать ея уровень*; теперь наступила иная пора. Послѣ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя совершились въ эти немногіе годы (къ чему припутаны здѣсь «великія преобразованія», идущія въ разрѣзъ съ классическою реформою?) невозможно оставаться при прежнемъ воззрѣніи на науку. Наука есть принципъ и сила всякаго прогресса въ наше время, только наука можетъ возвысить наши матеріальныя средства. Забота о наукѣ есть одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей государства; *кто говоритъ, что государство должно сложить въ себя эту заботу и предоставить дѣло науки случайностямъ жизни и игрѣ общественныхъ интересовъ,—тотъ самъ не знаетъ, что̀ говоритъ*» (совершенно справедливо!). Но кто же видѣлъ у насъ въ наукѣ опасность; кто не допускалъ ея полнаго развитія, кто прилагалъ своеобразную заботу, чтобы наука у насъ понижалась, кто подвергалъ ее всѣмъ «случайностямъ жизни» и «игры общественныхъ интересовъ». Вѣдь не мы же съ вами, читатель? Наукѣ ни до какихъ случайностей жизни и игры общественныхъ интересовъ, даже ни до ка-

кихъ спеціально-государственныхъ задачъ нѣтъ дѣла. Наука есть созданіе всего человѣчества. Государства съ ихъ «случайностями жизни» и «игрой общественныхъ интересовъ» бываютъ весьма различны, а наука—одна для всѣхъ. Ее вырабатываетъ свободный, всемірный геній человѣка; она никогда не требуетъ для себя никакихъ огражденій и поощреній, а только *полной свободы своего развитія*,—и тѣ государства, которыя не слѣдуютъ этому направленію, получаютъ отъ науки неожиданные реприманды, какъ получили и мы подъ Севастополемъ... Лицемѣрность этой апологіи въ пользу науки обнаруживается сейчасъ же въ дальнѣйшемъ витійствѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Государство—говорятъ онѣ—можетъ предоставить частнымъ людямъ и обществамъ всякую свободу въ дѣлѣ науки, но *оно должно узаконять и возводить въ силу только то, что̀ признаётъ согласнымъ съ высшимъ требованіемъ самой науки* и съ дѣйствительною пользою страны (т. е. классицизмъ). Но что̀ такое высшія требованія науки? въ чемъ она заключается? гдѣ видимый признакъ науки?... Наука въ высшемъ значеніи этого слова есть та, которая служитъ продметомъ занятій не для дѣтей, а для людей зрѣлыхъ» (т. е. для г.г. Каткова и Леонтьева).

«Государство—снисходительно продолжаетъ г. Катковъ—не вторгается въ нѣдра семейства и не обязываетъ родителей непремѣнно воспитывать своихъ дѣтей такъ или иначе».

Но куда же направить своихъ дѣтей, какъ не въ классическія правительственныя гимназіи, если другихъ учебныхъ заведеній,—кромѣ семинарій и военныхъ школъ,—тогда и не было? Не въ этомъ ли обстоятельствѣ заключается «свобода», предоставленная московскимъ педагогомъ наукѣ?

Не желая дѣйствовать въ одиночку по вопросу о привилегіяхъ классицизма, г. Катковъ призываетъ себѣ на помощь западно-европейскую школьную практику, совершенно забывая о томъ, что она уже въ то время возбуждала серьезные протесты мыслящихъ педагоговъ.

«Государство—внушаетъ намъ г. Катковъ—и *только оно* можетъ опредѣлить степень умственной зрѣлости, согласно съ высшими требованіями наукъ, маштабомъ тѣхъ странъ, гдѣ наука достигаетъ своего наивысшаго уровня... На чемъ школа въ Германіи сосредоточиваетъ всѣ свои занятія?.. Главнымъ образомъ, на двухъ языкахъ, принадлежащихъ двумъ, исчезнувшимъ съ лица земли, народамъ, *съ которыхъ началась исторія Европы* и которыхъ культура легла въ основу всему послѣдующему развитію образованнаго человѣчества».

Итакъ, изучи языки двухъ, изчезнувшихъ съ лица земли, народовъ, и ты будешь умственно зрѣлъ, съ точки зрѣнія государства... Но и самъ Катковъ говоритъ, что съ этихъ, исчезнувшихъ съ лица земли, народовъ *только началась* исторія Европы и культура ихъ легла въ *основаніе* послѣдующаго развитія. Естественно спросить: послѣ исчезновенія этихъ двухъ народовъ съ лица земли, *исторія и культура исчезли вмѣстѣ съ ними, или онѣ продолжались и послѣ ихъ исчезновенія?* Если же цивилизація и культура развивались, то не слѣдуетъ ли для государственно-умственной зрѣлости прихватить и изученіе послѣдующихъ фазисовъ ихъ развитія, а не сидѣть только, сложа руки, на могильномъ фундаментѣ этихъ отжившихъ народовъ? Педагоги «Московскихъ Вѣдомостей» побѣдоносно указываютъ на Германію и берутъ ее за образецъ, но послушаемъ, что̀ сами нѣмецкіе мыслители говорятъ о недостаткахъ образованія германскаго юношества. Извѣстный докторъ Визе пишетъ: «Вы, нѣмцы,—говорили мнѣ англійскіе учителя,—не достигаете того, чего хотите достичь въ вашихъ школахъ, потому что избираете слишкомъ отдаленную цѣль. *У васъ нѣтъ полезнаго воспитанія. Вы мало оглядываетесь на жизненныя условія вашего народа* и мало смотрите впередъ на то, чего требуетъ жизнь». Раннее стремленіе къ отвлеченіямъ и общимъ выводамъ, замѣняющимъ въ Германіи мѣсто фактовъ, надъ наблюденіемъ которыхъ изощряется умъ, дѣйствуетъ, по замѣчанію Визе, чрезвычайно вредно на молодыхъ людей и убиваетъ въ нихъ охоту къ дѣльному изученію, развивая привычку пользоваться скороспѣлыми плодами. «Наши молодые люди,—говоритъ онъ,—переходя изъ школы въ университетъ, приносятъ много идей, готовыхъ взглядовъ, но очень мало познаній въ самыхъ простыхъ и ближайшихъ человѣку предметахъ».

Оглядываясь на страшную груду нѣмецкихъ педагогическихъ книгъ, знаменитый нѣмецкій педагогъ Дистервегъ говоритъ: «Посмотрите на бо̀льшую часть сочиненій, написанныхъ нѣмецкими учителями и для учителей. Наполняется и согрѣвается ли чье нибудь сердце при ихъ разборѣ? Кто можетъ извлечь изъ нихъ силу для своей мысли, одушевленіе для важнаго подвига? Найдетъ ли кто нибудь въ нихъ дыханіе жизни, самостоятельный образъ мыслей и энергію? Переходитъ ли ихъ мышленіе въ убѣжденія, убѣжденія—въ дѣла и вытекаютъ ли ихъ воззрѣнія изъ фактовъ? Это по бо̀льшей части холодныя, безсмысленныя груды печатной бумаги».

«Если мы,—говоритъ нѣмецкій же мыслитель Губеръ,—взглянемъ на офиціальную поверхность, на вывѣску и кухонные рецепты нашихъ гимназій, если мы прислушаемся къ хвастливымъ возгласамъ, которые сопровождаютъ ихъ, если мы повѣримъ нако-

нецъ всему, что̀ выдается намъ за истину въ этой области, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что мы стоимъ въ образованіи безконечно выше всѣхъ народовъ. Если же мы взглянемъ за кулисы... но, можетъ быть, участники этой великой трагикомедіи не оставили уже и за кулисами мѣста для истины? быть можетъ, въ настоящее время имъ не только недостаетъ мужества высказать истину, но даже и способности понять ее? Какъ бы тамъ ни было, мы можемъ высказать наше убѣжденіе и засвидѣтельствовать, что *дѣйствительные жизненные результаты воспитанія убываютъ у насъ въ той прогрессіи, въ которой увеличиваются и усложняются средства и требованія учебнаго образованія*. Не наше дѣло отыскивать здѣсь причину такого явленія; но мы можемъ только высказать здѣсь результатъ нашихъ наблюденій, что у насъ, не смотря на всѣ программы лекцій и экзаменовъ разнаго рода,—исторія, новые языки и ихъ литература, даже географія и естественная исторія, изучаются гораздо менѣе и съ меньшимъ умомъ, жаромъ и успѣхомъ, чѣмъ въ подобныхъ же кружкахъ академическаго образованія въ Англіи, гдѣ это изученіе предоставлено свободной любви и самостоятельности каждаго».

IV.

Мы нарочно привели мнѣнія о нѣмецкомъ ходѣ образованія самыхъ выдающихся нѣмецкихъ же мыслителей и современниковъ г.г. Каткова и Леонтьева, чтобы наглядно показать, что, принимая за образецъ германскія гимназіи, наши публицисты довольствовались только московскою «сметливостью и прозорливостью», а не изучили основательно дѣла, за которое такъ горячо ратовали. Справедливость требуетъ сказать при этомъ, что г. Катковъ не успѣлъ даже и въ свое время убѣдить серьезныхъ и даровитыхъ русскихъ педагоговъ въ великой пользѣ «греко-латинской школы» для Россіи. По крайней мѣрѣ, В. Я. Стоюнинъ, К. Д. Ушинскій, В. И. Водовозовъ, баронъ Н. А. Корфъ и многіе другіе открыто возставали противъ пригодности классицизма. А. П. Пятковскій, въ своей книгѣ: «Живые вопросы», посвятилъ этому предмету особую статью: «Борьба классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ», въ которой очень обстоятельно подвелъ итоги этой борьбы, фактически выигранной, но морально проигранной нашими подражателями нѣмецкихъ порядковъ.

Также отрицательно отнесся къ классицизму, въ свое время, и почтенный академикъ А. В. Никитенко въ своемъ «Дневникѣ»: «*Апрѣля 15—1871 г. Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмомъ и такъ называемымъ реализмомъ въ дѣлѣ нашего*

образованія. Дѣло это разсматривается въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Д. А. Толстой, по внушеніямъ Каткова и Леонтьева, отстаиваетъ проэктъ въ пользу классицизма, состоящій въ томъ, что университетъ долженъ быть доступенъ только тѣмъ, которые кончили курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, т. е. изучали греческій и латинскій языки. Для прочихъ учреждаются реальныя училища. Была учреждена комисія для составленія устава этихъ училищъ, комисія изъ лицъ, извѣстныхъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Они начертали проэктъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, который давалъ бы общее и реальное образованіе безъ древнихъ языковъ. Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанныя по этому плану, отнимутъ молодыхъ людей у классическихъ гимназій, и они составили другой проэктъ, на основаніи котораго *реальныя училища получаютъ характеръ техническо-ремесленныхъ заведеній.* На дняхъ разразилась страшная буря. Противъ министра нар. пр. возстали Милютинъ, графъ Панинъ, Грейгъ, Головнинъ, Гротъ, Чевкинъ. Эти лица требовали для реальныхъ училищъ права для поступленія въ университетъ и находили нужнымъ допустить въ нихъ латинскій языкъ. Публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится; газеты сильно спорятъ. Противъ исключительнаго и односторонняго классицизма энергически возстаютъ «Голосъ» [1]) и «С.-Пб. Вѣдомости», особенно послѣднія, которыя убѣдительно и остроумно отстаиваютъ права общаго образованія съ допущеніемъ въ университетъ. Между тѣмъ Катковъ почти безвыходно сидитъ у графа Толстаго и дѣйствуетъ въ пользу своего проэкта. А Маркевичъ и Х. пишутъ задорныя статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», которыя почему-то стали на сторону классицизма.

«29-го, четверг. Разбирая безпристрастно, безъ всякихъ предубѣжденій, проэктъ Каткова и Леентьева, вотъ къ какому, кажется, результату должно прійти. Намѣреніе ихъ, можетъ быть, очень хорошее: они хотятъ положить основаніе прочному и серьезному образованію и думаютъ достигнуть этого посредствомъ классицизма. До сихъ поръ это очень хорошо. Но капитальная ошибка ихъ въ томъ, что, требуя отъ гимназій исключительнаго изученія древнихъ языковъ, и только воспитанникамъ этихъ гимназій открывая двери въ университетъ и затворяя ихъ передъ учениками такъ называемыхъ реальныхъ училищъ,—они низводятъ реальное образованіе почти до степени ремесленнаго. Но, разумѣется, они это

[1]) Статьи (не подписанныя) въ «Голосѣ», сколько намъ извѣстно, принадлежали одному изъ самыхъ уважаемыхъ дѣятелей по министерству нар. пр., А. С. Воронову, бывшему предсѣдателемъ ученаго комитета при министрѣ Головнинѣ.

дѣлаютъ потому, что, съ возвышеніемъ реальныхъ училищъ, ихъ классическія гимназіи могутъ подвергнуться опустѣнію, а это убило бы самую сущность ихъ классическаго проэкта. Вотъ это-то *невниманіе къ реальнымъ наукамъ*, угрожающее имъ рѣшительнымъ упадкомъ, и вооружаетъ все общественное мнѣніе и всѣхъ естественниковъ. Въ состояніи ли классическія гимназіи приготовлять учащихся въ нихъ къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ такъ, какъ онѣ могутъ приготовить къ высшему учебному образованію въ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Но и реальныя училища, въ томъ видѣ, какой хотятъ имъ дать Катковъ и Леонтьевъ, тоже не въ состояніи этого сдѣлать. И такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы не будемъ имѣть людей, вполнѣ и основательно образованныхъ для множества реальныхъ цѣлей въ обществѣ, и лишимъ послѣднее способовъ преуспѣвать во всемъ, что составляетъ его силу и богатство. Полезно ли это? Крайніе приверженцы классицизма опасаются, что у насъ вовсе не будутъ учиться классическимъ предметамъ, если открыть путь въ университетъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ, разумѣется, съ латинскимъ языкомъ. И вотъ *находятъ нужнымъ употребить принужденіе—насильно привлекать молодыхъ людей въ классическія гимназіи*. Едва ли это хорошо.

Май, Воскресенье. Вчера было окончательное засѣданіе государственнаго совѣта по дѣлу объ учебной реформѣ. Къ шести прежнимъ голосамъ въ комисіи присоединилось двѣнадцать. Всѣхъ присутствующихъ было 27. Если вычесть 18 голосовъ изъ 27, т. е. 18 оказавшихся противъ классицизма, то на сторонѣ послѣдняго окажется меньшинство въ 9 человѣкъ. Милютинъ, военный министръ, произнесъ блистательную рѣчь противъ исключительнаго классическаго образованія. Говорили еще графъ Паленъ и Головнинъ тоже противъ; съ ними заодно были и князь Горчаковъ, и князь П. П. Гагаринъ.

«*Февраль 1872 г.* Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій характеръ. Самое крупное проявленіе ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній, съ намѣреніемъ отклонить среднее и наилучшее сословіе отъ высшаго образованія, съ предоставленіемъ ему права приготовленія юношества къ низшей техникѣ. Катковъ пріѣхалъ опять сюда, чтобы воодушевлять и *начинять* аргументами къ предстоящей борьбѣ въ государственномъ совѣтѣ по поводу реальныхъ училищъ, которыя, по плану московскаго заправилы, должны быть профессіональными въ низшемъ техническомъ смыслѣ, а не общеобразовательными. Что это такъ и будетъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

«*12 февраля, суббота*. Я врагъ всякаго абсолютизма, будь онъ

политическій, умственный, абсолютизмъ системы или мнѣнія. Мнѣніе или идея, старающаяся поглотить всѣ другія и присвоить себѣ господство надъ умами, мнѣ также противна, какъ и власть, которая хочетъ подклонить подъ свое иго всѣхъ людей съ ихъ дѣйствіями и правами. Въ самомъ дѣлѣ, мой старый пріятель Катковъ дошелъ до послѣдней крайности, противодѣйствуя всему, что̀ въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано хорошаго въ Россіи. Онъ, какъ бѣшеный, кидается на новые суды, на общественное мнѣніе, на всѣхъ, кто не раздѣляетъ его классическихъ проэктовъ; во всемъ видитъ преступленіе, измѣну, нигилизмъ. Все это страшно надоѣло всѣмъ, и даже прежніе почитатели его рѣшительно отъ него отшатнулись».

«*18-го, пятница.* Вчера, въ комисіи государственнаго совѣта, рѣшалось дѣло о реальныхъ училищахъ. 6 членовъ были за проэктъ министерства нар. пр., а 9 противъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: графъ Литке, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ, Гротъ, Грейгъ, Титовъ, Оболенскій. Въ числѣ 6: графъ Толстой, гр. Строгановъ, гр. Панинъ, князь Урусовъ, Валуевъ, Путятинъ.

«*12 марта, воскресенье.* Классики въ восхищеніи, думая, что они спасутъ Россію, основавъ образованіе на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Не станемъ спорить, что въ классицизмѣ заключается важная образовательная сила. Но *все же это не есть самое содержаніе знанія*, а вотъ содержаніе-то откуда придетъ какъ не изъ современной науки, и если правда, что современная наука ведетъ къ разрушительнымъ послѣдствіямъ, то какъ вы убережете отъ нихъ поколѣніе, которое должно же чѣмъ нибудь занять свои, образованныя на древнихъ образцахъ, силы? Вѣдь не запрете вы его въ клѣтку, куда бы не могъ проникнуть ни одинъ лучъ изъ духа вѣка.

«*7 апрѣля, пятница.* Проэктъ о реальныхъ училищахъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта прошелъ. На сторонѣ гр. Толстаго девятнадцать голосовъ противъ двадцати девяти. Графъ Панинъ оказался ренегатомъ. Во время сужденій о классическихъ гимназіяхъ, онъ не только былъ противникомъ проэкта, но противникомъ весьма сильнымъ, энергичнымъ и разумнымъ. Куда же дѣвались его энергія и разумъ?

«*8-го, суббота.* Самое великое зло, которымъ страдаетъ наше общество, это почти повальная деморализація. Классики полагаютъ, что противодѣйствіе этому злу мы найдемъ въ изученіи древнихъ языковъ и литературы. Это ужасная нелѣпость. *Можно ли въ языческой образованности найти нравственныя основы для міра христіанскаго*? Развѣ потребности и стремленія духа у насъ и у

античныхъ людей, какъ бы эти люди ни были развиты, одни и тѣ же»?

Вотъ правдивый разсказъ умнаго современника о ходѣ или, лучше сказать, о «борьбѣ» общества съ реформою образованія, и безпристрастное сужденіе объ этой реформѣ.

Конечно, «Московскія Вѣдомости» не отступили назадъ. «Дѣло шло—писалъ г. Катковъ по поводу утвержденія новаго устава гимназій—о судьбѣ русскаго образованія и, стало быть, будущаго развитія народности. Надо было намъ не только разъяснять, но и бороться. Въ эту работу мы положили всю душу. *То была истинная мука Сизифа* (кто велѣлъ принимать ее на себя?). Но уставъ прошелъ, *это было истиннымъ торжествомъ русской народности* (причемъ тутъ русская народность?). Мы будемъ ожидать, когда будутъ передъ нами *многочисленныя процвѣтающія заведенія, гдѣ будетъ жить духъ новой системы*, ежегодно оказывая свое дѣйствіе на многихъ тысячахъ учащагося отрочества; тутъ только покажетъ онъ свою силу и заслужитъ благословеніе Россіи». (Боже, какой паѳосъ!). Въ концѣ концовъ, г. Катковъ оказался плохимъ пророкомъ. Мы присутствуемъ уже теперь при заявленіяхъ всеобщаго недовольства господствующей системой средняго образованія; мы видимъ уже, со стороны правительства, явное намѣреніе—обуздать крайности классицизма, вытѣснившаго изъ гимназіи обученіе всѣмъ другимъ предметамъ и доводящаго наше юношество до послѣднихъ предѣловъ неврастеніи и физическаго переутомленія. Г. Каткову не удалось дождаться «процвѣтанія» классическихъ заведеній, а правительству пришлось вскорѣ же подумать не о процвѣтаніи ихъ, а о какомъ нибудь умственномъ пристанищѣ для той массы юношей, которыхъ (изъ 100—по 96%) стали извергать изъ нашихъ гимназій, какъ неспособныхъ воспринять плоды древней культуры. Пришлось, вопреки этимъ ревнителямъ классицизма,—которые отвергали всякія школы, помимо классическихъ,—устраивать школы реальныя, чтобы хоть куда нибудь пристроить эту массу недостойныхъ жрецовъ классицизма. Хотѣли устроить,—какъ приведено выше,—разумныя реальныя гимназіи съ общимъ образованіемъ и съ доступомъ въ университетъ (при латинскомъ языкѣ), но тутъ фанатики-педагоги впустили свое жало, и реальныя училища оказались устроенными по ремесленному проэкту. А «духъ новой системы», уже съ первыхъ лѣтъ утвержденія этихъ шаблонныхъ гимназій, сталъ влачить самое жалкое существованіе въ мірѣ:—4% окончившихъ курсъ изъ ста поступавшихъ! Вотъ какое дѣйствіе оказалъ «духъ» новой системы: онъ чуть-чуть не задушилъ совсѣмъ умственнаго развитія нашего государства...

А вмѣсто ожидаемыхъ московскими педагогами «благословеній» Россіи, они на самомъ дѣлѣ получили тысячи заявленій совсѣмъ въ противоположномъ духѣ.

«Мнѣ кажется,—пишетъ А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ отъ 20 апрѣля 1872 г.,—сдѣлана огромная ошибка *насильственнымъ установленіемъ такъ называемаго классическаго образованія.* Если рѣшено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее съ азартомъ, и не вдругъ поразить общество. Однимъ почеркомъ пера нельзя произвести такого крутаго переворота въ понятіяхъ. *Можно было бы учредить нѣсколько классическихъ гимназій*, не давая имъ исключительнаго и всеобщаго значенія, *и предоставить желающимъ идти другимъ путемъ.* Министерству просвѣщенія слѣдовало бы избѣжать и другой крайности—публичнаго недовѣрія къ наукамъ естественнымъ, считая ихъ разсадникомъ нигилизма и матеріализма [1]). Во-первыхъ, это несправедливо, а, во-вторыхъ, *какъ же это сдѣлать, чтобы эти науки не распространялись въ государствѣ?* Наконецъ, разумно ли лишать среднія учебныя заведенія, каковы бы они ни были, общеобразовательнаго характера, превративъ ихъ въ заведенія спеціальныя, почти ремесленныя»?..

Гоненія не ограничивались только учениками гимназій: имъ подвергались и достойные представители наукъ, только не классическихъ. Вотъ что записалъ Никитенко въ своемъ дневникѣ: «*7 мая 1872 г.* Науки естественныя и математическія находятся нынче въ опалѣ или, какъ говорилъ Петръ Великій, «не въ авантажѣ». На дняхъ министръ нар. пр. велѣлъ двумъ здѣшнимъ директорамъ гимназій подать въ отставку единственно за то, что они не классики, а *ученые по физико-математическому факультету.* Оба они были отличными директорами много лѣтъ: Бардовскій въ 1-й, а Бѣляевъ—въ 5 гимназіи. О Бѣляевѣ особенно всѣ глубоко сожалѣютъ,—*это былъ одинъ изъ лучшихъ директоровъ во всемъ министерствѣ.* Исполняющій должность попечителя прямо заявилъ: «у меня языкъ не повернется сказать ему, что его считаютъ негоднымъ».

Но вотъ, ранѣе чѣмъ ожидали, сказались и результаты этой

---

[1]) Объ этомъ нелѣпомъ навязываніи естественнымъ наукамъ обязательно-нигилистическаго направленія очень хорошо говоритъ Ѳ. П. Еленевъ въ своей интересной брошюрѣ: «О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи». (Спб. 1889). Впрочемъ, этому навязыванію противорѣчитъ и нашъ собственный опытъ: извѣстно, что самые горячіе приверженцы «нигилизма» вышли у насъ изъ духовныхъ семинарій, гдѣ и не преподавались естественныя науки.

«насильственной» системы, и въ дневникѣ Никитенка записано: «Былъ у меня Яннуарій Михайловичъ Невѣровъ, попечитель кавказскаго округа. *Онъ пріѣхалъ сюда просить пощады отъ греческаго языка.* Дѣло въ томъ, что закавказскій край лишенъ почти совсѣмъ лѣкарей и ветеринаровъ, отчего и людямъ, и скоту приходится очень плохо: болѣзней у нихъ *некому лѣчить*. Нѣкоторыя мѣстности прямо обратились къ намѣстнику, великому князю, съ просьбою дать имъ лѣкарей. Но гдѣ ихъ взять, когда и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ? Надобно приготовлять докторовъ въ университетахъ, куда безъ греческаго языка нѣтъ доступа, а желающихъ учиться по гречески не имѣется. И великій князь, и попечитель готовы помочь горю, но Толстой не хочетъ. Онъ утверждаетъ, что ни за что не сдѣлаетъ изъятія въ пользу желающихъ посвятить себя медицинѣ: пусть холера, оспа и скотскіе падежи разгуливаютъ по Россіи, лишь бы греческій языкъ существовалъ! Заѣзжалъ къ Невѣрову; ему такъ и не удалось отстоять у министра того, чтобы воспитанники учебнаго кавказскаго округа могли поступать на медицинскіе факультеты безъ греческаго языка».

А въ то же время «Московскія Вѣдомости» продолжали лицемѣрно захваливать *свою* реформу. «Велика и славна задача—продолжали онѣ свой панегирикъ—блюсти за исполненіемъ этой реформы, касающейся самыхъ высшихъ и вмѣстѣ самыхъ настоятельныхъ потребностей нашего народа, *въ эту критическую пору*».

Настоятельная потребность нашего народа заключалась, какъ видно, въ шаблонныхъ классическихъ гимназіяхъ, а «критическая пора»—это тѣ великія реформы, которыми гуманнѣйшій изъ русскихъ государей очеловѣчилъ Россію. Нѣтъ, не такъ понимали настоятельную потребность народа наши дѣйствительные патріоты, въ эти великіе дни реформъ. Прежнее крѣпостное право наложило ярмо невѣжества на весь русскій народъ. Во время крѣпостнаго владычества никто не заботился объ образованіи народа; изъ русскаго крестьянина выдѣлывали все—земледѣльца, воина, купца, мастероваго, даже балетнаго актера, но во всей крѣпостной Россіи не было почти ни одной *школы для народа*, и онъ,—на плечахъ и трудахъ котораго создавалось величіе и мощь Россіи,—пребывалъ въ первобытномъ, почти дикомъ состояніи! Славнѣйшія реформы императора Александра II застали народъ въ этомъ полудикомъ состояніи и настоятельная, главная потребность была—не въ шаблонныхъ гимназіяхъ, откуда бѣжали массами, а въ скорѣйшемъ, немедленномъ образованіи народа, чтобы онъ могъ вполнѣ воспринять эти великія человѣчныя реформы и стать къ нимъ въ сознательное отношеніе, сдѣлаться способнымъ къ ихъ пониманію и разумному усвоенію. Вотъ эту-то насущную

необходимость для народа и понимали правильно мыслящіе люди. «*Поднятіе умственнаго уровня массы*,—справедливо говорилось въ «Вѣстникѣ Европы» (1871 г., № 1),—*распространеніе образованія въ народѣ, вотъ главная, самая настоятельная потребность Россіи.* Но что дѣлало наше министерство просвѣщенія, чѣмъ оно занято? Отчего, хотя бы въ виду «боевой силы», какою явился прусскій народный учитель въ 1866 г., министерство не хотѣло примѣнить къ Россіи того факта, что *въ Пруссіи существуетъ 70 учительскихъ семинарій*? Отчего, въ эти 4 года, въ дѣлѣ народнаго обученія не сдѣлано ни одного шага впередъ? Въ теченіе 4 лѣтъ нельзя перевоспитать народъ, но ихъ достаточно, чтобы выработать и привести въ дѣйствіе систему, которая давала бы возможность предвидѣть, что масса русскаго народа, въ опредѣленное число лѣтъ, *вся пройдетъ* черезъ школу, и разсчитать, когда именно можно будетъ объявить первоначальное ученіе *обязательнымъ* въ Россіи. (Къ этой мысли пришелъ А. С. Вороновъ, составившій проэктъ обязательнаго народнаго обученія, одобренный и графомъ Д. А. Толстымъ). Въ Пруссіи 70 учительскихъ семинарій, 25,000 первоначальныхъ школъ. На населеніе въ 18 милліоновъ (въ 1865 г.) было 30,800 образованныхъ народныхъ учителей. Что сдѣлало наше министерство нар. пр. съ 1866 года для достиженія сколько нибудь однородныхъ результатовъ? Всѣ вѣдомства, слѣдуя предначертаніямъ высокой воли, направленной къ благу народа, вырабатывали реформы. Двадцать милліоновъ пріобрѣли гражданскую равноправность. Всѣ крестьяне получили волостное самоуправленіе, отмѣнена эксплуатація откупа, отмѣнены тѣлесныя наказанія по суду, введенъ гласный судъ по совѣсти, облегчена военная служба, введено гражданское равенство сословій. Вотъ великія дѣла нынѣшняго царствованія, въ которыхъ всѣ вѣдомства приняли самое дѣятельное участіе, работали дружно для одной цѣли. А, между тѣмъ, то вѣдомство, которому предстояла одна изъ важнѣйшихъ частей задачи,—поднятіе умственнаго уровня народа сообщеніемъ ему способности и умѣнья пользоваться главными условіями жизни, — отъ всѣхъ вѣдомствъ отстало. Если спросить его, что оно сдѣлало для того, чтобы вести народъ въ уровень съ реформами? Гдѣ тысячи народныхъ учителей? положено ли хотя бы прочное начало для обширной иниціативы государства въ настоящемъ дѣлѣ народнаго образованія? Ничего этого нѣтъ. Въ такомъ случаѣ не удивляйтесь, что самъ народъ отсталъ отъ реформы, не удивляйтесь, что всѣмъ другимъ вѣдомствамъ приходится наталкиваться на затрудненія. Министерство военное половину времени солдата должно употреблять на обученіе грамотѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ было

озабочено сокращеніемъ въ народѣ пьянства. Сдѣлало ли министерство просвѣщенія что нибудь серьезное, чтобы дать массѣ народа доступъ къ чему нибудь иному, кромѣ кабака? Гдѣ народные учителя, гдѣ школы, гдѣ книги дѣльныя и дешевыя? Если есть порядочныя народныя школы, то ихъ развело земство на свои гроши; если есть порядочныя книги для первоначальнаго обученія, то ихъ издали нѣсколько частныхъ лицъ, истинные дѣятели народнаго просвѣщенія. Что роль крестьянъ въ земскихъ учрежденіяхъ и сельскомъ самоуправленіи мала, въ этомъ виновато невѣжество массы. Исправить эту ошибку можно, только измѣнивъ всю систему, которая хочетъ сдѣлать изъ Россіи страну классическихъ затѣй, оставляя ей въ то же время невѣжественныхъ присяжныхъ, безмолвныхъ земскихъ гласныхъ и уродливыя мірскія и волостныя сходки».

Вотъ правдивая характеристика дѣятельности тогдашняго министерства просвѣщенія, которое, будучи загипнотизировано пѣніемъ московскихъ сиренъ, понимавшихъ навыворотъ нужды и потребности народа, и заимствуя изъ Германіи образецъ отживающаго тамъ классицизма, просмотрѣло тамъ же образцы разумнаго народнаго образованія. Мы привели выше выписки изъ дневника академика Никитенка. Какую борьбу пришлось выдержать этимъ своеобразнымъ реформаторамъ со здравымъ смысломъ цѣлаго общества! Даже самъ Катковъ изнемогъ и сознался, что это была «истинная мука Сизифа». И изъ-за чего бились? подумаешь. Бились изъ-за того, чтобы въ корнѣ подорвать наше общее образованіе, раздѣлить его на касты, ввести покидаемый уже Европою классическій образецъ, изгнать массами жаждущихъ просвѣщенія юношей, не подходящихъ къ ихъ шаблонному классицизму, и оставить народъ въ его вѣковомъ невѣжествѣ.

Все это въ настоящее время становится уже историческою истиною.

Быть можетъ, какъ допускаетъ А. В. Никитенко, г.г. Катковъ и Леонтьевъ имѣли хорошее намѣреніе, но они привели его въ исполненіе, какъ медвѣдь въ баснѣ Крылова.

Московскіе, впрочемъ, педагоги были себѣ на умѣ и задумали получить малую толику за свой «сизифовъ трудъ». Вотъ что писали они въ «Моск. Вѣдомостяхъ» (№ 209, 1867 г.): «*Давно задумали мы положить основаніе учебному заведенію*, которое по своей организаціи давало бы полную возможность выработать на опытѣ всѣ условія, необходимыя для обезпеченія правильнаго и плодотворнаго развитія принятыхъ нашимъ законодательствомъ педагогическихъ началъ. Требуется заведеніе, которое имѣло бы свой собственный уставъ, твердый въ своихъ главныхъ чертахъ, но *оставляющій просторъ для личной инициативы*. Предполагаемое заведеніе задумано въ размѣрѣ лицея и должно обнимать какъ гимназію, такъ и университетскій

курсъ ученія. Ожидаемая отъ такого заведенія услуга должна состоять именно въ томъ, чтобы *провести новую у насъ реформу воспитанія отъ начала до конца* и, взявъ дѣтей съ первыхъ лѣтъ отрочества, выпустить зрѣлыхъ и готовыхъ къ жизни людей. Мы были бы счастливы, еслибы Богъ судилъ намъ *дождаться первыхъ плодовъ задуманнаго нами посѣва.* Предполагаемое заведеніе должно, вмѣсто теоріи, представить *опытъ полнаго примѣненія классической системы на русской народной почвѣ*; оно послужитъ къ выработкѣ учебнаго плана и соотвѣтствующихъ ему учебниковъ, къ согласованію обученія съ воспитаніемъ, къ систематическому выбору педагогическихъ пріемовъ; наконецъ, вообще къ самостоятельной постановкѣ русскаго педагогическаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ приготовлять къ жизни людей, въ которыхъ особенно нуждается наше отечество, людей, прошедшихъ крѣпкую и добрую школу, которые были бы въ полномъ смыслѣ *дѣтьми Европы*».

Опять московская затѣя навыворотъ! Гдѣ бы, прежде ломки всего нашего воспитанія, устроить такое заведеніе, да самимъ поучиться въ немъ педагогіи и затѣмъ на опытѣ убѣдиться въ пригодности предложенной ими системы воспитанія и тогда, сообразно съ результатами, отбросить ее или ратовать за ея всеобщее введеніе, а они поступаютъ наоборотъ: прежде вводятъ ее во всеобщее употребленіе, а потомъ хотятъ испытывать и изучать на опытѣ, вырабатывать планы и учебники, педагогическіе пріемы. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ они добились осуществленія задуманнаго ими предпріятія. Все имъ было разрѣшено: устроили полуказенное, получастное заведеніе, извѣстное въ обществѣ подъ именемъ «Катковскаго лицея». Основателямъ и учителямъ даны права университетскихъ профессоровъ, а съ тѣхъ дѣтей, которыя пожелали сдѣлаться «дѣтьми Европы», стали взимать по 900 руб. въ годъ, смотря по занимаемому помѣщенію, что̀ продолжается и донынѣ. Итакъ, Каткову удалось посѣять свои классико-московскія сѣмена въ обработанную имъ же почву; ужь тутъ нельзя было сказать, что принципъ вѣренъ, система правильна, но исполненіе плохо; тутъ что̀ хотѣли, то и творили. Ну, и что же? Да ничего,—скажемъ мы. Думали получить изъ этого «посѣва» образцовыя сѣмена, а вышло, хотя и дорогое, но самое ординарное, самое обыденное зерно. Намъ извѣстно, что изъ Царскосельскаго лицея, построеннаго на разумныхъ основаніяхъ, съ первыхъ же годовъ его существованія выходило много замѣчательно-умныхъ и европейски-развитыхъ молодыхъ людей, прославившихъ наше отечество умственною, творческою и государственною дѣятельностью (Пушкинъ, Горчаковъ, Салтыковъ и др.). А чѣмъ замѣчателенъ Катковскій лицей? кого

*

онъ произвелъ? гдѣ эти «дѣти Европы»? гдѣ образцовыя сѣмена,—объ этомъ что-то не слышно. Да, по нашему мнѣнію, такое неестественное, ходульное, подражательное учрежденіе и могло принести только мертворожденный плодъ. Послѣ этого, къ чему многословіе, къ чему теоретическія соображенія и лицемѣрный паѳосъ? Вотъ передъ нами практическій образецъ примѣненія, въ полной послѣдовательности, катковскихъ педагогическихъ умозаключеній. Ждали образцоваго разсадника, да еще народнаго развитія. Гдѣ же эти систематически выработанные «педагогическіе пріемы», самостоятельная постановка русскаго педагогическаго дѣла? гдѣ эти подготовленные къ жизни люди, въ которыхъ «особенно нуждается наше отечество»? Все это—мыльный пузырь. Существуетъ только учебное заведеніе для богатыхъ юношей—и ничего болѣе. А все потому, что строилось это зданіе безъ фундамента, безъ глубокого изученія дѣла; строилось на авось, а *не на исторической народной почвѣ*. Между тѣмъ народная почва—не бездѣлица.

«Всякій человѣкъ—говоритъ нѣмецкій мыслитель Дистервегъ—принадлежитъ извѣстному народу и извѣстному времени, *онъ долженъ быть воспитанъ по отношенію къ этому народу* и для своего времени, или, по словамъ Канта, *для ближайшаго будущаго*. А потому воспитаніе должно заимствовать свои права и законы отъ свойствъ народа и времени или исторіи. Еслибы самая общая часть воспитанія, дѣйствительно, была уже обработана систематически, то и тогда она должна была бы получить различные оттѣнки и частію *различное содержаніе* по отношенію къ различнымъ расамъ и народамъ земнаго шара, къ различнымъ періодамъ развитія одной и той же націи. Еслибы, напримѣръ, кто нибудь захотѣлъ воспитывать азіатскіе современные народы по той же системѣ, какъ и новоевропейскіе, не обращая вниманія ни на исторію, которую прожилъ каждый народъ, ни на религію, ни на государственное устройство, то, конечно, такое воспитаніе не достигло бы никакого счастливаго результата».

«Смѣло можно утверждать,—говорилъ К. Д. Ушинскій,—что еслибы мы заимствовали изъ каждой народной системы воспитанія то, что достойно въ ней подражанія, и составили одну, общую, совершеннѣйшую, то и такъ составленная система воспитанія оказалась бы безсильнѣе всѣхъ исключительно народныхъ системъ, и ея вліяніе на общественное развитіе народа было бы въ высшей степени ничтожно. Ни одинъ народъ, конечно, не отказывается сознательно отъ тѣхъ или другихъ достоинствъ воспитанія и не вноситъ въ него сознательно своихъ недостатковъ; каждый старается сдѣлать свое воспитаніе по возможности совершеннымъ, но *народность сама*

одолѣваетъ: она парализуетъ одни стремленія, выдвигаетъ впередъ другія и передѣлываетъ по своему универсальные планы воспитанія. Почему? да потому, что школьное воспитаніе далеко не составляетъ *всего* воспитанія народа. *Религія, природа, семейство, преданія, поэзія, законы, промышленность, литература,—все, изъ чего слагается историческая жизнь народа, составляетъ его дѣйствительную школу*, предъ силою которой сила учебныхъ заведеній, особенно построенныхъ на началахъ искусственныхъ, совершенно ничтожна. Невозможно такъ изолировать воспитаніе, чтобы окружающая его со всѣхъ сторонъ жизнь не имѣла на него вліянія. Она постоянно будетъ вносить свои убѣжденія и въ учителей, и въ учениковъ, придавая особенный оттѣнокъ лекціямъ первыхъ, и давая направленіе воспріимчивости вторыхъ. Если же что нибудь несогласное съ общественною жизнью и успѣетъ укорениться въ молодомъ сердцѣ, то и это немногое за дверями школы быстро переродится. Воспитаніе, построенное на абстрактныхъ или иностранныхъ началахъ, будетъ дѣйствовать на развитіе характера гораздо слабѣе, чѣмъ система, созданная самимъ народомъ. Характеръ, наклонности людей бываютъ разные. *Есть одна только общая для всѣхъ прирожденная наклонность, на которую всегда можетъ разсчитывать воспитаніе,—это то, что мы называемъ народностью.* Обращаясь къ народности, воспитаніе всегда найдетъ отвѣтъ и содѣйствіе въ живомъ и сильномъ чувствѣ человѣка, которое содѣйствуетъ гораздо сильнѣе убѣжденія, принятаго однимъ умомъ, или привычки, вкорененной страхомъ наказанія. Вотъ основаніе того убѣжденія, что воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть народнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что воспитаніе, созданное самимъ народомъ и основанное на народныхъ началахъ, имѣетъ ту воспитательную силу, которой нѣтъ въ самыхъ лучшихъ системахъ, основанныхъ на абстрактныхъ идеяхъ или заимствованныхъ у другихъ народовъ. Общественное воспитаніе, которое укрѣпляетъ и развиваетъ въ человѣкѣ народность, развивая въ то же время его умъ и его самосознаніе, могущественно содѣйствуетъ развитію народнаго самосознанія вообще. Оно вноситъ свѣтъ сознанія въ тайники народнаго характера и оказываетъ сильное и благодѣтельное вліяніе на развитіе общества, его языка, его литературы, его законовъ, — словомъ, на всю его исторію. Общій выводъ изъ всего сказаннаго о воспитаніи слѣдующій: 1) Общей системы народнаго воспитанія для всѣхъ народовъ не существуетъ не только на практикѣ, но и въ теоріи, и германская педагогика—не болѣе, какъ теорія нѣмецкаго воспитанія.

«2) *У каждаго народа своя особенная національная система*

воспитанія, а потому заимствованіе однимъ народомъ у другаго воспитательныхъ системъ—является невозможнымъ.

«3) Опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воспитанія есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ, но точно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ опытъ всемірной исторіи принадлежитъ всѣмъ народамъ. Какъ нельзя жить по образцу другаго народа, какъ бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно также *нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ*, какъ бы ни была она стройна и хорошо обдумана.

«4) Наука не должна быть смѣшиваема съ воспитаніемъ. Она общa для всѣхъ народовъ, но не для всѣхъ народовъ и не для всѣхъ людей составляетъ цѣль и результатъ жизни.

«5) Общественное воспитаніе не рѣшаетъ само вопросовъ жизни и не ведетъ за собою исторію, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее; воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ.

«6) Общественное воспитаніе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго. *Система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною* и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества, и никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества.

«7) Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственная прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть множество учебныхъ заведеній».

Вотъ на какихъ разумныхъ основаніяхъ должно стоять народное воспитаніе и, какъ нарочно, ни одно изъ нихъ не встрѣчается во всѣхъ разглагольствованіяхъ московскихъ насадителей новой системы. Не мудрено, что ихъ разсадники оказались непригодными и не выдерживаютъ прикосновенія безпристрастной критики.

Въ заключеніе, интересно привести мнѣніе Каткова касательно доступа въ университетъ и сравнить его со взглядами на этотъ предметъ европейскихъ людей. «Доступъ къ высшей наукѣ сталъ (у насъ) дѣломъ самымъ легкимъ—восклицаетъ Катковъ: — ее выбросили на улицу (?) ее затоптали въ грязь. Для поступленія въ университетъ оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ механи-

ческой подготовки, и вотъ университетская аудиторія наполнилась массою полудикихъ, полуграмотныхъ мальчиковъ, неспособныхъ ни къ чему отнестись осмотрительно и критически, неспособныхъ продержать двѣ минуты одну и ту же мысль въ своей головѣ. Можно вообразить, какой *чертополохъ долженъ разростаться на дикой почвѣ этихъ головъ* при слушаніи университетскихъ курсовъ».

Сказано очень сильно! Но разберемся и предложимъ такой вопросъ: когда же изъ университетовъ выходило болѣе умныхъ, самостоятельныхъ, дѣльныхъ и даровитыхъ людей,—прежде ли, когда доступъ къ высшему образованію былъ свободнѣе, или послѣ этой подражательной реформы, послѣ построенія этой китайской стѣны классицизма между университетомъ и средними заведеніями? Въ прежнее время, сравнительно, легче было попасть въ университетъ и самородку изъ низшаго класса, и даровитому юношѣ изъ интеллигентныхъ слоевъ общества. А теперь, кто изъ дѣйствительно свѣтлыхъ головъ въ народѣ перескочитъ барьеръ, заграждающій дорогу въ университетъ? Имъ нужно, по крайней мѣрѣ, 8 лѣтъ самаго воспріимчиваго юношескаго возраста просидѣть за зубреніемъ мертвыхъ правилъ мертвыхъ языковъ. А какой же геній, какая свѣтлая голова, какой «самородокъ» можетъ вынести такое мертвое сидѣніе? Университеты прежде были доступными разсадниками высшихъ знаній, свободными проводниками науки въ жизнь общества, а теперь они обратились въ тѣ же гимназіи для взрослыхъ. Приходи вò-время, обязательно, теряй время на полугодичныя и годовыя испытанія, затѣмъ подвергайся еще «государственному экзамену»—и тогда уже называйся вѣнцомъ творенія.

«*Особенно пагубна*—говоритъ Гёксли—*привычка обременять молодыхъ людей чрезмѣрнымъ количествомъ умственнаго труда посредствомъ частыхъ экзаменовъ* [1]). Сила и свѣжесть, которыми они должны запастись для предстоящей имъ борьбы за существованіе въ практической жизни, *парализованы у нихъ излишествами недозрѣлой умственной работы, книжнымъ буквоѣдствомъ и массою уроковъ*. Ихъ способности подорваны напряженіемъ, въ какомъ находится постоянно ихъ юный мозгъ».

Торжество классицизма было встрѣчено далеко не радостно значительнѣйшею частью нашей печати. «Въ настоящее время,—говорилъ «Вѣстн. Европы» (1871 г., № 3),—классицизмъ установился твердо на русской почвѣ. Онъ охватилъ всѣ наши учебныя заведенія, гимназіи,—и *университеты составляютъ теперь недоступныя крѣпо-*

[1]) О губительности этихъ экзаменовъ для правильнаго умственнаго и физическаго воспитанія мы прочли недавно основательную статью В. Д. Спиовскаго въ педагогическомъ журналѣ: «Образованіе».

сти, которыхъ вратъ отпираются лишь классическимъ ключемъ. У воротъ храмовъ просвѣщенія толпятся юноши со всѣхъ сторонъ, кричатъ: «отворите намъ двери; на дворѣ темно и холодно; дайте намъ бѣднымъ, не знающимъ дороги, обогрѣться». На всѣ просьбы, на слезы умоляющихъ одинъ отвѣтъ: non possumus! Молодые люди просятъ пищи, они желаютъ научиться искусству зарабатывать кусокъ насущнаго хлѣба, но имъ, голоднымъ, бросаютъ изъ состраданія черствые латинскіе сухари, которые и молодымъ зубамъ трудно разжевать, а въ утѣшеніе говорятъ: «зубы у васъ будутъ острѣе; таково свойство латыни». Нѣтъ, не такъ думали о доступности университета умные люди Европы. «Какъ церковь и театръ открыты каждому,—говорилъ Я. Гриммъ,—такъ и врата университета должны открываться каждому молодому человѣку, и уже ему нужно предоставить понести всѣ неудобства, если онъ явится туда невооруженный». Нѣмецкій министръ юстиціи ф. Кампцъ, еще въ 1831 году, требовалъ, чтобы университеты были доступны всѣмъ, а экзамену должны подвергаться только тѣ, которые желаютъ поступить на государственную службу. «Нѣкоторые люди—говоритъ англійскій мыслитель Гёксли—родятся съ задатками выдающихся дарованій; одинъ изъ тысячи имѣетъ шансы выдвинуться своимъ умомъ и на милліонъ человѣкъ приходится только одинъ обладающій долею той творческой силы, которая называется геніальностью. Важнѣйшая задача всякой системы воспитанія—уловить этихъ исключительныхъ людей и воспользоваться ими для блага общества. Никто не можетъ сказать, гдѣ они появятся; они иногда рождаются среди знатныхъ, а иногда въ хижинѣ. Нужно стремиться къ тому, чтобы цѣнные продукты этой игры природы не были испорчены роскошью и не погибли отъ бѣдности, чтобы они были поставлены въ такое положеніе, при которомъ могли бы исполнить задачу, къ которой наиболѣе способны. Механизмъ школьнаго обученія долженъ способствовать выдѣленію этихъ талантовъ и облегчить имъ путь къ надлежащему развитію и простору; *нужно выдвинуть лѣстницу, которая отъ уличныхъ стоковъ вела бы къ университету* и по которой всякій ребенокъ могъ бы добираться до доступной ему высоты, безъ всякихъ стѣсненій и задержекъ». Такою *лѣстницею* и была наша прежняя «уваровская система» средняго образованія, устанавливавшая прямой, непрерывный путь отъ народной школы къ высшему разсаднику просвѣщенія.

Не правда ли, какъ все это похоже на измышленія московскихъ педагоговъ?

Мы довольно занимались «историческою стороною» вопроса о среднемъ образованіи. Возвратимся опять къ современному защит-

нику классицизма, гр. Капнисту, и его противнику, Ѳ. П. Еленеву, съ которымъ московскій попечитель безуспѣшно ломаетъ копья полемики.

V.

Гр. Капнистъ задался немаловажною задачей: «устранить недоразумѣнія и отвергнуть ложныя обвиненія, которыми, особенно въ послѣднее время, такъ щедро осыпаютъ не только наши гимназіи, но и самые принципы, положенные въ ихъ основаніе, и содѣйствовать, хотя бы въ самой малой мѣрѣ, распространенію болѣе вѣрныхъ понятій о сущности принциповъ, положенныхъ въ основаніи нашихъ гимназій, о значеніи и цѣли классическаго образованія. Противники классическаго образованія всѣми мѣрами и способами стараются подорвать довѣріе къ ней общества, причемъ они силятся доказать, что система не только не содѣйствуетъ распространенію просвѣщенія, но, напротивъ, ведетъ къ отупѣнію и гибели юношества». Въ началѣ статьи мы, кажется, довольно ясно и подробно разъяснили эти принципы, эти основанія, эти цѣли нашихъ «греко-латинскихъ школъ», искажающихъ въ корнѣ природу юношей, отрывающихъ ихъ отъ всякаго научнаго знанія, приносящихъ разумъ юноши въ жертву мертвой буквѣ, и показали результаты, достигаемые этой системой, по отзыву самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и учрежденій. Теперь разсмотримъ, пунктъ за пунктомъ, современную защиту классицизма: она очень любопытна, хотя и мало доказательна.

Авторъ прежде всего силится убѣдить насъ, что въ классическихъ гимназіяхъ *нѣтъ переутомленія* учениковъ и что оно выдумано врагами господствующей системы образованія. Прямо кидается въ глаза странность такой защиты со стороны г. попечителя цѣлаго округа! Неужели онъ, стоя такъ близко къ гимназіямъ, не замѣтилъ того, что̀ замѣчено и доказано неоспоримо-свѣдущими людьми, хотя и не стоящими въ непосредственномъ соприкосновеніи съ гимназіями, но людьми отъ природы наблюдательными? Въ первой нашей статьѣ [1]) мы подробно разобрали этотъ предметъ и, кажется, уже вполнѣ доказали, какъ не правъ авторъ. Далѣе, полемизируя съ г. Еленевымъ, гр. Капнистъ восклицаетъ: «г. Еленевъ останавливается у подъѣздовъ учебныхъ заведеній (?!) и не заглядываетъ внутрь зданій, особенно зданій провинціальныхъ гимназій. Въ корпусахъ онъ въ большинствѣ случаевъ увидѣлъ бы просторные и свѣтлые классы,

[1]) См. «Наблюдатель» 1893 г., № 4, ст.: «Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка».

соотвѣтствующіе общему числу учебниковъ, широкіе коридоры, обширныя залы для гимнастики и рекреаціи; около зданій онъ замѣтилъ бы дворы или площадки, удобные для движенія учащихся на воздухѣ. Въ учебныхъ же заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства онъ въ большинствѣ случаевъ нашелъ бы *невозможную тѣсноту классовъ, отсутствіе нерѣдко всякаго мѣста для свободнаго движенія учениковъ, удушливый воздухъ, недостатокъ свѣта.* Неужели онъ думаетъ, что это различіе во внѣшней обстановкѣ нашихъ учебныхъ заведеній проходитъ безслѣдно для здоровья учениковъ (полагаемъ, что вовсе и «не думаетъ»!). Бо̀льшая часть нашихъ учебныхъ заведеній, и въ особенности гимназій, *поставлена въ непозволительныя гигіеническія условія*, дѣйствующія самымъ пагубнымъ образомъ не только на физическое здоровье, но и на умственныя и нравственныя силы учащихся». Читаемъ и не вѣримъ своимъ глазамъ! Какъ? попечитель цѣлаго округа прямо, публично заявляетъ, что наши гимназіи въ большинствѣ поставлены въ «непозволительныя гигіеническія условія», дѣйствующія самымъ пагубнымъ образомъ не только на физическое здоровье, но и на умственныя и нравственныя силы ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей, и даже совѣтуетъ Ѳ. П. Еленеву поближе взглянуть на это безобразіе, причемъ указываетъ на образцовые военные корпуса. Да позволено будетъ спросить: что же эти образцовыя военныя училища такъ-таки готовыми и свалились къ намъ съ неба, или ихъ устроили на землѣ заботливые люди? Могло же военное министерство, у котораго на рукахъ, кромѣ гимназій, вся русская армія, вся наша внѣшняя защита,—слѣдовательно, цѣлая масса неотложныхъ заботъ,—могло же оно устроить въ короткое время образцовыя военныя гимназіи (теперешніе корпуса). Почему же министерство просвѣщенія, существующее уже около ста лѣтъ,—у котораго имѣется единственная забота о физическомъ и умственномъ процвѣтаніи ввѣреннаго ему юношества,—не позаботилось о главномъ условіи: о здоровьѣ учащихся, и не устроило ничего подобнаго военнымъ корпусамъ? Въ гимназіи ѣздятъ постоянно ревизоры, окружные инспектора, попечители—осматривать все; неужели же такое вопіющее явленіе проходитъ мимо ихъ глазъ, или глаза ихъ такъ сроднились съ нимъ, что смотрятъ на него, какъ на вполнѣ нормальное? Скажутъ: денегъ нѣтъ, мало отпускаютъ. Такъ сократите на $^3/_4$ центральное управленіе, уменьшите расходы на ревизоровъ и контролеровъ, этихъ неслыханныхъ въ Европѣ особъ просвѣщенія. Обратитесь къ земствамъ, городамъ, ко всему русскому народу,—вѣдь жертвуютъ же они на разныя нужды, а эта потребность важнѣе всякой другой, это ядъ, отравляющій лучшія молодыя силы Россіи, нашу будущую на-

дежду, нашу истинную славу и мощь. Въ первой нашей статьѣ мы указали на отнятіе у учащихся садовъ и большихъ конференцъ-залъ тамъ, гдѣ они имѣются при гимназіяхъ, и никто изъ этихъ, постоянно разъѣзжающихъ по гимназіямъ, ревизоровъ, инспекторовъ и пр. по настоящее время не обратилъ вниманія на эти слова. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и въ сѣверной Америкѣ правительственныя и частныя школы щеголяютъ своимъ образцовымъ, изящнымъ и вполнѣ гигіеничнымъ устройствомъ: это, по большей части, настоящіе «дворцы просвѣщенія» со всѣми новѣйшими усовершенствованіями. А наши просвѣтители приглашаютъ посмотрѣть, какъ это просвѣщеніе ютится въ «непозволительныхъ гигіеническихъ условіяхъ», и еще хотятъ соперничать съ культурными странами. На сооруженіе портовъ и ремонтъ ихъ у насъ расходуютъ, кажется, отъ 40—60 милліоновъ ежегодно. А по случаю голодовокъ и «боевыхъ пошлинъ» изъ этихъ портовъ и вывозить-то было нечего, да и комерческій флотъ нашъ не такой обширный, чтобы тратить на порты такія громадныя суммы; хоть бы половину ихъ обратить на эти вопіющія нужды просвѣщенія,—и тогда можно бы многое сдѣлать и соорудить образцовыя школы (конечно, не классическія гимназіи) для юношества!..

Разъясняя распредѣленіе занятій въ гимназіяхъ, гр. Капнистъ пишетъ: «Половина учебнаго времени полагается на изученіе главныхъ предметовъ (т. е. древнихъ языковъ). Затѣмъ другая половина учебнаго времени посвящается занятіямъ другими предметами, причемъ цѣлью изученія этихъ предметовъ должно быть: 1) во избѣжаніе излишняго однообразія, доставить занятіямъ учащихся необходимую разносторонность; 2) расширить кругъ интересовъ учениковъ возбужденіемъ въ нихъ любознательности въ разныхъ направленіяхъ; въ 3) показать связь, существующую между разнородными областями знаній, и, наконецъ, въ 4) снабдить ученика нѣкоторыми свѣдѣніями, необходимыми при продолженіи научнаго образованія. *Занятія этими вспомогательными предметами едва ли менѣе важны, чѣмъ изученіе главныхъ предметовъ*, хотя они должны имѣть иное назначеніе и цѣль. Звеномъ же, связывающимъ всѣ части, *долженъ быть родной языкъ*».

Если сопоставить эти взгляды со взглядами на тотъ же предметъ катковской фаланги, то станетъ яснымъ, что за это короткое время въ классическомъ лагерѣ произошелъ расколъ. Катковъ съ братіею доказывалъ,—какъ приведено нами выше,—что педагогическій законъ требуетъ, чтобы все ученіе было *сосредоточено только на двухъ древнихъ языкахъ*, къ которымъ въ бо́льшей или меньшей степени присоединяется математика; прочіе же предметы

почти должны быть выкинуты, такъ какъ умственнаго воспитанія въ нихъ—по московскому шаблону—не полагается. «*Своему родному языку учиться нечего*; дѣти всосали-де его съ молокомъ матери» и всякій излишекъ времени для преподаванія его ведетъ къ самому губительному празднословію. Изученіе древнихъ языковъ есть-де въ то же время и изученіе своего роднаго языка. Какъ видите, расколъ не маловажный. Русскій языкъ, преподаваніе котораго Катковъ *ставилъ даже во вредъ*—неоклассикъ гр. Капнистъ ставитъ «звеномъ, связующимъ всѣ предметы преподаванія»; въ прочихъ предметахъ, по Каткову, никакого умственнаго воспитанія не полагается, а по Капнисту эти «вспомогательные предметы едва ли менѣе важны, чѣмъ изученіе главныхъ предметовъ». Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, судить не намъ. Но изъ сопоставленія ихъ взглядовъ ясно одно, что сама логика жизни заставляетъ позднѣйшаго изъ классиковъ сознать, что и эти прочіе «вспомогательные предметы» необходимы въ воспитаніи юношества: А какъ на изученіе этихъ предметовъ нужно время, то, слѣдовательно, это время приходится удѣлять отъ главныхъ предметовъ, т. е. ослабить изученіе древнихъ языковъ и постепенно переходить къ реальному образованію...

Этотъ вѣковой постоянный переходъ и разъясненъ въ статьѣ «Вѣстника Европы» (1873 г., № 10): «Теоретическая оппозиція противъ односторонности латинскихъ школъ началась почти одновременно съ ея началомъ, въ эпоху реформаціи. *Въ XVII вѣкѣ, латинской школѣ былъ нанесенъ первый ударъ въ педагогическихъ сочиненіяхъ Коменіуса*, который первый сказалъ обучающимся: «*Ни одного слова—безъ вещей*». Успѣхи общественной жизни еще болѣе протестовали въ виду безплодности обученія въ латинскихъ школахъ, которыя до начала нынѣшняго столѣтія не считали важнымъ научное знаніе роднаго языка, родной литературы, не допускали обученія живымъ языкамъ современныхъ народовъ, стоящихъ во главѣ новѣйшей цивилизаціи и т. д. Но уже болѣе 100 лѣтъ, какъ классическія гимназіи тронулись съ того мѣста, на которомъ сидѣли неподвижно съ самаго начала реформаціи. Прежде университеты исключительно замѣщались гимназистами; въ настоящее же время *воспитанники гимназій въ Германіи не могутъ поступать безусловно на всѣ факультеты* (у насъ они тоже не могутъ поступать въ нѣкоторые спеціальные институты) и для принятія ихъ на медицинскій факультетъ необходимъ дополнительный экзаменъ по естественной исторіи, физикѣ и химіи. Въ виду того обстоятельства, что гимназіи не удовлетворяютъ своимъ нормальнымъ курсомъ такому важному факультету, какъ медицинскій, сдѣлалось совершенно не-

обходимымъ, рядомъ съ классическими гимназіями, допустить другой типъ среднеучебнаго заведенія, который своимъ постояннымъ протестомъ оказалъ уже большую услугу и самимъ классическимъ гимназіямъ, вынудивъ ихъ къ уступкамъ и постепенному реализированію своихъ программъ. Но уступки не ограничивались этимъ и во многихъ мѣстахъ Германіи допущены классы для реальнаго обученія, а именно: въ Мемелѣ, Инстербургѣ, Маріенбургѣ, Торнѣ, Берлинѣ, Грейфсвальдѣ, Минденѣ, Бинефельдѣ, Дортмундѣ, Барменѣ, Дунсбургѣ, Ренсбургѣ, Люнебургѣ, Гильдесгеймѣ, Гёттингенѣ и другихъ. *Реализмъ ведетъ борьбу съ классицизмомъ: онъ утверждаетъ и развиваетъ такую школьную систему, которая совершенно и неизбѣжно сперва видоизмѣняетъ отчасти классическую школу, а потомъ и замѣняетъ ее*, какъ морской путь въ Индію замѣнилъ сухопутное сообщеніе, какъ печатаніе—переписку книгъ, желѣзныя дороги—конную почту, какъ пушки Круппа—пращу и лукъ. И все это не потому, что изобрѣтатели добились запрещенія ѣздить въ Индію сухимъ путемъ и т. д.; а потому, что это оказалось полезнѣе, дѣйствительнѣе, нужнѣе. Вся новѣйшая исторія школы въ Европѣ есть рядъ завоеваній реализма и рядъ уступокъ ему».

Но гр. Капнистъ, какъ будто не замѣчая ничего этого, упрямо восклицаетъ: «Классическая школа, *оставаясь вѣрною своимъ основнымъ принципамъ* (въ томъ-то и дѣло, что эта «вѣрность» уже подорвана!) никогда не останавливалась на пути своего развитія и усовершенствованія и 200 лѣтъ тому назадъ она не была тѣмъ, чѣмъ стала 100 лѣтъ спустя, а нынѣ она существенно отличается отъ той, чѣмъ была 100 лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе она сохранила свои типичныя черты и не измѣнила своей цѣли. Мы утверждаемъ, что нынѣшняя классическая школа вправѣ считать себя мощнымъ, вѣковымъ учрежденіемъ и гордиться тѣмъ, что она постоянно слѣдитъ за успѣхами просвѣщенія (не вѣрнѣе ли сказать: *упирается*, но ее сдвигаютъ съ мѣста) и всегда развивалась и развивается сообразно требованіямъ времени, не измѣняя тѣмъ не менѣе своимъ основнымъ принципамъ». Если, по мнѣнію г. г. классиковъ, умаленіе занятій исключительно классическими языками въ пользу реальныхъ живыхъ наукъ есть прогрессъ и гордость классической школы, то мы противъ этого ничего не имѣемъ и отъ души желаемъ классицизму какъ можно болѣе этого прогресса. Такой прогрессъ приведетъ ее прежде всего къ полной отмѣнѣ греческаго языка,—къ отмѣнѣ, которую предвидитъ и г. Еленевъ. «Признаніе греческаго языка необходимымъ элементомъ классическаго, т. е. всесторонне-развивающаго образованія—справедливо говоритъ онъ—должно быть въ

настоящее время отнесено къ числу тѣхъ *укоренившихся предразсудковъ*, которые повторяются на вѣру, но для оправданія которыхъ никто не въ состояніи представить убѣдительныхъ доводовъ. Да, нѣкогда, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, греческій языкъ, вмѣстѣ съ латинскимъ, дѣйствительно служили основою научнаго образованія по той причинѣ, что, кромѣ письменныхъ памятниковъ греческой и римской образованности, *другихъ основъ для образованія* тогда не существовало... Между тѣмъ, въ XVIII и XIX вѣкѣ область научныхъ знаній въ Европѣ такъ расширилась, что древніе ученые очутились далеко назади за нами... Много ли найдется теперь въ Европѣ людей, которые читали бы Платона, Аристотеля, Эвклида и Птоломея? *Можно ли требовать, чтобы возмужалый человѣкъ продолжалъ питаться молокомъ своей кормилицы?* Беконъ, въ предисловіи къ своей Instauratio Magna, говоритъ: «*вся эта мнимая мудрость, которую мы черпали у грековъ, есть не болѣе, какъ дѣтство знаній*; она съ дѣтствомъ имѣетъ ту общую черту, что *очень склонна къ болтовнѣ*, но, по недостатку возмужалости, не способна къ дальнѣйшей производительности; она очень плодовита словопреніями, но безплодна дѣйствіями» (стран. 121—123). Вотъ за эту-то ересь, въ которой повинна теперь почти вся мыслящая Европа—за исключеніемъ нѣкоторыхъ рутинеровъ и буквоѣдовъ — гр. Капнистъ и ополчается со своимъ картоннымъ мечемъ на г. Еленева.

Одинъ изъ родителей.

(*До слѣд. №*).

Стансы.

Поклонникъ музъ и красоты,
Повѣрь, неопытный мечтатель:
Не вѣрный сынъ у Феба ты,
Но музъ случайный обожатель.

Пока ты молодъ, предъ тобой
Видѣнья легкія летаютъ,
И обольстительной красой
Мечты и риѳмы вызываютъ.

Тогда ты чувствуешь, поэтъ,
Другимъ невѣдомое счастье,
И, забывая жалкій свѣтъ,
Въ стихахъ находишь сладострастье.

Но вѣрь мнѣ, другъ: пройдетъ она,
Пора таинственныхъ желаній,
Пора томительнаго сна
Любви и сладостныхъ мечтаній.

Заботы тяжкія придутъ...
Своей неволей безпощадной
Онѣ поэта увлекутъ
Къ землѣ и прозѣ безотрадной.

И вскорѣ, окруженъ семьей,
Богатый, знатный и счастливый,
Ты посмѣешься всей душой
Забавамъ юности игривой.

А. Линевъ.

РАБЪ СВѢТА.

Политическій романъ изъ англо-французской жизни,
Генри Сетона Мерримена.

X.

По горячимъ слѣдамъ.

На возвратномъ пути, Стэнли, находя, что молчаніе становится черезчуръ продолжительнымъ, счелъ нужнымъ возобновить разговоръ.

— А что, Христіанъ,—заговорилъ онъ,—какъ вы думаете, не пошаливаютъ ли здѣсь контробандисты?

— Не думаю,—отозвался Христіанъ такимъ тономъ, какъ будто считалъ контробанду неподходящей темой для разговора.

— Почему ты спросилъ объ этомъ?—вмѣшалась Гильда.

— Да я вдругъ вспомнилъ, какъ меня удивило вчера, что наша лодка передвинута на другое мѣсто.

— Еслибы она была передвинута,—замѣтилъ Христіанъ,—то на пескѣ остались бы слѣды.

— Трое сильныхъ людей свободно могли перенести ее въ воду и не оставить никакихъ слѣдовъ, — возразилъ маленькій Стэнли, рѣшившій не покидать счастливой мысли о контробандѣ.

— Можетъ быть, какой нибудь любитель вздумалъ прокатиться въ лодкѣ ради удовольствія, — разсѣянно промолвилъ Христіанъ.

— Но какъ онъ отомкнулъ цѣпь?

— У твоихъ контробандистовъ, конечно, была отмычка,— сказала Гильда съ улыбкой.

— Конечно, — отвѣтилъ Стэнли самымъ серьезнымъ тономъ.

— Мы вотъ что сдѣлаемъ, Стэнли, — проговорилъ Христіанъ.—Завтра утромъ отправимся купаться. Я осмотрю лодку и скажу вамъ, была она передвинута, или нѣтъ.

— Если только не получите сегодня телеграммы,—прибавила Гильда.

Христіанъ засмѣялся.

— Если только,—началъ онъ торжественнымъ тономъ,— не наступитъ сегодня вечеромъ конецъ міра!

Какъ разъ въ ту минуту, когда происходилъ этотъ разговоръ, м-ръ Бодри сидѣлъ за столомъ въ своей маленькой пріемной и вскрывалъ только что полученную телеграмму. Онъ развернулъ розовый листъ, и м-ръ Морганъ, усердно писавшій за тѣмъ же столомъ, поднялъ голову отъ своей работы.

— Это отъ Веллакотта,—произнесъ издатель и послѣ минутнаго размышленія громко прочелъ:

«Письмо и газеты получилъ. Понялъ, въ чемъ дѣло. Подробности письмомъ».

М-ръ Морганъ задумчиво разгладилъ густые усы ручкой своего пера.

— Этотъ молодой человѣкъ,—проговорилъ онъ,—отличается необыкновенной проницательностью, ха-ха!

М-ръ Бодри молча каталъ по столу свой карандашъ.

. . . . . .

Стэнли Керью такъ нетерпѣливо желалъ разрѣшить свои сомнѣнія по части лодки, что экспедиція была снаряжена въ тотъ же день, еще до обѣда. Пятеро молодыхъ людей направились черезъ открытый песчаный берегъ къ заливу. Съ юго-запада двигались большія бѣлыя облака, застилая по временамъ сверкающее солнце. На берегу дулъ мягкій вѣтерокъ, совсѣмъ не похожій на тотъ суровый вѣтеръ, который раскачиваетъ шотландскія сосны въ зимнее время.

— Я полагаю, что не трудно будетъ спуститься по этимъ утесамъ,—замѣтилъ Сидней, когда общество достигло залива.— А вотъ взобраться назадъ будетъ потруднѣе.

Онъ остановился и, заложивъ руки въ карманы, лѣниво посматривалъ на темные утесы, и вся его фигура съ соломенной шляпой, сдвинутой на затылокъ, представляла въ эту минуту самое живописное воплощеніе спокойной, невозмутимой силы рядомъ съ нервнымъ, впечатлительнымъ Христіаномъ.

— Да, не легко,—отозвался Христіанъ, подымая глаза на туманныя вершины.—Обрывъ очень крутой и скользкій.

Онъ повернулся и пошелъ рядомъ съ Гильдой. Онъ любилъ горы и его взглядъ невольно обращался къ утесамъ. Гильда замѣтила это.

Они подошли къ лодкѣ, на которую, по мнѣнію Стэнли, покушались какіе-то контробандисты.

— Скажите мнѣ, Христіанъ, что̀ вы знаете про синьора Бруно?—вдругъ спросила Гильда.

Въ это время показался Стэнли, бѣжавшій къ нимъ черезъ песокъ.

— Подождите еще немного,—отвѣчалъ Христіанъ.—Дайте мнѣ получить отъ Тревеца подтвержденіе моихъ подозрѣній, и тогда я вамъ отвѣчу. Съ подозрѣніями надо обращаться осторожно. Сообщая ихъ кому нибудь, легко можно забыть, что они только подозрѣнія и ничего болѣе.

Стэнли былъ уже возлѣ нихъ и, задыхаясь, бросился на сухой, горячій песокъ.

— Хрисъ!—воскликнулъ онъ. — Войдите въ лодку и посмотрите—тамъ еще видна сырость!

Лодка была прочно построена, и по швамъ досокъ, дѣйствительно, замѣтны были слѣды сырости отъ воды. Христіанъ полулежалъ, опираясь на локоть, и то поглядывалъ на лодку, лѣниво слѣдя за указаніями Стэнли, то бросалъ взглядъ на Гильду, глаза которой были обращены къ морю. Вдругъ его вниманіе привлекли какія-то слова, написанныя карандашемъ на кормѣ лодки, и, по странной случайности, не замѣченныя проницательнымъ Стэнли. Незамѣтно придвинувшись ближе, онъ безъ труда разобралъ написанное: *Minuit vingt-six.*

— Повидимому, лодка была въ водѣ,—сказалъ онъ, вставая,—но возможно и то, что сырость появилась отъ сильной росы. Лодку слѣдуетъ выкрасить, по моему мнѣнію.

Онъ былъ увѣренъ, что подозрѣнія маленькаго Стэнли совершенно основательны. Несомнѣнно, что лодкой кто-то пользовался и очень недавно. Но Христіанъ не забывалъ своего долга и принесъ чувство дружбы въ жертву этому долгу. На возвратномъ пути онъ былъ задумчивъ — насколько это было въ его привычкахъ. Онъ размышлялъ о словахъ, написанныхъ карандашемъ. Несомнѣнно, они были недавно написаны, а се-

годня 26-е число. Нѣсколько словъ, начертанныхъ карандашемъ на кормѣ лодки, указывали, что здѣсь назначено какое-то свиданіе въ полночь, и журналистъ рѣшилъ, что въ назначенный часъ онъ будетъ здѣсь. Вопросъ заключался въ томъ: идти ли одному? Онъ бросилъ взглядъ на Сиднея Керью, тяжелой поступью ходившаго по берегу, и подумалъ, что съ этой стороны помощь будетъ помѣхой. Съ м-ромъ Бодри списаться нѣтъ времени и, значитъ, остается только идти одному. Онъ смутно подозрѣвалъ, что въ парижскихъ безпорядкахъ и въ томъ, что бунтовщики оказались вооруженными англійскими ружьями, не обошлось безъ участія отцовъ-іезуитовъ. Блестящая столица Франціи находилась тогда въ рукахъ самаго «временнаго» и неустойчиваго правительства, и дѣла внутренней политики были въ полномъ разстройствѣ. Наступилъ самый удобный моментъ для церкви возстановить свою потерянную власть. Англійскіе чиновники признали, что ружья мятежниковъ были англійскія, недавно отпущенныя изъ арсенала. Они были сложены въ Плимутѣ и ожидали отправки морскимъ путемъ въ колоніи для вооруженія вспомогательныхъ войскъ, но здѣсь они были украдены съ большой ловкостью. Кража была открыта только тогда, когда ружья оказались въ рукахъ парижской черни. Нѣкоторыя изъ наиболѣе яростныхъ французскихъ газетъ прямо намекали, что англійское правительство, ради политическихъ видовъ, секретно продавало огнестрѣльное оружіе, чтобы усилить безпорядки во Франціи.

Такія мысли занимали его умъ, когда онъ возвращался домой, слушая болтовню Стэнли и разсѣянно отвѣчая на его безконечные вопросы. Гильда шла вмѣстѣ съ ними и раздѣляла съ Христіаномъ трудъ—удовлетворять любознательность своего маленькаго брата. Когда они подошли къ дому, Христіанъ различилъ на зеленой лужайкѣ двѣ фигуры, приближавшіяся къ нимъ. Стэнли сейчасъ же узналъ ихъ.

— Это Фредъ и синьоръ Бруно,—вскричалъ онъ.

Христіанъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на Гильду, хотя и зналъ, что это не деликатно. Гильда почувствовала его взглядъ, но ничѣмъ не выдала себя. Она смотрѣла прямо впередъ; лицо ея оставалось совершенно спокойнымъ, и на немъ не появилось радостной улыбки при видѣ Фреда.

*

«Странно, почему она не сказала мнѣ, что онъ возвратился»?—подумалъ Христіанъ.

И онъ сейчасъ же сказалъ самымъ беззаботнымъ тономъ:

— Я не зналъ, что Фарраръ возвратится такъ... скоро.

Христіану было извѣстно, что этотъ день на скачкахъ особенно интересенъ для любителей, но онъ считалъ излишнимъ упоминать объ этомъ.

— Онъ не любитъ надолго оставлять свою мать — отвѣчала Гильда. Самое внимательное ухо не уловило бы въ ея голосѣ нѣжности или волненія. Она просто упоминала о фактѣ, и тонъ ея былъ такъ холоденъ и невозмутимъ, какъ будто она говорила о синьорѣ Бруно.

— Я радъ, что онъ возвратился, — необдуманно проговорилъ Христіанъ. Ему хотѣлось прервать какъ нибудь неловкое молчаніе, но онъ тотчасъ же почувствовалъ, что его замѣчаніе безтактно. Къ счастью, экспансивный Стэнли вывелъ его изъ затрудненія.

— Желалъ бы я знать, — проговорилъ мальчикъ въ раздумьѣ,—привезъ ли мнѣ Фарраръ сливочнаго шеколаду.

Гильда разсмѣялась и съ улыбкой въ глазахъ встрѣтила подошедшихъ мужчинъ. Стэнли побѣжалъ домой, чтобы вскрыть свертокъ, который, по словамъ Фаррара, ожидалъ его тамъ. Было совершенно естественно, что Гильда пошла рядомъ съ молодымъ эсквайромъ, оставивъ Бруно и Христіана позади. Старикъ съ намѣреніемъ замедлилъ шагъ, и Христіанъ былъ доволенъ этимъ, предвкушая интересную бесѣду.

— Для васъ, м-ръ Веллакотъ,—началъ итальянецъ, съ благодушной старческой привѣтливостью,—для васъ, проводящаго всю жизнь въ Лондонѣ, все здѣсь должно казаться очаровательнымъ, безмятежнымъ и... неблагоустроеннымъ, осмѣлюсь добавить.

Христіанъ смотрѣлъ на своего спутника серьезно и внимательно.

— Здѣсь очень хорошо,—просто отвѣтилъ онъ.

Синьоръ Бруно мысленно перемѣнилъ паруса и взялъ другой курсъ.

— Наши юные друзья, — снова заговорилъ онъ, выразительнымъ жестомъ руки указывая на Гильду и Фаррара,—удивительно подходящая парочка. Оба юны, оба красивы, и оба настоящіе англичане.

— Да, — вѣжливо подтвердилъ Христіанъ,—но тѣмъ не менѣе всѣ Керью были рождены и воспитаны во Франціи.

— А!—произнесъ старикъ, наклоняясь къ пышной розѣ Souvenir de Malmaison и съ очевиднымъ удовольствіемъ вдыхая ея ароматъ. Благодаря этому движенію, трудно было рѣшить, что̀ выражало легкое восклицаніе синьора Бруно,—изумленіе или вѣжливое подтвержденіе факта.

— Да,—прибавилъ Христіанъ сдержанно. Онъ тоже приблизилъ бѣлую розу къ своему лицу, поражая, такимъ образомъ, синьора Бруно его же оружіемъ. Итальянецъ поднялъ голову и оба противника улыбнулись другъ другу черезъ розовый кустъ; затѣмъ они повернулись и пошли далѣе.

— Вамъ также знакома Франція? — отважился спросить синьоръ Бруно.

— Да, еслибъ я не былъ англичаниномъ, я хотѣлъ бы родиться французомъ.

— Ну, у меня другой вкусъ,—довѣрчиво началъ синьоръ Бруно.—Не будь я итальянецъ (чего Боже избави!) я думаю... я увѣренъ, что захотѣлъ бы родиться англичаниномъ.

— А!—произнесъ Христіанъ невозмутимо и синьоръ Бруно рѣзко повернулся, чтобы взглянуть своему спутнику въ лицо. Молодой англичанинъ смотрѣлъ прямо передъ собой, и на его губахъ не оставалось и слѣда недовѣрчивой улыбки, которая за секунду мелькнула тамъ. Итальянецъ отвернулся разочарованный, и они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ, пока синьоръ Бруно опять проговорилъ задумчиво:

— Да, у англійской націи есть одно качество, по моему мнѣнію, достойное высокой похвалы. Она прямо идетъ къ своей цѣли. Англичанинъ знаетъ, чего онъ хочетъ, и не стѣсняется тѣмъ, что̀ думаютъ о немъ его сосѣди. Такую непреклонность я считаю добродѣтелью тевтонской расы. Что̀ касается галльской расы и, въ особенности, моей собственной, тамъ люди идутъ къ цѣли не такимъ прямолинейнымъ путемъ.

Они подымались теперь по отлогому холму къ дому, и синьоръ Бруно замолчалъ, чтобы перевести дыханіе.

— Но все, что̀ вы сказали,—мягко началъ Христіанъ,—относится гораздо болѣе къ церкви, чѣмъ къ народу.

Снова итальянецъ рѣзко поднялъ голову и на этотъ разъ встрѣтилъ глаза собесѣдника, твердо и спокойно устремленные

на него. Синьоръ Бруно жалостно вздернулъ плечи и съ мольбой вытянулъ руки.

— Вы правы, быть можетъ,—отвѣчалъ онъ съ прежней довѣрчивостью.—Боюсь, что такъ. Но человѣку, такъ много страдавшему, какъ я, и такъ преданному своей несчастной родинѣ, можно простить нѣкоторое злопамятство.

— Боюсь,—заговорилъ снова Христіанъ,—что наша прямолинейность не всегда кажется иностранцамъ достойной и пріятной добродѣтелью; но они часто ошибочно судятъ о насъ въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ, подобныя ошибки приносятъ намъ одну только пользу, и мы не имѣемъ причины жаловаться.

— Въ какомъ смыслѣ мы ошибочно судимъ васъ?—съ живостью спросилъ синьоръ Бруно. Они были теперь у окна гостинной, распахнутаго настежь, и сквозь него слышался звонъ чайной посуды.

— Вы считаете насъ глупѣе, чѣмъ мы есть въ дѣйствительности,—улыбаясь, сказалъ Христіанъ и остановился, чтобы пропустить своего спутника впередъ.

Каковы бы ни были взаимныя чувства и отношенія лицъ, просидѣвшихъ полчаса за послѣобѣденнымъ чаемъ, по наружности объ этомъ судить было невозможно. Молли, по обыкновенію, заражала всѣхъ своей веселостью, Гильда улыбалась своей ласкающей «кошачьей» улыбкой; синьоръ Бруно превзошелъ самого себя, съ чисто южной пламенностью и вдохновеніемъ разсказывая невинные, забавные анекдоты, а Фарраръ, слушая его, смѣялся довѣрчиво и радостно. Христіанъ оставался серьезнымъ и помогалъ Молли хозяйничать. Онъ сейчасъ же замѣчалъ, когда ей нужно было кипятку, и приносилъ ей пустыя чашки. Онъ мягко смѣялся анекдотамъ синьора Бруно, а иногда дополнялъ ихъ, но въ болѣе сжатой и юмористической формѣ. И, между дѣломъ, онъ не оставлялъ въ покоѣ синьора Бруно, а этотъ любознательный джентльменъ принужденъ былъ постоянно держаться настороже.

XI.

На утесѣ.

Въ полночь, Христіанъ быстрымъ шагомъ направился къ морю, чувствуя почти дѣтскую радость передъ таинственнымъ

приключеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—легкое угрызеніе совѣсти. Онъ сознавалъ, что поступаетъ нечестно, какъ воръ. Еслибы, по какой нибудь несчастной случайности, узнали дома про его отсутствіе, ему не оставалось бы ничего болѣе, какъ притвориться лунатикомъ. Къ счастью, окно его комнаты выходило въ садъ. Быстро и бѣгло раздумывая объ этомъ, онъ нечувствительно ускорялъ шагъ. Ночь была ясная, звѣздная, воздухъ мягкій и пріятный, съ юго-запада тянуло свѣжестью. Мѣсяцъ долженъ былъ взойти не ранѣе, какъ черезъ часъ, но небеса были озарены мягкимъ сіяніемъ звѣздъ, а на землѣ лежала та прозрачная тьма, которую моряки предпочитаютъ самому яркому лунному свѣту.

Христіанъ Веллакотъ бо́льшую часть жизненныхъ проблемъ выработалъ самостоятельно. Его выводы были удачны и вѣрны. Если его взгляды на жизнь, въ общемъ, были нѣсколько фотографичны—суровы и съ рѣзко выступающими тѣнями—то въ этомъ было виновато воспитаніе, которое далъ ему отецъ, и отсутствіе материнскаго вліянія. Престарѣлыя тетки считали его безчувственнымъ, потому что онъ никогда не искалъ у нихъ участія, никогда не спрашивалъ совѣта насчетъ своихъ личныхъ дѣлъ. Такая увѣренность въ себѣ и независимость являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ семейнаго и общественнаго положенія Христіана. Независимость—прекрасная вещь, но, доведенная до крайности, она становится непріятной, въ семейной жизни, по крайней мѣрѣ.

Быстрыми шагами направляясь черезъ равнину, тянувшуюся отъ Сенъ-Мери-Истернъ къ морю, Христіанъ старался разрѣшить одну проблему. Эта проблема занимала его мысли гораздо болѣе, чѣмъ внутренняя политика Франціи. Разрѣшить ее было труднѣе, чѣмъ написать самую блестящую статью для «Маяка». Она тревожила его сильнѣе тетки Юдифи и тетки Эсфири, соединенныхъ вмѣстѣ. И, однако же, она заключалась всего въ одномъ словѣ. Это существо можно было охватить одной рукой. Его имя было—Гильда.

Онъ свернулъ съ проѣзжей дороги на маленькую тропинку, ведущую къ заливу. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный. Тамъ—въ какихъ нибудь двадцати шагахъ отъ него—виднѣлась неподвижная фигура человѣка. Христіанъ стоялъ въ тѣни, у подножія холма довольно значительной высоты, и фигура

таинственнаго стража рельефно выдѣлялась на фонѣ яснаго неба. Христіанъ осторожно спрятался за кусты. Это не былъ таможенный сторожъ, какъ сперва думалъ Христіанъ. Незнакомецъ былъ въ грубой одеждѣ рыбака. Его шея и плечи были обмотаны огромнымъ «cache-nez», какія носятъ жители «Côtes-du-Nord». Гдѣ-то далеко внизу, какъ въ безднѣ, шумѣло море, набѣгая на берегъ, и пѣло свою меланхолическую пѣсню. Наступилъ приливъ; вѣтеръ свѣжѣлъ съ каждой минутой. Христіанъ могъ незамѣтно подползти къ человѣку, стоявшему на стражѣ. Лежа на сухой, короткой травѣ, онъ продолжалъ наблюдать. Въ неуклюжей фигурѣ этого человѣка было что-то тупое, ограниченное, и было ясно, что онъ стережетъ дорогу, спускающуюся по утесу къ заливу. Его поставили тамъ и онъ, очевидно, будетъ стоять до назначеннаго часа.

Теперь оставался только одинъ путь къ заливу—внизъ по отвѣсной кручѣ утеса, по тому пути, который еще сегодня Христіанъ назвалъ опаснымъ. Если днемъ онъ казался опаснымъ, то ночью былъ почти невозможенъ. Христіанъ безшумно сталъ ползти къ востоку, такъ что стражъ остался въ навѣтряной сторонѣ, и приблизившись къ краю утеса, заглянулъ внизъ, во тьму. Конечно, онъ не могъ различить ничего. Волны подымались и падали съ монотоннымъ шумомъ; звѣзды мерцали надъ головой также ярко и весело, какъ мерцали онѣ столѣтія назадъ надъ людьми и людскими тревогами. Онъ выпрямился, стоя на колѣняхъ, и акуратно застегнулъ сюртукъ. Потомъ, ни минуты не колеблясь, подползъ къ обрыву и осторожно началъ спускаться въ темную бездну. Медленно и съ трудомъ спускался онъ по утесу, ощупывая каждый шагъ. Отъ нетерпѣнія онъ сердился на собственную медленность. Онъ зналъ, что слой нѣжнаго песчаника шелъ здѣсь легкими уступами, и съ большимъ искусствомъ пользовался этимъ. Иногда ему приходилось ползти бокомъ, упершись изо всѣхъ силъ въ землю руками, пока ему пальцы сводила судорога и по рукамъ начинали пробѣгать мурашки. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ бросать камешки, чтобы узнать, гдѣ онъ находится. И если слышалъ, что камень вскорѣ ударялся о землю—продолжалъ спускаться въ прежнемъ направленіи. Одинъ разъ только послѣ нѣсколькихъ секундъ онъ услышалъ слабый плескъ гдѣ-то далеко внизу: ка-

мень упалъ въ море. Съ невольной дрожью Христіанъ пополз въ сторону и сталъ снова спускаться, измѣнивъ направленіе.

Съ полчаса продолжалъ онъ этотъ опасный спускъ, пока, наконецъ, его сильныя руки лишились способности двигаться, а пальцы совсѣмъ онѣмѣли. Его ловкость и упорство были изумительны. Съ той минуты какъ онъ покинулъ вершину утеса, онъ ни на секунду не могъ дать отдыха обѣимъ рукамъ одновременно. Съ механической неутомимостью, столь характерной для всѣхъ горцевъ, онъ спускался постепенно, безпрерывно. Громче и громче пѣло море, какъ бы насмѣхаясь надъ его напрасными усиліями, но еще громче пѣсни моря отдавался въ его ушахъ другой звукъ, гораздо болѣе ужасный. Болѣзненное и непрерывное жужжаніе начинало давить ему виски. Тупая боль медленно разливалась по мускуламъ шеи и затылка. Онъ хорошо зналъ эти симптомы. Шумъ въ ушахъ прекратится лишь тогда, если онъ ляжетъ, станетъ дышать ровно и спокойно, и дастъ отдыхъ напряженнымъ мускуламъ. Тупая боль будетъ подыматься выше и выше, проникнетъ въ его мозгъ, и тогда ничто не спасетъ его, никакая сила воли не заставитъ омертвѣлые пальцы держаться за камни, и онъ полетитъ въ бездну.

А волны продолжали тихонько смѣяться внизу. Спокойно мерцали звѣзды, свершая свой путь въ безконечномъ пространствѣ, и каждая изъ нихъ, быть можетъ, была населена милліонами созданій, подобными намъ—юными и старыми, добрыми и злыми—и, подобно намъ, всю жизнь гоняющимися за призраками.

«Это становится серьезнымъ», прошепталъ Христіанъ съ болѣзненнымъ смѣхомъ. Потъ струился по его лицу. Съ усиліемъ всматривался онъ въ темноту. Почти у самыхъ ногъ онъ различилъ выступъ, не плоскій, а слегка приподнятый съ наружнаго края и составлявшій какъ бы твердую каменную ступень. Нѣсколько секундъ онъ смотрѣлъ, не отрываясь, на это мѣсто, какъ бы взвѣшивая опасность. Потомъ съ величайшей осторожностью скользнулъ внизъ, по гладкому отвѣсу камня, и очутился на выступѣ. Христіанъ лежалъ нѣсколько времени, какъ въ полуснѣ, и медленно обдумывалъ свое положеніе. Онъ пришелъ къ заключенію, что, вѣроятно, сдѣлалъ не больше половины своего пути, а силы, между тѣмъ, почти совсѣмъ его

оставили. Тѣмъ не менѣе, въ его упрямомъ, настойчивомъ мозгу ни на секунду не мелькнула мысль отступить или переждать здѣсь до утра. Все это приключеніе еще продолжало казаться ему забавнымъ, и могло послужить темой для юмористическаго разсказа. Вдругъ, среди нѣжнаго ропота моря внизу, его уши различили какой-то новый рѣзкій звукъ,—точно звукъ подбитыхъ гвоздями сапогъ о камни скалы. Можно было подумать, что кто-то другой спускается по его слѣдамъ съ утеса. Въ ту же секунду Христіанъ былъ на ногахъ, не чувствуя никакой усталости. Надъ головой, на фонѣ звѣзднаго неба онъ различилъ рѣзкіе выступы скалы. Въ какихъ нибудь тридцати футахъ выше его двигалась какая-то фигура. Первымъ чувствомъ Христіана былъ смертельный ужасъ. Каждый изъ горцевъ зналъ, что гораздо легче пройти самому опасный путь, чѣмъ стоять и смотрѣть, какъ другой будетъ висѣть надъ бездной. Медленно скользила внизъ темная фигура, и вдругъ, къ своему величайшему облегченію, Христіанъ замѣтилъ туго натянутую веревку. Когда спускавшійся былъ въ десяти футахъ отъ него, Христіанъ увидѣлъ, что это не человѣкъ, но четырехъугольный ящикъ. Съ быстротою молніи онъ сообразилъ, что именно содержитъ въ себѣ ящикъ, и когда таинственный ящикъ поровнялся съ нимъ, Христіанъ обхватилъ его руками и притянулъ на выступъ. Потомъ онъ сталъ изо всѣхъ силъ тянуть веревку и собирать ее обѣими руками. Все это было сдѣлано такъ быстро и ловко, что люди, стоявшіе наверху и спускавшіе ящикъ, ничего не подозрѣвая, продолжали отдавать веревку. Христіанъ неутомимо собиралъ ее и толстый канатъ ложился у его ногъ змѣеподобными кольцами.

Наконецъ, онъ остановился и сталъ отвязывать веревку. Затѣмъ, съ ловкостью матроса, онъ подбросилъ канатъ, который тотчасъ же началъ быстро и неровно подыматься къ верху, и когда конецъ веревки исчезъ въ темнотѣ надъ головой Христіана, онъ засмѣялся тихимъ, хриплымъ смѣхомъ, внезапно перешедшимъ въ болѣзненный стонъ, и безъ чувствъ повалился на площадку. Очнувшись, Христіанъ, прежде всего, почувствовалъ сильный холодъ. Свѣжій предразсвѣтный вѣтеръ дулъ на него, охлаждая вспотѣвшую кожу, и скоро привелъ его въ чувство. Онъ съ усиліемъ приподнялся и увидѣлъ, что лежитъ на краю каменной площадки, возлѣ ящика. Черезъ минуту онъ

быстро всталъ на ноги, какъ бы не желая вспоминать свою минутную слабость, и занялся ящикомъ. Онъ былъ покрытъ грубой парусиной, но не зашитъ, а просто обернутъ въ нее.

— Какое удачное, какое удивительное совпаденіе,—бормоталъ онъ, ощупывая тюкъ со всѣхъ сторонъ.

И, дѣйствительно, казалось, что всѣ обстоятельства складывались особенно удачно для него. Трое людей, спускавшихъ ящикъ, свернули веревку и пѣшкомъ направились домой, сказавъ часовому, сторожившему тропинку, что онъ можетъ возвратиться къ своей лодкѣ. Онъ съ готовностью воспользовался этимъ позволеніемъ. Это былъ суевѣрный, ограниченный бретонецъ, который находилъ, что гораздо безопаснѣе носиться по волнамъ въ его грубомъ челнокѣ, чѣмъ среди ночи взлѣзать на незнакомые утесы. На берегу онъ нашелъ двухъ товарищей, которымъ сообщилъ, что они могутъ отправляться.

— Monsieur не сказалъ болѣе ничего?

— Да, monsieur не сказалъ.

Бретонскій разумъ, вообще, не отличается проницательностью. Не разсуждая, покорные, какъ овцы, трое людей перенесли съ берега лодку Стэнли и, помѣстившись въ ней, молча направились къ своему челноку, лѣниво покачивавшемуся на волнахъ, за четверть мили отъ берега. Очутившись на своемъ суднѣ, они выслушали, вмѣсто привѣтствія, довольно безцеремонную брань отъ высокаго человѣка въ просмоленной кожаной шляпѣ и грязной шерстяной куркѣ. Этого джентльмена они называли не иначе, какъ «патронъ», и съ неуклюжей почтительностью сообщили ему, что они ожидали на томъ же самомъ мѣстѣ, но никакой поклажи не было спущено, и наконецъ къ нимъ пришелъ Гоэль Грель, съ приказаніемъ отъ «monsieur» возвращаться на свою лодку. Вслѣдъ за этимъ послышалась новая брань «патрона», сопровождаемая какими-то отрывистыми и неясными распоряженіями.

Когда челнокъ вышелъ изъ бухты въ открытое море, Христіанъ повернулся и сталъ взбираться на утесъ. Онъ увидѣлъ теперь, что спустился на очень небольшое разстояніе. Чтобы тюкъ не былъ виденъ съ берега, Христіанъ придвинулъ его къ самой скалѣ, такъ что онъ совершенно скрывался за приподнятымъ краемъ выступа. Восхожденіе скоро было окончено и, бросивъ испытующій взглядъ вокругъ, чтобы удостовѣриться,

что никого нѣтъ вблизи, Христіанъ быстрыми шагами направился домой. Когда онъ подошелъ къ дому, на востокѣ уже занималась заря. Природа пробуждалась, освѣженная благодатной росой и прохладой ночи. Высоко, въ вершинахъ гигантскихъ веймутскихъ сосенъ, проснулись птички и, привѣтствуя другъ друга обычнымъ щебетаньемъ, чистили перушки, приготовляясь встрѣтить солнце и день, полный веселья и пѣсенъ. Какъ воръ, пробрался Христіанъ въ свою комнату и скоро уже спалъ крѣпкимъ безмятежнымъ сномъ юности. Ровно въ семь часовъ онъ проснулся съ акуратностью лондонскаго журналиста. Въ деревнѣ люди просыпаются поздно и медленно приходятъ въ себя послѣ крѣпкаго десятичасоваго сна. Но въ городахъ, пять, четыре, даже три часа считаются достаточнымъ отдыхомъ для неутомимаго, безпокойнаго человѣческаго духа.

Христіанъ выспался хорошо. Онъ всталъ бодрый и свѣжій, и тотчасъ же, неодѣтый, сѣлъ писать. Онъ писалъ страницу за страницей, складывалъ листки, не перечитывая, и писалъ дальше, не отрываясь отъ бумаги. Быстро ложились на бумагу строчка за строчкой мелкаго красиваго почерка, совсѣмъ непохожаго на тотъ, которымъ онъ писалъ письма своимъ друзьямъ или надписывалъ конверты. Это былъ его «журнальный» почеркъ—ясный, быстрый и четкій, какъ печать. Знаки препинанія ставились чрезвычайно заботливо, запятыя и двоеточія были рѣзки и черны. Раза два онъ улыбнулся, продолжая писать, и критически склонилъ голову на бокъ, перечитывая какую-то фразу.

Менѣе чѣмъ въ два часа все было написано. Онъ всталъ изъ-за стола и медленно подошелъ къ окну. Стоя тамъ, онъ задумчиво смотрѣлъ черезъ песчаную равнину, простиравшуюся до самаго моря. Онъ написалъ множество страницъ за свою жизнь, и всѣ болѣе или менѣе талантливо; онъ не разъ читалъ критическіе отзывы на свои статьи, гдѣ его хвалили; но онъ зналъ, что лучшее—лучшее изъ всего имъ написаннаго—лежало теперь на столѣ позади него. Онъ подошелъ къ столу и акуратно сложилъ вмѣстѣ разбросанные листки рукописи. Задумчиво сосчиталъ онъ ихъ. Онъ былъ молодъ и силенъ. Жизнь, полная надеждъ, лежала еще впереди. Съ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на исписанныя страницы. Это былъ его почеркъ; каждая буква была знакома; знаки препинанія постав-

лены отчетливо, страницы безъ помарокъ, строки написаны тѣсно и четко—наборщики любятъ такія рукописи. И, поворачивая листки, онъ задавалъ себѣ вопросъ, напишетъ ли что нибудь лучше этого, потому что онъ былъ доволенъ своимъ произведеніемъ.

XII.

Предостереженіе.

Когда прозвонилъ колоколъ къ завтраку, Христіанъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы. Въ дверяхъ столовой онъ встрѣтилъ Гильду, державшую письма въ рукѣ.

— Уже встали?—вскричалъ онъ.

— Да,—отвѣчала ничего не подозрѣвавшая Гильда,—мнѣ хотѣлось первой получить письма.

— И оказалось, что для васъ нѣтъ ничего?

— Ничего, но...

Она не договорила и протянула ему два письма, которыя онъ взялъ разсѣянно и забылъ поблагодарить ее. Онъ смотрѣлъ на оба конверта съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ удивленія. Вдругъ онъ поднялъ глаза и взглянулъ на Гильду.

— Ну, и что же?—спросила она.

— О чемъ вы спрашиваете?

— Объ отвѣтѣ м-ра Тревеца—вѣдь одно изъ этихъ писемъ отъ него?

— Ахъ, да! Я и забылъ свое обѣщаніе.

Онъ вынулъ письма изъ кармана и опять внимательно взглянулъ на конверты.

— Одно отъ Тревеца,—медленно проговорилъ онъ,—а другое отъ м-съ Стродъ.

— Отъ м-ра Бодри ничего?—спросила Гильда равнодушно.

Христіанъ вынулъ карандашъ, приложилъ письмо Тревеца къ стѣнѣ и сталъ писать на немъ. Не прерывая своей работы, онъ отвѣчалъ обычнымъ тономъ:

— Да, отъ м-ра Бодри ничего; я все еще свободенъ.

— Очень рада!

— Я также,—сказалъ Христіанъ, оборачиваясь къ ней и съ вѣжливой улыбкой протягивая письмо.

Гильда взяла конвертъ, и держа въ обѣихъ рукахъ, критически разглядывала его.

— Ма-ксъ,—медленно читала она,—какъ неразборчиво написано! Максъ... Максъ Тальма... такъ я прочитала?

— Да,—отвѣчалъ онъ серьезно,—совершенно вѣрно.

Съ легкимъ смѣхомъ, и пожавъ плечами, она вскрыла письмо. Въ конвертѣ не оказалось ничего, кромѣ наброска, сдѣланнаго Христіаномъ на заглавномъ листѣ книги. Христіанъ наблюдалъ за Гильдой. Она продолжала улыбаться, развертывая бумагу. Потомъ вдругъ сдѣлалась серьезна и протянула ему открытый рисунокъ. Внизу было написано:

«Максъ Тальма—берегитесь! Бѣгите отъ него, какъ отъ дьявола!

К. Т.».

Прочитавъ это, Христіанъ засмѣялся беззаботно и сунулъ бумагу въ карманъ.

— Тревецъ пишетъ довольно энергично,—замѣтилъ онъ и повернулся навстрѣчу Молли, которая въ этотъ мигъ спускалась съ лѣстницы, напѣвая что-то. На мгновеніе, ея веселые глаза приняли вопросительное, почти тревожное выраженіе, когда она увидѣла сестру и Христіана стоящими вмѣстѣ.

— Вы только что пришли сюда? — спросила она беззаботно.

— Да, — отвѣчалъ Христіанъ, продолжая держать ея руку,—я только что пришелъ.

День начался обычнымъ порядкомъ. По просьбѣ Христіана, грумъ отвезъ на станцію большой пакетъ, адресованный м-ру Бодри. Грумъ долженъ былъ вручить пакетъ кондуктору, который, въ свою очередь, передастъ его почтальону, и въ четыре часа дня издатель «Маяка» получитъ рукопись.

День былъ свѣжій и прекрасный, но къ вечеру на западѣ появились тяжелыя тучи; вѣтеръ сталъ бурный и холодный. Это были первые признаки осени, послѣдній вздохъ умирающаго лѣта. Лампы зажгли въ этотъ вечеръ немного ранѣе и вся семья собралась въ гостинной, хотя окна оставались открытыми, и кто желалъ—тотъ могъ пройти черезъ нихъ въ садъ.

Сѣдая голова м-съ Керью была, по обыкновенію, склонена надъ какимъ-то вязаньемъ, а Молли сидѣла возлѣ нея. Она

тоже была занята работой, принадлежности которой лежали вокругъ нея въ живописномъ безпорядкѣ. Сидней занимался въ своей комнатѣ, приготовляясь къ послѣднему трудному экзамену, отложенному до октября. Христіанъ сидѣлъ за роялемъ, играя отрывки пьесъ и переворачивая пожелтѣвшія старыя ноты, которыя отыскала ему гдѣ-то м-съ Керью. Онъ игралъ разсѣянно, то по одному такту, то по цѣлой страницѣ, и, казалось, забылъ, что онъ не одинъ. Вдругъ онъ всталъ, не доигравъ пьесы. Нѣсколько минутъ назадъ, Гильда ушла въ деревню—навѣстить бѣдную старуху. Христіанъ медленно окинулъ комнату глазами, потомъ быстро поднялъ руку и поймалъ огромную ночную бабочку, пролетавшую мимо его лица. Подойдя къ открытому окну, чтобы выпустить свою плѣнницу, онъ услышалъ тихій свистъ. Вѣроятно, Гильда прошла къ пруду черезъ другую калитку. Онъ наклонилъ голову, чтобы не зацѣпить муслиновыхъ занавѣсей окна, и скрылся въ темнотѣ сада. Звукъ его шаговъ замеръ тотчасъ же среди шума деревьевъ, раскачиваемыхъ вѣтромъ. Стэнли было пора идти спать. Не отрываясь отъ работы, Молли задумчиво поцѣловала своего маленькаго брата.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь открылась, и Гильда вошла въ комнату. Она подошла къ столу и, опершись на него руками, стала вкратцѣ передавать, въ какомъ состояніи застала свою больную. Она стояла близко возлѣ Молли, весело разговаривая съ м-съ Керью, и не замѣтила, что Молли перестала шить, слушая сестру съ удивленіемъ. Кончивъ, Гильда спокойно повернулась и вышла въ садъ. Безстрашно и быстро побѣжала она по знакомой тропинкѣ къ пруду, но ничей свистъ не привѣтствовалъ ея. Листья шумѣли и роптали надъ головой; вода журчала и струилась у ногъ, но нигдѣ не было ни звука, ни слѣда живаго существа. Молчаливая и неподвижная стояла ея высокая, стройная фигура въ бѣлой одеждѣ среди глубокой темноты. Она казалась призракомъ какой-то прелестной дѣвушки минувшихъ вѣковъ, оплакивавшей у темныхъ водъ гибель вѣрнаго рыцаря, который переплылъ эти бурныя волны, чтобы никогда не возвратиться къ ней. Ее внезапно охватило чувство одиночества, неизъяснимаго ужаса. Все окружающее казалось такимъ зловѣщимъ. Вода у ея ногъ была черная, таинственная. Гильда издала тихій, нѣжный свистъ, по-

хожій на тотъ, который нѣсколько минутъ назадъ вызвалъ Христіана изъ комнаты, но этотъ свистъ остался безъ отвѣта и дѣвушка со стѣсненнымъ сердцемъ поспѣшила домой. Розовый свѣтъ падалъ изъ открытаго окна на цвѣты, придавая всему красноватый оттѣнокъ. и тускло озарялъ сѣрые стволы деревьевъ вокругъ лужайки. Когда Гильда остановилась между занавѣсей, въ гостинной собралась прислуга для вечерней молитвы.

М-съ Керью подняла голову отъ библіи, которая лежала раскрытой передъ ней, и спросила Гильду:

— Гдѣ Христіанъ?

— Не знаю, мама; его нѣтъ въ саду,—отвѣтила дѣвушка, направляясь черезъ комнату къ своему обычному мѣсту.

Сидней всталъ, подошелъ къ окну и громко засвисталъ. Нѣсколько минутъ его широкая фигура оставалась неподвижной, почти заполняя просвѣтъ окна; потомъ онъ молча возвратился на свое мѣсто. М-съ Керью разгладила шолковую закладку библіи и начала читать тихимъ голосомъ. Но, кажется, въ этотъ вечеръ не всѣ слушали библію съ должнымъ вниманіемъ. Была прочтена короткая молитва; нѣжно и мелодично попросила м-съ Керью благословенія на всѣ эти головы, склоненныя вокругъ нея, и слуги покинули комнату.

— Гильда, видѣли вы Христіана, послѣ того какъ возвратились отъ м-съ Сендеръ?—тотчасъ же спросила Молли.

— Нѣтъ, — отвѣчала Гильда, приводя въ порядокъ ноты, разбросанныя на роялѣ.

— Онъ вышелъ съ полчаса назадъ, въ отвѣтъ на вашъ свистъ.

Гильда быстро повернула голову, какъ бы желая возразить, но сдержалась и опять принялась за ноты.

— Какъ я могла свистать,—мягко проговорила она,—когда я сидѣла въ это время возлѣ больной м-съ Сендеръ?

Молли была озадачена.

— Можетъ быть, это вы свистали, Сидней? — спросила она.

— Я? нѣтъ; я дремалъ надъ учебникомъ въ своей комнатѣ.

— Онъ просто пошелъ прогуляться и запоздалъ,—успокоительно замѣтила м-съ Керью, снова усаживаясь за работу.

— Но какъ объяснить свистъ? Вы увѣрены, Молли, что слышали его?—спросила Гильда съ торопливостью, необычной для нея. Она подошла къ окну и откинула занавѣсь.

— Да,—отвѣчала Молли съ тревогой.—Да, я слышала, и онъ тоже слышалъ, потому что сейчасъ же вышелъ въ садъ.

Сидней стоялъ въ неловкой позѣ, опираясь плечемъ о каминъ, и разсѣянно слушалъ бесѣду сестеръ. Вдругъ онъ выпрямился и медленно перешелъ комнату. Нѣсколько мгновеній онъ простоялъ позади Гильды неподвижно. Потомъ нѣжно, почти любовно обвилъ рукой ея талію и заставилъ ее выйти изъ комнаты. Онъ былъ далеко не сантиментальный человѣкъ и рѣдко давалъ волю нѣжнымъ чувствамъ, которыя считалъ слабостью. Къ счастью, впрочемъ, и мать, и сестры понимали его натуру, а между нимъ и Гильдой существовала прочная, безмолвная симпатія.

Въ другое время онъ просто сказалъ бы:

— Выдемъ!

Теперь же онъ нѣжно сжалъ ея талію и эта ласка почти испугала Гильду. Онъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать, что раздѣляетъ ея тревогу, которую она такъ старалась скрыть. Съ нѣжностью материнской любви, которая вовсе не такъ слѣпа, какъ обыкновенно думаютъ, м-съ Керью часто говорила про Сиднея, что его натура высказывается тогда, когда этого требуютъ обстоятельства. И она не ошибалась. Его медлительность была отчасти притворной; кажущееся равнодушіе—привычкой сдерживать свои чувства.

Едва Сидней вышелъ изъ комнаты, какъ сталъ другимъ человѣкомъ. Лѣнивая медлительность его движеній исчезла, глаза оживились, голова стала держаться прямо. Онъ быстро направился въ конюшню, безъ помощи грума отыскалъ большой фонарь, зажегъ его и возвратился къ дому. Гильда видѣла изъ окна, какъ онъ прошелъ по тропинкѣ къ пруду; пламя въ фонарѣ колебалось, по лужайкѣ двигались и мелькали огромныя тѣни. Человѣческій разумъ служитъ запаснымъ складомъ всевозможныхъ соображеній, мыслей, отрывочныхъ мнѣній. Какое нибудь незначительное воспоминаніе хранится на днѣ его въ теченіе многихъ лѣтъ, но вдругъ наступаетъ моментъ, и оно выплываетъ наружу, заслоняя собою все окружающее. Такъ случилось и съ Сиднеемъ: идя къ пруду, онъ неотступно

вспоминалъ почему-то одну сказку, слышанную имъ въ дѣтствѣ. Онъ говорилъ себѣ, что Христіанъ—превосходный пловецъ; кромѣ того, онъ зналъ каждую пядь этой тропинки, каждый камень на берегу пруда. Не могъ же онъ утонуть на десяти футахъ глубины, имѣя вблизи ступеньки, и зная такъ хорошо мѣстность — это было бы слишкомъ невѣроятно. Конечно, такія вещи бываютъ, но Христіанъ для этого слишкомъ опытенъ, и никогда не погибнетъ, благодаря собственной беззаботности.

Быстро идя къ пруду, Сидней обдумывалъ все это, и особенно казалось ему непонятнымъ утвержденіе Молли, что она слышала свистъ Гильды. Такъ какъ Гильда положительно отрицала это, то Сидней пришелъ къ заключенію, что Молли ошиблась. Даже въ глубинѣ своей души не хотѣлъ онъ дать мѣста никакому тревожному подозрѣнію. Въ концѣ концовъ, Христіанъ возвратится, объяснитъ очень просто все дѣло и посмѣется надъ ихъ страхами. Многія наши опасенія кончаются такимъ образомъ—это должны всѣ знать. Время тянется мучительно долго для того, кто ждетъ, и съ каждой минутой воображеніе его разыгрывается сильнѣе, между тѣмъ какъ тотъ, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, только посмѣется въ отвѣтъ, или, въ лучшемъ случаѣ, скажетъ ласковое слово.

Сидней остановился надъ водой и направилъ свѣтъ фонаря на зыбкую поверхность. Машинально освѣтилъ онъ весь прудъ и тотчасъ же, безъ всякой предвзятой мысли, обратилъ взглядъ на камни, лежавшіе у его ногъ. Его блуждающій взглядъ былъ привлеченъ отраженнымъ блескомъ камней и онъ наклонился, чтобы узнать причину этого явленія.

Каменная баллюстрада была мокра; въ углубленіяхъ камней стояли лужицы. Кругомъ были замѣтны влажныя пятна. Они были еще свѣжи. Человѣкъ, упавшій въ прудъ, только и могъ разбрызгать воду такимъ образомъ. Другаго объясненія быть не могло. Сидней выпрямился. Опять онъ освѣтилъ фонаремъ блестящую воду, почти боясь увидѣть въ ней кого нибудь. Его губы внезапно сдѣлались сухими и сжатыми; въ горлѣ что-то дрожало. Вдругъ онъ услышалъ шорохъ позади, и еще не успѣлъ оглянуться, какъ Гильда была возлѣ него. Она просунула руку ему подъ локоть и едва замѣтнымъ давленіемъ отвела отъ пруда.

— Вѣдь вы знаете... Сид... онъ могъ плавать въ совершенствѣ,—убѣдительно сказала она.

Онъ не отвѣчалъ, но медленно шелъ рядомъ съ ней, размахивая фонаремъ, какъ школьникъ своимъ ранцемъ. Такимъ образомъ, онъ улучилъ время смочить засохшія губы и получить способность рѣчи. Они вмѣстѣ обошли всю усадьбу, но нигдѣ не было и слѣда Христіана. Гильду охватило горькое сожалѣніе, когда она оперлась на сильную руку своего брата. Она вспомнила, что, съ самаго пріѣзда Христіана, Сидней былъ на заднемъ планѣ, о немъ вспоминали только затѣмъ, чтобы попросить какой нибудь услуги. Христіанъ, конечно, былъ внимателенъ къ нему, но Гильда чувствовала, что это была уже не прежняя дружба. Молодой журналистъ въ своемъ быстромъ прогрессѣ покинулъ далеко за собой своего школьнаго товарища. Ихъ дружеская связь отошла въ прошедшее, а для Христіана прошедшее не составляло большой важности въ сравненіи съ настоящимъ. Она вспомнила, что въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль каждый имѣлъ свою долю удовольствій только объ одномъ Сиднеѣ никто не подумалъ. И онъ никогда ни однимъ словомъ не выказалъ, что замѣчаетъ это невниманіе. Онъ никогда не предполагалъ, что его вкусы и мнѣнія могутъ имѣть для кого нибудь интересъ. А теперь, при первой тревогѣ, она инстинктивно обратилась къ этому же брату за помощью и совѣтомъ, и встрѣтила самое теплое участіе.

— Сидней, — начала Гильда,—говорилъ ли онъ съ вами когда нибудь о своей работѣ?

— Нѣтъ,—медленно отвѣчалъ Сидней,—не говорилъ.

— Его немного тревожили эти безпорядки въ Парижѣ и... и... онъ вамъ никогда ничего не говорилъ о синьорѣ Бруно?

— О синьорѣ Бруно? — повторилъ Сидней изумленно.— Нѣтъ, онъ никогда не произносилъ его имени.

— Онъ не любитъ его...

— Также какъ и я.

— Вы никогда не говорили мнѣ этого, Сидъ!

— Нѣтъ, не говорилъ,—просто отвѣтитъ Сидней.—Къ чему мнѣ было это говорить?

— Христіанъ—нѣжно продолжала Гильда—имѣлъ причину не довѣрять ему. Онъ зналъ что-то о его прошломъ, и недавно сказалъ мнѣ, что его зовутъ вовсе не Бруно. Сегодня

утромъ Христіанъ получилъ письмо отъ Карла Тревеца, котораго, помните, мы знали въ Парижѣ, и тамъ написано, что настоящее имя синьора Бруно—Максъ Тальма, и что слѣдуетъ избѣгать его.

— Это все, что̀ вы знаете? — спросилъ Сидней странно спокойнымъ тономъ.

— Это все, что̀ я знаю. Но меня вдругъ поразила мысль что *это*... что *этотъ* случай можетъ имѣть какую нибудь связь съ синьоромъ Бруно. Я хочу сказать, что какое нибудь политическое соображеніе могло заставить Христіана уѣхать внезапно и притомъ такъ, чтобы синьоръ Бруно не зналъ объ его отъѣздѣ?

Сидней думалъ о водяныхъ брызгахъ на берегу пруда. Успокоительное предположеніе Гильды не могло ничего объяснить. Кромѣ того, онъ все вспоминалъ, что Молли слышала сигнальный свистъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ нерѣшительно, — это весьма возможно.

По привычкѣ и по натурѣ, онъ мыслилъ медленно и Гильда немного забѣжала впередъ, но онъ угадывалъ вѣрнѣе.

— Я убѣждена, Сидней,—продолжала Гильда,—что Христіанъ, до извѣстной степени, считаетъ синьора Бруно причастнымъ къ парижскимъ безпорядкамъ. Только мнѣ кажется очень страннымъ, что старикъ, заживо погребенный въ глухой деревушкѣ, имѣетъ такую власть, что можетъ производить политическіе перевороты.

— Человѣческая власть, въ сущности, безгранична,—медленно произнесъ Сидней, все еще желая выиграть время.

— Да, но онъ казался всегда такимъ наивнымъ и простодушнымъ.

— Вотъ именно это мнѣ и не нравилось въ немъ, — сказалъ Сидней.

— Такъ вы, значитъ, предполагаете, что онъ съ умысломъ обманывалъ насъ всѣхъ?

— Вовсе нѣтъ,—снисходительно отвѣтилъ Сидней.—Вы не должны забывать, что Христіанъ—политикъ. Онъ вовсе не подозрѣваетъ синьора Бруно въ чемъ нибудь преступномъ; его подозрѣнія чисто политическаго свойства; и очень можетъ быть, что поступки синьора Бруно, каковы бы они ни были теперь,

въ будущемъ покажутся геройскими. Политическіе дѣятели безличны, и синьоръ Бруно намъ извѣстенъ только съ соціальной стороны.

Но Гильда не могла взглянуть на вопросъ съ этой точки зрѣнія. Отъ женщины нельзя требовать философскаго безпристрастія.

— Вѣроятно,—проговорила она тотчасъ же,—синьоръ Бруно—политическій интриганъ?

— Я подозрѣваю это.

Они медленно шли по широкой аллеѣ къ дому, отказавшись отъ мысли найти Христіана.

— А какъ вы думаете,—заговорилъ Сидней,—не вышелъ ли онъ въ садъ, чтобы видѣть Бруно или слѣдить за нимъ?

— Я подозрѣваю это.

— Да, это единственное логичное предположеніе, какое только возможно въ данномъ случаѣ,—сказалъ Сидней мрачно и нерѣшительно, все еще думая о забрызганныхъ камняхъ на берегу пруда.

Они вошли въ домъ и сообщили свою догадку м-съ Керью и Молли. Сообщеніе было принято недовѣрчиво, особенно со стороны Молли. Но всѣ какъ бы сговорились играть комедію другъ съ другомъ и *скрывать* свои опасенія.

XIII.

Ночное бдѣніе.

Вся семья Керью засидѣлась въ этотъ вечеръ очень поздно и выказывала необыкновенную веселость. Сидней превзошелъ самого себя. Онъ смѣялся при одной мысли, что съ Христіаномъ могло случиться что нибудь серьезное, и его невозмутимое спокойствіе, казалось, дѣйствовало и на остальныхъ. Одна только Молли, повидимому, не поддавалась. Со своимъ вѣчнымъ шитьемъ въ рукахъ, она сидѣла у лампы и быстро работала. По временамъ, она взглядывала на Гильду, но не произносила ни слова.

Гильда тоже работала медленно и чрезвычайно прилежно. Она была занята артистическимъ произведеніемъ, какого никогда не выходило изъ скромной рабочей корзинки Молли.

Одинъ разъ она даже обратилась къ м-съ Керью за совѣтомъ насчетъ цвѣта шерсти, но ничѣмъ другимъ не выказывала, что избѣгаетъ разговоровъ о Христіанѣ. Во всемъ, что она говорила, слышались беззаботность и веселость. Такимъ образомъ, они прождали до полуночи, мужественно дѣлая видъ, что заняты работой и чтеніемъ, и совершенно игнорируя тревогу, которая была у каждаго на сердцѣ. Наконецъ, м-съ Керью стала уговаривать молодежь идти спать. Она еще будетъ писать письма и просидитъ долго. Если Христіанъ не возвратится ночью, она разбудитъ Сиднея. Въ концѣ концовъ, она лучше всѣхъ играла свою роль, потому что была опытнѣе другихъ по этой части. Молодые люди поцѣловали мать и покинули комнату, увѣряя другъ друга, что завтра утромъ они увидятъ Христіана за столомъ на обычномъ мѣстѣ. Комната Молли была на верху. Съ улыбкой и поклономъ она затворила свою дверь, а Гильда и Сидней медленно направились вдоль длиннаго коридора. Въ концѣ его Сидней остановился и поцѣловалъ сестру. Она повернула ручку двери и простояла нѣсколько мгновеній спиной къ нему, не входя въ комнату, какъ будто ожидая, что онъ заговоритъ. Сидней смущенно глядѣлъ на ея волосы, отражавшіе свѣтъ свѣчи, которую онъ держалъ криво, такъ что стеаринъ падалъ каплями на коверъ.

— Все устроится хорошо, Гильда,—произнесъ онъ наконецъ:—не бойтесь ничего.

— Да, я это знаю, дорогой мой,—отвѣчала она.

И затѣмъ вошла въ комнату, оставивъ дверь не запертой, а Сидней пошелъ далѣе, тяжело ступая скрипучими сапогами. Гильда прошла черезъ комнату и поставила свѣчу на туалетъ. Подождавъ, пока затихли шаги Сиднея, она прямо подошла къ двери и заперла ее. Она окинула комнату страннымъ, безсмысленнымъ взглядомъ, потомъ нетвердыми шагами подошла къ постели и пролежала на ней всю ночь, глядя на колеблющееся пламя свѣчи, которое отражалось въ зеркалѣ, пока утренній свѣтъ не сдѣлалъ этого пламени блѣднымъ и желтымъ. Четыре человѣка провели эту ночь безъ сна, въ ожиданіи. Внизу сидѣла м-съ Керью въ своемъ креслѣ съ прямой спинкой. Она не писала, но передъ нею была опять раскрыта большая черная библія. Молли напрасно силилась уснуть, съ твердой рѣшимостью загасивъ свѣчу. Сидней даже не старался

уснуть. Совершенно одѣтый, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, что было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ. Передъ нимъ лежалъ бланкъ для телеграммы, на которомъ ничего не было написано, кромѣ адреса:

«Ч. Ч. Бодри, редакція «Маяка», Стрэндъ, Лондонъ».

Машинально смотрѣлъ онъ на пустую страницу, которую слѣдовало наполнить буквами, и въ умѣ его неотвязно кружились и мелькали тѣ же мысли, которыя не давали покоя его матери и сестрамъ. Какъ объяснить свистъ, слышанный Молли? Одинъ этотъ необъяснимый фактъ разрушаетъ всѣ утѣшенія и догадки. Каждый смотрѣлъ на вопросъ съ своей точки зрѣнія, но каждому сигнальный свистъ, вызвавшій Христіана въ садъ, казался неподдающимся никакому объясненію.

Еще несовсѣмъ разсвѣло, когда Гильда слабыми шагами подошла къ окну. Она распахнула его, сѣла возлѣ, положила руки на подоконникъ, и, опустивъ на нихъ подбородокъ, безучастно слѣдила за чуднымъ восходомъ солнца. Надъ лучами подымался нѣжный бѣлый туманъ, совершенно скрывавшій море и наполнявшій атмосферу влажной прохладой. На ней было только легкое вечернее платье, и она начинала дрожать отъ холода. Бываютъ минуты, когда физическая боль пріятна. Каждая былинка, каждый листъ блистали влагой; въ тѣни бѣлѣлась паутина,—то висѣвшая отъ дерева къ дереву длинными фестонами, то носившаяся въ воздухѣ. Въ глубинѣ вѣтвей притаились клубы тумана, готовые при первомъ тепломъ лучѣ солнца растаять и улетѣть къ небесамъ.

Робкій скрипъ въ комнатѣ Сиднея привлекъ вниманіе Гильды, но она не тронулась съ мѣста, а только повернула голову и услыхала, какъ Сидней, съ неуклюжей осторожностью прошелъ по коридору мимо ея двери. Инстинктъ подсказалъ ей, что онъ опять идетъ къ пруду. Тотчасъ же онъ прошелъ подъ ея окномъ черезъ росистую лужайку, оставивъ извилистый слѣдъ на травѣ. Воздухъ былъ тихъ и недвиженъ, и она различила звонъ цѣпи, когда Сидней отцѣпилъ старый плотъ, который былъ сдѣланъ для садовника, чтобы чистить прудъ, когда тотъ заросталъ травою. При этомъ рѣзкомъ звукѣ, утренняя тишина казалась еще болѣе глубокой. Всю ночь бушевалъ вѣтеръ, стихнувшій на зарѣ, и отъ земли потянулся влажный туманъ. Снѣдаемая тягостнымъ желаніемъ занять себя чѣмъ ни-

будь, Гильда порывисто отошла отъ окна и взяла съ книжной полки послѣдній романъ геніальнаго писателя. Съ книгой въ рукахъ возвратилась она къ своему низенькому креслу и нѣсколько минутъ безучастно переворачивала листы. Она подняла голову, заслышавъ жаворонка, поющаго утренній гимнъ въ голубомъ небѣ. Потомъ съ рѣшимостью углубилась въ чтеніе.

Она читала, пока ея не пробудилъ звукъ твердыхъ шаговъ Сиднея подъ ея окномъ. Минуту спустя, онъ нѣжно постучалъ въ дверь. Его грубые охотничьи сапоги блестѣли отъ воды, когда онъ вошелъ въ комнату, кожаныя панталоны потемнѣли и намокли. Честное, невозмутимое лицо юноши не выразило никакого удивленія, что Гильда еще въ вечернемъ платьѣ, хотя она видѣла, что Сидней замѣтилъ это. Она поднялась съ кресла и отложила книгу въ сторону, но ничѣмъ не привѣтствовала брата.

— Я все осмотрѣлъ,—спокойно заговорилъ онъ:—при дневномъ свѣтѣ осмотрѣлъ и... и, конечно, не нашелъ ничего.

Она кивнула головой, но ничего не сказала.

— Я обдумывалъ,—продолжалъ онъ нѣсколько застѣнчиво:—какъ лучше поступить. Во-первыхъ, никому не надо разсказывать. Матушка, Молли, вы и я знаемъ тайну и будемъ хранить ее про себя. Мы скажемъ Стэнли, что Христіанъ внезапно уѣхалъ по своимъ дѣламъ, и то же самое объясненіе удовлетворитъ и прислугу, и сосѣдей. Я телеграфирую сегодня же утромъ м-ру Бодри, издателю «Маяка», и буду ожидать его распоряженій. Мнѣ кажется, это все, что мы въ силахъ теперь сдѣлать.

Она стояла возлѣ него, положивъ руку на книгу, лежавшую на столѣ, и, вмѣсто того чтобы взглянуть на брата, спокойно смотрѣла въ окно.

— Да,—прошептала она,—мнѣ кажется, это все, что мы въ силахъ теперь сдѣлать.

Сидней сдѣлалъ робкій и неуклюжій поворотъ, какъ бы готовясь покинуть комнату, но остановился въ нерѣшимости.

— Вы ничего не возражаете?—спросилъ онъ.—Правильно ли я поступаю по вашему мнѣнію?

Она все еще продолжала смотрѣть въ окно—неподвижная, опустивъ руку на книгу Теккерея—«Ярмарка тщеславія».

— Да,—отозвалась она,—все, что вы дѣлаете, кажется мнѣ разумнымъ и честнымъ.

— Такъ вы согласны пойти къ матушкѣ и Молли, и предупредить ихъ, чтобъ они не говорили ничего—ничего такого, что можетъ выказать нашу тревогу?

— Да, я пойду къ нимъ.

Сидней тяжело направился къ двери. Взявшись за ручку, онъ еще разъ остановился.

— Скоро половина восьмаго,—проговорилъ онъ конфиденціально,—и сейчасъ придетъ Мери будить васъ. Не слѣдуетъ, чтобы она видѣла васъ въ этомъ платьѣ.

Гильда обернулась и подняла на него глаза.

— Не бойтесь,—проговорила она, улыбнувшись.—Я сейчасъ переодѣнусь.

XIV.

Неудача.

Когда м-ръ Бодри открылъ въ это утро дверь комнаты втораго этажа въ высокомъ домѣ на Стрэндѣ, онъ нашелъ м-ра Моргана за столомъ, заваленнымъ корректурными листами. Для удобства, м-ръ Морганъ снялъ сюртукъ и засучилъ рукава рубашки. Достопочтенный сотрудникъ «Маяка» былъ въ дѣйствительности очень трудолюбивъ, и не слѣдовало удивляться тому, что онъ не хотѣлъ скрывать отъ постороннихъ взоровъ своего трудолюбія и знаній.

— Добраго утра, Морганъ, — сказалъ издатель, повѣсивъ шляпу на гвоздь.

— Добраго утра,—весело отозвался сотрудникъ, не отрываясь отъ работы. Но еще не успѣлъ м-ръ Бодри сѣсть, какъ его компаньонъ положилъ руку, съ тяжелымъ одобрительнымъ жестомъ, на пахучіе корректурные листы, покрывавшіе столъ, и поднялъ голову.

— Эта статья Веллакота—шедѣвръ,—сказалъ онъ.—Способъ, которымъ онъ выработалъ свой взглядъ — изумителенъ. Его методъ, его отношеніе къ предмету, его мысль все основывать на догадкахъ и предположеніяхъ — великая идея. Въ статьѣ изображено все, какъ оно было съ виду, но между

строкъ каждый ясно можетъ прочесть, какъ подведена была вся штука—ха-ха!

— Да,—разсѣянно отозвался м-ръ Бодри. Онъ просматривалъ груду писемъ, лежавшихъ на его конторкѣ. Среди нихъ было нѣсколько телеграммъ, которыя онъ отложилъ въ сторону, и занялся разборкой писемъ, разглядывая каждый конвертъ и откладывая ихъ обратно нераспечатанными. Наконецъ, онъ опять возвратился къ телеграммамъ и взялъ одну изъ нихъ. Онъ уже готовъ былъ распечатать ее, когда послышался рѣзкій стукъ въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ м-ръ Бодри, и въ ту же минуту дверь безшумно распахнулась. На порогѣ стояла миньятюрная фигурка редакціоннаго мальчика.

— Джентльменъ желаетъ видѣть васъ, сэръ,—провозгласилъ онъ съ величайшей торжественностью.

— Какъ его зовутъ?—спросилъ м-ръ Бодри.

— Не хочетъ сказать своего имени, сэръ; говоритъ, что вы его не знаете, сэръ.

Даже этотъ маленькій конторскій мальчикъ пользовался нѣкоторой самостоятельной властью. Онъ имѣлъ право, по собственному усмотрѣнію, принять неизвѣстнаго посѣтителя, или вѣжливо спровадить его. Своей манерѣ докладывать о комъ нибудь онъ умѣлъ придавать такой оттѣнокъ, что сразу можно было догадаться, надо ли принять посѣтителя, или отказать ему, и когда м-ръ Бодри говорилъ: «Скажите, что я занятъ», мальчуганъ выслушивалъ это съ легкимъ поклономъ, означавшимъ цѣлое море сообразительности.

На этотъ разъ тонъ его говорилъ ясно: «Примите его, примите его, вы не раскаитесь въ этомъ!»

— Пусть войдетъ,—сказалъ м-ръ Бодри.

Безъименный джентльменъ, должно быть, слѣдовалъ по пятамъ за мальчикомъ, потому что не успѣлъ еще м-ръ Бодри произнести своихъ словъ, какъ высокая, мрачная фигура проскользнула въ комнату. Движенія этого джентльмена были такъ безшумны и быстры, что онъ именно проскользнулъ, а не вошелъ. Онъ низко поклонился и потомъ вдругъ выпрямился съ поразительной быстротой. Потомъ остановился, спокойно ожидая, пока дверь была затворена мальчикомъ, который, послѣ внимательнаго изслѣдованія серебряной монеты, зажатой

въ его рукѣ, спустился обычнымъ путемъ съ лѣстницы — верхомъ на перилахъ.

Часто случалось, что незнакомые посѣтители, введенные въ маленькую пріемную, обращались къ м-ру Моргану, принимая его за издателя «Маяка». Но не такъ поступилъ этотъ высокій, гладко выбритый, индивидуумъ. Онъ устремилъ на м-ра Бодри свои странные свѣтло-голубые глаза и, слегка наклонивъ голову, сладостно произнесъ:

— Если не ошибаюсь, сэръ, сегодня день набора въ вашей типографіи?

— Да, сэръ, и мы всѣ очень заняты,—отвѣчалъ издатель не особенно привѣтливо.

— Скажите, не поздно ли теперь вынуть статью изъ набора и замѣнить ее другою?

При этихъ словахъ, м-ръ Морганъ пересталъ дѣлать карандашемъ поправки въ корректурѣ и поднялъ голову. Онъ встрѣтилъ кроткій взглядъ незнакомца и, не спуская съ него глазъ, началъ предусмотрительно свертывать корректурные листы, чтобы ничей любопытный взоръ не проникъ ихъ содержанія.

М-ръ Бодри, между тѣмъ, посмотрѣлъ на свои часы.

— Да, — отвѣчалъ онъ съ вѣжливостью, почти угрожающей.—Еще есть время поступить такъ, если это окажется необходимымъ.

— Какъ чудесно, вѣроятно, организована ваша интересная газета!

Мертвое молчаніе. Каждый собесѣдникъ почувствовалъ бы смущеніе при подобныхъ обстоятельствахъ, но изъ присутствующихъ никто не выказалъ ни малѣйшаго признака этаго чувства. Весьма возможно, что мрачный джентльменъ съ небесно-голубыми глазами, ради личныхъ выгодъ, нарочно старался произвести замѣшательство. Въ такомъ случаѣ, его усилія имѣли самый печальный конецъ. М-ръ Бодри сидѣлъ, положивъ на столъ пухлыя руки и устремивъ созерцательный взглядъ на лицо незнакомца. М-ръ Морганъ чертилъ что-то карандашемъ на дощечкѣ.

— Дѣло въ томъ,—пояснилъ наконецъ незнакомецъ,—что одинъ мой другъ, который, къ несчастію, захворалъ и лежитъ сегодня въ постели... (на лицѣ м-ра Бодри не замѣчалось ни малѣйшаго сочувствія, хотя онъ слушалъ внимательно).—... по-

лучилъ телеграмму отъ джентльмена, который, какъ мнѣ говорили, сотрудничаетъ въ вашемъ журналѣ—отъ м-ра Веллакота. Этотъ джентльменъ желаетъ вынуть изъ печатнаго станка для исправленія статью, которую онъ вамъ прислалъ. Онъ утверждаетъ, что ему необходимо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ статьѣ, и что онъ успѣетъ ее выслать къ выходу слѣдующаго нумера.

Лицо м-ра Бодри было непроницаемо.

— Могу я видѣть телеграмму?—вѣжливо спросилъ онъ.

— Конечно!

Незнакомецъ вынулъ изъ кармана и протянулъ издателю розовый листокъ, испещренный тонкими черными строками.

— Вотъ здѣсь внизу написано, почему м-ръ Веллакотъ не обратился прямо къ вамъ. Онъ просилъ моего друга быть здѣсь сегодня утромъ, пока еще не началось печатаніе; но по причинѣ этой несчастной болѣзни...

— Боюсь, что вы опоздали, сэръ,—съ живостью перебилъ м-ръ Бодри...—Наборъ уже въ печати...

— Мой другъ поручилъ мнѣ,—въ свою очередь, перебилъ незнакомецъ,—сдѣлать вамъ одно, нѣсколько затруднительное, предложеніе. Если тысяча фунтовъ можетъ вознаградить васъ за остановку печатанія и порчу бумаги, я... я имѣю эту сумму при себѣ.

М-ръ Бодри не выразилъ ни малѣйшаго удивленія, а только покачалъ головой съ невозмутимой улыбкой. М-ръ Морганъ, однако, отложилъ въ сторону карандашъ и поставилъ локти на корректуру, лежавшую передъ нимъ.

Тогда незнакомецъ выступилъ впередъ и разомъ измѣнилъ обращеніе.

— М-ръ Бодри,—заговорилъ онъ, понизивъ голосъ,—я готовъ дать вамъ пятьсотъ фунтовъ за корректурную копію статьи м-ра Веллакота.

Наступило мертвое молчаніе, длившееся нѣсколько мгновеній. М-ръ Морганъ поднялъ голову и черезъ столъ бросилъ взглядъ на своего шефа. Издатель отвѣтилъ едва примѣтнымъ движеніемъ бровей по направленію къ двери.

Тогда м-ръ Морганъ съ нѣкоторымъ усиліемъ поднялся съ своего мѣста. Онъ подошелъ къ двери, открылъ ее и, обратившись къ незнакомцу, учтиво произнесъ:

— Сэръ—пожалуйте!

Это любезное приглашеніе было не сразу принято.

— Вы не согласны!—вѣжливо произнесъ незнакомецъ, какъ бы не замѣчая м-ра Моргана.

М-ръ Бодри былъ погруженъ въ разборку писемъ и вскрывалъ каждый пакетъ книжнымъ ножемъ, не вынимая однако писемъ. Онъ поднялъ голову

— Завтра утромъ,—отвѣчалъ онъ,—вы безъ труда получите эту копію за шесть пенсовъ на каждомъ перекресткѣ.

Тогда незнакомецъ медленно прошелъ мимо м-ра Моргана и вышелъ изъ комнаты.

— Чортъ бы побралъ этихъ англичанъ!—ворчалъ онъ, спускаясь по узкой лѣстницѣ.—Еслибы только мнѣ удалось взглянуть на статью, я зналъ бы навѣрное, слѣдуетъ ли перейти къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, или нѣтъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ рѣшить Тальма, а не я.

М-ръ Морганъ закрылъ дверь маленькой пріемной и возвратился на свое мѣсто. Послѣ этого онъ громко расхохотался, но м-ръ Бодри не вторилъ ему.

— Это одинъ изъ святыхъ отцовъ,—замѣтилъ м-ръ Морганъ.

— Да,—отозвался издатель.—Опасная личность. Не люблю я бритыхъ подбородковъ.

— На меня очень мало подѣйствовало его дипломатическое искусство.

— Но не забывайте, что ему пришлось вести очень трудную игру. Его свѣдѣнія, несомнѣнно, были самыя скудныя, а провесть насъ нелегко, Морганъ.

— Да,—согласился м-ръ Морганъ, слегка вздохнувъ. Онъ опять принялся просматривать корректуры, а издатель сталъ читать телеграммы.

— Ну, это немного сильно! — вскричалъ м-ръ Морганъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, нарушаемаго только шелестомъ бумаги.—Слушайте:

«— Изъ этого слѣдуетъ логическій выводъ: начальникъ ордена іезуитовъ—монархистъ, въ худшемъ смыслѣ этого слова. Въ его рукахъ находится приводъ огромной машины, движущейся при легкомъ давленіи и безъ шума. Нѣтъ такого отдаленнаго уголка вселенной, который не покорялся бы его влія-

нію. Нѣтъ такого политическаго кризиса, который не былъ бы ускоренъ или замедленъ могучей силой этого рычага. Таинственно и невидимо продолжаетъ обширный іезуитскій орденъ свою работу. Не намъ, въ нашъ просвѣщенный, исполненный терпимости, вѣкъ, быть слишкомъ строгими судьями. Не намъ говорить, что іезуиты беззастѣнчивы и вѣроломны. Будемъ справедливы и признаемъ за ними то, что они имѣютъ. Они, несомнѣнно, страстно преданы своему дѣлу; они искренни въ своихъ заблужденіяхъ, непоколебимы въ своей вѣрѣ. Но зато мы имѣемъ полное право защищаться и отстаивать свою неприкосновенность. Насъ обвиняютъ, какъ націю, въ томъ, что мы сѣемъ раздоръ, преступленія и кровопролитія въ сердцѣ другой страны. Наше отрицаніе считаютъ недостаточнымъ. Наши доказательства — игнорируютъ. Намъ остается только одинъ способъ самозащиты. Не признавая за собой взводимаго на насъ преступленія (потому что и въ общественномъ, и въ политическомъ смыслѣ это есть преступленіе) мы, въ свою очередь, можемъ превратиться въ обвинителей и указать на тѣхъ, кому преступленіе могло принести наибольшую выгоду: на римско-католическую церковь вообще и на орденъ іезуитовъ въ особенности. Мы уже пытались доказать, что послѣдователи Игнатія Лойолы могли произвести теперешній кризисъ во Франціи; каждому очевидно, какое громадное значеніе имѣетъ для нихъ религіозная реакція».

М-ръ Бодри однако не слушалъ. Онъ сидѣлъ, безсмысленно уставившись глазами на телеграмму, развернутую на столѣ.

— Что это значитъ?—хрипло вскричалъ онъ.

М-ръ Морганъ быстро поднялъ голову. М-ръ Бодри прочелъ:

«Веллакотъ у васъ? Боюсь несчастія. Исчезъ вчера вечеромъ».

М-ръ Морганъ сдѣлалъ слабое движеніе на мѣстѣ, вытянулъ одну руку, задумчиво потеръ гладко выбритый подбородокъ и критически посмотрѣлъ черезъ столъ.

— Отъ кого это?—спросилъ онъ.

— Отъ Сиднея Керью, у котораго онъ гостилъ.

Они сидѣли, такимъ образомъ, нѣсколько минутъ — м-ръ Бодри, продолжая смотрѣть на телеграмму какимъ-то страннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ; м-ръ Морганъ—вытара-

щивъ глаза на м-ра Бодри и задумчивая потирая подбородокъ.

Наконецъ, м-ръ Морганъ всталъ съ мѣста и медленно подошелъ къ окну. Онъ устремилъ взглядъ на крыши, почернѣвшія отъ дыма и на покривившіяся трубы. Его руки были засунуты въ карманы панталонъ. На этомъ мѣстѣ и въ этой позѣ онъ привыкъ обдумывать свои тщательно отдѣланныя еженедѣльныя статьи по вопросамъ «внутренней политики». Онъ еще продолжалъ смотрѣть въ окно, когда издатель позвонилъ въ небольшой гонгъ, помѣщавшійся возлѣ него на столѣ. Безмолвная дверь тотчасъ же отворилась и на порогѣ остановился мальчикъ, ожидая приказаній.

— Путеводитель!

— Слушаю, сэръ, — отвѣчалъ мальчикъ, запирая дверь. Его изобрѣтательный умъ нашелъ новый улучшенный способъ скатываться съ лѣстницы. Надо было лечь на спину, перевѣсивъ по обѣ стороны перилъ балансирующія ноги.

М-ръ Бодри нетерпѣливо перелистывалъ путеводитель, быстро взглянулъ на страницу и, не поворачивая головы, оторвалъ бланкъ для телеграммы, торчавшій изъ сосѣдняго ящика. Онъ написалъ на немъ крупнымъ, яснымъ почеркомъ:

«Буду у васъ въ пять часовъ. Придумайте какое нибудь объясненіе для отсутствія В».

Мальчикъ принялъ телеграмму изъ рукъ издателя съ преувеличенной почтительностью на своемъ лукавомъ лицѣ.

— Идите къ Бенксу—сказалъ м-ръ Бодри—и передайте ему, чтобы онъ черезъ десять минутъ доставилъ мнѣ два экземпляра статьи объ иностранной политикѣ.

Когда дверь затворилась, м-ръ Морганъ повернулся на каблукахъ и въ раздумьѣ посмотрѣлъ на своего патрона.

— Отправляетесь къ этимъ людямъ?—спросилъ онъ, мотнувъ головой по направленію къ западу.

— Да, я поѣду въ четверть двѣнадцатаго.

— Мнѣ пришло въ голову,—продолжалъ м-ръ Морганъ,—что не мѣшаетъ сегодня запереть типографію. Этотъ тихоня съ водянистыми глазами приходилъ сюда недаромъ, если я не ошибаюсь. Я пошлю наверхъ за Бендеромъ, чтобы онъ принялся за продажу сегодня же, вмѣсто завтрашняго дня; мнѣ сдается, что продажа пойдетъ шибко эту недѣлю.

М-ръ Бодри поднялся съ мѣста и началъ разглаживать свою безукоризненную шляпу.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я одобряю вашу мысль.

М-ръ Морганъ сѣлъ за столъ и началъ приводить въ порядокъ разбросанныя бумаги. М-ръ Бодри и его сотрудники имѣли обыкновеніе держать въ редакціи небольшой чемоданъ, наполненный дорожными принадлежностями, на тотъ случай, еслибы кому нибудь изъ нихъ пришлось внезапно ѣхать по важному дѣлу. Они были обязаны этимъ удобствомъ предусмотрительности Христіана. Издатель принялся теперь запихивать въ свой чемоданъ пачку утреннихъ газетъ и ящикъ съ сигарами. Бланки для телеграммъ, перья, чернила, бумага для писемъ—были уже тамъ.

— Знаете что̀, Бодри, — началъ м-ръ Морганъ съ дружеской и степенной фамильярностью, — вы относитесь къ этому дѣлу черезчуръ серьезно. Веллакотъ очень остороженъ, и меня всегда поражало его искусство выходить изъ затрудненій.

— Я имѣю благоразумную привычку бояться людей, которые прикрываютъ религіей свои низкія цѣли. Фанатикъ всегда опасенъ.

— Искренній фанатикъ,—подсказалъ м-ръ Морганъ.

— Совершенно вѣрно; а искренній фанатикъ въ рукахъ агитатора—сущій дьяволъ. Вотъ гдѣ источникъ могущества этихъ людей. Половина ихъ—фанатики, другая—лицемѣры.

М-ръ Бодри окончилъ теперь свои приготовленія и протянулъ м-ру Моргану пухлую руку.

— Надѣюсь,—сказалъ этотъ послѣдній, — что на станціи васъ встрѣтитъ Веллакотъ, ха, ха!

— Можетъ быть.

— Если же,—продолжалъ м-ръ Морганъ, слѣдуя за м-ромъ Бодри до дверей,—если онъ явится сюда, я буду телеграфировать Керью и вамъ.

XV.

Лондонскій экспрессъ приближался къ Брайпортской станціи замедленнымъ ходомъ. М-ръ Бодри сложилъ газеты, снялъ съ полки чемоданъ и приготовился выйти изъ вагона. Путешествіе м-ра Бодри было очень пріятно, не смотря на жгучее солнце и удушливую пыль.

Едва онъ ступилъ на платформу, какъ Сидней Керью былъ уже возлѣ него.

— М-ръ Бодри?

— Именно. А вы, безъ сомнѣнія, м-ръ Керью?

— Да. Благодарю за то, что пріѣхали. Надѣюсь, это не очень затруднило васъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ издатель.—Ну, въ чемъ же дѣло?

— Я вижу, изъ вагона выходитъ джентльменъ, который пріѣхалъ гостить у насъ, — торопливо заговорилъ Сидней.—Я совсѣмъ позабылъ о его существованіи! Пожалуйста, не оглядывайтесь.

М-ръ Бодри не оглядывался. Онъ былъ истый лондонецъ, и не отличался провинціальнымъ любопытствомъ.

— Это весь вашъ багажъ?—спросилъ Сидней.

— Да.

— Такъ пойдемте скорѣй. Пока онъ найдетъ извощика, мы успѣемъ доѣхать.

Они вышли со станціи и взобрались на одноколку. Сидней взялъ возжи.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Какъ нарочно здѣсь ожидаетъ извощикъ.

М-ръ Бодри невозмутимо уложилъ свой чемоданъ въ задокъ одноколки.

— Пусть ѣдетъ на этомъ извощикѣ,—вполголоса сказалъ онъ Сиднею.—Все равно, онъ увидѣлъ васъ, но не знаетъ, что вы видѣли его. Смотрите, онъ указываетъ на васъ начальнику станціи.

М-ръ Бодри удобно расположился въ одноколкѣ и прикрылъ отъ пыли свои жирныя колѣни кожанымъ фартукомъ.

— Теперь, — произнесъ онъ, — разскажите мнѣ все, что знаете про Веллакота.

Сидней исполнилъ его желаніе. Онъ далъ ему полный и точный перечень всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ исчезновенію Христіана Веллакота, ничего не упустивъ изъ виду. Онъ закончилъ тѣмъ, что выразилъ нѣкоторое предположеніе въ довольно неясной формѣ. М-ръ Бодри казался совершенно довольнымъ. Говоря о Веллакотѣ, Сидней невольно обрисовалъ м-съ Керью, Молли, Гильду и самого себя. Разсказывая о томъ, что именно вызвало Веллакота въ садъ, Сид-

ней почувствовалъ тягостное смущеніе. Для м-ра Бодри, конечно, должна была показаться довольно странной привычка его сестеръ вызывать свистомъ въ садъ своихъ знакомыхъ и братьевъ. Вслѣдствіе этого, повѣствованіе Сиднея сдѣлалось къ концу довольно запутаннымъ и неяснымъ. М-ръ Бодри несомнѣнно пришелъ къ своимъ собственнымъ выводамъ, но къ какимъ именно—этого не могъ узнать Сидней, взглядывавшій неоднократно на неподвижное, солидное лицо издателя.

— Очень хорошо. Я долженъ сознаться, что еще несовсѣмъ ясно понимаю дѣло. Веллакотъ писалъ намъ только дѣловыя письма. Завтра выдетъ въ свѣтъ его прекрасная статья, напечатанная въ нашемъ журналѣ. Статья очень рѣзкая и обвинительная. Правительство навѣрно замѣтитъ ее. Моя единственная надежда,—что Веллакотъ теперь въ Парижѣ. Тамъ опять что-то подготовляется. Нашъ парижскій агентъ телеграфировалъ сегодня утромъ Веллакоту. Кстати, м-ръ Керью, нѣтъ ли здѣсь въ окрестностяхъ какого нибудь монастыря?

— Да, есть, вонъ въ той сторонѣ,—отвѣчалъ Сидней, указывая бичемъ.

— Въ статьѣ Веллакота упоминается монастырь — впрочемъ, мимоходомъ. Въ ней есть также замѣчательныя предположенія относительно престарѣлаго иностранца, живущаго въ уединеніи. Можетъ быть, это синьоръ Бруно, о которомъ вы только что упоминали?

— Едва ли. Бруно—самое безобидное въ мірѣ существо,—отвѣчалъ Сидней, натягивая возжи, чтобы повернуть въ ворота.

Для дальнѣйшихъ разспросовъ не было времени. Сидней ввелъ м-ра Бодри въ гостинную. Леди были уже тамъ.

— Моя мать, м-ръ Бодри; моя сестра; моя другая сестра,—смущенно пробормоталъ Сидней, представляя гостя.

М-съ Керью пожала Бодри руку, молодыя дѣвушки поклонились. Онѣ были разочарованы. Бодри казался слишкомъ спокойнымъ и невозмутимымъ, и отъ него сильно пахло сигарами.

— Очень жаль,—заговорилъ издатель съ веселой самоувѣренностью,—что удовольствіемъ этого визита я обязанъ столь печальному обстоятельству.

Молли почувствовала къ нему ненависть.

— Такъ вы не имѣете извѣстій о Христіанѣ? — спросила м-съ Керью.

— Не имѣю,—отвѣчалъ м-ръ Бодри, стаскивая тугія перчатки.—Но еще рано безпокоиться. Веллакотъ отлично съумѣетъ позаботиться о себѣ, и—прежде всего—онъ журналистъ. Въ Парижѣ безпорядки, и весьма возможно, что онъ отправился туда.

М-съ Керью улыбнулась немного недовѣрчиво.

— Довольно неожиданнымъ способомъ,—спокойно замѣтила Гильда.

М-ръ Бодри повернулся и взглянулъ на нее.

«Глава дома»,—подумалъ онъ и произнесъ громко:

— Да!

Онъ сложилъ перчатки и спряталъ ихъ въ боковой карманъ. Присутствующіе молча наблюдали за нимъ.

— Не хотите ли сливокъ?—любезно спросила Гильда, во второй разъ прерывая молчаніе.

— Позвольте. Не слишкомъ много.

— Знаете что?—вдругъ перебилъ Сидней,—виконтъ д'Одьернъ ѣхалъ слѣдомъ за нами. Онъ будетъ здѣсь черезъ пять минутъ.

М-съ Керью кивнула головой. Она не забыла про виконта.

— Виконтъ д'Одьернъ!—съ любопытствомъ повторилъ м-ръ Бодри, повернувъ голову отъ чайнаго стола и держа чашку съ чаемъ въ рукѣ.—Это не тотъ ли господинъ, который ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ со мной?

— Тотъ самый,—отвѣчалъ Сидней.—Вы знаете его?

— По слухамъ.

М-ръ Бодри отвернулся и взялъ тартинку съ тарелки, которую держала Гильда.

Въ этотъ моментъ послышался шумъ колесъ.

— Кстати,—заговорилъ издатель «Маяка», повышая голосъ, чтобы привлечь вниманіе присутствующихъ,—не говорите виконту д'Одьерну про Веллакота. Ему не слѣдуетъ знать, что Веллакотъ былъ здѣсь. И не говорите ему, что я имѣю что нибудь общее съ «Маякомъ».

Леди еще не успѣли составить опредѣленнаго мнѣнія насчетъ м-ра Бодри, какъ дверь распахнулась и служанка доложила о прибытіи м-ра д'Одьерна. Тотъ, кто вошелъ тотчасъ же за докладомъ—почти до неучтивости поспѣшно—былъ средняго роста, съ гордой и смѣлой посадкой головы. Его гладко вы-

бритое лицо напоминало ястреба. Вѣроятно, еще съ порога комнаты онъ успѣлъ разглядѣть каждаго изъ присутствующихъ.

— М-съ Керью,—заговорилъ онъ пріятнымъ голосомъ по англійски, почти безъ акцента,—послѣ столькихъ лѣтъ! какое счастье!

Онъ пожалъ ей руку, обращаясь въ то же время къ остальнымъ.

— И Сидъ,—продолжалъ онъ,—и Молли—злая маленькая Молли. Но не бойтесь—прошлое сокрыто мракомъ забвенія. Я нѣмъ, какъ могила.

Это было несовсѣмъ вѣрно. Правда, онъ былъ также глубокъ или даже еще глубже, чѣмъ вышеупомянутое мѣсто успокоенія, только его методъ заключался не въ одномъ молчаніи.

— И Гильда,—снова продолжалъ онъ,—задумчивая маленькая Гильда, всегда слишкомъ занятая, чтобы капризничать. Не похожа на Молли, правда?

— Праведное небо! Какимъ старымъ начинаешь казаться самому себѣ!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ м-съ Керью.

Она засмѣялась.

— Вы-то ужь, во всякомъ случаѣ, не перемѣнились,—сказала она.—Позвольте васъ представить: м-ръ Бодри—виконтъ д'Одьернъ.

Джентльмены поклонились другъ другу.

— Очень пріятно,—проговорилъ французъ.

М-ръ Бодри снова поклонился и не сказалъ ничего. Молли предложила новому гостю чаю, и общество разбилось на группы. Но личность виконта, нѣкоторымъ образомъ, первенствовала въ комнатѣ. М-ръ Бодри перешелъ къ односложнымъ замѣчаніямъ, и чувствовалъ какую-то тяжесть. Мосье д'Одьернъ умѣлъ, когда ему было нужно, производить на собесѣдниковъ подавляющее впечатлѣніе. Какъ только чай былъ оконченъ, м-съ Керью предложила обществу прогуляться въ саду. Она хотѣла поговорить безъ помѣхи съ м-ромъ Бодри. Гильда взяла себѣ кавалеромъ виконта. Когда-то они считались большими друзьями, и она была не прочь возобновить эти пріятныя отношенія. Она повела гостя въ самый красивый уголокъ сада—на заросшую мохомъ тропинку у пруда.

Когда они вышли изъ тѣнистой аллеи на открытый берегъ,

виконтъ д'Одьернъ внезапно остановился и съ любопытствомъ посмотрѣлъ вокругъ. У него вырвался странный, тихій смѣхъ.

— Hein—hein—c'est drôle,—пробормоталъ онъ, и Гильда вспомнила, что во дни старой дружбы блестящаго, среднихъ лѣтъ, дипломата съ маленькой дѣвочкой, они говорили между собой не иначе, какъ по французски. Она любила слушать, какъ онъ говорилъ на родномъ языкѣ, потому что въ его устахъ это былъ, дѣйствительно, самый благозвучный языкъ на землѣ. Но теперь она не была расположена къ болтовнѣ и задумчиво смотрѣла на него, въ то время какъ его глубокіе глаза блуждали вокругъ. Въ это время какая-то птица—вѣроятно, пустельга—испугала грачей, дремавшихъ на вершинахъ недвижныхъ вязовъ по ту сторону пруда, и они шумно поднялись въ воздухѣ съ протяжнымъ крикомъ.

— Ахъ! А—ахъ!—произнесъ виконтъ, странно улыбаясь.

Гильда вдругъ почувствовала себя смѣлѣе.

— Что такое?—спросила она на языкѣ, на которомъ всегда говорила съ этимъ человѣкомъ.

Онъ пошелъ рядомъ съ ней и нѣсколько времени молчалъ.

— Ничего, я забылъ, гдѣ нахожусь, — сказалъ онъ, наконецъ, въ видѣ поясненія.—Я былъ далеко отсюда. Это неучтиво. Прошу извиненія.

Онъ думалъ ее разсмѣшить, и она въ самомъ дѣлѣ нѣжно разсмѣялась.

— Гдѣ же вы были?—спросила она, глядя на него изъ подъ своихъ золотыхъ рѣсницъ.

Онъ опять помолчалъ.

— Тамъ, въ Морбиганѣ,—заговорилъ онъ наконецъ,—есть старый замокъ, за много миль отъ желѣзной дороги, въ тиши безмятежной провинціи. Есть и прудъ, подобный этому, и старые вязы. Грачи сидятъ на ихъ вершинахъ, и также шумно подымаются на воздухъ, и также кричатъ, и никто не знаетъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это и кого призываютъ. Слышите, дитя мое, они зовутъ кого-то. Кого? Вотъ гдѣ я былъ. Это неучтиво—прошу извиненія, миссъ Керью.

Она опять засмѣялась сочувственно, но безъ веселости; она принуждала себя смѣяться.

Виконтъ, по временамъ, оглядывался черезъ плечо, какъ будто крики грачей тревожили ему нервы.

— Не́ могу сказать, чтобы эти звуки нравились мнѣ теперь,—сказалъ онъ.

Повидимому, онъ уже не былъ расположенъ къ болтливости, какъ вначалѣ. Можетъ быть, грачи произвели въ немъ эту перемѣну. Гильда также была погружена въ свои мысли. Она смотрѣла на воду и сердце ея сжималось, полное воспоминаній о тѣхъ минутахъ, которыя пришлось пережить здѣсь прошлую ночь. Они молча обошли прудъ и вышли на тропинку изъ-подъ вязовъ. Грачи вернулись въ свои гнѣзда, и лишь изрѣдка сварливо перекликались между собой.

— Случалось ли вамъ, дитя мое,—внезапно заговорилъ виконтъ д'Одьернъ,—сомнѣваться въ мудрости Создателя и благости его намѣреній?

— Не думаю,—продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта (ей была памятна эта его манера):—вы женщина и смотрите на вещи иначе.

Дѣвушка не сказала ничего; очень возможно, что она была несогласна съ этимъ заключеніемъ: не всегда, вѣдь, можно угадать дѣвичьи мысли. Они продолжали идти. Вдругъ виконтъ спросилъ:

— Кто это?

Гильда послѣдовала за направленіемъ его взгляда.

— Синьоръ Бруно,—отвѣчала она.—Старый итальянецъ—эмигрантъ. Нашъ другъ.

Бруно приблизился со шляпой въ рукѣ, кланяясь и очаровательно улыбаясь по обыкновенію. Гильда по французски представила мужчинъ другъ другу.

— Я не зналъ,—замѣтилъ синьоръ Бруно, разставляя руки,—что вы говорите по французски, какъ француженка.

Гильда засмѣялась.

— Еслибы я также хорошо говорила по итальянски,—отвѣтила она съ живостью,—я непремѣнно похвасталась бы вамъ.

Въ глазахъ виконта д'Одьерна мелькнула странная улыбка, и онъ тотчасъ же сказалъ:

— M-lle научилась этому языку у меня. Мы — старые друзья.

Синьоръ Бруно поклонился. Онъ казался не особенно довольнымъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ привѣтливо.

— Да, надѣюсь, что она не научилась у меня ничему другому,—беззаботно отвѣтилъ виконтъ.

Гильда повернулась къ нему съ вопросительной улыбкой.

— Почему?

— Потому, малютка,—отвѣчалъ д'Одьернъ,—что ничему хорошему я васъ не могъ бы научить.

Гильда недовѣрчиво засмѣялась и повернула къ дому. Виконтъ послѣдовалъ за ней, а синьоръ Бруно шелъ позади. Когда они вышли на лужайку, гдѣ м-съ Керью прогуливалась съ м-ромъ Бодри, виконтъ уронилъ носовой платокъ. Синьоръ Бруно поднялъ его, и такимъ образомъ явилась остановка на нѣсколько секундъ. Прежде чѣмъ два иностранца догнали Гильду, синьоръ Бруно успѣлъ шепнуть:

— Я долженъ видѣть васъ сегодня... непремѣнно. Я въ большомъ затрудненіи. Пришлось прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ.

— Гдѣ видѣть?—спросилъ виконтъ.

— Въ деревнѣ, послѣ девяти часовъ; желтый коттэджъ у колодца.

— Прекрасно!

И они присоединились къ Гильдѣ Керью.

XVI.

Противники.

Мы способны анализировать только воображаемыя чувства. Когда же наступаетъ дѣйствительность, когда мы переживаемъ реальныя ощущенія—мы только чувствуемъ, но не анализируемъ.

Гильда не разбирала своихъ чувствъ въ тотъ вечеръ, когда пріѣхали м-ръ Бодри и виконтъ д'Одьернъ. Пассивно исполняла она всѣ свои ежедневныя обязанности. Она одѣлась къ обѣду особенно тщательно, за столомъ смѣялась и разговаривала, какъ обыкновенно; но все время чувствовала себя какимъ-то другимъ существомъ, не похожимъ на Гильду Керью. Иногда она съ ужасомъ спрашивала себя, не замѣчаютъ ли и другіе эту перемѣну въ ней, столь очевидную для нея самой. Она улавливала въ своемъ голосѣ ноты, которыхъ прежде не

было—ея смѣхъ казался ей незнакомымъ. И тѣмъ не менѣе она просидѣла весь обѣдъ и весь вечеръ, продолжая все время играть свою роль, никогда ранѣе не учивъ ея и не репетируя,—эту странную роль, которая была до крайности искусственна и въ то же время вполнѣ натуральна, потому что она играла ее безотчетно. И все время она боялась виконта д'Одьерна. М-ръ Бодри былъ для нея безразличенъ. Онъ обѣдалъ съ апетитомъ, былъ веселъ и даже остроуменъ въ своемъ родѣ. М-съ Керью была занята гостями, Молли болтала съ виконтомъ, а Сидней—милый Сидней!—о немъ никто не думалъ. И только одинъ виконтъ, умолкая по временамъ, устремлялъ черезъ столъ на молодую дѣвушку свои глубокіе мрачные глаза, не имѣвшіе игры и блеска, и похожіе на темный бархатъ.

Когда наступило время идти спать, Гильда была рада избавиться отъ этого ласковаго и деликатнаго наблюденія, понятнаго только для нея. Она ушла въ свою комнату и, устало опустившись на кровать, въ первый разъ въ жизни почувствовала себя неспособной думать. Она испытывала невыносимую тяжесть въ мозгу, отчаяніе въ душѣ, и не могла размышлять. Наконецъ, она встала и машинально принялась раздѣваться, двигаясь, какъ лунатикъ. Въ томъ же состояніи летаргіи, она закрыла глаза и уснула.

Между тѣмъ, м-ръ Бодри, Сидней Керью и виконтъ д'Одьернъ курили въ маленькой комнаткѣ, примыкавшей къ прихожей. Ее слабо освѣщала единственная лампа съ краснымъ абажуромъ, висѣвшая съ потолка. Тамъ стояло полдюжины глубокихъ креселъ, диванъ, три небольшихъ столика—и болѣе ничего. Отецъ Сиднея убралъ эту комнату въ восточномъ вкусѣ. Она не была кабинетомъ или библіотекой, а просто курильной. М-ръ Бодри закурилъ превосходную сигару и сквозь тонкій дымъ проницательно взглянулъ на виконта д'Одьерна. Виконтъ не отвѣтилъ на взглядъ; онъ смотрѣлъ на часы. Онъ думалъ о синьорѣ Бруно, но былъ слишкомъ вѣжливъ и дипломатиченъ, чтобы выказать нетерпѣніе.

Наконецъ, м-ръ Бодри первый открылъ огонь скрытой баттареи:—онъ зналъ, что французу ничего неизвѣстно о его близости къ одной изъ руководящихъ политическихъ газетъ. Когда м-ръ Бодри заговорилъ, Сидней Керью откинулся на спинку кресла и сталъ шумно раскуривать свою трубку.

— Во Франціи,—началъ издатель,—теперь, кажется, большое разстройство.

Виконтъ каталъ между пальцами сигаретку, и лишь черезъ нѣсколько мгновеній поднялъ глаза съ серьезной улыбкой.

— Да,—произнесъ онъ,—въ Парижѣ. Но Парижъ еще не Франція. Я думаю, въ Англіи этой разницы не понимаютъ.

— Что же означаютъ эти безпорядки?—спросилъ м-ръ Бодри.

Сидней Керью былъ окутанъ густымъ облакомъ дыма. На мгновеніе—только на мгновеніе—глубокій взглядъ виконта остановился на лицѣ англичанина. М-ръ Бодри, повидимому, безмятежно наслаждался своей сигарой. Улыбка, сіявшая на его жизнерадостномъ лицѣ, была улыбкой сознанія, что онъ необычайно пріятенъ въ обществѣ и что его искусство направлять разговоръ—изумительно.

— Ахъ! — отозвался французъ, съ легкимъ жестомъ смущенія.—Кто можетъ сказать? Вѣроятно, эти безпорядки ничего не означаютъ. Въ дѣйствіяхъ парижской черни весьма часто не бываетъ смысла.

— Многія дѣйствія, не имѣя смысла, приносятъ результатъ...

Опять виконтъ посмотрѣлъ на м-ра Бодри, и опять онъ былъ озадаченъ.

— Вы спрашивали меня только о значеніи,—беззаботно сказалъ онъ.—Я радъ, что вы не интересуетесь результатомъ, потому что тогда я не могъ бы вамъ отвѣтить. Я всегда былъ того мнѣнія, что безполезно утруждать свой мозгъ размышленіями о результатахъ. Такіе вопросы я предоставляю разрѣшать всемогущему Создателю. Онъ будетъ мудръ и справедливъ—я полагаю—и безъ моей помощи.

— Вы философъ,—замѣтилъ м-ръ Бодри съ любезнымъ и дружелюбнымъ смѣхомъ.

— Слава богу—да! Вспомните о моемъ положеніи. Подумайте, каково, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей во Франціи, носить имя, которое встрѣчается на страницахъ даже самаго краткаго учебника исторіи. Необходимо быть философомъ, м-ръ Бодри.

— Но времена могутъ измѣниться, — возразилъ англичанинъ.—Все можетъ устроиться хорошо.

Виконтъ глотнулъ пунша.

— Еслибы эта перемѣна началась тотчасъ же, — заговорилъ онъ,—все же мнѣ не пришлось бы видѣть возстановленія порядка. *Того порядка*, который существовалъ нѣкогда. Въ настоящее время—Франціей управляютъ газетчики.

Сидней спряталъ ноги подъ кресло и закашлялся. М-ръ Бодри выразилъ на лицѣ своемъ участіе.

— Да,—тихо произнесъ онъ,—пожалуй, это справедливо.

— А газетчики, — продолжалъ виконтъ, — что они такое?! Люди безъ воспитанія, безъ положенія, безъ понятія о чести.

М-ръ Бодри зѣвнулъ и бросилъ взглядъ на Сиднея.

Можетъ быть, французъ уловилъ этотъ взглядъ или былъ обманутъ зѣвкомъ, но онъ всталъ и выразилъ желаніе удалиться въ свою комнату. Онъ былъ утомленъ, по его словамъ, проведя всю прошлую ночь въ дорогѣ.

М-ръ Бодри еще не докурилъ свою сигару, и пожалъ руку виконту, не выказывая намѣренія послѣдовать его примѣру. Сидней зажегъ одну изъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ и повелъ гостя на верхъ. Они молча прошли длинный слабо освѣщенный коридоръ, и только когда они вошли въ комнату, предназначенную виконту, этотъ послѣдній заговорилъ:

— Кстати, — сказалъ онъ,—кто такой этотъ м-ръ Бодри? Онъ не былъ другомъ вашего отца?

Сидней зажигалъ свѣчи на туалетномъ столѣ, и его лицо, озаренное двойнымъ свѣтомъ, отражалось въ зеркалѣ съ замѣчательной яркостью. Французъ могъ видѣть съ своего мѣста это отраженіе.

— Онъ другъ моего лучшаго друга; вотъ причина нашего знакомства,—отвѣчалъ Сидней, поправляя фитиль свѣчи. Потомъ онъ обернулся.—Этотъ другъ — Христіанъ Веллакотъ,—произнесъ онъ,—вы знали его отца?

— Ахъ, да; я зналъ его отца.

Сидней неторопливо, но рѣшительно направился къ двери.

— Его отецъ,—продолжалъ виконтъ, задумчиво заводя часы,—обладалъ блестящимъ умомъ. Наслѣдовалъ ли ему сынъ въ этомъ отношеніи?

— Я полагаю такъ. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Когда дверь закрылась, виконтъ посмотрѣлъ на часы. Было почти двѣнадцать.

— Достопочтенный отецъ Тальма подождетъ до завтрашняго утра,—сказалъ онъ про себя.—Я не могу идти къ нему сегодня. Это было бы слишкомъ театрально. Почтенный отецъ устарѣлъ для своей работы.

Между тѣмъ Сидней возвратился въ маленькую курильную комнату. Тамъ онъ нашелъ м-ра Бодри, продолжавшаго курить съ обычной невозмутимостью. Сидней не сказалъ ничего. Онъ налилъ себѣ вйски и откупорилъ бутылку съ содовой водой искусно и безшумно.

— Этотъ человѣкъ,—заговорилъ наконецъ м-ръ Бодри,—ничего не знаетъ про Веллакота.

— Вы думаете?

— Убѣжденъ въ этомъ. Кстати, кто такой этотъ старичокъ, который сидѣлъ за чаемъ передъ обѣдомъ?

— Вы спрашиваете про синьора Бруно?

— Ну, да, про этого черезчуръ простодушнаго старика съ бѣлыми волосами, который носитъ очки изъ оконнаго стекла.

— Развѣ изъ оконнаго стекла?—спросилъ Сидней, засмѣявшись.

— Мнѣ такъ показалось—они совершенно плоски. Кто онъ такой?—я, конечно, спрашиваю не про его имя?

— Онъ итальянскій эмигрантъ—живетъ въ деревнѣ.

М-ръ Бодри вынулъ изъ жилетнаго кармана серебряный карандашъ и сталъ катать его на столѣ. Это былъ несомнѣнный признакъ, что издатель «Маяка» погруженъ въ глубокія размышленія.

— А! и какъ давно онъ здѣсь?

— Всего нѣсколько недѣль.

М-ръ Бодри вдругъ поднялъ голову.

— Это все?—спросилъ онъ, нервно смѣясь.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, мой дорогой сэръ, Веллакотъ правъ. Этотъ старикъ—всему причиной. А виконтъ д'Одьернъ, что вы знаете о немъ?

— Онъ старый другъ моего отца. Въ сущности, другъ нашего семейства. Сестеръ онъ зоветъ просто по имени, какъ вы слышали сегодня.

— Да, я замѣтилъ это. И онъ пріѣхалъ сюда погостить, какъ старый другъ?

— Ну, да. Почему вы это спрашиваете?—отвѣтилъ Сидней, приходя въ замѣшательство.

— Я ничего не знаю о немъ лично, за исключеніемъ того, что̀ вы мнѣ сообщили,—сказалъ м-ръ Бодри.—Что касается меня, онъ мнѣ нравится. Онъ образованъ и уменъ. Кромѣ того, онъ джентльменъ до конца ногтей. Но, съ точки зрѣнія политики, онъ одинъ изъ опаснѣйшихъ людей во Франціи. Онъ—іезуитъ, дѣятельный роялистъ и горячій сторонникъ церкви. Я не особенно свѣдущъ въ дѣлахъ французской политики—это спеціальность Веллакота. Но будь онъ здѣсь и знай, что виконтъ въ Англіи, онъ былъ бы насторожѣ.

— Слѣдовательно, — спросилъ Сидней, — вы думаете, что присутствіе виконта здѣсь имѣетъ связь съ отсутствіемъ Веллакота?

— Да, въ связи, прямой или случайной. Я думаю—случайной, если только виконтъ д'Одьернъ не подлецъ.

— Кто его знаетъ?—замѣтилъ Сидней.

— Я не думаю,—продолжалъ м-ръ Бодри въ легкомъ раздумьѣ,—чтобы виконтъ подозрѣвалъ о существованіи Веллакота. Таково мое мнѣніе.

— Онъ спрашивалъ про васъ—не были ли вы другомъ моего отца.

— И вы сказали.

— Я сказалъ, что вы другъ моего друга и упомянулъ имя Веллакота. Онъ хорошо зналъ его отца.

— Упомянули его имя?—переспросилъ м-ръ Бодри, отбрасывая окурокъ сигары и подымаясь изъ глубокаго кресла.—Смотрѣли вы тогда въ лицо виконту?

— Да.

— И на немъ не выразилось тревоги, не мигнулъ ли онъ глазами, напримѣръ?

— Нѣтъ.

М-ръ Бодри кивнулъ головой съ дѣловымъ видомъ, какъ-бы говоря, что теперь онъ займется обдумываніемъ этого важнаго сообщенія.

— Сегодня можно сдѣлать только одно,—проговорилъ онъ вслѣдъ за этимъ, направляясь къ двери,— лечь въ постель.

Завтра выдетъ «Маякъ» и результатъ будетъ, вѣроятно, поразителенъ; мы услышимъ о немъ завтра же.

Сидней зажегъ м-ру Бодри свѣчу и пожалъ ему руку.

— Кстати,—сказалъ издатель, возвращаясь,—если кто нибудь спроситъ—напр., ваша матушка или сестры—скажите, что я нисколько не тревожусь за Веллакота. Доброй ночи.

XVII.

Отступленіе.

На слѣдующій день, рано утромъ, виконтъ д'Одьернъ вышелъ изъ своей комнаты. Было достойно замѣчанія, что, идя по молчаливому коридору и спускаясь съ лѣстницы, онъ абсолютно не производилъ шума, и притомъ достигалъ этого результата безъ малѣйшихъ усилій. Казалось, природа съ умысломъ надѣлила его безшумной походкой—если только можно заподозрить равнодушную природу въ какомъ нибудь умыслѣ и участіи къ человѣческой судьбѣ. Въ прихожей онъ встрѣтилъ дюжую кухарку.

— Добраго утра!—проговорилъ онъ.—Не можете ли вы сказать мнѣ, въ которомъ часу будетъ завтракъ? Я забылъ спросить вчера.

— Въ девять часовъ, сэръ,—отвѣчала кухарка, немного испуганная мыслью, что этому раннему джентльмену придется голодать еще полтора часа.

— А! теперь еще нѣтъ и восьми. Не безпокойтесь, я пойду въ садъ. Я люблю фрукты передъ завтракомъ.

Онъ взялъ шляпу и направился къ огороду, лежавшему близь пруда.

— А теперь,—сказалъ онъ про себя, оглядываясь по сторонамъ,—чтобы найти дорогу, посмотримъ, гдѣ эта несносная деревня!

Найти дорогу оказалось нетрудно, и когда церковные часы пробили восемь, виконтъ д'Одьернъ отворилъ маленькія зеленыя ворота коттэджа, гдѣ жилъ синьоръ Бруно.

Старый джентльменъ, должно быть, ожидалъ его, потому что отворилъ дверь, прежде чѣмъ виконтъ подошелъ къ ней. Онъ ввелъ гостя въ маленькую комнату, на правой сторонѣ узкаго коридора. Маленькая комната отличалась характерной

обстановкой: китайскія собачки, вязаныя салфеточки, и т. д. И даже чувствовался въ воздухѣ обычный удушливый запахъ, какъ будто окна, закрытыя кисейными занавѣсками и красной геранью, не открывались здѣсь по цѣлымъ годамъ. Синьоръ Бруно затворилъ дверь, все еще не говоря ни слова. Потомъ онъ повернулся къ своему гостю, и въ глазахъ его вспыхнуло что-то очень похоже на ярость.

— Почему вы не пришли вчера вечеромъ?—спросилъ онъ.—Меня покидаютъ одного бороться съ вѣчными затрудненіями. Прочтите!

Онъ выхватилъ изъ кармана тонкій измятый листокъ, на которомъ виднѣлось два столбца печати. Виконтъ д'Одьернъ внимательно прочиталъ листокъ съ начала до конца. Онъ подошелъ къ окну, гдѣ было свѣтлѣе, и, докончивъ чтеніе, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на спокойный деревенскій пейзажъ.

— «Маякъ»,—сказалъ онъ, поворачивая голову,—что это такое?

— Передовой, еженедѣльный журналъ.

— Вышла?

— Сегодня,—отрывисто сказалъ синьоръ Бруно.

Виконтъ д'Одьернъ сдѣлалъ легкую гримасу.

— Кто написалъ это?—спросилъ онъ.

— Христіанъ Веллакотъ, сынъ того Веллакота, котораго вы знали въ старину.

— А!

Что-то въ звукѣ выразительнаго голоса виконта заставило Бруно взглянуть на него рѣзко и пытливо.

— Зачѣмъ вы спросили?

Виконтъ отвѣтилъ другимъ вопросомъ.

— Кто этотъ м-ръ Бодри?

Онъ кивнулъ головой по направленію къ дому Керью.

— Не знаю.

— Мнѣ сказали вчера, что онъ другъ этого Христіана Веллакота—покровитель.

Оба француза молча взглянули другъ на друга. Синьоръ Бруно былъ замѣтно встревоженъ, его губы побѣлѣли и дрожали. На лицѣ другаго мелькала улыбка, и его глаза сверкали изъ-подъ очковъ возбужденіемъ, въ которомъ не было замѣтно страха.

— Не знаете ли вы,—заговорилъ онъ непріятно-ласковымъ тономъ,—гдѣ находится Христіанъ Веллакотъ?

Благодушное лицо синьора Бруно исказила нехорошая улыбка.

— Лучше не спрашивайте объ этомъ,—отвѣчалъ онъ,—если не хотите бѣжать, какъ я.

Виконтъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника съ любопытствомъ.

— Когда-то,—началъ онъ,—вы не имѣли соперника, какъ человѣкъ дѣйствія.

Синьоръ Бруно вздернулъ плечами.

— Я еще остаюсь человѣкомъ дѣйствія.

Виконтъ акуратно сложилъ корректурный листъ, отдалъ его синьору Бруно и сказалъ:

— Тогда,—насколько я понимаю,—этихъ блестящихъ статей не появится болѣе въ печати.

Бруно кивнулъ головой.

— Я ничего не спрашиваю. Такъ будетъ лучше. Я останусь здѣсь на нѣсколько дней, если не будетъ слишкомъ жарко, и я не сочту за лучшее исчезнуть.

— У васъ есть смѣлость.

— Только дерзость, вотъ и все. Приближается буря, газетная буря. Посланники будутъ завалены работой. Въ англійскомъ парламентѣ начнутся пререканія и брань. Журналисты начнутъ ссориться и вызывать на дуэль другъ друга. И все это пронесется, какъ ураганъ. А мы въ это время успѣемъ получить то, чего желаемъ, и скрыть полученное до поры до времени. Ваше преподобіе и я не разъ и прежде встрѣчали затрудненія.

Но синьоръ Бруно не былъ расположенъ сочувствовать подобнымъ оптимистическимъ взглядамъ.

— Я несовсѣмъ увѣренъ,—заговорилъ онъ,—что мы получимъ то, чего желаемъ. Еще неизвѣстно, прибылъ ли послѣдній грузъ обычнымъ путемъ... англійскаго «Стандарта».

— Каковъ былъ послѣдній грузъ?

— Пятьдесятъ тысячъ патроновъ.

— Но они были отправлены?

— Да, они были отправлены обычнымъ путемъ; но, какъ я уже сказалъ, о нихъ ничего не слышно. Очень возможно, что на томъ берегу явилась какая нибудь задержка. Наша полиція не такъ расторопна, какъ эта береговая стража.

— Отлично,—произнесъ аристократъ тѣмъ полунасмѣшливымъ тономъ, который немного раздражалъ и смущалъ его коллегъ.—Не будемъ тревожиться объ этомъ: дѣла, все равно, не поправишь. Подумаемъ лучше о себѣ самихъ. Есть у васъ деньги?

— Есть.

— Теперь восемь часовъ. Эта газета—этотъ пресловутый «Маякъ»—въ настоящую минуту проливаетъ свѣтъ истины въ нѣкоторые темные умы Лондона. Два часа потребуется на то, чтобы эти почтенные интеллекты ассимилировали вновь полученныя свѣдѣнія, и еще часъ — чтобы они перешли къ дѣйствію. Итакъ, вы имѣете въ своемъ распоряженіи еще три часа.

— Я уже все устроилъ, — спокойно отвѣчалъ старикъ. — Въ Эксмутѣ стоитъ маленькое французское судно. Черезъ два часа я буду въ числѣ пассажировъ.

— Это хорошо. А другіе?

— Другіе уѣхали вчера днемъ. Они ѣдутъ теперь съ утреннимъ пароходомъ изъ Сутгэмптона въ Шербургъ. Вы видите, какъ много мнѣ было работы.

— И я вижу также, мой другъ, какъ хорошо вы ее исполнили.

— А теперь, — продолжалъ синьоръ Бруно, не обращая вниманія на комплиментъ,—я долженъ идти. Мы пройдемъ за садомъ, черезъ поля. Не забывайте, что кто нибудь могъ видѣть, какъ вы шли сюда.

— Я думалъ объ этомъ. Мнѣ повстрѣчался какой-то старикъ, но онъ не обратилъ на меня вниманія. Онъ меня не узнаетъ при встрѣчѣ. А ваша хозяйка—гдѣ она?

— Я нарочно услалъ ее съ выдуманнымъ порученіемъ.

Разговаривая, они вышли изъ маленькаго коттэджа черезъ заднюю дверь, и—какъ предложилъ синьоръ Бруно—прошли черезъ садъ и черезъ поля вышли на дорогу. Тутъ они разстались—синьоръ Бруно повернулъ налѣво, а виконтъ д'Одьернъ направо.

— Мы встрѣтимся, я полагаю, въ улицѣ св. Женгольфа?— были послѣднія слова виконта.

— Да—въ улицѣ св. Женгольфа.

Быстрота, съ которой синьоръ Бруно сталъ взбираться на

холмъ, лежавшій передъ нимъ, была изумительна для человѣка его лѣтъ. Виконтъ д'Одьернъ, наоборотъ, выказывалъ необыкновенную медлительность. Онъ взглянулъ на часы и медленно побрелъ черезъ луга, покрытые росой, погрузившись въ задумчивость, непроницаемую, какъ туманъ, окутывавшій цвѣтущія изгороди и поглощавшій щебетаніе хлопотливыхъ пташекъ и ароматъ созрѣвающаго сѣна. Такимъ образомъ, разстались эти два замѣчательныхъ человѣка, и судьбѣ было угодно, чтобы они никогда не встрѣтились опять. Это случается. Бываетъ, что мы встрѣчаемся серьезно, а разстаемся съ улыбкою; можетъ быть, назначаемъ свиданіе, можетъ быть, говоримъ объ удовольствіяхъ встрѣчи, а по волѣ судьбы этой встрѣчи не происходитъ. Часто мы разстаемся съ равнодушнымъ поклономъ, какъ разстались эти два человѣка, лѣтнимъ утромъ, среди идиллическаго покоя англійскихъ луговъ. Они принадлежали къ двумъ различнымъ поколѣніямъ, поскольку бываютъ различны двѣ соціальныя партіи даже въ республикѣ. Они не были друзьями въ какомъ либо смыслѣ этого слова. Они были партнеры, безошибочно понимавшіе цѣли другъ друга.

Виконтъ д'Одьернъ, вѣроятно, не думалъ болѣе о синьорѣ Бруно, послѣ того какъ приподнялъ свою шляпу и повернулъ въ другую сторону. Было очевидно, что его мысли тотчасъ же измѣнили свое направленіе.

— Сынъ Веллакота, — пробормоталъ онъ, вынимая сигаретку изъ дорогаго серебрянаго футляра.—Какъ странно! И, право, мнѣ жаль. Онъ могъ бы кое-чего достигнуть. Эта статья умна—очень умна, чортъ возьми! Ему, должно быть, еще нѣтъ и тридцати лѣтъ. Но отъ сына человѣка, подобнаго Веллакоту, всегда надо было ожидать чего нибудь.

Еще не было девяти часовъ, когда виконтъ вошелъ въ столовую черезъ стеклянную дверь. Тамъ была только Гильда, вынимавшая письма изъ старой почтовой сумки. Среди писемъ было нѣсколько газетъ, и лицо виконта, при взглядѣ на нихъ, слегка измѣнилось. Его тонкія подвижныя губы были плотно сжаты и его подбородокъ—очень короткій—выдвинулся впередъ. Изъ-подъ очковъ, его глаза приняли на мгновеніе тотъ особенный мерцающій видъ, измѣнявшій ихъ цвѣтъ, который нельзя описать по англійски. На языкѣ французовъ его называютъ словомъ *glauque* (сѣро-зеленый).

— Ахъ, Гильда!—произнесъ онъ, медленно приближаясь къ дѣвушкѣ,—неужели я вижу газеты? Я люблю газеты!

Она протянула ему «Таймсъ» въ желтой бандероли, на которой было напечатано имя ея брата и адресъ.

— А!—произнесъ онъ безпечно, — «Таймсъ»—почтенная, хотя немного скучная газета. Это все?

Его глаза были устремлены на два пакета, которые она держала въ рукѣ.

— Это для м-ра Бодри,—отвѣтила она, взглянувъ на него сосредоточеннымъ взглядомъ.

— А какія газеты читаетъ м-ръ Бодри?—спросилъ французъ, протягивая руку.

Она съ минуту колебалась. По отношенію къ ней, онъ не былъ постороннимъ человѣкомъ и съ другой стороны ему еще не приходилось пробовать надъ нею силу воли; но виконтъ д'Одьернъ хорошо зналъ свое могущество.

— Покажите мнѣ, малютка,—спокойно сказалъ онъ ей по французски. Она отдала ему газеты, все еще пристально глядя на него.

— «Маякъ»,—громко прочиталъ онъ на обложкѣ,—«еженедѣльный журналъ».

Онъ бросилъ газеты на столъ и возвратился къ «Таймсу», который сталъ развертывать.

— Скажите мнѣ, Гильда, — началъ онъ, — имѣетъ м-ръ Бодри что нибудь общее съ этимъ еженедѣльнымъ журналомъ—«Маякомъ»?

Гильда стояла къ нему спиной. Она вѣшала ключъ отъ почтовой сумки на гвоздь, возлѣ камина.

— Да,—отвѣчала она, не поворачиваясь.

— Онъ издатель?

— Да.

Виконтъ д'Одьернъ безпечно развернулъ «Таймсъ».

— А!—произнесъ онъ,—опять филоксера.

Нѣкоторое время онъ казался совершенно погруженнымъ въ чтеніе, потомъ снова заговорилъ:

— Мнѣ нѣсколько знакомъ одинъ сотрудникъ этой газеты—«Маяка». Я хорошо зналъ его отца.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Виконтъ посмотрѣлъ на нее.

— Это—Христіанъ Веллакотъ,—сказалъ онъ.

— Мы тоже знаемъ его, — отвѣчала она, направляясь къ звонку. Виконтъ сдѣлалъ движеніе, собираясь ей помочь, но она уже успѣла позвонить.

Когда вошелъ дворецкій, Гильда указала ему какое-то упущеніе въ сервировкѣ стола, и смущенный слуга поспѣшилъ подать требуемую вещь.

Виконтъ д'Одьернъ поднялъ глаза, и лицо его стало серьезно. Онъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательный человѣкъ, и тѣ, кому приходилось близко сталкиваться съ нимъ, знали за нимъ одно особенно замѣчательное качество—рѣдкій и полезный даръ тонкой наблюдательности. Было опасно даже думать подъ наблюдательнымъ взглядомъ виконта. Онъ умѣлъ угадывать мысли при самомъ ихъ зарожденіи. Онъ сталъ теперь серьезенъ—почти грустенъ—потому что узналъ то, чего сама Гильда не подозрѣвала. Онъ понялъ, что она была обручена съ однимъ, а любила другаго.

XVIII.

Покинутое гнѣздо.

Во время завтрака, Сиднею Керью принесли билетъ. Онъ взглянулъ на него, сдѣлалъ знакъ служанкѣ, что она можетъ уходить, и опустилъ билетъ въ карманъ. М-ръ Бодри и виконтъ д'Одьернъ наблюдали за нимъ.

Вслѣдъ за этимъ, онъ всталъ изъ-за стола и вышелъ изъ комнаты. М-съ Керью внезапно оживилась и завтракъ продолжался по прежнему. Вскорѣ Сидней возвратился.

— Хотите имѣть билеты на концертъ въ Брайпортѣ, 4-го числа?—спросилъ онъ у матери.

— А какой это концертъ?

Сидней посмотрѣлъ на билеты.

— «Въ пользу сиротскаго полицейскаго дома», — прочиталъ онъ.

— Мы всегда беремъ шесть билетовъ,—вставила Молли,— и м-съ Керью опустила руку въ карманъ за кошелькомъ.

— М-ръ Бодри, — заговорилъ въ это время Сидней,—вы ничего не ѣдите. Позвольте отрѣзать вамъ немного ветчины.

Онъ направился къ буфету, но м-ръ Бодри всталъ съ мѣста.

— Я лучше отрѣжу самъ,—сказалъ онъ.

Сидней держалъ блюдо. Они стояли близко другъ къ другу, а Гильда въ это время оживленно и весело заговорила съ виконтомъ.

— Лондонская полиція уже здѣсь,—прошепталъ Сидней,—сказать ей про Веллакота?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ м-ръ Бодри послѣ минутнаго размышленія.

— Я отправляюсь съ ними въ Портонское аббатство.

— Хорошо,—отозвался издатель, возвращаясь къ столу съ своей тарелкой.

Сидней снова ушелъ изъ комнаты, и виконтъ д'Одьернъ подмѣтилъ быстрый и тревожный взглядъ, которымъ Гильда проводила брата. Черезъ нѣсколько минутъ, Сидней выѣхалъ изъ дома верхомъ, въ сопровожденіи двухъ всадниковъ, между тѣмъ какъ третій слѣдовалъ позади.

Тотъ, который ѣхалъ по лѣвую руку Сиднея, былъ высокій, сѣдой полицейскій съ воинственной осанкой; второй спутникъ, напротивъ, отличался изящными деликатными манерами. Первый былъ капитанъ Ферлэндъ, окружной полицейскій инспекторъ; второй—самый ловкій изъ лондонскихъ сыщиковъ.

— Конечно,—заговорилъ сыщикъ,—мы явимся слишкомъ поздно, я въ этомъ убѣжденъ.

Онъ говорилъ мягко и немного медленно, какъ человѣкъ, привыкшій пользоваться вниманіемъ слушателей.

— Старый итальянецъ,—продолжалъ онъ,—скрывавшійся подъ именемъ синьора Бруно, бѣжалъ сегодня утромъ. Весьма возможно, что онъ успѣетъ пробраться за границу. Все зависитъ отъ того, кто̀ именно скрывался подъ этимъ именемъ.

— А какъ вы полагаете, кто̀?—спросилъ капитанъ Ферлэндъ, прямодушный, старый британскій солдатъ, чувствовавшій себя несовсѣмъ ловко въ компаніи своего достопочтеннаго собрата.

— Не знаю,—откровенно сказалъ сыщикъ,—видите ли, дѣло это не уголовное, а чисто политическое.

Они ѣхали молча нѣсколько времени; капитанъ Ферлэндъ предложилъ сигары своимъ спутникамъ и самъ закурилъ. Сид-

ней взялъ сигару, а лондонскій сыщикъ отказался, и первый нарушилъ молчаніе.

— М-ръ Керью,—началъ онъ,—не можете ли вы сказать мнѣ, когда впервые учрежденъ этотъ монастырь въ Портонскомъ аббатствѣ?

— Прошлой осенью.

Тонкія, бѣлокурыя брови сыщика поднялись такъ высоко, что скрылись подъ полями шляпы.

— Покупали здѣсь какой нибудь матерьялъ для постройки у мѣстныхъ торговцевъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сидней, — не думаю. Весь матерьялъ доставлялся изъ Лондона по желѣзной дорогѣ.

— Видали вы когда нибудь монаховъ?

— Нѣтъ, никогда.

Изящный лондонскій сыщикъ кивнулъ головой и улыбнулся съ видомъ спокойнаго удовлетворенія. Онъ молчалъ все время, до самаго Портонскаго аббатства. Старинное зданіе глядѣло очень мирнымъ при солнечномъ свѣтѣ, посреди густой и свѣжей зелени, какая обыкновенно окружаетъ старинныя обители.

Звонокъ у дверей былъ мѣдный и ярко горѣлъ на солнцѣ. Лондонскій джентльменъ сошелъ съ лошади и деликатно потянулъ ручку звонка. Въ отвѣтъ раздался слабый звонъ. Онъ прозвучалъ странно, какъ въ пустомъ домѣ. Подождавъ съ минуту, сыщикъ началъ звонить такъ, что чуть не оборвалъ проволоку, но безъ всякаго результата. Онъ посмотрѣлъ черезъ плечо на капитана Ферлэнда.

— Ушли!—произнесъ онъ мягко.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана какой-то небольшой инструментъ, просунулъ его въ замочную скважину, нажалъ, и дверь распахнулась.

Ни минуты не колеблясь, сыщикъ вошелъ, сопровождаемый Сиднеемъ и капитаномъ Ферлэндомъ.

Птицы улетѣли. Братія исчезла также таинственно, какъ и появилась. Передъ глазами вошедшихъ были только голыя стѣны. Послѣ краткаго оживленія, Портонское аббатство вновь опустѣло, и даже казалось, что оно и не было обитаемымъ. Лондонскій джентльменъ съ улыбкой записалъ въ карманную книжку результатъ своего осмотра. Инстинктивно онъ снялъ шляпу при входѣ.

— Канальи!—воскликнулъ онъ,—они все время были настороже.

Капитанъ Ферлэндъ указалъ на алтарь своимъ тяжелымъ хлыстомъ.

— Слѣдовательно,—сказалъ онъ,—вы думаете, что и это тоже обманъ?

— Да. Они были такіе же монахи, какъ и мы съ вами.

Осмотръ продолжался недолго. Только нѣсколько комнатъ были обитаемы, и въ нихъ не было оставлено абсолютно ничего—никакихъ слѣдовъ, никакихъ уликъ.

— Да,—проговорилъ сыщикъ по окончаніи осмотра,—здѣсь жили опытные люди; они хорошо знали свое дѣло.

У воротъ они встрѣтили маленькаго, безобиднаго человѣка съ темной бородой и палкой въ рукахъ. Въ немъ не было ничего замѣчательнаго, и безъ этой бороды или палки трудно было бы узнать его при встрѣчѣ.

— Мой помощникъ, — спокойно заявилъ лондонскій сыщикъ.—Онъ осматривалъ утесъ.

Оба сыщика отошли въ сторону и нѣсколько времени разговаривали тихо. Затѣмъ главный сыщикъ опять подошелъ къ капитану Ферлэнду и Сиднею.

— Эта газета,—началъ онъ,—этотъ «Маякъ» былъ совершенно правъ, отъ слова до слова. Мой помощникъ осмотрѣлъ мѣсто. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ружья и аммуниція переправлялись именно оттуда. Ящики съ патронами, на половину спущенные съ утеса, о которыхъ говорится въ статьѣ подъ видомъ фантастическаго сна, дѣйствительно стоятъ тамъ; мой помощникъ видѣлъ ихъ.

Капитанъ Ферлэндъ почесалъ свою честную солдатскую голову. Онъ начиналъ сожалѣть, что принялъ должность окружнаго полицейскаго инспектора. Сидней Керью молча курилъ свою трубку.

— Безъ сомнѣнія,—продолжалъ сыщикъ,—авторъ статьи получилъ эти свѣдѣнія отъ какого нибудь измѣнника. Хотѣлъ бы я узнать этого измѣнника. Онъ могъ бы принести пользу.

Этими словами лондонскій джентльменъ выказалъ, что онъ очень мало знаетъ іезуитовъ: среди нихъ нѣтъ измѣнниковъ. Сидней и капитанъ Ферлэндъ поѣхали назадъ вмѣстѣ, а сыщики отправились на Брайпортскую станцію.

И Сидней, и капитанъ молчали; первый былъ сильно встревоженъ, второй—озадаченъ.

Сидней начиналъ догадываться, что происшествія послѣднихъ трехъ дней имѣли гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ можно было предполагать. Сдѣлавшаяся уже знаменитой, статья «Маяка» раскрыла ему глаза, и онъ понялъ, что человѣкъ, написавшій ее, дорого заплатитъ за свою смѣлость. Тотъ фактъ, что Веллакотъ столько времени не подавалъ и признаковъ жизни, доказывалъ, что его исчезновеніе было насильственнымъ; а люди, способные дать оружіе въ руки обезумѣвшей черни, конечно, не задумаются пожертвовать жизнью человѣка, ставшаго имъ поперекъ дороги. Когда молодой человѣкъ ѣхалъ, погруженный въ эти размышленія, онъ услышалъ шумъ колесъ и, поднявъ голову, увидѣлъ свою сѣрую лошадь и одноколку. Въ одноколкѣ мчался м-ръ Бодри. При видѣ Сиднея, онъ молодецки натянулъ возжи, доказывая этимъ, что онъ не всегда бываетъ солиднымъ, среднихъ лѣтъ джентльменомъ.

— Получилъ телеграмму изъ редакціи!—крикнулъ онъ. — Правительство обратило вниманіе на статью. Надо спѣшить на поѣздъ.

И м-ръ Бодри исчезъ въ облакѣ пыли. Такимъ образомъ, поле битвы осталось въ распоряженіи виконта д'Одьерна.

XIX.

Западня.

Когда Христіанъ Веллакотъ вышелъ въ садъ изъ гостинной, въ отвѣтъ на сигнальный свистъ, — какъ онъ думалъ, Гильды или Сиднея,—онъ повернулъ на узкую тропинку, ведущую къ пруду. Внезапный переходъ отъ теплаго свѣта гостинной къ совершенной темнотѣ заставилъ его идти медленно, протянувъ впередъ руки, и наугадъ отыскивать дорогу. Паутина цѣплялась за его лицо и онъ часто останавливался, чтобы смахнуть ея липкія нити. Глубокая темнота нѣсколько порѣдѣла, когда онъ достигъ пруда, и надъ головой вмѣсто темныхъ вѣтвей онъ увидѣлъ ясное небо. Онъ могъ различить, что Гильды не было на ея обычномъ мѣстѣ, на дерновой скамьѣ у самаго пруда, и вдругъ остановился на мѣстѣ, исполненный какого-то неяснаго предчувствія.

Онъ былъ уже готовъ тихонько засвистать обычный мотивъ, когда въ кустахъ, позади него, раздался шорохъ. Шорохъ, внезапный ударъ—и пара мускулистыхъ рукъ сдавила ему горло, силясь оттащить назадъ. Но Христіанъ остался недвиженъ, какъ скала. Быстрѣе мысли схватилъ онъ обѣ руки, маленькія и плоскія, и отвелъ ихъ въ обѣ стороны. Потомъ сдѣлалъ шагъ назадъ, не выпуская рукъ своего врага, приподнялъ его съ земли, покрутилъ въ воздухѣ и съ размаха бросилъ въ прудъ, лелѣя сладкую надежду, что, можетъ быть, это синьоръ Бруно. Человѣкъ мелькнулъ въ темнотѣ безъ крика, безъ звука, и съ шумомъ и брызгами погрузился въ воду, въ пяти ярдахъ отъ берега.

Христіанъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ гибкость замѣняетъ настоящую мускульную силу. Христіанъ сдѣлалъ громадное усиліе, чтобы приподнять своего врага, хотя этотъ послѣдній и не былъ особенно тяжелъ, и затѣмъ швырнуть его въ прудъ. Шатаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, но не потерялъ равновѣсія. Въ этотъ моментъ, на него кинулись сзади два человѣка и повалили на землю. Онъ сразу почувствовалъ, что теперь дѣло плохо. Каждый изъ этихъ людей, въ отдѣльности, могъ побороть его. Ихъ жилистыя руки обвивали его, словно кольца удава; отъ грубой шерстяной одежды этихъ людей слышался легкій запахъ соленой воды. Онъ догадался, что это были матросы. Чувствуя себя побѣжденнымъ, онъ все еще боролся, какъ истый англичанинъ, до послѣдней минуты. Одинъ изъ людей обмоталъ ему ротъ большимъ шерстянымъ шарфомъ, другой неторопливо, но крѣпко связывалъ ему руки. Потомъ подошелъ третій, и Христіанъ догадался по мокрой рукѣ (потому что этотъ третій дѣйствовалъ теперь только одной рукой), что это тотъ, который сейчасъ пострадалъ за свою дерзость, и что онъ самый маленькій изъ троихъ.

— Скорѣй, скорѣй!—прошепталъ этотъ человѣкъ по французски. Своей нераненой рукой онъ все туже и туже стягивалъ шарфъ, пока, наконецъ, Христіанъ не началъ задыхаться.

Англичанинъ все еще сопротивлялся, и тяжелое дыханіе матросовъ доказывало, что съ нимъ не легко было справиться. Вдругъ однорукій человѣкъ ослабилъ шарфъ, и прежде чѣмъ Христіанъ успѣлъ перевести дыханіе, къ его губамъ былъ при-

жатъ платокъ и пріятный, острый ароматъ наполнилъ ему ноздри.

— Трое на одного!—прошепталъ онъ и потерялъ сознаніе.

— Онъ—храбрый человѣкъ,—сказалъ однорукій, выпрямляясь и съ задумчивымъ видомъ потрогивая свое вывихнутое плечо.—Теперь, скорѣе несите его въ карету. Вы плохо исполняли свое дѣло, друзья мои.

— Но, monsieur,—пробурчали матросы въ свою защиту,—этотъ человѣкъ сдѣланъ изъ стали!

. . . . . .

Блѣдный свѣтъ сѣраго утра медленно крался по небу, озаряя облака, несущіяся къ востоку на крыльяхъ шумнаго вѣтра. Туманное сѣдое море надувалось, зыблилось, со свистомъ бросало къ верху брызги, которыя падали обратно и катились по волнамъ, какъ пѣна изъ переполненнаго бокала. Дождливая, вѣтряная ночь превратилась на разсвѣтѣ въ бурю.

Съ трудомъ подвигалось впередъ, обдаваемое брызгами и пѣной, судно. Зеленая вода перекатывалась съ одного борта къ другому по скользкой, грязной палубѣ, увлекая въ своемъ движеніи кучу веревокъ, деревянное ведро и намокшую мѣховую шапку. Когда ялботъ наклонялся, огромный багоръ страшно раскачивался изъ стороны въ сторону. Стоять теперь на мокрой палубѣ—было вѣрной смертью. Рулевой, скорчившись у своего румпеля, старался изо всѣхъ силъ выдержать напоръ волны. Три человѣка, спрятавшись подъ навѣсъ отъ дождя, тщетно пытались укрѣпить багоръ и распутать веревки. Двое изъ нихъ были рослые рыжебородые матросы; третій — Христіанъ Веллакотъ, промокшій до костей. Вода струилась по его лицу и текла съ манжетъ рубашки. Намокшее платье плотно прилипло къ его тѣлу и шолковые носки пропитались морской водой. Христіанъ, повидимому, не думалъ о своемъ трагикомическомъ положеніи. Терпѣливо и настойчиво помогалъ онъ своимъ товарищамъ, и подъ его сильными и твердыми руками на суднѣ возстановлялся понемногу порядокъ.

Далѣе, на рѣшеткѣ люка, виднѣлось тѣло огромнаго человѣка. Его мертвое, потемнѣвшее лицо было обращено къ небу, и при каждомъ толчкѣ ялбота обнаженная голова покачивалась изъ стороны въ сторону. Складки толстаго блѣдно-краснаго

шарфа лежали на его широкой груди, нарочно сдвинутыя пониже, чтобы лучше было видно лицо покойника.

Возлѣ умершаго виднѣлась колѣнопреклоненная небольшая и хилая фигурка человѣка въ черной одеждѣ, съ подвязанной рукой. Правой, свободной рукой онъ прижималъ распятіе къ посинѣвшимъ губамъ, которыя уже никогда болѣе не прошепчутъ молитву пречистой Дѣвѣ. Изящныя черты и кроткое лицо колѣнопреклоненнаго человѣка составляли рѣзкій контрастъ съ окружающимъ. Но онъ продолжалъ громко молиться, не обращая вниманія на вѣтеръ и непогоду. Его женственные голубые глаза были полузакрыты въ религіозномъ экстазѣ; блѣдное, узкое лицо озарялось внутреннимъ свѣтомъ. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который, не задумываясь, бросился на Веллакота въ темнотѣ и дерзнулъ противопоставить свою маленькую, нервную силу мускуламъ рослаго молодаго англичанина. Насиліе, само по себѣ, было для него ненавистно; оно шло въ разрѣзъ съ его натурой; и лишь казуистика послѣдователей Игнатія Лойолы могла принудить его къ подобному поступку. Непріятную обязанность удаленія Веллакота со сцены тотчасъ же возложили на него, чтобы дать ему случай подчинить сердце разуму. Настоящій іезуитъ не имѣетъ своего *я*, своей индивидуальности: онъ просто машина; его симпатіи и антипатіи, его совѣсть, его душа—все находится въ распоряженіи старшаго по духовному рангу лица, которое, въ свою очередь, тоже подвластно старшему, и такъ до безконечности. И хорошо еще, еслибы эта іерархія завершалась Богомъ, но и во главѣ ея сидитъ тоже человѣкъ и, слѣдовательно, все іезуитское общество есть одинъ чудовищный обманъ.

Ренэ Дрюкеръ—человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ возлѣ усопшаго—былъ настолько религіозный фанатикъ, насколько допускала его нѣжная, мягкая натура. Его религіозный фанатизмъ перешелъ въ необычайно глубокое чувство долга и покорности. Когда онъ бросился на Веллакота, мысль о собственной безопасности ни на минуту не смутила его. Онъ пошелъ бы въ самый адъ, еслибы долгъ повелѣвалъ это. Между тѣмъ Христіанъ Веллакотъ, помогая матросамъ, взглядывалъ иногда на колѣнопреклоненнаго пріеста и читалъ на его узкомъ интеллигентномъ лицѣ выраженіе теплой неизсякаемой вѣры. Случаю угодно было, чтобы Христіанъ, вывихнувъ плечо аббату, сдѣ-

лался затѣмъ его хирургомъ, а матросъ, лежавшій теперь мертвымъ, помогалъ ему въ этомъ. Покойный былъ «патрономъ» ялбота, и багромъ, по несчастной случайности, ему размозжило голову. Это онъ держалъ трепещущее, распухшее плечо аббата, между тѣмъ какъ Христіанъ твердыми руками вправлялъ на мѣсто плечевой суставъ. Толстыя губы «патрона» дрожали тогда отъ жалости къ чужому страданію, а теперь онѣ посинѣли и вытянулись; сильныя руки, такъ нѣжно державшія больное плечо, были холодны и неподвижны.

Аббатъ продолжалъ молиться, а матросы по прежнему работали, стараясь исправить разрушенія, произведенныя бурей и вѣтромъ, и водворить порядокъ. Они успѣли побѣдить свою природную неуклюжую застѣнчивость, увидавъ, что Христіанъ говорилъ по французски не хуже аббата и былъ такимъ же добрымъ морякомъ, какъ они сами. Одинъ предложилъ ему грубое синее джерси, другой,—колеблясь между состраданіемъ и бережливостью,—праздничный жилетъ, расшитый золотомъ. Джерси было принято, а жилетъ возвращенъ съ ласковымъ смѣхомъ и увѣреніемъ, что довольно и одной куртки.

Веллакотъ слишкомъ хорошо понималъ суть дѣла, чтобы чувствовать какое нибудь неудовольствіе противъ двухъ матросовъ или даже Ренэ Дрюкера, поступившихъ съ нимъ такъ предательски и грубо. Первые были бѣдными, неразвитыми людьми, а второй дѣйствовалъ подъ давленіемъ, исполнялъ приказаніе, котораго не смѣлъ ослушаться.

Наконецъ, палуба была очищена и порядокъ возстановленъ.

Тогда матросъ Грель подошелъ къ Веллакоту и сказалъ:

— Monsieur, позвольте намъ перенести «патрона» внизъ. Нехорошо покойнику лежать на вѣтрѣ и дождѣ.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ Веллакотъ, бросая взглядъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ «патронъ».

— Тогда, можетъ быть... monsieur...—нерѣшительно пробормоталъ бретонецъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Христіанъ ободрительнымъ тономъ.

— Можетъ быть, monsieur скажетъ аббату. Намъ, видите ли, неловко безпокоить его за молитвой.

Веллакотъ кивнулъ головой съ рѣшительнымъ видомъ.

— Хорошо, я скажу,—проговорилъ онъ серьезно. Потомъ съ усиліемъ пробрался черезъ мокрую палубу и тронулъ за плечо Ренэ Дрюкера. Аббатъ не поднялъ головы, и Христіанъ во второй разъ прикоснулся къ его плечу.

— Да,—прошепталъ аббатъ,—да! Что вамъ нужно?

Христіанъ скорѣе понялъ, чѣмъ разслышалъ его вопросъ—шумъ вѣтра заглушалъ слова.

— Не перенести ли его внизъ?—крикнулъ Христіанъ.

Повидимому, аббатъ только теперь понялъ, что съ нимъ говоритъ не матросъ.

— Прошу извиненія,—сказалъ онъ, подымаясь съ колѣнъ.—Вы правы. Но только боюсь, что матросы не захотятъ помочь мнѣ. Они считаютъ дурной примѣтой прикасаться къ мертвецу на морѣ.

— Я помогу вамъ,—просто сказалъ Христіанъ,—а также и матросъ Грель, потому что онъ самъ предложилъ это.

Движеніемъ головы онъ подозвалъ Греля, на котораго теперь было возложено управленіе маленькимъ судномъ. Этотъ матросъ былъ развитѣе своихъ товарищей и свободно говорилъ по французски, хотя съ бретонскимъ акцентомъ. Аббатъ посмотрѣлъ въ лицо англичанину, и въ глазахъ его выразилось мягкое удивленіе. Они впервые видѣли другъ друга, лицомъ къ лицу, при дневномъ свѣтѣ, и глаза ихъ встрѣтились спокойно и проницательно. Англичанинъ заговорилъ первый.

— Предоставьте это намъ, — произнесъ онъ спокойно. — Что вы можете сдѣлать въ такую погоду и съ одной рукой!

Мягкіе голубые глаза опять выразили удивленіе, и тотчасъ же лицо священника озарила слабая улыбка, не тронувшая его тонкихъ розовыхъ губъ.

— Вы очень добры,—прошепталъ онъ просто.

Христіанъ не разслышалъ этого замѣчанія. Онъ повернулся, чтобы подозвать Греля, и хотѣлъ подойти къ умершему, когда аббатъ позвалъ его:

— Monsieur!

— Что угодно?

— Скажите мнѣ,—заговорилъ аббатъ поспѣшно и нерѣшительно:—вы, дѣйствительно, Христіанъ Веллакотъ?

— Разумѣется!

Аббатъ вздохнулъ съ облегченіемъ, и въ то же время за-

мѣтно старался сдержать себя, какъ будто находя, что высказалъ болѣе чувства, чѣмъ это было желательно. Когда же, наконецъ, онъ заговорилъ, чувствуя необходимость объяснить свой странный вопросъ, его голосъ былъ необычайно холоденъ и лишенъ всякаго выраженія, а глаза опущены на палубу.

— Вы не такой, какъ я ожидалъ,—сказалъ онъ.

Христіанъ проницательно взглянулъ на него и замѣтилъ, какъ рѣсницы аббата задрожали подъ его взглядомъ. Онъ понялъ, что Ренэ Дрюкеръ ожидалъ найти въ немъ вспыльчиваго, упрямаго человѣка, и не могъ сдержать улыбки. Собираясь уходить, онъ сказалъ:

— Теперь надо думать только о томъ, чтобы спасти яллботъ и нашу жизнь. Мои личныя дѣла могутъ подождать, но когда утихнетъ буря, можете быть увѣрены, что я займусь ими внимательно.

(Окончаніе будетъ).

БЕЗДОМОВЬЕ.

Повѣсть.

«Дѣти—зеркало семьи».

I.

Въ дождливый, холодный вечеръ гнилой петербургской осени, въ концѣ октября, небольшая, пестрая толпа ожидала на платформѣ варшавскаго вокзала прибытія шестичасоваго заграничнаго поѣзда.

Публика эта ничуть не напоминала собой того элегантнаго бомонда, который въ болѣе раннюю пору собирается здѣсь встрѣчать родныхъ и знакомыхъ, принадлежащихъ большею частью къ средѣ высшаго петербургскаго чиновничества и возвращающихся изъ лѣтнихъ отпусковъ, проведенныхъ въ «dolce far niente» на водахъ, въ горахъ или на берегу какой нибудь живописной «plage» западной Европы.

Собравшаяся же теперь разношерстная, невзрачная толпа видимо принадлежала къ тому слою столичнаго населенія, въ воображеніи котораго варшавская желѣзная дорога никакихъ поэтическихъ образовъ, въ родѣ «радужныхъ горъ, глядящихся въ лазурныя озера», вызвать не въ состояніи, и для котораго самый Петербургъ, если и представляетъ изъ себя «окно, прорубленное въ Европу», то развѣ только, какъ окно съ выбитыми стеклами, пропускающее одну вьюгу да стужу... Безжизненная, точно окаменѣлая, стояла эта толпа въ тяжеломъ и покорномъ молчаніи, повернувшись въ сторону непривѣтливаго мрака, выглядывавшаго сквозь широкую арку вокзала, и ничего, кромѣ вѣтра и дождя, холода и ненастья, казалось, никогда не выступитъ изъ этой сырой безразсвѣтной тьмы...

Но вотъ вдали послышался сигнальный рожокъ и надъ самыми рельсами засіяли два свѣтлыхъ фонаря приближавшагося

локомотива. Поѣздъ, залитый дождемъ, тяжело двигаясь, послѣднимъ умирающимъ усиліемъ медленно подкатилъ и выровнялся вдоль узкой и длинной платформы. Пріѣхавшіе, нагруженные ручнымъ багажемъ, съ трудомъ протискиваясь сквозь узкія дверцы вагоновъ, высыпали наружу и гуртомъ повалили къ выходу, мимо пріосанившагося дежурнаго жандарма. Въ это время, изъ купэ перваго класса вышелъ молодой мужчина, лѣтъ 30 на видъ, одѣтый въ англійское длинное пальто съ пелеринкой и въ дорожномъ двухстороннемъ картузѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ изящный саквояжъ изъ желтой кожи, въ другой—обвязанный ремнями, мохнатый пледъ, съ продѣтыми насквозь зонтикомъ и тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ. Вся фигура путешественника носила отпечатокъ чего-то заграничнаго. Короткія, подбритыя снизу, баки и небольшіе, темные усы оттѣняли правильныя черты выразительнаго лица, а въ карихъ ласковыхъ глазахъ, почти женственной красоты, просвѣчивала серьезная, нѣсколько грустная, задумчивость.

Очутившись на платформѣ, онъ съ любопытствомъ оглядѣлся кругомъ, съ видомъ человѣка, припоминающаго когда-то знакомую обстановку. Скажемъ сейчасъ же, что это былъ русскій и звали его Петромъ Николаевичемъ Невинымъ. Послѣ почти трехлѣтняго пребыванія за границей, онъ теперь прямо изъ Лондона возвращался въ Россію, впрочемъ, на короткое время. Передавъ носильщику квитанцію на полученіе багажа, самъ онъ направился къ выходу, торопясь выйти изъ сѣней, оглашаемыхъ возгласами отельныхъ швейцаровъ, выкликавшихъ, на раздирающемъ ухо языкѣ, иностранныя названія петербургскихъ гостинницъ. Выбравшись на воздухъ, Петръ Николаевичъ остановился на мокрыхъ ступеняхъ подъѣзда.

Недружелюбно встрѣчала его родина! Холодный, порывистый вѣтеръ, казалось, набѣгалъ сразу съ четырехъ сторонъ. Впереди разстилалась обширная площадь со свѣтившимися на ней лужами, а сверху чернильное небо точно спускалось на землю и собиралось придавить это болото... Съ нетерпѣньемъ отстраняясь отъ назойливыхъ услугъ окружившихъ его, промокшихъ до костей извощиковъ, онъ поспѣшилъ сѣсть въ первую, подъѣхавшую къ нему, карету. Дождавшись своего сундука, Невинъ приказалъ кучеру ѣхать на Большую Морскую въ «Hôtel de France».

Неуклюжая карета, запряженная парой чахлыхъ лошадей, наконецъ двинулась, раскачиваясь по ухабамъ булыжной мостовой, а сидѣвшій въ ней, откинувшись въ темный уголъ, впалъ въ тяжелое раздумье, подъ звукъ дождевыхъ капель, крупной дробью стучавшихъ по дребезжащимъ оконнымъ стекламъ. И чѣмъ далѣе уносила его карета по скучнымъ, пустыннымъ улицамъ Петербурга, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ. Передъ нимъ возстала его первая молодость, прошедшая въ холодномъ отчужденіи, въ безсмысленномъ топтаніи на мѣстѣ, въ благородныхъ и безполезныхъ порывахъ, въ горькомъ обманѣ всѣхъ лучшихъ требованій сердца... Сложно-мучительное чувство, давно забытое, опять, какъ безобразный кошмаръ, овладѣло всѣмъ его существомъ. Охваченный горькими воспоминаніями, Петръ Николаевичъ закрылъ лицо руками...

Познакомимъ съ нимъ ближе читателя, покуда онъ пробирается къ цѣли своего трескаго путешествія.

II.

Петръ Николаевичъ былъ кореннымъ петербуржцемъ. Отецъ его, Николай Аполлоновичъ Невинъ, умершій три года передъ тѣмъ, былъ крупнымъ лицомъ въ средѣ петербургскаго служащаго міра и пользовался репутаціей не только хорошаго администратора, но даже и финансиста, благодаря выработанному имъ когда-то проэкту нѣкоего весьма замысловатаго прогрессивнаго налога, оставшагося, впрочемъ, подъ спудомъ архивныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, при всякой открывавшейся видной вакансіи, имя его непремѣнно выставлялось впередъ. И, дѣйствительно, всѣмъ знавшимъ его казалось совершенно естественнымъ, что Николай Аполлоновичъ украситъ собой какой нибудь выдающійся постъ: настолько онъ обладалъ всѣми нужными для того внутренними и внѣшними качествами. И не то, чтобы онъ былъ необыкновенно энергиченъ, или блисталъ особеннымъ умомъ, но трудно было найти человѣка болѣе декоративнаго, болѣе одареннаго такъ называемымъ обаяніемъ представительства. Этому способствовали: его высокій ростъ, самоувѣренная осанка, строгое выраженіе гладко бритаго лица, манера говорить короткими отчеканенными фразами, произно-

симыми нѣсколько въ носъ, съ сознаніемъ своей непогрѣшимости. Въ немъ какъ бы олицетворялось торжество канцелярскаго формализма, и въ этомъ формализмѣ, быть можетъ, и заключался весь секретъ его силы. Подчиненные уважали его болѣе, чѣмъ любили, и боялись еще больше, чѣмъ уважали. О немъ разсказывали анекдотъ, что онъ удалилъ одного канцелярскаго чиновника изъ-за того только, что тотъ, припечатывая казенный конвертъ сургучемъ, тиснулъ печать въ обратную сторону. Такая любовь къ акуратности склоняла Николая Аполлоновича, при выборѣ чиновниковъ, всегда отдавать предпочтеніе нѣмцамъ: онъ твердо вѣрилъ въ непогрѣшимость ихъ въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего и пользовался большой популярностью среди «нѣмецкой партіи» Петербурга. Но самъ Николай Аполлоновичъ отрицалъ свою солидарность съ какой бы то ни было партіей или направленіемъ. Онъ говорилъ, что истинный «государственный мужъ»,—какъ онъ любилъ выражаться,—долженъ стоять выше всякихъ партій. И въ то время, какъ его товарищи слыли, кто за славянофила, кто за западника, кто за англомана, а кто такъ просто за балетомана,—Николай Аполлоновичъ парилъ въ недосягаемой высотѣ какого-то идеальнаго, безстрастнаго дѣлопроизводства. Въ свѣтѣ, куда онъ, впрочемъ, выѣзжалъ рѣдко,—больше въ торжественные и юбилейные дни,—мнѣніе о немъ раздѣлялось. Либеральные чиновники и «дамское общество» его не любили, называя сухимъ формалистомъ и эгоистомъ. Чиновники же изъ разряда «карьеристовъ», особенно выступившіе недавно на стезю офиціальнаго служенія, съ восторгомъ превозносили его, видя въ немъ идеалъ «службиста», и старались всячески подражать ему. Это подражаніе касалось главнымъ образомъ внѣшней стороны жизни Николая Аполлоновича, проявлявшейся въ его привычкахъ, вкусахъ и даже въ квартирной обстановкѣ. Обстановка эта, игравшая, по увѣренію злыхъ языковъ, роль рамки для оцѣнки достоинствъ самого Николая Аполлоновича, отличалась необыкновенною монументальностью, массивностью и долговѣчностью. Начиная съ необычайной высоты комнатъ занимаемой имъ квартиры въ центрѣ города, все находящееся въ этихъ комнатахъ было запечатлѣно такой же грандіозностью. Не только диваны, столы, стулья поражали монументальностью и величиной, но даже и мелкія вещи, разбросанныя на пись-

менномъ столѣ, напоминавшемъ своими размѣрами бильярдъ, какъ-то: ножи изъ слоновой кости для разрѣзанія книгъ, чернильница, подсвѣчники, прессъ-папье и проч., имѣли весьма внушительные размѣры. Среди этой обстановки, пропорціонально возрастали какъ обаяніе самого хозяина, такъ и робость его посѣтителей.

Женитьба Николая Аполлоновича совершилась неожиданно, во время одной изъ его командировокъ въ южную Россію, и удивила всѣхъ его знакомыхъ, съ трудомъ представлявшихъ себѣ Николая Аполлоновича въ роли «влюбленнаго». Быть можетъ, онъ рѣшился на бракъ подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что выборъ его палъ на дѣвушку, отличавшуюся не только рѣдкой красотой, но и душевными и сердечными качествами. Это была дочь небогатаго помѣщика и, какъ говорили, она вышла замужъ за Николая Аполлоновича противъ воли, уступивъ желанію горячо любимаго отца. Какъ бы тамъ ни было, но мотивы, побудившіе его жениться, такъ и остались психологически необъяснимыми, такъ какъ Николай Аполлоновичъ не былъ вовсе созданъ для брака. Его эгоистическій и тиранническій характеръ тяжело отозвался въ семейномъ быту, и нѣжная, впечатлительная натура жены встрѣтила самый холодный пріемъ въ обращеніи съ ней мужа. Вскорѣ послѣ женитьбы, Николай Аполлоновичъ опять замкнулся въ своей роли «государственнаго мужа» и вернулся къ своимъ закоренѣлымъ привычкамъ холостяка, совершенно игнорируя существованіе молодой жены. Убѣдившись, что бракъ выпалъ для нея тяжелымъ крестомъ, она рѣшилась подавить свои чувства и, отказываясь отъ всякихъ для себя радостей, всецѣло отдала свою любовь родившемуся у нея единственному сыну—Петру. Но южная пылкая натура все же не вынесла постигшей ее горькой участи и холодной атмосферы, въ которой ей пришлось жить. Она замѣтно стала чахнуть. Доктора посовѣтовали Николаю Аполлоновичу свезти жену лѣчиться за границу. Но ранѣе, чѣмъ онъ собрался осуществить эту поѣздку, откладываемую имъ изъ года въ годъ, чахотка свела ее въ преждевременную могилу.

Въ то время Петру Николаевичу только что минуло 12 лѣтъ. Еще при жизни матери, отецъ хотѣлъ отдать сына въ закрытое училище, но долженъ былъ уступить мольбамъ боль-

ной матери, не желавшей разстаться съ сыномъ, и мальчикъ былъ отданъ въ гимназію. Это время гимназическаго ученія навсегда осталось въ его памяти темной полосой. Лишенный материнскихъ ласкъ, онъ росъ въ постоянномъ одиночествѣ. Съ отцомъ онъ видѣлся только за обѣдомъ; послѣ обѣда же Николай Аполлоновичъ немедленно удалялся въ свой рабочій кабинетъ, а вечеромъ отправлялся въ клубъ. Сколько разъ сынъ, сидя въ своей отдаленной комнатѣ, направлялъ отуманенные слезами взоры къ запертой двери кабинета отца, съ тайной надеждой, что онъ къ нему выдетъ, приласкаетъ его, дастъ отвѣтъ на пробуждавшіяся въ немъ мысли. Но дверь оставалась закрытой и однимъ холодомъ вѣяло изъ длиннаго ряда высокихъ безмолвныхъ комнатъ. Много невысказаннаго горя онъ испыталъ въ это время, много необъяснимой тоски накопилось въ его молодомъ сердцѣ. И при этомъ онъ не имѣлъ возлѣ себя никого, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться своими чувствами. Товарищей отецъ запрещалъ ему заводить, а хорошія способности позволяли ему обойтись безъ репетитора. Онъ отдался чтенію и книги стали ему единственной отрадой.

По окончаніи курса въ гимназіи, Петръ Николаевичъ поступилъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ.

III.

Во время пребыванія своего въ университетѣ, Петръ Николаевичъ сблизился съ товарищемъ, пріобрѣвшимъ надъ нимъ большое нравственное вліяніе. Это былъ бѣдный студентъ, москвичъ, пріѣхавшій въ Петербургъ по окончаніи гимназіи въ Москвѣ. Звали его Родіономъ Михайловичемъ Кремневымъ. По цѣльности своей натуры и самостоятельности взглядовъ, онъ представлялъ собой рѣдко встрѣчающійся типъ. Что-то непоколебимое и честное исходило изъ всего его существа, проглядывало въ смѣломъ взорѣ его сѣрыхъ глазъ, даже въ его походкѣ,—точно онъ шелъ на приступъ. А въ ироническомъ тонѣ его голоса сказывался уже горькій житейскій опытъ. И, при всемъ томъ, смѣхъ его былъ прелестенъ, какъ звонкій и чистый смѣхъ ребенка.

Петръ Николаевичъ не сразу завоевалъ дружбу товарища. Кремневъ вообще сторонился отъ товарищей и, будучи бѣденъ, тѣмъ менѣе предполагалъ, что можетъ сойтись съ Невинымъ, сыномъ богатаго и вліятельнаго петербургскаго чиновника. По тому всѣ авансы, которые дѣлалъ ему Невинъ, почувствовавшій къ нему симпатію и желавшій съ нимъ сблизиться, были имъ отклонены. Только на второмъ курсѣ Невину удалось объясниться съ Кремневымъ. Произошло это такъ. Однажды, въ солнечный февральскій день, по окончаніи лекцій, они вышли вмѣстѣ изъ университета, направляясь къ набережной Невы. Дорогой, бесѣдуя о чемъ-то, Невинъ искоса поглядывалъ на товарища, одѣтаго въ порыжѣлое, изношенное пальто, и смутно досадовалъ на собственную элегантную одежду, составлявшую главное препятствіе къ сближенію его съ Кремневымъ. Они дошли до набережной, но, вмѣсто того чтобы перейти Неву по направленію своего дома, Невинъ повернулъ направо, выразивъ желаніе проводить Кремнева, жившаго на Васильевскомъ островѣ.

Погода была морозная, прекрасная. Зимнее солнце высоко сіяло въ безоблачномъ небѣ, обливая городъ веселыми лучами. Нева широкой снѣжной лентой убѣгала къ морю; а по ту сторону рѣки тянулся красивый рядъ разноцвѣтныхъ строеній, надъ которыми золотымъ шаромъ блестѣлъ куполъ Исаакіевскаго собора.

— Какъ красивъ Петербургъ въ такой морозный день. Зима его краситъ,—замѣтилъ Невинъ своему товарищу.

— Да, какъ бѣлила старую красавицу, — отвѣчалъ хмуро Кремневъ.—Не знаю,—продолжалъ онъ,—но на меня Петербургъ всегда производитъ впечатлѣніе чего-то неискренняго, фальшиваго, начиная съ его нѣмецкаго имени. А что касается до его пресловутаго европеизма, то онъ ужь совсѣмъ напоминаетъ смѣшной и жеманный «бонгонъ» одряхлѣвшей кокетки... Но повѣрьте, что, какъ и для старой кокетки, и для вашего Петербурга дни сочтены, — произнесъ Кремневъ, съ какой-то злобой.

— Какимъ образомъ?—удивленно спросилъ его Невинъ.

— А такимъ образомъ,—продолжалъ тотъ,—что не можетъ жить организмъ, у котораго сердце очутилось бы въ головѣ, или голова выросла бы изъ реберъ. Призваніе и значеніе Пе-

тербурга для Россіи—быть ея сѣверной крѣпостью и портомъ, и только. Возьмите, какое хотите, государство: Пруссію, Австрію, Францію, Испанію и другія—вездѣ столицы исторически возникали приблизительно въ центрѣ этихъ государствъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что для цѣлаго народа, представляющаго изъ себя такой же единый организмъ, какъ и отдѣльно взятый индивидуумъ, существуютъ извѣстные законы развитія, нарушеніе которыхъ не можетъ долго длиться...

— Право, я никогда объ этомъ раньше не думалъ,—отвѣчалъ ему Невинъ серьезно.—Вѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что въ условіяхъ петербургской жизни есть много такого...

— Такого, «другъ Горацію, что̀ и не снилось нашимъ мудрецамъ», — иронически добавилъ Кремневъ.—Да много, много есть такого непонятнаго,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ,—хоть, напримѣръ, то, что вы, Невинъ, сынъ богатыхъ родителей, находите удовольствіе идти со мной, съ бѣднымъ студентомъ, къ тому же плохо одѣтымъ, когда могли бы присоединиться къ товарищамъ вашего круга, усердно слѣдующимъ мудрому изреченію студенческой пѣсни: «Gaudeamus igitur»...

Невинъ не сразу отвѣтилъ. Краска слегка прилила къ его щекамъ.

— Кремневъ,— обратился къ нему Невинъ, и голосъ его выдавалъ скрытое волненіе,—вы вызываете меня на откровенность и я долженъ выразить вамъ мое давнишнее желаніе быть вашимъ другомъ.

Кремневъ разсмѣялся своимъ звонкимъ смѣхомъ.

— Другомъ?—повторилъ онъ.—Знаете русскую пословицу, что «сытый голоднаго не разумѣетъ». По моему,—продолжалъ онъ серьезно, — дружба предполагаетъ не только извѣстную умственную и душевную гармонію, но и соціальное равенство. А развѣ мы съ вами пара въ этомъ отношеніи?

— Я могъ бы возразить вамъ на это, — отвѣтилъ горячо Невинъ,—что, какъ студенты, мы дѣти одной матери—университета. Но я согласенъ, что наше петербургское студенчество не подходитъ подъ эту общую характеристику, а потому раньше чѣмъ говорить о нашей дружбѣ, или, правильнѣе, сказать, вашей будущей дружбѣ ко мнѣ, я могу лишь выразить мою искреннѣйшую къ вамъ привязанность...

— Знаете, куда я направляюсь? — вдругъ перебилъ его

Кремневъ.—Я иду обѣдать въ кухмистерскую за 20 коп. Допустимъ, что мы друзья, такъ вотъ способны ли вы отправиться со мною отобѣдать и такимъ образомъ совершить надъ вашимъ желудкомъ нѣкоторый экспериментъ — не изъ пріятныхъ, конечно, но дружбы ради. Вѣдь дружба требуетъ жертвъ, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Невинъ убѣжденно. И онъ отправился обѣдать съ Кремневымъ, съ трудомъ переодолѣвая невольное отвращеніе къ необычной для него несовсѣмъ опрятной обстановкѣ и къ подаваемымъ блюдамъ неопредѣленнаго вида и цвѣта. Тѣмъ не менѣе онъ старался не показывать этого Кремневу и ѣлъ съ видимымъ апетитомъ.

— Ну, первое испытаніе окончено успѣшно,—смѣясь, сказалъ ему Кремневъ при прощаніи.—Если хотите, приходите ко мнѣ послѣ завтра вечеромъ. Буду васъ ждать. Побесѣдуемъ,—и онъ вручилъ ему свой адресъ.

Въ назначенный день Петръ Николаевичъ собрался навѣстить своего новаго друга. Какъ разъ въ этотъ день отецъ его участвовалъ на какомъ-то юбилейномъ обѣдѣ и долженъ былъ вернуться домой поздно ночью. Наскоро отобѣдавъ, Петръ Николаевичъ вышелъ на улицу. Обыкновенно онъ бралъ извощика, но теперь почему-то сѣлъ въ конку. Такой демократическій способъ передвиженія показался ему болѣе подходящимъ къ его настроенію. Сойдя съ конки на углу Средняго проспекта и одной изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова, Невинъ подошелъ къ дому, въ которомъ жилъ Кремневъ. Поднявшись по указанной дворникомъ темной и узкой лѣстницѣ на дворѣ, онъ позвонилъ у низкой двери въ четвертомъ этажѣ. Ему отворила старая женщина.

— Студентъ Кремневъ дома?—спросилъ Невинъ. Старуха взглянула на него тѣмъ пытливымъ взглядомъ, какимъ умѣетъ бѣдный людъ распознавать «господъ».

— Дома, дома, пожалуйте, — поспѣшно проговорила она, видимо довольная своимъ осмотромъ, и повела его черезъ кухню въ темный коридоръ, слабо освѣщенный сквозь матовое стекло закрытой двери, которая вела въ комнату Кремнева.

— Родіонъ Михайловичъ, васъ спрашиваютъ!—постучалась она въ дверь.

Кремневъ открылъ дверь и едва замѣтная улыбка проскользнула на его губахъ при видѣ гостя.

— Рѣшились таки,—проговорилъ онъ съ нѣсколько форсированной любезностью.

— Я вамъ не помѣшалъ? — спросилъ Невинъ, тоже чувствуя себя несовсѣмъ ловко.

— Напротивъ, очень пріятно,—отвѣтилъ Кремневъ.—Раздѣвайтесь.

Кремневъ взялъ пальто Невина и повѣсилъ на крюкъ.

— Ну, а я распоряжусь насчетъ чаю, если не побрезгаете,— сказалъ Кремневъ, выходя изъ комнаты. Невинъ опустился на единственный, стоявшій въ комнатѣ, стулъ и занялся осмотромъ помѣщенія, занимаемаго Кремневымъ. Комната имѣла шаговъ 6 въ длину и 4 въ ширину. Всю обстановку ея составляли: низкая желѣзная кровать, покрытая тоненькимъ одѣяломъ, ветхій комодъ съ разложенными на немъ книгами и небольшой столъ, покрытый старой клеенкой. Но, какъ ни мизерна была эта обстановка,—на Невина она дѣйствовала благотворно.

— По крайней мѣрѣ, онъ никому не обязанъ,—мелькнуло у него въ головѣ.

Кремневъ вернулся со стуломъ въ рукахъ, на которомъ и усѣлся напротивъ Невина. Тогда послѣдній сразу заговорилъ съ нимъ серьезнымъ и точно исповѣдальнымъ тономъ. Вся робость исчезла. Давъ волю сдерживаемымъ и вѣчно подавляемымъ чувствамъ, онъ сперва обратился къ Кремневу съ укоромъ, что тотъ,—какъ онъ замѣчалъ,—относится къ нему съ насмѣшкой, не вѣря его искреннему дружескому расположенію. Живя въ домѣ отца, онъ чувствовалъ себя несчастнымъ. Онъ не умѣлъ опредѣлить этого чувства. Это не была скука, такъ какъ онъ постоянно былъ занятъ или ученіемъ, или приготовленіемъ къ экзаменамъ; это было нѣчто болѣе глубокое, какое-то сокровенное душевное недомоганіе, вслѣдствіе котораго имъ овладѣвало отчаяніе, переходившее въ злость. Онъ чувствовалъ неудовлетворенность окружающей его жизни: она казалась ему безцѣльной, пустой и лживой; его мучили разные сомнѣнія и вопросы; онъ путался въ нихъ, точно въ лабиринтѣ, не находя выхода, и страдалъ, не встрѣчая кругомъ ни одной сочувственной души, передъ которой могъ бы вы-

сказать свои сокровенныя думы и излить волновавшія его чувства.

Подъ вліяніемъ разсказа Невина, лицо Кремнева приняло серьезное, почти строгое выраженіе.

Когда Невинъ кончилъ, онъ поднялся со стула и сталъ молча ходить по комнатѣ своей энергичной походкой, размахивая рукой.

— Въ вашемъ положеніи,—заговорилъ онъ наконецъ,—чувствовать то нравственное состояніе, о которомъ вы говорите, есть признакъ добрый. Значитъ, плотоядные инстинкты васъ еще не заѣли, какъ заѣдаютъ бо̀льшую часть субъектовъ вашего соціальнаго положенія, особенно при условіяхъ петербургской жизни. Правда, что результаты такого внутренняго разлада обнаруживаются позже,—въ человѣкѣ-гражданинѣ. А чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, нужно сильно любить свою родину, свое отечество, со всѣми его достоинствами и недостатками и, не покладая рукъ, работать для его преуспѣянія!—Кремневъ на минуту смолкъ.

— Почему, — продолжалъ онъ,—я не люблю Петербурга. Потому, что здѣсь какъ-то обходятся безъ этой любви; говорить даже о ней здѣсь какъ-то смѣшно... А вмѣстѣ съ тѣмъ та тоска, о которой вы говорите, есть прямое послѣдствіе отсутствія любви. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, любить одно слово «родину» а не ее саму... А она такъ далека отсюда. У насъ въ Москвѣ есть хоть Кремль! Взглянешь на него и чувствуешь себя русскимъ, — продолжалъ Кремневъ, и глаза его засверкали огнемъ.—Вотъ разница между Москвой и Петербургомъ. А что̀ такое Москва, я вамъ сейчасъ скажу словами болѣе краснорѣчивыми, чѣмъ мои.

Онъ подошелъ къ комоду и, взявъ книгу, вынулъ заложенный въ ея страницахъ мелкоисписанный листъ. Онъ сѣлъ и съ увлеченіемъ прочелъ слѣдующее: «Москва не есть просто городъ,—не кирпичъ и известь ея домовъ, не люди, въ ней живущіе, составляютъ ея сущность. Кромѣ всего этого, Москва есть историческое начало, Москва есть принципъ. Люди перемѣняются, какъ безпрерывно перемѣняются частички живаго организма. Перемѣняются люди, перемѣняются и нравы и порядки, но остается духъ мѣста, духъ историческаго начала. Москва, Кремль съ его соборами, старые терема ея царей и

это красное крыльцо, по ступенямъ котораго сходило столько событій, рѣшавшихъ судьбу русской земли, все это имѣетъ свою силу, все это извѣстнымъ образомъ настраиваетъ, все это извѣстнымъ образомъ обязываетъ... Единство и независимость русскаго государства во что бы то ни стало и цѣной какихъ бы то ни было жертвъ и усилій—вотъ Москва, вотъ ея значеніе въ русской исторіи, вотъ то начало, которое ею знаменуется и въ ней воплощается»...

Кремневъ остановился.

— Вотъ истинно русскія слова!—заключилъ онъ громкимъ голосомъ.—Не знаю,—извѣстны ли они вамъ?

Невинъ не сразу отвѣтилъ, какъ бы о чемъ-то задумавшись.

— Это поэтическое опредѣленіе значенія нашей первопрестольной столицы,—молвилъ онъ наконецъ.—Но отъ поэзіи до прозы — большое разстояніе. Я никогда не былъ въ Москвѣ, но думаю, что если она и является дѣйствительною хранительницей русскаго духа, то развѣ въ серьезные, исключительные моменты нашей исторіи. Но какъ примирить этотъ высокій патріотизмъ съ обыденными фактами такого рода, какъ напр., отношеніе ея кореннаго купеческаго населенія къ народу во время послѣдняго голода? или его гоньба за покровительственными пошлинами? Это мертвенное равнодушіе, это кулачество, эти злоупотребленія... Вы, конечно, слышали объ этомъ?

— Знаю—живо отвѣтилъ Кремневъ—я и самъ объ этомъ скорбѣлъ. Но причина тому—не въ сердцѣ, а въ умѣ москвича. Вы сами говорите, что въ критическій моментъ нѣтъ жертвы, которую не принесла бы Москва на благо родины... Но чтобъ расшевелить ея патріотизмъ, дѣйствительно необходимъ слишкомъ сильный толчокъ... А это происходитъ отъ недостатка просвѣщенія, образованія... Съ этой точки зрѣнія, я признаю преимущество Петербурга. Впрочемъ, этотъ недостатокъ долженъ изчезнуть,—для того вѣдь мы и учимся... Но сердцу тамъ все таки теплѣе, чѣмъ здѣсь...

Во время чая Невинъ разсказалъ Кремневу обстоятельства своей жизни. Съ своей стороны Кремневъ также сообщилъ ему свѣдѣнія о себѣ. Онъ былъ сынъ бѣднаго фельдшера, умершаго во время ухода за тифозными больными. Въ Москвѣ, у него жили мать и молодая сестра, гимназистка, которыхъ онъ поддерживалъ средствами, зарабатываемыми отъ уроковъ.

— Сестренка у меня умная,—замѣтилъ Кремневъ.—Вы бы посмотрѣли, какъ она уже интересуется общественными вопросами, какъ возмущается... Я ее прозвалъ «римской гражданкой»—заключилъ онъ, смѣясь.

Бесѣда ихъ продолжалась далеко за полночь, и когда наконецъ Невинъ простился съ Кремневымъ и направился домой, онъ испытывалъ новое, свѣтлое настроеніе. Съ этого вечера сближеніе товарищей пошло быстро впередъ и перешло въ искреннюю дружбу. При переходѣ изъ курса въ курсъ, они вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ. Не имѣя разрѣшенія отца пригласить къ себѣ товарища, Невинъ видался съ нимъ на его квартирѣ и каждый разъ шелъ туда съ радостнымъ чувствомъ, точно на любовное свиданіе. Но вотъ они кончили университетъ и имъ пришлось разстаться. Кремневъ уѣхалъ въ Москву, съ цѣлью выхлопотать мѣсто учителя гимназіи; Невинъ же, по настоянію отца, причислился къ какому-то министерству и поступилъ на службу.

Два года друзья не видались, но акуратно вели между собою переписку. Служба мало удовлетворяла Невина. Онъ хотѣлъ служить въ провинціи. Съ своей стороны, Кремневъ все еще не получилъ ожидаемаго мѣста и сдержанно, но горько жаловался на это въ своихъ письмахъ. Невинъ предлагалъ хлопотать за него въ Петербургѣ, но Кремневъ рѣшительно отклонялъ всякую протекцію. «Я стою этого мѣста и долженъ его получить по праву», отвѣчалъ онъ. Тутъ въ судьбѣ Петра Николаевича совершилась важная перемѣна. Отецъ его неожиданно умеръ. Николай Аполлоновичъ самъ накликалъ себѣ смерть излишнею заботливостью о продленіи своихъ дней, а именно слѣдующимъ образомъ. Его домашній докторъ, не имѣя никакихъ основаній лѣчить его,—такъ какъ Николай Аполлоновичъ, не смотря на солидные годы, пользовался вожделѣннымъ здравіемъ,—вздумалъ посовѣтовать ему, изъ желанія главнымъ образомъ оправдать свою славу моднаго и оригинальнаго доктора, дѣлать каждое утро, передъ открытымъ окномъ, въ одной рубашкѣ, гимнастическія упражненія. По его увѣренію, эти упражненія до того укрѣпляли организмъ, что человѣкъ дѣлался застрахованнымъ чуть ли не на вѣковѣчныя времена отъ всякихъ простудъ и заболѣваній. Не смотря, однако, на такое увѣреніе доктора, въ одно холодное утро Николай Аполлоно-

вичъ, усердно занимаясь гимнастикой, тутъ же простудился, схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, а черезъ недѣлю его не стало.

Это событіе сразу перемѣнило весь строй жизни Петра Николаевича. Онъ сдѣлался собственникомъ довольно круглаго состоянія и получилъ возможность устроить жизнь по своему. Онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Москву повидаться и посовѣтоваться со своимъ другомъ. Кремневъ находился въ трудныхъ обстоятельствахъ, но не унывалъ и все продолжалъ хлопотать о своемъ желанномъ мѣстѣ. Невинъ познакомился съ его матерью и сестрою, только что окончившей курсъ гимназіи. Сестра Кремнева произвела на него впечатлѣніе очень симпатичной и необыкновенно здравомыслящей дѣвушки—«немножко слишкомъ» на мужской манеръ. На его замѣчаніе объ этомъ она отвѣчала: «Это правда, но я такова скорѣе по убѣжденію, нежели по натурѣ. Я нахожу, что дѣвушкамъ слѣдуетъ быть такими въ наше время, когда встрѣчаешь столько мужчинъ по женски не серьезныхъ».

Москва произвела на Невина сильное впечатлѣніе. Онъ провелъ мѣсяцъ съ Кремневымъ въ тщательномъ изученіи историческихъ памятниковъ Москвы; онъ сообщилъ другу о своемъ желаніи сперва поѣхать на годъ за границу, а потомъ вернуться въ Москву и окончательно въ ней поселиться. Тайно отъ Кремнева онъ отыскалъ и купилъ небольшой, деревянный домъ съ полисадникомъ, чтобы подарить его другу.

— А мнѣ ты оставь только одну комнату,—просилъ онъ Кремнева, сообщая ему о покупкѣ. Но Кремневъ, хотя и одобрилъ эту трату, но со свойственной ему гордостью не принялъ такого щедраго подарка, а только согласился поселиться въ домѣ, въ качествѣ квартиранта и управляющаго.

— Впослѣдствіи мы, можетъ быть, наймемъ у тебя и весь домъ,—объявилъ ему Кремневъ.—Сестра затѣваетъ открыть школу.

Невинъ вернулся въ Петербургъ. Тутъ онъ перенесъ часть оставшейся послѣ отца мебели въ небольшую квартиру, остальное продалъ и вскорѣ уѣхалъ за границу. Но не годъ пробылъ онъ въ чужихъ краяхъ, а цѣлыхъ три года. Съ Кремневымъ онъ нѣкоторое время продолжалъ вести оживленную переписку. Черезъ полгода послѣ своего отъѣзда, онъ узналъ, что Крем-

невъ переѣхалъ въ Петербургъ, получивъ выгодное мѣсто гувернера въ семействѣ богатаго петербургскаго домовладѣльца, Якова Дмитріевича Арнаутова. Впослѣдствіи переписка между ними стала рѣже. Кремневъ звалъ своего друга обратно въ Россію, не скрывая отъ него своего неодобренія, по случаю его долгаго пребыванія «за рубежемъ».

Вотъ почему Невинъ, вернувшись въ Россію, не извѣстилъ объ этомъ предварительно своего друга. Онъ не рѣшился сообщить ему, что возвращается только на короткое время, чтобы устроить свои дѣла и, быть можетъ, навсегда уѣхать за границу. Онъ хотѣлъ явиться къ другу сюрпризомъ, надѣясь лучше лично объясниться съ нимъ о томъ, что такъ всевластно владѣло его умомъ и сердцемъ за послѣдніе прожитые годы.

IV.

Петръ Николаевичъ очнулся. Карета выѣхала на Большую Морскую и гладко покатилась по торцовой мостовой. Переѣхавъ Невскій, она остановилась у подъѣзда гостинницы. Нѣсколько минутъ спустя, Невинъ, оставшись одинъ въ занятой имъ комнатѣ, первымъ дѣломъ принялся писать Кремневу о своемъ пріѣздѣ и о намѣреніи навѣстить его на слѣдующій день.

«Мой дорогой Родя,—писалъ онъ,—я въ Петроградѣ! Только что пріѣхалъ и сердце настоятельно требуетъ свиданія съ тобой. Буду у тебя завтра около часу. О многомъ хочется поговорить съ тобою, хотя свиданіе это сильно смущаетъ меня. а почему—ты знаешь. Твой Петръ».

Запечатавъ письмо, Петръ Николаевичъ приказалъ человѣку немедленно опустить его въ ящикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ подать себѣ ужинъ. Затѣмъ онъ принялся за туалетъ. Онъ вынулъ изъ саквояжа цѣлый арсеналъ туалетныхъ принадлежностей и методично разставилъ ихъ на комодѣ передъ зеркаломъ. Вымывшись, онъ досталъ изъ сундука изящную фланелевую тужурку, вышитыя туфли, и занялся переодѣваніемъ. Онъ только что успѣлъ окончить свой туалетъ, какъ лакей вошелъ въ комнату, неся большой серебряный подносъ съ заказаннымъ ужиномъ и бутылкой краснаго вина.

Освидѣтельствовавъ, что все имъ заказанное было подано, онъ велѣлъ человѣку больше его не безпокоить и заперъ дверь

на ключъ. Съ апетитомъ откушавъ поданный филе, запивая его краснымъ виномъ, Петръ Николаевичъ налилъ себѣ стаканъ крѣпкаго чаю и закурилъ ароматическую англійскую сигару. Затѣмъ, уютно расположившись на диванѣ, онъ предался своимъ мыслямъ. Тяжелое настроеніе теперь смѣнилось для него какой-то сладкой мечтой о настоящей дѣйствительности. Какой полной чашей неожиданнаго счастья явились для него эти три года, проведенные имъ на чужбинѣ!.. Ему казалось, что каждая минута этого времени врѣзалась въ его памяти яркимъ, осязательнымъ, жизнерадостнымъ моментомъ. Улыбка освѣтила его черты. Онъ вспомнилъ цвѣтущее, полное и доброе лицо своей квартирной хозяйки въ Лондонѣ—Mrs Williams—и уютный уголокъ среди ковровъ и тропическихъ растеній, гдѣ онъ зимой отдыхалъ послѣ обѣда, лежа на удобномъ rocking-chair, около горящаго камина. Добрая Mrs Williams! Она навѣрное и теперь о немъ думала, заботливо слѣдила за нимъ издалека, ждала его возвращенія. Да онъ вернется, онъ ужь не могъ не вернуться!

Лицо Петра Николаевича стало какъ-то и свѣтлѣе, и сосредоточеннѣе. Онъ вспомнилъ и о другомъ... Опустивъ руки во внутренній карманъ своего вестона, онъ вынулъ большой кожаный бумажникъ и досталъ изъ него небольшую рамку съ вложенной въ нее фотографіей. Онъ остановилъ долгій взглядъ на этой карточкѣ. Она изображала прелестную женскую головку, съ вьющимися густыми волосами, съ нѣжно выглядывающими большими лучистыми глазами.

— Дорогая миссъ Алисъ! — тихо прошептали его губы. Петръ Николаевичъ сталъ вспоминать шагъ за шагомъ все свое заграничное пребываніе. И вотъ что онъ вспомнилъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга, онъ отправился сперва въ Швейцарію, въ Montreux. Выѣзжая въ первый разъ за границу и сразу поселившись въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Европы, Петръ Николаевичъ поддался такому очарованію, что писалъ другу: «я испыталъ чувство, которое, по моему мнѣнію, долженъ испытывать грѣшникъ, еслибы онъ случайно попалъ въ рай». Здѣсь онъ расцвѣлъ и тѣломъ, и душой. Нелюдимость его совсѣмъ пропала; онъ сталъ искать общества, принималъ участіе во всѣхъ затѣваемыхъ горныхъ экскурсіяхъ и пикникахъ, совершалъ пѣшеходныя прогулки по окрестностямъ,

ночуя въ горныхъ деревушкахъ, или отправлялся кататься на парусной лодкѣ по бирюзовой поверхности живописнаго Женевскаго озера.

Въ отелѣ (гдѣ онъ остановился) съ тѣнистымъ садомъ, спускавшимся на берегъ озера, было много путешественниковъ, пріѣхавшихъ возстановить здоровье благодѣтельнымъ воздухомъ этой чудной мѣстности. Между ними находились двѣ англичанки: Mrs Hamilton—мать и дочь. Пребываніе въ Montreux было предписано докторами дочери, миссъ Алисъ, прелестной 18-лѣтней дѣвушкѣ, изящной и нѣжной, какъ севрскій фарфоръ, и при этомъ рѣзвой и веселой, какъ мальчикъ. Mrs Hamilton нѣсколько разъ въ день должна была съ тревожной любовью отыскивать свою пропавшую въ саду дочь, забывшуюся въ какихъ нибудь играхъ, чтобы поднести ей, по предписанію доктора, стаканъ молока съ какими-то возстановляющими каплями.

— Ты удивительная больная!—нѣжно журила она дочь.

Впрочемъ, снадобье, или—всего вѣроятнѣе—чистый воздухъ и молодость скоро совсѣмъ возстановили здоровье дѣвушки и румянецъ заалѣлъ на ея молочномъ лицѣ. Невинъ оказался ихъ сосѣдомъ за table d'hôte и скоро не только познакомился съ ними, но,—какъ говорили прочіе гости,—сталъ ихъ cavalliere servante. Онъ узналъ отъ Mrs Hamilton, что мужъ ея стоялъ во главѣ большаго комерческаго дѣла въ Лондонѣ и дѣла не позволяли ему отлучиться. Но почти не было дня, чтобы мать и дочь не получали отъ него писемъ.

Въ этомъ пріятномъ обществѣ два мѣсяца прошли для Петра Николаевича, какъ сонъ. Пробужденіе явилось для него въ день отъѣзда милыхъ знакомыхъ. Онѣ уѣзжали на морскія купанья въ сѣверную Францію. Разставаясь съ ними, Невинъ почувствовалъ, что знакомство ихъ успѣло перейти почти въ дружбу. При прощаніи, Mrs Hamilton взяла съ Невина слово, что онъ пріѣдетъ осенью въ Лондонъ повидаться съ ними.

— Вы увидите, что англичане не такіе холодные эгоисты, какъ о нихъ привыкли думать,—замѣтила она.

— Да, и вы должны непремѣнно довести до конца ваши уроки русскаго языка со мной,—прибавила миссъ Алисъ самымъ серьезнымъ тономъ, поднося къ розовому личику великолѣпный букетъ изъ желтыхъ розъ, поднесенный ей Невинымъ на прощанье.

Не безъ грусти вернулся къ себѣ въ этотъ день Петръ Николаевичъ, проводивъ по желѣзной дорогѣ своихъ дамъ за нѣсколько станцій отъ Montreux. Спустя нѣсколько дней, онъ самъ покинулъ Швейцарію, направляясь въ Парижъ. Оттуда онъ писалъ Кремневу: «Парижъ для насъ русскихъ—не чуждый городъ! Слишкомъ много парижскаго встрѣчается въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, это заимствованіе касается главнымъ образомъ парижскихъ развлеченій. Но здѣсь, на мѣстѣ, то, что принято называть парижскою жизнью, какъ-то исчезаетъ въ могучемъ водоворотѣ промышленнаго и умственнаго движенія».

Петръ Николаевичъ такъ увлекся именно этой серьезной стороной Парижа, посѣщая библіотеки, музеи, ученые и артистическіе кружки, что незамѣтно прожилъ въ немъ до осени, думая сначала остаться только на мѣсяцъ. Въ это время онъ, однако, не забывалъ о своихъ англійскихъ друзьяхъ, хотя и не имѣлъ возможности переписываться съ ними, не будучи знакомъ съ главой семейства. Въ концѣ сентября Невинъ отправился въ Лондонъ. Здѣсь онъ на первыхъ порахъ совсѣмъ потерялся. Нѣсколько дней подъ рядъ онъ положительно не въ состояніи былъ совладать съ своими мыслями. Онъ чувствовалъ себя какой-то посторонней букашкой, попавшей случайно въ кишащій жизнью громадный муравейникъ. Чтобы скорѣе выйти изъ этого состоянія, послѣ нѣсколькихъ дней шатанія по улицамъ Лондона, онъ послалъ телеграмму Mrs Hamilton, жившей съ мужемъ и дочерью въ загородномъ предмѣстьѣ, извѣщая о своемъ прибытіи и прося позволенія сдѣлать имъ визитъ. На слѣдующій же день, едва Невинъ успѣлъ одѣться, какъ ему доложили, что какой-то господинъ ждетъ его въ гостинной. Войдя въ гостинную, Петръ Николаевичъ увидѣлъ высокаго джентльмена съ привѣтливымъ и сосредоточеннымъ лицомъ.

— Я Hamilton,—отрекомендовался незнакомецъ, въ то же время задавая Невину такое энергичное рукопожатіе, отъ котораго у него пальцы захрустѣли.

Потомъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, онъ продолжалъ:

— Довольно ли вамъ полчаса, чтобы уложить ваши вещи? Въ это время я успѣю съѣздить въ Сити, въ свой office, и оттуда заѣду за вами.

Невинъ не сразу понялъ, чего хотѣлъ отъ него мистеръ Hamilton.

Ѣхать—куда и зачѣмъ? Тогда мистеръ Hamilton въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему, что онъ не потерпитъ, чтобы Невинъ, выказавшій такъ много вниманія и любезности его женѣ и дочери, когда онѣ однѣ жили за границей, оставался здѣсь, въ этомъ скучномъ отелѣ. Всѣ возраженія Невина были отвергнуты и онъ долженъ былъ сдаться.

Акуратно, по англійски, мистеръ Hamilton пріѣхалъ обратно ровно черезъ полчаса. Усадивъ Невина рядомъ въ свой изящный кабріолетъ, съ сидѣвшимъ позади грумомъ, мистеръ Hamilton самъ правилъ и быстрой рысью пустилъ кровнаго рысака. Выбравшись изъ лабиринта лондонскихъ улицъ, они поѣхали обширнымъ паркомъ, выѣхавъ изъ котораго, скоро остановились передъ красивымъ домомъ въ готическомъ стилѣ, плотно обросшемъ снаружи вѣчно зеленѣющимъ плющемъ. Еще издали Невинъ замѣтилъ на крыльцѣ Mrs Hamilton съ дочерью.

Онѣ радушно привѣтствовали его, какъ старые друзья, а на корсажѣ миссъ Алисъ Невинъ замѣтилъ приколотую желтую розу. И это маленькое обстоятельство значительно усилило радость его свиданія. Нѣсколько минутъ спустя, Невинъ, поднявшись въ отведенную ему комнату, занялся своимъ туалетомъ, чтобы затѣмъ спуститься въ столовую къ завтраку.

А далѣе? Далѣе началось для него легкое, радостное существованіе, которое скоро сдѣлалось «сладкою привычкою жить». Онъ сошелся съ мистеромъ Hamilton'омъ, съ его знакомыми, и вполнѣ освоился съ англійскими нравами и обычаями, которые пришлись ему по сердцу. «У англичанъ,—писалъ онъ Кремневу,—я встрѣтилъ то, чего не видалъ у другихъ. Это—любовь къ родинѣ, доходящая до религіознаго экстаза, до обожанія. Хорошо на это посмотрѣть даже со стороны. И, живя среди нихъ, невольно дѣлаешься англоманомъ».

Результатомъ такого самочувствія Невина былъ слѣдующій рѣшительный новоротъ въ его судьбѣ.

По предложенію м-ра Hamilton'а, состоявшаго во главѣ большаго экспедиціоннаго дѣла, онъ принялъ мѣсто въ его office'ѣ.

Тогда онъ нанялъ квартиру въ Сити, недалеко отъ мѣста своей службы, а каждое воскресенье проводилъ въ семействѣ Hamilton'овъ. Незамѣтно онъ втянулся въ свою работу и рѣ-

шилъ окончательно поселиться въ Лондонѣ. Теперь онъ вернулся въ Петербургъ лишь затѣмъ, чтобы ликвидировать свои денежныя дѣла. Онъ ни въ одномъ письмѣ къ Кремневу не упомянулъ о миссъ Алисъ. Вѣдь Кремневъ могъ подумать, что онъ влюбился въ нее! Но этого совсѣмъ не было. Кромѣ симпатіи, онъ никакого болѣе серьезнаго чувства къ ней не питалъ. Да и она была еще такъ молода, такъ беззаботна, что игра въ лонъ-тенисъ, казалось, одна всецѣло наполняла и поглощала ея душу и сердце. Она его не любила;—въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Она постоянно шутила надъ нимъ по поводу писемъ къ нему Кремнева, говоря, что это навѣрно были письма его возлюбленной въ Петербургѣ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда она бросала на него такіе нѣжные взгляды... И теперь, передъ его отъѣздомъ, она, по секрету отъ родителей, дала ему свою фотографическую карточку. И въ ушахъ Невина зазвенѣлъ нѣсколько дрогнувшій серебристый голосокъ ея, когда она прощалась съ нимъ на станціи Charing-Cross.

— О, возвращайтесь скорѣе!—тоскливо произнесла она.

И много еще сладкихъ грёзъ, одна за другой, возставали въ памяти Петра Николаевича; и долго еще сидѣлъ онъ, не рѣшаясь двинуться съ мѣста, задумчиво слѣдя за голубыми кольцами дыма, плавно взвивавшимися къ верху отъ догоравшей въ его рукѣ сигары...

V.

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Петербургъ, ровно въ часъ, Невинъ остановился на извощикѣ у двухъэтажнаго красиваго особняка на Сергіевской улицѣ, принадлежащаго Якову Дмитріевичу Арнаутову. Не безъ внутренняго волненія спросилъ онъ подбѣжавшаго къ нему ливрейнаго швейцара, дома ли Родіонъ Михайловичъ Кремневъ.

— Пожалуйте сюда,—отвѣтилъ тотъ вѣжливо.—Они говорили о васъ... Вы господинъ Невинъ будете?—И, не ожидая отвѣта, провелъ Петра Николаевича къ особому подъѣзду въ воротахъ.

— Пожалуйте во второй этажъ,—объяснилъ онъ.

Невинъ поднялся по свѣтлой, чистой лѣстницѣ и остановился передъ дверью съ визитной карточкой Кремнева, оттиснутой славянской вязью. Петръ Николаевичъ позвонилъ. Дверь отворилась и на порогѣ предстала передъ нимъ фигура Родіона Михайловича.

— Дорогой Родя!—съ радостью воскликнулъ Невинъ, желая обнять друга. Но Кремневъ ввелъ его въ переднюю.

— Не на порогѣ! — замѣтилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе.

Послѣ троекратнаго дружескаго цѣлованія, Кремневъ взглянулъ на товарища.

— Хоть ты и писалъ, что тамъ расцвѣлъ, но я не замѣчаю этого, — проговорилъ Кремневъ, любовно глядя на Невина.

— Здѣсь, внутри, расцвѣлъ,—отвѣтилъ ему Невинъ, улыбаясь.—А ты такъ потолстѣлъ. Настоящимъ московскимъ бояриномъ глядишь!

И дѣйствительно, со времени ихъ разлуки, Родіонъ Михайловичъ значительно окрѣпъ, раздался; его лицо и вся фигура были красивы своимъ спокойствіемъ и внутренней силой.

— Ну, входи, что же ты!—обратился къ нему Кремневъ, помогая снять пальто.

Они вошли въ обширную гостинную, убранную коврами, портьерами и дорогою мебелью.

— Видишь, какъ я нынче живу,—съ напускной важностью сказалъ Кремневъ, широко проводя рукой кругомъ.—А тамъ моя спальня,—показалъ онъ на сосѣднюю комнату.

— Я отъ души за тебя радъ,—отвѣтилъ Невинъ, оглядывая обстановку.—Комфортъ тоже не послѣднее дѣло.

— А ты думаешь, я въ самомъ дѣлѣ этимъ дорожу?—весело засмѣялся Кремневъ,—лучше садись-ка сюда, вотъ въ это удобное кресло, и скажи мнѣ: совсѣмъ ты сюда вернулся или нѣтъ?

Голосъ Кремнева при этихъ словахъ перемѣнился и онъ внимательно взглянулъ на товарища.

— Позволь мнѣ теперь не отвѣтить на твой вопросъ, Родя,—молвилъ Невинъ, чувствуя нѣкоторую робость;—во-первыхъ, я теперь недолго у тебя останусь. Отъ тебя собираюсь съѣздить на могилу матери, а, во-вторыхъ, я и не въ

состояніи говорить о всемъ этомъ. Но я тебя буду ждать сегодня вечеромъ у себя. Тамъ все разскажу, открою тебѣ всю мою душу, какъ другу, мнѣніе котораго мнѣ безконечно дорого. Такъ ты придешь?

Кремневъ помолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Конечно, приду,—отвѣтилъ онъ наконецъ.—Гдѣ же ты остановился? Въ своей квартирѣ?

— Нѣтъ, остановился пока въ «Hôtel de France»... можетъ быть, позже переберусь, — неувѣренно отвѣтилъ Невинъ.—По правдѣ сказать, не тянетъ меня на старое пепелище. Да что говорить! Скажи мнѣ, Родя, что̀ твоя мать, сестра?

— Мать здорова, а отъ «римской гражданки» къ тебѣ есть порученіе. Она намѣревается открыть въ Москвѣ школу и для этого хочетъ снять весь твой домъ. Она просила меня узнать твои условія.

— Опять этотъ домъ!—съ досадой воскликнулъ Невинъ.—Право, я не радъ, что и связался съ нимъ. И все изъ-за тебя, изъ-за твоего упрямства. Я же сто разъ говорилъ и писалъ тебѣ, что домъ этотъ твой: для тебя я его и купилъ. Дѣлай изъ него, что̀ хочешь. Вѣдь ты меня просто мучишь твоими счетами...

— Ничего, помучься, это бываетъ полезно,—отвѣтилъ ему Кремневъ.—Знаешь—suum cuique. А года черезъ два-три, я, можетъ быть, и куплю его у тебя. Это будетъ другое дѣло... Здѣсь я хорошо зарабатываю, хоть и не въ гувернеры готовился... — замѣтилъ онъ задумчиво. — Но противъ рожна не пойдешь. Впрочемъ, труды мои не напрасны: Володя, мой воспитанникъ, мальчикъ даровитый, хорошая натура.

— Разскажи мнѣ, Родя, кто эти Арнаутовы? Ты мнѣ только вскользь объ этомъ писалъ,—спросилъ Невинъ.

— Изволь, даже обрисую ихъ, если хочешь, — отвѣтилъ Кремневъ.—Папаша нашъ, Яковъ Дмитріевичъ, баринъ лѣтъ 60-ти. Въ молодости былъ, кажется, гусаромъ, дослужился до чина гвардейскаго поручика и вышелъ въ отставку. Съ этого момента до 40-лѣтняго возраста, когда онъ женился, трудно прослѣдить, чѣмъ собственно онъ занимался. Во всякомъ случаѣ, по его разсказамъ, это былъ бурный періодъ въ его жизни. То онъ участвуетъ въ какой нибудь комисіи въ Петербургѣ, то онъ въ Венеціи на гондолѣ катается при лунномъ свѣтѣ,

то опять въ Россіи, гдѣ въ саратовской губерніи учреждаетъ конный заводъ; то онъ въ Парижѣ въ извѣстномъ ресторанѣ наслаждается блюдомъ изъ молодыхъ кабанчиковъ... но такихъ кабанчиковъ, которые до сихъ поръ не выходятъ изъ его памяти. Что же касается его научныхъ и литературныхъ воззрѣній, то они весьма своеобразны. Такъ напримѣръ, онъ тебѣ скажетъ, что Толстой уже не существуетъ, да и видѣть его никто не видитъ, а выпускаютъ подъ его именемъ брошюры какіе-то анонимы изъ разныхъ вредныхъ сектъ. Потому всѣ эти «Крейцеровы сонаты», «Плоды просвѣщенія» и проч. слѣдовало бы, по его мнѣнію, сжечь. А о холерѣ онъ того мнѣнія, что она непремѣнно попадаетъ въ человѣческій организмъ черезъ носъ. Словомъ, что̀ называется, въ полномъ смыслѣ баринъ,—заключилъ Кремневъ, смѣясь.—Жена его, Анна Ѳедоровна, гораздо моложе своего мужа; ей лѣтъ 40 съ небольшимъ. Не будь того воспитанія, которое ей дали,—пожалуй, изъ нея могла бы выйти женщина умная и дѣльная. Но вмѣсто этого въ головѣ ея какой-то сумбуръ, которымъ вообще отличаются наши петербургскія свѣтскія дамы. Тутъ есть слѣды такихъ разнородныхъ элементовъ, вліявшихъ на нее съ дѣтства, что и самый тонкій психологъ не разберется въ нихъ. Представь себѣ свѣтскую даму, которая почему-то считаетъ умнымъ или модньмъ всегда поносить свѣтъ и его искушенія, считающая себя архиправославной, но превозносящая то католицизмъ, то протестантизмъ, а иногда даже и буддизмъ; на словахъ ратующая за общее равенство, а на дѣлѣ довольно спесивая съ меньшей братіей, а порой нѣсколько и тиранка. При всемъ томъ, прелюбезная дама и по своему любящая своихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, кормитъ и одѣваетъ ихъ хорошо... Единственная дочь ихъ, Наталья Яковлевна, дѣвушка 19 лѣтъ. Она умная, живая и красивая. А что̀ изъ нея выдетъ? Трудно сказать. Наконецъ, братъ ея Володя,—какъ я тебѣ говорилъ,—мальчикъ способный и хорошій. Надѣюсь, что изъ него выдетъ хорошій человѣкъ. Есть еще въ семьѣ нашей одна изъ твоихъ новыхъ соотечественницъ,—пошутилъ Кремневъ,—миссъ Суанъ, компаньонка при Натальѣ Яковлевнѣ. Не знаю, каковы англичане вообще, но долженъ сознаться, что имѣющійся у насъ экземпляръ — вполнѣ хорошаго качества, дѣльная особа. О себѣ скажу, что меня здѣсь любятъ и я

пользуюсь даже нѣкоторымъ авторитетомъ. Такъ я посовѣтовалъ Якову Дмитріевичу, вмѣсто того чтобы проводить лѣто въ отвратительныхъ петербургскихъ дачныхъ мѣстахъ, пріобрѣсти небольшое имѣніе подъ Москвою. Онъ меня послушалъ, и вотъ второй годъ мы живемъ лѣтомъ въ деревнѣ.

Невинъ съ интересомъ слушалъ своего друга.

— Вотъ это хорошее дѣло!—живо прервалъ онъ Кремнева.—Необходимо имѣть съ родиной вещественную связь, корни пустить... Вся бѣда нашего дворянства, что оно — дворянство безъ дворовъ. Нельзя такъ жить... какими-то миражами...—добавилъ онъ задумчиво. Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите,—сказалъ Кремневъ, обернувшись.

Это была Анна Ѳедоровна.

Она была элегантно одѣта въ простое, но изящное темное шерстяное платье, оттѣнявшее ея бѣлое, еще привлекательное, лицо.

— Pardon, — проговорила она, останавливаясь у двери при видѣ гостя.—Я, кажется, вамъ помѣшала.

— Позвольте вамъ представить моего друга, Петра Николаевича Невина,—сказалъ Кремневъ, вставая.

Невинъ поклонился.

— Ахъ, я столько слышала о васъ, мсьё Невинъ, отъ Родіона Михайловича!—быстро заговорила она, протягивая ему руку.—Вы, кажется, только что вернулись изъ-за границы. Счастливый вы человѣкъ... Вотъ гдѣ живутъ, не то, что у насъ!

— Ну, я съ вами несогласенъ, Анна Ѳедоровна, — прервалъ ее Кремневъ.—Переселите къ намъ французовъ, они и у насъ заживутъ. Тутъ за-граница непричемъ. Мы-то не умѣемъ пользоваться даже тѣмъ, что имѣемъ...

— Я вижу, вы хотите поспорить со мной, Родіонъ Михайловичъ, а я совсѣмъ не расположена... — отвѣтила, смѣясь, Анна Ѳедоровна.—Я хотѣла предложить вамъ поѣхать съ нами вечеромъ на концертъ. Но вы, вѣроятно, пожелаете провести вечеръ съ мсьё Невинымъ?

— Да, прошу васъ, Анна Ѳедоровна, извинить меня, сегодня: я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ,—произнесъ Кремневъ.

— Такъ до свиданія! Боюсь помѣшать вашей бесѣдѣ. На-

дѣюсь, мы будемъ съ вами знакомы, не правда ли?—обратилась она къ Невину.

Тотъ поблагодарилъ.

— Вотъ тебѣ и Анна Ѳедоровна Арнаутова, — сказалъ Кремневъ, когда они остались одни.—Какъ видишь, дама весьма любезная. Но ужь эта любезность, эта любезность!..— замѣтилъ Кремневъ, покачивая головой.

— Ты, кажется, кстати и Анну Ѳедоровну обучаешь,—замѣтилъ Невинъ, улыбнувшись.

— Къ сожалѣнію, взрослыхъ не перевоспитаешь, — отвѣтилъ Кремневъ.

Невинъ собрался уходить.

— Приходи же пораньше, я буду все время дома, — сказалъ онъ, прощаясь.

— Подожди, я тебѣ покажу моего Володю,—удержалъ его Кремневъ и вышелъ изъ комнаты.

Онъ скоро вернулся въ сопровожденіи воспитанника. Это былъ здоровый мальчикъ лѣтъ 14, съ румянымъ, веселымъ лицомъ.

— Ну-ка, поговори съ нимъ по англійски: правда ли, что онъ хорошо знаетъ этотъ языкъ, какъ увѣряетъ миссъ Суанъ.

Кремневъ подвелъ мальчика къ Невину. Тотъ ласково съ нимъ поздоровался и обмѣнялся нѣсколькими фразами по англійски. Володя отвѣчалъ бойко, не запинаясь, и Невинъ вполнѣ одобрилъ его успѣхи.

— А куда вы готовитесь поступить? — спросилъ онъ его. Мальчикъ засмѣялся и вопросительно взглянулъ на Кремнева.— Да покуда никуда,—отвѣтилъ онъ, продолжая смѣяться.

— Какъ такъ никуда?—удивился Невинъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ за него Кремневъ.—Вопросъ этотъ мы еще успѣемъ рѣшить. А ты вотъ посмотрѣлъ бы, какъ онъ токарничаетъ, навѣрное одобрилъ бы; мы вѣдь не для блажи это дѣлаемъ и годика черезъ два будемъ держать экзаменъ въ ремесленномъ училищѣ на полученіе форменнаго аттестата.

— Славный мальчикъ! ты что же его по толстовски воспитываешь?—спросилъ Невинъ Кремнева, когда Володя ушелъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ ему тотъ.—Обучаться ремеслу полезно не только для тѣла, но и для духа. Mens sana in corpore sano.

— А какъ относится къ этому отецъ?—спросилъ Невинъ.

— Сперва, когда внесли всѣ эти инструменты и станки, онъ было на меня накинулся, называя меня чуть ли не нигилистомъ. А когда Володя, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, приподнесъ ему красивую деревянную рамку для фотографіи, собственнаго издѣлія, онъ подарилъ ему золотые часы. Самое трудное при воспитаніи Володи,—замѣтилъ Кремневъ, — это именно отношеніе къ нему родителей. У насъ во взглядахъ родителей на дѣтей кладется въ основаніе какое-то намѣренное неуваженіе къ нимъ для поддержанія своего авторитета, а любовь къ нимъ выражается пустымъ баловствомъ... И эта система самая пагубная. Ребенокъ очень чутокъ по части уваженія къ себѣ, и по моему это самый сильный рычагъ въ успѣхѣ правильнаго воспитанія.

Простившись съ Кремневымъ, Невинъ отправился на Волково кладбище помолиться на могилѣ матери. Отецъ его былъ похороненъ на другомъ кладбищѣ. Долго молился онъ на дорогой могилѣ и одно нѣжное воспоминаніе безъ примѣси сердечной горечи наполнило его душу.

Въ 8 часовъ вечера Невинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ ожиданіи друга. На него опять нашло тяжелое томленіе, совсѣмъ забытое имъ въ послѣдніе годы. Къ тому же предстоявшее объясненіе съ другомъ волновало его.

— Нужно ему сразу все высказать,—рѣшилъ онъ. Въ коридорѣ послышались шаги. Это былъ Кремневъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, раздѣлся и сѣлъ, между ними на нѣкоторое время водворилось молчаніе.

— Значитъ ты снова уѣзжаешь!—произнесъ наконецъ Кремневъ.

— Да, ѣду...—отвѣтилъ Невинъ напрямикъ.

Кремневъ грустно посмотрѣлъ на него.

— Я знаю, повѣрь мнѣ, все, что ты хочешь сказать—началъ Невинъ. — И все это вѣрно, все это я самъ сознаю. Здѣсь вопросъ не въ томъ, какъ я долженъ бы поступить... Эхъ, Родя! знаешь, я, какъ птенецъ, вылетѣвшій слишкомъ рано изъ гнѣзда. Быть можетъ, онъ и погибнетъ вдали отъ родной вѣтки, но, какъ ты его ни сажай въ гнѣздо, онъ все будетъ вылетать изъ него: манятъ его неудержимо зеленыя поля, шумящія дубравы, вольный воздухъ, которымъ онъ

успѣлъ уже надышаться!.. Ты скажешь, что это поэзія; но развѣ поэтъ не объясняетъ сердцемъ того, чего не объяснишь умомъ?—Петръ Николаевичъ поднялся и взволнованнымъ голосомъ продекламировалъ:

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Кремневъ слушалъ товарища, сдвинувъ брови.

— «Нивы безплодныя»! но кому же ихъ засѣвать, какъ не намъ съ тобой? — произнесъ онъ.—Пусть жатву соберутъ наши дѣти и внуки. Намъ же надо сѣять зерно нравственной силы, чтобы выросло изъ него новое поколѣніе, крѣпкое, здоровое, не похожее на прежнихъ развинченныхъ слабняковъ или энергическихъ держимордъ. Развѣ въ этомъ самоотверженіи нѣтъ также могучей поэзіи; въ этой надеждѣ развѣ нельзя почерпнуть достаточныхъ силъ!

— Родя, ты сильнѣе меня, ты человѣкъ инаго закала, чѣмъ я,—съ грустью произнесъ Невинъ. — Наконецъ, у тебя есть мать, сестра, которыхъ ты любишь и они тебя любятъ; а я здѣсь одинъ, для всѣхъ чужой, и мнѣ всѣ чужіе...

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ обзавестись своей семьей? ты еще молодъ, средства у тебя есть, полюби и женись,—возразилъ Кремневъ.

— Ну, а дальше что же?—спросилъ Невинъ.

— А дальше? а дальше: купи имѣніе, да поѣзжай въ деревню—тамъ дѣла, живаго дѣла, непочатый уголъ, а въ работникахъ большой недостатокъ,—убѣждалъ Кремневъ своего друга.

Невинъ молчалъ. «Полюби и женись» — мысленно повторялъ онъ слова Кремнева, и воспоминанія о проведенномъ времени въ семействѣ Гамильтонъ точно волною охватили его. Онъ не въ силахъ былъ удержаться, чтобы не подѣлиться со своимъ другомъ этими дорогими для него воспоминаніями, и сталъ горячо разсказывать ему обо всемъ: о своей жизни за границей, о тепломъ, сердечномъ отношеніи къ нему англійскаго семейства Гамильтонъ, о своихъ занятіяхъ въ конторѣ мистера Гамильтона. О миссъ Алисъ онъ, впрочемъ, умолчалъ.

Кремневъ молча слушалъ Невина и, когда тотъ кончилъ, онъ только сказалъ ему:

— Жалѣю объ одномъ, что все это ты встрѣтилъ не здѣсь, на своей родинѣ, а въ чужихъ краяхъ,—и, подумавъ съ минуту, спросилъ Невина:

— А скоро ты думаешь возвратиться туда?

— Да съ мѣсяцъ пробуду здѣсь,—отвѣтилъ Невинъ.

— Значитъ, еще побесѣдуемъ!—радостно произнесъ Кремневъ,—ну, а теперь мнѣ пора... Да, чуть было не забылъ передать тебѣ: Анна Ѳедоровна просила тебя послѣ завтра на обѣдъ. Ты будешь, надѣюсь?

— А будетъ у нихъ кто нибудь?—спросилъ Невинъ.

— Баронъ тамъ одинъ будетъ и, кажется, больше никого.

— Какой баронъ?—полюбопытствовалъ Невинъ.

— Остзейскій баронъ Кравенъ, даже фонъ-Кравенъ,—нѣсколько иронически замѣтилъ Кремневъ.— Придешь—увидишь.

Невинъ согласился и просилъ Кремнева поблагодарить за него Анну Ѳедоровну.

Когда шаги Кремнева затихли въ отдаленіи коридора, Петръ Николаевичъ задумчиво сѣлъ къ письменному столу, а потомъ, очнувшись, досталъ листъ почтовой бумаги и сталъ писать длинное письмо мистеру Гамильтону.

VI.

Наканунѣ того дня, въ который онъ былъ приглашенъ обѣдать къ Арнаутовымъ, Невинъ занялся своими дѣлами. Утромъ онъ заѣхалъ въ свою квартиру на Надеждинскую улицу, гдѣ были сложены его вещи. Новый швейцаръ, поступившій на мѣсто во время его пребыванія за границей, сперва не согласился его впустить, признавая за хозяина только Кремнева, приходившаго каждый мѣсяцъ платить за квартиру. Чтобы разрѣшить недоразумѣніе, Невину пришлось обратиться къ самому домовладѣльцу. Петръ Николаевичъ увидѣлъ въ этомъ приключеніи нѣкотораго рода знаменье. «Видно, не судьба мнѣ вернуться домой»!—подумалъ онъ.

Оставшись одинъ въ квартирѣ, онъ сѣлъ, не раздѣваясь, на широкое кресло, покрытое пожелтѣвшимъ отъ времени

чехломъ, съ грустными чувствами глядя на запыленную, столь знакомую обстановку, среди которой протекла его молодость. Онъ вспомнилъ кабинетъ отца, пріемы просителей, являвшихся ходатайствовать о мѣстахъ и казавшихся ему всегда какими-то запуганными и жалкими. Онъ вспомнилъ смерть отца, его похороны, холодно-приличные некрологи въ газетахъ о его дѣятельности, а тамъ—молчаніе, забвеніе, полное исчезновеніе навѣки. Еще одно воспоминаніе быстро пронеслось въ его памяти. На слѣдующій день послѣ похоронъ, какая-то незнакомая ему среднихъ лѣтъ женщина, съ краснымъ лицомъ, вульгарными чертами и манерами, настояла увидѣться съ нимъ. Съ какой-то слезливой наянливостью она объяснила ея давнее знакомство съ покойнымъ отцомъ и для доказательства вынула изъ находившагося въ ея рукахъ кожанаго мѣшочка письмо къ ней отца, которое Петръ Николаевичъ отказался прочесть.

Онъ вышелъ въ другую комнату, положилъ въ конвертъ пятьсотъ рублей и велѣлъ лакею передать ихъ этой женщинѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ея и не видалъ.

Петръ Николаевичъ поднялся.

— Все это нужно продать, — рѣшилъ онъ и, выдя на лѣстницу, возвратилъ ключъ швейцару.

Изъ квартиры Петръ Николаевичъ поѣхалъ на Невскій, въ банкирскую контору. Тутъ онъ узналъ, что акціи, въ которыхъ находился его капиталъ въ послѣднее время, упали и, на его заявленіе о желаніи реализировать эти бумаги, ему совѣтовали обождать. Онъ и рѣшилъ совершить эту операцію только передъ самымъ своимъ отъѣздомъ. Оттуда Петръ Николаевичъ поѣхалъ сдѣлать визитъ Арнаутовымъ; но, подъѣхавъ къ ихъ дому, узналъ отъ швейцара, что господъ не было дома и онъ оставилъ двѣ визитныя карточки. Къ Кремневу онъ не зашелъ, отчасти потому, что не желалъ отрывать его отъ занятій, отчасти, чтобы подчеркнуть исключительность своего визита Аннѣ Ѳедоровнѣ и ея мужу.

Петръ Николаевичъ опять поѣхалъ на Невскій, купилъ у Mellier нѣсколько новыхъ англійскихъ и французскихъ книгъ, а затѣмъ вернулся обѣдать въ свою гостинницу. Вечеромъ онъ отправился въ Александринскій театръ. Ему хотѣлось услышать русскій языкъ, видѣть русскихъ актеровъ и, не смотря на безсодержательность даваемой пьесы, изображавшей какіе-

то ресторанные нравы съ трагической смертью героини, онъ остался весьма доволенъ своимъ вечеромъ.

На слѣдующій день, когда Петръ Николаевичъ вернулся въ гостинницу къ 4-мъ часамъ, швейцаръ передалъ ему визитную карточку Якова Дмитріевича Арнаутова. На ней, подъ его именемъ, неровнымъ и крупнымъ почеркомъ было написано нѣсколько словъ: «Очень сожалѣю, что не застали. Жена и я очень просимъ къ намъ сегодня на обѣдъ», причемъ слово «сожалѣю» было написано черезъ *е*. «Ужь не новое ли это правописаніе?» подумалъ Невинъ:—трудно представить себѣ, чтобы такой видный баринъ, какъ Яковъ Дмитріевичъ Арнаутовъ, могъ быть безграмотнымъ.

Готовясь идти на обѣдъ, Петръ Николаевичъ тщательно занялся своимъ туалетомъ. Въ Англіи онъ привыкъ обращать большое вниманіе на одежду и ему теперь было пріятно думать снова объ этомъ, какъ дѣлалъ онъ каждый разъ, когда обѣдалъ въ семействѣ своихъ милыхъ англійскихъ друзей. Онъ рѣшилъ было надѣть свой смокингъ-жакетъ, особенный вестонъ, вошедшій въ моду за границей, но, не зная, насколько эта мода вступила въ права въ Петербургѣ, предпочелъ надѣть фракъ. Обувшись въ лакированныя ботинки и окончивъ свой туалетъ, Невинъ взглянулъ на часы. Былъ уже шестой часъ. Желая по дорогѣ заѣхать еще къ парикмахеру, Петръ Николаевичъ собрался въ путь.

Подъѣзжая къ дому на Сергіевской улицѣ, онъ былъ въ нѣкоторой нерѣшительности, какъ ему поступить: зайти ли раньше къ Кремневу, или велѣть доложить о себѣ черезъ парадный ходъ? Въ концѣ концовъ, онъ рѣшился зайти раньше къ Родіону Михайловичу и приказалъ извощику остановиться у воротъ. На его звонокъ, Кремневъ самъ открылъ ему дверь и радостно привѣтствовалъ. Когда они вошли въ кабинетъ, ярко освѣщенный двумя лампами, Кремневъ окинулъ товарища довольнымъ взглядомъ.

— Молодецъ!—сказалъ онъ, отступивъ на шагъ.—Фасонисто сшито, что̀ и говорить.

— А я боялся, что ты меня осудишь за излишнюю элегантность,—отвѣтилъ Невинъ, улыбаясь.

— Отчего же осуждать? Нужно быть самимъ собой. По моему, одинаково смѣшенъ и разжившійся выскочка, стараю-

щійся смахивать на барина, и баринъ, притворяющійся мужикомъ. Говорятъ, нужно «опроститься» —въ этомъ спасеніе. А это глупость и слабость ума. Это все равно, какъ еслибы изъ жалости къ слѣпому я себѣ выкололъ глаза. Выколоть-то выколю, а потомъ выть буду! Будь бариномъ, если нравится, но бариномъ полезнымъ для родины, дѣйствительно любящимъ ее. Вотъ эта-то пропаганда намъ и нужна.

Въ эту минуту, въ комнату вошелъ Володя. Поздоровавшись съ Невинымъ, онъ подошелъ къ Кремневу и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Хорошо, мы сейчасъ придемъ,—сказалъ ему Кремневъ, и мальчикъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ну, пойдемъ обѣдать. Анна Ѳедоровна насъ ждетъ,— пригласилъ Кремневъ.

Изъ кабинета они прошли въ большую студію, гдѣ Володя бралъ уроки. Тутъ же находились его токарные станки и разныя гимнастическія приспособленія. Оттуда они вошли на площадку изящной лѣстницы, которая вела въ нижній этажъ, гдѣ находились: столовая, пріемныя комнаты и аппартаменты Якова Дмитріевича. На верху же, кромѣ Володи и Кремнева, помѣщались: Анна Ѳедоровна, ея дочь и миссъ Суанъ.

Въ ту минуту какъ Кремневъ и Невинъ вышли на площадку лѣстницы, съ другой стороны ея быстро отворилась дверь и на порогѣ показалась дѣвушка, просто одѣтая въ бѣлое, съ голубыми лентами, платье. Она видимо торопилась внизъ, но сразу остановилась, не столько смущенная, сколько озадаченная при видѣ незнакомца. Это была Наталья Яковлевна. Кремневъ, дѣйствительно, не польстилъ ей, сказавъ Невину, что она очень красива. И не только красива была она чертами, но красива живымъ выраженіемъ души, ярко игравшей въ ея чертахъ. Въ нихъ читались и доброта, и насмѣшка, и веселость, близкая къ задумчивости. И всѣми этими чувствами какъ бы управляли большіе сѣро-голубые глаза, обрамленные густыми, темными рѣсницами, придававшими ея взгляду какую-то особенную, таинственную прелесть.

— Вотъ такъ кстати!—обратился къ ней Кремневъ, съ особеннымъ дружелюбнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.—Это мой другъ, Наталья Яковлевна, о которомъ вы, кажется, не разъ слышали,—показалъ онъ на Невина. Дѣвушка взглянула лю-

бопытнымъ и пристальнымъ взглядомъ на Петра Николаевича, слегка вспыхнула и протянула ему руку.

Потомъ она сразу оживилась.

— Простите, Родіонъ Михайловичъ,—сказала она,—я побѣгу впередъ. Мамаша уже три раза посылала за мной, чтобъ занимать Александра Карловича, а я все мѣшкаю.—И, легкая какъ птичка, она засѣменила каблучками по ступенямъ лѣстницы.

— Какая она хорошенькая,—замѣтилъ Петръ Николаевичъ своему другу.

— Ты находишь?—отвѣтилъ ему Кремневъ.—Очень пріятно слышать, что послѣ англійскихъ красавицъ и русская получила твое одобреніе.

— Полное одобреніе,—продолжалъ Невинъ:—какіе глаза! Такъ и свѣтятъ въ душу!

Друзья спустились въ мраморныя сѣни нижняго этажа, и здѣсь Кремневъ открылъ бѣлую съ золотыми полосками дверь, ведущую въ гостинную, гдѣ ожидали ихъ хозяева.

Первымъ всталъ и любезно подошелъ къ Невину Яковъ Дмитріевичъ Арнаутовъ. Полный, осанистый, съ длинными серебристыми баками и откинутыми назадъ густыми, также бѣлыми волосами, онъ глядѣлъ еще очень свѣжимъ. А въ красивомъ его лицѣ, съ орлинымъ носомъ и черными бровями, нависшими надъ голубыми глазами, проглядывало какое-то молодечество и даже ухарство. Впрочемъ, Яковъ Дмитріевичъ казался бодрѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ страдалъ припадками подагры и красное лицо выдавало излишнее полнокровіе.

— Наконецъ-то мы встрѣчаемся,—громко засмѣялся онъ, подходя къ Невину и добродушно протягивая ему руку,—а то мы съ вами какъ въ кошку-мышку играемъ: я къ вамъ—нѣту, вы ко мнѣ—также нѣту. Очень пріятно познакомиться. Вѣдь я вашего батюшку Николая Аполлоновича хорошо зналъ. Достойный былъ человѣкъ и умница! Сколько разъ мы съ нимъ въ англійскомъ клубѣ, бывало, въ винтъ сражались... Что дѣлать? нужно намъ старикамъ очищать мѣсто молодымъ. Ну, добро пожаловать, вѣдь вы, кажется, все въ Англіи жили?

Петръ Николаевичъ хотѣлъ отвѣтить, какъ Анна Ѳедоровна приблизилась къ нимъ.

— Здравствуйте, Петръ Николаевичъ,—поздоровалась она

съ нимъ. Позвольте вамъ представить нашего хорошаго друга—баронъ Александръ Карловичъ фонъ-Кравенъ,—указала она на подошедшаго къ нимъ барона. Баронъ былъ высокій, худощавый блондинъ бѣлесоватаго тона, съ холоднымъ взглядомъ маленькихъ голубыхъ глазъ. Онъ только что былъ произведенъ въ столоначальники. Второй годъ уже онъ былъ знакомъ съ семействомъ Арнаутовыхъ, и Анна Ѳедоровна выказывала ему очень замѣтное благоволеніе.

— Ну, теперь вы, кажется, со всѣми познакомились,—продолжала она, не обращая вниманія на миссъ Суанъ, которая стояла по близости и не сводила глазъ съ Петра Николаевича, видимо желая съ нимъ познакомиться. Но Анна Ѳедоровна считала, вѣроятно, ниже своего достоинства представлять свою гувернантку.

— Извините меня, мистеръ Невинъ,—вдругъ съ храбростью выступила впередъ миссъ Суанъ,—если я сама себя представлю. Я знаю, что вы только что пріѣхали изъ Лондона, и мнѣ такъ хочется пожать вашу руку,—горячо молвила она по англійски.

— Очень радъ. Да, я большой другъ вашей родины, Old mother England,—отвѣтилъ онъ ей по англійски.

— О, я знаю, я это сейчасъ угадала въ вашихъ глазахъ,—отвѣтила миссъ Суанъ, совершенно обрадованная. Въ эту минуту лакей доложилъ, что обѣдъ поданъ, и всѣ перешли въ сосѣднюю столовую.

За обѣдомъ завязался разговоръ.

— Скажите, пожалуйста, Петръ Николаевичъ,—началъ Яковъ Дмитріевичъ,—какъ это вы ухитрились такъ поладить съ англичанами. Я въ Англіи не бывалъ, меня всегда стращили англійскіе туманы и англійскіе plum-pudding'и, но вѣдь вообще говорятъ, что англичане не особенно долюбливаютъ насъ—русскихъ. Правда ли это?

— Я пріѣхалъ въ Англію при особенныхъ условіяхъ—отвѣтилъ Невинъ.—У меня ужь были тамъ друзья,—и онъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ г-жей Гамильтонъ, причемъ въ первый разъ упомянулъ также объ ея дочери.

Кремневъ, при этомъ, какъ-то значительно на него посмотрѣлъ.

— Въ первое время,—продолжалъ онъ,—меня очень смѣшили друзья мистера Гамильтона, съ которыми мнѣ приходи-

лось знакомиться. Англичане — большіе охотники и первый вопросъ послѣ знакомства былъ всегда: «какъ у насъ охотятся на медвѣдей»? Но такъ какъ я въ жизни никогда не охотился ни на медвѣдей, ни на другихъ звѣрей, то моимъ чистосердечнымъ признаніемъ я навѣвалъ на нихъ сильное сомнѣніе насчетъ подлинности моего русскаго происхожденія. Поэтому г-нъ Гамильтонъ впослѣдствіи изобрѣлъ такую формулу представленія меня своимъ новымъ знагомымъ:—г-нъ Невинъ, русскій, но который на медвѣдей не охотился.

— Изъ этого можно заключить,—замѣтила Анна Ѳедоровна,—что слово: «русскій» невольно вызываетъ за границей представленіе о медвѣдѣ. Какъ это ни прискорбно для нашего самолюбія, а вѣдь на дѣлѣ это сопоставленіе слишкомъ часто оправдывается. Когда это мы, въ самомъ дѣлѣ, будемъ вполнѣ цивилизованными людьми?—со вздохомъ заключила она.

— Вотъ чего ты захотѣла, ma chère!—отвѣтилъ Яковъ Дмитріевичъ.—Ты забываешь, что мы—молодая нація. Вотъ и Володя знаетъ, что намъ всего тысячу лѣтъ отъ роду. А правда, какъ подумаешь: гдѣ же мы находились до этого времени? Родіонъ Михайловичъ, помогите! Эти восемьсотъ-то слишкомъ лѣтъ отъ Р. Х. неужели такъ-таки мы и не существовали? Вѣдь это обидно думать.

— Что жь, если мы и теперь еще такъ молоды, то нужно полагать, что мы эти 800 лѣтъ провели младенцами на рукахъ мамокъ,—насмѣшливо отвѣтилъ Кремневъ.

— Да, и мамки эти навѣрное были не русскія, — при общемъ смѣхѣ заявила Анна Ѳедоровна. — Я всегда говорю,—продолжала она,—что русскіе—именно дѣти по своему характеру, и всегда требовали и будутъ требовать посторонняго руководства. Вся наша исторія это доказываетъ. Теперь пошла мода на все русское: на русскую самостоятельность, русскую національность. Что же! Отъ насъ Европа и отвернется. Кому же, китайцамъ что ли мы руку протянемъ!

— Отчего бы и не китайцамъ?—заговорилъ Кремневъ, котораго покоробили слова Анны Ѳедоровны.—По крайней мѣрѣ, отъ нихъ намъ польза будетъ. Вонъ англичане что̀ изъ Индіи извлекаютъ. А намъ чего ждать отъ дружбы хотя бы съ Германіей, напримѣръ? Одной эксплуатаціи.

— Ахъ, Родіонъ Михайловичъ, — отвѣтила ему Анна Ѳе-

доровна недовольнымъ тономъ: — вы неисправимый человѣкъ. А кто же насъ сдѣлалъ тѣмъ, чѣмъ мы есть, какъ не нѣмцы. Нужно же быть справедливымъ!

Баронъ, котораго этотъ споръ задѣлъ за живое, счелъ нужнымъ вставить свое слово.

— Г-нъ Кремневъ,—началъ онъ назидательнымъ, пѣвучимъ голосомъ,—сейчасъ упомянулъ объ Индіи. Но вѣдь англичане управляютъ этой страной только благодаря ихъ высокой культурѣ. А вы должны согласиться, что русская культура въ массѣ далеко еще не достигла европейской высоты. Слово: культура баронъ произносилъ по нѣмецки: «kultur», проглатывая послѣдній слогъ.

— Если вы учились исторіи, г-нъ баронъ,—не стѣсняясь, отвѣтилъ ему Кремневъ,—вы должны знать, что древніе высокоцивилизованные,—культурные, какъ вы ихъ называете,—народы были порабощены разными гуннами, галлами, остроготами, тевтонами, вашими предками,—вставилъ Кремневъ,—и другими дикими племенами, значитъ, въ дѣлѣ порабощенія одного племени другимъ культура не играетъ никакой роли. Вопросъ не въ этомъ. Я ратую за то, чтобы русскій народъ не находился подъ вѣчной опекой другихъ народностей, потому что въ этой опекѣ онъ обезличивается и обезсиливается, словомъ, теряетъ свой истинный характеръ.

— Мы съ вами не сойдемся, г-нъ Кремневъ, — отвѣтилъ баронъ, взглянувъ со снисходительной улыбкой въ сторону Анны Ѳедоровны.—Это московское славянофильство совсѣмъ отжило свой вѣкъ...

— О, нѣтъ,—вмѣшался Невинъ въ разговоръ,—я вполнѣ придерживаюсь взглядовъ моего друга. Россія находится въ иныхъ условіяхъ развитія, чѣмъ другія страны. Территорія ея гораздо обширнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнороднѣе. Можно сказать, что идея національнизма находится въ ней еще въ колыбели. Поэтому, необходимо защищать эту идею, поставить ее хотя бы подъ покровительство секты,—кучки славянофиловъ,—если все образованное общество не записалось еще въ число ея приверженцевъ. Прежде всего, конечно, нужно обратить вниманіе на воспитаніе. Будущность Россіи — въ ея дѣтяхъ. Въ Англіи меня поразила эта сторона общественной жизни. Я даже не говорю о высшихъ классахъ. Но возьмите

прямо какого нибудь уличнаго мальчугана. Въ немъ такъ-таки и проглядываютъ всѣ качества и, пожалуй, недостатки англичанина: прямота, гордость, самостоятельность и непоколебимо-высокое мнѣніе о своей національности. А вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ болѣе космополитическаго народа, чѣмъ англичане. Но англичанинъ и на краю свѣта остается самимъ собой. Переселись онъ на сѣверный полюсъ, онъ и тамъ выстроитъ свою кирку и первымъ дѣломъ очиститъ мѣсто для игры въ крикетъ или въ лонъ-тенисъ.

— Что это за игра? — прервала его съ любопытствомъ Анна Ѳедоровна.

Петръ Николаевичъ принялся описывать эту игру, въ которой каждая англійская дѣвушка считаетъ своимъ долгомъ преуспѣвать.

— Миссъ Суанъ,—обратилась къ ней Наталья Яковлевна, съ увлеченіемъ выслушавъ Невина,—мы непремѣнно должны въ будущемъ году устроить такую игру въ деревнѣ, не правда ли? Какъ это будетъ хорошо!

— Ну, будетъ съ тебя и русскихъ пятнашекъ, — засмѣялась Анна Ѳедоровна, вдругъ сдѣлавшаяся въ этомъ случаѣ руссофилкой.

Между тѣмъ подали шампанское. Шампанское подавалось у Арнаутовыхъ запросто, каждый день за обѣдомъ, такъ какъ Яковъ Дмитріевичъ любилъ выпить нѣсколько глотковъ его. Но на этотъ разъ Анна Ѳедоровна провозгласила маленькій тостъ.

— Яша,—обратилась она къ мужу, — нужно сегодня поздравить Александра Карловича; ты знаешь, онъ наконецъ получилъ давно ожидаемое имъ мѣсто.

— А, поздравляю васъ,—повернулся къ нему Яковъ Дмитріевичъ, подымая бокалъ въ его направленіи. — Это хорошее дѣло. Служба никогда не предастъ! — замѣтилъ онъ докторально.

Баронъ съ заискивающей миной чокнулся съ Анной Ѳедоровной. Потомъ онъ церемонно обратился къ Натальѣ Яковлевнѣ, желая также чокнуться съ ней, но та успѣла залпомъ выпить свой стаканъ.

— Ахъ, простите, я уже выпила,—засмѣялась она, лукаво взглянувъ черезъ столъ на Петра Николаевича.

— Nathalie,—строго замѣтила ей мать.

Послѣ шампанскаго, Яковъ Дмитріевичъ замѣтно веселѣлъ. Онъ сталъ разспрашивать Петра Николаевича объ англійской кухнѣ, о винахъ и т. п.

— Англійскій столъ,—отвѣтилъ ему Невинъ,—состоитъ изъ простыхъ блюдъ, достоинство которыхъ заключается исключительно въ превосходномъ качествѣ англійскаго мяса. Зато супъ тамъ почти никогда не подается. Со мной произошло по этому случаю почти трагическое приключеніе. Въ первое время моего пребыванія въ Англіи, отсутствіе супа составляло для меня нѣкотораго рода лишеніе и я какъ-то разъ упомянулъ объ этомъ за столомъ у г-на Гамильтона. «Ахъ, вы любите супъ, такъ я угощу васъ имъ въ слѣдующій разъ»,—любезно сказалъ онъ мнѣ тутъ же. Дѣйствительно, когда на слѣдующій разъ я пришелъ обѣдать, первымъ блюдомъ оказался супъ, именно оксъ-тель-супъ, единственный имѣющійся англійскій супъ изъ бычачьихъ хвостовъ, приправленный неимовѣрнымъ количествомъ краснаго перца. На этотъ разъ,—вѣроятно, изъ любезности ко мнѣ,—для лучшаго вкуса, супъ былъ насыщенъ такимъ количествомъ этого перца, что при первомъ же глоткѣ все нёбо мое воспламенилось и я съ испугомъ взглянулъ на остававшуюся у меня въ тарелкѣ порцію, которую мнѣ предстояло въ себя влить. Между тѣмъ, мои англійскіе друзья, по привычкѣ, преспокойно продолжали глотать эту огненную жидкость, нѣсколько насмѣшливо глядя на меня. Отстать же отъ нихъ не было возможности. Супъ былъ поданъ спеціально изъ любезности ко мнѣ и я долженъ былъ его откушать во что бы то ни стало. Положеніе мое было по истинѣ трагическое. Къ счастью, меня осѣнила слѣдующая мысль. Я почему-то вспомнилъ про русскую стерляжью уху, приготовленную на шампанскомъ, и видя передъ собой бутылку бѣлаго вина, я взялъ ее и обратился къ хозяйкѣ съ слѣдующей рѣчью: «вашъ супъ превосходенъ,—сказалъ я,—но я попрошу вашего позволенія приготовить его по русски: онъ мнѣ покажется еще вкуснѣе». И, раскупоривъ бутылку, поспѣшилъ на половину вылить ее въ тарелку. Затѣмъ принялся кушать. Правда, что вкуса онъ сталъ сомнительнаго, но зато я благополучно проглотилъ всю тарелку, не рискуя сжечь себѣ горло.

— Вонъ онъ, коварный Альбіонъ,—громко засмѣялся Яковъ Дмитріевичъ,—ужь не отравить ли они васъ хотѣли?

— Нѣтъ, они просто хотѣли отучить меня отъ супа, чего и достигли.

— Ну, я вижу, что англійская кухня не чета французской. Я никогда не забуду, какъ въ Парижѣ мнѣ подали блюдо изъ молодыхъ кабанчиковъ, des marcassins...—началъ было разсказывать свое любимое воспоминаніе Яковъ Дмитріевичъ, но Анна Ѳедоровна строго на него взглянула и, видя, что всѣ кончили ѣсть, пригласила своихъ гостей перейти пить кофе въ гостинную.

Когда всѣ уютно расположились въ роскошной гостинной, убранной тропическими растеніями, Анна Ѳедоровна обратилась къ дочери.

— Nathalie, ты бы намъ сыграла что нибудь. Вотъ хоть увертюру изъ Тангейзера въ 4 руки. Александръ Карловичъ навѣрное согласится тебѣ акомпанировать.

— Съ самымъ большимъ удовольствіемъ,—поспѣшилъ согласиться баронъ, вставая и подходя къ роялю. Но Наталья Яковлевна подошла къ матери. — Я, право, не могу сегодня играть: у меня голова кружится,—шепнула она ей на ухо.

— Très-bien, завтра мы объ этомъ поговоримъ, — вполголоса, разсерженно отвѣтила ей мать по французски.

— А что вы теперь думаете дѣлать? — обратился Яковъ Дмитріевичъ къ Невину, предложивъ папиросы своимъ гостямъ, и самъ закурилъ.

— Можетъ быть, думаете приняться за службу? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, о службѣ я и не думаю, — отвѣтилъ спокойно Петръ Николаевичъ.

— А знаете, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ. Une idée,—продолжалъ Яковъ Дмитріевичъ. — По совѣту Родіона Михайловича, я пріобрѣлъ въ московской губерніи небольшое имѣніе, гдѣ мое семейство проводитъ лѣто. Самъ я не могу, такъ какъ каждое лѣто долженъ ѣздить на воды въ Киссингенъ. Но я провелъ нѣсколько недѣль въ этомъ имѣніи и, право, мнѣ эта жизнь понравилась. Отчего бы вамъ также не пріобрѣсти имѣнія по нашему сосѣдству и не заняться хоть

сельскимъ хозяйствомъ? Ваши друзья—англичане — вѣдь они тамъ всѣ фермеры. Это и пріятная и полезная жизнь.

— Еслибы я отказался отъ мысли вернуться за-границу, я бы дѣйствительно это сдѣлалъ,—отвѣтилъ Невинъ.

— Ахъ, такъ вы, можетъ быть, снова уѣдете,—спросилъ его Яковъ Дмитріевичъ.

— Да, можетъ быть...

— Развѣ у васъ не осталось связей, родственниковъ, здѣсь?

— Нѣтъ, никого,—отвѣтилъ Невинъ.

— Да, я помню: вы, кажется, ребенкомъ лишились вашей матери. Но, еслибы вы хотѣли, у васъ не было бы недостатка въ знакомствахъ и между ними, надѣюсь, что вы будете считать и нашъ домъ.

Петръ Николаевичъ поблагодарилъ. Скрытая радость пробѣжала при послѣднихъ словахъ на лицѣ Натальи Яковлевны, за что она, быть можетъ, получила бы новый репримандъ отъ матери. Но Анна Ѳедоровна была очень занята бесѣдой съ барономъ о его служебныхъ дѣлахъ. Петръ Николаевичъ поднялся, не желая на первый разъ злоупотреблять оказаннымъ ему гостепріимствомъ. Онъ поблагодарилъ Анну Ѳедоровну, пригласившую его зайти къ нимъ запросто вечеромъ. Прощаясь съ Натальей Яковлевной, онъ почувствовалъ, будто ея маленькая ручка слегка дрогнула, и сочувственно на нее взглянулъ. Родіонъ Михайловичъ провелъ его въ сѣни и, прощаясь съ нимъ, Невинъ условился скоро увидѣться и горячо пожалъ ему руку.

На улицѣ свѣжій воздухъ пріятно обдалъ его разгоряченное лицо и онъ отправился домой пѣшкомъ, передумывая обстоятельства проведеннаго имъ вечера.

VII.

Прошло полтора мѣсяца. Санный путь уже установился, а Петръ Николаевичъ все еще жилъ въ Петербургѣ. Но не дѣла его задерживали. Мебель свою онъ продалъ, а съ денежными дѣлами покончилъ. И все таки онъ не уѣзжалъ, откладывая отъѣздъ со дня на день. Что онъ испытывалъ,—онъ и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Ему было такъ хорошо постоянно видѣться со своимъ другомъ, находиться вблизи его

и такъ тяжело казалось разстаться съ нимъ,—разорвать, быть можетъ, навсегда эту дорогую связь. Съ семействомъ Арнаутовыхъ онъ также сблизился. Онъ часто бывалъ у нихъ то на обѣдахъ, то на вечерахъ, то выѣзжалъ вмѣстѣ съ ними въ театръ. Яковъ Дмитріевичъ явно ему благоволилъ, а Анна Ѳедоровна относилась къ нему перемѣнчиво: то она бывала съ нимъ слишкомъ любезна, то вдругъ охладѣвала. И это охлажденіе, какъ замѣтилъ Петръ Николаевичъ, обыкновенно совпадало съ визитами барона фонъ-Кравенъ. Барону онъ не симпатизировалъ, хотя видимой причины для непріязни между ними не существовало. Невинъ просто чувствовалъ, что между ними не было ничего общаго и баронъ производилъ на него впечатлѣніе человѣка неискренняго, преслѣдующаго какія-то свои затаенныя цѣли въ чуждой ему средѣ. Зато отношенія его къ Натальѣ Яковлевнѣ дѣлались для него мало по малу источникомъ отраднаго чувства. Съ своей стороны, она видимо искала его общества, любила слушать его разсказы о заграничныхъ впечатлѣніяхъ и каждый взглядъ, каждое слово его находили глубокій откликъ въ ея душѣ. Между ними установилось какое-то невысказанное взаимное пониманіе. Съ Кремневымъ онъ продолжалъ часто видѣться, проводя у него цѣлые вечера, тянувшіеся иногда далеко за полночь, въ жаркой бесѣдѣ, касавшейся литературныхъ и общественныхъ вопросовъ.

Иногда Петръ Николаевичъ вспоминалъ о своемъ отъѣздѣ.

— Ну, подожди еще. Зачѣмъ тебѣ спѣшить?—уговаривалъ его Кремневъ, и въ его голосѣ слышался дружескій грустный укоръ, противъ котораго Невинъ не въ силахъ былъ возражать.

Зато изъ Англіи, отъ мистера Гамильтона, онъ за это время получилъ нѣсколько короткихъ писемъ, въ которыхъ тотъ справлялся о его здоровьѣ. Но, зная сдержанность мистера Гамильтона, Невинъ понималъ проглядывавшее въ этихъ строкахъ безпокойство о его возвращеніи.

Такимъ образомъ, прошло еще двѣ недѣли и Петръ Николаевичъ, наконецъ, твердо назначилъ свой отъѣздъ черезъ два дня. Рѣшившись, онъ собрался зайти днемъ къ Кремневу, чтобы окончательно сообщить ему объ этомъ. Пришедши на Сергіевскую улицу, онъ узналъ отъ швейцара, что Родіона

Михайловича не было дома, онъ вышелъ гулять съ Володей, но просилъ, въ случаѣ если придетъ Невинъ, обождать въ его комнатѣ, причемъ поручилъ швейцару передать ему ключъ отъ двери. Петръ Николаевичъ поднялся въ его квартиру и, снявъ пальто, усѣлся въ кабинетѣ. Въ ожиданіи его возвращенія, онъ принялся читать какую-то книгу.

Не долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, какъ дверь тихо отворилась и на порогѣ показалась Наталья Яковлевна.

Увидавъ Невина, она оживилась и быстро вошла въ комнату.

— Вы ждете Родіона Михайловича?—молвила она, поздоровавшись съ нимъ. — Онъ, вѣроятно, скоро вернется. А покуда, если я вамъ не помѣшаю, позвольте мнѣ постараться занять васъ, — сказала она какъ-то особенно весело, садясь на стулъ около Невина.

Петру Николаевичу въ первый разъ пришлось встрѣтиться наединѣ съ Натальей Яковлевной. И радость, и робость охватили его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грусть при мысли о скоромъ отъѣздѣ. Онъ ласково на нее взглянулъ, и ихъ глаза на минуту встрѣтились. Наталья Яковлевна слегка вспыхнула и, чтобъ скрыть свое смущеніе, взяла со стола разрѣзальный ножикъ и, опустивъ глаза, стала кокетливо имъ играть. Наступило короткое молчаніе.

— Скажите, Петръ Николаевичъ,—вдругъ заговорила она, не подымая глазъ,—вы вѣдь совсѣмъ отложили вашъ отъѣздъ. Не правда ли? — И въ голосѣ ея звучала увѣренность, что Петръ Николаевичъ могъ отвѣтить только въ томъ смыслѣ, что не уѣдетъ. Петръ Николаевичъ не сразу отвѣтилъ.

— А я-то именно пришелъ сегодня, Наталья Яковлевна, чтобы сказать Родіону Михайловичу, что уѣзжаю черезъ два дня, — съ трудомъ выговорилъ онъ. Наталья Яковлевна быстро подняла голову и взглянула ему прямо въ глаза.

— Какъ? Черезъ два дня?—повторила она растерянно.— Вы хотите ѣхать?—продолжала она.—Неужели это такъ? А мы еще сегодня говорили съ миссъ Суанъ о томъ, что вы навѣрное не уѣдете...—договорила она дрожащимъ голосомъ.

Тяжелое чувство шевельнулось съ сердцѣ Невина.

— Да, я уѣзжаю, Наталья Яковлевна,—началъ онъ.—Я себя чувствую здѣсь такимъ оторваннымъ, безполезнымъ, ненуж-

нымъ... Когда я нахожусь въ вашемъ домѣ, я, правда, забываю объ этомъ. Но, вернувшись къ себѣ, въ свою гостинницу, я испытываю то, что̀ испытываетъ одинокій путешественникъ, забредшій въ чужой городъ, далеко отъ родины... Вокругъ него все радостныя, довольныя лица, онъ же одинъ печально носитъ въ своемъ сердцѣ никому непонятное, невѣдомое горе...

Покуда Петръ Николаевичъ говорилъ, Наталья Яковлевна продолжала сидѣть, будто заглядѣвшись на лежавшій въ ея рукахъ ножикъ. Вдругъ ножикъ выскользнулъ изъ ея рукъ на коверъ. Петръ Николаевичъ наклонился, чтобъ его поднять. Но когда онъ поднялъ его и взглянулъ на Наталью Яковлевну, имъ овладѣла безконечная жалость. Она сидѣла, спрятавъ лицо въ руки, и тихо вздрагивала плечами.

— Наталья Яковлевна, вы плачете... что̀ это значитъ?— испуганно спросилъ онъ, наклонившись къ ней. Наталья Яковлевна отняла руки отъ лица и повернула къ нему голову. По щекамъ ея струились слезы, а лицо выражало глубокое, быть можетъ, первое горе.

— Петръ Николаевичъ, не уѣзжайте!—молящимъ голосомъ проговорила она и, быстро поднявшись, выбѣжала изъ комнаты.

Петръ Николаевичъ также поднялся. Но, остановившись, онъ опустилъ голову и долго стоялъ, глубоко задумавшись.

— Къ чему еще это лишнее испытаніе!—тихо вымолвилъ онъ.—Зачѣмъ нужно, чтобы все, что̀ составляетъ счастье для другихъ, для меня превращалось въ горе?

Онъ тяжело опустился на кресло и рѣшился обождать возвращенія Кремнева, который одинъ былъ въ состояніи облегчить его. Онъ просидѣлъ съ полчаса, забывшись въ своихъ мысляхъ. Наконецъ, въ передней раздался звонокъ. Петръ Николаевичъ всталъ и отворилъ дверь своему другу. Войдя въ комнату, Родіонъ Михайловичъ вопросительно взглянулъ на своего друга.

— Что съ тобой? — съ безпокойствомъ спросилъ онъ. — Ты совсѣмъ разстроенъ.

— Знаешь, что̀ произошло?—съ трудомъ выговорилъ Невинъ.

— Что? Да говори же скорѣе,—съ нетерпѣніемъ произнесъ Родіонъ Михайловичъ.

Петръ Николаевичъ передалъ ему о всемъ случившемся.

— Скажи, Родя, что мнѣ дѣлать? Мнѣ нуженъ твой со-

вѣтъ, нужна твоя дружба,—заключилъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Кремневъ нѣсколько разъ прошелся молча по комнатѣ. Онъ о чемъ-то думалъ, а на лицѣ его постепенно выступало выраженіе спокойной, ясной воли.

— Ты призываешь мою дружбу. Хорошо, я отвѣчу тебѣ, какъ другъ. Въ началѣ нашей дружбы, я потребовалъ отъ тебя маленькой жертвы: ты помнишь, въ чемъ она состояла. Теперь я требую отъ тебя бо́льшей жертвы, но вѣдь и дружба наша возрасла. Я говорю о жертвѣ, потому что знаю тебя; если хочешь, скажу даже: знаю твои страданія; догадываюсь, что̀ влечетъ тебя въ Англію.—Кремневъ остановился.—Ты долженъ,—продолжалъ онъ,—принять любовь къ тебѣ Натальи Яковлевны, какъ неожиданный, великій даръ тебѣ отъ родины. Ты долженъ полюбить ее всѣмъ сердцемъ, всей душой. Она—твое спасеніе; она указываетъ тебѣ твой путь, разрѣшаетъ всѣ твои сомнѣнія!

Петръ Николаевичъ слушалъ Кремнева съ какимъ-то трепетнымъ чувствомъ. Онъ сознавалъ въ эту минуту всю его силу надъ собой, не только какъ друга, но какъ праведнаго и безпристрастнаго судьи. И онъ рѣшился отдать свою жизнь въ его руки.

— Родя, я поступлю, какъ ты скажешь,—какъ-то нѣжно произнесъ онъ.

Тогда Кремневъ быстро подошелъ къ нему и поцѣловалъ его, а лицо его засвѣтилось радостью, какую Невинъ до этого времени никогда въ немъ не видалъ.

— Ты женишься на Натальѣ Яковлевнѣ, — продолжалъ Кремневъ, съ любовью созидая будущіе планы для своего друга,—и этимъ самымъ твоя жизнь приметъ настоящее направленіе. Я знаю, ты въ Петербургѣ не устроишься. Купи имѣніе, поселись въ провинціи, хоть по близости Москвы. Займись своимъ хозяйствомъ, служи въ земствѣ. Развѣ мало тебѣ сдѣлаться центромъ интеллигентнаго, полезнаго, добраго вліянія въ темной сферѣ... Я самъ скоро вернусь въ Москву. Мнѣ предлагаютъ занятія при университетѣ. Будемъ видѣться, поддерживать другъ друга, будемъ сознавать, что не безполезны мы для родины! Бѣдная Наталья Яковлевна... Сколько глубокаго чувства въ ея признаніи!—растроганно заключилъ Кремневъ.

— Вопросъ теперь весь въ томъ, какъ взглянутъ на это родители,—замѣтилъ Петръ Николаевичъ озабоченно.

— Объ этомъ не безпокойся,—отвѣтилъ ему Кремневъ съ горячностью.—Вотъ что! не приходи больше ко мнѣ, покуда я самъ тебѣ не скажу. Ты знаешь, что твоя судьба близка мнѣ и я займусь ею, какъ своей собственной.

Петръ Николаевичъ всталъ и, приблизившись къ Кремневу, пожалъ ему руку.

— Буду ждать твоего отвѣта,—молвилъ онъ.—Видно, такъ должно быть.

Въ дверяхъ, когда Невинъ собирался выходить, Кремневъ еще разъ его остановилъ.

— Помни,—молвилъ онъ почти торжественно,—что ты больше не одинъ!

Два дня прошли для Петра Николаевича въ томительномъ ожиданіи. Но онъ ни минуты не колебался въ своемъ рѣшеніи поступить, какъ хотѣлъ того Кремневъ. Онъ принималъ это рѣшеніе, какъ долгъ. О своемъ счастьѣ онъ не думалъ; онъ только ясно сознавалъ, что не любить Натальи Яковлевны—было невозможно. И если эта любовь еще въ немъ не заговорила, захватывая собой все существо, то только потому что смятеніе, въ которомъ онъ находился, ему того не позволяло.

Наконецъ, на третій день вечеромъ, въ то время какъ онъ находился въ своей комнатѣ, прислуга принесла ему письмо. Оставшись одинъ, Петръ Николаевичъ съ глубокимъ волненіемъ открылъ его и прочелъ слѣдующее:

«Мои надежды рушились... Вчера я говорилъ обо всемъ, что̀ ты знаешь, съ Яковомъ Дмитріевичемъ, а сегодня Анна Ѳедоровна сама пришла ко мнѣ съ отвѣтомъ. Она объявила мнѣ, что Наталья Яковлевна созналась ей въ своемъ чувствѣ къ тебѣ, но что она приняла это признаніе, какъ дѣтское увлеченіе: ея выборъ для дочери уже давно сдѣланъ, именно въ лицѣ барона фонъ-Кравенъ. По его службѣ, благонравію, она убѣждена, что лучшаго мужа для Натальи Яковлевны ей не найти. Кого мнѣ глубоко жаль—это Наталью Яковлевну! А теперь что̀ мнѣ тебѣ сказать? Вѣроятно, ты уѣдешь, разъ тебя не способна удержать *любовь*»...

Сердце Петра Николаевича быстро забилось и, не будучи въ силахъ превозмочь свои чувства, онъ упалъ на диванъ, давъ волю неудержимымъ слезамъ. Когда онъ успокоился, то

подошелъ къ письменному столу и написалъ слѣдующія строки Кремневу:

«Я получилъ твое письмо... Уѣзжаю завтра. Если въ дружбѣ твоей есть и состраданіе—то приди проводить меня. Твой *Невинъ.*»

VIII.

Вечеромъ слѣдующаго дня, ко времени отхода поѣзда, къ подъѣзду варшавскаго вокзала подъѣхалъ небольшой дилижансъ, съ наваленными на верхушкѣ сундуками. Дилижансъ остановился и изъ него вышли двое мужчинъ. То были Невинъ и Кремневъ.

— Я обожду тебя на платформѣ,—молвилъ Кремневъ, удаляясь по направленію ожидавшаго поѣзда.

Невинъ занялся покупкой билета и отправленіемъ багажа. Затѣмъ онъ направился къ поѣзду и, войдя въ вагонъ, освободился отъ ручнаго багажа. Потомъ онъ поспѣшно приблизился къ Кремневу, ходившему въ ожиданіи взадъ и впередъ по платформѣ. Они пошли рядомъ, но оба хранили молчаніе. И что теперь могли они другу сказать другъ?

Наконецъ раздался третій звонокъ; минута разставанія наступила. Петръ Николаевичъ взглянулъ на товарища и долгимъ объятіемъ прижалъ его къ сердцу.

— Не укоряй!—молвилъ онъ дрожавшимъ голосомъ.

Но и тутъ Родіонъ Михайловичъ ему не отвѣчалъ. Только когда поѣздъ тронулся и Невинъ, стоя на площадкѣ вагона, послалъ ему рукой послѣднее «прости», Кремневъ взволнованно крикнулъ ему вслѣдъ:

— Будь счастливъ—если можешь!

Нѣсколько минутъ спустя, поѣздъ быстро мчался, оставляя за собой постепенно пропадавшіе огни петербургскихъ окраинъ. Петръ Николаевичъ сидѣлъ одинъ въ маленькомъ отдѣленіи купэ перваго класса и горькое чувство стѣснило его грудь. Онъ приблизилъ лицо къ окну. Луна выглядывала изъ облаковъ, причудливо озаряя снѣжныя поляны, убѣгавшія бѣлыми полосами въ необъятную даль... И эти бѣлыя полосы были живые клочки его родины, съ каждымъ поворотомъ колесъ исчезавшей для него навсегда. И представилась ему эта родина

стоящей передъ нимъ, блѣдной, безмолвной дѣвственницей, съ полными скорби очами, чистой, какъ этотъ снѣгъ. Имъ овладѣло минутное смятеніе. Онъ нервно приподнялся. Ахъ, если-бы можно было вотъ сейчасъ остановить этотъ, мчавшійся на всѣхъ парахъ, поѣздъ!.. Быть можетъ, тогда... Но нѣтъ, это невозможно... Все рѣшено. Онъ тяжело упалъ на скамейку.

— Прощай, родная земля!—глухо проговорилъ онъ и изъ глазъ его брызнули горячія, жгучія слезы.

Кремневъ бодрымъ шагомъ возвращался домой. И ему было тяжело на душѣ. Но онъ не плакалъ. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые плачутъ. Но какъ ни тяжело было у него на сердцѣ, а мысли возвышенно парили въ свѣтлой области вѣры и надежды. Когда онъ вернулся въ свою комнату, то зажегъ лампу и опустился на кресло у своего письменнаго стола. Онъ протянулъ руку и открылъ лежавшую передъ нимъ книгу. Это былъ томъ стихотвореній Некрасова. Взоры его остановились на слѣдующей строфѣ:

«Гдѣ жь вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?—
Гдѣ же вы съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...
Сѣйте! спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ»...

Родіонъ Михайловичъ въ раздумьѣ прикрылъ глаза рукой.

— Да, эти бодрые, эти мощные,—они живутъ, они существуютъ,—молвилъ онъ глубокимъ убѣжденнымъ голосомъ.

Себя онъ къ нимъ не причислялъ. Онъ не дерзалъ мнѣть, что могъ самъ принадлежать къ этимъ лучшимъ сынамъ своей родины!

А. Плетневъ.

Изъ былаго.

Шумѣла осенняя буря;
Какъ пологъ, на небѣ кругомъ
Висѣли свинцовыя тучи
И дождь ливмя лилъ за окномъ...

А мы въ уголкѣ одинокомъ
Безпечно мечтали съ тобой
И сказки — волшебныя сказки! —
Предъ нами носились толпой.

И въ сказкахъ чарующихъ, дивныхъ
Одна была сердцу милѣй,—
Та сказка: міръ новый, желанный,
Безъ мрака, нужды и мечей...

И вѣрили мы, словно дѣти,
Въ ту сказку душой глубоко,
И было намъ съ этою вѣрой
Такъ въ жизни тепло и легко!..

И. Никулинъ.

Кавказскія минеральныя воды въ 1898 году.

(Изъ наблюденій пацієнта).

II.

Эссентуки. Кисловодскъ. Желѣзноводскъ.

Изъ Пятигорска, на пути въ Кисловодскъ, я заѣхалъ на нѣсколько дней въ Эссентуки, куда главнымъ образомъ пріѣзжаютъ пить знаменитый источникъ № 17, вода котораго составляетъ единственную въ мірѣ счастливую комбинацію воды желѣзисто-соленощелочной съ водою сѣрно-известково-магнезіальной. Этотъ источникъ отличенъ, съ внѣшней стороны, управленіемъ водъ болѣе изящнымъ рѣшетчатымъ павильономъ, въ которомъ онъ помѣщается. Пьютъ № 17 и въ Пятигорскѣ, и даже въ Кисловодскѣ, куда привозятъ его въ полбутылкахъ, продаваемыхъ по 7 к. Любопытно, что посуда — эти полбутылки самаго простаго стекла—если брать воду на домъ, стоитъ здѣсь по 10 к. за штуку, т. е. *вчетверо дороже*, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что на всемъ Кавказѣ нѣтъ ни одного своего стекляннаго завода, и эти полбутылки привозятся сюда за тысячи верстъ... Привозимая въ Пятигорскъ, эссентукская вода, слишкомъ нагрѣваясь отъ тепла, нѣсколько теряетъ свой вкусъ, мѣняетъ свой видъ (нѣсколько мутится), но, повидимому, не утрачиваетъ своихъ цѣлебныхъ свойствъ. На мѣстѣ въ Эссентукахъ, прямо изъ источника, эти воды—вкуснѣйшій и пріятнѣйшій напитокъ. Кто-то изъ знаменитыхъ докторовъ, кажется Боткинъ, позволялъ пить эту воду даже за обѣдомъ, какъ всякое другое столовое питье; но здѣсь питье № 17, какъ и другихъ источниковъ, обыкновенно сопровождается довольно строгою діэтой. Полный курсъ въ шесть-пять недѣль вылѣчиваетъ радикально хроническій катарръ желудка и кишечника — я испыталъ это самъ на себѣ въ 1883 году. Затѣмъ, больше другихъ употребляются желѣзисто-солено-щелочные источники №№ 18 и 4; послѣдній дѣйствуетъ послабляющимъ образомъ на желудокъ и иногда соединяется съ № 17—по стакану въ день... Быстро, въ полчаса, промчались мы въ поѣздѣ желѣзной дороги, которая въ 1893 г. была открыта лишь до Эссентуковъ; обѣщали было открыть ее къ 15 іюля до Кисловодска, но мы и назадъ, изъ Кисловодска въ Петербургъ, 31 іюля, должны были ѣхать въ экипажѣ, встрѣтивъ по дорогѣ лишь рабочій поѣздъ,—рядъ платформъ съ пескомъ,— на ко-

торомъ, впрочемъ, виднѣлось нѣсколько не особенно комфортабельно расположившихся дамъ подъ зонтиками. Мы вышли изъ вагона, какъ и въ Пятигорскѣ, у досчатаго блокгауза, и въ отличной коляскѣ въ пять минутъ доѣхали до «Компанейской гостинницы». Станція желѣзной дороги устроена здѣсь не у самаго нынѣшняго парка водъ, потому, — какъ намъ говорили, —что управленіе имѣетъ въ виду расширить эссентукскій паркъ, присоединивъ къ нему все пустое пространство, отдѣляющее нынѣ станцію отъ парка, чего пока не сдѣлано, такъ какъ собственники этого клочка незастроенной и незасѣянной земли— эссентукскіе казаки—непомѣрно дорожатся. На болѣе возвышенномъ пунктѣ этого клочка строится церковь, большая и высокая, готовый остовъ которой виднѣется издалека... Эссентуки нынѣ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе, совсѣмъ не то, какое я испытывалъ здѣсь десять лѣтъ тому назадъ. Пріѣзжихъ довольно; музыка одного изъ казачьихъ полковъ усердствуетъ въ паркѣ два раза въ день; но всѣ ходятъ или сидятъ какіе-то понуренные, не въ мѣру степенные; не смотря на достаточное количество молодежи обоего пола, нѣтъ никакого оживленія. Паркъ разросся и вполнѣ загустѣлъ, такъ что даетъ достаточно тѣни; а одна аллея, отдѣляющая паркъ отъ станичныхъ зданій, настолько густа, что солнечные лучи не проникаютъ въ нее вовсе. Превосходная аллея чуть не съ версту длиною. Но гуляющихъ и въ паркѣ, и въ аллеѣ,—за исключеніемъ тѣхъ часовъ, въ которые пьютъ воды и играетъ музыка,—совсѣмъ не видно; всѣ сидятъ въ своихъ комнатахъ, словно монахи въ кельяхъ. «Компанейская гостинница» (60 нумеровъ)—великолѣпнѣйшая, съ высокими комнатами и балконами со всѣхъ сторонъ, съ широкими коридорами и т. д. всякаго комфорта и удобствъ въ этой гостинницѣ сколько хочешь, такъ что въ этомъ отношеніи съ нею можетъ сравниться развѣ одна ялтинская «Россія». Содержитъ ее г-жа Гнѣдичъ, собственница гостинницы (супруга извѣстнаго беллетриста и драматурга, П. П. Гнѣдича), выписавшая сюда изъ Петербурга поваровъ отъ Донона и знаменитаго метрдотеля (изъ Hôtel de France), который нѣсколько разъ несовсѣмъ успѣшно пытался за недорогимъ табльдотомъ собрать пріѣзжее общество и съ другихъ группъ. Цѣны за хорошо устроенные нумера (отъ 1 р. 50 к.) и за столъ—недорогія; лучшія иностранныя и кавказскія вина; ванны прѣсной воды, бильярды, читальня съ небольшимъ числомъ газетъ и журналовъ; большая концертная зала (съ музыкальными инструментами, на которыхъ могутъ упражняться желающіе) зала, гдѣ можно устраивать даже спектакли, каковые и устраивались въ 1883 г. Въ 1883 г. всѣ нумера здѣсь были заняты лѣтомъ и не было отбоя отъ желающихъ въ нихъ помѣститься, такъ что и цѣны на нихъ установились возвышенныя; общество было отборное, веселое, слышался постоянно шумный и веселый говоръ; въ чудные, тихіе и теплые вечера раздавалось очень мелодическое пѣніе одного изъ курсистовъ, (съ акомпанементомъ какого-то струннаго инструмента), и этому пѣнію, чрезъ открытыя окна, все общество внимало, бросивъ винтъ. А нынѣ прекрасная гостинница даже въ разгарѣ сезона не была полна обитателями, а въ тѣ дни, когда я въ ней былъ, оставалась

наполовину пустою; да и обитатели ея куда-то попрятались, словно улитки въ раковины. Лишь на балконѣ, у выхода въ садъ, слышался громкій говоръ двухъ почтенныхъ старцевъ, разсуждавшихъ о современныхъ великихъ людяхъ, по поводу прочитанныхъ газетныхъ извѣстій...

Кромѣ парка, правда, очень большаго, въ Эссентукахъ гулять негдѣ, кромѣ гостинницы г-жи Гнѣдичъ, негдѣ остановиться на сезонъ съ нѣкоторыми удобствами, хотя въ «Путеводителѣ по минеральнымъ водамъ», изданномъ управленіемъ водъ, насчитывается десять домовъ съ меблированными комнатами (всѣхъ комнатъ въ нихъ около 175) и сто тридцать два дома, въ которыхъ имѣются квартиры и комнаты, цѣною отъ 20 до 10 р. въ мѣсяцъ. Но во всѣхъ этихъ «нумерахъ» и «комнатахъ» могутъ жить развѣ лишь люди самые непритязательные, да и тѣ будутъ здѣсь чувствовать себя гораздо хуже, чѣмъ у себя дома; между тѣмъ, не чувствовать различія между жизнью дома и при лѣченіи, — не имѣть никакихъ лишеній и стѣсненій сравнительно съ жизнью, къ какой привыкъ человѣкъ,—одно изъ необходимыхъ условій хорошаго курорта.

Совершенно необходимо и здѣсь, какъ въ Пятигорскѣ, устроить еще гостинницу—подобную «Компанейской»—или въ паркѣ, или по другую сторону дороги, на пустомъ пространствѣ, отдѣляющемъ паркъ отъ станціи, а также интернатъ для людей небогатыхъ, съ уменьшенною платою за комнаты. Всѣ гостинницы и «комнаты» въ самой станицѣ не годятся для лѣченія уже потому, что на улицахъ станицы пыльно или грязно, и нѣтъ тротуаровъ, а сообщеніе съ источниками, которые всѣ находятся въ паркѣ, крайне неудобно. Что̀ касается самыхъ источниковъ въ Эссентукахъ, то со времени пребыванія здѣсь французскаго инженера Жюля Франсуа и до сего дня они составляютъ предметъ особенной заботливости управленія водъ: здѣсь произведено безконечное число перестроекъ и улучшеній въ штольняхъ и кабинахъ, и во всѣхъ наружныхъ аксессуарахъ. Увеличена добыча воды изъ источниковъ, такъ что даже знаменитый № 17 теперь даетъ воды болѣе, чѣмъ достаточно (140—150 ведеръ въ сутки, тогда какъ прежде получалось лишь 25 — 40 ведеръ) причемъ вполнѣ обезпечена неизмѣнность столь цѣлебнаго химическаго состава воды (за который раньше приходилось опасаться) какъ бы ни было велико число пьющихъ изъ него. Вообще, въ этомъ отношеніи мнѣ не приходилось слышать никакихъ жалобъ, ни даже какихъ либо pia desideria. Но зато предпринять отсюда какую либо поѣздку, въ качествѣ partie de plaisir, рѣшительно некуда,—развѣ по желѣзной дорогѣ съѣздить въ Пятигорскъ или въ Кисловодскъ. А то можно на досугѣ свести знакомство съ эссентукскими казаками и поштудировать ихъ бытъ и нравы. Чуть не половина здѣшнихъ казаковъ—раскольники, большею частію поповцы; но есть немало хлыстовъ и другихъ безпоповщинскихъ сектъ. Въ 1883 г. я пытался проникнуть въ этотъ міръ, чтобы пополнить составленный мною сборникъ хлыстовскихъ культовыхъ пѣсенъ (духовныхъ стиховъ или, по ихнему, «роспѣвцевъ») напечатанный въ 1870 г. въ запискахъ отдѣленія этнографіи имп. рус. географическаго общества, и

вообще изучить секту болѣе обстоятельно, чѣмъ она извѣстна намъ доселѣ. Но, не смотря на всѣ мои старанія, попытка моя не имѣла успѣха. Даже мѣстный священникъ тогда не могъ сообщить мнѣ о своихъ заблудшихъ чадахъ ничего, сверхъ того, что было сообщено уже о сектѣ въ печати, главнымъ образомъ, мною же. Мнѣ осталось лишь позавидовать С. В. Максимову, который, въ бытность свою въ Закавказьѣ, собралъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о тамошнихъ сектантахъ, что̀ удалось ему, вѣроятно, потому, что онъ дѣлалъ свою экскурсію въ качествѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ и пользовался содѣйствіемъ мѣстныхъ органовъ правительственной власти. Да и хлысты—не духоборцы и гораздо скрытнѣе послѣднихъ. Кстати замѣчу для занимающихся изученіемъ русскихъ сектъ, что въ библіотекѣ при департаментѣ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которую мнѣ удалось лишь нѣсколько поштудировать, съ разрѣшенія г. директора департамента, хранится масса источниковъ для такого изученія, доселѣ остающихся совершенно неизвѣстными изслѣдователямъ и богъ знаетъ какими судьбами не застрявшихъ въ рукахъ покойныхъ П. И. Мельникова и Ѳ. В. Ливанова (можетъ быть, потому, что поступили эти матеріалы въ министерство уже послѣ того, какъ эти два ученые мужа похозяйничали въ его архивахъ). Еще больше, конечно, такихъ матеріаловъ хранится въ архивѣ министерства вн. дѣлъ, дѣла котораго съ 1855 года доселѣ не описаны. Описаніе ихъ прекратилось на этомъ году съ выходомъ въ свѣтъ VIII тома «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ» покойнаго Н. Н. Варадинова, одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ и почтенныхъ офиціальныхъ историковъ.

Изъ Эссентуковъ мы умчались въ Кисловодскъ, взявъ для того коляску на почтовомъ дворѣ—не потому только, что поѣзды желѣзной дороги туда еще не ходили, но и потому, что въ Кисловодскъ изъ Эссентуковъ лучше ѣхать въ экипажѣ: пыли почти нѣтъ, а дорога идетъ по берегу Подкумка, который здѣсь, не такъ какъ въ Пятигорскѣ (гдѣ, какъ говорится, и курица въ бродъ перейдетъ) является настоящей горной рѣкой по обилію воды и стремительности теченія:—«весьма лукава и быстро течетъ», выражаясь словами древнерусскаго игумена Даніила объ Іорданѣ. Дорога эта еще недавно была небезопасна отъ черкесовъ; въ 1883 г. мы встрѣтили по ней среди дня два казачьихъ разъѣзда; да и нынѣ, сдѣлавъ половину пути, мы увидѣли на одномъ изъ выступовъ высокой скалы казачій пикетъ—традиціонную вышку съ стоящимъ при ней вооруженнымъ бравымъ терцемъ, который «отдалъ честь» ѣхавшему со мной генералу. Остановившись на нѣсколько минутъ у придорожнаго ключа, мимо котораго никто не проѣзжаетъ безъ того, чтобы не выпить нѣсколько глотковъ превосходной студеной воды, мы вступили въ область настоящихъ кавказскихъ горъ, которыя отсюда тянутся уже непрерывно, въ сплошную, до самаго хребта снѣговыхъ вершинъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ возвышеннѣе мѣстность и тѣмъ затѣйливѣе по виду горы и горки, то покрытыя роскошною зеленью или мелкимъ лѣсомъ, то нагія, какъ скалы, и самыхъ причудливыхъ очертаній. Переѣхавъ черезъ Подкумокъ по старому воронцовскому мосту—вблизи виднѣется новый желѣзнодорожный—мы встрѣтили большое

стадо изъ ближняго аула, скрытаго отъ насъ горой, и порадовались за новыхъ своихъ согражданъ—кабардинцевъ, такъ какъ большое стадо служитъ свидѣтельствомъ относительнаго богатства аула. Далѣе слѣдуютъ тѣ горы и пещеры въ нихъ, осматривать которыя ѣздятъ уже изъ Кисловодска: между ними на первомъ мѣстѣ—«Замокъ коварства». Два любящихъ существа, — гласитъ легенда, — встрѣтивъ препятствіе для своей любви со стороны родителей, рѣшились погибнуть вмѣстѣ, бросившись съ вершины скалы въ балку. Но когда юноша привелъ это рѣшеніе въ исполненье и погибъ, его подруга коварно не послѣдовала его примѣру и мирно возвратилась подъ родительскій кровъ. Затѣмъ—красивая «Кольцо-гора». А вотъ и новыя, довольно солидныя, сооруженія кисловодской желѣзнодорожной станціи, вотъ и знаменитая тополевая аллея, насаженная княземъ М. С. Воронцовымъ, тянущаяся на полверсты или болѣе, довольно чисто содержимая. На ней видимъ новые дома по правой сторонѣ, которыхъ не было въ 1883 г. Шашлычное заведеніе,—находящееся на этой аллеѣ и всегда переполненное людьми, желающими отвѣдать мѣстнаго національнаго кушанья,—часто, однако, наполняетъ мѣстность непріятнымъ смрадомъ отъ жженія на вертелѣ сыраго мяса, и немногіе ходятъ теперь въ аллею для прогулки, тогда какъ прежде здѣсь было цѣлое гульбище и всѣ скамейки были заняты. Мы скоро нашли хорошее помѣщеніе въ домѣ генерала Комарова,—одного изъ братьевъ редактора «Свѣта»,—который, впрочемъ, самъ здѣсь не живетъ, а сдаетъ домъ въ аренду. Сложивши свои доспѣхи, мы тотчасъ же отправились въ паркъ. Красивая галерея Нарзана, построенная еще княземъ М. С. Воронцовымъ, полна гуляющихъ. У самаго источника, который кипитъ и бурлитъ, какъ всегда, стоитъ толпа пьющихъ. Двѣ миловидныхъ дѣвочки, одинаково и опрятно одѣтыя, не успѣваютъ подавать стаканы всѣмъ желающимъ. Мнѣ удалось сейчасъ же найти свободную ванну изъ подогрѣтаго Нарзана. Десятиминутное пребываніе въ ней удивительно какъ освѣжаетъ и бодритъ. Выпивши, затѣмъ, по стакану «богатырскаго» напитка,—какъ называютъ Нарзанъ,—мы вышли на площадку предъ источникомъ. Хотя было уже за полдень, на ней сновали толпы гуляющихъ, много молодежи, красивыхъ женскихъ физіономій, офицеровъ казачьихъ и другихъ войскъ. Мы обошли весь обширный паркъ, видѣли домъ съ колоннами, гдѣ жила княжна Мери, — въ немъ комнаты отдавались по 1 р. 75 к. въ сутки (дешевле, чѣмъ въ другихъ окрестныхъ домахъ): домъ совсѣмъ состарился, хотя, говорятъ, сохраняетъ свой прежній видъ... Недавно устроенная «царская площадка» въ самой возвышенной части парка, съ павильономъ, въ которомъ можно найти чай, кофе, особенно молочные продукты, — молоко здѣсь, я думаю, самое лучшее, въ мірѣ: вспомните, какою изобильною растительностью питаются здѣсь коровы,—эта площадка просто прелестна. Какой благодатный воздухъ, какъ легко и пріятно дышетъ грудь! А по обѣимъ сторонамъ парка—дачи, и какія роскошныя есть между ними... Зато и цѣны какія! Есть дома, за которые берутъ по 3,000 р. за лѣто. Домъ Хомякова, въ которомъ, въ 1883 г., занималъ помѣщеніе К. П. Побѣдоносцевъ, отдавался внаймы, въ 1893 г., за 2,000 р. въ

сезонъ. Въ обширныхъ великолѣпныхъ домахъ г-жи Барановской есть комнаты по 8 р. въ сутки. Та же г-жа Барановская построила на самомъ подножіи горы настоящій великолѣпный дворецъ въ мавританскомъ стилѣ, съ самымъ полнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ особенностей этого стиля, т. е. съ своеобразнымъ куполомъ и прочими деталями. Вообще хорошихъ помѣщеній въ Кисловодскѣ—очень много и даже болѣе, чѣмъ достаточно... для людей состоятельныхъ. Я думаю, что ихъ достало бы для вдвое бо̀льшаго числа посѣтителей, чѣмъ сколько было таковыхъ въ 1893 г., и они всѣ были бы заняты, еслибы не были такъ дороги; а нынѣ, по крайней мѣрѣ, третья часть ихъ оставалась пустою. Столъ здѣсь, какъ и въ прочихъ кавказскихъ курортахъ, дешевъ. Управленіе водъ весьма умно распорядилось, чтобы во всѣхъ гостинницахъ и столовыхъ всѣхъ четырехъ курортовъ былъ непремѣнно обѣдъ изъ трехъ блюдъ, стоимостью не болѣе 50 к., и восемь блюдъ на выборъ, стоимостью по 25 к. каждое. Такой обѣдъ вполнѣ достаточенъ для всѣхъ пьющихъ воды, обязанныхъ держать діэту и быть умѣренными въ пищѣ. Мясо свѣжее, но не перваго сорта. Удивительное дѣло: пастбища и стада черкасскаго скота отсюда очень близко (въ степяхъ кубанской области); отчего бы не пригонять сюда этихъ стадъ большими гуртами? Здѣшнія пастбища въ большомъ количествѣ пустуютъ (напримѣръ, на всемъ разстояніи отъ городской черты Пятигорска до самаго Бештау) и на громадныхъ пространствахъ трава вовсе не скашивается. Отчего бы не устроить мѣстныхъ хорошихъ боень? Баранина здѣсь въ изобиліи, но кавказское вино, настоящее, хорошее, весьма рѣдко. Относительно Кисловодска управленіе водъ нашло нужнымъ даже предупредить пріѣзжихъ особымъ объявленіемъ, что во многихъ виноторговляхъ творится грубый обманъ. Фрукты здѣсь такая дрянь, что не стоитъ покупать, хотя продаются по дорогой цѣнѣ.

Нагулявшись вдоволь въ паркѣ, вы поинтересуетесь взглянуть на кисловодскую станицу. Кромѣ недавно построеннаго хорошаго храма, здѣсь вовсе нѣтъ порядочныхъ зданій. Впрочемъ, это не мѣшаетъ множеству пріѣзжихъ помѣщаться въ казачьихъ хижинахъ. Вѣдь только ночь нужно проспать подъ крышей; цѣлый день можно пробыть въ паркѣ или въ окрестностяхъ: лазить по горамъ (особенно «Крестовой»), пройтись по балкамъ, къ ближнему (въ двухъ верстахъ) водопаду, проѣхаться въ экипажѣ или верхомъ на бодрой, но смирной казачьей лошадкѣ до окрестностей болѣе далекихъ, каковы Кольцо-гора, Сѣдая-гора, большой водопадъ; взобраться на Бермамутскую скалу, съ которой Эльборусъ весь виденъ, какъ на ладони. На Бермамутъ, впрочемъ, ѣздятъ рѣдко: очень далеко, верстъ 45—50, да и ѣхать нужно ночью, чтобы поспѣть во̀-время къ утреннему восходу солнца, при которомъ видъ Эльборуса имѣетъ особенную прелесть. Въ паркѣ, на главной аллеѣ, недалеко отъ площадки, есть читальня съ запасомъ газетъ. Но просто не найдешь свободной минуты, чтобы заняться ихъ чтеніемъ: все гулялъ бы да ходилъ,—такъ легко здѣсь ходится и дышется, особенно въ обществѣ знакомыхъ, которые здѣсь пріобрѣтаются безъ особеннаго труда. Нѣсколько часовъ можно провести на воздухѣ за

винтомъ: цѣлая баттарея зеленыхъ столиковъ выставлена въ аллеѣ у гостинницы «Паркъ». Пребываніе въ Кисловодскѣ (во вторую половину сезона) г. главноуправляющаго на Кавказѣ, генералъ-адьютанта Шереметева, съ семействомъ и состоящими при немъ чинами, придавало курорту особенное оживленіе въ сезонъ 1893 г. Между прочимъ, во время моего здѣсь пребыванія—время наибольшаго наплыва «курсовыхъ»—г-жа Шереметева устроила великолѣпный благотворительный праздникъ (на площадкѣ у Нарзана и въ аллеѣ) съ лоттереею-алегри и пр. На этомъ праздникѣ можно было видѣть все лучшее пріѣзжее общество, — то общество, которое не показывается въ обычной толчеѣ, какую образуетъ площадка въ обыкновенные дни во время музыки,—и убѣдиться, что Кисловодскъ и въ нынѣшній сезонъ не такъ былъ скуденъ «хорошимъ обществомъ», какъ говорили.

Утомившись прогулками по парку, я здѣсь, между прочимъ, дѣлалъ попытку освѣдомиться: насколько сохраняется прошлое Кавказа въ народной памяти, среди мѣстныхъ казаковъ, доблестныхъ бойцовъ временъ если не А. П. Ермолова, то кн. А. И. Барятинскаго и Н. И. Евдокимова. Въ прошлый мой пріѣздъ, мнѣ удалось записать двѣ-три казачьихъ пѣсни этого рода; но нынѣшняя моя попытка была неудачна. Старые казаки Кисловодска, на которыхъ мнѣ указывали, какъ на людей, которые могли бы мнѣ сообщить нѣчто въ этомъ родѣ, оказались въ отъѣздѣ на работы въ дальнихъ своихъ поляхъ, а въ сосѣднія станицы ѣхать было далеко. Однако, выходя изъ церкви въ воскресенье, я видѣлъ оригинальное явленіе въ этомъ родѣ. У самой церкви, на площади, слѣпецъ-простолюдинъ, сидя за клавикордами, хорошо и вѣрно настроенными, и поставленными прямо на землѣ, подъ ихъ акомпанементъ, великолѣпно спѣлъ отличнымъ теноромъ рядъ псалмовъ и стихирей (обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ) и нѣсколько псальмъ (духовныхъ стиховъ) изъ имѣющихся въ печатномъ изданіи, кажется, кіевскомъ. Въ Пятигорскѣ приходилъ ко мнѣ на дворъ, съ поводыремъ-мальчикомъ, нищій-слѣпецъ (столь извѣстнаго, хотя и вырождающагося нынѣ, типа «каликъ перехожихъ») и очень неискусно спѣлъ два-три каличьихъ стиха, неполно передавая ихъ текстъ, извѣстный по сборникамъ Кирѣевскаго и Безсонова. Археологія на Кавказѣ находится, повидимому, въ упадкѣ послѣ смерти столь извѣстнаго въ лѣтописяхъ археологической науки Бержэ. Недавняя поѣздка на Кавказъ (съ археологическою цѣлью) предсѣдательницы Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, значительно оживила интересъ къ древностямъ Кавказа, весьма многочисленнымъ и разнообразнымъ. Что̀ касается района курортовъ, то двѣ каменныхъ бабы, стоящихъ у Николаевскаго вокзала въ Пятигорскѣ (вмѣстѣ съ чугунной доской, на которой надпись—на грузинскомъ и русскомъ языкахъ—увѣковѣчиваетъ восхожденье на Эльборусъ кабардинца Хилора во время управленія Кавказомъ генерала Эммануэля), двѣ эти бабы съ истертыми чертами лица,—самые плохіе экземпляры древностей, почему ихъ и не взяли въ московскій «Историческій музей».—Вотъ и все, на что̀ мнѣ могли указать старожилы Пятигорска, когда я спрашивалъ ихъ о мѣстныхъ древностяхъ.

*

Желѣзноводскъ—также «прелестный уголокъ», гдѣ «другъ невинныхъ наслажденій»,—особенно наслажденій романическаго характера,—«благословить бы небо могъ». Тотъ же превосходный горный воздухъ, что на царской площадкѣ въ Кисловодскѣ; прелестный видъ на Бештау, съ его отрогами и низинами, заросшими густымъ зеленымъ лѣсомъ, больше чѣмъ гдѣ либо на группахъ; отличный паркъ съ подъемами и дорожками по отрогамъ горы Желѣзной, ежедневная (хотя и плохая) музыка... Но и здѣсь, кажется, собрались одни больные, которымъ не до наслажденій, хотя бы и невинныхъ: усердно пьютъ они желѣзистую воду или кумысъ, еще усерднѣе берутъ ванны, которыхъ часто недостаетъ,—лишь къ концу сезона управленіе водъ успѣло отстроить новое зданіе съ небольшимъ числомъ ваннъ. Лѣчатся здѣсь главнымъ образомъ дамы и истощенныя барышни, нуждающіяся въ укрѣпляющемъ лѣченіи. Здѣсь, больше чѣмъ гдѣ либо, совершаются прогулки верхомъ,—то и дѣло видишь кавалькады амазонокъ въ сопровожденіи кавалеровъ. Докторовъ здѣсь также много, какъ и въ другихъ кавказскихъ курортахъ. Шутники смѣются, что на кавказскихъ водахъ докторовъ больше, чѣмъ пацiентовъ! Главное неудобство Желѣзноводска—недостатокъ помѣщеній, не только хорошихъ, но даже и какихъ нибудь; комнаты здѣсь дороже, чѣмъ гдѣ либо на Кавказѣ. Совершенно необходимо,—необходимѣе, чѣмъ на которой либо другой группѣ,—чтобы само управленіе водъ построило здѣсь отъ себя хорошую гостинницу, на подобіе эссентукской Компанейской. Никто изъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ не въ состояніи построить такую гостинницу на свои средства; между тѣмъ посѣтители здѣсь,—а особенно посѣтительницы,—люди большею частью привыкшіе къ удобствамъ и даже комфорту у себя дома, и имъ, поэтому, особенно трудно выносить существующія здѣсь неудобства.

III.

Перемѣны и улучшенія въ устройствѣ кавказскихъ водъ за послѣднее время (1887—1893 г.).

Еслибы я сталъ подробно описывать, а тѣмъ болѣе обсуждать, устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ и тѣ измѣненія, какія произведены въ немъ со времени поступленія водъ въ казенное управленіе,—мнѣ пришлось бы написать цѣлый большой томъ. Но я не спеціалистъ по бальнеологіи и техникѣ гидротерапическихъ сооруженій; къ тому же по этому предмету имѣется уже нѣсколько сочиненій (отсылаю читателей, главнымъ образомъ, къ книгѣ профессора В. С. Богословскаго) да и само управленіе водъ предоставляетъ свое дѣло на общественное обсужденіе, ежегодно печатая въ издаваемомъ имъ «Листкѣ» извлеченія изъ своихъ отчетовъ, представляемыхъ въ министерство. Поэтому я ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями съ точки зрѣнія «курсовыхъ» (такъ называютъ здѣсь пріѣзжающихъ для лѣченія). Правительство выписывало недавно сюда знаменитѣйшихъ спеціалистовъ по устройству водъ—Ж. Франсуа и Леона Дрю,—по компетентнымъ предначер-

таніямъ которыхъ на всѣхъ группахъ произведена масса работъ, одинъ перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Главное изъ улучшеній на водахъ—устройство въ Пятигорскѣ большаго водопровода, который далъ возможность устроить въ городѣ шесть большихъ фонтановъ, семь водопроводныхъ зданій и 38 пожарно-поливныхъ кранновъ, изъ которыхъ производится поливка улицъ и деревьевъ. Такое обиліе воды въ Пятигорскѣ совершенно измѣнило физіономію курорта. Деревья и кустарники на бульварахъ, въ цвѣтникахъ, скверахъ и садахъ разрослись и распустились, и сохраняютъ свою листву въ продолженіе всего лѣта, тогда какъ прежде листья деревьевъ уже въ концѣ іюня желтѣли и даже опадали массами. Теперь и среди дня можно всегда найти свѣжесть и тѣнь; а прежде некуда было дѣваться отъ жары и истомы. Для тѣхъ изъ посѣтителей курорта, которые не бывали въ Петергофѣ, пятигорскіе фонтаны составляютъ предметъ особаго удовольствія. Что̀ касается устройства самыхъ водъ, то штольни источниковъ всѣ передѣланы заново, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены впервые. Прежнія деревянныя трубы для притока и стока воды замѣнены металлическими; путемъ новой разработки источниковъ увеличено количество добываемой воды, такъ что даже при самомъ большомъ числѣ лѣчащихся недостатка воды нельзя опасаться. Особенно важны были: работы по устройству знаменитаго источника № 17, произведенныя съ особенною тщательностью и большимъ умѣньемъ по указаніямъ Ж. Франсуа, въ виду существовавшаго опасенія испортить его чрезъ смѣшеніе съ почвенными водами; а также—разработка сѣрно-щелочнаго источника Гааза въ Эссентукахъ, дающаго теперь въ сутки 36,000 ведеръ воды. Устроено вновь значительное число новыхъ ваннъ на всѣхъ четырехъ группахъ, а въ нѣсколькихъ кабинахъ цинковыя ванны замѣнены кафельными. Устроены вновь: ванна электрическая въ Эссентукахъ, ванны для лѣченія грязями въ Желѣзноводскѣ и въ Пятигорскѣ (грязью изъ Тамбуканскаго озера), ванна паровая и душъ Шаркò въ Пятигорскѣ; аппараты для газированія молока и воды Нарзана; писцина для плаванія (въ Ермоловскихъ ваннахъ); проведена въ ванныя зданія прѣсная вода; устроены снаряды для нагрѣванія ваннъ изъ Нарзана паромъ, и холодильники для охлажденія воды горячихъ сѣрныхъ ключей; устроено снабженіе прѣсною водою Кисловодска (на что испрашивалось особо 35,000 р.), разработанъ каптажъ воды изъ источника Маріи Терезіи. Наконецъ, организована на всѣхъ группахъ правильная выдѣлка и продажа кумыса.

Кромѣ того, въ Пятигорскѣ устроенъ хирургическій покой съ оперативными принадлежностями на 10 человѣкъ; выстроенъ общій бассейнъ для купанья женщинъ въ холодномъ нарзанѣ въ Кисловодскѣ; устроена новая передвижная дезинфекціонная камера и т. д. Я не компетентенъ произнесть сужденіе о достоинствѣ и стоимости этихъ работъ, но, кажется, можно согласиться, что теперь лѣчебныя средства курортовъ приведены если не въ цвѣтущій видъ, то въ благоустройство и порядокъ. Со стороны трудно судить, что̀ еще нужно сдѣлать въ этомъ отношеніи, но даже при нынѣшнемъ незначительномъ числѣ пріѣзжихъ въ Пятигорскѣ приходилось слы-

шать жалобы на недостатокъ ваннъ: — многимъ, будто бы, приходилось ждать начала лѣченія по недѣлѣ и болѣе. Вѣроятно, въ непродолжительномъ времени управленію водъ придется заняться постройкой новаго зданія для ваннъ или болѣе значительнымъ, чѣмъ доселѣ, расширеніемъ уже существующихъ зданій. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить рядъ гигіеническихъ и санитарныхъ мѣропріятій на группахъ. Между ними первое мѣсто заримаетъ, конечно, устройство водопровода изъ источника горы Юцы въ Пятигорскѣ,—предпріятіе громадное, стоившее большихъ затратъ, но зато и значеніе этой мѣры для благоустройства курорта громадное. Далѣе слѣдуютъ: осушительныя работы въ городскомъ саду въ Пятигорскѣ, сдѣлавшія этотъ садъ не только совершенно свободнымъ отъ болотистыхъ міазмовъ, но и любимымъ мѣстомъ прогулки для пріѣзжихъ; такія же работы въ Эссентукахъ, въ долинѣ р. Кислуши, и въ Кисловодскѣ, на Тополевой аллеѣ; работы по устройству *закрытыхъ* канавъ въ Желѣзноводскѣ для стока грязи и грязной воды, безъ порчи и зараженія воздуха міазмами, а также водосточнаго канала въ Пятигорскѣ; предпринято устройство артезіанскаго колодца и водопровода изъ источника Бештау въ Желѣзноводскѣ. Больше же всего сдѣлано на группахъ для удобства пребыванія тамъ пріѣзжихъ. Сюда относятся: устройство шоссе и троттуаровъ въ Пятигорскѣ около ваннъ и по всему участку города, подвѣдомственному управленію водъ, а также въ Кисловодскѣ отъ Тополевой аллеи до казенной гостинницы; особенно хорошо отремонтирована дорога на вершину Машука, такъ, что теперь прекрасная и въ гигіеническомъ отношеніи очень полезная прогулка туда сдѣлалась удобною; хорошо также устройство дороги вокругъ горы, благодаря которому стало возможнымъ дѣлать отличныя поѣздки въ предѣлахъ самого Пятигорска, на здоровомъ горномъ воздухѣ,— верховыя и въ экипажахъ. Разведеніе оранжерей и цвѣтоводства въ городскомъ саду могло бы быть болѣе обширнымъ; но и нынѣ этотъ садъ даетъ возможность желающимъ получать букеты, хотя и не по дешевой цѣнѣ. Устройство аллей около зданія Николаевскихъ ваннъ и вдоль Горячей горы въ Пятигорскѣ,—аллей, еще пока не разросшихся,—въ непродолжительномъ времени дастъ возможность идущимъ въ ванны избѣгать южнаго солнопека. Наконецъ, слѣдуетъ указать на устройство трельяжной галереи у казеннаго ресторана въ Эссентукахъ; устройство дороги на Желѣзную гору и къ Эммануэлевскому источнику, и площадокъ съ фонтанами и цвѣтниками у ресторана и въ другихъ мѣстахъ въ Желѣзноводскѣ; обнесеніе парковъ въ Желѣзноводскѣ и Эссентукахъ красивыми желѣзными рѣшетками; устройство на всѣхъ группахъ кегельбановъ, бильярдовъ и т. д. На всѣхъ группахъ устроены метеорологическія станціи. Хороши разныя улучшенія на группахъ, но и денегъ стоютъ они не маленькихъ. Въ 1892 г., напримѣръ, израсходовано 321,116 р.; въ томъ числѣ, на одинъ личный составъ служащихъ на группахъ 35,806 р., да на «хозяйственные» расходы 93,475 р., на расходы «операціонные» 42,304 р., и на переустройство водъ 149,531 р. На мѣропріятія противъ холеры, появившейся здѣсь въ 1893 г., сверхъ исчисленныхъ суммъ, было ассигновано 15,000 р. (издержано 10,000 р.).

Доходовъ въ этомъ году было получено управленіемъ (плата за лѣченіе и пр.) всего 146,650 р.; въ 1890 г. 152,415 р.; въ 1891 г. 152,935 р. Къ числу прискорбныхъ явленій здѣсь должна быть отнесена распря между городскимъ головою и управленіемъ водъ—о правѣ торговли и возведеніи построекъ въ Николаевскомъ цвѣтникѣ и о принадлежности городскаго сада. Мнѣ кажется, что право торговли въ цвѣтникѣ и на бульварахъ еще можетъ быть предметомъ спора; хотя управленіе водъ пользовалось этимъ правомъ издавна, равно какъ и правомъ возведенія построекъ въ районѣ устройства водъ; что же касается городскаго сада, то онъ долженъ оставаться собственностью города (каковою и былъ доселѣ), не смотря на то, что улучшенія въ устройствѣ сада произведены управленіемъ. Мало ли еще какія улучшенія могутъ оказаться нужными для Пятигорска, которыхъ городъ своими средствами произвести не въ состояніи и которыя, въ интересахъ своего же дѣла, должно будетъ сдѣлать управленіе: будетъ ли изъ этого слѣдовать, что и самый городъ долженъ будетъ составить собственность управленія водъ? Стремясь завладѣть городскимъ садомъ на правахъ «собственности», а не пользованія, управленіе въ то же время стремится расширить свои владѣнія и за предѣлами города. Правительственному комисару дана въ распоряженіе обширная Бештаугорская лѣсная дача, на правахъ управляющаго государственными имуществами въ губерніяхъ (хотя употребленія изъ этой дачи пока никакого не дѣлается); не довольствуясь этимъ, управленіе хлопочетъ о пріобрѣтеніи въ вѣдомство государственныхъ имуществъ (къ которому принадлежатъ и всѣ кавказскія воды) источника Маріи Терезіи, принадлежащаго колоніи Каррасъ, а также Тамбуканскаго озера. Отпускная торговля водою въ бутылкахъ, а также коробками съ солью и лепешками, доселѣ, къ сожалѣнію, очень слаба, хотя эссентукскія лепешки вполнѣ замѣняютъ лепешки Виши. Нужно уменьшить ихъ цѣну, хотя бы на первое время, пока онѣ войдутъ въ общее употребленіе: только подъ этимъ условіемъ онѣ могутъ вытѣснить Виши.

Оставляя кавказскія минеральныя воды, я отъ всей души пожелалъ гораздо бо̀льшаго вниманія со стороны русскихъ людей къ этому дивному уголку родной страны, который столь щедро одарила мать-природа, совмѣстивъ на пространствѣ какихъ нибудь пятидесяти верстъ всѣ тѣ цѣлебные источники, какіе въ западной Европѣ разсѣяны по всему ея пространству. Прощаясь съ нимъ, я повторилъ слова, сказанныя Жюлемъ Франсуа при посѣщеніи Эссентуковъ: «*да, это лучшая жемчужина въ коронѣ русскаго царя*»!

Н. Щирскій.

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Историческій романъ **Феликса Дана.**

XXII.

Нѣсколько дней спустя, потрясенный императоръ настолько оправился, что могъ вести свое войско дальше, — теперь уже въ непріятельскую землю, такъ какъ границей между римскимъ государствомъ и Персіей служила рѣка Хаборасъ, или Араксъ, впадающая здѣсь, возлѣ Цирцезіума, съ сѣвера въ Евфратъ.

Древній военный обычай римлянъ требовалъ, чтобы при переходѣ черезъ границу полководецъ дарилъ деньгами своихъ воиновъ и держалъ къ нимъ рѣчь; Юліанъ щедро назначилъ каждому изъ нихъ по сту тридцати серебряныхъ монетъ и ужь, конечно, не захотѣлъ упустить случая блеснуть своимъ краснорѣчіемъ. Онъ проѣхалъ верхомъ со своею свитой по рядамъ войска, выстроившагося на римскомъ берегу, потомъ остановился у моста, принесъ жертву пограничнымъ богамъ Рима, и наконецъ обратился къ собравшимся военачальникамъ съ внушительною рѣчью, въ которой искренность чувства и пылъ воодушевленія не допускали излишней витіеватости, бывшей отчасти слабостью императора. Юліанъ говорилъ о прежней славѣ римскихъ орловъ, которыми онъ съ самаго начала своего царствованія снова замѣнилъ у римскихъ легіоновъ лабарумъ Констанція; напомнилъ объ исконной враждѣ парѳянъ, о недавней заносчивости персовъ и заключилъ такими словами: «Побѣды и добычи я не могу вамъ обѣщать: то и другое даруютъ лишь безсмертные боги, обитающіе на обширномъ пространствѣ небесъ. Но, какъ вашъ предводитель, выхожу я на войну. И одно должны вы знать: сегодня съ первымъ лучемъ разсвѣта, я принесъ торжественную клятву, подобно великимъ предкамъ—Курціусу, Муцію, Децію:—я самъ предложилъ себя

въ жертву богамъ за побѣду Рима. Они должны даровать торжество римскому оружію и взять за это мою жизнь. Познайте умомъ и сердцемъ, что только побѣдителемъ или трупомъ вернется съ вами Юліанъ обратно изъ Персіи, поэтому слѣдуйте со мною къ побѣдѣ или къ смерти».

Тутъ, при оглушительныхъ трубныхъ звукахъ, онъ поскакалъ впереди всѣхъ черезъ мостъ. Эта сцена вызвала взрывъ громкаго ликованія среди вѣрныхъ подданныхъ Юліана, не исключая германцевъ и кельтовъ: высоко подняли они, въ знакъ привѣтствія, щиты надъ гребнями своихъ шлемовъ и воскликнули: «Ничего мы не боимся подъ предводительствомъ такого полководца, который и въ битвѣ, и въ выносливости превосходитъ насъ самихъ».

Съ возгласами воодушевленія послѣдовало за нимъ войско; когда же самый послѣдній изъ воиновъ стоялъ уже на персидской землѣ, полководецъ скомандовалъ: «Остановитесь, взгляните назадъ».

Мостъ, по которому они только что переправились, пылалъ передъ глазами арміи.

— Видите, друзья мои: бѣгство намъ отрѣзано! Вы *должны* идти впередъ, *должны* побѣдить. Податься назадъ—значитъ найти себѣ могилу въ этихъ волнахъ.

Впрочемъ, осторожный полководецъ, уже для одного обезпеченія подвоза войскъ и припасовъ, увеличилъ гарнизонъ Цирцезіума до десяти тысячъ человѣкъ и усилилъ укрѣпленія. Часъ спустя, Юліана догнали на пути гонцы изъ Цирцезіума, съ письмомъ изъ Рима за семью печатями. Онъ велѣлъ вопросить гадательныя книги въ тамошнемъ храмѣ Весты насчетъ задуманнаго имъ похода противъ персовъ и теперь получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Пусть лучше императоръ не переступаетъ въ этомъ году границъ своего государства». Онъ поблѣднѣлъ, а затѣмъ разорвалъ папирусъ на мелкіе клочки, чтобы никто въ арміи не узналъ объ этомъ предостереженіи. Послѣ перехода черезъ границу, войско въ точности придерживалось порядка, предписаннаго полководцемъ. Хотя римляне до сихъ поръ еще не встрѣчались съ непріятелемъ, но теперь надо было каждую минуту опасаться нападенія грозныхъ парѳянскихъ всадниковъ, которые даже въ самыя цвѣтущія времена Рима не разъ были причиной кроваваго пораженія легіоновъ.

Прежде всего Юліанъ заботился о томъ, чтобы, по примѣру прежнихъ походовъ, поступательное движеніе арміи не замедлялось и не останавливалось, благодаря тяжелому обозу, такъ какъ это могло оказаться пагубнымъ; раздѣлилъ войско на отдѣльные корпуса, и во время переходовъ оставлялъ между ними такіе промежутки, чтобы вся линія арміи, въ которой, впрочемъ, насчитывалось всего тридцать пять тысячъ шлемовъ, растягивалась на десять римскихъ миль, что̀ равнялось четыремъ часамъ пути. Центръ составляло ядро пѣхоты подъ предводительствомъ стараго Севера; на правомъ флангѣ франкъ Невитта командовалъ боевой колонной изъ многихъ легіоновъ, которая слѣдовала вдоль Евфрата по бо̀льшей части въ виду спускавшагося по теченію римскаго флота. Лѣвый флангъ, положеніе котораго было опаснѣе, составляла конница, преимущественно изъ германцевъ, подъ предводительствомъ Серапіона; арьергардомъ командовалъ аламанъ Дагалайфъ. Обозъ слѣдовалъ подъ сильнымъ прикрытіемъ, такъ какъ его приходилось охранять не столько отъ персидскаго войска, сколько отъ хищничества арабскихъ ордъ, кочевавшихъ въ сосѣдней пустынѣ и подвластныхъ Сапору, или отъ вступившихъ съ нимъ въ союзъ сарацинъ. При обозѣ находилась также масса разнообразныхъ осадныхъ орудій, на которыя полководецъ особенно разсчитывалъ въ этой войнѣ. Неутомимый Юліанъ, во время своихъ ночныхъ занятій, когда его утомляло изученіе философіи Максима и онъ хотѣлъ освѣжиться перемѣной умственной работы, придумывалъ разныя улучшенія въ старинныхъ стѣнобитныхъ машинахъ, причемъ нѣкоторыя, введенныя имъ, новыя приспособленія въ баллистѣ, скорпіонѣ, «дикомъ ослѣ» (онагрѣ), въ баранѣ, катапультѣ и «молоточкѣ» (malleolus) — родъ полыхъ зажигательныхъ стрѣлъ,—употреблялись въ римскомъ войскѣ долгое время послѣ смерти остроумнаго изобрѣтателя.

Іовіанъ, согласно своему желанію, получилъ почетный, но въ высшей степени опасный постъ во главѣ отряда въ полторы тысячи всадниковъ,—частью германцевъ, въ перемежку съ пѣшими войнами,—которые служили развѣдчиками и охранителями безопасности войска. Такимъ образомъ, они собственно составляли авангардъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объѣзжали издалека и лѣвый флангъ (правый находился подъ прикрытіемъ рѣки и флота), а также и арьергардъ, чтобы подмѣчать всякій

подозрительный признакъ и немедленно доносить о немъ. Летая на своихъ легкихъ коняхъ, этотъ отрядъ несъ болѣе важную и тяжелую службу въ азіатскомъ походѣ, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ парѳянскими и арабскими всадниками, чѣмъ при веденіи войны съ какимъ нибудь другимъ непріятелемъ. По примѣру прежнихъ императоровъ, наиболѣе безопаснымъ положеніемъ для самого Юліана было бы мѣсто во главѣ пѣхоты, въ центрѣ, но при своемъ пламенномъ рвеніи онъ не долго выдерживалъ здѣсь, гораздо чаще слѣдуя впереди своихъ конныхъ тѣлохранителей, то во главѣ, то на концѣ, то на одномъ изъ фланговъ своей арміи, — однимъ словомъ, всюду, гдѣ требовалось его присутствіе.

Отъ Цирцезіума дорога вела къ юго-востоку, внизъ по теченію Евфрата, по обширной, безплодной, сухой равнинѣ, составлявшей часть аравійской пустыни, гдѣ бродили только орды кочующихъ арабовъ. Эта мѣстность была плоска, какъ уровень моря; почти только одни кустики полыни покрывали песчаную почву, но и другіе кустарники довольно жалкаго вида получали здѣсь горькій, терпкій вкусъ, вслѣдствіе обильнаго содержанія соли въ почвенныхъ слояхъ. Въ этой, лишенной деревьевъ, пустынѣ водились только антилопы и дикіе ослы; часто показывались также на краю горизонта странныя фигуры, носившіяся съ быстротою бури, подобно летучимъ облакамъ; то были быстроногія драхвы и мчавшіеся стрѣлою страусы. Лишь подъ угрозой тяжкихъ наказаній удавалось полководцу обуздывать охотничьи инстинкты германцевъ, которые часто разстраивали ряды, бросаясь въ погоню за невиданной или диковинной дичью. Даже, когда послѣ двухдневныхъ переходовъ, у города Дура-Рудель, почти совершенно оставленнаго населеніемъ, спугнутые преслѣдователями олени обратились въ бѣгство и бросились въ Евфратъ, батавы и фризы не выдержали: они кинулись вплавь за быстрыми и сильными животными, чтобы изловить ихъ и привести живыми въ подарокъ полководцу. Немногіе, оставшіеся въ Дурѣ, жители вышли навстрѣчу непріятелю съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, а императору они поднесли довольно странный даръ: свирѣпаго льва, лапы котораго были перевязаны толстыми канатами.

Подивившись со своими военачальниками на громаднаго

звѣря, Юліанъ, по просьбѣ троихъ «неразлучныхъ» и удальца Сигибранда, приказалъ разрѣзать на немъ веревки передъ шеренгой своихъ германцевъ. Левъ наклонилъ къ землѣ освобожденную голову, оглушительно взревѣлъ, ощетинилъ гриву, сталъ хлестать хвостомъ по бедрамъ, приникъ къ землѣ и бросился огромными прыжками на воиновъ; но тотчасъ замертво покатился наземь, пронзенный пятью дротиками. Этрусскіе толкователи предзнаменованій, состоявшіе при Юліанѣ, бросились къ мѣсту происшествія, но ихъ предостереженіе опоздало, а между тѣмъ случившееся предвозвѣщало слѣдующее: «могучій владыка, нападающій на враговъ, долженъ пасть».

— Ба,—замѣтилъ Юліанъ,—Сапоръ напалъ на насъ первый; я только защищаюсь посредствомъ нападенія.

Серапіонъ засмѣялся:—Жаль, что я не суевѣренъ и вообще не вѣрую въ боговъ.

— Почему?

— Я могъ бы истолковать это знаменіе иначе: дружно сплотившіеся германцы побѣждаютъ сильнѣйшаго непріятеля.

Слѣдующій день—7-е апрѣля—также принесъ знаменіе боговъ. Около солнечнаго заката, на быстрыхъ крыльяхъ западнаго вѣтра, налетѣла внезапная, непродолжительная гроза, причемъ единственная молнія задѣла безъ всякаго вреда обознаго служителя, который велъ съ водопоя пару коней. Что предсказаніе это относилось не къ самому служителю, а къ magister militum и означало для него повышеніе милостью боговъ, — насчетъ этого были согласны всѣ гадатели въ лагерѣ. Касательно же остальнаго, между ними произошелъ споръ: служитъ ли это предостереженіемъ противъ похода Юліана, или порукою того, что боги благоволятъ къ его предпріятію?

Одинъ изъ друзей Іовіана замѣтилъ неодобрительнымъ тономъ: — Это обозначаетъ только милосердіе Христа къ вѣрующимъ.

— А я полагаю,—заключилъ Серапіонъ,—это доказываетъ лишь то, что не всякій ударъ молніи убиваетъ.

Но хотя мистикъ Юліанъ подмѣчалъ всякія предзнаменованія и тревожился ими, однако его пристрастіе къ шуткамъ нерѣдко брало верхъ надъ озабоченностью, въ особенности когда

требовалось не давать своимъ приближеннымъ падать духомъ. При выступленіи изъ Дуры, ему подвели другую лошадь; вѣрный Аргосъ — подарокъ Эвзебіи—нуждался въ отдыхѣ послѣ утомительныхъ переходовъ послѣднихъ дней. Когда статный жеребецъ рыжей масти—добыча изъ непріятельскаго города—былъ подведенъ къ императору подъ богатымъ сѣдломъ, съ уздечкой, увѣшанной золотыми бляхами, унизанной драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, Юліанъ спросилъ: какъ зовутъ этого красавца-коня?

— Персія, — отвѣчалъ Гиппокреникъ, державшій лошадь подъ устцы.

Но едва августъ приблизился къ ней, чтобы вскочить въ сѣдло, какъ она испугалась блеска оружія, вырвалась, побѣжала; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, рухнула на землю и стала биться, дрожа отъ страха, далеко разбрасывая во всѣ стороны золото и драгоцѣнные каменья.

— Недобрый знакъ!—бормотали римляне.

— Нисколько,—смѣясь возразилъ Юліанъ. — Вы видите: поверженная Персія въ трепетѣ лежитъ у моихъ ногъ, теряя всѣ свои сокровища.

На слѣдующую ночь, отдыхавшее войско было застигнуто вихремъ, налетѣвшимъ съ сѣверо-востока. Ураганъ крутилъ высоко вздымавшіеся сыпучіе пески пустыни и опрокинулъ на головы спящимъ нѣсколько тяжелыхъ кожаныхъ палатокъ.

XXIII.

Наконецъ, черезъ четыре дня по выступленіи изъ Дуры, армія Юліана снова вступила въ плодородную страну, ближе къ Евфрату. Городъ Анаѳа, расположенный на островѣ громадной рѣки и охраняемый укрѣпленіями на лѣвомъ берегу, собирался заградить дорогу наступавшему войску, но когда на него налетѣлъ грозою непріятельскій флотъ, — ассирійцы и арабы, изъ которыхъ состояло населеніе, струсили и стали просить пощады,ославъ отъ себя полководцу, въ знакъ покорности, увѣнчаннаго вола.

Здѣсь были освобождены Юліаномъ римляне, попавшіе въ плѣнъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ: они горячо благодарили императора и принесли жертву Марсу-Освободителю.

Только теперь, проникнувъ дальше къ юго-востоку, войско наткнулось на сопротивленіе; персы хотѣли защитить, по крайней мѣрѣ, свою богатую провинцію—Ассирію. Хитрость Юліана удалась вполнѣ; персидскій царь, обманутый своими развѣдчиками, попавшими впросакъ, двинулъ всѣ свои несмѣтныя полчища къ сѣверу на Тигръ, думая, что именно тамъ произойдетъ непріятельское нападеніе. Такимъ образомъ случилось, что римляне, ни разу не обнаживъ меча, могли безпрепятственно проникнуть въ его страну на сто двадцать часовъ пути отъ Цирцезіума. Защитники стали показываться въ открытомъ полѣ, сначала возлѣ обнесенной валомъ стѣны у Макепракты, воздвигнутой нѣкогда ассирійскими царями въ защиту своихъ пограничныхъ земель противъ нападеній мидянъ, но она давно представляла изъ себя однѣ развалины. Сапоръ отправилъ быстрыхъ гонцовъ къ сѣверу, чтобы вернуть бо́льшую часть посланнаго туда войска, и наконецъ главный персидскій военачальникъ Сурена и Малекъ-Родозакъ, эмиръ арабовъ изъ племени Гассанъ, прибыли на Евфратъ. Однако, хотя войско персовъ значительно превышало численностью армію Юліана, оно не рѣшалось вступать въ битву, ограничиваясь только тѣмъ, что безчисленные летучіе отряды ихъ конницы окружали со всѣхъ сторонъ наступавшихъ непріятелей, подобно коршунамъ пустыни, преслѣдующимъ одинокаго путника. Эти всадники захватывали въ плѣнъ отсталыхъ, а также пользовались удобнымъ случаемъ для нападенія на мелкіе отряды.

Когда, однажды, безпечность и трусость трехъ эскадроновъ оессалійскихъ всадниковъ подала поводъ къ такому внезапному нападенію, причемъ конные парѳянскіе стрѣлки изъ лука жестоко разбили римлянъ и отняли у нихъ штандартъ,—Юліанъ, вскочившій при этомъ донесеніи изъ-за стола и бросившійся къ мѣсту битвы, чтобы разогнать нападающихъ, примѣнилъ во всей строгости старинное военное право римлянъ. Оба виновныхъ трибуна были изгнаны изъ войска, десятеро самыхъ трусливыхъ всадниковъ казнены, всѣ же остальные лишены лошадей, оружія, послѣ чего ихъ присудили въ наказаніе нести тяжелую и мало почетную службу при обозѣ. Болѣе мелкихъ городовъ, а также незначительныхъ крѣпостей, римляне не трогали, находя ихъ безвредными; другіе же города, какъ Діакира и др., оказались опустѣвшими и покинутыми. Съ не-

сравненно бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ парѳянскихъ и сарацинскихъ всадниковъ, непріятели призвали на помощь противъ арміи Юліана свои рѣки. Получивъ вѣсти о приближеніи римлянъ, они буравили плотины, соединявшія многочисленные каналы между Тигромъ и Евфратомъ. Каналы эти были устроены съ цѣлью искусственнаго орошенія страны, которое придавало ей необыкновенное плодородіе, причемъ пшеница и ячмень родились здѣсь въ такомъ изобиліи, что жатва въ триста разъ превышала посѣвъ. Теперь же ассирійцы обратили свою богатѣйшую страну въ озеро; вода изъ каналовъ затопляла всѣ дороги и дѣлала ихъ непроходимыми. Много разъ, по ночамъ, внезапное наводненіе захватывало врасплохъ римскій лагерь, потопляя лошадей и всадниковъ. Однако, изобрѣтательный умъ Юліана и безграничная преданность слѣпо довѣрявшихъ своему полководцу легіоновъ побѣждали всѣ трудности похода: цѣлыми тысячами падали подъ ихъ сѣкирами великолѣпныя пальмы, составлявшія богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ украшеніе страны:— недаромъ благодарные ассирійцы насчитывали триста шестьдесятъ пять видовъ пользы—ровно по числу дней въ году — приносимой стволомъ, вѣтвями, листьями, сокомъ и плодами «божественнаго» дерева. Цѣлые лѣса этихъ пальмъ были вырублены на починку испорченныхъ дорогъ и плотинъ, на постройку мостовъ черезъ бо́лѣе мелкіе каналы и плотовъ для переправы черезъ широкіе водяные пути. Юліанъ придумалъ поддерживать эти плоты на водѣ, даже при тяжелой нагрузкѣ, съ помощью надутыхъ свиныхъ пузырей и мѣховъ. Онъ самъ такъ ревностно работалъ топоромъ и лопатой, что на его рукѣ, привыкшей къ трости для письма, вскорѣ вскочили волдыри. Его пурпуръ полинялъ, до того часто императора обдавало водою за работой. Легіоны сочли для себя великимъ благомъ, когда послѣ всѣхъ этихъ трудовъ имъ пришлось, наконецъ, вернуться къ военной службѣ.

Дорогу къ столицѣ персидскаго царя—Ктезифону—преграждала, приблизительно въ двадцати часахъ пути вверхъ по Евфрату, сильная крѣпость Пири-Саборъ, второй городъ въ странѣ, обширный, отлично защищенный высокой двойной стѣною и рукавомъ рѣки; здѣсь сатрапъ Мамерсесъ съ многочисленнымъ гарнизономъ храбро защищался противъ римлянъ. Однако, вновь изобрѣтенная Юліаномъ стѣнобитная машина,

на второй же день осады, разрушила ударомъ, направленнымъ рукою самого изобрѣтателя, уголъ стѣны; корнути, подъ предводительствомъ Іовіана, ворвались черезъ брешь въ городъ и оттѣснили защитниковъ въ цитадель, за вторымъ валомъ. Немедленно начался штурмъ; сперва колонны римлянъ сильно порѣдѣли подъ выстрѣлами осажденныхъ, цѣлившихся въ нихъ съ высокой стѣны. Нѣкоторые баллисты и катапульты осаждающихъ были разбиты каменными глыбами, другіе сожжены зажигательными стрѣлами. Однако, вечеромъ того же дня, со стороны непріятеля стало медленно, но безостановочно приближаться никогда не виданное защитниками осадное орудіе на громадныхъ колесахъ, называвшееся «гелеполисъ»—покорительница городовъ,—также значительно усовершенствованное маленькимъ философомъ. Везомая многими тысячами воиновъ, подвигалась боевая башня, верхній ярусъ которой превышалъ гребень вала. Юліанъ стоялъ на этой верхней площадкѣ и громко отдавалъ приказанія. Его безумная храбрость не прошла ему даромъ; вскорѣ онъ упалъ подъ тучей стрѣлъ и тяжелыхъ камней, но тотчасъ опять вскочилъ, весь окровавленный. Когда же августъ собственноручно отдернулъ канатъ, которымъ до сихъ поръ удерживался подъемный мостъ машины, послѣдній съ грохотомъ откинулся, и императоръ впереди всѣхъ, твердыми шагами, прошелъ черезъ него, чтобы вступить на гребень стѣны. Тутъ мужество покинуло персовъ, они побросали оружіе и стали молить о пощадѣ. Юліанъ охотно помиловалъ храбраго сатрапа и полторы тысячи уцѣлѣвшихъ защитниковъ крѣпости. Однако, послѣ того какъ богатые запасы зерноваго хлѣба, оружіе, драгоцѣнная утварь были раздѣлены между побѣдителями, часть добычи оставлена на нужды войска во время похода, а излишекъ брошенъ въ Евфратъ, — Юліанъ самъ швырнулъ факелъ въ городъ.

— Мы отмщены!—воскликнулъ онъ.—Я поклялся въ этомъ генію Рима. Первая побѣда надъ персами: о, какъ порадуются мои любезные антіохійцы!

Охотно возобновляя старинные военные обычаи римлянъ, императоръ приподнесъ Іовіану, передъ лицомъ собравшагося войска, вѣнецъ въ видѣ зубчатой стѣны, такъ какъ онъ первымъ взобрался по осаднымъ лѣстницамъ на валъ цитадели Пири-Саборъ. Когда же воины стали настаивать, чтобы онъ

оказалъ и себѣ такую же честь, какъ вступившему прежде всѣхъ на подъемный мостъ, онъ отклонилъ ихъ настояніе и, улыбаясь, возразилъ:

— Я только спрыгнулъ съ высоты на валъ.

За ужиномъ, Серапіонъ со смѣхомъ принялся разсказывать:—Представь себѣ, pontifex maximus, твой саксонецъ Сигибрандъ одержимъ духомъ безкорыстія и простоты, приличной философу. Взгляни, онъ даритъ тебѣ эти великолѣпные перлы.

И королевичъ высыпалъ на столъ двѣ пригоршни драгоцѣннаго жемчуга.

— Э, да тутъ цѣлое состояніе!—изумился Іовіанъ.

— Конечно. Сигибрандъ нашелъ въ полусгорѣвшемъ домѣ—вѣроятно, въ немъ жилъ какой нибудь ювелиръ—прекрасный, непромокаемый кожаный мѣшокъ; тогда онъ бросилъ свою разорванную суму изъ парусины, въ которой носилъ хлѣбъ, и наполнилъ найденный мѣшокъ съѣстными припасами, предварительно выбросивъ его содержимое,—«кругленькіе камушки», «ребяческія игрушки», по его словамъ, — въ окно на улицу, гдѣ я какъ разъ проходилъ въ это время. Мои старанія образумить малаго пропали даромъ.—Ну, отнеси этотъ жемчугъ нашему доброму полководцу! — воскликнулъ онъ, — я же не хочу таскать на себѣ ничего лишняго въ такую жару.

— Хорошо, мы сохранимъ это сокровище для нашего простака,—заключилъ Юліанъ.—Не всѣ философы такъ безкорыстны.

Однако дорога въ Ктезифонъ все еще не была свободна. Приблизительно въ пятнадцати часахъ пути дальше по теченію рѣки, возвышалась для защиты столицы другая крѣпость—Мацамалха. Она также была окружена двойною стѣною изъ кирпичей и асфальта, глубокимъ рвомъ, и ее защищали шестнадцать крѣпкихъ башенъ. Мацамалху нельзя было оставить непокоренной у себя въ тылу, нападая на Ктезифонъ. Юліанъ самъ повелъ осаду, выславъ впередъ Іовіана съ сильнымъ отрядомъ. Ему предстояло проникнуть до самаго Ктезифона и Тигра, постоянно производя кругомъ рекогносцировки, чтобы оградить римлянъ отъ нападенія врасплохъ со стороны вспомогательнаго войска. Во время перваго объѣзда, предпринятаго полководцемъ для осмотра наружной линіи укрѣпленій,

онъ опять подвергся смертельной опасности, какъ и незадолго передъ тѣмъ на осадной башнѣ. Двое знатныхъ персовъ, бѣжавшихъ изъ Пири-Сабора, знали его въ лицо и поклялись Ормуздомъ пожертвовать своей жизнью, чтобы погубить этого неукротимаго противника великаго царя. И вотъ, когда императоръ пристально смотрѣлъ впередъ, измѣряя глазомъ вышину вала, заговорщики неожиданно выскочили изъ воротъ боковой башни и бросились на него, размахивая кривыми саблями. Однако онъ ловко перехватилъ одновременно оба удара своимъ круглымъ щитомъ коннаго воина и свалилъ одного изъ нападающихъ съ лошади, между тѣмъ какъ другой палъ отъ копья Невитты.

— Благодарю тебя, другъ,—сказалъ Юліанъ, протягивая ему руку.—Странно, что Зевсъ такъ охотно посылаетъ мнѣ на выручку германцевъ.

Пока въ слѣдующіе дни стѣнамъ крѣпости угрожали, повидимому, только однѣ осадныя машины, изобрѣтательный полководецъ приказалъ рыть въ темныя ночи подкопъ. Серапіонъ, Невитта и Дагалайфъ вызвались исполнить эту трудную работу, и въ самомъ дѣлѣ отлично достигли своей цѣли къ изумленію римлянъ.

— Не только медвѣдями, но и кротами могутъ быть эти варвары,—говорилъ, удивляясь, Юліанъ.

Подведенный подъ крѣпостной ровъ подкопъ достигалъ кирпичной стѣны, которая была пробита въ узкомъ мѣстѣ. Серапіонъ повелъ за собою три наилучшихъ когорты—полторы тысячи человѣкъ: въ самую полночь они юркнули одинъ за другимъ въ длинный, темный проходъ. Не безъ страха смотрѣлъ Юліанъ, какъ ихъ шлемы исчезали въ нѣдрахъ земли, потому что, при торопливой работѣ, въ подземельѣ не успѣли поставить достаточное количество предохранительныхъ балокъ и надѣлать отдушинъ. Но храбрый отрядъ благополучно проникъ черезъ узкій подкопъ, не будучи замѣченъ непріятелемъ. Серапіонъ почуялъ уже вѣяніе свѣжаго воздуха и выкарабкался изъ узкой щели наверхъ: онъ стоялъ въ самомъ городѣ за стѣною! Молча коснулся предводитель рукою человѣка стоявшаго позади него,—то былъ Боконій; тотъ безмолвно тронулъ слѣдующаго и этотъ условный знакъ передавался отъ одного къ другому дальше до входа въ подземелье. Тутъ Юлі-

анъ, напряженно ожидавшій у начала тунеля, подалъ сигналъ: трубы грянули вокругъ всей крѣпости, римляне съ факелами, громко крича, бросились изъ лагеря; дружный натискъ долженъ былъ отвлечь защитниковъ своимъ шумомъ отъ настоящей опасности. Съ гордымъ равнодушіемъ смотрѣлъ командовавшій крѣпостью сатрапъ Набдадъ съ зубцовъ стѣны на это, какъ ему казалось, легкомысленное нападеніе: онъ вложилъ кривую саблю въ ножны, велѣлъ принести себѣ лиру и запѣлъ насмѣшливымъ тономъ, посматривая внизъ на римлянъ:

Юліанъ великъ и силенъ!
Между мелкими мышами
Несомнѣнно онъ крупнѣйшій.
Но Сапоръ, нашъ царь великій,
Между бѣлыми слонами
Всѣхъ бѣлѣе и священнѣй.
Юліану,—мелкой мышкѣ,—
Можетъ быть, скорѣй удастся
Разгромить оплотъ Ормузда,—
Лучезарныхъ звѣздъ твердыню,
Что горятъ на небосклонѣ,—
Чѣмъ валы и эти стѣны,
Башни крѣпкія за рвами,
Неприступной Мацамалхи.

То было его послѣднее слово, такъ какъ въ ту же минуту Серапіонъ уложилъ пѣвца ударомъ меча. Королевичъ, съ небольшимъ отрядомъ своихъ воиновъ, проникъ съ улицы въ одну изъ пустыхъ башень, всѣ защитники которыхъ стояли на стѣнѣ, неслышно поднялся по узкой лѣстницѣ и вышелъ изъ башенныхъ воротъ на валъ; Боконій въ то же время отворилъ изнутри ближайшія городскія ворота и впустилъ осаждающихъ.

Тутъ пробилъ послѣдній часъ Мацамалхи! Крѣпость сравняли съ землею, и неутомимый полководецъ повелъ свое войско отъ этихъ еще дымившихся развалинъ дальше, прямо къ Ктезифону,—цѣли его пылкихъ стремленій. Когда Юліанъ ѣхалъ верхомъ мимо пожарищъ къ южнымъ воротамъ, до его слуха долетѣлъ какъ будто тихій плачъ изъ одного полусгорѣвшаго дома. Онъ тотчасъ спрыгнулъ съ сѣдла и вошелъ въ первую комнату хижины; тутъ на покрытомъ золою очагѣ лежалъ красивый мальчикъ лѣтъ десяти; лицо и темныя кудри были у него закопчены дымомъ и выпачканы углями; онъ обхватилъ обѣими руками осколки разбитаго «бога очага», свалившагося съ

подножія. Императоръ поднялъ плачущаго и заговорилъ съ нимъ по персидски, но мальчикъ знаками далъ понять, что онъ нѣмъ и не можетъ отвѣтить.

— Гдѣ твои родители?—спросилъ Юліанъ.

— Умерли, исчезли,—показалъ знаками ребенокъ.

— Какъ тебя зовутъ, бѣдняга?

Тутъ мальчикъ повернулся къ покрытой золою доскѣ очага и написалъ указательнымъ пальцемъ по латыни: «Инфортунатусъ» [1]) назвала меня, нѣмаго, мать—плѣнная римлянка.

— Ну!—воскликнулъ августъ, ласково проводя рукою по кудрямъ дитяти,—это печальное имя я постараюсь опровергнуть по мѣрѣ силъ. Друзья мои,—прибавилъ онъ, обращаясь къ входившимъ въ эту минуту приближеннымъ,—на свою долю изъ военной добычи въ крѣпости Мацамалхѣ я требую только этого бѣднаго малыша. Пойдемъ, Инфортунатусъ, дай мнѣ руку. Съ этихъ поръ ты будешь спать въ моей палаткѣ и не долженъ оставаться вполнѣ Инфортунатусомъ.

На пути къ столицѣ Персіи, римская армія наткнулась на берегахъ Тигра на цѣлый рядъ тѣхъ прелестно-украшенныхъ садовъ, которые были прозваны «раемъ» и составляли славу персовъ, такъ какъ этотъ народъ умѣлъ ихъ устраивать съ необыкновеннымъ искусствомъ. Яркіе цвѣтники, пестрѣвшіе всѣми красками—цвѣточные ковры были изобрѣтены именно здѣсь—тѣнистыя рощицы, плещущіе фонтаны на каждомъ шагу ласкали взоръ. Въ особыхъ охотничьихъ загонахъ, принадлежавшихъ великому царю, содержались во множествѣ слоны, львы, тигры, пантеры, леопарды, медвѣди и дикіе вепри.

Здѣсь Юліанъ далъ волю охотничьимъ инстинктамъ германцевъ, послѣ чего трое «неразлучныхъ» и Серапіонъ появились вечеромъ у бивачныхъ костровъ совершенно неузнаваемыми,—въ шкурахъ убитыхъ ими звѣрей. Сигибрандъ, обливаясь потомъ, тащилъ на спинѣ двѣ тяжелыхъ львиныхъ шкуры, которыя онъ поклялся именемъ бога Сассенота привезти съ береговъ Тигра на Везеръ, въ подарокъ своимъ малюткамъ-сыновьямъ. Юліанъ также убилъ—послѣ четырехкратнаго удара метательнымъ копьемъ—громаднаго льва, шкура котораго съ тѣхъ поръ служила ему, вмѣсто военнаго плаща, покрышкой для его незатѣйливаго походнаго ложа, состоявшаго изъ охапки

[1]) Имя «инфортунатусъ» означаетъ:—несчастный.

камыша. Полководецъ зналъ изъ исторіи прежнихъ персидскихъ войнъ, а также изъ неудачъ своего предшественника, что лошади римской конницы постоянно пугались при видѣ слоновъ, устрашенныя ихъ ревомъ, а по словамъ другихъ—запахомъ этихъ животныхъ, причемъ ихъ не было возможности удержать, и онѣ повернувъ назадъ, топтали собственную пѣхоту. Поэтому Юліанъ рѣшилъ пріучить коней въ своемъ войскѣ къ виду и голосу гигантовъ азіатскихъ лѣсовъ. Желая подать примѣръ своимъ всадникамъ, онъ неутомимо водилъ лошадей цѣлыми десятками навстрѣчу нѣсколькимъ добытымъ на войнѣ и купленнымъ слонамъ. Лошади, разумѣется, отчаянно сопротивлялись, вставали на дыбы и шарахались въ сторону, какъ бѣшеныя, нерѣдко сбрасывая всадника.

— Какое занятіе для философа!—говаривалъ тогда Юліанъ, поднимаясь съ земли и потирая ушибленныя бедра.—Это стоитъ моихъ прыжковъ съ шестами въ Віеннѣ.

— Однако, странно обращается нашъ верховный жрецъ со своими богами,—со смѣхомъ сказалъ однажды Серапіонъ Іовіану.

— Какимъ же это образомъ?

— За послѣднюю побѣду онъ принесъ въ жертву Аресу десятерыхъ безпорочныхъ воловъ. Одинъ изъ нихъ вырвался, былъ изловленъ съ большимъ трудомъ и только тогда заколотъ. Понятно, что послѣ такого волненія у несчастнаго животнаго были обнаружены зловѣщіе признаки въ печени и желчи. Что же дѣлаетъ набожный августъ? Въ сильнѣйшей досадѣ объявляетъ онъ отцу Зевсу, что съ этихъ поръ не станетъ приносить жертвъ его сыну. Онъ пожаловался на бога его родителю! Это какъ разъ напоминаетъ происшествіе, случившееся у насъ съ однимъ королемъ аламановъ, который бросилъ въ огонь изображеніе «бога меча», когда послѣ многихъ умилостивительныхъ жертвъ онъ не одержалъ побѣды и вернулся домой разбитымъ. Но тотъ областной король Эбургриммъ не выдавалъ себя, по крайней мѣрѣ, за философа!

Въ то время имя Юліана наводило такой ужасъ на персовъ, что ихъ живописцы изображали римскаго императора въ видѣ лютаго льва, изъ разверзтой пасти котораго вырывался всепожирающій потокъ пламени. А между тѣмъ эта душа, представлявшая собою такое странное смѣшеніе различныхъ свойствъ,

этотъ мужественный воитель не имѣлъ ничего общаго ни съ лютымъ звѣремъ, ни съ алчнымъ человѣкомъ. На пути отъ Мацамалхи въ Ктезифонъ имъ было встрѣчено три лѣтнихъ дворца персидскаго царя: изъ перваго не успѣли вывезти многочисленныхъ женщинъ и дѣвушекъ, и тридцать изъ нихъ попали въ плѣнъ. Вечеромъ Лизій пришелъ въ шатеръ Юліана и увидѣлъ императора съ сочиненіями Максима на колѣняхъ; но онъ не читалъ,—его взглядъ былъ устремленъ на маленькій рисунокъ, представлявшій нѣжное женское лицо, съ изящно очерченнымъ профилемъ. Юліанъ самъ сдѣлалъ этотъ снимокъ съ бюста покойной жены въ Парижѣ.

— Ну, такая прекрасная добыча,—началъ Лизій,—едва ли попадалась въ этихъ странахъ завоевателю со временъ твоего образца, Александра Великаго. Никогда въ жизни не видалъ я такихъ очаровательныхъ дѣвушекъ, какихъ забрали сегодня въ плѣнъ твои браккати. Я—старикъ, но и то, при видѣ ихъ, трепетъ пробѣжалъ у меня по тѣлу.

— Я слышалъ объ этомъ,—вздыхая, отвѣчалъ Юліанъ.

— Неужели ты не хочешь, по крайней мѣрѣ, взглянуть на прекрасныхъ плѣнницъ?—спросилъ Лизій, кидая на бывшаго ученика испытующій взглядъ.

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Ихъ нужно пощадить. Если онѣ пожелаютъ, мы отправимъ ихъ къ весталкамъ въ Цирцезіумъ.

— Ты живешь такимъ отшельникомъ... Неужели одиночество не тяготитъ тебя? Въ тридцать два года!

— Конечно, тяготитъ. Вызови же мнѣ наконецъ—вѣдь ты обѣщалъ это болѣе мѣсяца тому назадъ!—тѣнь вотъ этой... этой. Только на одно мгновеніе! И я буду благодаренъ тебѣ всю свою жизнь.

— Терпѣніе. Скоро наступитъ время. Я долженъ выждать стоянія Юпитера и Венеры на небосклонѣ другъ противъ друга.

Вслѣдъ затѣмъ, римское войско направилось къ столицѣ Сапора, «богатому сокровищами Ктезифону», зимней резиденціи сассанидовъ на сѣверномъ берегу Тигра. То была сильная крѣпость, защищенная съ юга рѣкою, съ сѣвера болотами, съ востока и запада—неприступными стѣнами. На южномъ берегу, какъ разъ напротивъ, лежалъ городъ—близнецъ перваго—Селевкія, древняя колонія селевкидовъ, называвшаяся на языкѣ

ассирійцевъ «Кохэ». Однако, много еще преградъ отдѣляло нападающихъ отъ ихъ цѣли.

Прежде всего, сухопутное войско наткнулось на эту, также весьма сильную, крѣпость Кохэ, которая преградила ему путь съ юга. Далѣе, чтобы успѣшно обложить Ктезифонъ съ сѣвера, ему предстояло переправиться черезъ стремительный Тигръ, а между тѣмъ казалось совершенно невозможнымъ перевести на эту рѣку спустившійся внизъ по Евфрату флотъ, необходимый для обладанія Тигромъ. Единственнымъ соединительнымъ путемъ между обоими рѣками былъ Нагаръ-Малха, «царскій каналъ», а онъ проходилъ ниже двойнаго города. Переправить суда при сопротивленіи обѣихъ крѣпостей было рѣшительно немыслимо, такъ что сухопутное войско и флотъ, раздѣленные двумя сосѣдними твердынями, не могли поддерживать другъ друга. Севѣръ и другіе старые испытанные воины терялись передъ такимъ затрудненіемъ, но маленькій философъ нашелся и тутъ. Однажды ночью, въ лагерѣ противъ Кохэ, распустивъ военный совѣтъ, «не придумавшій совѣта»,—какъ съ улыбкой крикнулъ Юліанъ вслѣдъ удалявшимся друзьямъ,—этотъ мистикъ и глубокій мыслитель приказалъ Орибазію, который завѣдывалъ теперь взятыми въ походъ книгами августа, принести ему сочиненія историковъ, описывавшихъ походъ его великаго предшественника Траяна противъ персовъ. Императоръ смутно помнилъ, что тамъ было указаніе на затруднявшій его вопросъ.—Я такъ и зналъ!—воскликнулъ онъ послѣ долгихъ, затянувшихся до полуночи, поисковъ въ книгѣ Марія Максима.—Вотъ удивимъ-то мы народецъ, засѣвшій въ крѣпостяхъ!

На другое утро, Юліанъ приказалъ своимъ всадникамъ поймать нѣсколькихъ крестьянъ изъ деревень, лежащихъ вверхъ по теченію рѣки, и привести къ нему. За послѣдніе мѣсяцы онъ такъ ознакомился съ языкомъ страны, что могъ понимать его безъ посредства переводчика... Перепуганные плѣнники были вскорѣ отпущены имъ со щедрыми дарами.

— Вышло такъ, какъ я ожидалъ. Ну, теперь за работу! Половина войска пусть берется за лопаты, а другая пусть стоитъ наготовѣ подъ оружіемъ.

Юліанъ совершенно вѣрно припомнилъ, что Траянъ, при осадѣ Ктезифона, прорылъ каналъ изъ Евфрата въ Тигръ, выше обоихъ городовъ. Это сооруженіе было давно засыпано и за-

несено пескомъ, но съ помощью тридцати тысячъ рабочихъ рукъ, при неутомимомъ поощреніи и содѣйствіи самого Юліана, водяной путь въ нѣсколько дней былъ снова сдѣланъ судоходнымъ, и—къ ужасу персовъ и ассирійцевъ, на валахъ крѣпостей,—римскій флотъ съ тріумфомъ переправился по возобновленному каналу изъ Евфрата въ бушующій Тигръ. Юліанъ, въ полномъ императорскомъ облаченіи и во всѣхъ регаліяхъ, стоялъ у бугшприта самой передней тріеры; подъ градомъ персидскихъ стрѣлъ совершилъ онъ возліяніе богамъ обѣихъ рѣкъ изъ золотой чаши, а потомъ, декламируя сочиненные имъ греческіе стихи, швырнулъ въ заключеніе драгоцѣнный сосудъ въ волны Тигра.

XXIV.

Итакъ, сухопутное войско и флотъ соединились выше крѣпостей-близнецовъ, но теперь требовалось переправить воиновъ на сѣверо-восточный берегъ Тигра, что̀ представляло тоже неразрѣшимую задачу, такъ какъ къ столицѣ прибыло наконецъ громадное персидское войско, которое намѣревалось не столько выручать Ктезифонъ отъ осады, сколько предупредить его обложеніе. Оно и стало препятствовать римлянамъ переправиться черезъ Тигръ. Такимъ образомъ, переправу приходилось брать съ бою, а это казалось невозможнымъ.

Рѣка здѣсь очень широка и необычайно быстра, а сѣверо-восточный берегъ съ глинистой скользкой почвой страшно крутъ, почти обрывистъ; кромѣ того, по всей линіи на немъ, въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, возводились земляныя укрѣпленія, представлявшія теперь сильное прикрытіе. На этихъ окопахъ, и за ними, стояло сто шестьдесятъ тысячъ персовъ,—самыхъ искусныхъ, кардухійскихъ стрѣлковъ изъ лука, конныхъ латниковъ; цѣлый лѣсъ копій пѣхоты и сто восемнадцать боевыхъ слоновъ, которые, по словамъ одного современника, одинаково спокойно и свободно могли вытоптать поле, покрытое ячменемъ или римскими легіонами. Наведеніе моста, въ виду такой обороны, было дѣломъ немыслимымъ, равно какъ и высадка войска съ судовъ, потому что глубоко сидѣвшія въ водѣ военныя тріеры не могли пристать по мелководью къ берегу.

Никто не зналъ, что̀ придумать; самъ Юліанъ какъ будто спасовалъ на этотъ разъ. Онъ сердился на дурную упаковку припасовъ на плотахъ и приказалъ разгрузить восемьдесять изъ нихъ для осмотра выгруженнаго зерна; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, онъ устроилъ блестящія военныя игры передъ стѣнами Кохэ, и велѣлъ своимъ германцамъ исполнить даже «пляску мечей» къ изумленію азіатовъ. Вечеромъ императоръ пригласилъ всѣхъ военачальниковъ къ столу въ свой шатеръ, и когда незадолго до полуночи отпустилъ ихъ, то открылъ имъ, что въ полночь войско будетъ переправляться черезъ рѣку. Страхъ обуялъ самыхъ смѣлыхъ; Северъ съ Іовіаномъ осмѣлились отговаривать Юліана, но онъ сказалъ:—Побѣда и спасеніе зависятъ отъ этого часа. Всякая проволочка только помогаетъ укрѣпиться непріятелю. Стройте свои полки!

Факелъ, брошенный въ полночь въ рѣку и описавшій въ воздухѣ длинную дугу, послужилъ сигналомъ. Пять плотовъ, занятыхъ легіонерами, отчалили отъ берега. Въ ненарушимой тишинѣ стояло римское войско, подъ покровомъ ночи, у самой рѣки. Вдругъ на сѣверномъ берегу вспыхнулъ сильный огонь и громкій вопль донесся оттуда. У Юліана замерло сердце; онъ отлично понялъ, что его смѣлые пловцы были замѣчены непріятелемъ, который зажегъ огневыми стрѣлами ихъ досчаники. Однако августъ быстро оправился и воскликнулъ:

— Это условный знакъ, который я велѣлъ подать своимъ! Они пристали къ берегу и вскарабкались на крутизну. Скорѣе вслѣдъ за ними... Всѣ впередъ!

Всѣ суда тотчасъ отчалили, даже и тѣ, которыя не были назначены для переправы, такъ какъ сопротивленіе столькихъ тысячъ килей должно было побороть силу теченія для всѣхъ— и они сдѣлали свое дѣло. Плоскодонныя суда достигли сѣверо-восточнаго берега какъ разъ во̀-время, чтобы выручить своихъ безумно отважныхъ передовыхъ. Хотя карабкаться по крутому берегу въ тяжеломъ вооруженіи, подъ градомъ дротиковъ, стрѣлъ, горящихъ головней и камней, было ужасно, однако легкая германская пѣхота, подъ предводительствомъ самого Юліана, храбро пошла на приступъ и заняла край высотъ, гдѣ поддерживала убійственную схватку до тѣхъ поръ, пока подоспѣли массы войска и позади всѣхъ даже тяжелые

легіонеры, причемъ вся римская армія стала тѣснить непріятеля плотными желѣзными рядами.

Этого натиска не выдержали ни персы, ни парѳяне, ни арабы, ни ассирійцы. Кромѣ того, слоны, испуганные летѣвшими въ нихъ горячими головнями, повернули назадъ, сбросили съ себя своихъ вожаковъ и съ громкимъ ревомъ, дико размахивая хоботами, принялись топтать собственную пѣхоту: сраженіе было проиграно.

Только немногіе изъ вожаковъ, не смотря на бѣшенство животныхъ, сохранили настолько присутствія духа и мужества, чтобы дѣйствовать по указанію, полученному ими на этотъ случай, и проткнули острымъ шипомъ поводьевъ самый верхній спинной позвонокъ у взбѣсившихся слоновъ, что̀ причиняетъ мгновенную смерть исполинскимъ чудовищамъ. Многіе десятки тысячъ воиновъ, а съ ними Сурена и эмиръ гассанидовъ, обратились въ безпорядочное бѣгство, вдоль по берегу Тигра, внизъ по теченію. До самыхъ воротъ Ктезифона преслѣдовали и рубили ихъ всадники побѣдителя Юліана.

XXV.

Великолѣпно благоухали тысячи цвѣтовъ въ саду царскаго дворца въ Сузѣ, самой старинной резиденціи персидскаго царя. Чудно заливались пѣніемъ сотни соловьевъ въ цвѣтущихъ кустарникахъ, сладко журчали, распространяя прохладу въ лѣтнемъ вечернемъ воздухѣ, двадцать фантановъ, навѣвавшихъ нѣгу своимъ монотоннымъ плескомъ. Пестрыя птицы, въ ихъ яркомъ опереніи, покачивались въ золотыхъ обручахъ, которые поддерживались шолковыми шнурами, привязанными къ коронамъ пальмъ; за посеребренными рѣшетками прогуливались цари пустыни—львы и тигры, прирученные до такой степени, что первые охотно возили тріумфальную колесницу своего повелителя по шумнымъ улицамъ царскаго города, а вторые служили ему подножіемъ; изъ женскаго дома, возлѣ мраморной залы, выходившей въ садъ, доносились пріятные голоса модыхъ женщинъ, распѣвавшихъ нѣжныя мелодіи подъ звуки флейтъ и свирѣлей; дивно благоухающее пальмовое вино въ изящномъ золотомъ бокалѣ стояло въ пузатой чашѣ со льдомъ на леопардовой шкурѣ, рядомъ съ шолковыми подушками, на

которыхъ покоился владыка Персіи. А между тѣмъ, на важномъ лицѣ Сапора не было ни малѣйшаго слѣда не только радости, но и довольства.

По законамъ приличія, усвоеннымъ на востокѣ, повелитель обыкновенно оставался безстрастнымъ, не обнаруживая въ своихъ, точно застывшихъ, неподвижныхъ чертахъ, какъ будто выточенныхъ изъ желтоватаго мрамора, никакого душевнаго волненія. Но сегодня въ нихъ явно отражались горе и заботы, которыхъ царь не думалъ скрывать, хотя вокругъ него толпились полководцы, верховные совѣтники, а также гонцы изъ военнаго лагеря.

Когда прибывшій послѣ всѣхъ гонецъ окончилъ свою рѣчь, великій царь медленнымъ, машинальнымъ движеніемъ поднялъ обѣ руки прямо надъ головою и оставался молча нѣсколько минутъ въ такой позѣ; потомъ онъ также медленно снялъ высокую остроконечную персидскую шапку изъ бѣлаго шолка, усыпанную рубинами, смарагдами и сапфирами, и поставилъ ее на землю, вдали отъ себя, послѣ чего, не торопясь, сталъ снимать жемчужины и драгоцѣнные каменья, тонкія цѣпочки, вплетенныя въ его сѣдѣющіе волосы и густую, широкую серебристую бороду, покрывавшую ему всю грудь до золотаго пояса. Всѣ эти драгоцѣнности онъ разбрасывалъ по полу; наконецъ владыка поднялся съ мягкаго дивана, на которомъ сидѣлъ, вытянувшись въ струнку, и, не говоря ни слова, но съ выраженіемъ глубокой печали, распростерся навзничъ, широко раскинувъ руки, на холодномъ, голомъ мраморномъ полу. При видѣ этого, стоявшіе кругомъ сановники разразились жалобнымъ воплемъ; всѣ они—кромѣ одного—бросились на колѣни и трижды воскликнули въ одинъ голосъ:—«Ормуздъ, Ормуздъ, Ормуздъ! Спаси, помоги, отмсти! Твой сынъ лежитъ распростертый въ отчаяніи. Ормуздъ, спаси, помоги, отмсти! Спаси Саонъ-Саона—царя царей»!

Потомъ всѣ они снова вскочили на ноги, почтительно подняли Сапора съ земли и опять посадили его на диванъ.

— Владыка вселенной,—началъ старѣйшій изъ сатраповъ, Ипарна изъ Кушана, — ты наглядно показалъ намъ, что лежишь въ глубочайшей безднѣ горя. Ты сложилъ съ себя знаки своего царскаго достоинства. Кто изъ твоихъ рабовъ не пожертвуетъ теперь своимъ послѣднимъ дыханіемъ, послѣдней

каплей крови, чтобы вознести тебя снова къ звѣздамъ, твоимъ собратьямъ,—тотъ недостойный песъ, а мать его была блудницей. Ты еще долго—нѣтъ!—никогда не придешь къ концу своего могущества. Кто исчислитъ названія всѣхъ твоихъ царствъ? Во истину, у тебя болѣе народовъ, чѣмъ у твоего врага—легіоновъ; тебѣ подвластны персы и парѳяне, блемійцы, арабы и сарацины, ассирійцы, мидяне и сузіаны, халдеи, карманеи и гирканы, маргіане, бактріане, согдіане, саки, сэры, скиѳы, эсседоны и гедрозы, паромашезады, дрангіанійцы, арахозы и хіониты, эвзены и гелоны! По твоему приказу, уже стекаются сюда всѣ волны этого моря народовъ. И мы, твои сатрапы, видѣвшіе знаки твоего отчаянія, клянемся возвысить тебя или умереть!

Едва замѣтно кивнулъ Сапоръ величественно поднятой головою, когда заговорилъ:—Вотъ передъ вами лежатъ, разбросанные по землѣ, валяющіеся во прахѣ знаки достоинства сына боговъ. И они будутъ здѣсь валяться: я возложу ихъ на себя не раньше того, какъ будетъ изглаженъ нанесенный намъ позоръ, когда священную почву перестанутъ попирать стопы чужеземцевъ. Я далъ уже обѣтъ принести въ жертву три центнера ладону и мирры, но удвою это количество, Ормуздъ, если ты услышишь меня. А теперь, слушайте мои приказанія. Вы знаете, какъ этотъ сынъ преисподней, Хульхіаношъ [1]), посланникъ Аримана, неудержимо проникъ до царскаго города солнца. Самыя сильныя изъ нашихъ крѣпостей онъ разрушилъ, отвелъ дерзостной рукою теченіе священныхъ рѣкъ, разбилъ величайшее изъ моихъ войскъ и тѣснитъ Ктезифонъ, твердыню солнца, какъ докладываетъ мнѣ послѣдній гонецъ. Сурена, который позволилъ разбить себя, и Гассанидъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ боевыхъ рядовъ, были растоптаны, по моему приказанію, бѣлыми слонами Ормузда. Кто изъ васъ, мои полководцы, желаетъ быть его преемникомъ? Если онъ будетъ разбитъ, слоны всегда наготовѣ, — я далъ такую клятву.

Двое самыхъ младшихъ изъ собравшихся, двое прекрасныхъ юношей, очень похожихъ на Сапора, лѣтъ двадцати и двадцати пяти, воскликнули:—Я, сынъ твой, Варанесъ.

---

[1]) Юліанъ.

— Я, сынъ твой, Вараганесъ.

Благосклонно взглянулъ царь своими большими, круглыми глазами, подъ тѣнью бровей, выкрашенныхъ блестящей черной угольной пылью, на обоихъ юношей и сказалъ:—Мои сыновья? надежда будущаго? Нѣтъ!

Тогда другой изъ сатраповъ, сильный мужчина, лѣтъ сорока—онъ одинъ не молился Ормузду — преклонилъ голову почти до земли и произнесъ:

— О, царь царей, я готовъ.

— Ты, храбрый, мудрый Мерена? Ты вѣдь не персъ, сатрапъ Гатры, ты армянинъ.

— А мы, армяне, считаемся вѣроломными,—я знаю. Но я постараюсь исправить нашу дурную славу.

— Да вѣдь ты, какъ большинство твоего народа, христіанинъ. Сагакъ, твой старшій братъ,—епископъ армянской столицы.

— Тѣмъ болѣе можешь ты положиться на меня. Неужели ты думаешь, что христіанинъ пожелаетъ побѣды тому кровожадному псу, исчадію геенны, который съ еще большею лютостью опустошаетъ святую церковь, чѣмъ воюетъ въ твоемъ государствѣ? Вѣрь моей ненависти! Братъ мой, епископъ Караны, произнесъ уже всенародно церковное проклятіе отступнику. По его настояніямъ, армянскій царь, благочестивый Тиграннесъ, конечно... Однако, объ этомъ послѣ! О, если я съумѣлъ когда нибудь угодить тебѣ своими услугами, дозволь мнѣ прежде всего уничтожить этого демона преисподней. Дай мнѣ въ помощники моего брата, Ногордата; онъ хитеръ на разныя выдумки; дай мнѣ неограниченное полномочіе заключать миръ или всякими средствами изводить врага. Я освобожу твою страну или самъ добровольно пойду къ бѣлымъ слонамъ въ ихъ храмъ въ Экбатанѣ. Жену мою и дѣтей я оставляю тебѣ заложниками.

— Мерена,—заговорилъ Сапоръ,—я вѣрю тебѣ, но скажи откровенно, почему ты, живя во славѣ и богатствѣ, идешь на такой рискъ, который легко можетъ привести тебя—подъ пяту слоновъ?

— Я сейчасъ объясню все, государь. Я твой вѣрный слуга и готовъ, не задумавшись, сложить за тебя голову въ битвѣ, однако въ другое время не сталъ бы такъ настойчиво искать

смерти, какъ теперь. Но я—ревностный христіанинъ, а братъ мой, епископъ, возвѣстилъ, что кто уничтожитъ этого отступника, тотъ будетъ сидѣть въ царствіи небесномъ ближе всѣхъ къ апостоламъ христовымъ.

— Хорошо,—сказалъ Сапоръ, не измѣняя своей неподвижной позы.—Сиди на небѣ, гдѣ тебѣ вздумается, только бы на землѣ ты сидѣлъ у моихъ ногъ. Ормуздъ и я свидѣтели того: или побѣда съ тобою, или слоновъ на тебя! Вотъ возьми мой золотой перстень съ печатью. Пускай всѣ персы, пареяне и армяне видятъ въ тебѣ мою волю, превратившуюся въ боевой мечъ. Ступай! Побѣди или умри, Мерена.

(Окончаніе будетъ).

НАША МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

(1893—94 гг.).

Оперѣ посчастливилось въ истекшемъ сезонѣ; кромѣ маріинской сцены, она пріютилась въ двухъ театрахъ:—въ Маломъ и въ залѣ Кононова, гдѣ дѣйствовало товарищество, перешедшее потомъ въ Панаевскій театръ. За такое обиліе можно было бы радоваться, еслибы каждый изъ названныхъ театровъ имѣлъ предъ собой извѣстную намѣченную цѣль, опредѣленную программу; напримѣръ, одинъ ставилъ бы только комическія оперы, а другой исключительно русскія; тогда каждый изъ нихъ имѣлъ бы свою физіономію и свою публику, другъ другу не мѣшали бы и дѣлали бы свое дѣло съ пользою,—не съ одной лишь антрепренерской точки зрѣнія, т. е. матеріальной. Но въ томъ-то и бѣда, что этого не было: всѣ ставили почти однѣ и тѣ же оперы.

Маріинскій театръ не можетъ ставить много новыхъ оперъ; во-первыхъ, тутъ и обстановка требуется не такая, какая простительна на частныхъ сценахъ; во-вторыхъ, персоналъ громаденъ и надо каждому пѣвцу дать возможность появиться извѣстное количество разъ; въ третьихъ, нужно ставить оперы русскаго и иностраннаго репертуара; въ четвертыхъ, условія съ четой Фигнеръ таковы, что они по контракту должны спѣть столько-то разъ, ибо они, на правахъ *гастролеровъ* (почему такой режимъ?—просто непонятно), получаютъ разовые (по 500 руб. за выходъ, какъ г. Фигнеръ, такъ и его супруга); въ пятыхъ... впрочемъ, всей сложной махинаціи составленія репертуара и распредѣленія партій не разберешь,—но фактъ тотъ, что репертуаръ изображаетъ собою стоячую воду въ образѣ десятка оперъ, постоянно повторяющихся съ разными исполнителями (а то и съ одними и тѣми же) и нѣтъ времени для разучиванія новыхъ произведеній. Много-много могутъ быть вновь поставлены, въ теченіе сезона, двѣ-три оперы. Въ этомъ году поставлены были: «Паяцы» Леонкавалло, «Джамиле» Бизе и «Фальстафъ» Верди. Возобновлены были: «Вражья сила» Сѣрова и «Князь Игорь» Бородина. При отсутствіи въ нашихъ частныхъ театрахъ какой бы то ни было строго преслѣдуемой системы, они ставятъ все безъ разбора, но стремленіе къ постановкѣ интересныхъ новинокъ все таки было. Собственно говоря, только новинками они и могли кое-какъ держаться: поражать блескомъ постановки они не въ состояніи,

какъ напр. казенная сцена; привлекать публику единичными силами также трудно въ настоящее время, когда выдающихся пѣвцовъ и артистовъ почти вовсе нѣтъ; единственное, чѣмъ они могутъ обращать вниманіе на себя,—это операми, или совершенно новыми, или давно не игранными. Малый театръ познакомилъ насъ съ никогда не шедшими въ Петербургѣ операми Мошковскаго: «Боабдиль, послѣдній мавританскій король» и съ «Уріэлемъ Акостой» г-жи Сѣровой, а товарищество въ залѣ Кононова возобновило «Маккавеевъ» Рубинштейна, «Опричника» Чайковскаго и «Хованщину» Мусоргскаго. Если къ этому прибавимъ нѣсколько словъ о симфоническихъ нашихъ собраніяхъ и о томъ, что̀ консерваторія показала намъ на публичномъ оперномъ спектаклѣ, то ужь получимъ всю сумму крупнѣйшихъ явленій нашей музыкальной хроники за истекшій сезонъ; впрочемъ, были кое-какія новинки во французской оперѣ, постомъ.

I. Маріинскій театръ.

1.

«*Вражья сила*» имѣетъ свою исторію; habent sua fata libelli... Прошелъ довольно значительный промежутокъ времени между второю оперой Сѣрова—«Рогнѣдой»—и послѣдней, о которой мы начали рѣчь. На сюжетъ ея указалъ ему извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ. Мысль написать оперу на народную русскую драму давно его занимала; онъ серьезно подумывалъ, напр., о «Тарасѣ Бульбѣ» и даже кое-что уже написалъ для него; затѣмъ привлекалъ его «Кузнецъ Вакула», либретто для котораго написалъ ему извѣстный поэтъ Я. П. Полонскій [1]); но всѣ эти темы какъ-то не захватывали его настолько, чтобы онъ предался имъ со всѣмъ пыломъ своей натуры; драма же Островскаго: «Не такъ живи, какъ хочется», сразу приковала его вниманіе и (почти невѣроятно) онъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ переложилъ первые три акта въ стихи и написалъ къ нимъ музыку; это было въ августѣ 1868 г.; но тутъ работа его застряла и, можно сказать, до конца жизни (онъ умеръ въ 1871 г., не докончивъ этой оперы, хотя и подвинувъ ее впередъ). Впрочемъ, любопытную причину пусть разскажетъ самъ Сѣровъ.

Дѣло въ томъ, что ему не нравилась развязка драмы, и онъ хотѣлъ ее передѣлать. Письмо его по поводу «Вражьей силы» появилось въ «Воспоминаніяхъ» о немъ г. Веселовскаго въ «Бесѣдѣ» за 1871 г.; оно адресовано къ покойному уже теперь С. А. Юрьеву; этотъ документъ интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ Сѣровъ высказываетъ свои взгляды на это произведеніе. «Десять лѣтъ

[1]) Это либретто послужило впослѣдствіи сюжетомъ для оперы того же названія, между прочимъ, и П. И. Чайковскому, получившему объ преміи на конкурсѣ, объявленномъ великой княгиней Еленой Павловной за лучшую оперу; всѣхъ оперъ, кажется, представлено было пять; постановка «Кузнеца» Чайковскаго состоялась только въ 1876 г.

назадъ я писалъ о Вагнерѣ много. Теперь надо дѣйствовать иначе: *приложеніемъ вагнеровскихъ идей къ драмѣ музыкальной на Руси*, съ почвенными сюжетами». Мы къ этому положенію вернемся еще, такъ какъ въ немъ кроется, на нашъ взглядъ, главнѣйшій грѣхъ всей «Вражьей силы»; пока же обратимся къ письму:

«Въ пьесѣ, въ сущности, продолжаетъ Сѣровъ, два сюжета: 1) семейная драма Даши и 2) исторія о томъ, какъ нечистый завелъ пьянаго гуляку въ прорубь и какъ гуляка очнулся подъ колокольный звонъ. Эту вторую исторію надо совсѣмъ побоку; *жизненное состояніе врядъ ли драматическій элементъ само по себѣ* (мы подчеркнули эти слова, потому что они для нашей цѣли особенно важны), наголо, а не какъ усиленіе извѣстной ситуаціи; блужданіе съ нечистымъ требуетъ для сценическаго воплощенія какой нибудь страшной деревенской трущобы, лѣснаго захолустья, русской «волчьей долины», а не прорубн на Москвѣ-рѣкѣ среди города. Оставаясь, какъ можно тѣснѣе, *въ задачѣ семейной драмы* (курсивъ Сѣрова), я беру всѣ характеры и довожу ихъ до крайности, продолжаю данныя самимъ Островскимъ линіи до ихъ взаимнаго пересѣченія и выходитъ коллизія, вызывающая кровавую развязку».

Итакъ, Сѣровъ хотѣлъ приложить вагнеровскія тенденціи къ «почвеннымъ сюжетамъ»; но тутъ выступаетъ вопросъ, на который критикъ-Сѣровъ посмотрѣлъ бы иначе, чѣмъ композиторъ-Сѣровъ,— вопросъ о томъ, возможно ли это; не лежитъ ли въ самой основѣ этой мысли противорѣчіе со здравыми требованіями художественнаго реализма, предъявляемыми русской школой въ искусствѣ?— Разсмотримъ этотъ вопросъ. Что составляетъ сюжеты такъ называемыхъ, «музыкальныхъ драмъ» Вагнера и кто его герои? Всѣмъ извѣстно, что германскій «геній», какъ его величаютъ многіе изъ лести или желанія попасть въ хвостъ этой кометы, а многіе въ ослѣпленіи своемъ,—черпалъ свои сюжеты изъ германской миѳологіи, изъ народныхъ сказаній, легендъ, былинъ и пр. Героями же его въ большинствѣ случаевъ являются боги, полубоги и имѣющіе сношеніе съ богами, словомъ, существа не отъ міра сего. Такъ, мы знаемъ, что Зигфридъ,—главный герой «Кольца Нибелунговъ»,—дѣйствуетъ «по птичьему велѣнію» въ буквальномъ смыслѣ слова; онъ самъ не вѣдаетъ, что творитъ. Парсифаль, герой оперы того же названія, по рекомендаціи самого автора, долженъ быть «круглый дуракъ» (Ein reiner Thor); другіе его герои (Тангейзеръ, Лоэнгринъ) не болѣе умны.

Вагнеру было весьма наруку имѣть дѣло съ фантастической обстановкой, годной для описательной музыки, съ былинами и сагами, дорогими національному чувству; все это хитроумный музыкальный Одиссей предвидѣлъ, и разсчетъ его на успѣхъ (а въ этомъ состояла вся его задача) былъ вѣренъ, потому что миѳы и саги—достояніе народа, его поэзіи и фантазіи; доисторическій періодъ и возстановленіе его въ живыхъ образахъ на сценѣ, при роскошной обстановкѣ, да еще въ сопровожденіи какихъ-то звуковъ,—не могутъ не производить извѣстнаго впечатлѣнія на народное чувство, на массу, и должны, слѣдовательно, имѣть извѣстный художественный успѣхъ, въ особенности если обставить все это такъ, какъ того

требовалъ Вагнеръ, т. е. чтобы сценическія условія (декораціи, костюмы, освѣщеніе, помѣщеніе зрителей и оркестра, шипящій паръ и пр.) затмили собою спеціально-музыкальныя требованія. Разсчетъ, повторяемъ, оказался безусловно вѣрнымъ; Вагнеръ попалъ въ «геніи»; но не въ немъ теперь дѣло, а въ сѣровскихъ «почвенныхъ сюжетахъ».

Сѣровъ выбираетъ не миѳы, не былины и не народныя сказки, а самую реальную бытовую драму, гдѣ дѣйствующія лица имѣютъ свою опредѣленную нравственную физіономію, свой опредѣленный характеръ, свой взглядъ на вещи и жизнь, и притомъ жизнь дѣйствительную, а не фантастическую; герои Островскаго дѣйствуютъ не по велѣнію птицы, а по требованію ихъ *натуры*; каждый ихъ шагъ логически мотивированъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ начинается несоотвѣтствіе между теоріями Вагнера и требованіями «почвенныхъ сюжетовъ». Самъ Сѣровъ это прекрасно чувствовалъ и не зналъ, какъ примирить эти два полюса. Онъ отодвинулъ дѣйствіе драмы на полтораста лѣтъ, но отъ этого ни сюжетъ не сталъ фантастичнымъ, ни герои—легендарными; все таки Илья, Петръ, Вася, Спиридоновна, Груня, Даша и всѣ остальныя лица остались тѣмъ, чѣмъ ихъ создалъ Островскій, т. е. живыми фигурами.

Авторъ «Вражьей силы» отодвинулъ пьесу для «художественной перспективы», какъ онъ выразился, чтобы предметы не стояли такъ близко къ глазамъ зрителей, чтобы дать, такъ сказать, извѣстный просторъ фантазіи декораторовъ, машинистовъ и пр., т. е., какъ онъ объяснилъ, съ цѣлью чисто внѣшнихъ сценическихъ эффектовъ; но суть отъ этого не мѣняется; затруднительное положеніе, въ которое поставилъ себя Сѣровъ, отъ этого не облегчилось: въ его операѣ все же встрѣчаются два теченія, другъ другу мѣшающія; желаніе придать сюжету извѣстную фантастичность только усилило его затрудненія, изъ которыхъ онъ вышелъ не безъ нѣкоторыхъ жертвъ въ художественномъ отношеніи. Во-первыхъ, исторія съ нечистымъ, которую онъ хотѣлъ «совсѣмъ побоку», не только вошла въ его оперу, но еще значительно расширена: Еремка его является чѣмъ-то въ родѣ русскаго Мефистофеля.

Во-вторыхъ, «блужданіе съ нечистымъ», о которомъ Сѣровъ говоритъ въ своемъ письмѣ, занимаетъ довольно значительное мѣсто въ операѣ и, признаться, даже «не подъ русскимъ снѣгомъ», какъ того хотѣлъ авторъ, а именно въ какой-то «волчьей долинѣ» à la «Фрейшютцъ» Вебера. Въ третьихъ, хмѣльное состояніе, не признаваемое авторомъ «драматическимъ элементомъ само по себѣ», господствуетъ на сценѣ въ теченіе почти всей оперы и даже не «для усиленія ситуаціи», а прямо таки «наголо»: вспомнимъ появленіе бражниковъ въ концѣ четвертаго акта, выпущенныхъ на сцену безъ всякой необходимости. Мало того, однообразное повтореніе ситуаціи—безконечное пьянство (для драматическихъ цѣлей, для усиленія ситуаціи, безъ всякой цѣли) вызвало справедливыя нареканія на композитора, будто видящаго все проявленіе народныхъ силъ въ пьянствѣ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, къ общей разладицѣ, къ несоотвѣтствію между тѣмъ, что̀ Сѣровъ хотѣлъ дать, и тѣмъ, что̀ онъ далъ,

принадлежитъ еще финалъ оперы, носящій мелодраматическій характеръ французскихъ бульварныхъ пьесъ,—хотя конецъ этотъ и построенъ на эффектахъ, въ декоративномъ, свѣтовомъ, звуковомъ и другихъ отношеніяхъ, à la Вагнеръ. Конечно, русскій художникъ не могъ не внести русскаго характера творчества или—вѣрнѣе—не переставъ быть русскимъ, но посторонніе элементы, навѣянные извнѣ и притянутые тутъ насильно, чувствуются не только въ передѣлкѣ драмы Островскаго въ сценическомъ смыслѣ, но и въ иллюстрирующей ее музыкѣ, которая также носитъ двойственный характеръ,—реальный, бытовой и фантастическій. Но послѣдній элементъ менѣе всего давался Сѣрову; это мы знаемъ по его «Утопленницѣ» и «Ундинѣ»; для фантастическихъ сюжетовъ нужна и фантастическая музыка à la Берліозъ, т. е. особый складъ творчества. Сверхъестественный элементъ былъ совершенно чуждъ его натурѣ.

Его гораздо больше клонило къ музыкѣ религіозной, и это мы видимъ во всѣхъ его трехъ операхъ: въ «Юдиѳи» мы находимъ молитвы главной героини и еврейскаго народа (въ первомъ и послѣднемъ дѣйствіяхъ); въ «Рогнѣдѣ»—появленіе странниковъ, жертвоприношеніе Перуну; въ разсматриваемой оперѣ—аскетическія рѣчи отца Петра, Ильи; правда, онѣ носятъ нѣсколько монотонную окраску, но этотъ пробѣлъ окупается выдержанностью обрисовываемаго лица, цѣльностью его въ музыкальномъ очертаніи. Заговоривъ о характеристикѣ лицъ, нужно замѣтить, что хотя Сѣровъ и очень увлекался реформами Вагнера, но это больше осталось на бумагѣ,—въ статьяхъ своихъ онъ все вагнеровское превозносилъ до небесъ, на практикѣ же гораздо болѣе льнулъ къ ненавистному имъ (на словахъ) Мейерберу.

Такъ, мы у него не видимъ тѣхъ формальныхъ, разъ навсегда придуманныхъ фразокъ, которыми у Вагнера кишмя-кишитъ всякая партитура; у Сѣрова нѣтъ тѣхъ злосчастныхъ Leitmotiv'овъ, которыми Вагнеръ прикрывалъ убожество своей мелодической изобрѣтательности; онъ не прибѣгалъ, подобно своему кумиру, въ своей музыкѣ къ затмѣнію разсудка своихъ слушателей; онъ, правда, искренно увлекался идеями Вагнера, но онѣ въ то время были новы; притомъ же, очень можетъ быть справедливымъ и предположеніе, что потому Сѣровъ столько сдѣлалъ для Вагнера въ Россіи, что онъ надѣялся, при его всемогуществѣ въ Германіи, провести свою «Юдиѳь» на заграничныя сцены; какъ бы то ни было, хотя увлеченіе нашего композитора этимъ новымъ музыкальнымъ апостоломъ и было громадно, оно однако не сказывается, или сказывается въ незначительной степени въ музыкальныхъ произведеніяхъ Сѣрова; въ «Рогнѣдѣ» мы уже замѣчаемъ гораздо меньше вліянія Вагнера, чѣмъ въ «Юдиѳи», а во «Вражьей силѣ» еще того меньше, не смотря на заявленіе композитора въ приведенномъ вышѣ письмѣ; художественный инстинктъ спасалъ Сѣрова.

Подробнѣе мы говорили объ авторѣ «Вражьей силы» въ брошюрѣ, посвященной его дѣятельности и вышедшей подъ № 3 въ серіи «Русскіе композиторы»; собственно разбора этой оперы мы и не собирались дѣлать въ настоящую минуту, а заговорили о

ней по поводу возобновленія ея на маріинской сценѣ, и поэтому прибавимъ, что, не смотря на затрудненія, въ которыя добровольно поставилъ себя композиторъ, въ ней масса страницъ, безспорно говорящихъ о выдающемся талантѣ Сѣрова; народныя сцены, характеристика отдѣльныхъ личностей, общій подъемъ всего произведенія,—все это говоритъ о творческой натурѣ композитора. Опера дана была съ новымъ составомъ исполнителей, за исключеніемъ г. Стравинскаго, этого безподобнаго Еремки. Петра исполнялъ г. Яковлевъ, Груню г-жа Долина, а Спиридоновну г-жа Каменская. Первый во многомъ напоминалъ г. Корсова, имѣющаго право считать эту партію одной изъ лучшихъ въ своемъ обширномъ репертуарѣ. Названныя же двѣ артистки приложили всѣ свои старанія сдѣлать все отъ нихъ зависѣвшее къ лучшей передачѣ замысловъ автора, и старанія ихъ прошли небезуспѣшно. «Вражьей силѣ», однако, не суждено было часто появляться на сценѣ; она дана была всего два или три раза и уступила мѣсто модным «Паяцамъ» и другой одноактной дребедени, притомъ непремѣнно иностранной, равно какъ и другой возобновленной русской оперѣ: «Князь Игорь» Бородина.

2.

«*Князь Игорь*» поставленъ былъ впервые въ 1890 г., въ ноябрѣ, и возобновленъ былъ только въ истекшемъ сезонѣ. Объ этомъ авторѣ намъ еще не приходилось высказываться и поэтому позволимъ себѣ остановиться на этой единственной его оперѣ, не доведенной имъ до конца, не смотря на громадный періодъ времени, въ теченіе котораго она писалась; начатый въ 1869 г., «Игорь» не былъ оконченъ въ 1887 г., когда умеръ Бородинъ; оперу окончили и инструментовали гг. Римскій-Корсаковъ и Глазуновъ, и въ особенности первый. Чѣмъ объяснить такой долгій срокъ писанія одной оперы? Тѣмъ, что композиторъ не былъ таковымъ по призванію; художники, работающіе по призванію, за такой періодъ времени, если не кончаютъ своей карьеры, какъ напр., Моцартъ, Шубертъ или Мендельсонъ, то, по крайней мѣрѣ, создаютъ свои лучшія произведенія и составляютъ себѣ имя. Объясняется дѣло тѣмъ, что Бородинъ, крайне любя музыку и далеко не въ томъ смыслѣ, какъ другіе его «товарищи» по направленію,—въ этомъ мы вскорѣ убѣдимся,—былъ слишкомъ занятъ химіей, своей профессурой.

Онъ могъ удѣлять музыкѣ лишь досуги, свободные отъ лекцій, занятій въ лабораторіяхъ, отъ профессорскихъ обязанностей и пр. О личности этого симпатичнаго человѣка можно себѣ составить совершенно ясное понятіе по его письмамъ, изданнымъ Суворинымъ съ біографической статьей г. Стасова, къ словамъ котораго слѣдуетъ, однако, относиться весьма скептически. Для нашей цѣли важны письма Бородина къ женѣ и хорошимъ знакомымъ, и именно тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о себѣ, какъ о композиторѣ, и объ интересующей насъ въ настоящую минуту оперѣ. Вотъ что мы, между прочимъ читаемъ: «Я композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаться въ моей композиторской дѣятель-

ности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, *цѣль жизни*; у меня *отдыхъ*, *потѣха*, *блажь*, отвлекающая меня отъ моего прямаго, настоящаго дѣла—профессуры, науки». Вотъ авторская исповѣдь, имѣющая огромное значеніе для уясненія роли этого композитора.

Еще характернѣе его взглядъ на оперу; взглядъ этотъ есть нѣчто въ родѣ profession de foi: «Куда мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, связываться съ оперой! (рѣчь именно идетъ о «Князѣ Игорѣ» по либретто, составленному г. Стасовымъ). Трудъ и потеря времени—громадные... А сюжетъ, между тѣмъ, какъ ни благодаренъ для музыки, врядъ ли можетъ понравиться публикѣ. *Драматизма тутъ мало*, *движенія сценическаго почти никакого*. Наконецъ, сдѣлать либретто, удовлетворяющее и музыкальнымъ, и сценическимъ требованіямъ, не шутка. У меня на это не хватитъ ни умѣнья, ни опытности, ни времени... Притомъ же я по натурѣ лирикъ и симфонистъ; меня тянетъ къ симфоническимъ формамъ». Тутъ, если хотите, и самая вѣрная оцѣнка всей оперы, не смотря на то, что письмо это, написанное въ 1870 г., т. е. въ началѣ сочинительства оперы, относится къ первымъ планамъ «Игоря». Онъ точно предвидѣлъ, что изъ предложеннаго г. Стасовымъ сценарія ничего не выдетъ; да такъ оно и случилось чрезъ семнадцать лѣтъ.

Приведенный отрывокъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно указываетъ сценическое и вообще художественное чутье нашего композитора; Бородинъ отлично понималъ задачи сценическаго произведенія и крайне недовѣрчиво относился къ безсвязнымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ сценамъ критика, столь чуждаго пониманію художественныхъ задачъ. Композиторъ былъ справедливо убѣжденъ, не смотря на всѣ нелѣпыя утвержденія г. Стасова, что сюжетъ «Слова о полку Игоревѣ», предложенный для оперы, негоденъ, и главнымъ образомъ потому, что въ немъ *дѣйствія никакого нѣтъ*, а сценическое произведеніе прежде всего требуетъ движенія, драматическихъ коллизій и *дѣйствія*. Кромѣ того, самый взглядъ композитора на оперное письмо совершенно не совпадаетъ съ требованіями нашей радикальной партіи въ музыкѣ. Воспитанный на Мендельсонѣ, Бородинъ не могъ до крайности увлекаться теоріями «новѣйшаго реализма»; онъ былъ врагомъ какофоніи, возводимой этой партіей на пьедесталъ.

Да вотъ что онъ говоритъ, между прочимъ, ниже въ приведенномъ письмѣ: «Меня тянетъ къ *кантиленѣ*, къ широкимъ формамъ, къ *пѣнію*; чисто речитативный стиль мнѣ не по нутру, не по характеру. Меня тянетъ къ формамъ, болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ — другая... По направленію, опера моя (т. е. «Князь Игорь») будетъ ближе къ «Руслану», чѣмъ къ «Каменному гостю» (Даргомыжскаго).» Отсюда не трудно убѣдиться, насколько противны были Бородину весь шумъ, натворенный г. Стасовымъ и К° о «новыхъ путяхъ» въ русской музыкѣ и пр., насколько онъ сочувствовалъ всѣмъ этимъ теоріямъ объ изгнаніи мелодіи и т. д. Конечно, такой взглядъ долженъ былъ въ сущности огорчить всѣхъ «товарищей» и въ особенности г. Стасова. И дѣйствительно, среди вос-

торженныхъ похвалъ «Игорю», на которыя способенъ одинъ только г. Стасовъ, не имѣющій себѣ подобныхъ въ этомъ отношеніи, слышатся иногда грустныя нотки; чело этого критика иногда омрачается и тогда онъ говоритъ въ такомъ родѣ:

«Бородинъ не пожелалъ стать на сторону коренныхъ новаторовъ и предпочелъ удержать прежнія, условныя, утвержденныя преданіемъ, формы (дѣйствительно, непростительный грѣхъ!). Эта преданность старымъ, условнымъ формамъ и нѣкоторая массивность сочиненія (что́ хотѣлъ этими словами сказать удивительный критикъ—одинъ Аллахъ вѣдаетъ; что такое «массивность сочиненія»?) составляютъ *главные*, почти единственные, *недостатки* Бородина». Не смотря однако на эти «главные недостатки», г. Стасовъ написалъ слѣдующій диѳирамбъ «Игорю» еще въ 1883 г., когда опера никому не была еще извѣстна: «Богатство характеровъ, личностей, элементовъ народно-русскаго и восточнаго (половецкаго), смѣняющаяся трагедія и комедія, страсть, любовь и юморъ, глубокая характеристика, картины природы дѣлаютъ оперу Бородина монументальнымъ явленіемъ русской музыки, родственнымъ по силѣ и оригинальности съ «Русланомъ» Глинки». Замѣтимъ, что все сказанное относится, собственно говоря, къ либретто, составленному самимъ г. Стасовымъ и почти отвергнутому композиторомъ, какъ мы это видѣли.

Но оставимъ г. Стасова съ его нелѣпымъ энтузіазмомъ, граничащимъ съ институтскимъ обожаніемъ по своей наивности, и обратимся къ либретто «Игоря», въ которомъ нѣтъ ни трагедіи, ни комедіи, а есть цѣлый рядъ безсвязныхъ сценъ, ничѣмъ не мотивированныхъ и имѣющихъ поэтому случайный, отрывочный характеръ, въ которомъ всѣмъ видимо руководили неопытность, незнаніе сцены, отсутствіе художественнаго чутья. Все это должно быть приписано, кажется, г. Стасову, хотя онъ свидѣтельствуетъ, что предложенный имъ матеріалъ былъ значительно переработанъ и подвергся «измѣненіямъ», и хотя на клавираусцугѣ дѣйствительно значится: «музыка и *текстъ* А. П. Бородина». Послѣдній не могъ бы согласиться при жизни выпустить въ свѣтъ такую сценическую неурядицу подъ своимъ именемъ; онъ слишкомъ былъ проникнутъ, какъ мы это видѣли, здоровыми понятіями о сценическомъ произведеніи. Отвратительное, гимназическое либретто не помѣшало ему, однако, написать прекрасную музыку, къ оцѣнкѣ которой мы бы давно уже приступили, еслибы не необходимость выяснить положеніе ея автора среди нашихъ композиторовъ.

В. Баскинъ.

(Продолженіе будетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Чрезвычайное оживленіе въ дѣятельности нашего финансоваго вѣдомства и его стремленіе къ охранѣ народныхъ интересовъ.—Недостатки дѣйствующаго устава государственнаго банка и настоятельная необходимость его реформы.—Высочайше учрежденная комисія для пересмотра устава банка подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, С. Ю. Витте.—Задачи государственнаго банка по дѣйствующему уставу и односторонность его дѣятельности.— Государственный банкъ снабжаетъ оборотными средствами лишь крупныхъ торговцевъ, чѣмъ наноситъ несомнѣнный ущербъ промышленности и мелкому торговому люду.—Результаты работъ комисіи.—Значеніе меліоративнаго и мелкаго народнаго кредита.—Удобный и дешевый кредитъ, какъ вѣрное средство для борьбы съ ростовщичествомъ. — Комисія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота для пересмотра законодательства о призрѣніи бѣдныхъ.—Мнѣнія подкомисіи.—Бѣдность и ея причины.—Необходимость призрѣнія.—Какъ и кѣмъ должна быть организована помощь бѣднымъ?—Исторія учрежденій общественнаго призрѣнія: приказы общественнаго призрѣнія Екатерины II, императорское человѣколюбивое общество, общество самопомощи, особый комитетъ для призрѣнія нищихъ, земскія учрежденія и приходскія попечительства при православныхъ церквахъ.—Разрозненность всѣхъ учрежденій по призрѣнію бѣдныхъ.—Неясность и неопредѣленность русскаго законодательства по этому вопросу и необходимость кореннаго его пересмотра.

Наше финансовое вѣдомство, нашедшее въ началѣ сентября 1892 года энергичнаго руководителя въ лицѣ С. Ю. Витте, проявляетъ необыкновенную дѣятельность. Но не одной только оживленностью характеризуются работы нашего министерства финансовъ: въ его дѣятельности ясно выражаются заботы о народныхъ интересахъ, которые долго были заслонены у насъ излишнимъ покровительствомъ капиталу. Чтобы не быть голословнымъ, мы сошлемся на торговое соглашеніе Россіи съ Германіей, которымъ былъ положенъ предѣлъ развитію протекціонной политики, идущей въ разрѣзъ съ общенародными интересами. Затѣмъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ, С. Ю. Витте получилъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада, высочайшее соизволеніе на образованіе при ввѣренномъ ему министерствѣ осо-

бой комисіи для пересмотра устава государственнаго банка. Хотя нынѣ дѣйствующій уставъ банка не подвергался общему пересмотру съ самаго его изданія, т. е. съ 1860 года, но въ теченіе слишкомъ 30-лѣтняго его дѣйствія, въ разное время, дѣлались частныя измѣненія и дополненія къ уставу, такъ что уже по одному этому слѣдовало бы пересмотрѣть уставъ. Однако причины необходимости пересмотра устава лежатъ гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что наше финансовое вѣдомство, выдвинувъ въ своей экономической политикѣ начало народнаго интереса, не могло не обратить вниманія на недостатки въ строѣ и дѣятельности государственнаго банка. Призванный къ «оживленію торговыхъ оборотовъ», государственный банкъ обратилъ свой кредитъ въ привилегію богатыхъ торговыхъ людей, совершенно устранивъ такимъ образомъ мелкій промышленный и торговый людъ. Конечно, такое ненормальное направленіе дѣятельности государственнаго банка, по самому своему призванію предназначеннаго служить равномѣрно всѣмъ классамъ, должно было показаться новому главѣ нашего финансоваго вѣдомства совершенно не соотвѣтствующимъ государственнымъ потребностямъ, и С. Ю. Витте справедливо призналъ реформу банка дѣломъ безотлагательнымъ.

Высочайше разрѣшенная комисія для пересмотра устава государственнаго банка собиралась подъ предсѣдательствомъ самого министра финансовъ и состояла изъ представителей четырехъ наиболѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ вѣдомствъ: министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, и государственнаго контроля, а также изъ свѣдущихъ лицъ, извѣстныхъ своими теоретическими трудами или практическою дѣятельностью на поприщѣ банковаго дѣла и промышленности. Засѣданія комисіи открылись въ январѣ 1893 года и были посвящены разсмотрѣнію главныхъ принципіальныхъ вопросовъ предстоящей банковой реформы, затѣмъ образована была особая подкомисія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ А. Я. Антоновича, которая, исходя изъ постановленій комисіи, должна была заняться разработкой деталей новаго устава банка. Когда подкомисія къ осени изготовила проэктъ устава, тогда снова собрана была первоначальная комисія, которая, ознакомившись съ проэктомъ, въ общемъ одобрила его.

Ожидая въ непродолжительномъ времени осуществленія реформы государственнаго банка, мы сочли полезнымъ привести основныя черты проэкта устава, чтобы ознакомить читателей съ направленіемъ ожидаемаго преобразованія.

Кромѣ комисіи, подробно изслѣдовавшей недостатки государственнаго банка, дѣйствующій теперь уставъ нашелъ безпристрастную и вѣрную оцѣнку и въ нашей литературѣ. Не говоря уже о массѣ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, выяснившихъ положеніе и недостатки нашего государственнаго банка, предстоящая реформа сдѣлалась предметомъ отдѣльныхъ научныхъ изслѣдованій. Такъ, въ 1892 г. вышелъ трудъ Н. С. Петлина: «Назначеніе, устройство и очеркъ дѣятельности государственнаго банка»; затѣмъ въ нашемъ журналѣ (августъ и сентябрь 1893 г.) были помѣщены статьи Л Н. Нисселовича: «Къ вопросу о преобразованіи государ-

ственнаго банка» и, наконецъ, въ томъ же году вышла книжка А. Н. Гурьева: «Къ реформѣ государственнаго банка». При послѣдующемъ изложеніи основной реформы, мы будемъ пользоваться и вышеназванными работами.

Мы выше сказали, что не одной только энергіею отличается дѣятельность нынѣшняго министерства финансовъ, что къ энергіи, въ качествѣ весьма желательной союзницы, присоединяется забота о народныхъ интересахъ, и это замѣчаніе находитъ себѣ новое подтвержденіе въ направленіи реформы государственнаго банка.

Государственный банкъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ открытъ въ 1860 году, и его прямою цѣлью является «оживленіе торговыхъ оборотовъ и упроченіе денежной кредитной системы». Нечего говорить, что послѣдняя цѣль нѣсколько выходитъ изъ сферы непосредственнаго банковаго вліянія и находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, вытекающихъ изъ дѣятельности не одного государственнаго банка. Конечно, государственный кредитъ, при благопріятныхъ условіяхъ, долженъ несомнѣнно привести къ пробужденію дремлющихъ пока производительныхъ силъ страны и къ расширенію внутренняго денежнаго рынка. Однако такое воздѣйствіе государственнаго банка на денежный рынокъ, приводящее къ упроченію нашей денежной системы и къ возстановленію металлическаго обращенія, возможно при томъ лишь условіи, если достиженію этихъ результатовъ банковаго вліянія содѣйствуетъ вся экономическая политика государства, т. е., если къ этимъ результатамъ приспособлены всѣ правительственныя мѣропріятія. Для упроченія денежной кредитной системы не только недостаточно содѣйствіе одного государственнаго банка, но эта цѣль не имѣетъ для банка даже самостоятельнаго значенія, являясь лишь послѣдствіемъ осуществленія основной его задачи—«оживленія торговыхъ оборотовъ». Такимъ образомъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса, насколько государственный банкъ содѣйствовалъ «оживленію торговыхъ оборотовъ» и въ какой мѣрѣ это содѣйствіе благопріятствовало «упроченію денежной системы». Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подходимъ къ выясненію того недостатка нынѣшней дѣятельности банка, который долженъ быть устраненъ при новой его организаціи. Нося названіе *государственнаго*, нашъ банкъ далеко не служилъ интересамъ всей страны, такъ какъ онъ содѣйствовалъ развитію преимущественно торговаго кредита, оставляя промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ пользоваться услугами ростовщиковъ. Мало этого, и въ области торговаго кредита государственный банкъ исключительно оказался доступнымъ для представителей крупной торговли, ограничиваясь главнымъ образомъ учетомъ торговыхъ векселей. Удовлетворяя потребности лишь торговаго кредита, государственный банкъ отдавалъ производителей въ жертву кулакамъ и ростовщикамъ, а съ другой стороны, облегчая кредитъ лишь для торговыхъ оборотовъ, онъ мало содѣйствовалъ производству новыхъ цѣнностей, а, слѣдовательно, и полному экономическому оживленію страны, которое одно только обусловливаетъ собою, какъ мы видѣли выше, расширеніе нашего денежнаго рынка и упроченіе денежной системы. Между тѣмъ, по самому своему на-

званію, *государственный* банкъ долженъ былъ бы служить всему населенію и всѣмъ классамъ равномѣрно, стараясь при этомъ прежде всего прійти на помощь экономически слабымъ элементамъ и тѣмъ самымъ защитить ихъ отъ эксплуатаціи сильныхъ, поддержать самостоятельность мелкихъ промышленниковъ, такъ какъ чѣмъ мельче торговое или промышленное предпріятіе, тѣмъ оно сильнѣе чувствуетъ потребность въ кредитѣ и тѣмъ труднѣе его находитъ. Въ этихъ немногихъ словахъ резюмируется основной недостатокъ настоящаго устава государственнаго банка, и С. Ю. Витте, сознавъ неудовлетворительность этого устава, нашелъ нужнымъ немедленно приступить къ реформѣ банка. Заботы о народныхъ интересахъ ясно сказались въ самой постановкѣ реформы, сводящейся къ снабженію оборотными средствами не только нашей торговли, но и промышленности, чрезъ организацію дешеваго и удобнаго государственнаго кредита для всѣхъ классовъ населенія. Съ проведеніемъ въ жизнь готовящейся реформы, будутъ устранены односторонность и несправедливость въ дѣятельности банка, который обязанъ будетъ по новому уставу удовлетворять нужды не только крупныхъ торговыхъ фирмъ, но и мелкаго торговца, и кустаря, и ремесленника.

Какъ видно изъ опубликованнаго въ «Вѣстникѣ финансовъ» отчета о результатѣ работъ комисіи по преобразованію государственнаго банка, комисія обсуждала вопросы, касающіеся: 1) операцій банка, 2) средствъ его, 3) отношеній государственнаго банка къ государственному казначейству, 4) провинціальныхъ учрежденій банка и 5) управленія банкомъ. Вопросъ объ операціяхъ банка былъ центральнымъ вопросомъ, которому комисія посвятила больше всего вниманія и времени. Комисія категорически высказалась за необходимость расширенія операцій банка — учетной и ссудной, справедливо находя, что какъ торговля, такъ и промышленность, заслуживаютъ поддержки государства посредствомъ облегченнаго кредита. Для промышленнаго кредита основаніемъ кредитоспособности должно служить производительное его употребленіе, причемъ этотъ кредитъ намѣченъ трехъ родовъ: 1) на работы по капитальному улучшенію предпріятія, а также на разнаго рода устройства и сооруженія, необходимыя для той же цѣли (кредитъ меліоративный); 2) на обзаведеніе предпріятій живымъ и мертвымъ инвентаремъ, и 3) на снабженіе ихъ оборотными средствами для покрытія расходовъ по эксплуатаціи. Меліоративный кредитъ обнимаетъ, по проэкту, какъ сельско-хозяйственную, такъ и заводско-фабричную промышленность; кромѣ того, въ кругъ учетно-ссудныхъ операцій банка комисія вводитъ мелкую торговлю, а также кустарную и ремесленную промышленность. Что касается нормы учетнаго и ссуднаго процента, то признано желательнымъ сдѣлать ее подвижной, чтобы она всегда соотвѣтствовала торгово-промышленнымъ условіямъ не только разнаго времени, но и разныхъ мѣстностей, причемъ процентъ по ссудамъ не долженъ превышать процента учетнаго, а если возможно, то былъ бы даже ниже послѣдняго. Относительно сроковъ для торговыхъ векселей, признано возможнымъ сохранить существующія правила съ недавнимъ дополненіемъ, т. е., чтобы допускался учетъ векселей въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 12 мѣсяцевъ.

Для промышленнаго же кредита сроки ссудъ естественно должны быть согласованы съ ихъ назначеніемъ. На мелiораціи, такимъ образомъ, кредитъ долженъ быть болѣе долгосрочный (до 6 лѣтъ), чѣмъ для оборотнаго капитала (не свыше года).

Что касается организаціонной части банка, то предположено создать бо́льшую самостоятельность мѣстныхъ органовъ банка и ввести окружную систему управленія мѣстными учрежденіями банка, на подобіе существующей во Франціи и Германіи. Наконецъ, въ отношеніи контроля комисія признала существующій порядокъ не отвѣчающимъ современнымъ требованіямъ и остановилась на мысли подчинить банкъ ревизіи государственнаго контроля.

Кромѣ указанныхъ выше недостатковъ дѣйствующаго устава государственнаго банка, мы должны указать еще на одинъ—на зависимость банка отъ государственнаго казначейства, отклоняющую банкъ отъ прямыхъ обязанностей и лишающую его и безъ того небогатыхъ средствъ. Государственный банкъ, какъ правительственное учрежденіе, долженъ служить экономическимъ интересамъ нашей страны, употребляя всѣ свои средства исключительно на комерческія операціи, а не на финансовыя нужды государственнаго казначейства. Чтобы обезпечить независимость государственнаго банка отъ государственнаго казначейства, необходимо полное разъединеніе центральныхъ ихъ управленій и подчиненіе контроля надъ ихъ взаимными отношеніями такому учрежденію, которое не зависитъ отъ финансоваго управленія. Напротивъ того, мѣстныя учрежденія государственнаго банка и казначейства съ удобствомъ могутъ быть слиты, и банкъ, неся кассовую службу для государственнаго казначейства, будетъ тотчасъ же пользоваться всѣми суммами, стекающимися въ казначейство. Обращеніе мѣстныхъ учрежденій государственнаго казначейства въ отдѣленія государственнаго банка явится широкой кредитной реформой, усиленнымъ развитіемъ сѣти мѣстныхъ учрежденій банка, и дастъ ему безплатное пользованіе значительными оборотными средствами, въ которыхъ онъ такъ нуждается. Реформированный государственный банкъ, нужно надѣяться, сдѣлаетъ доступными публикѣ свои годичные отчеты, включая въ послѣдніе не однѣ только голыя и сухія цифры безъ всякихъ поясненій и выводовъ, но и вполнѣ ясныя указанія на то, въ какой связи находилась дѣятельность банка въ отчетномъ году съ экономическимъ положеніемъ страны.

Активныя операціи государственнаго банка, какъ-то: учетъ векселей съ двумя подписями, товарный кредитъ, ссуды подъ процентныя бумаги и учетъ solo-векселей землевладѣльцевъ, далеко не достигаютъ желательнаго развитія и за послѣдніе три года онѣ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.
		Милліоны руб.	
Учетъ торговыхъ векселей	237,1	221,7	159,4
Ссуды подъ % бумаги . .	70,0	62,8	43,2
Учетъ solo-векселей землевл.	16,6	16,3	17,1
Ссуды подъ товары . . .	16,4	10,6	10,2

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, главное значеніе среди активныхъ операцій банка принадлежитъ учету торговыхъ векселей, а всѣ другія операціи имѣютъ второстепенное и даже совсѣмъ ничтожное значеніе. Желая распространить пользованіе государственнымъ кредитомъ на всѣ слои общества, комисія увеличила число активныхъ операцій банка, установивъ сельско-хозяйственный мелліоративный кредитъ, мелкій крестьянскій кредитъ, фабрично-заводскій и мелкій кустарный и ремесленный кредитъ. Сознавая крайнюю необходимость дешеваго и удобнаго кредита для мелліораціонныхъ цѣлей, и мелкаго кредита для крестьянъ, мы должны однако высказаться противъ введенія въ кругъ операцій банка этихъ двухъ видовъ кредита на томъ основаніи, что государственный банкъ не только не подготовленъ и не расположенъ къ подобнаго рода кредитамъ, но и не долженъ давать своимъ капиталамъ долгосрочнаго и трудно реализуемаго помѣщенія, такъ какъ иначе банкъ лишится возможности воздѣйствовать на денежный рынокъ и самъ даже окажется въ зависимости отъ него. Напротивъ того, заводско-фабричный, мелкій кустарный и ремесленный кредитъ не только вполнѣ подходитъ къ дѣятельности банка, но возложеніе этихъ видовъ кредита на обязанности банка весьма благотворно отразится на нашей промышленности. Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ напомнить то странное явленіе, что у насъ мелкій торговецъ можетъ еще какъ нибудь пользоваться кредитомъ государственнаго банка, но хозяинъ огромной типографіи, издатели газетъ и журналовъ совершенно лишены этой возможности!! Затѣмъ государственный банкъ, какъ намъ кажется, долженъ прійти на помощь земствамъ и городамъ и открыть имъ кредитъ. Извѣстно, что, при наилучшей даже организаціи мѣстнаго обложенія, цѣлый рядъ мѣстныхъ нуждъ не можетъ быть удовлетворенъ иначе, какъ путемъ займовъ. Такъ, всѣ экстраординарные расходы, результаты которыхъ выходятъ далеко за предѣлы смѣтнаго года, не могутъ и не должны быть покрываемы изъ платежныхъ средствъ смѣтнаго года, а производятся на счетъ займовъ, распредѣляясь вслѣдствіе этого на платежныя средства нѣсколькихъ смѣтныхъ періодовъ. Кто знакомъ съ земскимъ и городскимъ хозяйствомъ, тому извѣстно, въ какой мѣрѣ производительны и полезны эти экстраординарные расходы, а между тѣмъ, при отсутствіи кредита, наши мѣстныя учрежденія принуждены откладывать производство этихъ расходовъ, то нанося населенію матеріальный ущербъ, то задерживая его культурное развитіе.

Касаясь вопроса о мелліоративномъ кредитѣ и о мелкомъ кредитѣ крестьянамъ, мы не хотѣли бы ограничиться сказаннымъ выше, такъ какъ доставленіе дешеваго и удобнаго кредита крестьянской массѣ является давно назрѣвшею потребностью. Прежде всего, мы должны сказать, что указанные два вида кредита, какъ различные по своей природѣ, требуютъ и двухъ различныхъ учрежденій. Мелліоративный кредитъ — долгосрочный по преимуществу, а мелкій кредитъ деревенской массѣ—краткосрочный. Для мелліоративнаго кредита, какъ намъ кажется, нужно создать совершенно особое учрежденіе, или же этотъ кредитъ можетъ быть включенъ въ кругъ обязанностей дворян-

скаго или крестьянскаго банковъ. Что же касается до мелкаго кредита, то онъ требуетъ для своего осуществленія спеціальныхъ учрежденій, которыя бы сдѣлали немыслимыми разбойническія условія кредита, весьма обыкновенныя въ современной деревнѣ. Такой цѣли могутъ служить наши ссудо-сберегательныя товарищества, если только подвергнуть ихъ небольшимъ измѣненіямъ. Нужда деревни въ кредитѣ чрезвычайно велика. Отсутствіе у нашихъ крестьянъ оборотныхъ средствъ наноситъ громадный ущербъ ихъ хозяйству даже и въ нормальное время, но еще сильнѣе сказывается это отсутствіе при исключительныхъ случаяхъ. Не говоря уже о такихъ моментахъ, когда крестьянину, напримѣръ, нужно купить лошадь взамѣнъ павшей, выдать замужъ или женить кого нибудь изъ дѣтей, похоронить одного изъ членовъ семьи, отправить сына на воинскую службу и пр., мы должны признать, что даже въ обычномъ теченіи крестьянской жизни нужда въ кредитѣ велика и что удовлетвореніе ея является дѣломъ большой государственной важности.

Закончимъ обозрѣніе предстоящей реформы государственнаго банка пожеланіемъ, чтобы трудъ комисіи, удѣлившей такъ много вниманія и времени вопросу о мелкомъ крестьянскомъ кредитѣ, не пропалъ бы напрасно, и деревня избавилась бы отъ услугъ ростовщиковъ: самое вѣрное средство для борьбы съ ростовщичествомъ—это организація удобнаго и дешеваго кредита.

Говоря о народномъ кредитѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ публичныхъ лекцій Е. И. Ламанскаго, посвященныхъ тому же предмету. Всѣхъ лекцій было три; изъ нихъ въ первой лекторъ подробно выяснилъ, что вопросъ о мѣрахъ помощи бѣднымъ и о способахъ улучшенія положенія рабочихъ въ городахъ и деревняхъ является вопросомъ дня. Далѣе лекторъ, указавъ, что благотворительность мало помогаетъ бѣдняку, и что опыты какъ частной, такъ и государственной филантропіи всюду кончались неудачей, перешелъ къ другому виду помощи бѣднымъ—къ организаціи кредита артелямъ, или кооперативнымъ обществамъ. Задача кредитныхъ кооперативныхъ товариществъ заключается въ томъ, чтобы бѣднякъ могъ своимъ трудомъ самъ создать себѣ капиталъ и съумѣлъ открыть себѣ кредитъ, представляя въ видѣ обезпеченія свою трудовую способность. Для этой цѣли необходимо соединеніе трудящихся лицъ на началахъ взаимопомощи и круговой поруки. Этимъ путемъ кредитъ перестаетъ служить только капиталу—онъ дѣлается доступнымъ и бѣдняку, и такимъ образомъ получается демократизація кредита. Вторая лекція Е. И. Ламанскаго была посвящена подробному выясненію основныхъ чертъ двухъ системъ кооперативныхъ кредитныхъ товариществъ, носящихъ названіе ихъ основателей—системъ Шульце-Делича и Райфейзена. Наконецъ, въ третьей—заключительной—лекціи, говоря о распространеніи товариществъ этихъ двухъ типовъ въ Европѣ, Е. И. Ламанскій пришелъ къ такому выводу: сельскаго кредита у насъ нѣтъ—его нужно создать, пользуясь урокомъ западной Европы. Намъ нужно ввести кредитъ по системѣ Райфейзена, но не копируя ея, а внеся измѣненія, соотвѣтствующія духу страны. Измѣненія эти должны быть таковы: 1) кредитъ ограничить небольшими территоріями, гдѣ крестьяне другъ друга

знаютъ, 2) товарищества должны быть основаны на принципѣ сосѣдства, съ правомъ для товариществъ свободнаго выбора и исключенія членовъ, 3) полная отвѣтственность и круговая порука всѣхъ членовъ другъ за друга, 4) наблюденіе и заботы о томъ, чтобы ссуда пошла на дѣло.

Организація дешеваго кредита для крестьянской массы служитъ однимъ изъ вопросовъ первостепенной государственной важности, такъ какъ наша бѣдная деревня задыхается въ петлѣ ростовщичества, страдаетъ отъ кулаковъ, скупщиковъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и быстрыми шагами идетъ къ полному разоренію. Давно уже мы слышимъ, что бѣдность деревни—это бѣдность всего нашего отечества, а ея благосостояніе—прочный залогъ богатства всей Россіи, между тѣмъ мы продолжаемъ смотрѣть на крестьянскую массу, какъ на совершенно чужую для насъ среду, помощь и содѣйствіе которой вызываются соображеніями одной лишь гуманности! Однимъ изъ условій развитія крестьянскаго благосостоянія является организація въ деревняхъ правильныхъ кредитныхъ учрежденій, созданныхъ съ исключительною цѣлью приходить на помощь мелкимъ хозяевамъ. Нисколько не отрицая пользы и необходимости борьбы съ ростовщичествомъ путемъ уголовнаго закона, мы думаемъ однако, что одного лишь закона совсѣмъ недостаточно, такъ какъ борьба съ ростовщиками путемъ уголовныхъ преслѣдованій не уничтожаетъ зла, а заставляетъ его лишь принимать иныя формы и всячески укрываться. Ростовщичество, будучи послѣдствіемъ бѣдности, является вмѣстѣ съ тѣмъ и ея причиной, такъ какъ, вызванное нуждою, ростовщичество постепенно укрѣпляется среди населенія, опутывая его своими сѣтями, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ухудшая его экономическія условія. Не искореняя ростовщичества и даже почти не задерживая его развитія, уголовная кара имѣетъ лишь нравственное значеніе, воспитывая въ народѣ тотъ взглядъ на ростовщичество, по которому послѣднее считается не только предосудительнымъ, но и уголовно-наказуемымъ занятіемъ.

При организаціи народнаго кредита, какъ намъ кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее: матеріальное обезпеченіе можетъ найти весьма малое примѣненіе въ области народнаго кредита, а, во-2-хъ, потребность крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій въ денежныхъ средствахъ не можетъ быть удовлетворена привлеченіемъ вкладовъ и сбереженій одного только народа, такъ какъ этихъ денежныхъ средствъ оказалось бы недостаточно для покрытія всей потребности; а затѣмъ, не нужно забывать, что, вслѣдствіе однородности занятій нашего крестьянства, въ деревнѣ одновременно возникаетъ и избытокъ денегъ, и нужда въ нихъ.

Нашъ крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ представить никакого осязаемаго обезпеченія для вѣрности возврата ссудъ: крестьянскій надѣлъ по закону не отчуждаемъ, живой и мертвый инвентарь необходимъ для дѣла, а при минимальномъ своемъ составѣ, что́ замѣчается въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ, онъ также не отчуждаемъ. Единственнымъ же обезпеченіемъ и основаніемъ народнаго кредита должна явиться трудоспособность

крестьянъ, которая имѣетъ опредѣленную цѣнность и, отнесенная къ цѣлому обществу трудящихся лицъ, представляется величиной постоянной.

Намъ остается пожелать еще разъ, чтобы организація народнаго кредита нашла свое осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что комисія по пересмотру устава государственнаго банка намѣтила уже съ достаточною ясностью и полнотою главныя основанія крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о народномъ кредитѣ находится призрѣніе бѣдныхъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время по высочайшему повелѣнію образована комисія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота для пересмотра законодательства, относящагося къ дѣлу призрѣнія бѣдныхъ. Затѣмъ очень недавно вышла книга проф. П. И. Георгіевскаго, посвященная тому же вопросу; этимъ послѣднимъ трудомъ мы будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Газеты своевременно сообщили, что комисія К. К. Грота выдѣлила изъ своей среды особую подкомисію для составленія предварительнаго проэкта организаціи общественнаго призрѣнія. Работа подкомисіи уже закончена, и мы можемъ привести главные ея выводы. По мнѣнію подкомисіи, призрѣніе бѣдныхъ должно представлять собою обязательное дѣло государственнаго управленія, а самое вспомоществованіе бѣднымъ должно проявляться въ размѣрахъ минимальной и безусловной необходимости, другими словами—удовлетворяя лишь насущнымъ потребностямъ существованія. Право на такое вспомоществованіе признаётся подкомисіею за каждымъ нуждающимся жителемъ государства, почему проведеніе въ дѣлѣ призрѣнія начала сословности, по мнѣнію подкомисіи, противорѣчило бы требованіямъ цѣлесообразнаго устройства самаго призрѣнія. Въ частности подкомисія признаётъ имѣющими право на призрѣніе: а) неспособныхъ къ работѣ—дѣтей до 15-ти лѣтъ, дряхлыхъ стариковъ, больныхъ, душевно-больныхъ, идіотовъ и т. п.; b) способныхъ къ труду, но временно впавшихъ въ крайнюю нужду. Признавая призрѣніе бѣдныхъ обязательнымъ дѣломъ государственнаго управленія, подкомисія въ своемъ проэктѣ высказывается за предоставленіе возможно широкой свободы дѣятельности частнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Для правильнаго повсемѣстнаго осуществленія государственнаго призрѣнія, подкомисія признала необходимымъ учрежденіе особыхъ самостоятельныхъ органовъ подъ главнымъ руководствомъ и надзоромъ особаго центральнаго учрежденія, которое должно вѣдать все дѣло призрѣнія въ имперіи. Проэктируя рядъ органовъ государственнаго призрѣнія въ зависимости отъ средствъ и районовъ ихъ дѣятельности, подкомисія предположила, что низшимъ изъ такихъ органовъ должно быть участковое попечительство о бѣдныхъ (городское и сельское), сфера дѣятельности котораго должна ограничиваться территоріею волости или участка въ городахъ; засимъ будутъ слѣдовать попечительства, уѣздное и губернское, завѣдующія призрѣніемъ бѣдныхъ въ уѣздѣ и губерніи. Средства для проэктируемыхъ попечительствъ, по проэкту подкомисіи, должно доставлять земство въ размѣрахъ, обезпечивающихъ минимальную и безусловно неотложную помощь нуждающимся.

Бѣдность, нужда давно извѣстны человѣчеству. Можно сказать, что среди всеобщей бѣдности и нужды занялась впервые заря человѣческой жизни. Но путемъ многовѣковаго труда человѣку удалось, наконецъ, выбиться изъ-подъ гнета матеріальныхъ потребностей и создать благосостояніе. Такого, однако, благосостоянія достигли далеко не всѣ люди. Напротивъ того, въ настоящее время мы встрѣчаемся съ соединеніемъ крайнихъ проявленій нищеты, нужды и напряженнаго труда—съ одной стороны, и роскоши, праздности—съ другой. Такъ, если мы возьмемъ столицы—Лондонъ, Парижъ, Петербургъ,—то увидимъ, что въ нихъ сочетается полное осуществленіе условій матеріальнаго прогресса съ глубочайшей нищетой и съ острѣйшей борьбой за существованіе. Тому, кто восхищается блескомъ, шумомъ, богатствомъ столицъ, не мѣшало бы взглянуть на тѣсную и грязную жизнь обитателей подваловъ и чердаковъ, чтобы сопоставить богатство, роскошь, комфортъ зажиточной части населенія съ помѣщеніями бѣдняковъ. Не надо забывать, что въ холодныхъ, темныхъ, сырыхъ и грязныхъ подвалахъ столицъ живутъ къ тому же голодные и больные люди, изнуренные непосильнымъ трудомъ или отравленные дурной пищей. Ужасны эти картины нищеты и полнаго отчаянія! Страшно, горько и обидно смотрѣть на человѣка, когда онъ, мучимый голодомъ, чувствуетъ свое безсиліе, чувствуетъ, что не въ состояніи удовлетворить столь простой своей потребности. Не только крупные центры, но и города, и села, и деревни знаютъ бѣдность, знаютъ это зло, а потому и стараются, по примѣру столицъ, бороться съ нимъ. Но борьба со зломъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если намъ хорошо извѣстны самое зло и причины его возникновенія. Посмотримъ же, что создаетъ бѣдность.

Если исключить изъ круга проявленій бѣдности нищенство, какъ ремесло, т. е. наиболѣе легкій способъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, то мы должны сказать, что бѣдность всегда непроизвольна, причемъ причины, вынуждающія однихъ искать пособія у другихъ, могутъ быть личными или внѣшними. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ нами калѣка, больной, старикъ, идіотъ—это все люди, которые не могутъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и должны жить на чужой счетъ, если раньше не скопили себѣ имущества или не обезпечены другими. Правильно организованная благотворительность вполнѣ достаточна для борьбы съ этой формой бѣдности. Есть однако и другія причины, вызывающія бѣдность, именно причины внѣшнія, при которыхъ бѣдность бываетъ также непроизвольна, но въ этомъ случаѣ она не обусловливается личными недостатками обѣднѣвшаго или неимущаго. Дѣло въ томъ, что общественный строй въ каждую данную минуту заключаетъ въ себѣ возможность извѣстнаго числа преступленій, рожденій, смертныхъ случаевъ, браковъ и пр., и пр.; наконецъ, онъ обусловливаетъ собой и существованіе извѣстнаго количества людей, обреченныхъ на нужду, такъ какъ изъ годоваго приращенія богатствъ, созданныхъ трудомъ народа, этимъ людямъ выдѣляется слишкомъ немного. Такое распредѣленіе результатовъ годоваго народнаго труда между различными классами и лицами совершается не по волѣ трудящихся, а согласно юридиче-

скому и экономическому строю общества. Юридическія же и экономическія условія общества могутъ быть таковы, что никакая благотворительность не можетъ уничтожить бѣдности, если послѣдняя создается несправедливымъ подѣленіемъ ежегоднаго народнаго дохода. Такъ какъ тутъ недостаточны уже средства общественной благотворительности, то противъ этого явленія должны быть принимаемы законодательныя мѣры.

Итакъ, передъ общественной благотворительностью во всякомъ случаѣ стоитъ задача прійти на помощь нуждающимся людямъ, спасти ихъ отъ нищеты, болѣзней, смерти, преступленія. Помощь бѣднымъ заключаетъ въ себѣ двѣ задачи — предупрежденіе бѣдности и призрѣніе бѣдныхъ. Если общество нерѣдко тратитъ много нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ на дѣло призрѣнія бѣдныхъ, то очень рѣдко оно относится съ должнымъ вниманіемъ къ первой и болѣе важной своей задачѣ — къ предупрежденію бѣдности. Отсюда то послѣдствіе, что, такъ какъ мало заботятся о предупрежденіи бѣдности,—призрѣніе бѣдныхъ становится дѣломъ слишкомъ тяжелымъ и сложнымъ. У насъ вообще къ бѣдности относятся слишкомъ формально. Встрѣчая бѣднаго, нуждающагося въ хлѣбѣ, платьѣ, бѣльѣ, мы стараемся лишь о томъ, чтобы снабдить его необходимымъ и отпустить съ Богомъ; выслушать же его, разузнать о причинахъ его бѣдности — намъ некогда и неинтересно. Между тѣмъ, дѣйствительная помощь бѣднымъ заключается въ серьезномъ изслѣдованіи причинъ ихъ положенія и въ стремленіи какъ можно скорѣе обратить бѣдняка въ трудящуюся личность. Наше формальное отношеніе къ бѣднымъ, во-1-хъ, лишаетъ насъ многихъ средствъ, во-2-хъ—развращаетъ бѣдняка, пріучая его жить на счетъ общественной благотворительности. Призрѣніе бѣдныхъ тогда только можно считать правильно организованнымъ, когда у общества есть средства и возможность узнать причины и степень бѣдности того, кому желаютъ оказать помощь. Тщательное изученіе причинъ бѣдности и открытіе нуждающихся возможно лишь при раздѣленіи мѣстности на мелкіе участки и путемъ привлеченія къ участію въ дѣлѣ благотворительности живыхъ силъ общества, людей, желающихъ трудомъ, а не только кошелькомъ, помочь бѣдняку. Общественныя деньги тогда только окажутся достаточными для поддержанія бѣдныхъ, тогда только попадутъ въ руки дѣйствительно нуждающихся, когда у общества будутъ средства отличить бѣдняка отъ нищаго-промышленника, опредѣлить степень бѣдности лица, а главное—когда у общества явится возможность предупреждать бѣдность. Къ мѣрамъ, предупреждающимъ бѣдность, можно отнести распространеніе образованія, устройство дешевыхъ квартиръ, посредничество въ пріисканіи труда, въ сбытѣ его произведеній, оказаніе медицинской помощи и пр. При раздѣленіи мѣстности на небольшія части, необходимо во главѣ каждаго такого участка поставить нѣсколькихъ лицъ, обязанныхъ обходить свои районы, слѣдить за жизнью бѣдняковъ, за ихъ здоровьемъ, за ихъ дѣтьми, и заботиться о доставленіи имъ матеріальныхъ средствъ. Сколько живой и плодотворной дѣятельности заключаетъ въ себѣ правильная организація благотворительности!

Причины бѣдности, какъ мы сказали выше, коренятся чаще всего въ юридическихъ и экономическихъ условіяхъ страны, но устраненіе этихъ условій представляется дѣломъ далекаго будущаго; между тѣмъ бѣдность, нищета существуютъ сейчасъ и требуютъ немедленной помощи, вслѣдствіе чего весьма естественно рождается вопросъ, какъ нужно оказывать эту помощь и кѣмъ должна быть она организована для достиженія наилучшихъ результатовъ. Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса, полезно оглянуться назадъ, чтобы почерпнуть изъ прошлаго назидательные уроки.

Дѣйствовавшая въ Россіи до введенія земскихъ установленій, организація общественнаго призрѣнія ведетъ свое начало съ изданія учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 года. Съ этого времени въ каждой губерніи, для завѣдыванія дѣлами общественнаго призрѣнія, были учреждаемы приказы общественнаго призрѣнія. Задачи этихъ приказовъ были опредѣлены крайне широко; имъ въ обязанность ставилось завести по всѣмъ городамъ: 1) народныя школы, 2) сиротскіе дома, 3) больницы, 4) богадѣльни, 5) дома для неизлѣчимыхъ больныхъ, 6) дома для сумашедшихъ, 7) дома работные и 8) дома смирительные. Для устройства и содержанія всѣхъ этихъ учрежденій Екатерина II назначила каждому приказу капиталъ «единожды» по 15,000 руб. изъ казны, дозволивъ для увеличенія его давать деньги взаймы изъ процентовъ подъ вѣрные залоги, принимать пожертвованія и учреждать аптеки, съ которыхъ доходы употреблять въ пользу вышеупомянутыхъ заведеній. Наряду съ этимъ, отнюдь не стѣснялась и частная благотворительность, причемъ приказамъ вмѣнено въ обязанность никому въ томъ не препятствовать, «лишь бы установленіе сходствовало общимъ для установленій предписаннымъ правиламъ и оныхъ не повреждало, ибо приказъ общественнаго призрѣнія вездѣ оказывать долженствуетъ доброхотство къ роду человѣческому и поспѣшествовать повсюду дѣламъ, основаннымъ на человѣколюбіи».

Въ царствованіе Екатерины II, приказы были открыты въ 40 губерніяхъ; причемъ сравнительно ничтожныя средства, которыми располагали приказы, не всегда позволяли имъ вполнѣ успѣшно дѣйствовать. Въ 1810 г. капиталы приказовъ уже составляли 6 милліоновъ руб., а къ 1825 г.—до 25 милліоновъ.

Особенно важнымъ въ исторіи развитія общественнаго призрѣнія въ Россіи является царствованіе Александра I не столько потому, что при немъ правительственные органы, созданные Екатериной II, развились весьма замѣтно и распространились почти на всю территорію государства, не потому, что особенно успѣшной стала ихъ дѣятельность, но потому, что въ это время впервые выступили въ Россіи на борьбу съ нищенствомъ и для призрѣнія бѣдныхъ свободные союзы—*благотворительныя общества.* Особеннаго упоминанія заслуживаетъ учрежденіе въ 1802 году нѣсколькими частными лицами «филантропическаго общества», которое къ 1816 г. получило стройную организацію подъ именемъ «императорскаго человѣколюбиваго общества» и составило особое самостоятельное и весьма обширное вѣдомство. Для достиженія цѣли этого общества, состоящей въ доставленіи бѣднымъ пособій всякаго рода,

какъ въ столицѣ, такъ по возможности и въ другихъ городахъ имперіи, ему поставлено въ обязанность прилагать старанія «объ учрежденіи заведеній»: 1) для призрѣнія дряхлыхъ, увѣчныхъ, неизлѣчимыхъ и вообще къ работамъ неспособныхъ; 2) для доставленія неимущимъ, которые въ состояніи работать, приличныхъ упражненій, снабжая ихъ матеріалами, собирая обработанныя ими издѣлія и сбывая послѣднія въ свою пользу, 3) для воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей. Для завѣдыванія всѣми заведеніями общества устроены совѣтъ и мѣстные комитеты, причемъ каждому члену совѣта предоставлено право посѣщать страждущихъ, бѣдныхъ и заключенныхъ, гдѣ бы послѣдніе ни находились (кромѣ государственныхъ преступниковъ).

Кромѣ благотворительныхъ обществъ, въ это же время стали возникать *общества взаимнаго вспоможенія или самопомощи*, т. е. такія, члены которыхъ имѣютъ въ виду помогать не постороннимъ обществу лицамъ, а своимъ же сочленамъ и ихъ семействамъ. Въ это же царствованіе было издано (1823 г.) особое *положеніе для бѣдныхъ людей духовнаго званія*. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія установленный въ это же царствованіе (1816—1819 г.) *порядокъ призрѣнія бѣдныхъ сельскихъ обывателей* въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Къ 1835 году относится новая попытка правительства привлечь для борьбы съ нищенствомъ, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, само общество. Именно въ этомъ году повелѣно учредить при комитетѣ с.-петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества *особый комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ и изысканія способовъ къ искорененію нищенства*. Первоначально комитетъ о нищихъ былъ учрежденъ на 3 года, затѣмъ срокъ его существованія продолженъ еще на 1 годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено «въ возможно непродолжительномъ времени представить проэктъ положенія о нищенствѣ». Срокъ существованія комитета все продолжался на новыя полугодія, пока, наконецъ, въ 1844 году не было постановлено, чтобы впредь онъ оставался на прежнемъ основаніи до особыхъ распоряженій правительства. Средства комитета составляются изъ доходовъ случайныхъ и постоянныхъ; къ первымъ относятся кружечный сборъ и пожертвованія частныхъ лицъ, причемъ комитету черезъ президента предоставлено ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ награжденіи особенно выдающихся жертвователей. Въ 1838 году подобный же комитетъ былъ учрежденъ въ Москвѣ, и въ его вѣдѣніе былъ переданъ также и «работный домъ».

Со введеніемъ земскихъ учрежденій въ 1864 г. и съ закрытіемъ въ большинствѣ губерній приказовъ общественнаго призрѣнія, обязанности послѣднихъ по призрѣнію бѣдныхъ перешли къ земствамъ. Независимо отъ существующихъ капиталовъ и доходовъ, предназначенныхъ на предметы общественнаго призрѣнія, земскія учрежденія могутъ установлять въ необходимыхъ случаяхъ сборы на сей предметъ, въ порядкѣ и предѣлахъ, установленныхъ положеніемъ о губернск. и уѣздн. земск. учрежденіяхъ и временными правилами о земскихъ повинностяхъ.

Въ привислянскихъ губерніяхъ, на основаніи высочайше ут-

вержденнаго въ 1870 г. положенія объ управленіи въ нихъ благотворительными заведеніями, образованы особыя губернскія и уѣздныя учрежденія для завѣдыванія благотворительными учрежденіями, съ подчиненіемъ ихъ министерству внутреннихъ дѣлъ. На основаніи п. 6 ст. 179 общаго положенія о сельскомъ состояніи, на крестьянскія общества возлагается, въ числѣ прочихъ мірскихъ повинностей, призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ общества, не могущихъ трудомъ пріобрѣтать пропитаніе, у которыхъ нѣтъ родственниковъ или же у которыхъ родственники не въ состояніи содержать ихъ; а также призрѣніе круглыхъ сиротъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ изданное въ 1864 г. *Положеніе о приходскихъ попечительствахъ* при православныхъ церквяхъ. Задачею попечительствъ признаётся не только попеченіе о благоустройствѣ и благосостояніи приходской церкви и причта въ хозяйственномъ отношеніи и объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей, но также и благотворительная дѣятельность въ предѣлахъ прихода.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учрежденій, въ сферѣ благотворительности дѣйствуютъ *учрежденія вѣдомства императрицы Маріи, комитеты заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ* и *о раненыхъ*; а затѣмъ, преимущественно въ крупныхъ городахъ и особенно въ столицахъ, весьма разнообразныя и многочисленныя *частныя благотворительныя общества*. «Нужно замѣтить, — говоритъ проф. Георгіевскій, въ названной выше книгѣ, — что всѣ эти учрежденія и общества *не стоятъ почти ни въ какой связи другъ съ другомъ*; что рядомъ съ существованіемъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ до 400, а въ Москвѣ—до 200 благотворительныхъ обществъ и учрежденій, *на каждомъ шагу мы наталкиваемся на совершенно слѣпую раздачу милостыни* всѣмъ нищенствующимъ, которые сотнями задерживаются въ столицѣ каждую недѣлю и однако не убываютъ въ своей численности; что рядомъ съ этимъ можно встрѣтить вопіющую нужду, но вопіющую только къ небу, за невѣдѣніемъ, куда обратиться съ просьбою, или же за отказомъ въ помощи, можетъ быть, по недостатку средствъ, коими уже съумѣли воспользоваться болѣе ловкіе нищіе-промышленники. Законодательныя постановленія по вопросу о призрѣніи бѣдныхъ представляются совершенно неудовлетворительными въ виду своей неясности и полной неопредѣленности, такъ что давно чувствуется настоятельная необходимость кореннымъ образомъ пересмотрѣть существующее положеніе дѣла призрѣнія бѣдныхъ».

Вслѣдствіе всего этого, понятно громадное значеніе высочайше утвержденной комисіи подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота, которой мы отъ души желаемъ скорѣе справиться со своей весьма нелегкой задачей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Четыре паденія министерствъ.—Французское шассэ-круазэ. — Стамбуловская отставка. — Венгерская и итальянская перетасовка. — Покушеніе на жизнь Криспи. — Шаткое положеніе бельгійскаго, англійскаго и сербскаго кабинета.—Болгарская неурядица.—Норвежскій стортингъ.—Новый законъ о печати въ Австріи.—Дѣло Тюрпена.—Побѣда Дюпюи, рѣшившагося говорить правду въ палатѣ.—Конгскій договоръ.—Генералъ Галиффэ и разоруженіе. — Анархисты и жиды. — Смерть марокскаго султана.—Возстаніе въ Манджуріи и Кореѣ.

Бюллетень дипломатической лѣтописи, въ прошломъ мѣсяцѣ, насчитываетъ четыре паденія кабинетовъ, почти одновременно въ четырехъ разныхъ государствахъ. Паденіе кабинета Перье было положительно парламентскимъ сюрпризомъ даже для тѣхъ, кто его опрокинулъ. Соціалисты палаты требовали отмѣны запрещенія казеннымъ рабочимъ устраивать синдикаты, разрѣшенные закономъ, и палата согласилась съ ними большинствомъ 28 голосовъ. Карно попробовалъ обратиться къ главамъ радикаловъ: Бриссону, Пейтралю, Рибо, для составленія министерства, но послѣ недѣльной попытки они не пришли ни къ какому соглашенію, и тогда произошло въ палатѣ только маленькое шассэ-круазэ: Дюпюи сдѣлался президентомъ кабинета, Перье — президентомъ палаты. А все таки кабинетъ, казавшійся такимъ прочнымъ, просуществовалъ всего пять съ половиною мѣсяцевъ, какъ составленный изъ безцвѣтныхъ личностей. Даже «Фигаро» находитъ, что съ такими парламентскими сюрпризами невозможно управлять страною и необходимо гарантировать прочность министерствъ отъ ничего не понимающихъ законодателей, купившихъ себѣ мѣста въ палатѣ обѣщаніями избирателямъ всевозможныхъ мѣстныхъ льготъ, которыхъ они, однако, никогда не получаютъ.

Но паденіе стамбуловскаго министерства въ Болгаріи, такое же неожиданное, можно причислить прямо къ государственному перевороту. Человѣкъ, 8 лѣтъ правившій страною съ неограниченною властью, вдругъ потерялъ эту власть безъ всякихъ видимыхъ къ тому поводовъ. Правда, онъ давно уже ссорился съ самозваннымъ принцемъ Болгаріи, но, играя въ странѣ всегда первенствующую роль, держалъ его, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ. И вдругъ этотъ самый кобургскій маленькій князекъ обнаружилъ вовсе не свойственное ему стремленіе къ самостоятельно-

сти. Ясно, что храбрости этой онъ набрался въ Вѣнѣ, но почему диктаторъ уступилъ свою власть самозванцу безъ особенно рѣзкихъ попытокъ къ ея удержанію—это дѣйствительно странно. Давно уже говорили, что Стамбуловъ подготовляетъ себѣ преторіанцевъ или янычаръ изъ болгарской арміи, а, имѣя ее на своей сторонѣ, ему нечего было бояться ни принца, ни заговоровъ. Сильный отрядъ палочниковъ-тѣлохранителей всюду сопровождалъ и охранялъ его. Полиція, жандармерія были всегда на его сторонѣ и, когда онъ былъ низвергнутъ, онѣ оказали во многихъ городахъ сопротивленіе правительственнымъ властямъ. Но вышло однако, что армія далеко не на его сторонѣ и даже раздражена противъ него за то, что онъ принудилъ выйти въ отставку военнаго министра Савова, уволеннаго будто бы потому, что жена его отвергла преслѣдованія Стамбулова. Увольняя своего хозяина, Кобургъ разыгрывалъ строго конституціонную комедію, не слѣдуя примѣру сербскаго короля, уничтожившаго и министерство, и конституцію. Сначала софійскій переворотъ имѣлъ опереточный характеръ, но вскорѣ на улицахъ городовъ началась борьба между сторонниками и противниками низвергнутаго диктатора. Полиція начала стрѣлять въ народъ и ее замѣнила кавалерія, которой приходилось производить серьезныя аттаки. Префекты многихъ городовъ не хотѣли признавать переворота. Дворецъ князя въ Софіи былъ занятъ войсками, затѣмъ они окружили и домъ Стамбулова, подъ предлогомъ его охраны, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы принять мѣры противъ диктатора. Кобургъ предложилъ сначала портфель перваго министра Грекову, но вѣдь это былъ бы тотъ же alter-ego Стамбулова, и премьеромъ назначили Стоилова. Берлинская печать переполошилась при слухахъ о переворотѣ, но вѣнская, хотя и относилась къ диктатору съ сочувствіемъ, прямо говорила, что Болгарія можетъ обойтись и безъ него. Офиціальная прусская печать говорила: оскорбленныя личныя чувства побудили, очевидно, Кобурга сбросить съ себя стамбуловское ярмо и быть княземъ «божьею милостью», вмѣсто князя «милостью Стамбулова», но Стамбуловъ не дастъ шутить съ собою и дѣло не обойдется безъ фронды. Всѣ новые болгарскіе министры—австрофилы и враги Россіи, особенно Радославовъ, основатель болгарскихъ палочниковъ, и военный министръ Петровъ, разстрѣливавшій своихъ личныхъ друзей: Узунова, Попова и друг., за рущукское возстаніе 19 февраля. Явились, конечно, въ печати и беседы Стамбулова съ разными репортерами. «Правительство,—говоритъ Стамбуловъ,—поступая такъ съ моимъ кабинетомъ, нарушило права народа и престижъ власти, пользующейся народнымъ уваженіемъ. Если я лишился довѣрія князя, онъ долженъ былъ высказать мнѣ это откровенно и я самъ бы охотно удалился. Онъ могъ бы обойтись безъ оскорбленій и не обращаясь къ оппозиціи. Теперь я долженъ вести борьбу съ новыми министрами, не обладающими, на мой взглядъ, качествами необходимыми для

блага Болгаріи, но, не смотря на то, что произошло, я по прежнему остаюсь другомъ правительства. Противъ меня дѣйствовали и офицеры—для чего это было нужно? Если я ставилъ иногда свои убѣжденія выше закона, точно также придется поступать и моимъ преемникамъ, если они захотятъ охранить страну отъ тайныхъ происковъ нашихъ враговъ». Даже изъ этихъ словъ видно, что Стамбуловъ не ждалъ увольненія и покорился только, когда къ нему пріѣхалъ адьютантъ принца, заявившій, что если диктаторъ не выдетъ въ отставку, то принцъ прибѣгнетъ къ принудительнымъ мѣрамъ. Въ этомъ столкновеніи Кобургъ одержалъ верхъ только потому, что на его сторону сталъ софійскій гарнизонъ. Самыхъ ярыхъ сторонниковъ Стамбулова,—префектовъ Силистріи, Виддина, Ямболя, Бургаса, Хаскова, Рущука,—побоялись смѣнить. Стамбуловъ передъ своимъ паденіемъ освободилъ изъ тюремъ цанковистовъ и предлагалъ свободу Каравелову. Стоиловъ же освободилъ противниковъ Стамбулова изъ дворцовой партіи. Палочники убивали на улицахъ студентовъ; даже изъ дворца жандармы начали стрѣлять въ народъ, но ихъ усердію тотчасъ же положили предѣлъ.

Министерская перетасовка въ Венгріи представляется довольно странною конституціонною комедіею, въ которой и парламентъ, и корона играли довольно двусмысленную роль. Кризисъ возникъ изъ-за того, что венгерская палата магнатовъ отказалась утвердить принятый палатою депутатовъ законъ о гражданскомъ бракѣ. Францъ-Іосифъ попробовалъ перемѣнить кабинетъ и поручилъ хорватскому бану—Куну Гедервари составленіе новаго кабинета, но либералы и слышать не хотѣли объ этомъ. Тогда императоръ предложилъ Векерле переформировать кабинетъ, исключивъ изъ него трехъ министровъ и особенно автора проэкта о гражданскомъ бракѣ, Силляги, но либералы не согласились на это и заявили только императору о своей глубочайшей вѣрноподданнической преданности. Францъ-Іосифъ удовольствовался этимъ, и вышла только какая-то странная перетасовка, еще больше увеличившая политическую путаницу и ровно ни къ чему не послужившая.

Финансовый кризисъ въ Италіи превратился въ министерскій и также ровно ничего не выяснилъ въ политической неурядицѣ этой страны. Въ палату, занимавшуюся обсужденіемъ проэкта министра финансовъ Соннино, Криспи совершенно неожиданно внесъ предложеніе остановить пренія по этому вопросу и немедленно заняться внесеннымъ имъ проэктомъ реформы гражданскаго управленія. Очевидно, итальянскому премьеру хочется подиктаторствовать и онъ воображаетъ, что самовластіе, соединяемое обыкновенно съ самодурствомъ, тотчасъ же подниметъ средства страны. Онъ боялся также, что большинство не одобритъ плановъ Соннино, и захотѣлъ обратить болтовню палаты къ другимъ предметамъ. И палата приняла предложеніе премьера, хотя незначительнымъ большинствомъ.

Криспи вздумалъ обидѣться и объявилъ, что выходитъ въ отставку. Пораженія онъ, конечно, не избѣжалъ бы рано или поздно на почвѣ финансовъ, но, оставляя заранѣе и добровольно свой постъ, могъ тотчасъ же заняться сформированіемъ другаго кабинета и избавиться отъ Соннино. Стало быть, его отставка была обычной и весьма жалкой парламентской комедіей, вовсе ничего не измѣнившей въ положеніи финансовъ. Въ новое министерство не хотѣли войти ни одинъ изъ бывшихъ дѣятелей: Цанарделли, Рудини, Бринъ, да и вступленіе ихъ во власть ничему бы не помогло. Сколько нибудь дѣльныхъ государственныхъ людей въ Италіи еще меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и понятно, что въ Римѣ встрѣтили оваціями Криспи, послѣ выстрѣла, произведеннаго въ него столяромъ Лега. Этотъ фанатикъ выстрѣлилъ въ премьера, когда тотъ 16 іюня ѣхалъ въ палату, но промахнулся, о чемъ очень сожалѣлъ. Покушеніе анархиста произвело сильное впечатлѣніе. Палата встрѣтила министра съ пожеланіями, чтобы жизнь его еще долго сохранялась для отечества. Король съ наслѣднымъ принцемъ посѣтили Криспи, и Гумбертъ сказалъ, что на него это покушеніе произвело такое же впечатлѣніе, какъ если-бы преступникъ покусился на одного изъ членовъ королевскаго дома. Все это еще болѣе укрѣпило министерство, въ которомъ перемѣнилось всего три члена, но финансы отъ этого все таки не улучшились и критическое положеніе усилилось съ разоблаченіями, открывшимися во время процесса римскаго банка. Открылись такія продѣлки, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ подвиги французскихъ панамистовъ. Больше всего скомпрометированъ бывшій министръ-президентъ Джіолитти, что̀ не удивительно, такъ какъ самыя большія беззаконія позволяютъ себѣ премьеры, считающіе себя безнаказанными подъ защитою своей власти. Друга его Шове, бывшаго редактора газеты «Populo romano», посадили въ тюрьму за разныя продѣлки, но премьеръ воспользовался и этимъ обстоятельствомъ и сталъ черезъ Шове обѣщать обыкновеннымъ преступникамъ,— выпустить ихъ на свободу, если ихъ родственники пріобрѣтутъ на выборахъ 50 голосовъ въ пользу Джіолитти. Въ этой необыкновенной торговлѣ, кромѣ министра, принимали участіе: его помощникъ, полицейскій инспекторъ и судебный слѣдователь, и сдѣлки ихъ обнаружены офиціально. Можно ли при такихъ порядкахъ удивляться частому паденію кабинетовъ въ Италіи?

Да и въ одной ли Италіи они держатся только на волоскѣ? Брюссельская палата закрылась на лѣтнія вакаціи при явномъ разрывѣ оппозиціи съ министерствомъ, еще до обнародованія конгскаго договора. Въ Англіи гладстоновское большинство таетъ съ каждымъ днемъ и, чтобы не уменьшать его, печать не смѣетъ отвѣчать угрозами на непризнаніе договора, а только обвиняетъ «жадность нахальныхъ французовъ», возстающихъ

противъ Англіи, когда они сами деспотически поступаютъ въ Сіамѣ, въ Мадагаскарѣ и Тунисѣ. Испанское министерство едва держится, сопротивляясь требованіямъ Германіи по торговымъ тарифамъ. О сербскомъ министерствѣ и говорить нечего: милановскіе палочники являются пока въ роли лакеевъ, въ ожиданіи, пока имъ прикажутъ быть палачами надъ народомъ, который, впрочемъ, очень спокойно выноситъ возмутительный деспотизмъ, памятуя, вѣроятно, старинную поговорку: всякая нація имѣетъ такихъ повелителей, какихъ она заслуживаетъ. И берлинскіе листки совершенно напрасно рисуютъ на сербскаго папеньку и сынка карикатуры, въ которыхъ сынъ спрашиваетъ: а что ты, папаша, долго еще намѣренъ оставаться въ Сербіи?—Не знаю, право... пока не вытурятъ. А ты?—И я тоже,—отвѣчаетъ король, собирающійся для чего-то въ гости къ султану, развѣ для того, чтобы поздравить его, что къ единственной державѣ, не знающей конституціи, прибавилась теперь и другая страна. Уничтоженіе парламентаризма въ Сербіи прекратило, конечно, появленіе въ тамошней печати статей о томъ, что Миланъ, носящій слѣды разгульной жизни, вовсе не родня покойному князю Михаилу и вовсе не Обреновичъ, а сынъ какого-то молдаванина Рознавана. Всѣ подробности этого самозванства сообщаются нѣмецкими газетами, а во французскихъ король Александръ въ бесѣдѣ съ репортерами жалуется, что Европа не цѣнитъ его подвига. Онъ, видите ли, «сдѣлалъ для Россіи все невозможное (?) При правленіи радикаловъ, въ одномъ октябрѣ было совершено 19 политическихъ убійствъ. (Что же это ни объ одномъ изъ нихъ не заявляла ни одна газета?) Издавали законы противъ моего дома. Какъ, я—государь, а между тѣмъ не имѣю права держать при себѣ своихъ родителей! Развѣ что либо подобное встрѣчалось когда либо въ культурномъ государствѣ?» (Ну, а встрѣчалось въ культурномъ государствѣ, чтобы король, заставившій сговорчивыхъ поповъ расторгнуть его законный бракъ, продавалъ потомъ за деньги свои королевскія и гражданскія права, давая подписку никогда не возвращаться въ отечество и нарушая ее, когда проигралъ въ Парижѣ всѣ милліоны, полученные имъ за это отступничество?) О болгарскомъ кабинетѣ еще ничего нельзя сказать, — ему теперь столько дѣла со стамбуловщиною, чтобы очистить отъ нея управленіе, что трудно ввести какой нибудь порядокъ въ страну, гдѣ восемь лѣтъ безконтрольно хозяйничалъ этотъ диктаторъ-свинопасъ. Началъ онъ, конечно, съ грабежа всякихъ суммъ, назначавшихся на общественныя нужды, накупилъ и присвоилъ себѣ множество недвижимыхъ имуществъ, переслалъ мильоны въ англійскій банкъ и въ Константинополь, а теперь оказалось, что во всѣхъ учрежденіяхъ въ Софіи разворованы всѣ суммы, такъ какъ и помощники Стамбулова не клали охулки на руку. Они и не скрываютъ этого, и разобраться во всѣхъ этихъ кражахъ, повторявшихся систематически изъ года въ годъ—дѣло не легкое. Однимъ нѣмецкимъ, англій-

скимъ и итальянскимъ газетамъ, прославлявшимъ реформы Стамбулова восемь лѣтъ сряду, уплачено до четырехъ мильоновъ франковъ. Передъ самымъ паденіемъ, диктаторъ отправилъ въ оттоманскій банкъ 3 милліона, но эти деньги болгарскій агентъ въ Константинополѣ догадался положить на счетъ своего правительства, а не на имя Стамбулова. Въ Ломпаланкѣ схваченъ агентъ его, жидъ Якобсонъ, поддѣлыватель русскихъ документовъ, украденныхъ въ румынскомъ консульствѣ. Онъ пытался бѣжать и увезти съ собою множество политическихъ бумагъ и документовъ, особенно компрометирующихъ Стамбулова и изъ которыхъ можно было бы устроить шантажъ и выгодный гешефтъ. Якобсона заперли въ тюрьму въ Софіи. Зато изъ тюрьмы выпустили митрополита Климента, сдѣлавшагося вдругъ приверженцемъ кобургіады и поздравившаго принца съ установленіемъ законнаго порядка. Другой какой-то митрополитъ Григорій,—тотъ самый, который при началѣ послѣдней русско-турецкой войны служилъ въ Рущукѣ молебны за избавленіе Болгаріи отъ сѣверныхъ варваровъ,—привелъ во дворецъ принца болгарскій синодъ и заявилъ вмѣстѣ съ нимъ, что духовенство, первый разъ являясь въ конакъ, можетъ выразить преданность своему князю. Долго еще придется болгарамъ разбираться во всей неурядицѣ, напутанной стамбуловскимъ хозяйничаньемъ. А между тѣмъ Кобургъ ѣздитъ къ опальному, называетъ его въ рескриптѣ спасителемъ Болгаріи. Тогда зачѣмъ же было и прогонять его?

Во всей Европѣ нѣтъ ни одной страны, которая была бы довольна своими министрами. Вотъ какого рода адресъ норвежскій стортингъ предложилъ вотировать своему королю: «Десять лѣтъ тому назадъ, ваше величество окружены было правительствомъ, не пользующимся довѣріемъ большинства народнаго представительства. Это правительство, на основаніи конституціи, было предано суду, но при исполненіи приговора оказано было сопротивленіе и оружіе, предназначенное для защиты отечества, было втайнѣ сдѣлано негоднымъ къ употребленію. Комисія, назначенная стортингомъ въ 1884 году, обнаружила, что нѣсколько высшихъ офицеровъ арміи и флота, принимая мѣры къ подавленію возможнаго возстанія, привели болѣе 30,000 ружей въ негодность. Офицеры заявили на допросѣ, что они поступили такъ по собственной иниціативѣ, но это оказалось неправдоподобнымъ. Теперь правительство вашего величества приступаетъ втайнѣ къ вооруженію военныхъ судовъ—и норвежскій народъ, въ виду обороны, желаетъ закона о независимости и самостоятельности своего отечества, требуя этого отъ вашего величества, какъ отъ главнаго начальника военныхъ и морскихъ силъ».

На послѣднемъ засѣданіи австрійскаго рейхсрата, шли пренія о новомъ законѣ по дѣламъ печати. Нѣмецкіе либералы давно уже составили проэктъ, прямо направленный къ возможному стѣсненію славянской печати. На осно-

ваніи «объективной процедуры», прокуроръ имѣетъ право конфисковать всякое періодическое изданіе, безъ указанія мотивовъ. Редакція имѣетъ право жаловаться суду,—но какіе же убытки потерпятъ отъ этого особенно ежедневныя газеты, за которыя вносится залогъ и штемпельный сборъ, и которыя подвергаются, сверхъ того, запрещенію розничной продажи?! Комисія рейхстага нашла, что эти мѣры произвольны и равносильны учрежденію цензуры, уничтоженной конституціею. Министерство согласилось отмѣнить нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ. Такъ, штемпельный сборъ замѣненъ другимъ общимъ налогомъ; вмѣсто залога, преслѣдуемая газета вноситъ, какъ гарантію, извѣстную сумму на случай обвиненія. Прокуроръ обязанъ указать мотивы конфискаціи газеты, а въ случаѣ ея оправданія судомъ правительство вознаграждаетъ за убытки. Розничная продажа разрѣшается всѣмъ, кто имѣетъ патентъ на мелкую торговлю, а не спеціальнымъ лицамъ, Все это не богъ знаетъ какія льготы, но и то хорошо, что на нихъ согласилось правительство.

Новый французскій кабинетъ, въ первый же день вступленія въ управленіе, долженъ былъ разбираться въ дѣлѣ Тюрпена, поднятомъ ничтожною газетою Patrie, напечатавшею статью съ сенсанціонными заголовками: «преступленіе въ оскорбленіи отечества—ужасающій военный снарядъ Тюрпена проданъ тройственному союзу;—національный скандалъ—отвѣтственность г.г. Карно, Казиміра Перье, ген. Мерсье и Борріюса». Въ статьѣ говорилось, что военный министръ даже не хотѣлъ принять Тюрпена, изобрѣтателя мелинита, предлагавшаго новое орудіе истребленія, уничтожающее, въ короткое время и на огромныя разстоянія, непріятельскую армію, съ помощью автоматически и вѣерообразно дѣйствующихъ митральезъ и удушающаго газа. Тюрпенъ—мелочной, своекорыстный крикунъ, скандалистъ, но онъ все таки изобрѣтатель, и министръ не долженъ былъ относиться къ нему пренебрежительно; во всякомъ случаѣ обязанъ былъ его выслушать. Тюрпенъ, раздраженный выказаннымъ ему презрѣніемъ, продалъ свое изобрѣтеніе Германіи. Не получивъ ничего за свой мелинитъ, посаженный въ тюрьму за оскорбленіе властей, не мудрено, что Тюрпенъ не оказался героемъ и, не желая умирать съ голоду, вошелъ въ сношенія съ нѣмцами. Въ палатѣ, Легериссэ высказалъ мысль, что Тюрпенъ заслуживаетъ презрѣнія, но это нисколько не уменьшаетъ отвѣтственности лицъ, которыя вели съ нимъ переговоры. Бюрократія систематически обезкураживаетъ изобрѣтателей. Предложенъ былъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ: «палата сожалѣетъ, что въ вопросѣ, могущемъ имѣть значеніе для національной обороны, правительство отказалось выслушать изобрѣтателя». Принятіе этого предложенія угрожало существованію только что составившагося кабинета. Военный министръ объяснилъ, что употребляемый въ арміи мелинитъ вовсе не изобрѣтенъ Тюрпеномъ, предлагавшимъ простую пикриновую кислоту.

Мерсье прочелъ также письмо Тюрпена къ начальнику артиллеріи, наполненное самыми оскорбительными инсинуаціями, такъ что генералъ не можетъ отвѣчать на такія письма. Министру замѣтили, что вѣдь имѣетъ же онъ непосредственныя сношенія со шпіонами, и честь его нисколько не пострадала бы отъ переговоровъ съ негодяемъ. Мерсье возражалъ, что Тюрпенъ могъ бы обратиться въ особую комисію, но онъ требовалъ денегъ впередъ и вообще билъ на скандалъ и шантажъ. Палату не могли убѣдить такіе доводы. Мерсье защищалъ свой техническій комитетъ, учрежденіе не отвѣтственное и исполняющее только приказанія министра. А свои непогрѣшимыя распоряженія Мерсье отстаивалъ, какъ и всѣ министры, никогда не желающіе сознаться, что они могутъ путать и ошибаться, какъ обыкновенные смертные. Онъ предлагалъ только возвратить свой портфель, но не сознавалъ свою вину. Эмберъ замѣтилъ ему, что дѣло нисколько не поправится оттого, что всякій разъ, когда министру будутъ указывать на недостатки его управленія, онъ, вмѣсто объясненій, броситъ въ лицо палатѣ свой портфель, тогда какъ ей нужно исправленіе оплошностей. Положеніе и кабинетъ спасъ Дюпюи. Онъ сказалъ палатѣ съ трибуны: «Чего вы хотите? чтобы изобрѣтатели, работы которыхъ могутъ интересовать народную оборону, находили свободный доступъ въ военное министерство. И мы желаемъ того же самаго. Зачѣмъ же изъ-за однихъ словъ волновать страну? Оплошность, промахи были сдѣланы, военный министръ не можетъ въ нихъ сознаться, но и онъ, и всѣ мы позаботимся, чтобы впредь этого не случалось». Эти прямыя, откровенныя слова произвели прекрасное впечатлѣніе. Никогда французскіе премьеры—да и одни ли французскіе?—не говорили такой правды палатѣ, тотчасъ же перешедшей на сторону Дюпюи. Вмѣсто надутыхъ, громкихъ фразъ о патріотизмѣ, довѣріи, отечествѣ, сказано было только то, что̀ всегда слѣдовало говорить для предупрежденія министерскихъ кризисовъ. Но, видно, правду также рѣдко можно найти въ палатѣ и въ министерствахъ, какъ и вообще въ жизни.

Побѣда, одержанная Дюпюи, тѣмъ замѣчательнѣе, что на него яростно нападалъ Гоблэ, обвинявшій кабинетъ въ томъ, что онъ составленъ изъ меньшинства и программа его двусмысленна, а самъ премьеръ закрылъ биржу труда, вошелъ въ сношенія съ Ватиканомъ, поддерживалъ монархистовъ. Гоблэ настаивалъ, что новый кабинетъ слѣдовало избрать изъ оппозиціи.—Но вѣдь и обратились сначала къ ея вожакамъ, а они отказались, замѣтили ему.—Да, но неизвѣстно, на какихъ условіяхъ предлагали имъ составить министерство,—твердилъ радикалъ. Тогда Бриссонъ и Буржуа объявили, что имъ не предлагали никакихъ условій, а они сами не нашли возможнымъ сформировать кабинетъ.—Но дѣятели нашей партіи,—не унимался Гоблэ,—не ограничиваются господами Буржуа и Бриссономъ: можно было обратиться и къ другимъ лицамъ.—Напримѣръ, къ г. Гоблэ,—кричатъ ему съ разныхъ сторонъ. Онъ желтѣетъ отъ злости и начинаетъ уже

просто браниться, называя кабинетъ незаконнымъ, призывая на него негодованіе страны и громы палаты. И вся эта жалкая комедія называется парламентскимъ правленіемъ!

Значительно приличнѣе и сдержаннѣе вела себя палата во время преній по договору съ Конго и по дѣлу Галиффэ. Договоръ Англіи съ Бельгіей, по разграниченію земель въ центральной Африкѣ, принадлежитъ къ числу наглыхъ продѣлокъ англичанъ, захватывающихъ вездѣ, гдѣ можно, чужія владѣнія. Прибравъ къ своимъ рукамъ Египетъ, овладѣвъ огромными пространствами земли во внутренней Африкѣ, Угандѣ, у озера Ніанза, Англія задумала соединить свои сѣверо-африканскія владѣнія съ южными и открыть себѣ широкую дорогу черезъ всю часть свѣта, отъ Египта до мыса Доброй Надежды. Этому грандіозному плану мѣшало только независимое и нейтральное государство Конго, сочиненное еще Бисмаркомъ,—чтобы разграничить во внутренней Африкѣ нѣмецкіе и англійскіе интересы,—и отданное во владѣніе Бельгіи, неизвѣстно за какія заслуги и услуги. Но вѣдь что создалъ опальный канцлеръ, могли пересочинить англичане, и плодомъ ихъ измышленій явился неожиданно договоръ съ королемъ Леопольдомъ, предоставлявшимъ Англіи на территоріи Конго хотя не широкую полосу земли, но соединявшую сѣверныя земли сосѣдей съ южными; за это бельгійцамъ была великодушно уступлена Экваторіальная провинція, всегда принадлежавшая Египту. Правда, въ послѣднее время, когда изъ нея Стенли насильно увезъ Эмина-пашу въ Лондонъ, а упрямый нѣмецъ, вернувшись назадъ, былъ убитъ махдистами, въ провинціи водворились неурядицы и безначаліе, но отъ этого ходивъ не терялъ на нее своихъ правъ. Не церемонилась Англія, при новой дѣлежкѣ, и съ другими землями, и, чтобы задобрить Италію, любезно предложила ей провинцію Харраръ, всегда принадлежавшую Абиссиніи. Этотъ новый грабежъ обставленъ былъ, однако, легальными формами: Англія не присвоила себѣ, а только «арендовала» землю въ Конго, заключивъ обыкновенное фермерское условіе, и такимъ же образомъ отдала въ аренду королю Леопольду «кусокъ земли» на верховьяхъ Нила. Такой нахальный захватъ взволновалъ Францію и Германію, и даже Турція заявила офиціальный протестъ противъ державы, устроившей себѣ прямое сообщеніе между Александріей и Капштадтомъ, по собственной территоріи. Сначала, какъ всегда, англійская печать отнеслась съ пренебреженіемъ къ заявленіямъ Германіи и Франціи, но послѣ преній въ парижской палатѣ—сильно сбавила тонъ и объявила, что готова начать переговоры по «недоразумѣніямъ» въ Конго. Министръ иностранныхъ дѣлъ Ганотò произнесъ демонстративную рѣчь, сильно подѣйствовавшую на депутатовъ и на всю европейскую публику. Онъ прямо объявилъ, что Франція не признаётъ англійскаго договора съ Леопольдомъ и будетъ отстаивать свои права, а такъ какъ бельгійскія войска устраиваютъ уже укрѣпленія на чужой землѣ, то въ Конго

отправлены французскіе отряды, чтобы уничтожить эти форты. Прошло время, когда французы, чтобы не раздражать Италіи, принимались палить изъ пушекъ въ русскихъ женщинъ и дѣтей, сопутствовавшихъ Ашинову, а чтобы не огорчать англичанъ—пустили ихъ хозяйничать въ Египетъ, откуда они давятъ и французскія колоніи. «По счастью,—говорилъ Делафосъ,—министръ не увѣрялъ насъ, что исполнитъ свой долгъ передъ отечествомъ, а объявилъ прямо, что насъ обманулъ Леопольдъ и оставила въ дуракахъ Англія, но ей стоитъ только показать зубы, и она подожметъ хвостъ». Палата прямо назвала конгскій договоръ мошенническою продѣлкой.

Почти съ мѣсяцъ въ Парижѣ и за границею шла оживленная полемика по поводу напечатанной въ газетѣ «Фигаро» бесѣды съ выдающимся французскимъ генераломъ о разоруженіи. Статья была причиною бурной сцены въ парламентѣ. Генералъ говорилъ въ газетѣ, «что разоруженіе выгодно для Франціи, что демократическо-парламентское правительство и войско—двѣ вещи несовмѣстимыя, а вооруженный народъ — утопія. Немыслимо, чтобы интеллигентный гражданинъ, одаренный свободною волею, вдругъ превратился въ пассивнаго солдата, слѣпо повинующагося начальству. Демократы боятся не столько непріятеля, какъ своихъ военныхъ вождей, и какъ только одинъ изъ нихъ возвышается, его тотчасъ же устраняютъ. Но власть вождя уважается передъ непріятелемъ только въ томъ случаѣ, если ее боялись въ казармахъ. Вспыхни война, мы будемъ болѣе тревожиться о томъ, что у насъ творится въ тылу, чѣмъ о томъ, что намъ предстоитъ съ фронта. На войнѣ бываютъ случаи, когда необходимо пожертвовать, напримѣръ, правымъ крыломъ, чтобы обезпечить побѣду въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ. Но въ нашемъ отечествѣ, странѣ болтуновъ, противъ главнокомандующаго, рѣшившагося пожертвовать своимъ генераломъ, всѣ разразятся страшнымъ воплемъ. Въ Германіи дѣло обстоитъ иначе—это страна военной іерархіи, гдѣ военные пользуются большимъ почетомъ. Тамъ умѣютъ поддерживать военный духъ, и вотъ почему Пруссіи удалось образовать національную армію. Она можетъ вторгнуться въ наши предѣлы неожиданно, по волѣ императора, а у насъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, начнутся пренія. Война, въ томъ видѣ, какъ ее опасаются, врядъ ли возможна: она будетъ равносильна пріостановкѣ всякой жизненной дѣятельности; въ обоихъ государствахъ не достанетъ ни хлѣба, ни лошадей, ни промышленности, ни перевозочныхъ средствъ».

Какъ ни сдержанны выраженія этого защитника разоруженія, но ихъ все таки не слѣдовало высказывать «генералу, командующему арміей». Поэтому не мудрено, что по поводу ихъ радикалы подняли запросъ въ палатѣ. Генерала обвинялъ Паскаль Груссэ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ парижской комуны. Онъ не называлъ виновника, но говорилъ, что это «извѣстный честолюбивый генералъ, который, зная, что во внѣшней

войнѣ онъ не будетъ играть роли, желаетъ войны междоусобной». Перье возразилъ, что никакому французскому генералу не придутъ въ голову подобныя мысли; но Груссэ указалъ, что подобныя идеи изложены въ англійской печати Чарльзомъ Дильке, послѣ того какъ на маневрахъ онъ былъ цѣлую недѣлю гостемъ этого генерала. Да точно такія же мысли высказалъ Рейнахъ, въ статьѣ о маневрахъ въ «Revue des deux mondes». Этотъ депутатъ, не имѣвшій настолько такта, чтобы оставить хоть на время политическое поприще, когда застрѣлился его тесть, обворовавшій панамское общество, началъ защищать себя, суясь всюду впередъ съ обычнымъ еврейскимъ нахальствомъ, хотя депутаты кричали ему, показывая кулаки: «Панама! Панама»! и увѣрялъ, что въ его статьѣ—объ арміи говорится съ уваженіемъ, тогда какъ генералъ оскорбляетъ ее. Но изъ словъ жида видно было, что авторъ статьи—Галиффэ, храбро дравшійся въ Седанѣ, но еще храбрѣе истреблявшій комунаровъ послѣ взятія Парижа версальцами. Груссэ не называлъ однако этого имени, предлагая высказать его передъ судомъ. Военный министръ, конечно, возражалъ, что никогда ни одинъ генералъ не можетъ писать ничего подобнаго. Всѣ инсинуаціи Груссэ были отвергнуты палатою.

Послѣ парижскихъ, лондонскихъ и испанскихъ анархистовъ, болѣе серьезные динамитные взрывы произошли въ Люттихѣ. Тамъ виновникомъ всѣхъ покушеній явился русскій анархистъ, располагавшій большими суммами и называвшій себя барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Онъ обѣщалъ арестованному анархисту Миллеру 500 франковъ, если тотъ броситъ бомбу въ Grand-Café, гдѣ собирается много публики, или въ церковь св. Павла, во время вечерней службы. Миллеръ однако побоялся исполнить это, но, не желая потерять 500 франковъ, бросилъ бомбу у подъѣзда дома, гдѣ жилъ членъ суда. Бомба произвела большія опустошенія. Этотъ русскій баронъ—лицо довольно загадочное, сыплетъ деньгами и анархистскими прокламаціями. Въ Люттихѣ же убѣдились въ существованіи международнаго анархистскаго союза. Унгернъ-Штернбергъ бѣжалъ въ Амстердамъ, но былъ въ Парижѣ во время покушенія въ ресторанѣ Файе. Арестовали только его любовницу, Марешаль, и анархиста Гошъ, у котораго при обыскѣ квартиры найдено духовное завѣщаніе. Все свое состояніе, болѣе 300 тысячъ франковъ, онъ отказалъ для цѣлей пропаганды анархисту Граву, также арестованному. 24-хъ лѣтній Гошъ получилъ университетское образованіе и хорошій скульпторъ на деревѣ, но сдѣлался человѣконенавистникомъ, потому что онъ—заика. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ выдавалъ себя въ Базелѣ за сына русскаго генерала, но въ студенты не поступалъ; въ Базелѣ видѣли въ немъ агента-подстрекателя. На сходкѣ въ Парижѣ, по словамъ Миллера, этотъ баронъ получилъ отъ Гоша 30 тысячъ франковъ, чтобы руководить взрывами, но издержалъ на нихъ только 2 тысячи, а остальныя деньги прогулялъ съ дамами. Баронъ получалъ еже-

мѣсячно 400 франковъ отъ «Ліонскаго кредита». Ему посылали также деньги изъ Парижа, Лондона и Испаніи. Вообще это участіе состоятельныхъ лицъ въ анархистскомъ движеніи любопытно. Въ Парижѣ взятъ богатый чиновникъ военнаго министерства Фенеонъ: въ его бюро, въ министерствѣ, найдены всѣ принадлежности взрывчатыхъ составовъ бомбъ, хранившіяся прежде у Анри и украденныя изъ его квартиры, когда онъ былъ взятъ. Это все такіе же снаряды, какіе найдены при всѣхъ послѣднихъ взрывахъ.

Послѣ анархистовъ, негодованіе французовъ продолжаютъ возбуждать жиды. За Рейнахомъ, осмѣяннымъ въ палатѣ, поднялись крики въ печати противъ извѣстнаго банкира Эфрусси по поводу скачекъ въ Шантильи. Лошадь его, за двѣ недѣли до скачекъ, участвовала на другомъ ипподромѣ и пришла послѣднею. Спортсмены поэтому зачислили ее въ негодныя клячи и никто не держалъ за нее пари, но оказалось, что она получила первый призъ и за нее тотализаторъ выдавалъ за 10 франковъ—222. Въ этомъ увидѣли явный признакъ мошенничества и толпа бросилась къ судейской трибунѣ съ крикомъ: «воръ, плутъ, грабитель»! Видя поднятыя палки, Эфрусси долженъ былъ бѣжать, а газеты потребовали, чтобы наряжено было формальное слѣдствіе. При этомъ онѣ заодно припомнили, какъ этотъ жидъ недавно надулъ извѣстнаго маркиза де-Бретёйль, посовѣтовавъ ему принять участіе въ хлѣбной операціи, противъ которой въ то же время самъ жидъ орудовалъ на биржѣ и выигралъ милліонъ, а Бретёйль потерялъ 600,000 фр. Маркизъ послалъ къ нему секундантовъ, но банкиръ предложилъ пожертвовать свой выигрышъ — въ пользу бѣдныхъ. Его за это выключили изъ аристократическаго клуба и теперь изгоняютъ изо всѣхъ ипподромовъ. Но не пора ли, наконецъ, закрыть и самый тотализаторъ, дающій возможность совершать самыя наглыя мошенничества?

Едва успѣлъ марокскій султанъ подписать мирный договоръ съ Испаніей, не успѣвшей еще получить и перваго взноса контрибуціи за военныя издержки, какъ уже отправился скоропостижно въ магометовъ рай, куда имѣютъ обыкновеніе тотчасъ же удаляться всѣ правовѣрные властители, которыми недовольны ихъ подданные. Смерть Мулей-Гассана была неожиданностью только для европейцевъ. Султанъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ силъ, послѣ 20 лѣтняго царствованія, почти все время проведеннаго въ подавленіи мятежей разныхъ племенъ, населяющихъ его обширныя владѣнія. Нельзя сказать, чтобы онъ очень гуманно относился къ мятежникамъ, возстававшимъ въ разныхъ концахъ имперіи, но они и не проявляли претензій на милостивое отношеніе къ нимъ султана, которому самъ Аллахъ отдалъ въ безконтрольную власть жизнь и имущество его подданныхъ. Таково предопредѣленіе—и противъ него не думаетъ возставать ни одинъ мусульманинъ. Но пока «тѣнь Аллаха» рубила головы правовѣрнымъ, они находили это естественнымъ, а когда султанъ началъ дѣ-

лать уступки гяурамъ, этого не перенесли изувѣры и избавились отъ султана общепринятымъ на востокѣ способомъ. Мулей-Гассанъ вообще былъ здоровъ, хотя съ нимъ по временамъ случились припадки падучей болѣзни. У него служили два доктора-европейца, но оба они были въ отпуску, когда онъ отправился съ десятитысячнымъ корпусомъ принудить два непокорныхъ племени уплатить налоги. Два съ половиной мѣсяца назадъ умерла его кормилица, всегда готовившая ему пищу. На походѣ онъ немного захворалъ, но, почувствовавъ себя легче, велѣлъ готовиться къ выступленію, вышелъ изъ шатра, крикнулъ подать себѣ коня, но ему сдѣлалось дурно; онъ упалъ и, отнесенный въ палатку, умеръ. Народу и войску объявили, что султанъ скончался отъ апоплексическаго удара, назначивъ своимъ преемникомъ младшаго 19-лѣтняго сына Абдулъ-Азиса, тогда какъ до послѣдняго времени считался наслѣдникомъ старшій сынъ, 26-ти лѣтъ. Но султанъ имѣетъ право передать власть любому изъ своихъ дѣтей или родственниковъ. Тѣло вскрыто не было и еще въ тотъ же день, передъ заходомъ солнца, предано землѣ. Франція, Англія и Испанія признали Абдулъ-Азиса, но старшій сынъ протестовалъ, и еще двое дядей и одинъ братъ покойнаго заявили претензіи на престолъ. Междоусобіе можетъ быть очень опасно для страны, независимость которой поддерживалась до сихъ поръ—междоусобіемъ европейскихъ державъ, давно уже разсчитывающихъ овладѣть этой богатой провинціей въ верхней Африкѣ въ 440,000 кв. миль, не считая огромныхъ пустынь, и съ восьмью милліонами жителей. Англія давно уже точитъ зубы на Тангеръ, разсчитывая сдѣлать изъ этого порта, лежащаго противъ Гибралтара, еще болѣе неприступный фортъ, чтобы окончательно захватить въ свои руки входъ въ Средиземное море. Франція уже почти совершенно присвоила себѣ оазисъ Туатъ. Испанія только и думаетъ о томъ, какъ бы ей распространить по берегу Рифа свои владѣнія отъ принадлежащей ей колоніи Мелилла, куда еще недавно отправлена была вся испанская армія, не сдѣлавшая ни одного выстрѣла противъ мятежныхъ кабиловъ и потребовавшая контрибуціи за военныя издержки.

Вспыхнуло возстаніе и въ Манджуріи, что̀ можетъ имѣть для насъ важное политическое значеніе, такъ какъ провинція эта граничитъ съ нашими областями: Забайкальскою, Амурскою и Приморскою на протяженіи не менѣе 2,000 верстъ, и сѣверо-восточный уголъ границы отъ Владивостока до Хабаровска, на протяженіи 600 верстъ, отдѣленъ лишь узкою полосою отъ выстроеннаго уже участка Сибирской желѣзной дороги. Населеніе Манджуріи не велико: всего 10—12 милліоновъ вмѣстѣ съ китайскими переселенцами, но о колонизаціи провинціи заботится очень—и не столько въ экономическомъ, сколько въ политическомъ отношеніи—манджурская династія, управляющая Китаемъ. Манджуры, какъ аристократическое племя, относятся свысока къ китайцамъ, но поддерживаютъ полез-

ныхъ имъ поселенцевъ, противъ которыхъ возстаютъ монголы изъ-за поземельныхъ споровъ. Монголы, всего въ концѣ XVI вѣка потерявшіе послѣ государственнаго переворота власть въ Китаѣ, все еще не теряютъ надежды опять подчинить себѣ Срединную имперію и отъ этого происходятъ тамъ постоянныя возмущенія. Разростется ли возникшее возстаніе,—покажетъ близкое будущее. Въ Кореѣ тоже поднялся мятежъ, король бѣжалъ изъ столицы и просилъ помощи у китайцевъ, отправившихъ въ Сеулъ флотъ и армію. Тоже сдѣлали, хотя ихъ никто объ этомъ не просилъ, и японцы, заявляющіе свои права на Корею... «Опять горитъ востокъ»...

Но всѣ эти событія блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что произошло въ концѣ мѣсяца во Франціи. Убійство главы республики Карно и избраніе новаго президента—факты такого серьезнаго значенія, что ихъ слѣдуетъ изложить подробно, что̀ мы и отлагаемъ до будущаго мѣсяца.

НОВЫЯ КНИГИ.

Собраніе сочиненій *И. Д. Ахшарумова*. Томъ I. Повѣсти и разсказы. Спб. 1894 г.

Намъ не придется много говорить о первомъ томѣ собранія сочиненій даровитаго писателя, какъ потому, что двѣ самыхъ большихъ и лучшихъ повѣсти въ этой книгѣ были уже въ свое время напечатаны въ нашемъ журналѣ и, конечно, памятны читателямъ, такъ и потому, что имя И. Д. Ахшарумова хотя менѣе извѣстно, чѣмъ имя его покойнаго брата, Н. Д. Ахшарумова, но все же не нуждается въ рекомендаціи. Три разсказа и двѣ повѣсти производятъ очень хорошее впечатлѣніе, какъ по темамъ, легшимъ въ ихъ основу, такъ и по замѣчательно-обработанной литературной формѣ. Особое вниманіе останавливаетъ на себѣ повѣсть: «Семейство Брызгаловыхъ». Здѣсь авторъ выводитъ чиновничью семью, немилосердно преслѣдуемую судьбой. Жила себѣ эта семья тихо, мирно, кое-какъ сводя концы съ концами, не зная настоящей нужды, потому что жила она чрезвычайно скромно. Но вотъ главу семейства, служащаго въ какомъ-то департаментѣ, оставляютъ за штатомъ, съ крошечной пенсіей. Семья начинаетъ быстро опускаться: приходится бросать небольшую, уютную квартирку и перебираться въ двѣ крохотныя, жалкія каморки, гдѣ-то на Пескахъ, на второмъ дворѣ, въ четвертомъ этажѣ; старшая дочь, не кончивъ ученья, принуждена взять первое попавшееся мѣсто бонны въ одной богатой семьѣ, въ отъѣздъ, и покидаетъ родныхъ, уѣзжая далеко отъ близкихъ, далеко отъ надзора любящей матери; старшій мальчикъ, за неплатежъ, долженъ выйти изъ гимназіи, но, благодаря неимовѣрнымъ хлопотамъ матери, кое-какъ опредѣляется на казенный счетъ въ ремесленное училище. Нужда въ домѣ растетъ: все продано или заложено. Отецъ, безхарактерный, безличный человѣчекъ, находящійся подъ вліяніемъ жены, выбивается изъ силъ, ища занятій, и продолжаетъ ежедневно посѣщать мѣсто своей прежней службы. Во время одной изъ такихъ прогулокъ, онъ встрѣчаетъ товарища по несчастью; они заходятъ въ кабачокъ—забыться за рюмкой водки. Съ этого дня все, что̀ уцѣлѣло въ домѣ, тащится въ кабакъ. Мать, сильная натура, превосходно изображенная авторомъ въ цѣльномъ художественномъ образѣ, энергично борется съ безпощадными ударами судьбы, которой, повидимому, все еще

мало и которая продолжаетъ наносить семьѣ безпощадные удары. Изъ провинціи возвращается обольщенная дочь съ незаконнымъ ребенкомъ, котораго мать, послѣ недолгихъ колебаній, принимаетъ вмѣстѣ съ согрѣшившей дочерью въ семью. Съ водвореніемъ ребенка семья оживаетъ; обольститель присылаетъ 3,000 р. на воспитаніе дитяти; старикъ Брызгаловъ перестаетъ пить; сынъ его опять опредѣленъ въ гимназію; у дочери появляется женихъ, идеальный юноша, беззавѣтно полюбившій бѣдную Соню. Но судьбѣ не хочется выпустить изъ своихъ цѣпкихъ когтей намѣченныя ею жертвы. За двѣ недѣли до свадьбы, Соня убѣгаетъ, бросаетъ жениха и ребенка, и уходитъ къ своей «первой любви». Кончается повѣсть тѣмъ, что брошенная Соня вновь возвращается въ лоно семьи, дошедшей до послѣдней степени обнищанья и разложенія. Старый чиновникъ пьетъ, и при этомъ колотитъ свою мученицу-жену, которая вскорѣ умираетъ. Соня продается купцу, а затѣмъ переходитъ изъ рукъ въ руки, чтобы прокормить пьяницу отца и братьевъ (сынъ ея умеръ). Свою печальную карьеру она кончаетъ на Невскомъ и умираетъ отъ чахотки въ больницѣ. Незадолго передъ смертью, она встрѣчаетъ своего бывшаго жениха, все простившаго и все забывшаго; но ей больше ничего не нужно и она умоляетъ его только не покидать отца и братьевъ.

Такова несложная фабула «Семейства Брызгаловыхъ». Но по этой простой канвѣ написаны авторомъ строго-выдержанные цѣльные типы, хотя Софья и Ипатовъ (ея женихъ) нѣсколько приподняты и идеализированы. Духъ какого-то трагическаго фатума, тяготѣющаго надъ несчастной семьей, художественно изображенъ романистомъ, и въ каждомъ новомъ несчастьѣ Брызгаловыхъ, въ каждомъ новомъ ударѣ, въ каждой новой неожиданности читатель чувствуетъ, почти ощущаетъ присутствіе и вліяніе этого невидимаго, злобнаго рока. Но вѣрности художественнаго рисунка этотъ фатумъ нисколько не мѣшаетъ.

Съ тѣмъ же искусствомъ написаны и другіе разсказы въ этомъ интересномъ сборникѣ.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. *Проф. Н. Карѣева*, С.-Петербургъ, 1893 г.

Передъ нами лежитъ не такъ давно вышедшая книга проф. Карѣева, заглавіе которой мы выписали выше. Какъ видно изъ предисловія, авторъ желалъ въ настоящей работѣ дать краткое резюмэ общей исторіи запада отъ конца крестовыхъ походовъ до французской революціи. Въ своемъ резюмэ проф. Карѣевъ собралъ только наиболѣе существенное въ этой исторіи, подробному изложенію которой онъ посвятилъ три раньше изданныхъ тома «Исторіи западной Европы въ новое время». Настоящей работой авторъ желалъ, съ одной стороны, облегчить пользованіе тремя изданными уже томами, а съ другой—составить общее введе-

ніе въ исторію XIX вѣка. Въ самыхъ общихъ чертахъ мы постараемся передать тѣ выводы, къ которымъ приходитъ почтенный авторъ, отсылая ищущихъ болѣе подробнаго ознакомленія—къ самой книгѣ.

Кромѣ исторіи отдѣльныхъ западно-европейскихъ народовъ, можно обосновать еще исторію западной Европы, какъ единаго, цѣлаго и самостоятельнаго міра, ибо основныя свойства главныхъ явленій въ исторіи этихъ народовъ были общими для всѣхъ нихъ. Эта общность основныхъ свойствъ явленій наложила и общую печать на всѣ народы западной Европы, объединивъ ихъ духовно и тѣмъ самымъ создавъ особый западно-европейскій типъ общества, культурное и соціальное развитіе котораго давно идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ. И въ дѣйствительности, при всемъ разнообразіи естественныхъ условій, политической организаціи и этнографическихъ свойствъ европейскихъ народовъ, западная Европа живетъ общей жизнью, являясь отдѣльнымъ культурнымъ міромъ, вслѣдствіе чего и развитіе составляющихъ ее народовъ идетъ по параллельнымъ историческимъ путямъ. Это единство въ культурномъ и соціальномъ развитіи всѣхъ западно-европейскихъ народовъ не стираетъ однако тѣхъ индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ нихъ, въ силу которыхъ замѣчается и большое разнообразіе въ ихъ исторіи, создающееся подъ вліяніемъ различныхъ условій матеріальной среды и разнородныхъ этнографическихъ свойствъ отдѣльныхъ племенъ. Посмотримъ же, въ чемъ заключаются основныя черты западно-европейской культуры?

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи запада являются возрожденіе и реформація, положившія начало тому новому духовному движенію, которое создало современную цивилизацію и объединило всѣ народы Европы. Съ этого времени народилась личность, сознательно противопоставившая свое *я* внѣшнему міру и потребовавшая преобразованія жизни на новыхъ началахъ. Постепеннымъ ростомъ человѣческой личности и ея борьбой съ враждебными ея развитію элементами исчерпывается главная сущность новой исторіи западной Европы. Эта исторія начинается вмѣстѣ съ появленіемъ на историческомъ поприщѣ человѣческой личности, которая, не удовлетворяясь традиціоннымъ рѣшеніемъ вопросовъ мысли и жизни, ищетъ новыхъ отвѣтовъ на эти вопросы, протестуетъ противъ несовершенствъ и злоупотребленій во имя лично-сознанной высшей правды, борется за свои естественныя права и человѣческое достоинство, подавляемыя и отрицаемыя унаслѣдованными культурно-соціальными формами, стремится къ цѣлесообразному измѣненію этихъ формъ и расширяетъ, наконецъ, свою дѣятельность активнымъ вмѣшательствомъ въ ходъ исторіи. Выдающаяся роль, какую личность играетъ въ культурной и соціальной жизни, заключается въ сознательной переработкѣ человѣкомъ духовныхъ и общественныхъ условій его собственнаго существованія, и исторія новаго времени является исторіею выработки новыхъ

теоретическихъ идей,—религіозныхъ и естественно-научныхъ, — моральныхъ и соціальныхъ принциповъ, исторіей практическаго разрѣшенія личностью общественныхъ вопросовъ. Въ великихъ движеніяхъ новаго времени—въ возрожденіи, реформаціи, революціи — духовныя стремленія личности проявлялись въ работѣ надъ новымъ міросозерцаніемъ, въ жаждѣ новыхъ основъ существованія, въ желаніи пріобрѣсти свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова. Это участіе личной мысли въ культурно-соціальномъ развитіи запада является той общей почвой, на которой сходятся всѣ европейскіе народы,—вотъ почему возможно обоснованіе самостоятельной исторіи западной Европы, какъ отдѣльнаго культурнаго міра, развивающагося по однимъ и тѣмъ же законамъ. Вслѣдствіе такихъ именно свойствъ западно-европейской цивилизаціи, степень соціальнаго и культурнаго развитія отдѣльнаго европейскаго народа измѣряется положеніемъ въ немъ человѣческой личности, такъ какъ чѣмъ ниже культурный уровень и чѣмъ несовершеннѣе соціальная организація, тѣмъ менѣе правъ дается личности, тѣмъ менѣе личность способна проявлять себя самостоятельно и самобытно, тѣмъ менѣе средствъ дается ей обществомъ для ея развитія и наоборотъ. Такимъ образомъ, высокое развитіе личности, критическое ея отношеніе ко всему, духъ изслѣдованія, исканіе наилучшихъ формъ общежитія, которыя обезпечивали бы свободное дѣйствіе ума—характеристическія черты современнаго западно-европейскаго міра — являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, признакомъ культурнаго и соціальнаго прогресса каждой изъ европейскихъ странъ. Давъ такое общее представленіе о свойствахъ европейской цивилизаціи и обосновавъ теоретическое пониманіе новой западно-европейской исторіи, почтенный авторъ переходитъ затѣмъ къ изложенію тѣхъ путей, коими шло культурное и соціальное развитіе запада въ теченіе пяти вѣковъ.

Съ натуры, разсказы *И. Салова*. Москва, 1893 г.

И. Саловъ. Уютный уголокъ. Изданіе журнала «Артистъ». Москва.

Г. Саловъ пишетъ уже давно, и его разсказы охотно печатаются въ журналахъ и читаются публикою. Появлялся онъ не безъ успѣха и на нашихъ сценахъ, и вообще его беллетристическая дѣятельность заслуживаетъ вниманія. Большой романъ его въ 285 страницъ изданъ въ 12-ую долю съ виньетками, можетъ быть, и «артистическими», но нисколько не художественными и не замѣчательными. Содержаніе его не замысловато, хотя жизненно и естественно. На маленькомъ хуторѣ, въ глухой мѣстности южной Россіи, живетъ одинокій, еще не старый помѣщикъ, простой и добродушный, бывшій военный. Хуторъ этотъ достался ему по наслѣдству, и онъ поселился въ немъ, очень довольный своимъ положеніемъ, не гоняясь за большимъ, не выписывая газетъ, не входя ни съ кѣмъ въ сношенія, кромѣ близкихъ сосѣдей. У него апетитная, красивая экономка, и самъ онъ человѣкъ здоровый, только страдаетъ ожиреніемъ и лѣчится

тѣмъ, что колетъ дрова и ѣздитъ верхомъ—чаще всего къ сосѣдкѣ, хорошенькой вдовѣ, къ которой онъ очень неравнодушенъ, но не рѣшается сдѣлать признанія, по слабости характера и боясь отказа. Къ этому помѣщику Колотуеву пріѣзжаетъ школьный и полковой товарищъ Брянскій, оказывающійся, съ первыхъ же сценъ, порядочнымъ пройдохой, шалопаемъ и негодяемъ. Онъ прошелъ сквозь огонь и мѣдныя трубы, съ тѣхъ поръ какъ разстался съ пріятелемъ; былъ и адвокатомъ, былъ банковскимъ и земскимъ дѣльцомъ, даже актеромъ, хотя въ послѣднемъ званіи не хочетъ признаться. И всѣ свои занятія онъ оставлялъ вслѣдствіе разныхъ «непріятностей». Понятно, что такой господинъ тотчасъ же осѣдлалъ Колотуева, живетъ на его счетъ, обираетъ его и, узнавъ о его склонности къ вдовѣ-сосѣдкѣ, обѣщаетъ ускорить ихъ свадьбу, отстранивъ экономку. Развязка романа вытекаетъ сама собою изъ этого положенія: ловкій проходимецъ, обладающій еще остатками прежняго блеска и шика, соблазняетъ сначала экономку; потомъ, разсчитавъ, что ему самому выгоднѣе сдѣлаться мужемъ вдовы-сосѣдки и обладателемъ ея деревеньки, увлекаетъ и вдову. Колотуевъ, узнавъ объ ихъ отношеніяхъ, находитъ добродушно, что его пріятель гораздо красивѣе, любезнѣе и потому достойнѣе быть супругомъ. Назначается день свадьбы, но въ деревню является исправникъ и полицейскія власти, знакомыя съ прежними продѣлками пройдохи, замѣшаннаго еще, сверхъ того, въ компрометирующей перепискѣ съ нигилистами. Брянскій застрѣливается, а авторъ обрываетъ свой романъ на этой сценѣ, къ которой напрасно приплелъ нигилизмъ, не имѣющій ничего общаго съ шулерствомъ. Напрасно также, выведя хорошо очерченный типъ доктора, онъ заставляетъ его принять вызовъ Брянскаго на дуэль: съ такими негодяями порядочные люди не дерутся. Очень хорошъ также въ романѣ типъ деревенскаго священника,—человѣка себѣ на умѣ.

Изъ 13-ти разсказовъ сборника: «Съ натуры» лучшіе: «Шублинскій Пироговъ», гдѣ простой мужикъ, когда у его отца оторвало руку шестерней на мельницѣ, вмѣсто того чтобы везти старика въ городъ—и далеко, и не способно—самъ отпиливаетъ острые осколки кости, оставшіеся въ верхней части раны, зашиваетъ кожу, обкладываетъ рану льдомъ, и старикъ выздоравливаетъ безъ хирурговъ и операціи. «Глоты»—картина темныхъ сторонъ нашей деревни, начинающаяся сценой, какъ сѣкутъ по мірскому приговору обожателя красивой жены стараго міроѣда, который потомъ запрягаетъ ее въ телѣгу и ѣздитъ по деревнѣ, издѣваясь надъ несчастной и посадивъ ее затѣмъ на цѣпь. Авторъ приводитъ приговоръ волостнаго суда одной саратовской деревни (1893 г.) въ доказательство того, что подобныя сцены возможны и въ наше время. Высѣченный обожатель освобождаетъ свою возлюбленную, поджигаетъ домъ ея мужа, отчего сгораетъ 50 дворовъ, а самъ вѣшается въ лѣсу.

Жена обвиняетъ себя въ поджогѣ, и ее ссылаютъ въ Сибирь. «Берендѣевская генералъ-майорская школа»—прекрасно обрисовываетъ положеніе сельскихъ школъ, возникавшихъ по капризу самодурствующихъ помѣщиковъ и не имѣвшихъ почвы въ народѣ. Хорошаго учителя мѣстный «батюшка» тотчасъ выживаетъ, чтобы посадить на его мѣсто своего сына, выгнаннаго изъ семинаріи. Очень хорошъ разсказъ о томъ, какъ во время солнечнаго затмѣнія купецъ-помѣщикъ собираетъ къ себѣ на балконъ мужиковъ и, заставляя ихъ смотрѣть въ копченыя стекла, объясняетъ причину явленія, ничего въ немъ не понимая и перевирая. Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ разсказъ о «снохачествѣ» богатаго мужика, доводящаго сына своего до того, что онъ повѣсился. Разсказъ ведется отъ имени автора, все время пьянствующаго у мужика, въ обществѣ двухъ гулящихъ бабъ. Неужели безъ водки и распутства не могутъ обойтись сцены нашей деревенской жизни? Мужики у г. Салова, впрочемъ, вѣрны дѣйствительности и только типы помѣщиковъ искусственны и устарѣли для нашего времени.

Бархатные когти. Романъ въ двухъ частяхъ, *П. Лѣтнева*. Кіевъ. 1893 г.

Въ прошломъ году умерла въ Петербургѣ писательница Прасковья Александровна Лачинова, мало кому извѣстная подъ своимъ настоящимъ именемъ, такъ какъ она печатала свои произведенія подъ псевдонимомъ Лѣтнева. Да и псевдонимъ этотъ пользовался извѣстностью только въ небольшомъ кругу любителей серьезной литературы, и его вовсе не знали поклонники газетнаго борзописанія и модной графоманіи, хотя Лачинова болѣе тридцати лѣтъ честно и усердно работала въ нашей журналистикѣ. Но эта была натура, скрывавшая въ скромной семейной обстановкѣ свое дарованіе, свои знанія и способности, чуждая всякихъ рекламъ и барышничества печатнымъ словомъ. «Наблюдатель»,—не разъ помѣщавшій ея произведенія,—послѣ ея смерти, далъ оцѣнку этой талантливой писательницы и рѣдкой женщины. Кіевскій книгопродавецъ началъ издавать ея романы, но остановился на первомъ выпускѣ «Бархатныхъ когтей», по собственнымъ ли разсчетамъ, или не надѣясь найти въ публикѣ поддержку своему предпріятію. А между тѣмъ оно стоило того, чтобы остаться въ исторіи современной русской литературы. Лачинова никогда не собирала своихъ разсказовъ, но ихъ, конечно, будутъ читать еще долго послѣ того, когда забудутся сборники твореній борзописцевъ, торопящихся, для назиданія потомства, втиснуть въ объемистые томы весь хламъ, которымъ наполняются ежедневные листки и еженедѣльныя илюстрированныя изданія «съ приложеніями». Романъ, вышедшій теперь отдѣльною книгою въ 250 стр., съ біографіей автора, замѣчателенъ по мысли и по исполненію. Типъ дѣвушки, «искаяй, кого поглотити» изъ жениховъ, и кто изъ нихъ на поглощеніе будетъ болѣе удобнымъ въ роли мужа—не новъ въ нашей беллетристикѣ, но

характеръ Мельковой, подготовляющей себѣ мужа въ Аткаровѣ, еще при жизни его чахоточной жены и въ виду опасной соперницы, оригиналенъ, задуманъ удачно и очерченъ съ большимъ знаніемъ человѣческаго и особенно женскаго сердца. Орудіе для пріобрѣтенія выгоднаго мужа у Мельковой только одно—ея красота, и, чтобы забрать его въ свои «бархатные когти», нужно большое искусство и такіе тонкіе дипломатическіе пріемы, о какихъ никогда и понятія не имѣли никакія канцеляріи посольствъ и министерствъ иностранныхъ дѣлъ. И надо отдать справедливость Мельковой: когти свои она запускаетъ въ Аткарова такъ нѣжно, что захваты ихъ почти нечувствительны для такой рыхлой, неустойчивой натуры, какъ ея будущій мужъ. Въ женскихъ романахъ настоящіе и будущіе мужья выводятся, какъ извѣстно, слабѣе и податливѣе жонъ, но Аткаровъ, не смотря на его кисельную безхарактерность, все таки одумывается въ послѣднюю рѣшительную минуту и спасается отъ нѣжныхъ когтей подъ защиту другой дѣвушки Дины, подруги дѣтства, черезчуръ уже идеализированной авторомъ. Вообще развязка романа несовсѣмъ естественна, и давно любившія другъ друга лица могли бы давно объясниться. Въ отношеніи къ Мельковой и Динѣ герой остается все той же размазней, какъ и въ теченіе всей исторіи. Но другія—второстепенныя—лица романа вполнѣ жизненны и натуральны: жена Аткарова, мать Мельковой, сосѣдъ Бахметьевъ, вѣчно ссорящійся съ женою, докторъ. Сцены деревенской жизни набросаны съ полнымъ знаніемъ ея малѣйшихъ подробностей. Разговоры ведены живо, безъ многословія и ненужныхъ отступленій. Авторъ не старается поразить глубокомысленными размышленіями; почти нѣтъ вовсе описанія картинъ природы. Въ тонкій психическій анализъ Лачинова не пускается, народныхъ сценъ не рисуетъ; она говоритъ только о томъ, что знаетъ, что хорошо изучила и подмѣтила. И мы должны быть благодарны ей, что она сохранила свои замѣтки для литературы. Своеобразная, замкнутая въ себѣ натура ея, довольная своимъ положеніемъ, очень скромнымъ, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, при тяжкихъ потеряхъ—высказалась вся въ ея произведеніяхъ, изученіе которыхъ можетъ навести читателя на серьезныя мысли...

ФОНОГРАФЪ.

Раки.

Философъ нѣкій у Контана,
Съѣвъ раковъ à la bordélaise,
Заговорилъ о нихъ нежданно
И въ философію залѣзъ:
«Не раки мы средь дѣлъ практичныхъ,
Но все жь замѣчу я о томъ,
Что съ ними свойствъ аналогичныхъ
Въ себѣ немало мы найдемъ.
Давно питая склонность къ браку,
Найти иной невѣсту радъ,
Но предъ вѣнцомъ, подобно раку,
Нежданно пятится назадъ.
Идя невѣрною дорогой,
Бравурныхъ средствъ упорный врагъ,
Юнецъ передъ красоткой строгой
Краснѣетъ, какъ вареный ракъ,
И удаляется, не зная,
Что дѣву манитъ страсти рѣчь,
Что эта строгость—напускная,
Чтобъ жениха вѣрнѣй завлечь...
Затѣмъ, по тихости движенья
Въ дѣлахъ служебныхъ иногда,
Не тѣ же ль раки, безъ сомнѣнья,
И бюрократы, господа»?..

Хмурый Бардъ.

Бѣлыя ночи.

Сѣвера нашего кроткая дочь,
Нѣги полна и привѣта,
Будитъ безлунная бѣлая ночь
Тайныя грёзы поэта.
Только какія бы пѣсни ни пѣлъ
Намъ онъ про дѣвичьи очи,—
Темныхъ немало свершается дѣлъ
Въ чудныя бѣлыя ночи.

Модный кабакъ. Выставлять свой талантъ
«Дивы» спѣшатъ въ перегонку.
Нѣжности шепчетъ осанистый франтъ
Дѣвушкѣ-полуребенку.
Полныя страсти, ей слушать не въ мочь
Франта слова роковыя...
Въ эту безлунную бѣлую ночь
Пала бѣдняжка впервые...

Сытымъ быть завтра лелѣя мечты,
Въ мѣстности дачной пустынной
Съ вечера сѣлъ оборванецъ въ кусты,
Сѣлъ съ суковатой дубиной,
И, изъ засады не двигаясь прочь,
Жертву слѣдитъ онъ примѣрно—
Въ эту прелестную бѣлую ночь
Кровь здѣсь прольется навѣрно.

Сыну «наказъ» далъ, изъ лавки уйдя
Строгій Китъ-Китычъ на часикъ:
Чтобъ, за родителя кассу блюдя,
Не отлучался саврасикъ.

Что жь? Захвативъ чуть не весь капиталъ,
Радъ отъ души полномочью,—
Мигомъ саврасикъ его промоталъ
Чудною бѣлою ночью...

Наболѣвшій вопросъ.

Пресловутый «питейный» вопросъ
Будитъ въ насъ интересъ съ каждымъ днемъ;
Гдѣ бы только вамъ быть ни пришлось—
Всюду толки ведутся о немъ.
«Борзописцевъ» его цѣлый рой
Разбираетъ и эдакъ, и такъ,
И въ салонахъ beau monde'а порой
Вы услышите слово: «кабакъ».
Вредъ отъ пьянства вполнѣ сознаётъ
Здравомылящихъ масса людей,
Ибо гибнетъ отъ водки народъ
Съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй.
Но не всѣ этотъ вредъ сознаютъ:
Я субъектовъ найду вамъ такихъ,
Что̀ объ этомъ дебаты ведутъ,—
Слово съ дѣломъ не сходно у нихъ.
Вотъ застольный ораторъ: средь насъ
Пьянству рѣчью громо̀вой грозя,
Онъ, въ компаньи веселой, подчасъ
Упивается самъ до-нельзя...
Вотъ другой: къ кабаку такъ жестокъ
Онъ въ рѣчахъ, что вселяетъ въ васъ дрожь!
Ну, а самъ ихъ имѣетъ пятокъ;
Тамъ бѣднякъ на послѣдній пьетъ грошъ...
«Кабаки бы всѣ нужно закрыть»!
Такъ трактирщикъ со мной разсуждалъ:
«Пересталъ бы мужикъ тогда пить»!..
О трактирахъ же онъ умолчалъ.
Ну, понятно: запрутъ кабаки—
И повалитъ въ трактиры народъ...
Это было ему бы съ руки:
Онъ утроилъ бы прежній доходъ...

Слова свѣдущихъ ждемъ мы людей:
Скоро пренія кончатъ они
И собраньемъ разумныхъ «статей»
Удалятъ на грядущіе дни
Этотъ общій повальный недугъ.
Убѣдятъ ли они мужика
Не губить свой короткій досугъ
Въ атмосферѣ гнилой кабака?..

Случайный Поэтъ.

Анахоретъ.

Анахоретъ живетъ въ пустынѣ
Среди пещеръ и дикихъ скалъ.
«Палату» бросивъ, я отнынѣ
Анахоретомъ новымъ сталъ.

Дышу цвѣточнымъ ароматомъ,
Вкушаю медъ и ѣмъ акридъ,
Но что остался я за штатомъ —
Мнѣ не поставятъ здѣсь на видъ.

Въ травѣ росистой, вдоль откоса,
Брожу я тихо надъ холмомъ...
Здѣсь не предложитъ мнѣ вопроса
Никто о званіи моемъ.

Лучамъ луны, зарѣ янтарной
И скромнымъ звѣздамъ нѣтъ причинъ
Смотрѣть въ мой списокъ формулярный
И любопытствовать про чинъ.

В. Шуфъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 7-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева 7
II. Въ мигъ смерти. Стихотвореніе Л. Афанасьева 51
III. Были прошлаго вѣка. И. И. Дубасова. 52
IV. Лурдъ. Романъ Эмиля Золя 66
V. На разсвѣтѣ. Стихотвореніе Ѳ. Э. Ромера 105
VI. Золоченая богема. Романъ В. Свѣтлова. 106
VII. Двѣ системы средняго образованія. Однаго изъ родителей. 167
VIII. Стансы. Стихотвореніе А. Линева. 207
IX. Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, Генри Сетона Мерримена. 208
X. Бездомовье. Повѣсть А. П. Плетнева 270
XI. Изъ былаго. Стихотвореніе И. Никулина 316
XII. Кавказскія минеральныя воды въ 1893 году. (Изъ наблюденій паціента). Н. Щирскаго. 317
XIII. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 328
XIV. Наша музыкальная жизнь. В. С. Баскина. 351

Современное обозрѣніе.

XV. Наши внутреннія дѣла. 1
XVI. Политическая хроника 15
XVII. Новыя книги 29
XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія Хмурова Барда, Случайнаго Поэта, В. Шуфа 36

8546 .1